

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ,
КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ
ЛИЧНОСТИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И АДАПТАЦИЯ»**

17–18 апреля 2025г. (Ереван, Армения)

Ереван
Издательство РАУ
2025

В каждом человеке есть солнце.

Только дайте ему светить.

Сократ

ՌՈՒՄԱՍՏԱՆԻ ԴԱՇՆՈՒԹՅԱՆ
ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԲԱՐՁՐԱԳՈՒՅՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ, ԳԻՏՈՒԹՅԱՆ, ՄՇԱԿՈՒՅԹԻ ԵՎ ՍՊՈՐՏԻ
ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ

ՀԱՅ-ՌՈՒՄԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ

**«ԱՆՁԻ ՀՈԳԵԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻԱԿԱՆ
ՀԱՐՅԵՐ՝ ԻՆՔՆՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԽՆԴԻՐՆԵՐ»
ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ԳԻՏԱ-ԳՈՐԾՆԱԿԱՆ
ՀԱՄԱԺՈՂՈՎԻ ՆՅՈՒԹԵՐԻ ԺՈՂՈՎԱԾՈՒ**

2025թ. ապրիլի 17–18 (Երևան, Հայաստան)

Երևան
ՀՌՀ հրատարակչություն
2025

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И СПОРТА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ
ЛИЧНОСТИ: ИДЕНТИЧНОСТЬ И
АДАПТАЦИЯ»**

17–18 апреля 2025г. (Ереван, Армения)

Ереван
Издательство РАУ
2025

УДК 5(082)
ББК 2я43
В 760

*Печатается по решению Ученого
и Редакционно-Издательского советов РАУ*

Российско-Армянский университет

Институт международных отношений и политических наук (ИМООПН),
Кафедра психологии (РА)

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы (РФ)

Центр социокультурных исследований НИУ «Высшая школа экономики»
(РФ)

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (РФ)

Российская академия образования (Региональный научный центр) (РФ)

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна
(РА)

Союз психологов Армении (РА)

Российский центр науки и культуры в Ереване (РА)

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал (РФ)

Казахский Национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)

Сборник материалов Международной научно-практической
В 760 конференции: «Актуальные вопросы психологии личности:
идентичность и адаптация» 17–18 апреля 2025г. (Ереван, Армения).

УДК 5(082)
ББК 2я43

ISBN 978-9939-67-381-3

© Издательство РАУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Авагимян Г.Р., Григорян З.В. Базовые ценностные ориентации комбатантов и их отношение к смерти	9
Շիֆահինյան Հ., Ստեփանիսյան Լ. Կոմբատանտների կյանքի իմաստի կողմնորոշումների և քոֆինգ ռազմավարությունների սոցիալ-հոգեբանական առանձնահատկությունները	19
Аванесян Г.М., Мурадян М.Д., Папоян С.А. Особенности позиционирования психологических услуг на различных платформах и их восприятие населением	31
Аветисян М.С., Айвазян М.А. Психологические ресурсы как ключевые факторы адаптации личности к трудовой деятельности	41
Акопов Г.В., Акопян Л.С. Модели единства множественных эго-проявлений личности	51
Андреева (Голубева) Н.А., Малышева Я.В. Особенности стиля цифровой идентичности у людей с различным типом вероисповедания	57
Аполлонов И.А. Реальное и виртуальное измерение городской сферы изобразительного искусства: проблемы и перспективы	68
Байер Е.А., Залужная М.В., Арутюнян Р.Л. Результаты исследования <i>SciVal</i> по приоритетным направлениям «благополучие детей-сирот» и «социальный педагог»: вопросы, проблемы, итоги	75
Башкин Е.Б., Чудина Ю.А., Шляхта Д.А., Келарева И.В. Субъективный образ восприятия психологической активности студентов с разной успеваемостью	88
Бжоян Е.А., Амантай Ж.А., Достатняя А.А. Особенности самореализации студентов с разными карьерными ориентациями	99
Берберян А.С. Психическое здоровье и психоэмоциональные состояния личности как факторы социокультурной адаптации	110
Будагян А.С. Исследование трансформации базовых убеждений личности под влиянием травматического опыта	124
Ваганян А.В. Краткий теоретический анализ личности современного учителя	132
Васенин Н.В., Чернышова Е.Л. Психологические особенности общения студенческой молодежи	142
Верстова М.В., Чепелева Л.М. Влияние отцовского воспитания на формирование ценностно-смысловой сферы личности девушек (в полных и неполных семьях)	150
Волк М.И., Каменева Г.Н., Хайтанова О. Удовлетворенность жизнью туркменской и российской молодежи	160
Восканян М.А., Караванова Л.Ж. Проблема профессионального выгорания сотрудников торговой сферы: факторы риска и стратегии профилактики	168

Григорян А.Л., Мартиросян А.В., Мнацаканян Б.Х. Психологические аспекты формирования гибкости у начинающих гимнасток	179
Давтян Е.Н. О терапевтическом повороте и его последствиях	188
Донченко А.В. Сказка как волшебная пиллюля в экстремальной ситуации. Опыт краткосрочной стратегической психотерапии	198
Ерибекян А.А., Альперович В.Д. Особенности представлений армян и русских о мужчинах и женщинах со славянским и кавказским типами внешнего облика	207
Ершова Р.В., Плотников А.Ю. Психологические предикторы стратегий цифрового поведения в социальных сетях	218
Етумян Л.А. Типы переживания и отношение к временной перспективе у женщин с разной выраженностью общей осмысленности жизни	229
Заболотько А.А. Восстановления жизненного смысла личности как механизм изменения личностного смысла	237
Заикин В.А. Моральное функционирование реального субъекта в ситуации принятия групповых моральных решений	245
Зайцев А.Ю., Ордин В.А. Влияние тревоги и тревожности у студентов младших курсов на спортивные результаты в игровых видах спорта	253
Ибрагимова С.З. Диагностика личностных качеств специалистов помогающих профессий	260
Иванова И.В. Факторы и детерминанты экзистенциального выбора взрослеющей личности	267
Иконникова Г.Ю., Фомина Е.С. Адаптация к стрессогенным факторам работников силовых структур	275
Казарян Л. Сравнение степени вовлеченности взрослого населения в интернет-коммуникацию с медиаграмотностью	284
Kateneva G., Jieping Y., Volk M. Social-psychological adaptation of foreign students to studying in Russia	294
Капица А.А., Абакумова И.В., Бадалянц Э.Е., Артеменко Н.А. Ценности, цифровое искусство и образование: исследование студентов медицинского колледжа	300
Кукушкина М.Д. Структура социальных представлений руководителей детского сада о психологической безопасности образовательной среды как основа для принятия управленческих решений	308
Куцазли М.И., Воронай В.В. Исследование психологических особенностей проявления копинг-стратегий у сотрудников госавтоинспекции МВД России	316
Лактионова Е.Б., Румянцева А.Д. Влияние Интернета на психологическое благополучие девушек подросткового и юношеского возраста	327
Лисенкова А.А. Текучая приватность: принудительная публичность цифровой идентичности	337
Литке С.Г. Философские аспекты ксиологии	344

Лучшева Л.М., Рубцова А.В. Динамика установок и мотивации профессиональной деятельности учителей	355
Мазманиян М.М. Роль иррациональности в совладании с неопределенностью	363
Беспалая С.Г., Макунина Н.Ю. Девиантность как генетическая аномалия у современных подростков	373
Малоян З.А. Трансформация отношения к индивидуальности в портретном жанре	382
Мишакова Г.А., Капцов А.В. Факторная структура регулярности и привлекательности универсальных учебных действий стадий становления субъектности педагогов	394
Мкртумян М.П., Мкртумян Л.Ю. Особенности обеспечения психологического контроля и первой психологической помощи спасателям после катастроф	403
Մտրիշյան Շ.Ս., Միմինյան Շ.Շ. Բովանդակային հարկերի դերը հայկական դաստիարակության շրջանում	413
Немченко Е.Ю., Звездина Г.П., Гришина А.В., Комерова Н.Е. Временные корреляты информационного поведения студентов разной этнической и культурной принадлежности	424
Николаева И.Н., Берберян А.С. Экологическая ответственность – одна из характеристик экологического сознания	436
Оганесян А.В., Асатурян Н.Г. Особенности проявления детского инфантилизма у учащихся начальных классов и их одноклассников с задержкой психического развития	447
Одинцова М.М., Макарова М.В. Восприятие ИИ как советчика в процессе принятия жизненных решений	458
Папоян В.Р., Малакян А.А. Взаимосвязь социальных и личностных факторов, влияющих на субъективное ощущение одиночества в юношеском возрасте	469
Платонова Я.С., Зиновьева Е.В. Смысловая регуляция как механизм актуализации жизненного опыта в условиях новой жизненной ситуации	480
Прусак А.Б. Пути возвращения к образовательному процессу через эмоциональное самосознание во времена глобальных кризисов (на примере резервистов и солдат, возвращающихся к учебе после участия в военных действиях)	488
Саркисян В.Р. Функции, строение и сегменты биокommunikационной системы человека и эмоциональный интеллект	501
Свеженицов О.В., Чернышова Е.Л. Исследования коммуникативных и организаторских способностей студентов-первокурсников	509
Семизорова И.Н. Адаптационные механизмы при принятии решений в условиях неопределенности	515
Скорикова Е.И., Смольников Н.А. Исследование ориентировочной основы совместной деятельности студенческого музыкального коллектива	523

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КОМБАТАНТОВ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СМЕРТИ

Г.Р. Авагимян, З.В. Григорян

*Ванадзорский государственный университет,
г. Ванадзор, Республика Армения
avagym@mail.ru, zaravgrigoryan@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется взаимосвязь между отношением к смерти и ценностной ориентацией участников боевых действий. Основная цель – выявить, как боевой опыт формирует уникальную модель восприятия смерти и влияет на ценностную иерархию. В исследовании были применены следующие методики: шкала «Страх смерти» Д. Темплера и опросник Ш. Шварца «Базовые ценностные ориентации», включающий выборку из 85 комбатантов и 85 некомбатантов. На основе этих данных был проведен сравнительный анализ полученных результатов.

Результаты исследования показали, что комбатанты меньше встревожены мыслью о смерти, однако имеют высокий страх перед физическими страданиями. Их ценностный профиль сочетает в себе коллективизм (безопасность, доброта) и индивидуализм (самостоятельность, стимулирование). Комбатанты, имеющие большой боевой опыт, склоняются к традициям, а комбатанты с опытом только лишь последних конфликтов – к гедонизму.

Ключевые слова: комбатанты, страх смерти, ценностные ориентации, психологическая адаптация, посттравматический стресс, коллективизм, индивидуализм, боевой стресс.

Введение

Актуальность исследования. Рост числа и интенсивности военных конфликтов, а также увеличение количества участников боевых действий приводит к усугублению последствий боевой психологической

травмы (БПТ). Психологическая адаптация участников боевых действий к мирной жизни становится важным фактором, обеспечивающим успешность их реинтеграции в общество. В этом контексте изучение установок и ценностных ориентаций позволяет выявить механизмы психологической устойчивости.

Цель исследования: изучить взаимосвязь между отношением к смерти и базовыми ценностными ориентациями комбатантов.

Гипотеза исследования: у участников боевых действий близость смерти формирует уникальную систему ценностных ориентаций, отличающуюся от лиц, живущих в мирных условиях.

Задачи исследования:

1. проанализировать теоретические подходы к смерти в экзистенциальной и гуманистической психологии;
2. выявить структуру страха смерти участников боевых действий в зависимости от периода боевого опыта;
3. изучить структуру ценностных ориентаций участников боевых действий в сравнении с лицами, живущими в мирных условиях;
4. дать психологическую интерпретацию связи между ценностными ориентациями и страхом смерти.

Данное исследование представляет собой многоаспектный подход к решению одной из сложнейших проблем психологии: пониманию трансформаций личности человека на границе жизни и смерти.

Теоретический анализ проблемы

В боевой обстановке смерть становится неизбежной реальностью, и отношение комбатантов (участников боевых действий) к смерти может быть разной в зависимости от индивидуальных психологических особенностей, культурных и религиозных убеждений. Одни ее воспринимают как героическую судьбу, другие – как катастрофу, к которой нужно быть готовым. В большинстве случаев для сдерживания боязни смерти они развивают особые механизмы контроля эмоций, которые помогают сохранять боеспособность и четкость принятия решений.

Дж. Рейнгольд отмечает, что в психике человека смерть приобретает смысл осуществления особой жизненной цели в противовес явно бессмысленному органическому прекращению жизни [1; с. 4].

Э. Фромм отрицал, что страх перед смертью – это страх окончания жизни. Он считал, что страх смерти на самом деле является страхом потери того, что мы имеем: тела, собственности, идентичности [2].

А. Лэнгле утверждал, что многие люди стараются вытеснить смерть из своего сознания, усиливая, таким образом, внутреннюю тревогу. Но смерть – это естественное событие нашей жизни, которое невозможно подавить [3].

Из проблемы столкновения со смертью исходят все остальные человеческие проблемы (Л. Бинсвангер, М. Босс, Д. Бьюдженталь, Р. Мэй, В. Франкл, И. Ялом). Столкновение со смертью – самая тревожная, пугающая, но неотъемлемая часть жизни каждого человека [4].

С этой точки зрения, интересна позиция психологов экзистенциальной школы. Экзистенциалисты подчеркивали, что смерть – это не просто конец жизни, но ее составная часть и отстаивали идею, согласно которой только интеграция концепции смерти в человеческое «Я» делает возможным истинное существование [5].

Психологи и психотерапевты, разработавшие основы экзистенциально-гуманистического направления (Р. Ассаджиоли, Дж. Бьюдженталь, Т. и Э. Йоманс, С. Левин, А. Маслоу, Р. Мэй, Дж. Рейнуотер, В. Франкл, Э. Фромм, И. Ялом и др.), очень часто рассматривали столкновение со смертью как одну из значимых возможностей для личностного роста. Однако каким бы исходом не разрешилась подобная встреча, несомненно, что любые ее последствия оказывают на личность сильное воздействие [6; с. 58].

В повседневность часто вторгаются катаклизмы, которые нарушают размеренный ход устоявшегося, ординарного существования, и в модусе неповседневности (трансординарное существование) возникает проблема бытия личности в условиях угрозы небытия. Трансординарное существование, где бы оно ни происходило, в мирной жизни или в условиях войны, не только изменяет личность человека, но нередко формирует у него посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), в том числе и «синдром уцелевшего» [7].

Вечные вопросы жизни и смерти приобретают особую значимость в условиях боевой обстановки, когда близость смерти не позволяет сознанию отложить их решение на будущее, и этот опыт оставляет свой след в сознании человека: он сказывается на его отношении к смерти,

следовательно, и на ценностные ориентации в последующем, когда комбатант возвращается к мирной жизни.

Обобщая теоретический анализ литературы, можно сделать следующий вывод: близость смерти в боевой обстановке заставляет людей переосмыслить отношение к смерти, а, следовательно, и смысл жизни.

Методики и выборка

Для экспериментального исследования в рамках нашей работы были применены следующие методики:

1. Шкала «Страх смерти» Д. Темплера (Death anxiety Scale – DAS) в адаптации Т.А. Гавриловой [8].

2. Опросник «Базовые ценностные ориентации» Ш. Шварца [9; сс. 86–92].

Достоверность результатов исследования обеспечивалась использованием методов математической статистики: описательных статистик и корреляционного анализа Спирмена.

Выборку исследования составили 85 участников боевых действий (комбатанты), которые составили экспериментальную группу (R1) и 85 военнослужащих, не принимавших участие в боевых действиях, которые составили контрольную группу (R2). В экспериментальную группу были включены комбатанты, участвовавшие в боевых действиях в 1991–1994гг., в 2016 году, в 2020 году и после 2020 года, которые для проведения исследования были условно обозначены, как **R1a** (1991–1994гг.) – 21 комбатант, **R1b** (2016г.) – 13 комбатантов, **R1c** (2020г.) – 33 комбатанта, **R1d** (после 2020г.) – 18 комбатантов.

Результаты исследования

В результате применения методики Д. Темплера шкала «Страх смерти» были получены результаты, в которых отражаются различия в уровнях страха смерти между комбатантами и некомбатантами в зависимости от продолжительности и интенсивности боевого опыта.

В контрольной группе (**R2**) интегральный индекс (1,5) страха смерти выше, особенно по факторам когнитивно-аффективной озабоченности смертью (1,8) и осознания течения времени (1,5). Это можно

объяснить экзистенциальной тревогой, связанной с абстрактным восприятием смерти и неопределенностью жизненных целей. Интегральный показатель комбатантов (*R1*) ниже (1,1), чем у некомбатантов, но между подгруппами комбатантов имеются существенные различия. *R1a* (1991–1994гг.) имеет самый высокий страх боли/стресса (2,25), вероятно, из-за длительного травматического опыта и отсутствия послевоенной психологической реабилитации. *R1b* (2016г.) имеют высокий показатель озабоченности физическими изменениями (2,3), который может быть связан с короткими, но интенсивными боевыми действиями «четырехдневной войны». *R1c* (2020г.) и *R1d* (после 2020г.) демонстрируют относительно низкий уровень страха, возможно, благодаря современной психологической подготовке или механизмам предотвращения травм.

Некомбатантов больше беспокоят ограничения во времени, что может отражать поиск смысла жизни. Комбатантов меньше волнует мысль о смерти, но больше – физические страдания. Чем больше боевой опыт участников боевых действий, тем выше уровень страха. Это может быть связано с накоплением посттравматического стресса.

Таким образом, высокий уровень страха смерти у некомбатантов основан на абстрактном восприятии смерти и экзистенциальной неопределенности, тогда как страх у комбатантов более конкретен (физические страдания, стресс). Участники военных действий 1991–1994гг. (*R1a*) пострадали больше всех остальных как физически, так и психологически. Современные комбатанты (*R1c*, *R1d*) проявляют признаки адаптации, которые могут быть связаны с улучшением психологической подготовленности или эмоциональной диссоциацией.

В результате применения опросника Ш. Шварца «Базовые ценностные ориентации» были выявлены различия в группах военнослужащих.

Комбатанты выше оценивают самостоятельность (5,1 против 4,8) и стимуляцию (4,6 против 4,2), что может быть связано с необходимостью принятия самостоятельных решений в боевых ситуациях. Некомбатанты больше внимания уделяют конформизму (4,6) и традициям (4,1), что отражает желание соответствовать социальным нормам. Значение безопасности высокое в обеих группах (5,0 против 5,1), что типично для требования стабильности и в послевоенное время.

Подгруппа *R1a* (1991–1994гг.) характеризуется относительно высоким уважением к традициям (3,8), возможно, под влиянием долго-

срочных последствий войны и исторической памяти. В подгруппе **R1b** (2016г.) очень высокий показатель независимости (5,4), что может быть связано с важностью индивидуальной инициативы во время коротких, но напряженных сражений 2016 года. **R1c** (2020г.) больше всего ценят безопасность (5,1), возможно, из-за возросшей важности личной и коллективной защиты перед лицом полномасштабной войны в 2020 году. Подгруппу **R1d** (после 2020г.) отличают высокие показатели гедонизма (4,4) и доброты (5,2), что может выражать стремление к позитивному отношению к жизни в качестве механизма преодоления травмы. Высокая потребность в безопасности универсальна, но для комбатантов она прежде всего связана с физическим выживанием. Сравнительно низкий интерес к власти и достижениям (3,1–3,5) свидетельствует о том, что комбатанты больше ориентированы на коллективные ценности (благожелательность, безопасность), чем на социальный статус.

Ценностный профиль комбатантов отражает уникальное сочетание коллективизма и индивидуализма. Доброта, независимость и безопасность имеют высокий показатель, а традиции и авторитет – относительно низкий. Комбатанты последних лет более склонны к гедонизму и стимуляции, что может быть связано с динамикой современных войн и изменением ценностей молодого поколения.

Полученные результаты подтверждают, что боевой опыт углубляет привязанность к коллективным ценностям, но индивидуальные настроения со временем меняются в зависимости от социально-исторического контекста.

Данные, полученные в результате двух методик (шкалы «Страх смерти» и опросника «Базовые ценностные ориентации»), были подвергнуты корреляционному анализу, результаты которого представлены в Табл. 1.

Таблица 1.

Корреляционный анализ базовых ценностей и шкал опросника «Страх смерти» в экспериментальной (R1) и контрольной группах (R2)

Базовые ценности	КАОС		ОФИ		ОТВ		ОБС		ИНТЕГРАЛ	
	R1	R2	R1	R2	R1	R2	R1	R2	R1	R2
конформизм	-0,09	0,25*	-0,03	0,05	-0,01	0	-0,13	0,14	-0,14	0,26*

традиция	-0,03	0,10	0,18	0,17	0,02	-0,14	-0,17	0,17	-0,04	0,10
доброта	0,25	-0,17	0,03	-0,07	0,15	-0,01	0,08	0,3**	0,22*	0,02
универсализм	0,07	-0,3**	0,13	-0,13	0,06	0,04	-0,13	0,12	0,02	-0,10
самостоятельность	0,31**	-0,20*	0,16	-0,08	-0,03	0,02	0,03	0,06	0,3	-0,10
гедонизм	0,14	0,01	-0,03	-0,06	0,3**	0,003	0,2*	0,06	0,2*	0,02
достижение	0,04	0,17	-0,29**	-0,03	0,04	0,06	0,11	-0,02	-0,01	0,08
власть	-0,12	0,6***	-0,04	-0,03	-0,01	-0,2	-0,22*	-0,02	-0,2*	0,29**
безопасность	0,18	0,34***	-0,22*	-0,09	-0,10	-0,03	-0,17	0,18	-0,04	0,35***
стимуляция	0,24**	0,07	0,04	0,02	0,3**	0,13	0,12	0,01	0,34***	0,11

Примечание: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Фактор когнитивно-аффективной озабоченности смертью – КАОС; фактор озабоченности физическими изменениями – ОФИ; фактор осознания течения времени – ОТВ; фактор озабоченности болью и стрессом – ОБС; интегральный фактор.

У комбатантов личные ценности (независимость, гедонизм, стимуляция) имеют положительную связь со страхом смерти. Это можно объяснить необходимостью самодостаточности и риска в ходе боевого опыта. Коллективные ценности (доброта, безопасность) снижают физические страхи (ОФИ, ОБС). Страх смерти связан со стремлением к личной свободе и удовольствиям жизни, что может быть механизмом преодоления травмы. Коллективные ценности (доброта, безопасность) способствуют психологической стабильности, снижая страх перед физическими страданиями.

У некомбатантов соответствие социальным нормам (конформность, безопасность) имеет положительную связь с экзистенциальным страхом смерти. Отрицательная связь универсализма с когнитивно-аффективной озабоченности смертью указывает на то, что филантропия уменьшает абстрактные проблемы. Страх смерти отражает экзистенциальную неуверенность, связанную с требованиями соответствовать общественным нормам. Погоня за социальным статусом (властью) и безопасностью усиливает личную тревогу.

Таким образом, полученные результаты подтверждают, что боевой опыт меняет характер взаимосвязи между ценностными ориента-

циями и страхом смерти, подчеркивая взаимодействие индивидуальных и коллективных ценностей.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую нами гипотезу – ценностные ориентации участников боевых действий по отношению к смерти формируются под влиянием боевого опыта и существенно отличаются от ценностных ориентаций военнослужащих, не участвовавших в боевых действиях.

1. Комбатанты менее встревожены идеей смерти, однако, у них наблюдается большой страх перед физическими страданиями.
2. Ценностный профиль участников боевых действий сочетает в себе коллективизм (безопасность, доброта) и индивидуализм (самостоятельность, стимулирование). Он меняется с течением времени: участники войны 90-х гг. XX века обнаруживают склонность к традициям, между тем как комбатанты более поздних боевых действий – к гедонизму.
3. Продолжительность боевого опыта усугубляет накопление посттравматического стресса, но современные бойцы адаптируются посредством психологической подготовки или эмоциональной диссоциации.

Данное исследование подчеркивает, что встреча со смертью – это не только травма, но и возможность личностного роста за счет перестройки системы ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бордуков О.В.* Проблема смерти в экзистенциализме / О.В. Бордуков // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: «Смысл», 2004. СС. 136–141.
2. *Гаврилова Т.А.* Экзистенциальный страх смерти и танатическая тревога: методы исследования и диагностики (статья)// «Прикладная психология», № 6. М., 2001. СС. 1–8.

3. *Кадыров Р.В.* Современный взгляд на боевую психическую травму. Владивосток: ТОВМИ, 1999. СС. 23–31.
4. *Кулагина И.Ю.* Отношение к смерти: возрастные, региональные и гендерные различия / И.Ю. Кулагина, Л.В. Сенкевич // «Культур.-ист. Психология», 2013. № 4. СС. 58–65.
5. *Лэнгле А.* Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия / А. Лэнгле. 3-е изд. М.: «Генезис», 2008. 128с.
6. *Мэй Р.* Смысл тревоги / Р. Мэй. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. 384с.
7. *Рейнгольд С. Дж.* Мать, тревога и смерть. Комплекс трагической смерти / Дж. С. Рейнгольд. М.: ПЕР СЭ, 2004. 383с.
8. *Фромм Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм. М.: «Прогресс», 1990. 330с.
9. *Մերոբյան Ա., Խաչատրյան Լ., Գրիգորյան Ա.* Անձի դիսպոզիցիոնալ գծեր և սոցիալ-մշակութային կողմնորոշումներ. հոգեչափողական գործիքների տեղայնացում: Գիտամեթոդական ձեռնարկ. Եր., «ԵՊՀ հրատ.», 2021, 128 էջ:

REFERENCES

1. *Reingold J.* Mother, Anxiety, and Death: The Tragic Death Complex / J. S. Reingold. Moscow: PER SE, 2004. 383p.
2. *Fromm E.* To Have or to Be? / E. Fromm. M.: “Progress”, 1990. 330p.
3. *Längle A.* A Life Full of Meaning: Applied Logotherapy / A. Längle. 3rd ed. Moscow: “Genesis”, 2008. 128p.
4. *Bordukov O.* The Problem of Death in Existentialism / O.V. Bordukov // Second All-Russian Scientific and Practical Conference on Existential Psychology: Proceedings / Ed. D.A. Leontiev. Moscow: “Smysl”, 2004. PP. 136–141.
5. *May R.* The Meaning of Anxiety / R. May. Moscow: Independent Firm “Klass”, 2001. 384p.
6. *Kulagina I. Yu., Senkevich, L.* Attitudes Toward Death: Age, Regional, and Gender Differences / I. Yu. Kulagina, L.V. Senkevich // “Cultural-Historical Psychology”, 2013, No. 4. PP. 58–65.
7. *Kadyrov R.* A Modern View of Combat Psychological Trauma. Vladivostok: TOVMI, 1999. PP. 23–31.
8. *Gavrilova T.* Existential Fear of Death and Thanatic Anxiety: Methods of Study and Diagnosis (Article) // “Applied Psychology”, No. 6, Moscow, 2001. PP. 1–8.
9. *Serobyanyan A., Khachatryan N., Grigoryan A.* Dispositional Traits of Personality and Socio-Cultural Orientations: Localization of Psychometric Tools. Scientific and Methodological Manual. Yerevan, YSU Publishing House, 2021, 128p.

BASIC VALUE ORIENTATIONS OF COMBATANTS AND THEIR ATTITUDE TOWARDS DEATH

H. Avagimyan, Z. Grigoryan

Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article examines the relationship between attitudes toward death and value orientations of combatants. The main goal is to identify how combat experience forms a unique model of death perception and influences the value hierarchy. The study used the following methods: D. Templer's "Fear of Death" scale and S. Schwartz's "Basic Value Orientations" questionnaire on a sample of 85 combatants and 85 non-combatants for a comparative analysis of the results obtained.

The results of the study showed that combatants are less concerned about death, but have a high fear of physical suffering. Their value profile combines collectivism (safety, kindness) and individualism (independence, stimulation). Combatants with more combat experience tend to be traditional, while combatants with experience of recent conflicts tend to be hedonistic.

Keywords: combatants, fear of death, value orientations, psychological adaptation, post-traumatic stress, collectivism, individualism, combat stress.

**ԿՈՄԲԱՏԱՆՏՆԵՐԻ ԿՅԱՆՔԻ ԻՄԱՍՏԻ
ԿՈՂՄՆՈՐՈՇՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՔՈՓԵՆԳ
ՌԱԶՄԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՍՈՑԻԱԼ-
ՀՈԳԵԲԱՆԱԿԱՆ ԱՌԱՋՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ**

Հ. Ավագիմյան, Լ. Ստեփանյան

*Վանաձորի պետական համալսարան, ք. Վանաձոր, ՀՀ
avagym@mail.ru, lilit.stepanyan.1989@mail.ru*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում քննարկվում է կոմբատանտների կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոփինգ ռազմավարությունների սոցիալ-հոգեբանական առանձնահատկությունները և դրանց փոխազդեցության բնույթը: Հետազոտության մեջ դիտարկվում են մարտական գործողությունների արտակարգ պայմանները վերապրած մարտական գործողությունների մասնակիցների և մարտական փորձ չունեցող նախկին պայմանագրային զինծառայողների ադապտացիայի մեխանիզմները, և դրանց ազդեցությունը սթրեսի հաղթահարման ռազմավարությունների ընտրության մեջ:

Հետազոտության արդիականությունը պայմանավորված է կոմբատանտների հետտրավմատիկ ադապտացիայի մեխանիզմների ընկալման և դրանց հոգեբանական վերականգնման արդյունավետ ծրագրերի մշակման մեջ:

Հետազոտության ընթացքում կատարվել է 2 խմբերի՝ կոմբատանտների և մարտական փորձ չունեցող նախկին պայմանագրային զինծառայողների կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոփինգ ռազմավարությունների յուրահատկության բացահայտումը:

Բացահայտվել են նշանակալից համահարաբերակցություններ հաղթահարման ռազմավարությունների և իմաստային դիրքորոշումների միջև. կոմբատանտների մոտ ակտիվ ռազմավա-

րությունները կապված են ընթացիկ փորձի հետ, իսկ ոչ կոմբատանտների մոտ հակազդման պասիվ ձևերը կապված են ապագայի հետ կապված իմաստային կողմնորոշումների հետ, սակայն դժվարություններ ունեն ներկայի և անցյալի իմաստավորման հետ:

Հիմնաբառեր՝ կյանքի իմաստ, հաղթահարող վարք, մարտական փորձ, արտակարգ պայմաններ, հետտրավմատիկ աղապտացիա, հոգեբանական կայունություն:

Ներածություն

Մարտական գործողությունների մասնակիցների (կոմբատանտների) կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոփինգ ռամավարությունների ուսումնասիրությունը հատուկ արդիականություն է ձեռք բերում ժամանակակից աշխարհի արտակարգ պայմանների ներգործության ենթակա մարդկանց աճի համատեքստում:

Հետտրավմատիկ աղապտացիայի պայմաններում կոմբատանտների հոգեբանական կայունության պահպանման մեխանիզմների ճիշտ ընկալումը, թույլ կտա մշակել հոգեբանական վերականգնման արդյունավետ ծրագրեր: Չնայած հետտրավմատիկ սթրեսի ուսումնասիրության հետ կապված զգալի քանակությամբ աշխատանքների, կոմբատանտների կյանքի իմաստային արժեքների և հաղթահարման ռազմավարությունների կապի հարցերը դեռևս բավարար չափով չեն ուսումնասիրված:

Ուսումնասիրության հիմնախնդիրը. առկա է հակադրություն՝ կոմբատանտների խաղաղ կյանքին հարմարվելու պահանջի և նրանց կյանքի իմաստային արժեքների ու սթրեսի հաղթահարման ռազմավարությունների վրա պատերազմական փորձի ազդեցության մասին գիտական գիտելիքների անբավարար մակարդակի միջև:

Հետազոտության նպատակն է բացահայտել կոմբատանտների կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոփինգ վարքի սոցիալ-հոգեբանական առանձնահատկությունները:

Հետազոտության վարկած. կոմբատանտների մոտ ձևավորվում են կյանքի իմաստային հատուկ կողմնորոշումներ, որոնք կենտրոնա-

ցած են ընթացիկ փորձի և անցյալի վրա, ինչպես նաև գերակշռում են ակտիվ, վերահսկողական քոֆինգ ռազմավարությունները:

Հետազոտության խնդիրներն են.

1. վերլուծել կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոֆինգ ռազմավարությունների տեսական մոտեցումները;
2. կատարել կոմբատանտների և մարտական փորձ չունեցող նախկին պայմանագրային զինծառայողների քոֆինգ ռազմավարությունների և կյանքի իմաստային կողմնորոշումների փորձարարական հետազոտության համեմատական վերլուծություն;
3. բացահայտել կոմբատանտների իմաստային կողմնորոշումների և հաղթահարման ռազմավարությունների միջև փոխադարձ կապը:

Կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոֆինգ ռազմավարությունների ուսումնասիրության տեսական վերլուծություն

Մարտական գործողությունների մասնակիցները ենթարկվում են արտաքին միջավայրի արտակարգ գործոնների ինտենսիվության մեծ աստիճանի ներգործության, որոնք ազդում են ֆիզիոլոգիական և անձնային մակարդակների, միջանձնային և սոցիալական փոխգործողությունների վրա:

Ներկայումս ընդգծվում է մարդու համար կյանքի իմաստի հոգեբանական ֆենոմենի մեծ կարևորությունը: Վ. Ֆրանկլն ընդգծում էր, որ կյանքի իմաստի որոնման ձգտումը տեսական հարց չէ, ոչ էլ պարապությունից մտավոր խաղի առարկա, այլ կյանքի հարց է. հարց այն հացի վերաբերյալ, որը պետք է սնուցի մեզ, այն ջրի հարց է, որը պետք է հագեցնի մեր ծարավը [1]:

Մարդը ձգտում է գտնել կյանքի իմաստը և զգում է ֆրուստրացիա կամ էքզիստենցիալ վակուում, եթե այդ ձգտումը չի իրագործվում: Նպատակների իմաստավորվածության բացակայությունը ապակառուցում է ամբողջ արժեհամակարգը, ինչի հետևանքով մարդու վարքը դառնում է կամ «ավտոմատացված»՝ հիմնված շրջապատի ակնկալիքների վրա, կամ աննպատակ՝ հաճախ հակասական և դեվիանտային:

Անհատական իմաստների անորոշությունը խանգարում է մարդուն գբադեցնել իր տեղը սոցիալական համակարգում, ինչն իր հերթին էլ ավելի է ապակառուցում նրան: Մարդու արժեքաիմաստային ոլորտի զարգացման խախտումը բերում է որոշակի սուբյեկտիվ անհարմարության, որը Վ. Ֆրանկլը կոչում է «էքզիստենցիալ ֆրուստրացիա», և դրան հակազդեցությունը պետք է դառնա որևէ փոխհատուցող կամ պաշտպանական ռեակցիա [2]:

Մարտական գործողություններին մասնակցությունը փոխում է անձի իմաստային ոլորտը, այս փոփոխությունների ուղղությունը կախված է անձի կողմից մարտական գործողություններին առնչվող հոգետրավմատիկ փորձի ինտեգրման հնարավորությունից, ինչպես նաև իր մասնակցության նկատմամբ ունեցած վերաբերմունքից [3]:

Կյանքի ուժեղ իմաստային կողմնորոշումներ ունեցող անհատն ունի հիշողությունների, հույզերի և վարքային հակազդումների լայն սպեկտր, որն արտացոլում է կյանքի իմաստային կողմնորոշումների կառուցվածքի կոգնիտիվ բաղադրիչը [4]:

Մարտական գործողությունների պայմաններում կյանքի իմաստային կողմնորոշումները անմիջականորեն ազդում են քոփինգ ռազմավարությունների ընտրության վրա: Ուժեղ իմաստային կողմնորոշումներ ունեցող անհատները հակված են օգտագործելու կառուցողական քոփինգ մեթոդներ, ինչպիսիք են խնդրին ուղղված լուծումները, սոցիալական աջակցությունը և հոգեբանական դիմակայությունը:

Առավել հաճախ հաղթահարող վարքագիծը սահմանվում է որպես գիտակցված, նպատակաուղղված վարքագիծ, որը թույլ է տալիս սուբյեկտին հաղթահարել սթրեսը և կյանքի դժվարին իրավիճակը՝ համապատասխան անձնական դիսպոզիցիաներին և իրավիճակին: Այն կարող է ուղղված լինել իրավիճակի փոփոխությանը կամ դրան հարմարվելուն [5]:

Ռ. Լազարուսը և Ս. Ֆոլկմանը քոփինգը սահմանել են որպես անընդհատ փոփոխվող կոգնիտիվ և վարքային ջանքեր՝ կառավարելու հատուկ արտաքին և/կամ ներքին պահանջները, որոնք գնահատվում են որպես ծանրաբեռնող կամ գերազանցող անձի ռեսուրսները [6, էջ 178]:

Ռուս հետազոտող Ե.Ա. Բելանը համարում է, որ հաղթահարումը բարդ երևույթ է, քանի որ այն ներառում է անձի ողջ կենսագործունեու-

թյունը՝ տարբեր կարևորություն ունեցող խնդիրների համատեքստում [7]:

Այսպիսով, քոփինգը տարբեր հեղինակների կողմից տարբեր կերպ է մեկնաբանվում, սակայն ընդհանուր է այն գաղափարը, որ այն կիրառվում է անձի համար բարդ գնահատվող իրավիճակներում՝ որպես հաղթահարման միջոց: Ցանկացած հակազդում կարող է ունենալ դրական կամ բացասական հետևանքներ, կախված նրանից, թե որքան է այն համապատասխան տվյալ իրավիճակին: Կարևոր է հասկանալ տարբեր հակազդման մեթոդների արդյունավետությունը և զարգացնել անհրաժեշտ հմտությունները դրանց առավելագույն արդյունավետ կիրառման համար:

Մեթոդիկաները և ընտրանքը

Մեր առաջադրված նպատակին հասնելու, վարկածը ստուգելու և խնդիրները լուծելու համար կիրառվել են հետևյալ մեթոդիկաները.

1. Միսիսիպյան հարցարան (ռազմական տարբերակ)՝ հետորավմատիկ սթրեսային խանգարման (PTSD) գնահատման համար [8, էջ. 298–300], որի կիրառության նպատակն էր ստացված արդյունքների հիման վրա ընտրանքից բացառել ՀՏՄԽ ախտանիշներ ունեցող կոմբատանտների բացառումը:
2. Ռ.Լազարուսի «Քոփինգ-ռազմավարությունների» հարցարան, որը նախատեսված է բացահայտելու կյանքի դժվարին իրավիճակներում վարքի մեխանիզմները, քոփինգ ռազմավարությունը [9]:
3. Դ.Ա. Լեոնտսի «Կյանքի իմաստի կողմնորոշումների» (ԿԻԿ) թեստ, որի ցուցանիշները ներառում են կյանքի իմաստավորվածության ընդհանուր ցուցանիշ (ԿԻ), ինչպես նաև հինգ ենթասանդղակներ, որոնք արտացոլում են կյանքի երեք կոնկրետ իմաստային կողմնորոշումներ և երկու վերահսկման լոկուսներ [10, էջ 18]:

Հետազոտության արդյունքների հավաստիությունն ապահովվել է մաթեմատիկական վիճակագրության մեթոդների կիրառմամբ՝ նկա-

րագրական վիճակագրություն, Սպիրմենի համահարաբերակցային վերլուծություն:

Հետազոտության ընտրանքը կազմել են 85 մարտական գործողությունների մասնակիցներ (կոմբատանտներ), ովքեր կազմել են մեր փորձարարական խումբը (ՓԽ), և մարտական փորձ չունեցող 85 նախկին պայմանագրային զինծառայողներ, որոնք կազմել են մեր ստուգիչ խումբը (ՍԽ):

Հետազոտության արդյունքները

Ռ. Լազարուսի «Քոփինգ-ռազմավարությունների» հարցարանի կիրառության արդյունքում պարզեցինք, որ կոմբատանտներն ավելի շատ հակված են ակտիվ և վերահսկող ռազմավարություններ (առճակատում, ինքնավերահսկողություն, պատասխանատվության ընդունում) կիրառելու, ինչն արտացոլում է նրանց հարմարումը սթրեսային բարձր մակարդակ ունեցող միջավայրին: Դրական վերաբերմունքն մակարդակը ցույց է տալիս տրավմատիկ փորձը անձնային աճի վերափոխելու կարողության առկայություն: Սակայն դրա վտանգը կայանում է հնարավոր չափից ավելի վերահսկողության և հուզական ճնշվածության մեջ:

Ոչ կոմբատանտներն ավելի հաճախ օգտագործում են պասիվ ռազմավարություններ (խուսափում, հեռավորություն) և ռացիոնալ պլանավորում, ինչը բավականին արդյունավետ կարող է լինել սթրեսային չափավոր մակարդակ ունեցող իրադրություններում, սակայն խուսափումը նվազեցնում է նրանց պատրաստականության աստիճանը անսպասելի մարտահրավերներին: Հարաբերականորեն ցածր դրական վերագնահատումը վկայում է կյանքի դժվարությունների նկատմամբ ռեֆլեքսիայի ավելի թույլ հակվածության մասին:

Այսպիսով, կոմբատանտները ցուցադրում են ավելի հասուն քոփինգ ռազմավարություններ, որոնք ձևավորվել են արտակարգ պայմանների ազդեցության տակ, իսկ ոչ կոմբատանտները հակված են պասիվ հակազդման:

Դ.Ա. Լեոնտևի «Կյանքի իմաստի կողմնորոշումների» (ԿԻԿ) թեստի կիրառության արդյունքում կարող ենք ամփոփել կյանքի իմաստի

կողմնորոշումների առանցքային միտումները մեր փորձարարական և ստուգիչ խմբերում:

Կոմբատանտները հիմնականում շեշտադրում են կատարում ներկայի (Կյանքի գործընթաց) և անցյալի (Կյանքի արդյունք) վրա, ինչը շատ բնորոշ է տրավմա ապրած մարդկանց: Նրանց կյանքի իմաստի կողմնորոշումները հիմնված են արտակարգ փորձի հարմարման վրա, որտեղ գոյատևումը և ընթացիկ հույզերն են դառնում իմաստի հիմնական աղբյուրները: Կյանքի վերահսկման լոկուսի միջինից բարձր մակարդակը «Ես»-ի վերահսկման լոկուսի ցածր մակարդակի հետ արտացոլում է նրանց մոտ առկա կոգնիտիվ դիսոնանսը՝ ընդհանուր առմամբ հավատում են, որ կյանքը վերահսկելի է, սակայն իրենց չեն ընկալում սեփական ճակատագրի ակտիվ կերտողներ:

Ոչ կոմբատանտներին մոտ կողմնորոշումը ապագայի վրա է (Կյանքի նպատակներ) անցյալից և ներկայից բավարարվածության բացակայության դեպքում: Դա ցույց է տալիս, որ նպատակները չեն ամրապնդվում հուզական ներգրավվածությամբ կամ նվաճումների դրական գնահատականով ընթացիկ կյանքի մեջ: Կյանքի վերահսկողության լոկուսի ցածր և «Ես»-ի վերահսկողության միջին մակարդակը վկայում են հակասության առկայության մասին սեփական ընդունակությունների նկատմամբ հավաստի և արտաքին հանգամանքներից կախվածության զգացողության միջև:

Այսպիսով, կոմբատանտները ցուցադրում են կյանքի իմաստի ադապտիվ վերագնահատում, որտեղ շեշտադրումն արված է ընթացիկ փորձի և անցյալի ընդունման վրա, ինչը նրանց օգնում է պահպանել հոգեբանական կայունությունը: Ոչ կոմբատանտները՝ ընդհակառակը, կողմնորոշված են ապագային, սակայն այդ կողմնորոշումը ամրապնդված չէ ապագայից կամ անցյալից բավարարվածությամբ, իսկ հավատը կյանքի վրա ազդելու սեփական կարողության նկատմամբ հակասում է նրանց ֆատալիզմի զգացողության:

Կյանքի իմաստի կողմնորոշումների և քոփինգ ռազմավարությունների կապի վերլուծությունը ցույց է տալիս մի շարք նշանակալից տարբերություններ:

Կոմբատանտներին մոտ քոփինգ ռազմավարությունները հիմնականում կապված են կյանքի արդյունքի և «Ես»-ի վերահսկողության լոկուսի հետ: Ակտիվ ռազմավարությունները (առճակատում, խնդրի լու-

ծում) դրական են, սակայն ինքնատիրապետումը և դրական վերագնահատումը կապված են բացասական արդյունքների հետ: Հավանաբար, մարտական սթրեսը հանգեցնում է կյանքի նպատակների և իմաստի ցածր ընկալմանը՝ ինքնատիրապետման ռազմավարություններ օգտագործելիս:

Աղյուսակ 1.

ՓԽ-ի և ՄԽ-ի կյանքի իմաստային կողմնորոշումների և քոփինգ ռազմավարությունների տվյալների համահարաբերակցային վերլուծության տվյալներ:

Քոփինգ ռազմավարություններ	ԿՆ		ԿԳ		ԿԱ		ՎԼԵ		ՎԼԿ		ԿԻ	
	ՓԽ	ՄԽ	ՓԽ	ՄԽ	ՓԽ	ՄԽ	ՓԽ	ՄԽ	ՓԽ	ՄԽ	ՓԽ	ՄԽ
Առճակատում	0,09	-0,17	0,37***	-0,24**	0,67***	-0,11	0,32**	0,31**	-0,5***	0,13	0,53***	-0,01
Հեռավորություն	-0,28*	-0,03	0,13	-0,33**	0,44***	-0,02	0,01	-0,11	-0,51***	-0,14	-0,11	-0,21
Ինքնատիրապետում	-0,47***	0,13	-0,18	0,36***	-0,48***	0,13	0,33**	0,12	-0,12	0,61***	-0,56***	0,46***
Սոց. աջակցության որոնում	0,04	-0,36***	-0,09	-0,57***	0,21	-0,09	0,54***	0,42***	-0,56***	0,02	0,03	-0,18
Պատասխանատվության ընդունում	-0,03	-0,11	0,12	-0,44***	0,01	0,12	0,36***	0,28*	0,57***	0,07	0,49***	-0,03
Փախուստ-Խուսափում	0,06	0,21	0,45***	0,08	0,29**	0,36***	0,15	0,25*	-0,68***	0,19	0,19	0,35**
Խնդրի լուծման պլանավորում	0,12	-0,02	0,07	-0,14	-0,03	0,23*	-0,12	0,53***	-0,12	-0,11	0,41**	0,15
Դրական վերագնահատում	-0,06	-0,28*	0,16	-0,19	-0,31**	0,15	-0,17	-0,3**	-0,17	-0,42***	-0,25*	-0,37***

Ծանոթոգրություններ: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$:

*ԿՆ – կյանքի նպատակներ, ԿԳ- կյանքի գործընթաց,
ԿԱ – կյանքի արդյունք, ՎԼԵ – վերահսկողության լոկուս – Ես,
ՎԼԿ – վերահսկողության լոկուս – կյանք:*

Ոչ կոմբատանտների քոփինգ ռազմավարությունները կապված են կյանքի գործընթացի և կյանքի վերահսկողության լոկուսի հետ: Ինքնատիրապետումը և սոցիալական աջակցությունը դրական ազդեցություն ունեն, մինչդեռ խուսափումը և դրական վերագնահատումը բացասական են կապված:

Ընդհանուր առմամբ, կոմբատանտների և ոչ կոմբատանտների քոփինգ ռազմավարությունները արտացոլում են տարբեր հոգեբանական մեխանիզմներ՝ կախված կյանքի փորձից և միջավայրից: Կոմբատանտների մոտ գերակշռում են ակտիվ, բայց երբեմն հակասական ռազմավարություններ, իսկ ոչ կոմբատանտների մոտ՝ կյանքի վերահսկողության և գործընթացի վրա կենտրոնացված մոտեցումներ:

Եզրակացություն

Հետազոտության ընթացքում բացահայտվել են կոմբատանտների իմաստային կողմնորոշումների և քոփինգ ռազմավարությունների առանձնահատկությունները, ինչը հնարավորություն է տվել ավելի խորը հասկանալ նրանց հոգեբանական հարմարվողական մեխանիզմները: Վերլուծությունը ցույց է տվել, որ կոմբատանտները բարձր մակարդակի նպատակասլացություն և կյանքի իմաստավորվածություն են դրսևորում, ինչը կարևոր ռեսուրս է հանդիսանում սթրեսային իրավիճակների հաղթահարման համար:

Կոմբատանտների կողմից օգտագործվող հիմնական քոփինգ ռազմավարություններն են՝ խնդիրների ակտիվ լուծումը, սոցիալական աջակցության որոնումը և դրական վերագնահատումը: Այս ռազմավարությունները նպաստում են հոգեբանական կայունությանը և արտակարգ պայմաններում հարմարվողականությանը:

Կյանքի իմաստային կողմնորոշումները կարևոր դեր են խաղում քոփինգ ռազմավարությունների ընտրության մեջ՝ կյանքի արժեքի գի-

տակցումը և հստակ նպատակների առկայությունը նպաստում են կառուցողական վարքագծի ձևավորմանը սթրեսային իրավիճակներում:

Ստացված արդյունքները կարող են օգտագործվել կոմբատանտների վերականգնողական հոգեբանական ծրագրերի մշակման համար, որոնք ուղղված կլինեն անհատական ռեսուրսների ամրապնդման և ադապտիվ հաղթահարման ռազմավարությունների զարգացման:

Այսպիսով, հետազոտությունը հաստատում է իմաստային կողմնորոշումների կարևորությունը հարմարվողականության գործընթացում և ընդգծում կոմբատանտների համար թիրախային հոգեբանական աջակցության անհրաժեշտությունը՝ հատկապես հետտրավմատիկ շրջանում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Бодров В.А.* Проблема преодоления стресса. Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса / В.А. Бодров // «Психологический журнал», Т.27. № 2. 2016. СС. 28–44.
2. *Кадыров Р.В.* Особенности смысловой сферы у профессиональных военнослужащих, принимавших участие в боевых действиях. Психология саморазвития человека [Текст]: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. СС. 93–100.
3. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения. Монография / Т.Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 344с., *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т.Л. Крюкова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Основной выпуск. 2013. Т. 19. № 5. СС. 180–183.
4. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения. Монография / Т.Л. Крюкова. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. 344с., *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы / Т.Л. Крюкова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Основной выпуск. 2013. Т. 19. № 5. СС. 180–183.
5. *Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В.* Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) / Журнал практического психолога. М., 2007. № 3. СС. 93–112.
6. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-ое изд. М.: «Смысл», 2000, 18с.
7. *Леонтьев Д.А.* Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла): материалы междунар. конф. / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: «Смысл», 2005; *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. 489 с.

8. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990. 489 с.
9. *Մկրտումյան Մ. Պ.* Արտակարգ իրավիճակների հոգեբանության կանխարգելման և վերականգնողական հիմնախնդիրները: Եր. «Զանգակ-97», 2008:
10. *Nelson K. & Fivush R.* The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Developmental Theory. *Psychological Review*, 111 (2), 2004. 486–511: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.111.2.486>
11. *Richard S. Lazarus, Ph.D.* Susan Folkman, Stress, appraisal, and coping. New York, 1984: NY 10036-8002. P. 445.

REFERENCES

1. *Frankl V.* (1990). *Man's Search for Meaning*, Moscow.
2. *Leontiev D.* (Ed.). (2005). *The Problem of Meaning in Human Sciences (on the 100th Anniversary of Viktor Frankl): Materials of the International Conference*. Moscow: “Smysl”.
3. *Frankl V.* (1990). *Man's Search for Meaning*. Moscow. P. 489.
4. *Kadyrov R.* (2008). Features of the Semantic Sphere of Professional Servicemen Involved in Combat Operations. In *Psychology of Human Self-Development: Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific-Practical Conference* (PP. 93–100). Kirov: “VyatGGU Press”.
5. *Nelson K. & Fivush, R.* (2004). The Emergence of Autobiographical Memory: A Social Cultural Developmental Theory. “*Psychological Review*”, 111(2), 486–511: <https://doi.org/10.1037/0033-295X.111.2.486>
6. *Kryukova T.* (2004). The Psychology of Coping Behavior: A Monograph. Kostroma: N.A. Nekrasov Kostroma State University.
7. *Kryukova T.* (2013). The Psychology of Coping Behavior: Current State and Psychological, Sociocultural Perspectives // “*Vestnik of N.A. Nekrasov KSU*”, 19 (5). Pp. 180–183.
8. *Lazarus R. & Folkman S.* (1984). *Stress, Appraisal, and Coping*. New York, NY: Springer Publishing. P. 445.
9. *Bodrov V.* (2016). The Problem of Overcoming Stress. Part 2: Processes and Resources of Stress Coping. “*Psychological Journal*”, 27(2). Pp. 28–44.
10. *Mkrtumyan M.* (2008). *Issues of Prevention and Rehabilitation in Emergency Psychology*. Yer.: “Zangak-97” (In Armenian).
11. *Kryukova T. & Kuftyak E.* (2007). Coping Strategies Questionnaire (Adaptation of the WCQ Method). *Journal of the Practical Psychologist*, (3). Pp. 93–112.
12. *Leontiev D.* (2000). *Purpose-in-Life Orientations Test (PIL Test)* (2nd ed.). Moscow: “Smysl”.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF COMBATANTS' LIFE MEANING ORIENTATIONS AND COPING STRATEGIES

H. Avagimyan, L. Stepanyan

Vanadzor State University, Vanadzor, Armenia

ABSTRACT

The article discusses the socio-psychological characteristics of combatants' life meaning orientations and coping strategies, as well as the nature of their interaction. The study examines the adaptation mechanisms of combatants who have experienced extreme conditions of military operations and former contract servicemen without combat experience, as well as their impact on the choice of stress coping strategies.

The relevance of the research is determined by the need to understand the post-traumatic adaptation mechanisms of combatants and to develop effective psychological rehabilitation programs.

During the study, the unique characteristics of life meaning orientations and coping strategies of two groups – combatants and former contract servicemen without combat experience – were identified.

Significant correlations were identified between coping strategies and life meaning orientations: for combatants, active strategies are related to current experiences, whereas for non-combatants, passive coping responses are linked to future-oriented meaning orientations, with difficulties in comprehending the present and past.

Keywords: life meaning, coping behavior, combat experience, extreme conditions, post traumatic adaptation, psychological resilience.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ НА РАЗЛИЧНЫХ ПЛАТФОРМАХ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ

Г.М. Аванесян, М.Д. Мурадян, С.А. Папоян

*Ереванский государственный университет, Ереван, Армения
avanesyanh@ysu.am, maria.muradyan@ysu.am,
seda.papoyan@ysu.am*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности позиционирования и продвижения психологических услуг в контексте восприятия и уровня осведомленности людей о психологических услугах и готовность пользоваться психологическими услугами. Наблюдения показывают, что современные подходы к профилактике и поддержанию психического здоровья и их реализации посредством продвижения психологических услуг со стороны учреждений здравоохранения, психологических центров, а также соответствующих специалистов, широко распространены в социальных сетях и масс-медиах. Для исследования была разработана специальная анкета опроса и применен метод контент анализа интернет ресурсов. В исследовании участвовали 60 человек в возрасте от 20 до 46 лет, проживающих в г. Ереване. Результаты показали, что предоставление психологических услуг в учреждениях здравоохранения востребовано пользователями, что позволяет обеспечить им комплексную заботу. Среди множества предлагаемых услуг психологические услуги выделяются как важный компонент в содействии целостному благополучию, но есть и некоторые проблемные позиции, на которых должна быть нацелена дальнейшая работа.

Ключевые слова: психологические услуги, опрос, интернет-контент, психическое здоровье, осведомленность, медицинские учреждения.

Введение

В современном мире психологические услуги охватывают широкий спектр потребностей, направленных на удовлетворение разнообразных потребностей людей в области психического здоровья. Психологические услуги включают широкий спектр профессиональных услуг, которые направлены на улучшение благополучия людей и поддержку повышения общего психического здоровья. Выделяются следующие услуги: психологическое консультирование, психологическая диагностика, психологическая адаптация, психологическая подготовка, психотерапия, коучинг, психологическая помощь и поддержка и семейная психотерапия.

Материалы и методы

В настоящее время широкого распространения электронных ресурсов информирования процесс эффективного продвижения психологических услуг стал важным и актуальным с целью повышения осведомленности общественности. Современная популяризация психологических услуг имеет как положительные аспекты, так и некоторые сложности, которые связаны с полифонией психологических подходов и профессионального статуса психологов. Эффективное продвижение психологических услуг требует стратегического подхода для охвата аудитории, повышения осведомленности о научной основе психологических функций и преимуществах получения профессиональной помощи, психологической образованности и подобных факторов. Стигматизация обращения к психологу преодолевалась на протяжении многих лет, но в наибольшей степени этому способствовали экстремальные ситуации, в которых на протяжении многих лет находится население Армении (после событий Арцаха и приграничных конфликтов). Состояние населения: постоянный поток негативной информации как глобального, так регионального масштаба.

На современном этапе актуальным является изучение особенностей проявления потребностей, характерных для современного человека, которые напрямую зависят от спектра и характера психологических услуг, которые оказывают организации по психологическому профилю

и отдельные психологи. В этой связи расширение границ понимания некоторых явлений, феноменов и стратегий развития современного мира, а также нахождение оптимальных решений в развитии рынка психологических услуг в условиях растущих и динамично меняющихся потребностей человека, является весьма актуальным. Причем, одним из недостатков позиционирования психологических услуг можно считать тот факт, что и сегодня в некоторых странах психотерапия и психологическое консультирование предвзято считаются медицинской отраслью, что негативно сказывается на потенциальных клиентах [3].

Многие исследователи считают, что использование новых методов вмешательства, таких как мобильные и интернет-вмешательства, а также смешанные и ступенчатые модели ухода, может удовлетворить широкие потребности населения в области психического здоровья. К этому списку можно также добавить активное распространение запросов на услуги ИИ, эффективность, профессиональный уровень и возможные последствия которых трудно оценить [4].

Одно из исследований, проведенных в крупном регионе России, показало, что наиболее эффективными каналами продвижения психологических услуг практического психолога являются «сарафанное радио», которое распространяется самими клиентами или их родственниками, а также современный канал распространения информации в социальных сетях. Вывод исследования показал, что содержание и форма подачи информационных сообщений должны подчеркивать эмоциональную составляющую [5].

Еще одно комплексное исследование оценивает межнациональную инвариантность измерений и конвергентную валидность данных опросов населения и отношения к определенным рискам для психологического здоровья на примере «COVID-19». Показатели таких исследований, а именно: тревожность во время пандемии или страх перед заболеванием, должны регистрироваться в соответствии с определенной научной методологией [1; 2].

Из представленного анализа можно отметить важный аргумент в пользу профилактики психического здоровья, которая зависит от уровня осведомленности населения, от позиционирования как психиатрических, так и психологических служб. Наряду со всем этим, необходимо придерживаться этических принципов при продвижении психологических услуг.

Результаты

В медицинских учреждениях, учитывая многообразие проблем со здоровьем и сложность случаев, потребность в психологических услугах является настоящей. Целью нашего исследования было изучить уровень осведомленности людей о психологических услугах в медицинских учреждениях и понять готовность пользоваться этими услугами. Для исследования была разработана анкета, состоящая из 10 вопросов, 2 из которых выявляли общие демографические данные, такие как пол и образование, остальные – осведомленность о психологических услугах и опыт их использования. Опросы проводились среди 60 участников в возрасте от 20 до 46 лет (40 женщин и 20 мужчин). Половина участников имеют незаконченное высшее образование (50%), остальные – среднее (15%) или высшее образование (35%).

В настоящее время психологические услуги предоставляются в следующих медицинских центрах Армении: медицинские центры «Измайрян», «Мэйпл Липс», «Астхик», «АвеМед», «Шенгавит», инновационный медицинский центр «Вардананц» и гематологический медицинский центр им. Еоляна.

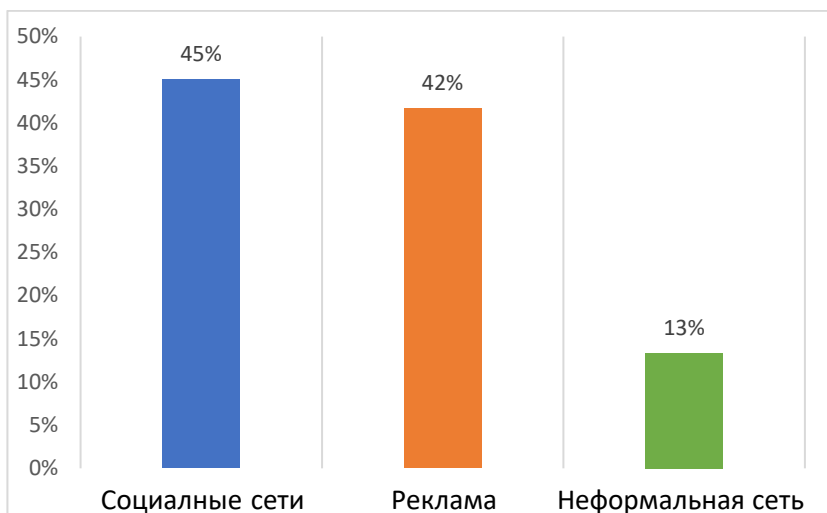

Рисунок 1. Показатели осведомленности об источниках информации.

Результаты опроса представлены в виде информационного текста и графиков.

На вопрос, знают ли участники о предоставлении психологических услуг в медицинских центрах, 68% дали положительный ответ. Можно отметить, что данный показатель свидетельствует об интересе участников и об успешном информационном продвижении услуг. Более половины участников (52%) указали, что когда-либо обращались за психологическими услугами в медицинские учреждения.

Основными источниками информации о психологических услугах для участников являются социальные сети и реклама; очень небольшой процент информации распространяется через неформальные сети, в частности, через знакомых и соседей. Это, согласно нашим предположениям, является примером того, что современные способы продвижения психологических услуг уже дают свои результаты. К ним можно отнести:

- ✓ Сильное «присутствие» в Интернете – создание специализированного веб-сайта, профилей в соц. сетях, на котором будут представлены услуги, квалификации, специалисты и т.д.
- ✓ Создание информативного и интересного контента – сообщений в блогах, статей и видеороликов, посвященных распространенным проблемам психического здоровья и содержащих полезный материал.
- ✓ Участие в жизни общества – выступления на местных мероприятиях, конференциях или семинарах по вопросам психического здоровья и благополучия.
- ✓ Членство в местных или национальных психологических ассоциациях, участие в конференциях, семинарах и мероприятиях для установления связей и следования современным тенденциям развития.

Важно отметить, что 34% участников придают большое значение роли психологов в учреждениях здравоохранения, тогда как 23% не придают большого значения роли психологов. Для части респондентов психология, как неотъемлемая составляющая комплексного подхода к здоровью, менее значима. Возможно, это отражает недооценку психологической поддержки в процессе физического выздоровления. Следует также учитывать, что доступность психологов в различных регионах и учреждениях может значительно различаться, что влияет на восприятие их роли и важности.

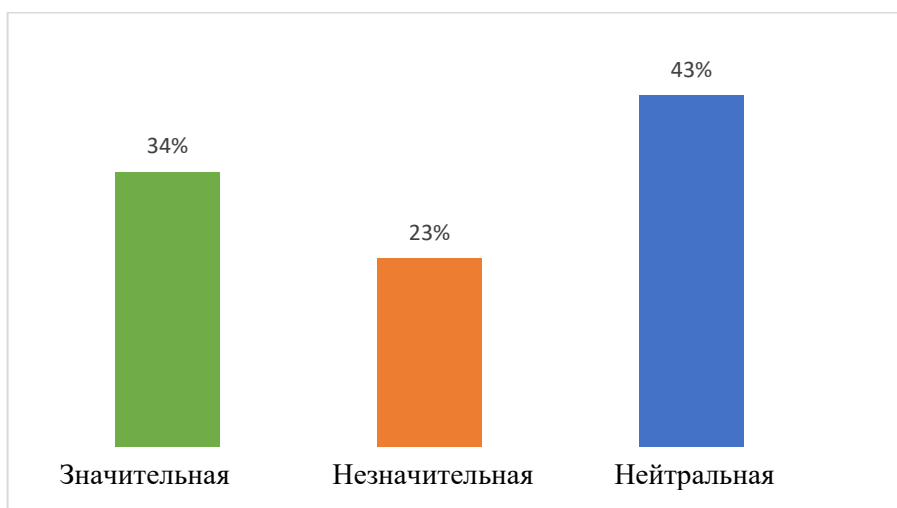

Рисунок 2. Показатели оценки значимости роли психолога.

Еще один важный факт, который необходимо зафиксировать, – пользователи психологических услуг в учреждениях здравоохранения не готовы платить за эти услуги. Они ожидают, что эти услуги будут полностью бесплатными для пользователей. 100% респондентов не были готовы дополнительно заплатить за предоставление психологической помощи в процессе лечения в мед. учреждениях.

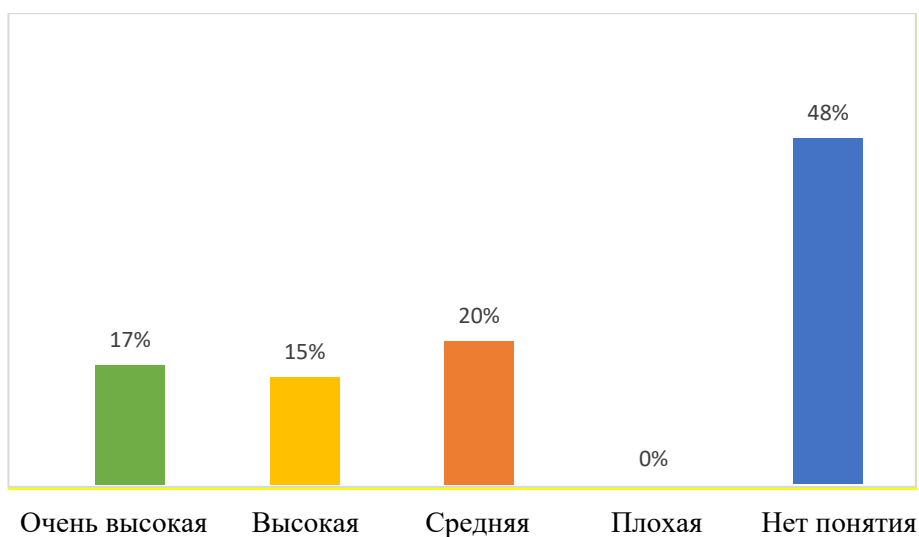

Рисунок 3. Оценка профессиональной компетентности психологов.

Несмотря на то, что более половины участников пользовались услугами психолога в учреждениях здравоохранения, почти половина участников, 48%, предпочли оставаться нейтральными в оценке профессиональных способностей психологов. Это может свидетельствовать о том, что не все пациенты имеют четкое представление о качестве и эффективности предоставляемых услуг. Возможно, нейтральная позиция обусловлена отсутствием достаточного опыта взаимодействия с психологами или невозможностью объективно оценить результаты их работы. Кроме того, такой высокий процент нейтральных оценок может отражать сомнения или неуверенность в системах здравоохранения и психологической помощи в целом. Но, важно отметить, что 63% участников считают, что использование психологических услуг в медицинских учреждениях является эффективным.

Результаты опроса сопоставлялись с ранее проведенном контент-анализом источников распространения информации о психологических услугах (Психологические сайты, Сайты медицинских центров, Фейсбук, Инстаграм и др.). В исследовании также анализировалась информация о том, какие информационный посылы содержится в контенте, а именно: методы психологической диагностики, консультирования и воздействия, достижения специалистов и их профессиональная направленность и т.п. Сопоставления ответов респондентов о наличии подобных показателей о психологических услугах или деятельности психолога лечебного учреждения выявило следующие результаты: большинство респондентов предоставили уровень информированности об услугах из обыденных бесед («сарафанное радио») – 39,8%; социальных сетей – 25,6%, буклетов мед. или информационных бюллетеней центров – 19,7%, телевизионных передач о здоровье – 14,6%. При анализе официальных и социальных сайтов медицинских центров было выявлено, что только 3 из 7-и центров ведут активную деятельность по позиционированию психологических услуг.

Подводя итоги, можно заключить, что осведомленность населения о психологических услугах в медицинских учреждениях находится на достаточно высоком уровне, однако существует значительное количество людей, которые остаются нейтральными в отношении профессиональной компетенции психологов и эффективности предоставляемых услуг, что может указывать на необходимость улучшения качества и доступности психологической помощи. Кроме того, несмотря на жела-

ние воспользоваться психологическими услугами, респонденты не готовы оплачивать эти услуги, ожидая, что они будут включены в общую стоимость комплексного лечения, что подчеркивает важность государственного финансирования и поддержки психического здоровья.

Основными каналами распространения информации остаются социальные сети и реклама, что подтверждает актуальность цифровых технологий в продвижении психологических услуг. Однако важно отметить, что в некоторых случаях роль психологов в медицинских учреждениях воспринимается как второстепенная, что требует дальнейшей работы по повышению ценности и значимости психологии в рамках комплексного подхода к лечению и восстановлению пациентов.

Таким образом, для повышения качества психологической помощи в медицинских учреждениях необходимо работать над улучшением информирования населения, повышением доступности и качества услуг, а также созданием условий для дальнейшего профессионального развития психологов в системе здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йованович В., Руднев М., Абдельрахман М., Абдул Кадир Н.Б., Адебайо Д.Ф., Акалийский П., Аласеел Р., Аванесян Х.М., Морета-Эррера Р., Мурадян М.Д. и др. (2024). Шкала тревожности по поводу Коронавируса: межнациональная инвариантность измерений и доказательства конвергентной валидности // «Психологическая оценка», 36 (1), 14–29: <https://doi.org/10.1037/pas0001270>.
2. Каракулак А., Тене Б., Димитрова Р. Аванесян Х. и др. Доверие к правительству смягчает связь между страхом перед COVID-19, а также эмпатической обеспокоенностью и профилактическим поведением // “Commun Psychol 1”, 43 (2023): <https://doi.org/10.1038/s44271-023-00046-5>.
3. Кукулидзе Т.Г., Бурангулов Р.Р. Потребность в профессиональных психологических услугах в современном обществе. Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, (2 (70)), 61–72: <https://spbacu.elpub.ru/jour/article/view/66>.
4. Сингх В., Кумар А. и Гунта С. (2022) Профилактика и укрепление психического здоровья – обзор нарративов // «Фронт. Психиатрия: 13:898009». DOI: 10.3389/fpsy.2022.898009.
5. Стельмах Е.В. (2023) Психологические аспекты продвижения услуг психолога-консультанта. Психологические аспекты продвижения услуг психолога-консультанта. Стратегии, платформы и инструменты продвижения услуг. Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. Историко-

критические обзоры и современные исследования], 12 (5A-6A). СС. 21–27.
DOI: 10.34670/AR.2023.28.26.004.

REFERENCES

1. Jovanović V., Rudnev M., Abdelrahman M., Abdul Kadir N., Adebayo D., Akaliyski P., Alaseel R., Avanesyan H. M., Moreta-Herrera R., Muradyan, M. et al. (2024). The Coronavirus Anxiety Scale: Cross-national measurement invariance and convergent validity evidence. *Psychological Assessment*, 36(1), 14–29:
<https://doi.org/10.1037/pas0001270>
2. Karakulak A., Tepe B., Dimitrova R., Avanesyan H. et al. Trust in government moderates the association between fear of COVID-19 as well as empathic concern and preventive behaviour. *Commun Psychol* 1, 43 (2023):
<https://doi.org/10.1038/s44271-023-00046-5>.
3. Kukulite T., Burangulov R. Need for Professional Psychological Services in a Modern Society. *Scientific notes of the Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics*, (2 (70)), 61–72:
<https://spbacu.elpub.ru/jour/article/view/66>
4. Singh V., Kumar A. and Gupta S. (2022) Mental Health Prevention and Promotion – A Narrative Review. *Front. Psychiatry* 13:898009. DOI: 10.3389/fpsy.2022.898009.
5. Stel'makh E. (2023) Psikhologicheskie aspekty prodvizheniya uslug psikhologa-konsul'tanta. Strategii, ploshchadki i instrumenty dlya prodvizheniya uslug [Psychological aspects of promoting services of a psychologist-consultant. Strategies, platforms and tools for promoting services]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historicalcritical Reviews and Current Researches], 12 (5A-6A). PP. 21–27.
DOI: 10.34670/AR.2023.28.26.004.

FEATURES OF POSITIONING PSYCHOLOGICAL SERVICES ON VARIOUS PLATFORMS AND THEIR PERCEPTION BY THE POPULATION

G. Avanesyan, M. Muradyan, S. Papoyan

Yerevan State University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

This article examines the features of positioning and promoting psychological services in the context of public perception, awareness, and willingness to seek psychological help. Observations show that modern approaches to mental health

prevention and maintenance, as well as their implementation through the promotion of psychological services by healthcare institutions, psychological centers, and relevant specialists, are widely represented on social media and in mass media. A special survey questionnaire was developed for the study, and a content analysis method of online resources was applied. The study involved 60 participants aged 20 to 46 living in Yerevan. The results indicated that psychological services provided by healthcare institutions are in demand, enabling users to receive comprehensive care. Among the various services offered, psychological services stand out as an essential component in promoting holistic well-being. However, there are certain problematic aspects that require further attention.

Keywords: psychological services, survey, online content, mental health, awareness, healthcare institutions.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КАК КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М.С. Аветисян, М.А. Айвазян

Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна,

Ереван, Армения

avetisyanmarianna23@aspu.am, marka.ayvazyan@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Психологические ресурсы – это внутренние сильные стороны личности, которые обеспечивают устойчивость и адаптивность в различных ситуациях. Они включают в себя эмоциональное равновесие, уверенность в собственных силах и предоставляют возможности для социальной поддержки и навыков. Эти ресурсы позволяют нам эффективно преодолевать трудности и управлять своими мыслями и эмоциями, что выражается в контексте адаптивности. Различные исследования показывают, что психологические ресурсы напрямую влияют на биологическую, психологическую и социальную адаптивность человека, что позволяет сочетать личные потребности и потенциал в соответствии с изменяющейся средой.

Цель статьи – изучить роль психологических ресурсов в процессе адаптации личности, опираясь на теорию К. Роджерс и Даймонд по анкете “Diamond” для оценки их влияния на уровень адаптации.

В исследовании приняли участие 80 сотрудников одной организации в возрасте 25–35 лет. Использовался метод тестирования и психологического интервью. Анализ результатов исследования показывает, что адаптация личности к трудовой среде определяется ее психологическими ресурсами и ситуативными характеристиками.

Ключевые слова: психологический ресурс, адаптация, интернальность, эмоциональная адаптация, самовосприятие.

Введение

Роль психологических ресурсов особенно актуальна в наше время, когда люди часто сталкиваются с изменениями окружающей среды, тре-

вогой, неуверенностью, проблемами отсутствия помощи и поддержки. Современный мир динамично меняется, принося с собой новые вызовы, где технологии, социальные отношения и повседневная жизнь постоянно претерпевают изменения, а умение адаптироваться стало основой успешности личности. Однако эмоциональные состояния, психологические кризисы и социальные стрессы постоянно требуют соответствующих ресурсов, чтобы противостоять вызовам и гибко адаптироваться.

Таким образом, тема исследования является весьма актуальной, так как в условиях возрастающей неопределенности, информационных потоков и перегрузок, усложнения социальных взаимодействий изучение психологических ресурсов личности приобретает особую значимость. Раскрытие внутренних сил и способностей человека, способствующих психическому благополучию, становится приоритетной задачей не только на индивидуальном, но и на общественном уровне. Таким образом, статья имеет практическое значение в сферах образования, рынка труда, психологической поддержки, способствуя развитию эмоциональной устойчивости, саморегуляции и жизнестойкости личности.

Теоретическая и информативная основа исследования

В последнее время в литературе активно освещается проблема психологических ресурсов, начиная с механизмов психологической защиты, механизмов совладающего поведения и заканчивая такими понятиями, как индивидуальный адаптивный и личностный потенциал, а также стрессоустойчивость и стрессоустойчивость.

Понятие психологического ресурса объясняется учеными с разных точек зрения и охватывает разные подходы.

Понятие «ресурсы» является междисциплинарным. В широком смысле, к ресурсам (“resource” (фр.) – вспомогательное средство) относится все то, что может быть использовано человеком для поддержания эффективного существования и качества жизни (С. Хобфолл). В таком понимании к ресурсам относятся: имущество, материальные объекты, акции, возможности, деньги, социальные связи, способности, которыми обладает отдельный человек, группа или сообщество.

В концепции Хобфолла потеря ресурсов рассматривается как основной механизм, запускающий стрессовые реакции [1].

Понятие «психический ресурс» характеризуется значительной содержательной вариативностью, отражающей несформированность его интерпретационной базы. В общем смысле слова, «ресурс» может рассматриваться как источник силы человека, как некоторая совокупность ценностей, запасов, возможностей, позволяющих выполнять повседневную деятельность, справляться с трудными жизненными ситуациями, решать задачи «жизнеспособности» личности [2].

Все психические ресурсы человека по их происхождению условно разделены на внешние и внутренние. Внешние ресурсы человека, имея форму социальной или социально-психологической поддержки, предполагают наличие у него способности воспользоваться этой поддержкой. Внутренние ресурсы представляют собой присущий человеку личностный потенциал, который актуализируется с помощью некоторого психологического инструментария [3].

Наряду с понятиями «психический ресурс» и «личностный потенциал», в последнее время говорят о возможности использования понятия «социально-психологический капитал личности», которое характеризуется как динамическая система отношений личности, представляющая собой ресурс, облегчающий достижение ею различных целей (А.Н. Татарко). По сути, это понятие тождественно понятию «психический ресурс». Вопрос о человеческих ресурсах имеет не только субъективную, но и социальную ценность. Ю.М. Забродин многократно подчеркивал, что Россия должна думать не только о целях и технологиях устойчивого развития, но и о ресурсах, которые могут обеспечить это развитие [4].

Д.А. Леонтьев представляет основную индивидуальную характеристику, ядро личности. Эффекты личностного потенциала обозначаются в психологии такими понятиями, как сила воли, сила «Эго», внутренняя поддержка, локус контроля, направленность действия и т.д. Ссылаясь на слова Д.А. Леонтьева и содержание понятия «личностный потенциал», С. Мади (1998) ввел понятие «жизнеспособность», которую автор рассматривает как базовый компонент личности, играющий решающую роль в процессе социализации личности [6]. С. Мэдди рассматривал «жизнеспособность» как неполную систему с тремя компонентами: вовлеченностью, контролем и принятием риска.

Вовлеченность напрямую зависит от уверенности человека в себе, его способности действовать успешно. Контроль отражает его готов-

ность ко всем аспектам его существования, уровень которой напрямую зависит от его стиля мышления и навыков управления эмоциями. Риск – это проявление поведения человека через опыт, через соответствующие эмоции.

Ресурсная проблематика современной психологии берет свои истоки в рассмотрении адаптационных возможностей человека, востребованных в напряженных, трудных, стрессовых и экстремальных типах ситуаций. Представляя собой процесс приспособления к определенным жизненным обстоятельствам, адаптация может протекать успешно с привлечением человеком определенных жизненных ресурсов [7].

Во многих подходах психические ресурсы рассматриваются с точки зрения способности человека к адаптации [8].

Содержание понятий существенно расширяет наше понимание изучаемого явления. Так, в работах Маклакова появляется понятие «личностный адаптационный потенциал», который содержательно раскрывается в рамках понятия адаптивности. По мнению исследователя, психологические особенности человека составляют его индивидуальный адаптационный потенциал, который включает самооценку человека, являющуюся основой саморегуляции» [9].

Адаптивные механизмы позволяют нам справляться с постоянно меняющимися условиями окружающей среды. Адаптивный процесс оптимизирует функционирование систем организма и достигает равновесия в системе «человек-окружающая среда» [10].

В этом контексте уместно рассмотреть концепцию субъективной жизненной силы Райана и Фредерика. Райан считает, что снижение жизненной силы препятствует самоактуализации, а конфликты оказывают чрезмерное воздействие на «Я» [11]. Концепция жизненной силы, разработанная здесь, основана на биоэнергетике «Я», которая основана на психологическом самосознании. Опыт создает благоприятные условия для самореализации, которая основана на постоянном потоке жизненной силы. А. Бандура выдвинул идею самоэффективности [12].

Самоэффективность рассматривается как убежденность человека в том, что он способен решать стоящие перед ним проблемы. Здесь важны и другие компоненты: соответствующие компетенции и мотивационные стимулы, как психологические ресурсы, при наличии которых человек может осуществлять выбор деятельности.

Александрова [13] рассматривала устойчивость как способность личности трансформировать неблагоприятные обстоятельства, осложняющие процесс развития и, следовательно, относимые к копинг-механизмам (стратегиям совладания).

Белинская [14] выдвигает идею о том, что решающую роль в динамических процессах совладания играет взаимодействие ситуативных характеристик и индивидуальных особенностей субъекта, заключающееся в формировании комплексной когнитивной оценки, включающей как интерпретацию субъектом ситуации, так и его собственные представления о ней. Таким образом, понятие психологических ресурсов объединяет адаптационный потенциал человека, включающий внутренние и внешние факторы.

Организация и методология исследования

В исследовании приняли участие 80 сотрудников одной организации в возрасте 25–35 лет. Они были разделены на две группы в зависимости от опыта работы. *Первая группа*: 40 сотрудников, имеющих стаж работы от 6 месяцев до 1 года (новички), и *вторая группа*: также 40 сотрудников, имеющих стаж работы от 3 лет и более (опытные). В частности, мы использовали опросник социально-психологической адаптации и связанных с ней черт личности К. Роджерса и Р. Даймонда. Диагностический опросник состоит из 101-го утверждения, значимость которых для индивида оценивается по шкале от 0 до 6 баллов [15]. Авторы выделили 6 показателей, раскрывающих социально-психологическую адаптацию: адаптация, склонность к принятию других, интернализация, самовосприятие, эмоциональная адаптация и стремление к доминированию. Полученные данные представлены в виде графика, на котором показано сравнение средних значений двух групп.

1. *Адаптация*. Способность к адаптации выше у новичков. Они, новички, в этой области более охотно принимают изменения и инновации. За прошедшие годы эксперты разработали собственные подходы, что может помешать их способности адаптироваться.

2. *Склонность принимать других*. Новые сотрудники более склонны принимать подходы и мнения других, в то время как опытные сотрудники более уверены в своих решениях и не ищут внешнего одобрения.

3. *Интернальность*. Опытные люди более внутренние – они считают себя ответственными за свои действия; у новичков эта ответственность ниже, они больше зависят от внешних факторов – товарищей по команде, руководителей.

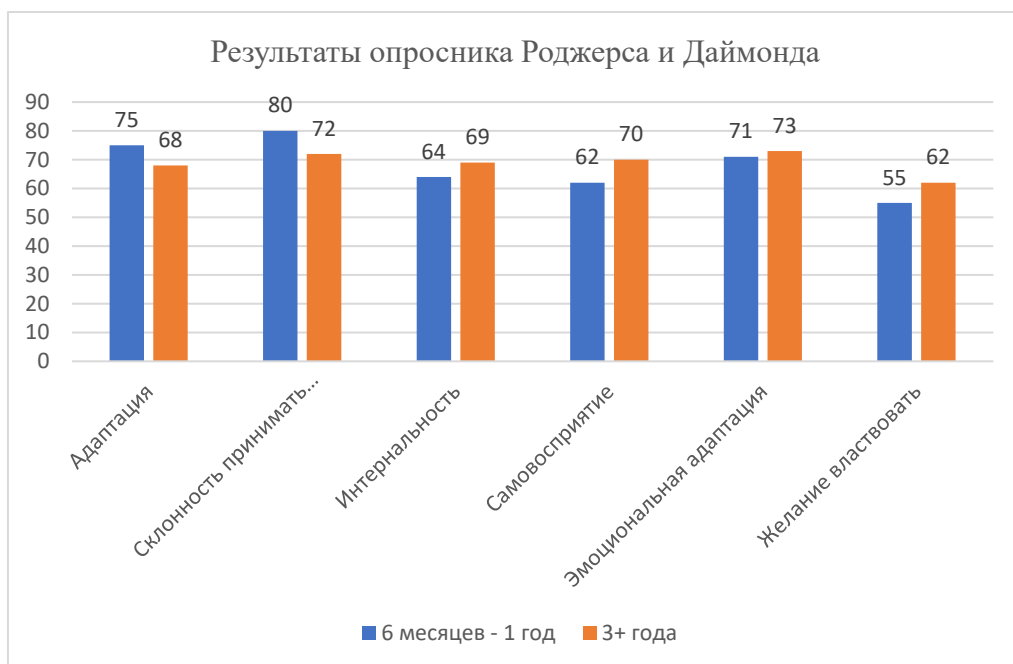

График 1. Результаты опросника Роджерса и Даймонда.

4. *Самовосприятие*. Опытные люди лучше знают свои сильные и слабые стороны, а профессиональный опыт делает их более уверенными в сложных ситуациях. А у новичков еще не сформирована устойчивая профессиональная идентичность, что может свидетельствовать о низком самовосприятии.

5. *Эмоциональная адаптация*. Этот показатель существенно не различается между двумя группами. Возможно, профессиональная среда не оказывает большого влияния на этот показатель. Это может зависеть больше от наследственных качеств, чем от опыта.

6. *Желание властвовать*. У опытных людей сильнее выражено желание оказывать влияние на окружающую среду, что обусловлено профессиональным ростом и готовностью брать на себя ответственность за

принимаемые решения. Новички находятся в роли последователей, роль лидеров будет возрастать по мере того, как их профессиональные способности станут более ощутимыми.

Выводы

Подводя итоги исследования, мы пришли к следующим выводам. Адаптация в трудовой среде зависит не только от профессиональных навыков, но и от психологических ресурсов, которые способствуют приспособлению к новым условиям и осуществлению эффективной деятельности. Анализ полученных данных позволил выделить адаптивные особенности двух групп.

I. Сотрудники со стажем работы от **6 месяцев до 1 года**, как правило, демонстрировали более высокую эмоциональную чувствительность и некоторые трудности с межличностной адаптацией. Их основными психологическими ресурсами были открытость новым вызовам, стремление к саморазвитию и важность социального взаимодействия, однако низкая самооценка и внешняя ориентация могли препятствовать полной адаптации. Они сильно зависят от социальной поддержки и динамики рабочей среды, более адаптивны и открыты.

II. Сотрудники со стажем работы **3 года и более** продемонстрировали более устойчивый уровень адаптации, что выражалось в высоком уровне самовосприятия, уверенности в межличностных отношениях, ярко выраженном проявлении автономности. Их психологические ресурсы включали опыт, уверенность в себе, более сильное чувство внутреннего контроля и более стабильную эмоциональную адаптацию. Они менее зависимы от внешних обстоятельств, склонны к господству, но с трудом приспособляются к изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Практическая психология образования: учебное пособие / Под ред. И.В. Дубровиной. СПб.: «Питер», 2004. 592с.
2. *Шадриков В.Д.* Духовные способности / В.Д. Шадриков. 2-е изд., доп. и перераб. М.: «Магистр», 1996. 104с.

3. *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. New York: "Viking Press", 1971.
4. *Забродин Ю.М.* Психология личности и управление человеческими ресурсами / Ю.М. Забродин. М.: «Финстатинформ», 2002. 360с.
5. *Леонтьев Д.А.* Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. 2002. Вып. 1 / Под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: «Смысл». СС. 56–65.
6. *Мадди С.Р.* Смыслообразование в процессе принятия решений // «Психологический журнал», Т. 26, № 6. 2005. СС. 87–101.
7. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-н/Д: «Феникс», 1996. 512с.
8. *Налчаджян А.А.* Социально-психическая адаптация личности. Ер.: Изд-во АН Армянской ССР, 1988. 263с.
9. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // «Психологический журнал», Т. 22, № 1. 2001. СС. 16–24.
10. *Березин Ф.Б.* Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л. , 1988. 268с.
11. *Ryan R., Frederick C.* On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being // Journal of Personality. 1997. Vol. 65, №. 3. PP. 529–565.
12. *Bandura A.* Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavior change // "Psychological Review", 1977. Vol. 84. PP. 191–215.
13. *Александрова Л.А.* О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // «Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета». Т. 51, № 7. 2005.
14. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема // «Психологические исследования: электрон. науч. журн.», № 1 (3). 2009. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.03.2025).
15. [Эл. ресурс]. URL: <https://goo.gl/QbchA> (дата обращения: 12.03.2025).

REFERENCES

1. Practical Psychology of Education: a textbook / Ed. by I.V. Dubrovina. St. Petersburg: "Piter", 2004. 592p.
2. *Shadrikov V.* Spiritual abilities / V.D. Shadrikov. 2nd ed., supplemented and revised. Moscow: "Magistr", 1996. 104p.
3. *Maslow A.* The Farther Reaches of Human Nature. New York: "Viking Press", 1971.

4. *Zbrodin Yu.M.* Psychology of personality and human resource management / Yu. M. Zbrodin. Moscow: "Finstatinform", 2002. 360p.
5. *Leontiev D.* Personality in personality: personal potential as a basis for self-determination // Scientific notes of the Department of General Psychology of Moscow State University. Lomonosov. 2002. Issue 1 / Ed. B.S. Bratus, D.A. Leontiev. Moscow: "Smysl". PP. 56–65.
6. *Maddi S.* Meaning formation in the decision-making process // "Psychological Journal", Vol. 26, No. 6. 2005. PP. 87–101.
7. *Petrovsky V.* Personality in Psychology: the Paradigm of Subjectivity. Rostov-on/D: "Phoenix", 1996. 512p.
8. *Nalchadzhyan A.* Social and mental adaptation of personality. Er.: Publishing house of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1988. 263p.
9. *Maklakov A.* Personal Adaptation Potential: Its Mobilization and Forecasting in Extreme Conditions // "Psychological Journal", Vol. 22, No. 1. 2001. PP. 16–24.
10. *Berezina F.* Mental and Psychophysiological Adaptation of Man. Leningrad, 1988. 268p.
11. *Ryan R., Frederick C.* On Energy, Personality, and Health: Subjective Vitality as a Dynamic Reflection of Well-Being // "Journal of Personality", 1997. Vol. 65, No. 3. PP. 529–565.
12. *Bandura A.* Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavior Change // "Psychological Review", 1977. Vol. 84. PP. 191–215.
13. *Aleksandrova L.* On the components of personality resilience as the basis for its psychological security in the modern world // "Bulletin of the Taganrog State Radio Engineering University". Vol. 51, No. 7. 2005.
14. *Belinskaya E.* Coping as a socio-psychological problem // "Psychological research: electronic scientific journal", No. 1 (3). 2009. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 12.03.2025).
15. [El. resource]. URL: <https://goo.gl/QbchA> (date of access: 12.03.2025).

PSYCHOLOGICAL RESOURCES AS KEY FACTORS IN PERSONAL ADAPTATION TO PROFESSIONAL ACTIVITY

M. Avetisyan, M. Ayvazyan

Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

Psychological resources are the internal strengths of an individual that provide resilience and adaptability in various situations. These include emotional balance, self-

confidence, and the ability to access social support and skills. Such resources enable individuals to effectively overcome challenges and manage their thoughts and emotions, which is reflected in adaptive behavior. Various studies show that psychological resources have a direct impact on a person's biological, psychological, and social adaptability, allowing for the integration of personal needs and potential in accordance with a changing environment.

The aim of this article is to explore the role of psychological resources in the process of personal adaptation, based on the theory of C. Rogers and using the “Diamond” questionnaire to assess their influence on the level of adaptation. The study involved 80 employees of a single organization, aged 25–35. Testing and psychological interviews were used as research methods. The analysis of the results shows that personal adaptation to the work environment is determined by an individual’s psychological resources and situational characteristics.

Keywords: psychological resource, adaptation, internality, emotional adaptation, self-perception.

МОДЕЛИ ЕДИНСТВА МНОЖЕСТВЕННЫХ ЭГО-ПРОЯВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

Г.В. Акопов, Л.С. Акопян

Самарский государственный социально-педагогический университет,

Самара, Россия

akopovgv@gmail.com, akolubov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Определена возможность анализа множественных «Я»-проявлений личности в логике различных видов единства сознания. В качестве оснований исследования избраны: многоаспектно оформленная Л.И. Анцыферовой процессуально-динамическая теория личности в сопряжении с практико-ориентированной концепцией М.Ш. Магомед-Эминова о механизмах трансформации личности; культурно-деятельностная трактовка «Я», осуществленная В.А. Петровским; структурно-функциональная концепция единства сознания личности и группы (Г.В. Акопов). «Мультисубъектность» и множественность функциональных «Я»-образов рассматриваются в контексте феноменального сознания.

Ключевые слова: личность, «Я», многомерность сознания, полисубъектность, множественная идентичность, единство сознания, уровни единства

Введение

В научном наследии Л.И. Анцыферовой особое место занимает тема личности и целостности ее множественных проявлений. В поисках механизмов, обеспечивающих целостность, последовательно обоснованы «принцип общения» и «принцип диалогичности сознания» [6]. Общение, согласно автору, реализуется в двух формах: как средство организации деятельности и как средство удовлетворения духовной потребности в другом человеке. Оно выступает как основа «диалогичности природы личности, внутренний мир которой функционирует как скры-

тый диалог...» в разных социальных контекстах. При этом человек «занимает различные позиции: утвердить, оправдать, возвысить себя, убедить другого...» [6, с.с. 23, 32–33]. Автор отмечает «стремление (человека) воссоздать себя в смысловых системах других людей», занять особое место в их личностном пространстве, воссоздать в формах своего «Я» ценностно-смысловые позиции круга своих собеседников и, в то же время, оттолкнуть чужое и чуждое, отторгнуть в себе то, что стихийно вошло во внутренний мир, но не принимается человеком как субъектом своего внутреннего мира» (там же, с. 33).

Теоретическая и информативная основа исследования

В этом контексте, в ином категориальном оформлении, вопрос единства и/или целостности различных внутренних позиций и поведенческих проявлений личности у разных исследователей приобретает характер проблемы, связанной с положением о многомерности сознания, сформулированным В.Ф. Петренко, и в соответствующей «оптике», просматриваемой в работах отечественных авторов по психологической проблематике сознания (В.Ф. Петренко, В.М. Аллахвердов, А.В. Карпов, В.И. Панов, Е.В. Субботский и др.). В данной статье понятия «единство» и «целостность» используются синонимично; одна из трактовок, дифференцирующих понятия «целостность» и «единство», приведена в статье Г.В. Аكوпова [1].

Оформленный М.Ш. Магомед-Эминовым теоретический конструкт «связывания» позволяет приблизиться к решению проблемы целостности или единства совокупности множественных «Я»-образов и согласуется с уровневой концепцией единств сознания личности [10]. В связи с понятием связывания уместно отметить, что в зарубежной «науке о сознании» существует ряд исследований, в которых для объяснения феномена единства сознания вводится понятие “binding” (скрепление, переплет), а «Я»-центрация рассматривается в качестве одного из видов единства в логике универсальности феноменального сознания [1].

Автор дифференцирует различные «Я» по источникам «целостного множества проявлений» – таких, как: самость, самобытность, самотождественность, «экзоличность» (в авторской трактовке «непрерывно ситуационно самоопределяющаяся личность») – в отличие от

устоявшейся «эндоличности». Психологическая организация личности рассматривается как функция обеспечения единства посредством механизмов регуляции и контроле и самоконтроле, обеспечивающих контакты с «внешней и внутренней реальностью» [6, сс. 378–381].

Важно отметить органическую включенность и главенство «Я» в феноменальном сознании, являющемся у ряда авторов первоначальной основой всех видов сознания [1]. Такое решение проблемы многомерности сознания существенно упрощает обоснование тезиса о единстве множественных «Я» в логике единства сознания. Сохраняя эту логику, мы дифференцируем разные уровни единства (неразрывность) в следующих уровнях: а) **комплексное единство** как взаимосвязь всевозможных проявлений множества образов «Я»; б) **интегративное единство**, идентифицируемое как комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных проявлений образов и представлений личности о себе; в) **системное единство**, характеризующееся иерархичностью структуры интегративного единства; г) **метасистемное единство**, отличающееся рефлексивностью системных проявлений единства; д) **синергичное и метасинергичное единство**, определяемые самоорганизацией (внутренний план) и саморегуляцией (самоотраженный внешний план) функционирования сознания в условиях рефлексированной возможности бифуркации [1].

Основная часть

Категориальный подход [2] позволяет упорядочить многообразие «Я»-опытов личности, которые М.Ш. Магомед-Эминов сводит к семи типам [9, сс. 163–169]. Если учесть общность ряда критериев типологии, то, объединяя короткие и протяженные во времени состояния «Я»-опытов, можно выделить следующие три группы: 1. По критерию внешней оценки («от третьего лица»), согласно Магомед-Эминову, это – константное «Я», интегральное «Я» и предельное «Я»; 2. По критерию осознаваемости («от первого лица» – феноменальное «Я», концептуальное «Я» и субстанциальное «Я»; 3. По функции «оформленности единства сознания» – трансцендентальное «Я» (там же, с. 169). К сожалению, ключевой для настоящей статьи критерий единства (трансцендентальное «Я») в рассматриваемой монографии не получил эксплицитного содержательного развития. Вместе с тем оригинально раскрыта психологическая неразрывность внешнего и внутреннего планов актив-

ности личности. Автор обозначает такую неразрывность понятием «би-модальная интенциональность», а именно: «удержание в сознании внутренней интенции при актуализации внешней и наоборот», что соответствует «принципу связывания», «скрепления» различных «Я»-опытов (там же, с.с. 127, 130, 134, 144, 154). В авторском спектре различных моделей связывания иллюстративно приводятся случаи из психологической практики. Определены три формы (они же этапы) связывания: группировка, единение и «Я»-центрация (там же, сс. 154–161), которые можно рассматривать как различные уровни единства в сопоставлении с вышеуказанными тремя из четырех уровней единства сознания (см. выше).

Личность, как целостное образование в парадигмах субъектности и эго-проявлений, рассматривается в работах В.А. Петровского, М.М. Гришутиной и др. [8, 10]. Комплексная модель «психофизического целого в единстве четырех атрибутов» «Я» определяется В.А. Петровским в четырех измерениях. Человеческое «Я», как «мультисубъектное образование» в **субстантивной статике**, атрибутируется автором в следующих видах: а) экзистенциальное «Я»; б) феноменальное «Я»; в) полагающее «Я» и г) самоценное «Я» [10, сс. 37–38]. В **динамическом статусе**, как нам представляется, их же можно идентифицировать по видам объемлющего сознания в соответствующей номинативной последовательности: а) сенсорно-ориентационное, б) перцептивно-интенциональное, в) коммуникативно-действенное и г) самосозидающее. В этой модели могут быть также атрибутированы функции взаимосвязи и взаимообусловленности, что эквивалентно уровню интегративного единства. В такой версии подтверждается тезис В.А. Петровского, высказанный в беседе с В.А. Лефевром, о «целостности, осуществляемой на основе тяготения друг к другу... различных «Я», представленных в макрокосме индивидуальности» [10].

Заключение

Множественность персонологических «Я» в логике субъекта разнообразных действий и поведения может идентифицироваться (виды идентичности) в корпусе рассмотренных выше и иных эго-проявлений сознания (внутренний план проявлений личностной идентичности), а также проявлений социального сознания во внешнем плане, оформляе-

мых понятиями гендерной, возрастной, коллективной, гражданской, этно-культурной, региональной, профессиональной, виртуальной и других идентичностей. В качестве универсальных механизмов активации тех или иных видов идентичности, как говорилось выше, определяются процессы внешней и внутренней коммуникации, средствами которой выступает совокупность различных, в том числе несловесных «языков сознания», а также процессы рефлексии разнообразной направленности [3; 4]. Это позволяет «сосуществовать» множеству идентичностей в рамках единого сознания личности. Кризисы идентичности, а также «парадоксы идентичности», индуцируемые значимыми изменениями социальной ситуации, либо внутренними конфликтами [5] могут вызывать: смену образа и форм жизнедеятельности индивида посредством активации процессов внутренней и внешней коммуникации и их рефлексии, направленных на поиск новых видов самоопределения, самореализации и самоутверждения в тех или иных видах идентичности; либо переход к фазе «текущей идентичности», по версии Е.П. Белинской [7]. Широкая вариативность видов идентичности, закрепляемая в сознании и поведении субъекта, может быть обеспечена ограниченной совокупностью типов единства сознания в авторской уровневой модели [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопов Г.В.* Единство сознания: вариативность структурно-динамических оформлений // «Актуальные проблемы психологического знания, № 3 (64). 2023. СС. 9–41. DOI: 10.51944/20738544_2023_3_8.
2. *Акопов Г.В.* Типология проблем в новом познании сознания // «Мир психологии», № 2 (86). 2016. СС. 178–191.
3. *Акопов Г.В.* Неречевые языки сознания: постановка проблемы и возможности ее решения // «Ученые записки Института психологии РАН», № 1(1). Т. 1. 2021. СС. 23–29.
4. *Акопов Г.В., Акопян Л.С.* Внутренняя коммуникация личности: понятие, методы, исследования, фактология, теории /Инновационные социально-психологические технологии: от теории к практике // Материалы II Международного научно-практического фестиваля. Минск, 2024. СС. 20–24.
5. *Андреева Г.М.* К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций [Эл. ресурс] // «Психологические исследования»: электрон. науч. журн. № 6 (20). 2011. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.03.2024). 0421100116/0060.

6. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», изд. 2-е. 2006. 512с.
7. *Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // «Вестник Санкт-Петербургского государственного университета: Психология. Педагогика». Сер. 16. 2018. Т. 8. № 1. СС. 6–15. DOI:10.21638/11701/spbu16.2018.101
8. *Гришутина М.М., Костенко В.Ю.* Многообразие возможных Я: роль агентности и эмпирическая валидность // «Психология» Журнал НИУ ВШЭ. 2022. Т. № 2. СС. 405–423. DOI:10.17323/1813-8918-2022-2-405-423
9. *Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности. М.: «Психоаналитическая Ассоциация», 1998. 496с.
10. *Петровский В.А.* О статусе «Я» в культурно-деятельностном дискурсе // «-Культурно-историческая психология», № 1. Т. 19. 2023. СС. 35–40. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190105>

REFERENCES

1. *Akopov G.* Unity of consciousness: variability of structural and dynamic designs // “Actual problems of psychological knowledge”, No. 3 (64). 2023. PP. 9–41. DOI: 10.51944/20738544_2023_3_8.
2. *Akopov G.* Typology of problems in the new knowledge of consciousness // “The World of Psychology”, No. 2 (86), 2016. PP. 178–191.
3. *Akopov G.* Non-speech languages of consciousness: statement of the problem and possibilities of its solution // “Scientific notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, No. 1 (1). Vol. 1, 2021. PP. 23–29.
4. *Akopov G., Akopyan L.* Internal communication of the individual: concept, methods, research, factology, theories / Innovative socio-psychological technologies: from theory to practice // “Proceedings of the II International scientific and practical festival”, Minsk, 2024. PP. 20–24.
5. *Andreeva G.* On the issue of identity crisis in the context of social transformations [El. resource] // “Psychological research”: electronic scientific journal”, No. 6(20), 2011. URL: <http://psystudy.ru> (date of access: 03/09/2024). 0421100116/0060.
6. *Antsyferova L.* Personality development and problems of gerontopsychology. Moscow: Publishing house “Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2-nd ed. 2006. 512p.
7. *Belinskaya E.* Contemporary studies of identity: from structural certainty to processuality and incompleteness // “Bulletin of the St. Petersburg State University: Psychology. Pedagogy”. Ser. 16. 2018. Vol. 8. No. 1. PP. 6–15. DOI: 10.21638/11701/spbu16.2018.101
8. *Grishutina M., Kostenko V.* Diversity of possible Selves: the role of agency and empirical validity // “Psychology” Journal of the National Research University

Higher School of Economics. 2022. Vol. No. 2. PP. 405–423. DOI: 10.17323/1813-8918-2022-2-405–423.

9. *Magomed-Eminov M.* Personality transformation. Moscow: “Psychoanalytic Association”, 1998. 496p.
10. *Petrovsky V.* On the status of the “I” in cultural-activity discourse // “Cultural-historical psychology”, No. 1. V. 19. 2023. CC. 35-40.
DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2023190105>.

MODELS OF UNITY OF MULTIPLE EGO-MANIFESTATIONS OF PERSONALITY

G. Akopov, L. Akopyan

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

ABSTRACT

The possibility of analyzing multiple I-manifestations of personality in the logic of different types of unity of consciousness is determined. The following are selected as the basis for the study: the multi-aspect process-dynamic theory of personality formulated by L. Antsyferova in conjunction with the practice-oriented concept of M. Magomed-Eminov on the mechanisms of personality transformation; the cultural-activity interpretation of the “I” carried out by V. Petrovsky; the structural-functional concept of the unity of consciousness of the individual and the group (G. Akopov). “Multi-subjectivity” and the plurality of functional “I”-images are considered in the context of phenomenal consciousness.

Keywords: personality, “I”, multidimensionality of consciousness, polysubjectivity, multiple identity, unity of consciousness, levels of unity.

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЛЮДЕЙ С РАЗНЫМ ТИПОМ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ*

Н.А. Андреева (Голубева)¹, Я.В. Малышева²

¹Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ПНЦ ПАО), Москва, Россия

*²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
9268881525n@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Сегодня практически каждый человек является участником сетевой революции познания современного, быстро изменяющегося мира. Бурное развитие цифровой архитектуры позволило цифровой среде стать современным направлением познания повседневности. Цифровое пространство плотно вошло в повседневность каждого человека [1]. В данной статье представлены результаты исследования особенностей стиля идентичности и его связи с типом вероисповедания. Исследуются различия в степени удовлетворенности жизнью, анализируется ведущий способ восприятия и переработки информации на предмет различий. В исследовании приняли участие 107 человек, которые были распределены в три группы по типу их религиозных убеждений. В рамках исследования была изучена совокупность представлений, убеждений и ощущений, которые человек имеет о себе, а также его принадлежность к различным религиозным и культурным группам. Важным аспектом стало изучение того, как эти самоощущения влияют на формирование идентичности человека в современном цифровом пространстве.

Ключевые слова: транзитивность, повседневность, цифровая идентичность, религиозная идентичность.

* Исследование выполнено в рамках госзадания, проект FNRE-2024-0016 «Психологические эффекты цифровизации образовательной среды: возможности когнитивного и личностного развития и риски социализации»

Введение

Современная психология сталкивается со многими проблемами и задачами, которые сопряжены с транзитивностью. Происходят глобальные трансформации, меняются и создаются новые ценности и представления, стираются и формируются новые нормы и установки, при этом все эти процессы характеризуются высокой степенью неопределенности, где сбивы ориентиры. В своих работах Т. Марцинковская отмечает то, что необходимо помнить, что транзитивность является не только социальной, внешней, но и психологической, духовной [2, 3]. Важным для понимания динамики текучести и устойчивости повседневности необходимо отметить роль религии и искусства, где последнее выступает как овладение и расширение границ современности человечества и наращивание культурных практик освоения неопределенности. А религия «культурная практика психотерапии неопределенности, ценностная герметизация инвариативных моделей мира, духовное производство нравственных установок и традиций как стабилизаторов социального поведения человека в разных культурах» [4, 5]. Современная социокультурная динамика характеризуется как многоаспектный конструкт, значительную часть которого занимают цифровые аспекты и технологии, влияющие на переосмысление традиционных вероисповеданий и формирование новых форм религиозной идентичности.

В глобальном мире наблюдается трансформация религиозного сознания, связанная с интеграцией информационных технологий в повседневную жизнь. Одновременно происходит децентрализация культурно-религиозных идентичностей, ослабление связей с традиционными религиозными учениями и увеличение фокуса на индивидуализм и самовыражение в цифровом пространстве. В современном обществе происходит изменение в восприятии религии, где духовные и гуманистические ценности постепенно сменяются прагматичным и инструментальным подходом к религиозным практикам. Эта тенденция отражает широкую ориентацию на личную выгоду и удовлетворение через цифровые сервисы и платформы [6]. Под влиянием цифровизации формируется «цифровая идентичность» верующих, которая проявляется в создании онлайн-сообществ, виртуальных церквей и ведении религиозной деятельности через интернет-платформы. Это не только предоставляет новые возможности для вероисповедания и духовного общения, но и по-

рождает риски упрощения и потери подлинного религиозного опыта и контакта.

Таким образом, эволюция религиозной идентичности в цифровую эпоху вызывает исследовательский интерес в изучении её влияния на личностное и общественное развитие.

Целью нашего исследования стало изучение особенностей стиля цифровой и информационной идентичности у людей с различным типом вероисповедания.

Теоретическая и информативная основа исследования

В исследовании приняли участие 107 респондента в возрасте от 18 до 35 лет: мужчины (50 человек) и женщины (57 человек), средний возраст участников – 25 лет. Респонденты были разделены на три группы в зависимости от их религиозных убеждений: 46 – верующих, 31 – атеист и 30 – лиц, не определившихся с вероисповеданием. Данное разделение позволяет детально исследовать взаимосвязь между религиозной идентичностью и информационной идентичностью в контексте их влияния на обработку информации и формирование социальных связей в цифровую эпоху.

Для детализированной оценки и операционализации параметров, необходимых для проведения исследования, были использованы следующие психологические методики, каждая из которых оценивает конкретные аспекты личности и поведения:

- ✓ Тест Ю.В. Щербатых для определения структуры индивидуальной религиозности. Этот метод позволяет оценить уровень и структуру религиозных убеждений у индивидов. Он включает вопросы, направленные на выявление религиозной активности, верований, ритуального поведения и моральных норм, которые следует человек в своей повседневной жизни.
- ✓ Тест Б.А. Левиса и Ф. Пукелика ориентирован на выявление ведущего канала восприятия, переработки и хранения информации.
- ✓ Шкала удовлетворенности жизнью (SWLS), разработанная Эдом Динером, предназначена для оценки степени удовлетворенности жизнью в целом.

- ✓ Методика М. Берзонски «Стиль идентичности» используется для анализа стратегий, которые человек применяет при формировании своего «Я»-образа и решении личностных дилемм.
- ✓ Шкала общей самоофективности (GSE), разработанная Р. Шварцером, предназначена для измерения веры индивида в свои способности успешно справляться с разнообразными трудностями и вызовами жизни.
- ✓ Опросник «Информационные предпочтения и информационная осведомленность», автор: Н.А. Андреева: Цель: Изучение особенностей информационных предпочтений и уровня информационной осведомленности.

Анализ результатов исследования. Для изучения гендерных различий в структуре индивидуальной религиозности, было применено независимое сравнение по половому признаку, используя критерий U Манна-Уитни для независимых выборок. В исследование были включены следующие субшкалы теста Ю.В. Щербатых:

Философия ($p=0,003$), магия ($p=0,008$), религия как поддержка и утешение ($p=0,002$), внешние признаки религиозности ($p=0,001$), интерес к загадочным и таинственным явлениям ($p=0,008$), вера в творца и признавать существование высшей силы ($p=0,002$), наличие религиозного самосознания, образец моральных норм поведения ($p=0,001$).

При сравнении двух групп по структуре индивидуально религиозности нами обнаружено, что женщины демонстрируют более высокий интерес к идеалистической философии по сравнению с мужчинами. Женщины выражают более сильную склонность к вере в магические явления, чем мужчины, а также склонны искать утешение и поддержку в религиозных учениях. При этом и мужчины и женщины показывают примерно равные уровни внешнего выражения религиозности. Оба пола демонстрируют схожие уровни восприятия религии как источника моральных норм.

Также несмотря на небольшие колебания в средних значениях по полам, гендерные различия в стилях восприятия, переработки и хранения информации в данной выборке не выражены значительно. При этом у женщин мы видим ведущий канал восприятия – кинестетический (39%), а у мужчин аудиальный (36%). Аудиальные способности у не-

рующих выше по сравнению с верующими и теми, кто пока не определился. Критическое значение p для сравнения между неверующими и верующими составило 0.005, что указывает на высокую статистическую значимость этих различий.

Результаты парных сравнений показали, что уровень кинестетического восприятия значительно выше у верующих, чем у неверующих. Это может быть связано с тем, что с точки зрения психологии религии, интенсивное взаимодействие с религиозными практиками может приводить к более выраженной сенсорной вовлеченности, что, в свою очередь, усиливает кинестетическое восприятие. Это предположение согласуется с теорией вложенного внимания, согласно которой интенсивное погружение в деятельность, требующую физической координации и осознания, может улучшать способность к восприятию тонких физических сигналов.

Результаты критерия Краскала-Уоллиса ($p = 0.980$) показали, что статистическая значимость различий между мужчинами и женщинами по удовлетворенности жизнью отсутствует. Это подтверждает, что медианы распределений по удовлетворенности жизнью для мужчин и женщин статистически не различаются, что указывает на одинаковый уровень удовлетворенности жизнью у обеих групп. Таким образом, мы можем констатировать отсутствие различий удовлетворенности жизнью между мужчинами и женщинами.

Анализируя результаты по стилю идентичности М. Березонски (информационный стиль) между мужчинами и женщинами, можно отметить следующее: что медианные значения у мужчин значительно выше, чем у женщин. Это указывает на потенциально более активное использование информационных каналов восприятия у мужчин по сравнению с женщинами в данной выборке. Дополнительно, статистика критерия Краскала-Уоллиса подтверждает наличие статистически значимых различий между группами ($p=0,048$), существуют половые различия в использовании информационных каналов восприятия.

Интересные результаты получены в изучении ведущего стиля идентичности. Так для выборки верующих и считающих себя аутистами ведущим стилем идентичности является нормативный 100% у верую-

щих и 87% – атеисты. При данном стиле идентичности респонденты предпочитают руководствоваться семейными традициями, социальными и/или групповыми нормами, то есть следует уже готовым и социально желательным образцам и решениям, что отражает и приверженность религиозным предпочтениям. При этом у группы неопределившихся (60%) ведущим стилем идентичности является информационный, при котором человек стремится получить максимум информации в случае ситуации выбора, прежде чем принять решение о важности для себя любой цели, значимости той или иной позиции и ценности, того или иного направления своего развития и 40% выборки показали диффузный стиль, при котором человек живет без сформированной позиции (идентичности) и принимает решения, формулирует ответы прямо по ходу развития конкретной ситуации социального взаимодействия или же отсрочивает принятие решений на неопределенное время.

При анализе результатов статистической обработки данных, проведенной с использованием критерия Краскала-Уоллиса, была установлена статистически значимая разница между мужчинами и женщинами в отношении их информационных предпочтений и информационной осведомленности. Значение критерия статистики составило 6,376, с уровнем значимости $p=0.012$, что указывает на наличие различий между гендерными группами в данной сфере. Более низкие медианные значения у мужчин по сравнению с женщинами могут отражать различные подходы к обработке и восприятию информации.

Было выявлено наличие статистически значимых различий в структуре информационных предпочтений между группами с различными вероисповеданиями. Результаты анализа указывают на то, что у верующих показатели информационных предпочтений оказались значительно ниже по сравнению с неверующими ($N=49,700$, $p<0,001$) и лицами, которые еще не определились с вероисповеданием ($N=39,788$, $p<0,001$). Высокая религиозность коррелирует с консервативным использованием цифровых платформ, а именно, что религиозные убеждения могут оказывать влияние на способы обработки и восприятия информации, причем верующие, по-видимому, менее склонны к активному информационному поиску по сравнению с неверующими людьми или теми, кто не определился с религиозными убеждениями.

Были выявлены статистически значимые различия в уровне самооэффективности между группами с различным отношением к религии. В частности, уровень самооэффективности оказался выше у верующих по сравнению с неверующими и индивидами, которые ещё не определились со своим религиозным статусом. Значимость различий между неверующими и верующими составила $p=0.002$ с поправкой Бонферрони на множественные сравнения, равной 0.009, что подтверждает статистическую значимость результатов. Также были выявлены значимые различия между верующими и теми, кто пока не определился с вероисповеданием ($p=0.002$; коррективная Бонферрони – 0.015). Эти данные могут свидетельствовать о том, что религиозные убеждения способствуют укреплению уверенности индивида в своих силах и способности справляться с вызовами, что в свою очередь подкрепляет психологическую устойчивость и саморегуляцию.

В условиях глобализации и цифровизации общества возрастает потребность в понимании того, как религиозные убеждения формируют информационные предпочтения и стратегии поиска информации в Интернете. Анализ корреляций между типом вероисповедания и различными аспектами информационной идентичности позволил выявить значимые взаимосвязи, которые подчеркивают, как вероисповедание может способствовать или ограничивать информационное открытие и участие в цифровом пространстве.

Было обнаружено отсутствие значимых связей между уровнем религиозности и стилем взаимодействия с цифровыми технологиями, что может свидетельствовать о многообразии подходов к технологическому использованию среди верующих и отсутствие приверженности к консервативным платформам. Не обнаружено значимых связей между уровнем удовлетворенности жизнью и религиозной принадлежностью, что предполагает независимость этих аспектов. Также обнаружено отсутствие положительной связи между удовлетворенностью жизнью с активным поиском информации в Интернете. Это указывает на потенциальное разнообразие источников удовлетворенности, не связанных напрямую с информационной активностью в Интернете.

Обнаружена значимая положительная связь между «Информационным» стилем идентичности и «Информационными предпочтениями» ($r = 0.368$, $p = 0.012$), что подтверждает активное взаимодействие индивидов с высоким уровнем информационного стиля идентичности с цифровым контентом.

Заключение

В заключение об особенностях стиля информационной идентичности у людей с разным типом вероисповедания, можно утверждать, что важным фактором, определяющим траекторию цифровой трансформации, является скорость развития технологий. Это, в свою очередь, приводит к значительным социально-экономическим изменениям, которые требуют глубокого анализа их влияния на человеческую жизнь в контексте перехода в новую эпоху. Религиозные убеждения формируют отношение к принятию и использованию технологий в различных общинах.

Исследована совокупность представлений, убеждений и ощущений, которые человек имеет о себе, а также его принадлежность к различным религиозным и культурным группам. Важным аспектом стало изучение того, как эти самоощущения влияют на формирование идентичности человека в современном цифровом пространстве. Полученные результаты указывают на сложность и многогранность взаимосвязей между религиозной идентичностью и цифровым поведением, подтверждая необходимость более глубокого изучения данной тематики в контексте современных социокультурных трансформаций. Полученные результаты говорят об отсутствии связей между уровнем удовлетворенности жизнью и религиозной принадлежностью.

Таким образом, данное исследование указывает на то, что религиозная принадлежность не обязательно оказывает прямое влияние на уровень удовлетворенности жизнью, что может свидетельствовать о широком диапазоне индивидуальных, культурных и психологических факторов, влияющих на этот аспект жизни человека, а цифровая среда дополняет картину современности, где принципиальная недосказанность досказывается, дополняется благодаря цифровым возможностям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г.* Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: «Просвещение», 2012.
2. *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: «Акрополь», 2018.
3. *Гусельцева М.С.* Осознанность как фактор устойчивости личности в меняющемся мире // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология», № 3. Т. 14. 2024. СС. 414–433. DOI: 10.21638/spbu16.2024.302
4. *Доусон К.Г.* Религия и культура. СПб.: «Алетейя», 2000. 281с.
5. *Марцинковская Т.Д., Андреева Н.А., Преображенская С.В.* Информационная идентичность и восприятие информации как новая цифровая повседневность // «Вестник Санкт-Петербургского университета: Психология», № 3. Т. 13. 2023. СС, 347–361. DOI: 10.21638/spbu16.2023.304
6. *Марцинковская Т.* (2015). Современная психология – вызовы транзитивности. «Психологические исследования», 8 (42): <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533>

REFERENCES

1. *Asmolov A.* Optics of enlightening: sociocultural perspectives. Moscow: “Education”, 2012.
2. *5.Asmolov A., Shekhter E., Chernorizov A.* Preadaptation to uncertainty as a strategy of developing systems navigation: The ways of evolution. Moscow: “The Acropolis”, 2018.
3. *Dowson C.* Religion and Culture. Saint Petersburg: “Aleteya”, 2000. P. 281.
4. *Guseltseva M.* Mindfulness as a factor of personal stability in a changing world. Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology, 2024, vol. 14, issue 3. PP. 414–433. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.302> (In Russian).
5. *Martsinkovskaya T., Andreeva (Golubeva) N., Preobrazhenskaya S.* Transformations of Identity Styles in a Digital Society. Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology, 2023, vol. 13, issue 3. PP. 347–361 DOI: 10.21638/spbu16.2023.30.
6. *Martsinkovskaya T.* Modern psychology-challenges of transitivity. Psystudy 8 (42). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i42.533>.

FEATURES OF THE DIGITAL IDENTITY STYLE AMONG PEOPLE WITH DIFFERENT TYPES OF RELIGION*

N. Andreeva (Golubeva)¹, Y. Malysheva²

*¹ Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research,
Moscow, Russia*

² Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaya pl., Moscow, Russia

ABSTRACT

Nowadays, almost everyone is a participant in the online revolution of cognition in today's rapidly changing world. The rapid development of digital architecture has allowed the digital environment to become a modern direction of cognition of everyday life. The digital space has become a part of every person's daily routine [1]. The article presents the results of a study of the features of identity style and its relationship with the type of religion. The differences in the degree of life satisfaction are investigated, and the leading way of perceiving and processing information for differences is analyzed. The study involved 107 people who were divided into three groups according to the type of their religious beliefs. The study examined the totality of ideas, beliefs and feelings that a person has about himself, as well as his belonging to various religious and cultural groups. An important aspect was the study of how these self-perceptions influence the formation of human identity in the modern digital space.

Keywords: transitivity, everyday life, digital identity, religious identity.

* The work was supported by State assignment, project FNRE-2024-0016 "Psychological effects of digitalization of the educational environment: opportunities for cognitive and personal development and risks of socialization".

РЕАЛЬНОЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СФЕРЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

И.А. Аполлонов

*Кубанский государственный технологический университета,
Краснодар, Россия
obligo@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема соотношения реального и виртуального уровней сферы культурных ценностей современной цифровой культуры. Электронная культура формирует особое пространство, в котором духовные ценности обретают свое цифровое измерение. Анализ особенностей электронного измерения произведений изобразительного искусства показал несколько форм их виртуального существования: информационно-аналитический, основанный на создании цифровых копий произведений; вместе с тем, подобные копии могут быть особым способом их интерпретации, обладающим собственной культурной ценностью. Перемещение изображений в цифровое пространство может приводить к инобытию художественного образа: созданию на его основе нового визуального продукта. Обосновано, что создание цифрового продукта должно быть направлено на формирование у человека потребности на встречу с подлинными произведениями искусства.

Ключевые слова: пространство культуры; цифровизация; культурные ценности; реальное и виртуальное измерение произведений изобразительного искусства; цифровой продукт; интерактивная карта города.

* Исследование выполнено при поддержке Кубанского научного фонда (проект № НИП-20.1/209 «Интерактивная цифровая среда как инструмент реализации социально-экономического потенциала изобразительного искусства г. Краснодара»)

Введение

В условиях глубоких социальных преобразований формирование духовных ценностей способствует сплоченности общества, укреплению государственности, развитию экономических и социальных структур. При этом современный этап развития культуры характеризуется высокой динамикой распространения цифровых технологий, ускоряющих информационные и коммуникативные процессы практически во всех сферах деятельности, что ведёт к эффекту имплозии – сжатия пространства, времени и информации [4, с. 58]. В данном контексте трансформируется сама структура культурных ценностей, трансляция и восприятие которых становится многоканальным [5, с.119], а сами они обретают цифровое измерение. Тем самым виртуальное пространство культуры является одним из каналов развития ценностно-смысловой сферы личности, способствующей интериоризации духовного содержания объектов культуры в пространство личностных смыслов, направленное на формирование субъектности, гражданской позиции и эстетического вкуса. Вместе с тем цифровая трансформация культуры, наряду с прогрессивными эффектами, несет в себе изменения ценностно-смысловой сферы личности. Соответственно, важной научной проблемой в настоящее время становится определение средств, методов, технологий, способствующих развитию этой сферы в изменяющихся условиях, связанных с цифровизацией общества в целом.

Основная часть

Таким образом, информационная эпоха – это не только технологически новый этап развития общества, но и особый тип культуры, коммуникации, экономики, предельной интеграции человечества в единое информационное пространство, связывающее новыми связями природный мир, общество и человека в целостную систему. Электронная культура (Digital Culture, E-culture) – это, прежде всего, новая сфера деятельности человека, связанная с созданием цифрового измерения духовных и материальных объектов, в том числе произведений изобразительного искусства, музыки, театра, кино и т.д. Электронная культура позволяет человеку обрести еще одну форму бытия, которая, будучи связанной с

информационными технологиями, становится качественно новым феноменом – своего рода «третьей природой», следующей за естественной средой обитания и «миром вещей». Человек обретает в виртуальном пространстве свое «иное» информационное бытие, тем самым в определенной степени способствуя преодолению ограниченности своих биосоциальных возможностей [7]. Вместе с тем, взаимосвязь этих уровней бытия человека представляет собой сложную и противоречивую структуру, которая может усложнить, открывая новые ракурсы присутствия предметного мира в жизни человека, создавая возможности личностного развития и духовного роста, а может, наоборот, разрушить личностную сложность, упростить ее до уровня потребителя клипов и мемов.

В данной статье мы рассматриваем бытие произведений изобразительного искусства в цифровом измерении. Исследование взаимосвязи реального и виртуального уровней репрезентации произведений изобразительного искусства отталкивается от рассмотрения виртуальной среды как многомерного образования, которое образует особый «третий мир» электронной культуры [3], основу которого составляют цифровые аналоги физических объектов, а средоточием – субъекты, участвующие в интеракциях, как с данными аналогами, так и друг с другом. Каждое из измерений подобной среды выявляет определенное отношение, с одной стороны, с воспроизводимой реальностью, а с другой – с субъектом интеракций. В данном контексте виртуальная среда представляет собой, прежде всего, информационное пространство, передающее сведения о копируемых объектах, что открывает перед человеком широкие возможности для разнообразных процессов коммуникации, предметами которых являются исходные объекты [1].

Вместе с тем, информация об объекте, переносимом в виртуальное пространство, предполагает не просто его цифровую копию, а создание презентации, в которой важна подача оригинала, раскрытие его существенных свойств и субъективной значимости. Тем самым, виртуальный объект выступает в качестве интерпретации оригинала, его смысловым дополнением. В перспективе подобный объект обретает самостоятельность и становится инобытием оригинала, его симулякр, который тиражируется и плодит собственные цифровые следы. Сама виртуальная среда при этом становится мнимой имитационной реальностью [6, с. 70], для которой физическая реальность произведения изобразительного

искусства становится лишь информационным ресурсом для создания электронных презентаций, в том числе и цифрового преобразования исходного оригинала. Попадая в подобную среду, произведения искусства теряют духовное измерение оригинала. Редуцируются и духовные запросы у субъектов, взаимодействующих с данным измерением виртуальной реальности, поскольку беглое просматривание цифровых копий произведений искусства, и тиражирование их качестве мемов не предполагает богатства смыслов и переживаний. Таким образом, виртуальная репрезентация произведений изобразительного искусства в цифровой интерактивной среде должна быть направлена на формирование у человека эстетических потребностей и запросов на встречу с подлинными произведениями искусства, а не желанием тиражировать их цифровые копии. Поэтому в данной среде необходимо создать условия для диалога всех интересующихся изобразительным искусством с художниками, искусствоведами и культурологами.

Соответственно, возникает необходимость создания цифрового продукта: интерактивной карты, объединяющей область изобразительного искусства в реальном культурном пространстве города, с его виртуальным измерением. Подобная интерактивная карта позволит интегрировать информацию об особенностях художественного пространства города: местах создания произведений искусства, галерей и выставочных пространств, арт-практик и образовательных центров изобразительного искусства.

Для создания цифрового продукта – интерактивной карты г. Краснодара с локализацией мест художественного творчества и произведений изобразительного искусства – необходим комплексный подход, сочетающий проведение культурологических, искусствоведческих и социально-психологических исследований. Разработка интерактивных карт различного назначения происходит на протяжении последнего десятилетия, но использование такого инструмента в качестве площадки для реализации продукции культурной направленности, применение такой платформы для виртуальной встречи в сети художников, галеристов, педагогов студий ИЗО и всех тех, кто проявляет интерес к области изобразительного искусства, позволяет говорить о новом инновационном подходе в культурологии. Создаваемая научно-техническая продукция универсальна и трансформируема под различные цели и задачи

и может применяться в иных сферах как для анализа данных, так и для развития различных мест – и городского художественного пространства и иных важных сфер Краснодарского края, например, туризма.

Цифровой ресурс дает возможность детального анализа предпочтений публики, посещающей объекты городского художественного пространства, что позволит развивать менее популярные объекты, повышая их привлекательность.

Помимо собственно информационных целей цифровой ресурс возможно использовать в деятельности галеристов и творческих объединений художников, поскольку интерактивная карта предоставляет виртуальную площадку, на которой возможна их встреча с потенциальными заказчиками, покупателями, поклонниками творчества, журналистами и т.д. Им также могут воспользоваться художественные школы и студии, поскольку интерактивная карта позволит размещать информацию о своей локализации, образовательных услугах и достижениях для привлечения новых учеников.

Заключение

Результаты проекта могут быть использованы в преподавании в старших классах школы, вузах и колледжах. Использование электронного ресурса позволит выработать у учащихся личностную сопричастность к истории и культуре Малой Родины, развить творческое мышление, сформировать интерес к изучению духовного наследия региона, укрепить городскую, региональную и национальную идентичность, ответственное отношение к истории и культуре родного города и края.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аполлонов И.А., Тарба И.Д.* Пространство культуры в зеркале городского ландшафта // «Вопросы философии», № 8. 2023. СС. 174–188.
2. *Аполлонов И.А., Тучина О.Р.* Проблема патриотизма и толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // «Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)», № 12. 2012. С. 35.
3. *Баева Л.В.* Электронная культура: опыт философского анализа // «Вопросы философии». 2013. № 5. СС. 75–83.

4. *Вадимов В.М.* Культурологическая мимикрия как выход в условиях отсутствия собственной поэтики архитектурного стиля // «Вісник Придніпровської державної академії будівництва та архітектури», № 9 (162). 2011. СС. 58–60.
5. *Громова М.В.* Цифровая культура как национальная культура // Человек-язык-компьютер // Материалы Научно-практической (заочной) конференции с международным участием. М.: МГЛУ, 2024. СС. 118–122.
6. *Усанова Д.О.* Виртуальная культура: концептуальные подходы к осмыслению // «Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств», № 4 (36). 2013. СС. 70–75.
7. *Сороко С.М.* Информационное пространство культуры: морфологический анализ // «Вопросы культурологии», № 5. 2011. СС. 37–42.

REFERENCES

1. *Apollonov I., Tarba I.* Prostranstvo kul'tury v zerkale gorodskogo landshafta// “Voprosy filosofii”, № 8. 2023. PP. 174–188.
2. *Apollonov I., Tuchina O.* Problema patriotizma i tolerantnosti v kontekste samoponimaniya etnokul'turnoj identichnosti// “Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (elektronnyj nauchnyj zhurnal)”, № 12. 2012. P. 35.
3. *Baeva L.* Elektronnaya kul'tura: opyt filosofskogo analiza // “Voprosy filosofii”, № 5. 2013. PP. 75–83.
4. *Vadimov V.* Kul'turologicheskaya mimikriya kak vyhod v usloviyah otsutstviya sobstvennoj poetiki arhitekturnogo stilya // “Visnik Pridniprovs'koï derzhavnoï akademii budivnictva ta arhitekturi”, № 9 (162). 2011. PP. 58–60.
5. *Gromova M.* Cifrovaya kul'tura kak nacional'naya kul'tura // Chelovek–yazyk–komp'yuter. Materialy Nauchno-prakticheskoy (zaochnoj) konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moscow: MGLU, 2024. PP. 118–122.
6. *Usanova D.* Virtual'naya kul'tura: konceptual'nye podhody k osmysleniyu // “Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv”, № 4 (36), 2013. PP. 70–75.
7. *Coroko S.* Informacionnoe prostranstvo kul'tury: morfologicheskij analiz // “Voprosy kul'turologi”, 2011. № 5. PP. 37–42.

THE REAL AND VIRTUAL DIMENSION OF THE URBAN SPHERE OF FINE ART: PROBLEMS AND PROSPECTS*

I. Apollonov

The Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia Federation,

ABSTRACT

The article deals with the problem of the correlation of the real and virtual levels of the sphere of cultural values of modern digital culture. Electronic culture forms a special space in which spiritual values acquire their digital dimension. An analysis of the features of the electronic measurement of works of fine art has shown several forms of their virtual existence: informational and analytical, based on the creation of digital copies of works; at the same time, such copies may be a special way of interpreting them, having its own cultural value. Moving images into digital space can lead to a different artistic image: the creation of a new visual product based on it. It is proved that the creation of a digital product should be aimed at forming a person's need to encounter authentic works of art.

Keywords: cultural space; digitalization; cultural values; real and virtual dimension of works of fine art; digital product; interactive city map.

* The study was carried out with the support of the Kuban Science Foundation (project No. NIP-20.1/209 "Interactive digital environment as a tool for realizing the socio-economic potential of fine arts in Krasnodar")

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ “SciVal” ПО ПРИОРИТЕТНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ «БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕТЕЙ-СИРОТ» И «СОЦИАЛЬНЫЙ ПЕДАГОГ»: ВОПРОСЫ, ПРОБЛЕМЫ, ИТОГИ

Е.А. Байер, М.В. Залужная, Р.Л. Арутюнян

*Донской государственный технический университет (ДГТУ),
г. Ростов-на-Дону, Россия
elenabaier@list.ru, zaluzhnaya.mari@mail.ru, 9515136070@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В зарубежной и отечественной науках накоплен обширный опыт исследования проблем, связанных с благополучием детей-сирот и их подготовки к самостоятельной жизни, а также готовности социальных педагогов к эффективной практике профессионального сопровождения, воспитания таких детей с анализом перспектив их развития, включая профессиональную ориентацию совершеннолетних.

В данной работе мы осуществили попытку сформировать системные отчеты, обобщающие все опубликованные исследования в международных базах, данных по выборке исследовательских кластерах “SciValyearrange” за период 2012–2024.

По нашему мнению, необходимо проверить спектр общемировых социальных противоречий, требующих особого внимания, включенных в глобальную стратегическую программу «Преобразование нашего мира: как устойчивого развития (ЦУР, IAEG-SDGS), до 2030 года». Однако кластерный вес востребованности, сам интерес в общемировом формате и уровень интереса в каждой стране к данной научной проблематике, как правило, всегда различен. Выбранный нами подход по аналитическому исследованию научных публикаций SciVal.com позволит учитывать полученные результаты по выявлению критических проблем, в целом, с поиском качественного изменения в системе государственной поддержки детства в нашей стране и ее адаптации к актуальным потребностям мирового сообщества.

Ключевые слова: благополучие детей-сирот, социальная работа, социальная педагогика, публикационная активность, неблагоприятные жизненные условия, семья, базовая кафедра.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в необходимости системного анализа накопленного мирового и отечественного опыта по исследованию проблем связанных с благополучием детей-сирот и их подготовки к самостоятельной жизни, и второе – готовности социальных педагогов к регулярной практике профессионального сопровождения, воспитания таких детей с анализом перспектив их развития, включая профессиональную ориентацию совершеннолетних.

Цель исследования – получить системные отчеты, обобщающие все опубликованные исследования в международных базах, данных по выборке нами исследовательских кластерах “SciVal” за период с 2017 по 2024 годы.

Состояние проблемы и постановка задачи. Тематическая область «*благополучие детей-сирот*», согласно “SciVal”, включена в крупный кластер, посвященный созданию условий (заботы) благополучного развития в детском возрасте (ТС.987) и представлены следующими показателями: “Scholarly Output” – 10,570; “Field-Weighted Citation” – 0.86; “International Collaboration” – 1,076; “Citation Count” – 95,560; “Views Count” – 268, 640; “Topic Prominence percentile” – 37.258. В международных базах данных представлено свыше 10,5 тысяч тематических исследований, кластер имеет положительный взвешенный индекс влияния цитирования 0.86, 1,076 наблюдений относится к работам, выполненным в международной коллаборации. Процентиль тематической релевантности (важности) кластера соответствует 37.258, количество просмотров исследований темы более 268 тысяч и 95,560 цитирований.

К наиболее часто обсуждаемым вопросам, согласно “SciVal”, относятся вопросы раннего вмешательства, технологий предупреждения, предсказания неблагоприятного развития детей и подростков, моделирования коррекционных воздействий на последствия неблагоприятных социальных воздействий, а также жестокого обращения, вопросах работы с семьями, экологии принятия решений [1], [5], [7], [8], [9], [10].

Материалы и методы

Метод контент-анализ на материале доступном авторам архива показателей TC.987 «Благополучие детей-сирот» (TC.987 Care; Child; Child Welfare); – TC.698 Социальная работа, социальная педагогика (TC.698 Social Work; Social Worker; Education).

Полученные результаты семантического анализа ключевых слов исследовательского кластера TC. “Care; Child; Child Welfare” (max value relevance (VR) = 1.00) представлены терминологическим ядром процесса сопровождения детей, находящиеся в трудной жизненной ситуации (“foster care” (приемная семья), “child” (ребенок), “children adoption” (усыновление детей), “social work” (социальная работа), “residential care” (попечение по месту жительства), “foster children” (приемные дети), “family” (семья) и др.). С другой стороны, понятны ключевые векторы работы с данным контингентом детей: “child welfare” (детское благосостояние) (VR= 0,73); “child protection” (защита детей) (VR= 0,55); «care» (забота) (VR= 0,35); “child abuse” (жестокое обращение с ребенком) (VR= 0,27). Динамика исследовательского интереса к данному тематическому кластеру отражена в Табл. 1.

Таблица 1.

Scholarly Output кластера TC.987 “Care; Child; Child Welfare” (growth %, over the period 2017–2024)*

Keyphrase	Ключевые слова	Scholarly Output (growth %)
Снижение исследовательского интереса		
Adoptive Family	Приемная семья	-41,7
Foster Children	Приемные дети	-39,8
Child Abuse	Жестокое обращение с ребенком	-32,3
Institutionalized Child	Институционализирован- ный ребенок	-27,3
Adopted Children	Приемные дети	-26,6
Foster Home Care	Уход за домом	-23,1
Placement	Размещение	-21,9

Institutional Care	Институциональная помощь	-20
Adolescent	Подростка	-18,9
Foster Parents	Приемные родители	-18,6
Child	Ребенок	-16,8
Foster Care	Приемная семья	-16,7
Children Adoption	Усыновление детей	-16,7
Mothers	Матери	-13
Рост исследовательского интереса		
Systematic Review	Регулярный обзор	54,5
Perspective	Перспектива	54,3
Parenting	Воспитание	36,5
Participation	Участие	29,5
Adoptive Parent	Приемный родитель	27,5
Home Care Services	Услуги по уходу на дому	25,4
Professional	Профессионал	24
Adulthood	Совершеннолетие	20
Child Welfare Services	Услуги по защите детей	15,6
Social Work	Социальная работа	12,1

**Прим.: полужирным шрифтом выделены Топ-10 ключевых слов по состоянию на 2024 год.*

Наглядно просматривается общемировая тенденция перехода от формально-институционального понимания системы работы по обеспечению благополучия детей-сирот к регулярной практике профессионального сопровождения, воспитания, анализа перспектив развития, включая профессиональную ориентацию совершеннолетних.

Ведущие научных центры по тематике исследования «благополучие детей-сирот» согласно “SciVal”, находятся в США, Великобритании, Австралии, Канаде, Испании. В частности, речи идет об университетах: University of Toronto, University College London, University of Minnesota Twin Cities, University of Washington, Harvard University. К 2024 году к рейтингу добавил Cardiff University.

В пять топ-авторов научных публикаций “SciVal” включил ученых США, Великобритании и Канады. К лидерам мнений кластера «благополучие детей» относят следующих исследователей: Zeanah, H. Charles, Fox, A. Nathan, Nelson, Alexander Charles, Fallon, A. Barbara; Day, Angelique Gabrielle. В целом, динамика публикационной активности исследователей-лидеров кластера имеет положительную тенденцию, которая представлена в Табл. 2.

Таблица 2.

Top 5 Institutions by Scholarly Output кластера TC.987 “Care; Child; Child Welfare” по состоянию на 2024 год

Authors	2022	2023	2024
Zeanah, Charles H.	6	3	2
Fox, Nathan A.	5	3	2
Nelson, CharlesAlexander	1	2	2
Fallon, Barbara A.	4	9	1
Day, AngeliqueGabrielle	5	8	1

Статистика персональной активности авторов представлена в персональных профилях научных баз данных. В завершении рассмотрения кластера «благополучие детей-сирот» остановимся на ведущих журналах Scopus, публикующих исследования по данному тематическому профилю:

- ✓ международный многопрофильный журнал “Children and Youth Services Review” публикует материалы с описанием практики исследований, вмешательств, реализации услуг лицам, находящимся в неблагоприятном (уязвимом) положении, их семьям и системам для их поддержки;
- ✓ журнал “Child and Family Social Work” является международной площадкой по обмену знаний в вопросах исследования, теории, политики и практики в области социальной работы с детьми и их семьями;
- ✓ вопросы комплексного интегрального подхода к социальной работе по предотвращению жестокого обращения с детьми и

безнадзорности обсуждаются в журнале “Child Abuse and Neglect”;

- ✓ “British Journal of Social Work” является британской площадкой ассоциации социальных работников по обмену теоретическим и арктическим опытом;
- ✓ в журнале “Journal of Public Child Welfare” публикуются теоретические и прикладные исследования, обзоры литературы, результаты оценки программ в области социального обеспечения детей, благополучия ребенка и семьи;
- ✓ журнал “Adoption&Fostering” является британской международной площадкой для широкого круга специалистов в области социальной работы, психологии, права, медицины, образования, обучения и ухода за детьми и молодежью.

SciVal-анализ по метрикам Snowball MetricTopicTC.698 «*социальная работа, социальная педагогика*» (TC.698 Social Work; Socia Worker; Education) показал следующие результаты за временной период 2012–2024: Scholarly Output – 10,888; Field-Weighted Citation – 0.77; International Collaboration – 1,162; Citation Count – 76,661; Views Count – 214,486; Topic Prominence percentile 30.234.

Тематическая область «социальная работа, социальная педагогика», согласно многим данным, является крупным, динамично развивающимся (1,144–1,045) востребованным (topic prominence percentile) кластером исследований. Профильные научные исследования обширно представлены в международных базах (10,888) с развитой сетью международных проектов (1,162), положительный взвешенный индекс влияния цитирования составляет 0,77% от общемировых значений в данной предметной области. Показатель цитируемости (76,661), количество просмотров (214,486) и процентиль известности темы (30.234) свидетельствуют о ее востребованности в научном сообществе. Наиболее востребованными в кластере, согласно “SciVal”, относятся вопросы апробации инновационных форм практики организации доказательных исследований, в том числе, в квазиформатах, ведения групп поддержки, конференций, социальных сетей. Обсуждаются практики внедрения программ компетентностной подготовки специалистов в области управления и оценки вмешательства для социальных преобразований службы защите детства, супервизорской поддержки, поиска ресурсов совлада-

ния и предупреждения профессионального выгорания. В исследованиях подчеркивается значимость межпрофессионализма специалиста области защиты детства как области межпрофессиональной практики и межпрофессионального образования, важность командной работы и межведомственного взаимодействия в решении актуальных проблем детей, находящихся в неблагоприятных жизненных обстоятельствах [2], [3], [4], [6].

Очевидным для тематической области данного узкого кластера работы специалистов в области защиты детства является преобладание ключевых слов широкой профессиональной направленности «социальная работа» (VR=1,00), включающей педагогическое сопровождение детей в неблагоприятных жизненных условиях, учреждениях службы защиты детства (“Social Workers” (VR=0.45), “Social Work Practice” (VR=0.18), “Organization and Administration” (VR=0.11) и др.), ключевых профессиональных ценностей (“Child Welfare” (VR=0.13), “Sense of Community” (VR=0.11), “Social Justice” (VR=0.10), “Empowerment” (VR=0.09) и т.д.). Важная роль в кластере отводится вопросам подготовки специалистов, в том числе вузовского (“Social Work Education” (VR=0.31), “Education” (VR= 0.09), “Teaching” (VR=0.09), “Students” (VR=0.09).

Результаты оценки динамики использования в научных публикациях ключевых слов в кластере TC.698 представлены в Табл. 3, в которой сгруппированы понятия, показавшие значительные показатели роста или падения интереса исследователей с 2017 по 2024гг.

Таблица 3.

Scholarly Output кластера TC.698 “Social Work; Social Worker; Education” (growth %, over the period 2017–2024)

Keyphrase*	Ключевые слова	Scholarly Output (growth %)
Снижение исследовательского интереса		
Educational Social Worker	Образовательный социальный работник	-50.00
Psychology	Психология	-45.30

Social Work Research	Исследования социальной работы	-42.30
Child Welfare	Защита детей	-33.30
Client	Клиент	-33.80
Introduction	Введение	-18.80
Evidence-Based Practice	Доказательная практика	-14.80
Nonprofit	Некоммерческий	-11.80
Sense of Community	Чувство общности	-7.70
Residence Characteristics	Характеристики резиденции	-4.80
Resilience	Устойчивость	-4.30
COVID-19	COVID-19	-
Pandemic	Пандемия	-
Рост исследовательского интереса		
Burnout	Выгореть	130.00
Indigenous	Местный	114.30
Organization and Administration	Организация и администрация	100.00
Supervisors	Супервайзеры	100.00
Distance Education	Дистанционное обучение	91.70
Social Work Educator	Педагог по социальной работе	64.30
Educators	Педагоги	63.90
Social Work Education	Образование в области социальной работы	55.60
Social Work Student	Студент социальной работы	62.00
Field Work	Полевые работы	62.50
Higher Education	Высшее образование	57.10
Empowerment	Расширение прав и возможностей	51.90
Education	Образование	47.70

**Прим.: полужирным шрифтом выделены Топ-10 ключевых слов по состоянию на 2024 год.*

Полученные данные показывают снижение интереса к образовательным и психологическим аспектам работы специалистов в области социальной защиты, доказательных патерналистских практик и некоммерческих инициатив, а также фактора постковидных трансформаций. На первый план в кластере выходят вопросы выгорания и его предупреждения, организационно-управленческих решений на местном уровне, а также вопросы подготовки педагогов по социальной работе, их «полевой практики», а также инновационных, в том числе дистанционных форм профессиональной подготовки педагогов и студентов.

“SciVal”-данные отводят роль ведущих научных центров по тематике «социальная работа», «социальная педагогика» таким странам, как США, Великобритания, Австралия, Канада, Южная Африка.

Наиболее востребованные публикации в кластере «социальная работа, социальная педагогика» подготовлены следующими учеными: Sulyak, Sergey G.Tomsk; Gray, Mel; Thyer, A. Bruce; Beddoe, Liz; Weiss, Idit:

Ключевыми площадками для обмена мнений, по версии “SciVal”, выступают ниже представленные журналы:

- ✓ журнал “Journal of Social Work Education” является площадкой для обмена о тенденциях, инновациях и проблемах, имеющих отношение к профессиональному образованию в области социальной работы;
- ✓ на страницах журнала “Social Work Education” публикуются работы критического и рефлексивного характера, касающиеся теории и практики социальной помощи и образования специалистов в области социальной педагогики;
- ✓ журнал “Journal of Social Work Education” является площадкой для обмена опытом о тенденциях и эффективных инновационных подходов к практике социальной работы и их образовательных последствий;
- ✓ ведущий академический журнал по социальной работе Великобритании “British Journal of Social Work” освещает все аспекты социальной работы актуальные для теории и эмпирики;
- ✓ международный исторический журнал “Rusin” публикует исследования по истории, культуре и языку коренного населения Карпато-Днестровского региона. Попадание его в топ рейтинга,

возможно, связано с публикацией материалов научных мероприятий, проводимых журналом;

- ✓ редакционная политика журнала “International Social Work” направлена на расширение знаний и содействия коммуникации в областях социального развития, социального обеспечения и социальных услуг.

Обзор результатов с использованием аналитического инструмента оценки больших данных “SciVal” позволил выделить ведущие тематических кластера (ТС.987 «благополучие детей-сирот», ТС.698 «социальная работа, социальная педагогика»), связанных с вопросами проектирования системы непрерывного образования социальных педагогов, ведущие тенденции, лидеров мнений в тематических направлениях, целесообразность развития выделенных приоритетных направлениям профильной научной школы базовой кафедры социальной педагогики «ДГТУ-Азовский ЦПД».

Выводы

Таким образом, аналитика информации по “SciVal” позволила расширить теоретико-методологические представления о формировании и развитии «сложного человека», который сделает следующее поколение готовым к будущему сверхсложному (цифровому) обществу, необходимо развитие образовательных экосистем с созданием новых образовательных сред, в котором может быть сформирован «сложный человек» с формированием у этого человека навыки будущего как процветать в новом мире.

Результаты анализа позволили определить ведущие общемировые тенденции, лидеров мнений в тематических направлениях, показали целесообразность развития выделенных приоритетных направлениям в рамках профильной научной школы базовой кафедры социальных и спортивных педагогических технологий «ДГТУ-Азовский центр помощи детям». Научная школа придерживается оригинальной концепции в системе подготовки кадров в высшей школе, не имеющей аналогов в области социальной педагогики – методики подготовки специалистов социальной сферы и поддержки трудного детства на основе практико-ориентированного подхода. Коллектив Научной школы обладает обшир-

ным опытом научно-исследовательской и практико-ориентированной, значительным потенциалом для инновационных трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балселлс М.А., Урреа-Монклюс А., Алифонсо К.П., Тино Э.В. и Уртадо А.Н. (2018). Ключевые социально-образовательные мероприятия по содействию участию семей в процессах приемных семей // «Образование XXI», 22 (1), 401–423. <https://doi.org/10.5944/educxxl.21501>.
2. Боума Х., Гриетенс Х., Лонес М., Кнорт Э. Дж. (2020). Учимся у родителей: качественное интервью-исследование о том, как родители переживают свой путь в голландской системе защиты детей // «Социальная работа в сфере детства и семьи», 25(S1), 116–125: <https://doi.org/10.1111/cfs.12723>.
3. Черчилль Х., Баэна С., Кросс Р., Хименес Л., Се Миллар. (2020). Развитие служб поддержки семьи: сравнение национальных реформ и проблем в Англии, Ирландии и Испании // «Обзор социальной работы и социальных наук», 21(2), М., 58–83. <https://doi.org/10.1921/SWSSR.V21I2.1418>.
4. Корвин Т.В., Махер Э. Дж., Меркель-Ольгин Л., Аллан Х., Холлинсхед Д.М., Флюк Дж. Д. (2020). Повышение социальной поддержки семей, участвующих в программах социальной защиты детей, посредством проведения семейных групповых конференций. «Британский журнал социальной работы», 50 (1), 137–156. <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcz036>.
5. Дейкстра С., Ашер Дж., Декович М., Стамс Г. Дж. М. и Криммерс Х.Э. (2019). Рандомизированное контролируемое исследование эффективности семейных групповых конференций в сфере защиты детей: эффективность, модераторы и уровень выполнения семейных групповых конференций // «Жестокое обращение с детьми», 24 (2), 137–151. <https://doi.org/10.1177/1077559518808221>.
6. Долан П., Зегарак Н. и Арсик Дж. (2020). Поддержка семьи как право ребенка. Обзор социальной работы и социальных наук, 21(2), 8–26: <https://doi.org/10.1921/SWSSR.V21I2.1417>.
7. Хьюбел Г., Ростад У., Селф-Браун С., Си Морленд А.Д. (2018). Потребности родителей-подростков в услугах по защите детей: эффективен ли протокол обучения родителей поведенческим навыкам, основанный на фактических данных, на дому? // “Child Abuse and Neglect, 79 (октябрь)”, 203–212: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2018.02.005>.
8. Кинг Л. и Гийон-Харрис, К. и В. И др. (2023). Комплексный многоуровневый анализ проекта раннего вмешательства в Бухаресте: причинно-следственные связи с восстановлением после тяжелой ранней депривации // «Американский журнал психиатрии», arpi.ajp20220672. [10.1176/appi.ajp.20220672](https://doi.org/10.1176/appi.ajp.20220672).
9. Коштитч Л., Вагнер Я.А. и др. (2024). Стили воспитания и модели поведения в отношении детей с типичным развитием и детей с нарушениями развития //

«Хорватский журнал реабилитации», 60 (1), 92–118. 10. Тан, Энда и Зейтиноглу, Селин и Моралес, Сантьяго и Баззелл, Джордж и Алмас, Алиса и Дегнан, Кэтрин и Кронис-Тускано, Андреа и Хендерсон, Хизер и Пайн, Дэниел и Фокс, Натан (2023). Социальное и несоциальное поведенческое торможение: дифференциальное прогнозирование долгосрочных психосоциальных последствий в раннем детстве // «Наука о развитии», e13427. 10.1111/desc.13427.

REFERENCES

1. Balsells, M., Urrea-Monclus A., Alifonso, C., Tió, E. & Hurtado A. (2018). Socio-educative key actions to promote family participation in foster care processes. *Education XXI*, 22(1), 401–423: <https://doi.org/10.5944/educxxl.21501>.
2. Bouma H., Grietens, H., Lopez M., & Knorth E. (2020). Learning from parents: A qualitative interview study on how parents experience their journey through the Dutch child protection System // “Child and Family Social Work”, 25(SI), 116–125: <https://doi.org/10.1111/cfs.12723>.
3. Churchill H., Baena, S., Crosse, R., Jiménez L., & Millar, M. (2020). Developing family support Services: A comparison of national reforms and challenges in England, Ireland and Spain // “Social Work and Social Sciences Review”, 21(2), 58–83. <https://doi.org/10.1921/SWSSR.V21I2.1418>.
4. Corwin T., Maher E., Merkel-Holguin L., Allan H., Hollinshead D., Fluke J. (2020). Increasing Social Support for Child Welfare-Involved Families Through Family Group Conferencing // “British Journal of Social Work”, 50(1), 137–156: <https://doi.org/10.1093/bjsw/bcz036>.
5. Dijkstra S., Asscher J., Dekovic M., Stams G. & Creemers H. (2019). A Randomized Controlled Trial on the Effectiveness of Family Group Conferencing in Child Welfare: Effectiveness, Moderators, and Level of FGC Completion. *Child Maltreatment*, 24 (2), 137–151. <https://doi.org/10.1177/1077559518808221>.
6. Dolan P., Zegarac N. & Arsic J. (2020). Family Support as a right of the child. *Social Work and Social Sciences Review*, 21(2), 8–26: <https://doi.org/10.1921/SWSSR.V21I2.1417>.
7. Hubel G., Rostad W., Self-Brown S., & Moreland A. (2018). Service needs of adolescent parents in child welfare: Is an evidence-based, structured, in-home behavioral parent training protocol effective? *Child Abuse and Neglect*, 79 (October), 203–212: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2018.02.005>.
8. King, Lucy & Guyon-Harris, Katherine & Valadez, Emilio & Radulescu, Anca & Fox, Nathan & Nelson, Charles & Zeanah, Charles & Humphreys, Kathryn. (2023). A Comprehensive Multilevel Analysis of the Bucharest Early Intervention Project: Causal Effects on Recovery from Early Severe Deprivation. *The American journal of psychiatry*. appiajp20220672. 10.1176/appi.ajp.20220672.

9. Koštić L., Wagner Jakab A. & Löw A. (2024). Parenting styles and behaviours towards typically developing children and children with developmental disabilities // “Hrvatska Revija Za Rehabilitacijska Istrazivanja”, 60 (1), 92–118.
10. Tan, Enda & Zeytinoglu, Selin & Morales, Santiago & Buzzell, George & Almas, Alisa & Degnan, Kathryn & Chronis-Tuscano, Andrea & Henderson, Heather & Pine, Daniel & Fox, Nathan. (2023). Social versus non-social behavioral inhibition: Differential prediction from early childhood of long-term psychosocial outcomes. *Developmental science*. e13427. 10.1111/desc.13427.

THE RESULTS OF THE SciVal STUDY ON THE PRIORITY AREAS “WELFARE OF ORPHANED CHILDREN” AND “SOCIAL PEDAGOGUE” ISSUES, PROBLEMS, RESULTS

E. Bayer, M. Zaluzhnaya, R. Harutyunyan

Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russia

ABSTRACT

Foreign and domestic science has accumulated extensive experience in researching problems related to the well-being of orphaned children and their preparation for independent living, as well as the readiness of social educators to effectively practice professional support and education of such children with an analysis of their development prospects, including the professional orientation of adults.

In this paper, the authors attempted to generate system reports summarizing all published studies in international databases, data on a sample of SciVal year range research clusters for the period 2012–2024.

According to the researchers, it is necessary to check the range of global social contradictions that require special attention, included in the global strategic program “Transforming our World”: Sustainable Development Goals (SDGs, IAEG-SDGS), until 2030”. However, the cluster weight of demand, the global interest itself, and the level of interest in each country in this scientific issue are usually always different. The approach chosen by the authors for the analytical study of scientific publications SciVal.com It will allow us to take into account the results obtained in identifying critical problems in general with the search for qualitative changes in the system of state support for childhood in our country and its adaptation to the urgent needs of the world community.

Keywords: welfare of orphaned children, social work, social pedagogy, publication activity, unfavorable living conditions, family, basic department.

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБРАЗ ВОСПРИЯТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ УСПЕВАЕМОСТЬЮ

Е.Б. Башкин, Ю.А. Чудина, Д.А. Шляхта, И.В. Келарева

*ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия
kelareva_iv@pfur.ru*

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ субъективного образа восприятия психологической активности у групп студентов с различной успеваемостью. Психологическая активность рассматривается в рамках компетентностного подхода, управление уровнем которой возможно через описание моделей компетенций, включая поведенческие индикаторы. В данном случае, психологическая активность представлена тремя психологическими компетенциями: управлением временем, отношениями и целями, соответствующим трем шкалам психологической методики «Драйвера психического здоровья». Нами было проведено исследование, для которого методами контент-анализа и экспертной оценки были выбраны 30 пар словосочетаний, предъявляемых методом попарного сравнения в группе студентов. В результате исследования построено семантическое пространство психологической активности студентов на основе модели приверженности психическому здоровью и методики «Драйвер психического здоровья». Были выявлены статистически значимые различия между представлениями о собственной активности у студентов с разной успеваемостью. Было отмечено, что у студентов с низкой успеваемостью отсутствует понимание разделения трех драйверов активности деятельности, в то время, как студенты со средней и высокой успеваемостью в разной степени дифференцируют составляющие указанных драйверов.

Ключевые слова: драйверы активности деятельности, психологическое благополучие, приверженность психологическому здоровью, компетентностный подход, семантическое пространство.

Введение

В современных психологических исследованиях подчеркивается важность организации личности в ее жизнедеятельности, а также значимость качественных параметров этой организации в условиях постоянно меняющегося мира. Проблемы полноценного функционирования и развития личности в актуальных реалиях сосредоточены в области, которую можно обозначить как «психологию активности личности», рассматриваемую в целостном контексте как субъекта жизни.

В отечественной психологии изучению феномена активности придается большое значение. Активность человека в основном рассматривается через призму деятельностного подхода. Например, А.Н. Леонтьев [3] понимает активность как внутреннюю предпосылку самодвижения деятельности, в то время как С.Л. Рубинштейн [4] рассматривает ее как общую характеристику субъекта. К.А. Абульханова-Славская [1] утверждает, что активность представляет собой потребность в деятельности и является движущей силой, пробуждающей потенциал человека, то есть активность предшествует деятельности во времени.

Активность деятельности студента мы рассматриваем на основе компетентностного подхода, в рамках которого личность сама может управлять уровнем своей психической активности; управление осуществляется посредством соответствующих компетенций, имеющих поведенческие индикаторы.

Большинство авторов выделяют три основных мета-компетенции, которые относятся к функциональным компетентностям личности, и помогают в вопросах самодиагностики и развития потенциала человека: управление целями, управление отношениями, управление временем. Мета-компетенции по управлению целями, отношениями и временем, которые являются системой функциональных компетентностей личности студента, определяются и актуализируются в процессе учебной деятельности, тогда как формирование и дальнейшее развитие мета-компетенций зависит от сложности ситуаций и готовности субъекта решать встающие перед ним задачи.

Проблема данного исследования связана с исследованием особенностей субъективного образа восприятия психологической активности студентов, основанного на психологической методике «Драйверы активности деятельности» [2].

Целью данного исследования является построение семантического пространства индикаторов, отражающих уровень развития драйверов психологической активности деятельности студентов в зависимости от их успеваемости.

Гипотеза исследования заключается в том, что существуют статистически значимые различия между семантическим пространством у студентов с низкой, средней и высокой успеваемостями.

Методы и методики

Для проведения исследования на основе контент-анализа были сформированы словосочетания-стимулы в соответствии с тремя шкалами методики «Драйвер психического здоровья»: шкала «управление временем», шкала «управление целями» и шкала «управление отношениями», на основе методологии приверженности психологическому здоровью и результатам методики «Драйвер психического здоровья», которые легли в основу психометрической методики и в дальнейшем обрабатывались методом попарных сравнений. В качестве стимулов были использованы следующие словосочетания: 1 – Анализ и распределение времени; 2 – Осознание времени; 3 – Чувство времени; 4 – Организация временного пространства; 5 – Эффективное использование времени; 6 – Баланс между работой и отдыхом; 7 – Сжатие и растягивание времени; 8 – Временной образ себя; 9 – Ценность своего времени; 10 – Ценность времени других; 11 – Доверительные отношения; 12 – Понимание эмоций других людей; 13 – Управление своими эмоциями; 14 – Управление собой в общении; 15 – Понимание позиции другого; 16 – Выбор стиля общения под ситуацию; 17 – Предвидение поведения других; 18 – Взаимопомощь; 19 – Межличностные границы; 20 – Желание общаться; 21 – Система целей и смыслов; 22 – Средства достижения цели; 23 – Мониторинг шагов и изменений; 24 – Структура и план действий; 25 – Образ желаемого результата; 26 – Контроль и оценка достижений; 27 – Изменение системы целей; 28 – Нацеленность на результат; 29 – Готовность к трудностям; 30 – Увлеченность деятельностью.

Для обработки данных были использованы методы статистической обработки данных в программах “Jamovi” [6] (дисперсионный анализ повторных измерений апостериорные попарные сравнения с поправкой Холма), SPSS (метод многомерного шкалирования).

Эмпирическая база исследования: в исследовании в общей сложности приняли участие 101 человек (в основном студенты-психологи РУДН, обучающиеся на 3 курсе в 2023–2024 учебном году), из них, 60 женщин и 41 мужчина в возрасте от 17 до 25 лет.

Усредненные матрицы исходных значений, полученные после оценки словосочетаний респондентами методом попарного сравнения, были обработаны методом многомерного шкалирования. При этом данные усреднялись по группам, сформированным с учетом успеваемости студентов, в соответствии с БРС РУДН: (0–68 баллов) – группа студентов с низкой успеваемостью; (69–85 баллов) – группа студентов со средней успеваемостью; (86–100 баллов) – группа студентов с высокой успеваемостью. Затем был проведен дисперсионный анализ для связанных выборок ($F_{2, 434} = 183,06$ $p < .001$) с последующими апостериорными сравнениями с поправкой по методу Холма; результаты сравнений представлены в Табл. 1

Таблица 1.

Результаты апостериорных сравнений групповых усредненных матриц попарных различий стимулов у студентов с разным уровнем успеваемости.

Апостериорные сравнения – Успеваемость						
		Разница средних	SE	df	t	p _{holm}
Низкий Ур.	Средний Ур.	0.047	0.024	434	1.975	0.049
	Высокий Ур.	0.395	0.025	434	16.089	<.001
Средний Ур.	Высокий Ур.	0.348	0.019	434	18.382	<.001
Примечание. Р уровень с поправкой на множественные сравнения.						

На основе полученных данных можно сделать вывод, что существуют статистически значимые различия между субъективным образом восприятия психологической активности студентов с разной успеваемостью. Так, на высоком уровне значимости были выявлены различия в субъективном образе психологической активности между студентами с

низкой и высокой успеваемостью ($t=16.089$, $p<.001$), между студентами со средней и высокой успеваемостью ($t=18.382$, $p<.001$).

Далее были построены двухмерные семантические пространства образов психологической активности студентов с низкой (Рис. 1), средней (Рис. 2) и высокой (Рис. 3). успеваемостью.

На Рис. 1 видно, что у студентов с низкой успеваемостью распределение стимулов в семантическом пространстве хаотично; сложно выделять драйверы активности деятельности и невозможно назвать оси. Стимулы под номерами 3 «Чувство времени» ($X_1 = -0,9643$, $X_2 = 1,1716$), № 16 «Выбор стиля общения под ситуацию» ($X_1 = -0,9089$, $X_2 = 1,1388$), а также № 30 «Увлеченность деятельностью» ($X_1 = -1,2089$, $X_2 = -0,5616$), № 21 «Система целей и смыслов», ($X_1 = -1,2702$, $X_2 = -0,5474$), № 26 «Контроль и оценка достижений» ($X_1 = -1,2359$, $X_2 = -0,4966$).

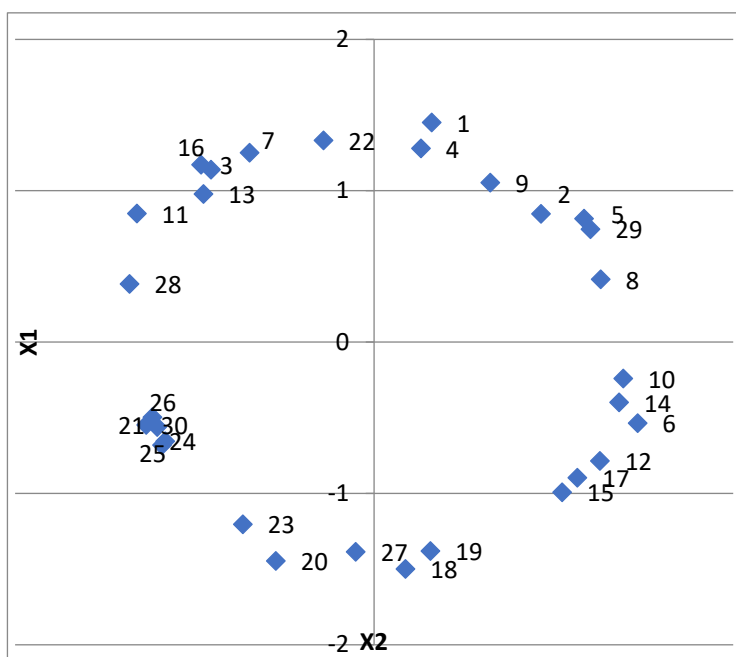

Рисунок 1. Двухмерное пространство для усредненной матрицы попарных сравнений стимулов у студентов с низкой успеваемостью ($n=21$).

И № 29 «Готовность к трудностям» ($X_1 = 1,2041$, $X_2 = 0,7453$) и № 5 «Эффективное использование времени» ($X_1 = 1,1692$, $X_2 = 0,8153$)

близко расположены в пространстве. Таким образом, студенты с низкой успеваемостью не дифференцируют понятия, отвечающие за управление временем и отношениями. Однако стоит отметить, что студенты с низкой успеваемостью понимают составляющие драйвера «управление целями».

Как видно из Рис. 2, на оси X1 расположились стимулы, связанные с управлением временем и отношениями. На положительном полюсе оси X2 расположены стимулы, связанные с управлением целями. Таким образом, ось X1 будет названа «осью управления временем и отношениями», а ось X2 – «осью управления целями». Стимулы под номерами 4 «Организация временного пространства» ($X1 = 1,3453$, $X2 = -0,5095$), № 5 «Эффективное использование времени» ($X1 = 1,2905$, $X2 = -0,5389$), а также № 6 «Баланс между работой и отдыхом» ($X1 = 1,4337$, $X2 = -0,4363$) и № 8 «Временной образ себя» ($X1 = 1,4243$, $X2 = -0,4071$) близко расположены в пространстве. Студенты, учащиеся на четверки ценят собственное время и время других, понимают важность соблюдения баланса между работой и отдыхом.

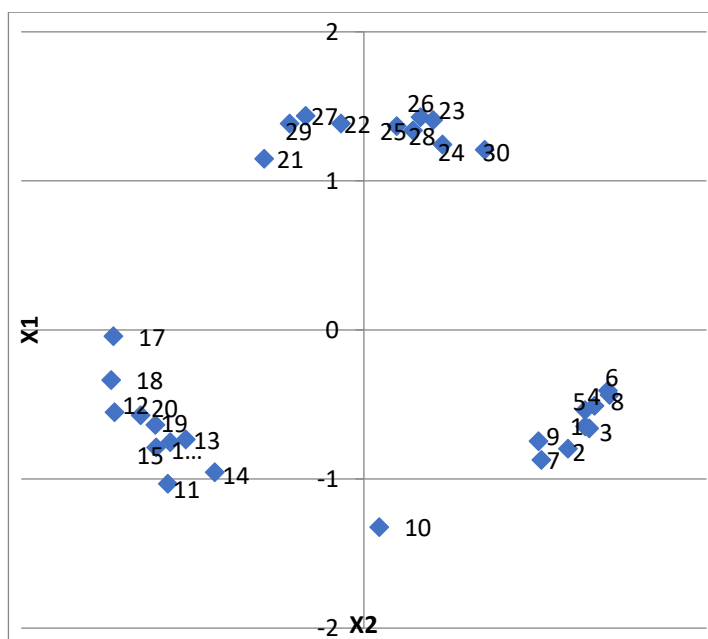

Рисунок 2. Двухмерное пространство для усредненной матрицы попарных сравнений стимулов у студентов со средней успеваемостью ($n=52$).

Как видно из Рис. 3, на оси X1 расположились стимулы, связанные с управлением временем и отношениям. На положительном полюсе оси X2 расположены стимулы, связанные с управлением целями. Таким образом, ось X1 будет названа «осью управления временем и отношениями», а ось X2 – «осью управления целями». Стимулы под номерами 2 «Осознание времени» ($X1 = 1,4158$, $X2 = 0,3633$) и № 3 «Чувство времени» ($X1 = 1,4393$, $X2 = 0,3628$), а также № 19 «Межличностные границы» ($X1 = -1,0016$, $X2 = 1,0727$) и №12 «Понимание эмоций других людей» ($X1 = -1,0072$, $X2 = 1,0756$) близко расположены в пространстве. Студенты с высокой успеваемостью выстраивают доверительные отношения, опираясь на чувства и эмоции других людей.

На основании данных, представленных на Рис. 1, Рис. 2 и Рис. 3 был проведен сравнительный анализ семантического пространства драйверов психологической активности деятельности у студентов с высокой и низкой успеваемостью.

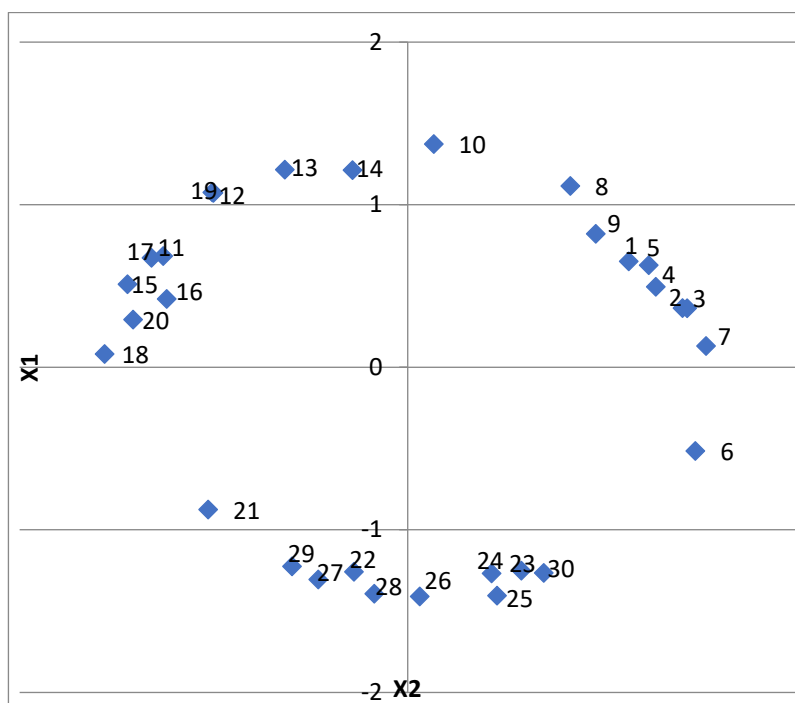

Рисунок 3. Двухмерное пространство для усредненной матрицы попарных сравнений стимулов у студентов с высокой успеваемостью ($n=28$).

Семантическое пространство драйверов психологической активности деятельности студентов с высокой успеваемостью характеризуется упорядоченностью расположения словосочетаний-стимулов в пространстве. На положительном полюсе оси X1 расположен драйвер «Управление временем», на отрицательном – «Управление отношениями». На отрицательном полюсе оси X2 расположен драйвер «Управление целями». Стимулы расположены удаленно друг от друга, можно сделать вывод, что студенты различают близкие по значению понятия и интегрируют их в свою картину мира. Стимул под номером 10 («Ценность времени других») расположен на положительном полюсе обеих осей, что говорит о том, что студенты с высокой успеваемостью выстраивают свою активность в сферах управления временем, целями и окружением исходя из уважения времени других. На отрицательном полюсе оси X2 расположен драйвер «Управление целями». Словосочетания-стимулы у студентов с высокой успеваемостью расположены на большем расстоянии друг от друга, чем у студентов со средней успеваемостью. Несмотря на то, что можно выделить драйверы психологической активности деятельности, драйверы «Управление отношениями» и «Управление временем» расположены близко друг к другу, что говорит о том, что эти две компетенции наиболее сильно связаны между собой в представлении студентов с высокой успеваемостью.

Семантическое пространство драйверов психологической активности деятельности студентов со средней успеваемостью характеризуется упорядоченностью расположения словосочетаний-стимулов в пространстве, за счет чего можно выделить драйверы психологической активности деятельности. На положительных полюсах осей X1 и X2 расположен драйвер «Управление целями», на отрицательном полюсе оси X1 расположен драйвер «Управление отношениями», на отрицательном полюсе оси X2 и положительном полюсе оси X1 расположен драйвер «Управление временем». На основании описанного можно сделать вывод, что на первом месте в картине мира студентов со средней успеваемостью стоит драйвер «Управление целями». Таким образом, студенты выстраивают свою деятельность вокруг поставленных целей. Стимул под номером 10 («Ценность времени других») расположен на отрицательном полюсе оси X2 между драйверами «Управление временем» и «Управление отношениями». Можно сделать вывод, что при выстраива-

нии отношений с окружающими и распределении времени студенты со средней успеваемостью учитывают важность времени других.

Семантическое пространство драйверов психологической активности деятельности студентов с низкой успеваемостью характеризуется хаотичным расположением словосочетаний-стимулов, что не дает возможности назвать оси и выделить драйверы активности деятельности. Можно отметить, что некоторые словосочетания-стимулы находятся практически на одних и тех же координатах, несмотря на то, что являются характеристиками двух разных драйверов психологической активности деятельности. У студентов отсутствует целостное понимание компонентов управления целями, отношениями и временем.

Заключение

Таким образом, есть определенный изоморфизм, который говорит о том, что мы можем использовать графическое представление обобщенного образа для оценки разного уровня учебной деятельности студентов в контексте трех групп драйверов активности деятельности. Было выяснено, что у студентов с низкой успеваемостью отсутствует понимание разделения трех драйверов активности деятельности – управления отношениями, управления людьми и управления целями; эти понятия у них смешаны. Студенты со средней и высокой успеваемостью разграничивают эти понятия. У студентов-отличников слова-стимулы расположены на удалении друг от друга в системе координат семантического пространства, что говорит о том, что они лучше понимают, как эффективно управлять отношениями, временем и ставить цели. Студенты со средней успеваемостью также дифференцируют эти понятия, однако некоторые понятия для них равносильны, им сложно их разделять. При построении семантического образа было использовано усредненное пространство значений студентов, так как оно объясняет максимальное количество дисперсий, что соответствует всем студентам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: «Мысль», 1991. 299с.

2. Башкин Е.Б., Чудина Ю.А., Шляхта Д.А. Опросник «драйверы психического здоровья» // «Приверженность вопросам психического здоровья». Российский университет дружбы народов (РУДН). 2023. СС. 17–25.
3. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения в 2-х т. М.: «Педагогика», Т. 2. 1983. 320с.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: «Питер», 2000. 712с.
5. The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. Retrieved from <https://www.jamovi.org>.

REFERENCES

1. Abulkhanova-Slavskaya K. Strategy of life. M.: “Mysl”, 1991. 299p.
2. Bashkin E., Chudina Yu., Shlyakhta D. Questionnaire “drivers of mental health” // “Commitment to mental health issues”. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). 2023. PP. 17–25.
3. Leontiev A. Selected psychological works in 2 volumes. Moscow: “Pedagogy”, Vol. 2. 1983. 320p.
4. Rubinstein S. Fundamentals of general psychology. St. Petersburg: “Piter”, 2000. 712p.
5. The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. Retrieved from <https://www.jamovi.org>.

DIFFERENCES IN SUBJECTIVE PERCEPTION OF PSYCHOLOGICAL ACTIVITY AMONG STUDENTS WITH VARYING ACADEMIC SUCCESS

E. Bashkin, Y. Chudina A., D. Shliakhta, I. Kelareva

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia*

ABSTRACT

This research presents an analysis of the subjective perception of psychological activity in groups of students with varying academic performance. Psychological activity is examined within the framework of a competency-based approach, the management of which is possible through the description of competency models, including behavioral indicators. In this case, psychological activity is represented by three psychological competencies: time management, relationship management, and goal management, corresponding to the three scales of the psychological assessment tool “Drivers of Mental

Health.” We conducted a research in which 30 pairs of phrases were selected via content analysis and expert assessment methods, presented to a group of students using a paired comparison method. The research resulted in the construction of a semantic space of students’ psychological activity based on a model of commitment to mental health and the “Drivers of Mental Health” methodology. Statistically significant differences were found between the perceptions of personal activity among students with varying academic performance. It was noted that students with low academic performance lack an understanding of the separation between the three drivers of activity, while students with average and high academic performance differentially understand the components of these drivers.

Keywords: Drivers of activity, psychological well-being, commitment to mental health, competency-based approach, semantic space.

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ КАРЬЕРНЫМИ ОРИЕНТАЦИЯМИ

Е.А. Бжоян, Ж.А. Амантай, А.А. Достатняя

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия
bzhoyan_ea@rudn.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению самореализации студентов в контексте их карьерных ориентаций. Проведен теоретический анализ подходов к исследованию самореализации личности в отечественной, зарубежной и современной психологической науке.

Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе были выявлены особенности самоактуализации студентов. Установлено, что для студентов характерны ориентированность на ценности самоактуализирующейся личности, достаточный уровень временной перспективы и позитивное представление о природе человека.

На втором этапе проведен корреляционный анализ взаимосвязи самореализации и карьерных ориентаций с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты подтвердили наличие статистически значимых взаимосвязей между карьерными ориентациями студентов и их стратегиями самореализации.

Ключевые слова: самореализация, карьерные ориентации, самоактуализация, личность.

Введение

Современная действительность предъявляет повышенные требования к личности и профессиональным качествам человека. *Актуальность исследования* вопросов профессиональной самореализации и факторов, ее определяющих, обуславливается процессами гуманизации системы образования, где определяющее значение имеет человек, его возможности и способности. Немаловажное значение также имеет проб-

лематика самореализации применительно профессиональной деятельности.

Система профессионального образования определяется специфическими особенностями конкретной сферы профессиональной деятельности, зачастую связь между сферой деятельности и образовательным учреждением недостаточно надежна. Для молодого специалиста немаловажное значение имеет адаптация к профессиональной деятельности, составляющими которых выступают профессиональные компетенции, которые сформированы в процессе обучения в учреждении высшего профессионального образования. Современное общество требует от образовательных учреждений специалистов имеющих высокий уровень практической и теоретической подготовленности, характеризующиеся сформированной гражданской позицией, ориентированных на развитие и самосовершенствование в выбранной области профессиональной деятельности.

Проблема самореализации студентов востребована в плане решения профессионально-педагогических задач, которые стоят перед системой высшего образования: от определения причин низкого уровня успеваемости студентов до определения перспектив и направлений профессионального обучения и профессионально-личностного развития студентов. Поиск актуальных путей для самореализации – важная задача системы образования. В период обучения в вузе у студентов происходит формирование профессионального самосознания, определяются ожидания и выбираются направления профессиональной деятельности. Большое значение в этом имеют карьерные ориентации.

Цель исследования – определить особенности самореализации студентов с разными карьерными ориентациями.

Гипотеза исследования: предполагается, что существуют особенности студентов с разными карьерными ориентациями.

Респондентами выступили обучающиеся на 2–5 курсах Российского университета дружбы народов (РУДН) и Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) по направлениям «Менеджмент», «Экономика» и «Психология». Всего приняли участие 100 студентов, из них 48 студентов мужского пола и 52 студента женского пола в возрасте от 19 до 24 лет.

Методика исследования

1. Многомерный опросник самореализации (С.И. Кудинов) – диагностика уровня и направленности самореализации.

2. Методика измерения уровня самоактуализации (модификация Л.Я. Гозмана и М.В. Кроза) – оценка степени реализации личностного потенциала.

3. Методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн) – определение карьерных ориентаций.

4. Методика «Карьерная самооэффективность» (Н. Бетц, адаптация Д. Бондаренко и Е.А. Могилевкина) – оценка уверенности студентов в своей профессиональной деятельности.

Анализ результатов методики «Якорь карьеры» Э. Шейна позволил выявить, что наиболее значимой карьерной ориентацией среди студентов является «стабильность работы» (31, 54). Следующими по значимости выступают «вызов» (27,75), «профессиональная компетентность» (27, 56) и «служение» (27, 39). Наименьший уровень значимости продемонстрировали ориентации «стабильность места жительства» (22, 35) и «автономия» (22, 80).

Количественный анализ результатов эмпирического исследования свидетельствует о высокой потребности студентов в стабильности и защищенности, а также о стремлении к прогнозированию профессионального будущего. В целом, для респондентов, ориентированных на стабильность работы, характерно восприятие профессиональной деятельности как основного элемента карьеры.

Результаты диагностики карьерной самооэффективности показали, что студенты в целом демонстрируют реалистичный подход к планированию профессионального пути, уверенность в своих возможностях и способность адаптироваться к изменяющимся условиям рынка труда.

Анализ уровня самореализации (по методике С.И. Кудинова) выявил, что для студентов характерным является наличие социально-корпоративных установок самореализации, выраженные тенденции к проявлению оптимистичности и активности, преобладание социоцентрической мотивации, а также креативности. Можно говорить об отсутствии в выборке лиц с выраженными личностными и социальными барьерами самореализации, что позволяет говорить о конструктивном в целом характере самореализации у студентов.

Также выполнена оценка уровней сформированности самореализации у студентов. Результаты диагностики позволяют говорить о том, что иррациональный уровень самореализации диагностируется у 6% участников исследования. Эти лица могут характеризоваться низким уровнем ориентированности на проявление инициативности и активности в самореализации в сфере личных интересов, а также общественной деятельности.

Инертный уровень самореализации диагностируется у 56% участников исследования. Эти лица могут характеризоваться как имеющие сниженный уровень активности, они не ориентированы на развитие интеллектуальных, личностных и морально-нравственных качеств и особенностей.

Адаптивный уровень самореализации диагностируется у 38% участников исследования. Эти студенты могут характеризоваться как лица, у которых личностное, профессиональное и социальное совершенствование не имеет определяющее значение в жизни. Периодически они стремятся развивать в себе какие-либо качества и особенности, развивать профессиональные умения и навыки для достижения признания и уважения.

В ходе исследования была проведена диагностика уровня самоактуализации студентов с использованием методики Л.Я. Гозмана и М.В. Кроза. Полученные результаты показали, что в среднем по выборке наблюдаются повышенные значения ориентации во времени ($M = 14,43$). Это свидетельствует о способности студентов жить настоящим моментом и осознавать его значимость.

Кроме того, зафиксирован умеренный уровень показателя «поддержка» ($M = 58,48$), что отражает относительно независимое отношение студентов к ценностям и поведению окружающих. Они демонстрируют способность к автономному принятию решений, формированию собственных взглядов и оценке поступков на основе личных убеждений.

Таким образом, можно заключить, что студенты, участвовавшие в исследовании, обладают выраженной временной перспективой, ориентированы на актуальные жизненные процессы и характеризуются достаточным уровнем независимости в оценке социальных норм и взаимодействий.

Анализ показателей ценностных ориентаций студентов выявил умеренные и повышенные значения ($M = 15,48$), что свидетельствует о

том, что большинство респондентов разделяют ценности самоактуализирующейся личности либо частично, либо в полной мере.

Полученные данные также указывают на умеренный уровень гибкости поведения и деятельности ($M = 13,51$), что позволяет сделать вывод о способности студентов адаптироваться к изменяющимся условиям, эффективно достигать поставленных целей и реагировать на различные жизненные ситуации.

Уровень сензитивности (чувствительности к собственным переживаниям и поступкам) оказался на умеренном уровне ($M = 8,87$). Это свидетельствует о достаточном уровне самоанализа и осознания собственных потребностей и чувств.

Дополнительно было выявлено, что студенты демонстрируют умеренный уровень спонтанности ($M = 9,09$), что указывает на способность выражать эмоции непосредственно и естественно, сохраняя при этом адекватность поведения.

Уровень самоуважения ($M = 9,39$) также оказался умеренным, что говорит о сформированной способности ценить собственные достоинства, личностные качества и профессиональные навыки.

В целом, анализ особенностей самоактуализации студентов показал, что для них характерны:

- ✓ ориентированность на ценности самоактуализирующейся личности;
- ✓ достаточный уровень осознания временной перспективы;
- ✓ позитивное представление о природе человека.

На следующем этапе исследования был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты подтвердили существование значимых взаимосвязей между уровнем профессиональной компетентности студентов, их карьерными ориентациями и особенностями самореализации.

Было установлено, что студенты с высоким уровнем профессиональной компетентности демонстрируют выраженную социоцентрическую мотивацию самореализации, а также обладают высокими показателями самоуважения.

Анализ корреляций между карьерной ориентацией «менеджмент» и субъектно-личностными установками самореализации показал, что студенты, ориентированные на управленческую деятельность, обладают:

- ✓ высоким уровнем активности;
- ✓ сниженной инертностью;
- ✓ выраженной креативностью;
- ✓ самопринятием и независимостью в оценках и поведении.

Кроме того, выявлено, что студенты, ориентированные на самостоятельность и свободу в профессиональной деятельности, демонстрируют высокий уровень проявления как субъектно-личностных, так и социально-корпоративных установок самореализации. Они характеризуются:

- ✓ оптимизмом;
- ✓ ориентацией на собственные ценности;
- ✓ высокой мотивацией к самореализации;
- ✓ конструктивной направленностью в профессиональном развитии.

В то же время студенты, ориентированные на стабильность работы, демонстрируют сниженную выраженность субъектно-личностных установок самореализации, а также сниженную оптимистичность и интернальность.

Респонденты, ориентированные на социальную направленность, показали высокие уровни креативности, что свидетельствует о развитых способностях к инновационной деятельности в профессиональной сфере.

Анализ данных показал статистически значимые корреляции между карьерной ориентацией «вызов» и социоцентрической мотивацией самореализации ($r = -0,22$). Это свидетельствует о том, что студенты, ориентированные на решение сложных профессиональных задач, демонстрируют сниженную социоцентрическую мотивацию.

Кроме того, участники исследования, ориентированные на интеграцию стилей жизни, характеризуются уменьшенным уровнем оптимистичности и активности в процессе самореализации.

Результаты также показали, что студенты, ориентированные на создание новых продуктов и предпринимательскую деятельность, обладают:

- ✓ высокой активностью;
- ✓ преобладанием субъектно-личностных установок самореализации;
- ✓ выраженной экстернальностью;

- ✓ высоким уровнем креативности;
- ✓ преобладанием эгоцентрической мотивации;
- ✓ направленностью на деятельностную самореализацию.

Анализ корреляций с показателями самоактуализации выявил, что студенты с выраженной карьерной ориентацией на предпринимательство демонстрируют:

- ✓ высокую направленность на ценности самоактуализирующейся личности;
- ✓ гибкость поведения;
- ✓ развитую способность к самоуважению;
- ✓ высокий уровень креативности.

Дополнительно был проведен анализ связи между показателями карьерной самооффективности и уровнем самореализации личности. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

- Студенты с высокой профессиональной осведомленностью чаще демонстрируют выраженные субъектно-личностные установки самореализации, высокий уровень активности и гибкости поведения, а также повышенное самоуважение.
- Респонденты, оценивающие свою карьерную самооффективность как высокую, также имеют повышенный уровень мотивации к самореализации, выраженную оптимистичность и конструктивность в подходе к профессиональному развитию.

Анализ взаимосвязи карьерного целеполагания с самореализацией показал, что студенты с четко сформированными карьерными целями:

- ✓ обладают высоким уровнем активности;
- ✓ демонстрируют интернальный локус контроля;
- ✓ имеют конструктивную направленность самореализации;
- ✓ характеризуются развитой личностной и деятельностной самореализацией;
- ✓ проявляют повышенную ориентацию во времени и высокий уровень самоуважения.

Кроме того, студенты с высоким уровнем карьерного планирования чаще демонстрируют:

- ✓ преобладание субъектно-личностных установок самореализации;
- ✓ высокий уровень оптимизма;

- ✓ акцент на эгоцентрическую мотивацию самореализации;
- ✓ сниженный уровень социальной самореализации.

При анализе взаимосвязи карьерного планирования и самоактуализации выявлено, что студенты с выраженным карьерным планированием демонстрируют:

- ✓ высокий уровень поддержки;
- ✓ ориентацию на ценности самоактуализирующейся личности;
- ✓ гибкость поведения и способность адаптироваться к изменяющимся условиям.

Дополнительно было установлено, что участники исследования с высокой способностью к решению карьерных проблем обладают:

- ✓ выраженными субъектно-личностными установками самореализации;
- ✓ повышенным уровнем активности;
- ✓ высокой экстернальностью;
- ✓ развитой социальной поддержкой;
- ✓ гибкостью поведения;
- ✓ спонтанностью в принятии решений.

Выводы

Результаты проведенного исследования подтверждают существенное влияние карьерных ориентаций на особенности самореализации личности студентов. Полученные данные позволяют сделать следующие заключения:

1. Студенты с разными карьерными ориентациями демонстрируют различные стратегии самореализации. Например, ориентация на вызов ассоциируется со сниженной социоцентрической мотивацией, а ориентация на предпринимательство – с высоким уровнем креативности и гибкости поведения.

2. Карьерная самоэффективность оказывает влияние на уровень самореализации: студенты с высокой уверенностью в своих профессиональных перспективах демонстрируют оптимизм, активность и конструктивные установки в самореализации.

3. Карьерное планирование тесно связано с самоактуализацией: студенты, осознанно формирующие карьерные цели, обладают высокой

гибкостью поведения, самоуважением и ценностной ориентацией на саморазвитие.

4. Способность к решению карьерных проблем ассоциируется с выраженной субъектно-личностной самореализацией, высоким уровнем активности и социальной поддержки.

Таким образом, гипотеза исследования полностью подтверждается: существуют выраженные различия в особенностях самореализации студентов с разными карьерными ориентациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байлук В.В.* Функции профессиональной самореализации личности / В.В. Байлук // «Педагогическое образование в России». 2014. Вып. 1. СС. 67–72.
2. *Ворожко Ю.Н.* Социокультурные основания самореализации личности: философско-антропологический аспект Дисс. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д, 2014. 220с.
3. *Галажинский Э.В.* Системная детерминация самореализации личности: Автореф. Дисс. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2002. 29с.
4. *Егорычева И.Д.* Генезис самореализации как особого типа деятельности и роль подросткового возраста в ее развитии: дис. ... д-ра психол. наук / И.Д. Егорычева. М., 2012. 210с.
5. *Коган Л.Н.* Цель и смысл жизни человека [Эл. ресурс] / Л.Н. Коган. URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=_oiUhPMAAAAJ&citation_for_view=_oiUhPMAAAAJ:qjMakFHDy7sC
6. *Корастылева Л.А.* Психология самореализации личности: основные сферы жизнедеятельности: дисс. ... докт. психол наук. СПб, 2001. 280с.
7. *Корастылева Л.А.* Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб: «Речь», 2005. 310с.
8. *Кудинов С.И.* Полисистемный подход исследования самореализации личности / С.И. Кудинов // «Сибирский педагогический журнал», № 11, 2007. СС. 335–344.
9. *Кудинов С.И.* Психодиагностика личности: учебн. пособие / С.И. Кудинов, С.С. Кудинов. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2012. 270с.
10. *Кудинов, С.И.* Самореализация как системное психологическое образование [Эл. ресурс] / С.И. Кудинов URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu/www.woa/wa/Main?textid=2092&level1=main&level2=articles>.

REFERENCES

1. *Bailuk V.* Functions of Professional Self-Realization of Personality / V.V. Bailuk // "Pedagogical Education in Russia", 2014. Issue 1. PP. 67–72.
2. *Vorozhko, Yu.N.* Sociocultural Foundations of Personality Self-Realization: Philosophical and Anthropological Aspect. PhD Dissertation in Philosophy. Rostov-on-Don, 2014. 220p.
3. *Galazhinsky E.* Systemic Determination of Personality Self-Realization: Doctoral Dissertation Abstract in Psychology. Barnaul, 2002. 29p.
4. *Egorycheva I.* The Genesis of Self-Realization as a Special Type of Activity and the Role of Adolescence in Its Development: Doctoral Dissertation in Psychology / I.D. Egorycheva. Moscow, 2012. 210p.
5. *Kogan L.* The Goal and Meaning of Human Life [El. resource] / L.N. Kogan. URL: https://scholar.google.ru/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=_oiUhPMAAAAJ&citation_for_view=_oiUhPMAAAAJ:qjMakFHDy7sC
6. *Korastyleva L.* Psychology of Personality Self-Realization: Main Areas of Life Activity: Doctoral Dissertation in Psychology. St. Petersburg, 2001. 280p.
7. *Korastyleva L.* Psychology of Personality Self-Realization: Difficulties in the Professional Sphere. St. Petersburg: "Rech", 2005. 310p.
8. *Kudinov S.* A Poly-System Approach to the Study of Personality Self-Realization / S.I. Kudinov // Siberian Pedagogical Journal, 2007, No. 11. PP. 335–344.
9. *Kudinov S.* Personality Psychodiagnostics: Textbook / S.I. Kudinov, S.S. Kudinov. Tolyatti: TSU Publishing, 2012. 270p.
10. *Kudinov S.* Self-Realization as a Systemic Psychological Construct [Electronic resource] / S.I. Kudinov. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu%20www.woa/wa/Main?textid=2092&level1=main&level2=articles>

FEATURES OF SELF-REALIZATION OF STUDENT WITH DIFFERENT CAREER ORIENTATIONS

E. Bzhoyan, Zh. Amantay, A. Dostatnyaya

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

ABSTRACT

The article reveals the problem of self-realization of students in the context of career orientations. A theoretical analysis of approaches to the study of self-realization

of personality in domestic, foreign and modern psychological science was carried out. The study was carried out in two stages. At the first stage, the features of self-actualization of students were revealed. It was determined that students are characterized by a focus on the values of a self-actualizing personality, a sufficient level of orientation over time, a favorable idea of the nature of a person.

The next stage of the study is the correlation analysis procedure using the Spearman rank correlation coefficient.

The correlation analysis procedure allowed us to conclude that there are pronounced relationships between self-realization and career orientations. We can say that there is a variability in self-realization among students who are characterized by different career orientations. The research hypothesis is accepted in full, that is, there are features of students with different career orientations.

Keywords: self-realization, career orientations, self-actualization, personality.

ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ

А.С. Берберян

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения
aspsy@inbox.ru*

*Психологическая адаптация является оптимальным
взаимодействием личности и окружающей среды.
А. Маслоу*

*Всем известно, что за деньги можно купить
туфли, но не счастье, еду, но не аппетит, постель,
но не сон, лекарство, но не здоровье.
Сократ*

АННОТАЦИЯ

В данной статье на основе анализа литературы и эмпирических данных выявляются факторы, влияющие на социально-культурную адаптацию личности, психическое здоровье и его психоэмоциональные состояния. Психологическая адаптация является процессом психологической включенности личности в систему социально-психологических и профессиональных взаимоотношений. Выделяют главные виды психологической адаптации. В статье приводится классификация Г. Триандиса, выделившего этапы процесса адаптации мигрантов, делается вывод о том, что механизм адаптации, выработанный в результате длительной эволюции и сопровождаемый определенными психоэмоциональными состояниями, обеспечивает возможность существования организма в постоянно меняющихся условиях среды. Анализ эмпирических данных позволил доказать выдвинутую гипотезу исследования о том, что существует взаимосвязь между адаптацией, отношением к своему здоровью и некоторыми психоэмоциональными состояниями личности.

Ключевые слова: психическое здоровье, психоэмоциональные состояния личности, фактор социокультурной адаптации.

Введение

В настоящее время тема развития личности и вопросы, связанные с психическим здоровьем, остаются на пике актуальности практически по всем ключевым понятиям и аспектам; именно многоаспектность этой проблемы в значительной степени детерминируют затруднения при определении понятий и терминов. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет психическое здоровье как такое состояние, когда человек может реализовать свой творческий потенциал в случае, если умеет справляться с жизненными трудностями, стрессами, способен продуктивно и плодотворно работать, легко адаптироваться, и вносит определенный вклад в жизнь сообщества.

Теоретическая и информативная основа исследования

Проблемы здоровья, в частности, психологического здоровья, находятся в фокусе внимания таких авторов-исследователей, как Б.Г. Ананьев, Д.А. Леонтьев, А.И. Портнова, М.Г. Иванова, М. Селигман, Р.М. Шамонов, А.В. Шувалов, Л.В. Яссман, О.Ю. Яссман и др.

На современном этапе развития общества глобальный мир переживает период трансформаций в результате серьезных социально-политических потрясений, социально-психологического напряжения и экономических изменений, что приводит к тому, что в качестве базисной проблемы выступили новые риски для психического здоровья нации. Таким образом, феномен здоровья в современной психологической науке вызывает разногласия, однако исследователи все же единодушны в признании того, что существует терминологический разнобой и, вследствие этого, необходимость серьезно подойти к ее решению. *Актуальность* психологических особенностей в исследованиях проблем здоровья детерминирована тем, что в условиях современных реалий здоровье в незначительной степени обусловлено состоянием медицины и здравоохранения.

Воздействие современной медицины на соматические показатели состояния здоровья оценивается менее, чем в 10%. Здоровье личности не является мифом или метафорой, это – реальная проблема в современной психологии развития личности, которая охватывает все сферы жизнедеятельности человека [5, 6].

Заявленное в 1950-м году в докладе А. Маслоу новое понятие «психологическое здоровье» с конца 1990-х г. получает разработку в зарубежной и российской психологической науке.

В ракурсе социальных отношений здоровье выступает как структурная часть социального бытия, которое реализуется в субъектных сферах жизнедеятельности конкретных индивидов.

Основная часть

В настоящее время здоровье приобретает особую значимость не только в дихотомии «здоровье-болезнь», то есть в целях акцентирования внимания на проблемах соматического характера и результативности и действенности данного компонента, но и как личностная составляющая, являющаяся необходимым, базовым элементом и личной репрезентации человека в социуме. Именно данная позиция обуславливает формирование понятия «отношение к здоровью».

Дифференциальные перемены, которые обусловлены социальными аспектами, имеют глубокое влияние на молодежь.

У молодежи от 16 до 29 лет, как указывают данные Всемирной организации здравоохранения, составляющей около 30% населения, за последние 5 лет заболевания увеличились на 26,3 %. Забота студентов о собственном здоровье определяется не только внешними воздействиями: семья, образовательное учреждение, друзья и т.д., объективными показателями состояния организма, но и отношением к своему здоровью, как социокультурному феномену [1, 5].

Субъективное отношения к другому человеку преломляется через призму модальности восприятия этих людей. Некоторые люди негативно относятся к людям и социуму, другие к тем же людям относятся положительно, третьи рассматривают возможность изучения людей с различных позиций. Очевидно, речь идет о защитном механизме проекции, который наглядно демонстрирует притча о зеркальной комнате. Однажды в зеркальную комнату во дворце попала собака и, потрясенная, застыла. Она увидела множество собак, которые смотрели на нее со всех сторон. Она оскалилась, в зеркалах отразился ее оскал, собаки в зеркалах тоже показали клыки. Собака в ужасе начала лаять, а эхо многократно отразилось в ее лае. Всю ночь собака металась по залу, бросаясь на мнимых зеркальных врагов. Утром ее обнаружили мертвой. А другая

собака, попав в зеркальную комнату, улыбнулась – все собаки улыбнулись ей в ответ. Она повиляла приветливо хвостом, все окружавшие ее в зеркалах приветливо ее приветствовали. Мораль: мир – большое зеркало, которое отражает отношение к миру и возвращает то же отношение к окружающим. Улыбаясь миру – и весь мир вокруг улыбается в ответ.

Говоря о возрастной периодизации составляющих здоровья, можно выделить этапы:

- ✓ От рождения до 3 лет закладывается физическое здоровье.
- ✓ С 3 до 7 лет формируется психологическое здоровье.
- ✓ С 7 по 12 лет – социальное здоровье.
- ✓ С 12 лет происходит формирование духовной составляющей.

Психологическая адаптация является процессом психологической включенности личности в систему социально-психологических и профессиональных взаимоотношений.

Выделяют главные виды психологической адаптации:

- ✓ социальное эмоциональное приспособление личности;
- ✓ социально-психологическое приспособление личности;
- ✓ профессионально-деятельностное эмоциональное приспособление личности;
- ✓ экологическое эмоциональное приспособление личности [7].

Таблица 1.

Виды психологической адаптации личности

Главным препятствием, мешающим успешному решению проблемы, является то, что человек воспринимает другие культуры через призму собственной культуры: смыслы мыслей, поступков и действий, наблюдения и их анализ ограничены рамками этнического стереотипного мышления [2, 6]. Исследователи выявили большое количество переменных, от которых зависит позитивный исход коммуникативного взаимодействия представителей разных культур и этносов. Итак, факторы адаптации:

- ✓ «территория, которая может быть общей или своей лишь для одной из групп;
- ✓ продолжительность взаимодействия;
- ✓ цель (учеба, досуг);
- ✓ тип вовлечения в жизнь общества (от участия до наблюдения);
- ✓ частота и глубина контактов;
- ✓ относительное равенство статуса и прав;
- ✓ явные различительные признаки (язык, религия, раса);
- ✓ психоэмоциональное состояние личности» [1, 3, 8].

Однако сложности и затруднения могут возникнуть и в случае наличия благоприятных условий для контакта, например, если имеется продолжительное взаимодействие, активное вовлечение в жизнь общества, частые контакты, которые не ущемляют права и достоинства человека. Если не существует явных различительных признаков, то даже при целенаправленных поездках у визитера могут возникать сложности и напряженное эмоциональное состояние. Достаточно часто у них повышается уровень тревожности, которая сопровождается ностальгией, чувством тоски по родине. В основном, проблема культурного шока исследуется в контексте выявленной закономерности «кривой процесса адаптации». Согласно данной «кривой», Г. Триандис выделил этапы процесса адаптации мигрантов:

- ✓ На первом этапе, который называется «медовый месяц», для визитера характерны энтузиазм, приподнятое настроение и большие надежды. Действительно, значительная часть визитеров стремится учиться или работать за пределами страны. Специальные работники, отвечающие за прием и обеспечение необходимых условий, стараются оказать заботу и внимание на новом месте.

- ✓ На смену первому этапу приходит следующий, второй, на котором проявляются негативные воздействия окружающей среды. К примеру, иностранцы, приехавшие в нашу страну, выражают недовольство некомфортным бытом, жилищными условиями, перегруженным общественным транспортом, сложной социальной обстановкой и некоторыми другими проблемами. Помимо этих внешних обстоятельств, новой для человека культуры, на него влияют и психологические факторы: взаимное непонимание с местными жителями, иногда негативные к ним установки. Все это может привести к разочарованию, тревожности, фрустрации и склонности к депрессии. В данный период «чужак» стремится избегать реальности, общаясь, в основном, с земляками и обмениваясь с ними негативными впечатлениями об «ужасных местных людях».
- ✓ Третий этап характерен тем, что симптомы культурного шока могут достигнуть критической точки. Это проявляется в чувстве растерянности и полной беспомощности, в снижении иммунитета и, в некоторых случаях, серьезных заболеваниях. Иногда визитеры, не сумевшие успешно адаптироваться в новой среде, возвращаются как «неудачники», как они сами себя порой называют, домой раньше положенного срока. Но в дальнейшем визитеры получают необходимую социальную поддержку окружения и преодолевают все барьеры, связанные с культурными различиями: лингвистические, незнание местных обычаев – они начинают знакомиться с местной культурой, национальной кухней и т.д.
- ✓ На четвертом этапе депрессивное состояние постепенно, медленно сменяется оптимистическим настроением, ощущением уверенности и удовлетворения. Человек в большей степени интегрируется в жизнь общества, адаптируясь к ней.
- ✓ На пятом этапе, характеризующемся полной или долгосрочной, по терминологии Берри, адаптацией, происходят более стабильные изменения человека в ответ на требования среды. В норме процесс адаптации возможен при взаимном соответствии среды и индивида, а мы, в данном случае, можем говорить о его благополучном завершении. При успешной адаптации достигну-

тый уровень сопоставим с уровнем адаптации индивида, возникшем у него на родине. Важно не отождествлять адаптацию к новой культурной среде с обычным приспособлением к ней.

Итак, пять этапов адаптации формируют U-образную кривую: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо [11]. Но испытания даже успешно адаптировавшихся людей не всегда заканчиваются с возвращением на родину, т.к. им приходится пройти через период реадаптации, испытать «шок возвращения». В первое время они находятся в приподнятом настроении, рады встрече с родственниками и друзьями, возможности общаться на родном языке и т.п., но затем с удивлением замечают, что особенности родной культуры воспринимаются ими как непривычные или даже странные. Так, после возвращения из Германии или Америки на родину очень раздражает, что люди на улицах не соблюдают «порядок», например, переходят улицу в неположенном месте и не обращают внимания на свет светофора. Лишь постепенно человек полностью приспособляется к жизни в родной стране. По мнению некоторых исследователей, этапы реадаптации повторяют U-образную кривую, поэтому для всего цикла была предложена концепция W-образной кривой адаптации.

Многочисленные эмпирические исследования, проведенные в последние годы, ставят под сомнение универсальность U- и W-образных кривых. Действительно, попадая в новую культурную среду, визитеры не обязательно проходят через все этапы адаптации и реадаптации.

А.В. Мудрик выделяет следующие факторы адаптации личности к обществу: макрофакторы, мезофакторы, микрофакторы [4].

Психоземotionalное состояние, которое переживает обычно индивид в новой культурной среде, весьма динамично. Например, состояние фрустрированности, которое возникает в проблемных для личности ситуациях, при завершении адаптивного процесса трансформируется или исчезает.

Результаты исследований выявили адаптивность молодежи – меньшую, чем у людей старшего поколения, подверженность воздействию внешней тревоги. Этот факт можно интерпретировать следующим образом: факторы организации нервной системы, молодости, интернальности, наличия сознания, свободного от предрассудков в большей степени способствуют адаптации. Вследствие этого легче происходит процесс адаптации и меньше – болезненный процесс переживаний в

стрессовых ситуациях. У мужчин зрелого возраста выражен высокий уровень внутреннего контроля, эскапизм, а женщины зрелого возраста характеризуются эмоциональной комфортностью и «принятием» других. Результаты исследования показательны в плане выраженности наиболее важных характеристик индивидуально-психологических черт личности в процессе адаптации, а именно: преобладающее психоэмоциональное состояние, возраст, пол.

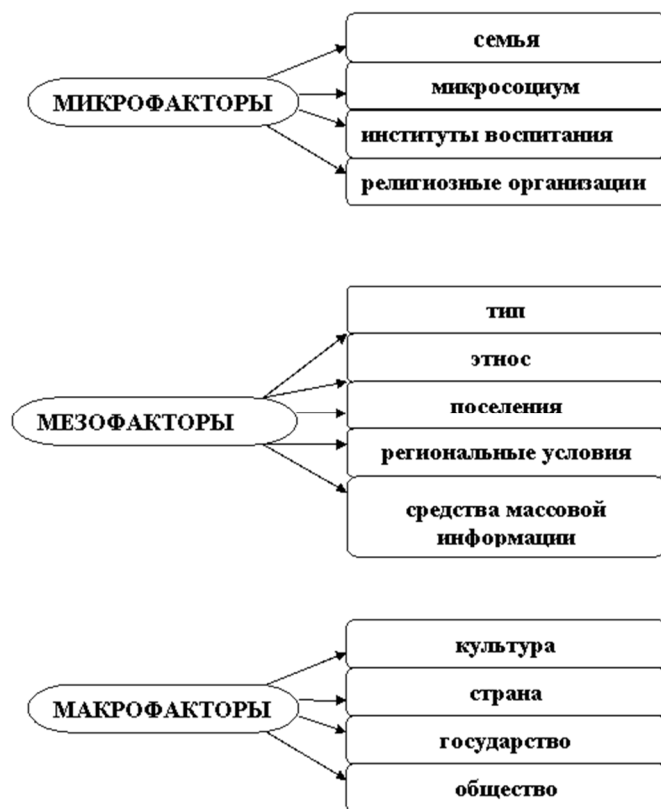

Рисунок 1. Факторы адаптации личности к обществу.

В модели освоения чужой культуры, как справедливо утверждает М. Беннет, необходимо делать акцент на чувственном, эмоциональном восприятии и толковании культурных различий, то есть развивать межкультурную чуткость.

За последние десятилетия психология уделяла большое внимание некоторым сильно выраженным астеническим психическим состояниям: тревожности, фрустрации, ригидности, агрессии.

Цель исследования: на основе анализа литературы и эмпирических данных выявить факторы, влияющие на социально-культурную адаптацию личности: психическое здоровье и психоэмоциональные состояния.

Гипотеза исследования: предполагается, что факторами, оказывающими влияние на психическое здоровье личности в процессе адаптации к новым условиям, являются отношение к своему здоровью и психоэмоциональные состояния личности молодежи.

Методы исследования: анализ научной литературы по проблеме исследования; тестирование; анкетирование; математико-статистическая обработка данных (корреляционный анализ), а также следующие диагностические опросники и методики:

- ✓ Диагностика социально-психологической адаптации (авторы: К. Роджерс, Р. Даймонд).
- ✓ Диагностика психоэмоциональных особенностей личности Айзенка.
- ✓ Анкета, разработанная нами.

В качестве выборки в проводимом эмпирическом исследовании выступили 88 человек: 45 человек в возрасте от 18 до 25 лет – студенты,, этнические армяне, длительность проживания в Армении от 3 до 5 лет, 43 студента – местные армяне.

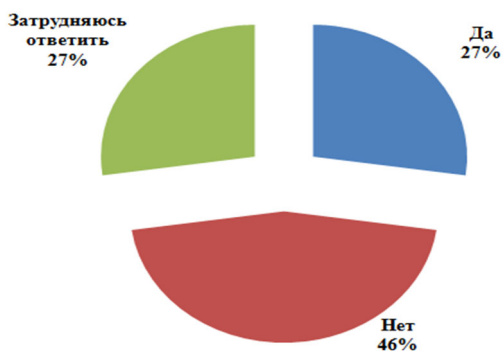

График 1. Заботитесь ли вы о вашем здоровье?

Результаты исследования по анкете «Анализ ситуаций»:

- ✓ их удивляло то, чего нет у них на родине – удивление;

- ✓ в чужой стране люди, в первую очередь, все сравнивают со своей страной – *сравнение*;
- ✓ им не терпится обследовать окрестности, попробовать местную кухню и выучить язык;
- ✓ около половины респондентов приходят к выводу, что знания языка недостаточно для достижения полноценного общения;
- ✓ при вхождении в незнакомую среду они думают, что это – лучшее приключение всей жизни, – *аналогии*;
- ✓ в процессе адаптации есть ощущения неопределенного беспокойства – *ощущения*;
- ✓ они испытывают чувства, что все вокруг готовы им помочь, – отношения других.

Чувства респондентов

- ✓ все время хочется домой;
- ✓ местная культура кажется недостойной их, а местные жители кажутся грубыми и безразличными;
- ✓ потеряли интерес к работе (учебе) и с трудом сосредотачиваются;
- ✓ ничто не кажется им смешным;
- ✓ они избегают общения с новыми людьми, так как чувствуют себя неуютно;
- ✓ часто устают и плохо спят;
- ✓ испытывают чувство подавленности и некомпетентности.

Также был проведен тест «Диагностика социально-психологической адаптации», авторы – К. Роджерс, Р. Даймонд, после проведения которого были получены следующие результаты: по шкалам «Адаптивность», «Принятие себя», «Внутренний контроль», «Эскапизм»: студенты диаспоры уступают студентам титульного этноса: эти студенты легче адаптируются в новой социально-психологической среде.

В результате проведения методики «Тест самооценки психических состояний» Айзенка были получены следующие результаты: у студентов титульного этноса выше ригидность и агрессия, однако у студентов диаспоры выше показатели по шкалам фрустрация и тревожность. Студенты диаспоры менее ригидны, так как, возможно, они больше получают новую информацию, низкий уровень фрустрации у студентов ти-

тульного этноса, может быть, связан с тем, что они меньше подвержены социальной проверке, меньше сравнивают себя с другими людьми.

С респондентами эмпирического исследования была выявлена корреляция между демонстрацией адаптивного типа адаптации и положительным отношением к своему здоровью, с заботой о своем здоровье существует значимая сильная прямая связь 0,640, достоверно при $p \leq 0,01$.

В результате корреляционного анализа были получены следующие данные: у группы студентов корреляции между шкалой тревожности и внешним контролем, агрессия коррелирует с эмоциональным дискомфортом, фрустрация с дезадаптацией, ригидность – с доминированием. Во второй группе – тревожность – с внутренним контролем, агрессия – с неприятием себя, фрустрация – с дезадаптацией, ригидность – с доминированием.

Выводы

Именно механизм адаптации, выработанный в результате длительной эволюции и сопровождаемый определенными психоэмоциональными состояниями, обеспечивает возможность существования организма в постоянно меняющихся условиях среды. Анализ эмпирических данных позволил доказать выдвинутую гипотезу исследования о том, что существует взаимосвязь между адаптацией, отношением к своему здоровью и некоторыми психоэмоциональными состояниями личности

Обладая достаточными знаниями о типологических проявлениях механизмов, развития адаптации, психологи могут подготовить и предложить обучающие программы, специализированные тренинги межкультурного взаимодействия, обеспечивающие эффективное психологическое сопровождение ситуаций, связанных с проблемой адаптации [9, 10]. Одним из эффективных методов по подготовке к межкультурному взаимодействию являются культурные ассимиляторы. Их можно использовать в разных вариантах: как часть диагностического блока методик, как основу тренинга межкультурной сензитивности, как самостоятельный психолого-педагогический материал. Очень важно акцентировать эмоциональную поддержку как сопереживание, возможность высказываться и быть выслушанным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.А., Реан А.А., Кудашев А.Р. Психология адаптации личности. М.: Изд-во «Прайм-Евразна», 2008. 480с.
2. Берберян А.С. & Тучина О.Р. (2014). Исследование особенностей самоинтерпретации личности в разных этнических общностях // «Южно-российский журнал социальных наук» (1), 84–100.
3. Ларионова С.А. Социально-психологическая адаптация личности: Теоретическая модель и диагностика / С.А. Ларионова. Белгород, 2002. 200с.
4. Мудрик А.В. Социализация человека. 2-е, испр. и доп. М.: “Academia”, 2006. 303с.
5. Осницкий А.В. Проблемы психического здоровья и адаптации личности. СПб.: «Серебряный век», 2004. 384с. С. 12.
6. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности (Анализ, теория, практика). М.: «Прайм-Евразна», 2006. 480с.
7. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. Новосибирск.: Изд-во «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 2002. 275с.
8. Berberyan A. & Berberyan H. (2019). Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education, 7 (2), 11–17.
9. Berberyan A., Berberyan H. Student’s adaptation to distance learning (on example of Armenian and Russian students): psychoemotional features Российский психологический журнал, 21(4), 2024: Scopus 4: Research article UDC 159.9: <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.4.10> CC. 195– 211 <https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/1774>.
10. Berberyan A., Kukushkina M. and Berberyan H. Storytelling as a Tool for Promoting Educational Motivation and Psychological Well-Being In: Bylieva, D., Nordmann, A. (eds) Scenarios, Fictions, and Imagined Possibilities in Science, Engineering, and Education Springer ISSN 2367-3370 ISSN 2367-3389 (electronic) Lecture Notes in Networks and Systems ISBN 978-3-031-76799-9 ISBN 978-3-031-76800-2 (eBook): <https://doi.org/10.1007/978-3-031-76800-2> © The Editor(s) (if applicable) and The Author(s), under exclusive license to Springer Nature Switzerland AG 2024, PP. 285–308: https://doi.org/10.1007/978-3-031-76800-2_12:Scopus 2.
11. Triandis H. Collectivism and individualism: A reconceptualization of a basic concept in cross cultural psychology. In G. K. Verma & C. Bagley (Eds.), Personality, attitudes, and cognitions (PP. 60–95). London: “MacMillan”, 1988.

REFERENCES

1. *Baranov A., Rean A., & Kudashev, A.R.* (2008). *Psychology of Personality Adaptation*. Moscow: “Prime-Euroznak” Publishing. 480p.
2. *Berberyan A. & Tuchina O.* (2014). A study of the peculiarities of self-interpretation of personality in different ethnic communities. “South Russian Journal of Social Sciences”, (1), 84–100.
3. *Larionova, S.* (2002). *Socio-Psychological Adaptation of Personality: Theoretical Model and Diagnostics*. Belgorod. 200p.
4. *Mudrik A.* (2006). *Socialization of the Individual* (2nd ed., revised and expanded). Moscow: “Academia”. 303p.
5. *Osnitsky A.* (2004). *Problems of Mental Health and Personality Adaptation*. St. Petersburg: “Silver Age”. 384. PP. 12.
6. *Rean A., Kudashev A. & Baranov A.* (2006). *Psychology of Personality Adaptation: Analysis, Theory, Practice*. Moscow: “Prime-Euroznak”. 480p.
7. *Romm M.* (2002). *Personality Adaptation in Society: Theoretical and Methodological Aspects*. Novosibirsk: Nauka Publishing, Siberian Publishing Company of the Russian Academy of Sciences. 275p.
8. *Berberyan A. & Berberyan H.* (2019). Psychological characteristics of the value orientation system of Armenians in title ethnos and Russian diaspora. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*, 7 (2), 11–17.
9. *Berberyan A., Berberyan H.* Student’s adaptation to distance learning (on example of Armenian and Russian students): psychoemotional features *Российский психологический журнал*, 21(4), 2024: Scopus 4: Research article UDC 159.9: <https://doi.org/10.21702/rpj.2024.4.10> CC. 195–211
<https://rpj.ru.com/index.php/rpj/article/view/1774>
10. *Berberyan A., Kukushkina M. and Berberyan H.* Storytelling as a Tool for Promoting Educational Motivation and Psychological Well-Being In: Bylieva, D., Nordmann, A. (eds) *Scenarios, Fictions, and Imagined Possibilities in Science, Engineering, and Education* Springer ISSN 2367-3370 ISSN 2367-3389 (electronic) *Lecture Notes in Networks and Systems* ISBN 978-3-031-76799-9 ISBN 978-3-031-76800-2 (eBook) <https://doi.org/10.1007/978-3-031-76800-2> ©The Editor(s) (if applicable) and The Author(s), under exclusive license to Springer Nature Switzerland AG 2024, PP. 285–308: https://doi.org/10.1007/978-3-031-76800-2_12:Scopus 2.
11. *Triandis H.* Collectivism and individualism: A reconceptualization of a basic concept in cross cultural psychology. In G.K. Verma & C. Bagley (Eds.), *Personality, attitudes, and cognitions* (PP. 60–95). London: “MacMillan”, 1988.

MENTAL HEALTH AND PSYCHO-EMOTIONAL STATES OF PERSONALITY AS FACTORS OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION

A. Berberyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

*Psychological adaptation is the optimal interaction
between the individual and the environment.*

A. Maslow

*Everyone knows that money can buy shoes,
but not happiness; food, but not appetite;
a bed, but not sleep; medicine, but not health.*

Socrates

ABSTRACT

This article, based on the analysis of literature and empirical data, identifies the factors influencing sociocultural adaptation, mental health, and the psycho-emotional states of the individual. Psychological adaptation is understood as a process of psychological integration of the individual into the system of socio-psychological and professional relationships. The main types of psychological adaptation are discussed. The article presents the classification by H. Triandis, who identified stages in the adaptation process of migrants. It concludes that the adaptation mechanism, developed over the course of evolution and accompanied by certain psycho-emotional states, ensures the organism's ability to exist in constantly changing environmental conditions. Analysis of empirical data confirmed the research hypothesis that there is a correlation between adaptation, attitudes toward personal health, and certain psycho-emotional states of the individual.

Keywords: mental health, psycho-emotional states of personality, sociocultural adaptation.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ БАЗОВЫХ УБЕЖДЕНИЙ ЛИЧНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА

А.С. Будагян

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения
ani-budagyan@rambler.ru*

АННОТАЦИЯ

В современном мире человек часто сталкивается с трудными жизненными обстоятельствами. Информационный стресс, войны, социальная нестабильность, миграция, пандемии – вот лишь часть повседневности, которая окружает каждого человека. В связи с этим в рамках психологического исследования личности актуальным и распространенным стал поиск конструктивного начала личности, позволяющего преодолевать трудные жизненные ситуации. Мы предполагаем, что таким конструктивным началом могут быть базовые убеждения личности.

Актуальность исследования базовых убеждений личности в современной Армении обусловлена последствиями продолжающихся конфликтов, особенно в контексте армяно-азербайджанских столкновений, и их влиянием на психоэмоциональное состояние населения. Принудительное переселение, утрата родных территорий и пережитые травмы значительно изменили восприятие мира, социальной справедливости и личной значимости. Изучение этих изменений помогает понять, как травматический опыт влияет на формирование мировоззрения и способствует разработке эффективных стратегий социальной адаптации и психотерапевтической помощи для пострадавших. В условиях современной политической и социальной нестабильности исследование изменений в базовых убеждениях также является ключом к пониманию процессов реинтеграции и социальной реабилитации населения.

Данная статья посвящена теоретическому анализу такого понятия, как базовые убеждения личности, и проверке гипотезы о том, что травматичный опыт и стрессовые ситуации могут провоцировать трансформацию базовых убеждений личности.

Ключевые слова: базовые убеждения личности, когнитивные схемы, стресс, травма.

Введение

Гипотеза исследования. В данной статье предполагается, что травматичный опыт разрушает основные убеждения личности об окружающего мире, его справедливости и значимости. Это изменение в структуре убеждений нарушает способность личности адаптироваться к реальности, что способствует развитию различных психологических расстройств, таких как депрессия, тревожные расстройства и расстройства личности.

Цель исследования: проверить, каким образом травматический опыт воздействует на структуру базовых убеждений личности, и определить, в какой степени эти изменения влияют на развитие психологических нарушений, таких как депрессия, тревожность и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

Основным методом исследования в данной статье будет теоретический анализ литературы.

Базовые убеждения личности, или когнитивные схемы, являются ключевыми концепциями в когнитивных и социально-когнитивных теориях. Они возникли в психологии путем изучения того, как люди воспринимают окружающий мир.

Концепт схемы возник в психологии в связи с проблемой изучения репрезентации образа окружающего мира в структуре индивидуального сознания. Основная идея этого понятия заключалась в том, что восприятие реальности не является прямой репрезентацией: оно зависит от характеристик воспринимающего субъекта.

Теоретическая и информативная основа исследования

Множество ученых – таких, как Дж. Келли, С. Эпштейн и А. Бек, акцентировали внимание на влиянии когнитивных схем на психологическое благополучие человека.

Согласно теории Дж. Келли, личностный конструкт представляет собой идеи, через которые человек интерпретирует и предсказывает свой опыт.

Ключевым понятием в теории Келли выступает понятие «личностный конструкт» – абстракция или обобщение из предшествующего опыта, создаваемого личностью классификационно-оценочного эталона и

проверяемого ею на собственном опыте. Личность в данной теории представляет собой организованную систему более или менее важных конструкторов [3].

С. Эпштейн расширил эту концепцию, разделив убеждения на два типа: рациональные (осознанные) и эмпирические (неосознанные, имплицитные). Эти имплицитные убеждения составляют основу теории реальности, включая представления о себе и окружающем мире.

С. Эпштейн создает когнитивно-эмпирическую теорию «Я» (“Cognitive-experiential self-theory of personality”). Автор в своей работе углубляется в теорию когнитивных схем и схем травмы, различая рациональные и эмпирические убеждения, которые возникают на основе травматического опыта. Он утверждает, что травма влияет на неосознаваемые схемы, изменяя представления о себе и окружающем мире. Эпштейн указывает, что после травмы личность может реконструировать свою «теорию реальности». Он также выделил четыре базовые потребности, определяющие поведение человека: стремление к удовольствию, стабильному миру, объекту привязанности и высокому самоуважению. Эти потребности лежат в основе четырех базовых убеждений: о доброжелательности, справедливости, доверии и собственной значимости.

Согласно теории основоположника когнитивно-поведенческой терапии А. Бека, когнитивные схемы влияют на восприятие событий и поведение, что может привести к психологическим нарушениям. В своей работе «Когнитивная терапия депрессии» Бек рассматривает, как когнитивные схемы и убеждения играют роль в психическом здоровье человека. Он подчеркивает, что травма может быть связана с развитием негативных когнитивных схем, которые влияют на восприятие человека самого себя, как неадекватного или ненадежного [2].

Эти убеждения могут служить основой для таких расстройств, как депрессия и тревожные расстройства. Бек также акцентирует внимание на том, что изменение этих схем через когнитивную терапию позволяет восстановить психическое благополучие. Проблемы возникают, когда базовые убеждения оказываются искажены, например, в случае различных расстройств личности.

Нарушения нормального функционирования индивида связаны, по Беку, с «когнитивной уязвимостью». Каждый человек характеризуется уникальной уязвимостью и чувствительностью в соответствии с имеющимися у него убеждениями. В связи с этим каждый индивид в разной

степени предрасположен к психическому страданию. По Беку, каждое расстройство личности характеризуется определенным базисным убеждением. Например, когнитивной основой расстройства избегания является базисное убеждение: «Мне могут причинить боль», параноидного расстройства: «Люди – потенциальные противники», нарциссического расстройства – «Я – особенный», истерического: «Мне нужно производить впечатление» и т.д. Таким образом, с помощью схем можно выстроить когнитивный профиль каждого расстройства [2].

Важным аспектом является то, что психическая травма изменяет базисные убеждения о мире и себе, что подробно описано в работах Р. Янофф-Булман. Американская исследовательница в своих трудах показала, как травматический опыт влияет на структуру базовых убеждений. Р. Янофф-Булман выделяет три основных убеждения, которые подвергаются изменению после травмы: убеждение о доброжелательности мира, справедливости окружающей реальности и ценности собственного «Я». Согласно автору, психическая травма разрушает эти убеждения, что ведет к нарушению психического здоровья, развитию ПТСР, депрессии и тревожных расстройств. Эта работа является основой для более глубокого понимания того, как внутренние убеждения о мире и себе могут быть трансформированы под воздействием травматического опыта.

Травма нарушает эти убеждения, она изменяет восприятие человека о себе и окружающем мире. Восстановление происходит через изменение этих когнитивных структур, что и объясняет эффективность терапевтических подходов, направленных на работу с базовыми убеждениями.

Травма, будь то насилие, потеря близкого, катастрофическое событие или длительный стресс, разрушает иллюзии человека о собственной значимости и безопасном мире. Например, человек может начать воспринимать мир как враждебное место, а людей – как потенциально опасных или недостойных доверия. Эти изменения могут затронуть несколько уровней базовых убеждений.

1. **Убеждение о доброжелательности мира:** после травмы человек может перестать верить в то, что мир в целом безопасен, а окружающие люди добры и способны поддерживать. Человек может почувствовать, что мир стал угрожающим и непредсказуемым.

2. **Убеждение о справедливости мира:** травма может нарушить восприятие справедливости. Например, если человек пережил несправедливое событие, он может начать верить, что мир несправедлив, что плохие вещи происходят с хорошими людьми без всякой логики или закономерности.
3. **Убеждение о собственной значимости:** многие, пережившие травму, люди начинают сомневаться в своей ценности. Если травма касалась личных границ, нарушала чувство безопасности, то это может привести к потере уверенности в себе и ощущению, что человек недостойн любви, уважения или благополучия [1].

Психотерапевтические подходы – такие, как когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) и рационально-эмотивная терапия (РЭП), ориентированы на изменение иррациональных убеждений. Работа с базовыми убеждениями включает в себя процесс их осознания, оспаривания и изменения на более адаптивные. Это помогает человеку адаптировать свои когнитивные схемы и восстановить психологическое равновесие. Важной частью этого процесса является пересмотр восприятия травмирующих событий и их контекста, а также восстановление веры в безопасность мира и людей.

Терапевтический процесс, согласно Р. Янофф-Булман, направлен на восстановление этих базовых убеждений, что помогает человеку вернуть ощущение безопасности и уверенности в себе и окружающем мире [1].

Для восстановления после травмы важно не только пересмотреть и изменить базовые убеждения, но и интегрировать новый опыт, который поможет человеку видеть мир не как угрозу, а как место для роста и развития. Это может включать в себя работу над восстановлением доверия к себе и другим людям, укрепление чувства внутренней значимости и создание более гибкой модели восприятия мира. Р. Янофф-Булман также говорит о важности посттравматического личного роста.

С точки зрения влияния внешнего опыта на трансформацию базовых убеждений важно обратиться к трудам Ж. Пиаже. В различных своих работах он трактовал понятие схемы по-разному, однако ему удалось показать, что любой опыт, приобретаемый индивидом, вступает во взаимодействие с уже существующими схемами, накладываясь на них [5].

Также Пиаже ввел понятия ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция – это включение нового объекта в уже существующие схемы действия. В процессе ассимиляции происходит редукция нового опыта к уже существующим сенсомоторным и концептуальным структурам. В случае, если новое воздействие не полностью охватывается существующими схемами, происходит аккомодация, то есть перестройка самих схем, их приспособление к новому объекту. Аккомодация имеет место в тех случаях, когда существующая схема не приводит к ожидаемым результатам [4].

Таким образом, травма может глубоко изменить личные убеждения и восприятие реальности, что может привести к нарушению психологического функционирования. Работа с этими измененными убеждениями, как через терапию, так и через самопознание, играет ключевую роль в процессе восстановления и исцеления.

Большинство исследуемых работ согласуется в том, что травма играет решающую роль в трансформации базовых убеждений личности. Изменения в убеждениях – таких, как восприятие доброжелательности мира, справедливости и собственной значимости, могут вести к развитию психических расстройств. Эти трансформации глубоко влияют на психическое состояние индивида и требуют вмешательства через психотерапию, направленную на восстановление здоровых когнитивных схем.

Данный теоретический материал предоставляет фундамент для дальнейшего исследования изменений в базовых убеждениях жителей Арцаха, переживших принудительное переселение. В рамках работы будут проанализированы трансформации когнитивных схем и убеждений, возникающие в ответ на травматический опыт, связанный с утратой дома, вынужденной миграцией и длительным пребыванием в условиях нестабильности и неопределенности.

Учитывая теоретические подходы, представленные в работах таких ученых, как Янофф-Бульман и Эпштейн, можно ожидать, что пережитая травма приведет к изменению базовых убеждений о доброжелательности мира, справедливости окружающей реальности и ценности собственного «Я». Эти изменения будут проанализированы в контексте когнитивно-экспериментальной теории, что позволит выявить специфические особенности трансформации мировоззрения у представителей группы, пережившей массовое переселение.

Закключение

Исследование направлено на выявление взаимосвязи между изменениями в убеждениях и развитием психических расстройств, таких как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), депрессия и тревожные расстройства. Это исследование также внесет вклад в понимание того, как процессы адаптации и реинтеграции в новые социальные и культурные условия могут повлиять на восстановление личных и коллективных ценностей, а также на процесс социальной реабилитации населения, прошедшего через тяжелые социальные потрясения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям. СПб.: «Питер», 2019. 416с.
2. Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструкторов. СПб.: «Речь», 2000. 249с.
3. Падун М.А., Тарабрина Н.В. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности // «Московский психотерапевтический журнал», № 1. 2003. СС. 121–140.
4. Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: «Питер», 2017. 624с.
5. Janoff-Bulman R. (1992). Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. “Free Press”.

REFERENCES

1. Beck J. (2019). Cognitive-behavioral therapy: From basics to approaches (in Russian). St. Petersburg: “Piter”. (Original title: Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия. От основ к направлениям).
2. Kelly G. (2000). Theory of personality: The psychology of personal constructs (in Russian). St. Petersburg: “Rech”. (Original title: Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструкторов).
3. Janoff-Bulman R. (1992). Shattered assumptions: Towards a new psychology of trauma. “Free Press”.
4. Padun M. & Tarabrina N. (2003). Psychological trauma and basic cognitive schemas of personality // “Moscow Psychotherapeutic Journal”, (1), 121–140 (in Russian).
5. Polyakov S. (2017). Concepts and other constructions of consciousness (in Russian). St. Petersburg: “Piter”. (Original title: Поляков С.Э. Концепты и другие конструкции сознания).

THE STUDY OF THE TRANSFORMATION OF AN INDIVIDUAL'S CORE BELIEFS AFTER TRAUMATIC EXPERIENCES

A. Budaghyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

In the modern world, individuals frequently encounter difficult life circumstances. Informational stress, wars, social instability, migration, and pandemics are just some of the everyday challenges that surround people. In this context, within the framework of psychological research on personality, the search for a constructive foundation that enables individuals to overcome difficult life situations has become both relevant and widespread. We propose that such a constructive foundation may be an individual's core beliefs.

The relevance of studying core beliefs in contemporary Armenia is driven by the consequences of ongoing conflicts, particularly in the context of Armenian-Azerbaijani clashes, and their impact on the psycho-emotional state of the population. Forced displacement, the loss of ancestral lands, and experienced traumas significantly alter perceptions of the world, social justice, and personal significance. Investigating these changes helps us understand how traumatic experiences influence worldview formation and contributes to the development of effective strategies for social adaptation and psychotherapeutic support for those affected. Amid the current political and social instability, studying changes in core beliefs is also key to understanding the processes of reintegration and social rehabilitation of the population.

Our article is dedicated to a theoretical analysis of the concept of core beliefs and to testing the hypothesis that traumatic experiences and stressful situations can trigger the transformation of an individual's core beliefs.

Keywords: core beliefs of personality, cognitive schemas, stress, trauma.

КРАТКИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ

А.В. Ваганян

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения
a.v.vahanyan@gmail.com*

*Чтобы воспитывать другого,
мы должны воспитать прежде всего себя.
Н.В. Гоголь*

АННОТАЦИЯ

В данной статье идет речь о том, что современный педагог работает в условиях высоких требований к профессиональной подготовке и профессиональной эффективности: индивидуальные характеристики и коммуникативные навыки, умение работать вместе для решения практических задач, умение планировать различные виды деятельности для их эффективного выполнения. Новые условия, возникшие в профессиональной деятельности учителя, требуют изучения различных аспектов личной готовности к эффективной педагогической работе и, конечно, реальных возможностей психологической поддержки специалиста в современных условиях деятельности. Традиционный подход к изучению личности учителя заключается не в изучении составных структур, а в их последовательной связи друг с другом. Детали изучаются отдельно, затем интегрируются. Однако ни отдельные описания, взятые сами по себе, ни их совокупность не способны представить целостность живого человека. В живых системах целое определяет части, а не части – целое. Особый интерес представляет развитие личности учителя в его деятельности в контексте современных образовательных условий, этапы и особенности которого могут серьезно повлиять как на эффективность учебной деятельности, так и на поддержание психологической подготовки учителей.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, личность учителя, индивидуальные особенности, субъект учебной деятельности.

Введение

Категория субъекта является одной из ведущих в психологии и подчеркивает начало активности человека, способность влиять на предметы или другие субъекты, ставить цели, планировать действия, их осуществление, контроль и оценку, достижение результатов, реализацию своего творческого потенциала в деятельности. Педагог сочетает в себе индивидуальный субъект образовательного процесса и социальный субъект как уникальный координатор социальных ценностей и знаний. В настоящее время в педагогике выделяют две основные образовательные парадигмы: *дидактическая* (или основанная на знаниях, информационная, авторитарная) и *гуманистическая* (индивидуально ориентированная).

Дидактически-центрированная образовательная парадигма, предполагающая авторитарный подход к обучению и его доминирующую информационную направленность, не учитывает системы интересов и потребностей обучающегося и педагога, раскрытие их личностного потенциала. Дидактическая образовательная парадигма представляет учащегося как учителя-предметника, объект обучения и воспитательного воздействия, выступая, по сути, как педагогика принуждения.

Парадигма, как отмечает Г.К. Селевко [10], ориентированная на преобладание объяснительно-описательного метода, на получение готовых знаний, обучение на примерах, устные формы изложения материала, запоминание и понимание изучаемого. Воплощением дидактической образовательной парадигмы является традиционное обучение, реализующее авторитарную педагогику требований. Авторитаризм выражается в направленности на регулирование деятельности обучающегося, принуждении к учебному процессу, направленности контроля. На занятиях преобладает посредственный подход; как правило, нет персонализации, обратная связь слабая, хотя заявляется обратное. Деятельность учителя по большей части формализована.

Гуманистическая образовательная парадигма предполагает демократизацию педагогического общения, отказ от принуждения, поиск таланта, который характеризует каждого ребенка, приоритет положительного стимулирования и право ребенка сделать свободный выбор, совершить ошибку, иметь собственную точку зрения.

Теоретическая и информативная основа исследования

Основой образовательного подхода является формирование положительной самооценки каждого ребенка, всесторонняя пропаганда творчества в образовательном процессе. В личностно-ориентированных технологиях методология занятий разнообразна. Характерной особенностью является сотрудничество ученика и учителя (учитель выступает в позиции первого среди равных), преобладают виды творческой деятельности, используются активные методы обучения (групповые дискуссии, методы игрового моделирования, задачи- задания). Принципы авторитета, образовательного диалога, позиционирования, плюралистических подходов, экскурсионного (путешествия) реализуются как восторженное и непредвзятое вхождение в мир знаний.

Творческая самореализация педагога в профессиональной деятельности принимает гораздо более широкий масштаб, чем в дидактическом обучении.

- ✓ Он зависит от сложившихся норм и стереотипов организации педагогической работы, мнения руководства школы, которое во многом регламентирует его работу и требует неотложного следования инструкциям, основанным на необходимости обеспечения формальных показателей качества образования (успеваемости), которые зачастую фальсифицируются.
- ✓ Ведущим компонентом структуры субъективных качеств педагога является тип педагогической направленности [2; 3; 4; 5], отражающий мотивационно-смысловую сторону профессиональной деятельности педагога.

А.Б. Орлов [9] определяет типы «направленности» учителя. Автор отмечает, что эти виды концентрации, помимо последнего, являются проявлениями «моносубъектной, авторитарной, безличной педагогики» [9; с. 160].

- ✓ Педагогическая ориентация учителя в условиях реализации дидактической образовательной парадигмы зачастую предполагает «ориентацию» на интересы администрации или методические аспекты обучения, что нарушает творческое самораскрытие учителя и интересы обучающегося, выступающего исключительно как объект педагогического воздействия. Смысл педагогической работы – самоутверждение в профессиональном сообществе.

ществе, подтверждение соответствия сложившимся нормам и стереотипам.

- ✓ Личностно-ориентированная парадигма предполагает, что лидером образования является педагог как носитель культуры, общечеловеческих ценностей, духовных принципов, высокой нравственности, творческих, преобразующих методов деятельности.

Основная часть

Учитель не только является субъектом плановой и контролируемой педагогической деятельности, но рассматривается и в более широком измерении, включающем широкий план жизни и позитивное самопреобразование педагога.

Учитель показывает учащимся пример заинтересованного отношения к знаниям, возможность радостного принятия труда как такового, особенно его творческого характера, а также безусловного принятия жизненной силы, любви и т.д. Идеи педагогики, направленные на индивидуальность, реализуются в современных образовательных технологиях.

Личность учителя определяет профессиональную позицию, выражающуюся в педагогической деятельности и общении. ценностные ориентации, идеалы, внутренние смыслы труда. Педагогическая деятельность представляет собой технологическую сторону профессиональной деятельности, педагогическое общение – ее климат и атмосферу.

А.К. Маркова [7] и Л.М. Митина [8] в структуре субъективных качеств учителя выделяют пять основных профессиональных качеств: педагогическая направленность, педагогические цели, педагогическое мышление, педагогическая рефлексия, педагогическая тактика. Эти качества представляют собой синтез психологического подхода, профессиональных знаний и навыков. Субъектная роль педагога заключается не только в его организаторском и развивающем воздействии на обучающегося, но и в постоянном осознании самопреобразования, стремлении к самосовершенствованию, что является одним из ведущих факторов образовательного процесса. Саморазвитие является стандартным условием формирования профессиональных качеств педагога, источником стимулирования его самомотивации, важным воспитательным элементом педагогического взаимодействия.

Выделяют следующие уровни профессионального развития педагогов:

- ✓ «Искатель инноваций» – обеспечивает наиболее доступные и систематические результаты развития учащихся, вносит ощутимый вклад в развитие педагогики.
- ✓ «Профессиональный» – целостная система целей развития соответствует целям коллег, система педагогического инструментария адекватна целям, высокие и стабильные результаты гармонично охватывают все сферы личности обучающегося.
- ✓ «Экспериментатор» – сознательно пробует новое, использует адекватные средства для достижения целей развития, однако не выстраивает систематизацию целей, результаты деятельности нестабильны и не приводят к полноценному развитию личности обучающегося.

«Разумно-консервативный» педагог нацелен на развитие личности обучающегося, но для достижения цели он использует традиционные средства, не адекватные новым задачам развития, намеченные результаты деятельности не достигаются в полной мере. Учитель не считает развитие личности ученика основной целью своей деятельности, он ориентируется на формирование знаний, умений и навыков ученика и использует традиционный метод.

Категория «личность учителя» разными авторами не принимается. Выделяют следующие психологические структуры: направленность, характер, способность самосознания. В свою очередь, каждый из них включает в себя целую систему качеств, свойств, характеристик. Традиционный подход к изучению личности учителя заключается не в изучении составных структур, а в их последовательной связи друг с другом. Детали изучаются отдельно, затем интегрируются. Однако ни отдельные описания, взятые сами по себе, ни их совокупность не способны представить целостность живого человека. В живых системах целое определяет части, а не части – целое.

В психологии личности существует альтернативный подход: отделение от того, что действительно относится к личности. Не с личностью педагога, учёного, врача, инженера, а с личностью как совершенно особым психологическим явлением, которое по-разному будет выражаться у людей разных профессий. Сущность личности не совпадает ни с тем-

пераментом, ни с характером. Основой личности является положение человека в мире, которое задается системой общих смысловых образований.

В гуманистической психологии ожидается переход к целостному восприятию человека, рассматривающему проблему личности педагога с иной, нетрадиционной точки зрения. В мейнстриме гуманистической психологии Б.С. Братусь [1] разработал шкалу личностных смыслов, имеющую пятиуровневую структуру и содержание (в порядке возрастания):

- 1). *почти безличный* – нет личного отношения к совершаемым действиям,
- 2). *эгоцентричный* – означает стремление к личной выгоде, успеху, престижу, комфорту, всем остальным людям в зависимости от этого хорошо или удобно,
- 3). *группоцентрированный* – человек идентифицирует себя с группой, главным становится успех группы, человек ценен не сам по себе, а принадлежностью к группе,
- 4). *гуманистический* – общечеловеческие смысловые устремления, для каждого человека они предполагают равенство прав, свобод и обязанностей, стремление к созданию результатов, которые принесут равную пользу другим, возможно, даже незнакомым людям.
- 5). *духовный* – человек определяет свое субъективное отношение к Богу, и в его глазах другой человек приобретает сакральную ценность, по образу и подобию Божию.

Помимо иерархии личностных смыслов, учитывается интенсивность усвоения каждого уровня. Смысловая вертикаль является основой построения модели развитой личности педагога. Такой подход при построении и использовании модели в прикладной области соответствует принципу «целое определяет части» и не претендует на окончательность признания бесконечной личности. Предлагаемая модель представляет собой гипотетическую и универсальную форму развития, последовательного расположения в спиральной системе координат.

Таким образом, каждый момент жизни человека характеризует развитие того или иного уровня, но не все люди достигают максимальных высот гуманистического и высшего духовного уровня. Эти представления о модели личности педагога достаточны для дальнейшего

анализа. На почти безличном уровне у человека нет личного отношения к совершаемым действиям, он отождествляет себя с другим, не имея в единстве «своего лица», а не отношений, скрепленных жесткими связями. Среди совместимости, описываемой в психологии, такими свойствами обладает симбиотическая сплоченность, поэтому уровень можно также назвать «симбиотическим»: учитель стремится к симбиотическому единению со своими учениками. Возможны несколько вариантов.

Первый – когда учительница играет роль «психологической матери», отождествляющей ученика с младенцем, которого необходимо «кормить эмоциональным молоком». Такое единение не соответствует психологическому возрасту ученика и усложняет его развитие, а для учителя оборачивается эмоциональной деструкцией.

В *другом случае* педагог, идентифицирующий себя с матерью ребенка раннего возраста, некритически копирует в ученика свою собственную личность (согласно одному из существующих определений симбиоза: эмоционально-смысловое единство).

Возможно также, что в симбиозе педагог сам становится психологическим ребенком и использует учеников как источник «эмоционального молока», которое постепенно опускается на их личностный уровень.

Эгоцентрический уровень делает человека источником большей негэнтропии. работоспособность несколько выше, он способен к творчеству, но направление деятельности только одностороннее – на себя. Анализируя личность учителя с этой точки зрения, стоит отметить, что невозможно передать культурные ценности учащимся только путем потребления предметов культуры. Если уровень крайний, то педагог не может реально выполнять свои профессиональные обязанности.

Группоцентрированный уровень характеризуется более высокой личностной негэнтропией, это уровень культурной принадлежности (принадлежности к культуре). Но с его помощью невозможно преодолеть существующие стандарты, правила, законы, методы, сделать что-то новое, сделать самодостаточный выбор. Это требует более высокой личной негэнтропии – он позволяет учащимся познать ценности культуры, в которой идентифицировал себя учитель.

На гуманистическом уровне негэнтропия уже настолько велика, что человек способен на такую степень реализации потенциала бытия и жизни, как создание нового, осуществляемое на благо всех. Этот уро-

вень позволяет создавать и сохранять собственную уникальность, и в то же время, находясь в единстве с другими личностными культурами настоящего и прошлого, сопротивляясь глобальному хаосу. Соответственно, этот уровень будет обозначаться как «творец культуры».

Ученики такого учителя смогут подняться до его уровня. Вклад учителя гуманистического уровня определяется авторскими, новыми направлениями в работе, но все же истинное педагогическое творчество определяется не только вкладом в педагогическую культуру, но и тем, что можно назвать созданием личностной культуры обучающегося, результатом столкновения с мировым хаосом. На духовном уровне личностная негэнтропия настолько велика, что степень сопротивления смерти здесь имеет иную, уже сверхличностную интенсивность, возможность реализации характерных сил близка к абсолютной. Учитель на этом уровне сверхкреативен и, его ученики смогут стать мудрецами, философами, творческими людьми, благодаря которым станут доступны высокие идеи.

Заключение

Процесс личностного развития учителя обычно не останавливается до тех пор, пока не поседеют волосы. Это правда, но его истинное значение не осознается. Оно заключается не в повышении профессиональных способностей, а в поднятии новых смысловых уровней в кризисной ситуации, которых в течение активной профессиональной жизни может быть несколько. Каждое вознесение происходит ценой переживания внутреннего и внешнего разрушения, «временной смерти» и «кровоавого рождения».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братусь Б.С.* Личностные смыслы по А. Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Б.С. Братусь. М.: «Смысл», 1999. 429с.
2. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология / И.А. Зимняя. Ростов-н/Д.: «Феникс», 1997.
3. *Кузьмина Н.В.* Методы исследования педагогической деятельности / Н.В. Кузьмина. Л.: ЛГУ, 1970.

4. Кузьмина Н.В. Очерки психологии труда учителя / Н.В. Кузьмина. Л.: ЛГУ, 1967.
5. Кузьмина Н.В. Педагогическое мастерство учителя как фактор развития способностей учащихся // «Вопросы психологии», № 1. 1984. СС. 20–26.
6. Кузьмина Н.В. Способности, одаренность, талант учителя / Н. В. Кузьмина. Л.: «Знание», 1985.
7. Маркова А.К. Психологические особенности индивидуального стиля деятельности учителя / А.К. Маркова, А.Я. Никонова // «Вопросы психологии», № 5, 1987. СС. 40.
8. Митина Л.М. Учитель как личность и профессионал / Л.М. Митина. М.: «Дело», 1994.
9. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики / А.Б. Орлов. М.: «Академия», 2002. С. 128; Орлова Т.В. Теоретические основы становления и развития современных образовательных учреждений // «Завуч», № 3. 2000. СС. 86–95.
10. Селевко Г.К. Технологии педагогических советов // «Школьные технологии», № 3. Ч. 2. 1998. СС. 105–119.

REFERENCES

1. Bratus B. (1999). Personal meanings according to A. N. Leontiev and the problem of the vertical of consciousness. In *Traditions and Prospects of the Activity Approach in Psychology* (P. 429). Moscow: “Smysl” (in Russian).
2. Zimnyaya I. (1997). *Pedagogical psychology*. Rostov-on-Don: “Feniks” (in Russian).
3. Kuzmina N. (1970). *Methods of studying pedagogical activity*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
4. Kuzmina N. (1967). *Essays on the labor psychology of the teacher*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
5. Kuzmina N. (1984). Pedagogical mastery of the teacher as a factor in the development of students’ abilities // “Voprosy Psikhologii” (1), 20–26 (in Russian).
6. Kuzmina N. (1985). Abilities, giftedness, and talent of the teacher. Leningrad: “Znanie” (in Russian).
7. Markova A. & Nikonova A. (1987). Psychological features of the individual style of a teacher’s activity // “Voprosy Psikhologii” (5), 40 (in Russian).
8. Mitina L. (1994). *The teacher as a personality and professional*. Moscow: “Delo” (in Russian).
9. Orlov A. (2002). *Personality psychology and the essence of a human: Paradigms, projections, practices* (P. 128). Moscow: “Akademiya”; Orlova T. (2000). *Theoretical foundations of the formation and development of modern educational institutions*. Zavuch, (3), 86–95 (in Russian).

10. *Selevko G.* (1998). Technologies of pedagogical councils // “Shkolnye Tekhnologii” (3), Part 2, 105–119 (in Russian).

A BRIEF THEORETICAL ANALYSIS OF THE PERSONALITY OF A MODERN TEACHER

A. Vahanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

A modern teacher works in conditions of high demands on professional training and professional efficiency. Individual characteristics and communication skills, the ability to work together to solve practical problems, the ability to plan various types of activities for their effective implementation. New conditions that have arisen in the professional activity of a teacher require the study of various aspects of personal readiness for effective pedagogical work and, of course, the real possibilities of psychological support for a specialist in modern conditions of activity. The traditional approach to studying the personality of a teacher is not to study the constituent structures, but to their consistent connection with each other. Details are studied separately, then integrated. However, neither individual descriptions taken by themselves, nor their totality are able to represent the integrity of a living person. In living systems, the whole determines the parts, and not the parts - the whole. Of particular interest is the development of the teacher's personality in his activity in the context of modern educational conditions, the stages and features of which can seriously affect both the effectiveness of educational activities and the maintenance of the psychological preparation of teachers.

Keywords: Pedagogical activity, teacher's personality, individual characteristics, subject of educational activity.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н.В. Васенин, Е.Л. Чернышова

Самарский государственный социально-педагогический университет,

Самара, Россия

vasenin.nikita@sgspu.ru, chernyshova@pgsga.ru

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования психологических особенностей общения вызвана желанием выведения внутренней и социальной составляющих жизни студенческой молодежи на более высокий качественный уровень. Изучение этой темы может помочь студенческой молодежи в полной мере реализовать свои цели, благоприятно повлиять на своё положение в социуме, что прямым образом повлияет на эмоциональное благополучие. Развитие этой области может привести к разработке новых подходов к психотерапии и предоставить людям новые возможности для самопознания и саморазвития.

В качестве экспертно-диагностического инструмента была выбрана комплексная психологическая диагностика общения (КПДО) Г.В. Акопова и Т.В. Семеновой. Анализ полученных результатов теоретически значим для решения фундаментальных и прикладных задач в психологии. Выводы вносят теоретический вклад в дисциплины, занимающиеся изучением особенностей общения и взаимодействия студенческой молодежи, а также в возможности применения на практике результатов исследования при разработке курса мероприятий в рамках консультативной практики межличностного взаимодействия и также могут быть использованы для диагностики, психокоррекции и прогнозирования успешности реконструкции межличностных отношений.

Ключевые слова: общение, коммуникация, студенческая молодежь, степень общительности, психологические особенности общения, стили общения, межличностное взаимодействие.

Введение

Актуальность исследования психологических особенностей общения вызвана желанием выведения внутренней и социальной состав-

ляющих жизни студенческой молодежи на более высокий качественный уровень. Изучение этой темы может помочь студентам в полной мере реализовать свои цели, благоприятно повлиять на свое положение в социуме, что прямым образом повлияет на эмоциональное благополучие. Развитие этой области может привести к разработке новых подходов к психотерапии и предоставить людям новые возможности для самопознания и саморазвития.

В данной статье мы рассмотрим основные особенности общения студенческой молодежи в России, выделим главные аспекты, влияющие на уникальность и различия, наблюдающиеся в данном контексте, на основании данных, которое мы получили в рамках нашего научного исследования.

Цель статьи заключается в выявлении психологических особенностей общения студенческой молодежи, что в дальнейшем позволит решать фундаментальные и прикладные задачи в психологии, нацеленные на изучение особенностей общения и взаимодействия студенческой молодежи, даст возможность применять на практике результаты исследования при разработке курса мероприятий в рамках консультативной практики межличностного взаимодействия, а также могут быть использованы для диагностики, психокоррекции и прогнозирования успешности реконструкции межличностных отношений.

В молодежном возрасте отмечается феномен «ожидания общения», т.е. молодой человек сам активно ищет контакты и готов к новым контактам. Что касается индивидуализации в молодежном возрасте, то это проявляется в строгом разграничении природы взаимодействий, в высокой степени избирательности в дружеских привязанностях, требовательности к общению в паре [2]. Новое время с его технической революцией меняет соотношение личного и публичного в жизни молодого поколения. Начинает занимать более значимое место индивидуальное, для которого требуется закрытое для общения время, пространство, способ мышления. Современный этап развития общества характеризуется нарастанием технологической оснащенности и внушаемой концепцией материальных ценностей. В современной России общественные и межличностные отношения выстраиваются на основе прозападно ориентированного рационально-экономического стиля мышления [5]. При этом складывается парадоксальная ситуация, которая заключается в противоречивом, порой непримиримом соотношении материальных и духовных ценностей. Не-

смотря на относительно высокий уровень материальной жизни и рост благосостояния человека увеличивается степень отчужденности индивидов, возрождается нравственный нигилизм, прогрессирует состояние подавленности, одиночества. Экзистенция человека неожиданно оказалась бесконечно малой и герметично замкнутой. Личность и ее маленький мирок замкнулись на самих себе [6].

Досуг как одна из сфер жизнедеятельности молодых людей является наглядным проявлением изменений общественного сознания, связанного с дезинтеграцией духовных процессов, индикатором условий жизнедеятельности, приводящих к замкнутости и необщительности молодого поколения [3]. Для оценки перспективы взаимодействия людей в воображаемом мире возникает потребность ввести понятие «сетевое одиночество», характеризующееся доминированием виртуальных контактов в ущерб реальным. Большое количество контактов с людьми хорошо и малознакомыми не означает преодоление тоски, отчаяния, одиночества, если это состояние испытывает человек. Точно так же человек может чувствовать себя одиноким в толпе, группе, с друзьями, если он не получает поддержки, участия, сопереживания [7].

Тем не менее, молодые люди предпочитают общаться в виртуальной среде в силу ряда причин. Поскольку взаимодействие в интернете имеет дистантный и опосредованный характер, человек выбирает цели, средства, мотивы общения, принимает на себя выбранную им роль. Абоненты не сконцентрированы на интересах и проблемах друг друга. Общение выстраивается не как отражение и восприятие частной истории каждого, не как доверительное воспроизведение и эмоциональная отзывчивость, а скорее, как конструирование некой модели безучастного взаимодействия по заданным дистантным индифферентным параметрам [4].

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении и том, что студенты будут отличаться по степени общительности, направленности, стилю и уровню общения в зависимости от курса и профиля обучения, согласно двухфакторной модели Г.В. Аكوпова.

Выборка: в исследовании принимали участие 23 человека, студенческая молодежь в возрасте от 19 до 42 лет, из них 13 человек студенты 1 курса, обучающиеся по программе бакалавриата и 10 человек из числа учащихся по программе магистратуры 2 курса.

Методики исследования: мы провели исследование студентов «Факультета психологии и специального образования» ФГОУВО

«СГСПУ». В качестве экспертно-диагностического инструмента была выбрана комплексная психологическая диагностика общения (КПДО) Г.В. Аكوпова и Т.В. Семеновой [1].

В полную версию входит 69 вопросов. Формулировки вопросов одинаковы для мужчин и женщин.

Определяемые параметры: Общительность: 1) Высокая, 2) Средняя, 3) Низкая; Направленность общения: 1) Когнитивная Направленность (К), 2) Аффективная направленность (Аф), 3) Организационная направленность (О), 4) «Эгоцентрическая (Я-Я, «на себя», «от первого лица») (Я), 5) «Альтруистическая» (Я-Ты, «на партнера», «от второго лица») (Ты), 6) «Контекстная» (Я-ОН, ОНА, ОНИ, «на меня», «от третьего лица») (ОН); Стили общения: 1) Директивный (ДР), 2) Конвенциональный (КВ), 3) Консолидирующий (КС); Уровни общения: 1) Контактный (к), 2) Информационный (и), 3) Смысловой (с), 4) Рефлексивный (р).

Обсуждение основных результатов исследования

По результатам исследования мы можем сделать следующие выводы: степень общительности студентов, обучающихся по программе магистратуры, на 4,8 балла выше, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (90 против 85,2). Однако данные и магистров, и бакалавров находятся в пределах среднего значения (51–100), когнитивная направленность общения у студентов, обучающихся по программе магистратуры, на 0,8 балла ниже, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (8,6 против 9,4), аффективная направленность общения у студентов, обучающихся по программе магистратуры, на 0,6 балла ниже, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (8,3 против 8,9), аффективная направленность общения у студентов, обучающихся по программе магистратуры, на 0,7 балла ниже, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (6,2 против 6,9), эгоцентрическая направленность общения у студентов, обучающихся по программе магистратуры, на 0,4 балла выше, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (10 против 9,6), альтруистическая направленность общения у студентов, обучающихся по программе магистратуры, на 0,5 балла выше, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (11 против 10,5), контекстная направленность общения у студентов, обу-

чающихся по программе магистратуры, на 1,3 балла выше, чем у студентов, обучающихся по программе бакалавриата (12 против 10,7). В директивном стиле общения показатели магистров на 1 балл выше, чем у бакалавров (10,3 против 9,3), в конвенциональном стиле общения показатели магистров на 0,6 балла ниже, чем у бакалавров (10,6 против 11,2), в консолидирующем стиле общения показатели магистров на 0,7 балла ниже, чем у бакалавров (8,9 против 9,6). В контактном уровне общения показатели магистров на 0,8 балла ниже, чем у бакалавров (11,1 против 11,9), в информационном уровне общения показатели магистров на 0,9 балла ниже, чем у бакалавров (10,5 против 11,4), в смысловом уровне общения показатели магистров на 0,3 балла ниже, чем у бакалавров (8,9 против 9,2), в рефлексивном уровне общения показатели магистров на 1,9 балла ниже, чем у бакалавров (8,3 против 10,2).

Выводы

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что уровень общительности в обеих группах средний, но близок к высокому. Это связано с тем, что направление обучения «Социальная психология» подразумевает непосредственное общение с людьми «тет-а-тет», и что студенты, выбравшие данную специальность, уже обладают значительным уровнем общительности. Однако стоит отметить, что студенты-магистры по сравнению с бакалаврами более общительны, так как они уже обладают базовой ступенью высшего образования и выбрали данное направление обучения в магистратуре неслучайно. Бакалавры же, как известно, в основном менее тщательно подходят к выбору профессии, в силу еще только формирующегося мировоззрения, их выбор менее осознан.

Различия в направленности, стилях и уровнях общения можно объяснить тем, что студенты бакалавры имеют меньший жизненный опыт, как правило, младше магистров, основным видом их деятельности является обучение в университете, но они более активны, полны стремлением и желанием развиваться.

В то же время студенты, проходящие обучение по программе магистратуры, имеют более обширный жизненный опыт, лучше социализированы, имеют внушительный багаж знаний, уже состоялись в жизни, в профессии, как правило, старше своих коллег-бакалавров, проявляют го-

товность к разумному компромиссу, когда это необходимо, имеют более высокий уровень ответственности, самоконтроля и уже научились справляться со своими эмоциями. Однако они уже не так рьяно рвутся к новым знаниям, их желание к развитию не так ярко выражено, активность ниже.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопов Г.В., Семенова Т.В.* Комплексная психологическая диагностика общения (КПДО). Методическая разработка для бакалавриата по направлению «Психология» и магистратуры по направлению «Социальная психология». Самара: ПГСГА, 2014, 18с.
2. *Кильмова Д.Г.* Особенности общения студенческой молодежи в современном обществе. Саратовский государственный медицинский университет / Сборник материалов II Международной студенческой научно-практической онлайн-конференции. Курск, 2019. СС. 163–167.
3. *Мащенко К.А.* Влияние интернет-среды на речь и стиль общения молодежи / Материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической студенческой конференции / Под общей ред. Л.Д. Торосян, Г. Г. Слышкина. М., 2022. СС. 118–123.
4. *Пеньков В.Ф., Маркарян Т.А.* Молодежные коммуникации как феномен информационного общества // «Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки», 2018. СС. 56–58;
5. *Семёнов В.Е.* Духовно-нравственное преобразование общества в контексте концепции российской полиментальности // «Психологические исследования нравственности» / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич М.: Изд-во ИП РАН, 2013. СС. 90–112;
6. *Скрипкина Т.П.* (Под общей ред.). Психология общения и доверия: теория и практика: сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. 6–7 ноября 2014г. М.: Университет РАО, 2014, 777с.
7. *Юмаева В.Р., Соколовская И.Э.* Особенности виртуального общения современной молодежи / Материалы III Международной научной конференции молодых ученых. М.: РГСУ, 2024. СС. 193–196.

REFERENCES

1. *Akopov G., Semenova T.* Comprehensive psychological diagnostics of communication (CPDC). Methodological development for the bachelor's degree in "Psychology" and master's degree in "Social Psychology". Samara, PGSGA, 2014, 18p.

2. *Kilyмова D.* Features of communication of student youth in modern society. Saratov State Medical University / Collection of materials of the II International student scientific and practical online conference. Kursk, 2019. PP. 163–167.
3. *Mashchenko K.* The influence of the Internet environment on the speech and communication style of young people / Materials of the All-Russian (with international participation) scientific and practical student conference. Under the general editorship of L.D. Torosyan, G.G. Slyshkina. Moscow, 2022. PP. 118–123.
4. *Penkov V., Markaryan T.* Youth communications as a phenomenon of the information society. Bulletin of Tambov University. Series: “Social Sciences”, 2018. PP. 56–58.
5. *Semenov V.* Spiritual and moral transformation of society in the context of the concept of Russian polymentality // Psychological studies of morality / Responsible. ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Publishing house of IP RAS, 2013. PP. 90–112.
6. *Skripkina T.* (Under the general editorship) Psychology of communication and trust: theory and practice: Collection of materials of the international conference of URAE, PI RAE, MSU. November 6–7, 2014. Moscow: University of RAE, 2014. 777p.
7. *Yumaeva V., Sokolovskaya I.* Features of virtual communication of modern youth/ Materials of the III International scientific conference of young scientists., M.: RSSU, 2024. PP. 193–196.

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF STUDENT YOUTH COMMUNICATION

N. Vasenin, E. Chernyshova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

ABSTRACT

The relevance of the study of psychological features of communication is caused by the desire to bring the internal and social components of the life of student youth to a higher quality level. The study of this topic can help student youth to fully realize their goals, favorably influence their position in society, which will directly affect emotional well-being. The development of this area can lead to the development of new approaches to psychotherapy and provide people with new opportunities for self-knowledge and self-development.

The comprehensive psychological diagnostics of communication (CPDC) by G.V. Akopov and T.V. Semenova was chosen as an expert diagnostic tool. The analysis of the obtained results is theoretically significant for solving fundamental and applied

problems in psychology. The findings make a theoretical contribution to the disciplines studying the communication and interaction characteristics of student youth, as well as to the possibility of applying the research results in practice when developing a course of activities within the framework of the consultative practice of interpersonal interaction and can also be used for diagnostics, psychocorrection and forecasting the success of the reconstruction of interpersonal relationships.

Keywords: interaction, communication, student youth, degree of sociability, psychological characteristics of communication, communication styles, interpersonal interaction.

ВЛИЯНИЕ ОТЦОВСКОГО ВОСПИТАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ ДЕВУШЕК (В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ)

М.В. Верстова, Л.М. Чепелева

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние отцовского воспитания на формирование ценностно-смысловой сферы личности девушек, воспитывающихся в полных и неполных семьях. Роль отца в воспитании детей, особенно девочек, является важным фактором формирования их личности и их ценностно-смысловой сферы. Отцовское воспитание оказывает большое влияние на формирование самооценки, уверенности в себе, жизненных ценностей. В статье представлены результаты эмпирического исследования, включающего анализ данных по методикам «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева, «Ценностные ориентации» М. Рокича и анкете «Роль отцовского воспитания». В исследовании были выявлены различия в ценностных и смысложизненных ориентациях и представлениях об отце у девушек из разных типов семей. Результаты исследования могут быть использованы в психологическом консультировании, а также в разработке программ поддержки семей.

Ключевые слова: отцовское воспитание, ценностно-смысловая сфера личности, полные семьи, неполные семьи, смысложизненные ориентации, ценностные ориентации.

Введение

Современная семья является мощным фактором развития эмоционально-психологической поддержки личности, а также значительным источником формирования ценностно-смысловой сферы. Воздействие семьи на формирование особенностей личности, начиная с момента

рождения, сохраняется на протяжении всей жизни молодых девушек и юношей. В семье происходит первичная социализация личности, осваиваются социальные роли, формируются главные ценности жизни. Семья, как важнейший институт социализации, оказывает определяющее влияние на формирование ценностной сферы личности [2].

Теоретическая и информативная основа исследования

В психологических работах можно встретить определение понятия «ценность» как «то, что человек особенно ценит в жизни, чему он придает особый, положительный жизненный смысл». В отечественной психологии определился ряд течений, в которых похожие подходы к пониманию ценностей разбираются в разнообразных аспектах исследования свойств личности. Так, например, некоторые школы личность рассматривают в связи с анализом ее деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), в других центральное место занимает изучение психологических отношений личности (В.Н. Мясищев), также личность изучается в связи с общением (К.А. Абульханова, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов). С точки зрения А.Г. Здравомысловой, ценности являются значимым звеном между социальным миром и личностью и ее внутренним миром личности [1].

Существует мнение, что первым человеком, который дает ребенку представление об окружающем мире и положении в нем, как правило, является мать. Ребенку надо, чтобы отношения с матерью приносили радость, тепло, безопасность и т.д. Ключевая роль матери заключается в содействии развитию и воспитанию дочери, а также в формировании ее ценностно-смысловой сферы посредством демонстрации жизненных ориентиров [2].

Роль отца в становлении и формировании личности, особенно девочек, очень часто недооценивается, особенно в контексте формирования ценностно-смысловой сферы девушек, воспитывающихся в полных и неполных семьях. Именно отец выступает значимой фигурой, оказывающей влияние на формирование жизненных ориентиров, ценностей и представлений о мире. Данная статья посвящена изучению влияния отцовского воспитания на формирование ценностно-смысловой сферы личности девушек, воспитывающихся в полных и неполных семьях. В

связи с этим изучение влияния отцовского воспитания на формирование ценностно-смысловых ориентаций девушек представляется важным и актуальным.

Актуальность проводимого исследования заключается в том, что роль отца играет важную роль в становлении и развитии личности ребенка. Но часто отцовская роль и его влияние на воспитание детей остается за кадром или упоминается, что поведение отцов может отличаться в различных семьях. В рамках нашей работы нам было важно посмотреть, как наличие и присутствие отца в жизни девочки, девушки отражается на ее формировании и развитии смысложизненных и ценностных ориентаций.

Исследователи (Л.Д. Ерохина, В.В. Каранова, И.С. Кон, Е.В. Костюченко, М.А. Глазунова, А.Г. Портнова, Ю.В. Борисенко) рассматривают различные аспекты отцовства, его структуру и влияние на развитие ребенка. Тема формирования смысложизненных ценностных ориентаций также активно изучается (М.С. Яницкий, Д.А. Леонтьев, Б.А. Ручкин, А.В. Серый). Особое внимание уделяется изучению смысложизненных ценностных ориентаций молодежи (О.С. Прилепских, Г.Г. Филиппова, Т.А. Баландина). Многие зарубежные и отечественные исследователи рассматривают феномен «смысложизненные ориентации» в контексте с такими явлениями, как аутентичность (К. Роджерс), психическое здоровье (Berant, Mikulincer, Florian), экзистенциальная исполненность (А. Лэнгле), личностный смысл и ценностно-смысловая сфера (Е.Ю. Почтарева), осмысленность жизни (Д.А. Леонтьев) [3]. Однако проблема влияния отцовского воспитания на формирование ценностно-смысловой сферы девушек из полных и неполных семей остается недостаточно изученной.

Отцовство – это отношение мужчины к ребенку, основанное на кровном родстве, содержащее в себе принципы и процессы воспитания, возможность самосовершенствования; под «отцовским воспитанием» понимаем мужскую модель поведения, которую отец транслирует своей дочери во время совместного проживания, вследствие чего она, находясь с ним, перенимает нормы поведения, видит, каким должно быть отношение мужчины к женщине и отца к детям; смысложизненные ценностные ориентации – отношение человека или группы людей к системе духовных и материальных благ, обладающих личностным смыслом, а

также средства и цели, способствующие удовлетворению потребностей личности.

Психологические исследования, анализируемые феномен отцовства, содержат в основе подходы. Ключевой подход изучает влияние отца на становление личности ребенка, Е.В. Кричевская подтвердила, что отец и его неформальное участие в воспитании помогают ребенку полноценно, гармонично развиваться. Для девочки очень важна оценка отцом ее привлекательности, поскольку это в значимой степени повлияет на выбор ее партнера в будущем, на то, какие качественные характеристики его личной и интимной жизни будут ее интересовать и беспокоить. Важен факт, когда отец содействует развитию чувства доверия к окружающему миру, важных нравственных норм и формированию самостоятельности [3]. Следующий подход направлен на образ отца: отец – есть личность, которая самореализуется после рождения ребенка. Такое становление мужчины в роли отца обусловлено тем, как он относится к появлению детей. Первое, ребенок – это препятствие в достижении поставленных целей, перспектив; второе, ребенок – новая перспектива, цель в жизни [4].

Цель исследования – изучение особенностей влияния отцовского воспитания на формирование смысложизненных и ценностных ориентаций девушек 18–24 лет. В качестве гипотезы явилось предположение, что наличие отца в жизни девушек оказывает влияние на формирование их ценностной сферы, а именно: смысложизненные и ценностные ориентации девушек из полных семей различаются смысложизненными и ценностными ориентациями девушек из неполных семей. *Объектом исследования* выступили смысложизненные и ценностные ориентации девушек. *Предметом*: специфика смысложизненных и ценностных ориентаций девушек из полных и неполных семей.

Основная часть

В качестве респондентов были выбраны ($n = 50$) в возрасте от 18 до 24 лет. Все испытуемые были разделены на две группы (22 – из неполных семей, 28 – из полных семей). На основании деления испытуемых на две группы был проведен анализ смысложизненных и ценностных ориентаций. Для выявления смысложизненных и ценностных

ориентаций, общего показателя осмысленности жизни и изучения роли влияния отцовского воспитания на ценности применен тест СЖО Д.А. Леонтьева, тест «Ценностные ориентации» М. Рокича, анкета «Роль отцовского воспитания». В качестве метода сравнения количественных показателей использовался параметрический t-критерий Стьюдента. Данные представлены в виде среднего и стандартного отклонений.

Данные анкеты «Роль отцовского воспитания» показали, что отсутствие отца в воспитательном процессе и в семье затрудняет развитие положительных детско-родительских отношений: испытуемые из группы «неполная семья» значительно чаще испытывают трудности во взаимоотношениях с отцом; из группы «неполная семья» 86% испытывали трудности во взаимоотношениях, 14% отрицали наличие проблем; больше половины испытывали трудности в общении с отцом группы «полная семья» 64%, 36% совсем отрицали наличие. Значит, большинство отмечают важность отцовского воспитания, но группа «неполная семья» выражают свое мнение ярче: так, например, группа «неполная семья» единогласна во мнении о значимости и нужности отцовского воспитания – 95%, испытуемые группы «полная семья» несколько меньше – 79%, согласны с мнением о нужности отца в воспитании дочери. Только 38% девушек из полных семей выразили стремление улучшить отношения с отцом. Испытуемые из обеих групп хотели бы улучшить и наладить свои отношения с отцом. Группа «полная семья» чаще считают свои отношения с отцом благополучными: группа «полная семья» характеризует отношения с отцом как счастливые (46%), другая половина (43%) отмечает, что другим повезло больше в отношениях с отцом, не задумывались об этом вопросе лишь 11%. Испытуемые группы «неполная семья» лишь 23% находят отношения благополучными, 36% – «другим повезло больше», 41% – не задумывались.

Отцы из полных семей чаще оказывают влияние на круг общения своих дочерей: подавляющее большинство дочерей из группы «неполная семья» 85% отрицают влияние отца на их круг общения, что объяснимо отсутствием отца. Однако 15% дочерей из неполных семей считают такое влияние необходимым. В группе «полная семья» большинство дочерей 61% отмечают, что отцы оказывают влияние на их круг общения. Часть дочерей (26%) считают это влияние необходимым, а некоторые 13% – нежелательным.

Готовность обратиться за помощью к отцу значительно выше у девушек из полных семей. В то время как лишь 14% девушек из неполных семей уверены в том, что обратятся к отцу за помощью, а 55% категорически исключают такую возможность, в полных семьях 36% девушек, безусловно, рассчитывают на помощь отца, а 18% скорее обратятся, чем нет. Среди девушек, воспитывающихся без отцов, почти половина 45% видят потенциал для улучшения отношений через изменения в поведении отца. В то же время, большинство девушек из полных семей 61% не задумывались о такой возможности, и лишь 21% допускают, что изменения в поведении отца могли бы повлиять на их отношения.

Таким образом, отсутствие отца создает трудности в детско-родительских отношениях. Из неполных семей группа чаще сталкивается с проблемами во взаимоотношениях с отцом, демонстрируя необходимость присутствия в жизни дочери. Испытуемые признают важность отцовского воспитания, но группа из неполных семей показывает эту потребность категорично и единогласно. Отношения с отцом в полных семьях оцениваются как успешные, отцы из полных семей оказывают влияние на круг общения, что демонстрирует важность их роли в социализации испытуемых. Готовность обратиться за помощью к отцу выше у испытуемых из полных семей, что говорит о доверии и близости в отношениях. Выросшие в неполной семье надеются на улучшение отношений с отцом, если он проявит инициативу.

Таблица 1.

Показатели девушек из полных и неполных семей по шкалам

	Девуш- ки из не- полных семей	Девуш- ки из полных семей	Девуш- ки из не- полных семей	Девуш- ки из полных семей	
Наименование шкалы	Среднее значение		Стандарт отклонения		р-зна- чение t-крите- рий
Цели в жизни	33,7	33,3	5,156	5,805	<0,001
Процесс жизни	29,1	29,9	6,998	6,705	<0,001

Результативность жизни	25,1	25,2	5,712	4,597	<0,001
Локус контроля – Я	22	22,1	3,456	3,311	<0,001
Локус контроля – жизнь	31,9	31,7	5,177	5,896	<0,001
Показатель осмысленности жизни	102,1	103,3	17,219	17,461	<0,001

Анализируя значения среднего и стандартного отклонения, можно говорить о стабильности величин исследуемых показателей. Сравнительный анализ значений среднего и стандартного отклонения по общему показателю ОЖ и пяти субшкалам позволяет говорить об отсутствии значимых различий между данными женской выборки у Д.А. Леонтьева и выборки девушек нашего исследования.

По результатам данных видно, что все средние значения шкал в группе девушек из полных семей выше, чем у девушек из неполных семей: эти различия можно объяснить тем, что группа девушек из полных семей в среднем показывает более сформулированные цели в жизни, проявляют положительное восприятие процесса жизни, большую уверенность в результативности жизни, больший внутренний локус контроля и более высокий показатель осмысленности жизни. Испытуемые из группы «полная семья» имеют благоприятные психологические характеристики, демонстрируя высшие показатели по всем шкалам, что свидетельствует о большей выраженности целей в жизни, позитивном восприятии процесса жизни, уверенности в результативности, внутреннем локусе контроля и осмысленности жизни. Итак, тип семьи (полная или неполная) может оказывать влияние на формирование ценностей девушек.

Изучение терминальных и инструментальных ценностей по методике М. Рокича показало неоднозначные результаты в рассматриваемых группах.

Девушки из полных семей ставят здоровье на первое место, в то время как девушки из неполных семей – на пятое ($p < 0,05$); девушки из полных семей придают большее значение уважению окружающих по сравнению с девушками из неполных семей ($p < 0,05$); девушки из не-

полных семей, напротив, ставят самостоятельность на более высокий уровень, чем девушки из полных семей ($p < 0,05$).

Девушки из полных семей ценят жизненную мудрость выше, чем девушки из неполных семей, девушки из неполных семей придают большее значение материальному благополучию ($p < 0,1$). Активная деятельная жизнь, интересная работа, красота природы и искусства, любовь, наличие хороших и верных друзей, общественное признание, познание, равенство, уверенность в себе, счастливая семейная жизнь, свобода, творчество, развлечения, удовольствия) различия между группами не являются статистически значимыми. Итак, тип семьи оказывает влияние на формирование терминальных ценностей девушек, девушки из полных семей в большей степени ориентированы на ценности, связанные с физическим и социальным благополучием (здоровье, уважение окружающих). Девушки из неполных семей более ориентированы на ценности, связанные с самостоятельностью и материальной независимостью. Групповая иерархия инструментальных ценностей (т.е. ценностей-средств) – девушки из неполных семей ставят высокие запросы выше, чем девушки из полных семей; девушки из полных семей больше ценят самоконтроль; девушки из полных семей ценят чуткость выше ($p < 0,05$). Аккуратность, воспитанность, исполнительность и ответственность: девушки из полных семей ставят эти ценности выше. Независимость, смелость в своем мнении и твердая воля: девушки из неполных семей ставят эти ценности выше.

Заключение

Таким образом, существуют различия в инструментальных ценностях между группами. Испытуемые из полных семей ориентированы на ценности, связанные с социальным одобрением, контролем и эмоциональной чувствительностью. Испытуемые из неполных семей ориентированы на ценности, связанные с личными достижениями и независимостью. Группа «полная семья» ориентирована на ценности, связанные с социальным одобрением, контролем и эмоциональной чувствительностью. Группа «неполная семья» ориентирована на ценности, связанные с личными достижениями и независимостью.

Таким образом, тип семьи оказывает влияние на формирование инструментальных ценностей испытуемых. В ходе исследования были

выявлены отличия в смысложизненных и ценностных ориентациях испытуемых. Девушки, воспитывающиеся в полных семьях, демонстрируют сформулированную ориентацию на семейные ценности, стабильность, уверенность в будущем. Девушки из неполных семей ориентированы на самореализацию, независимость и достижение успеха. Полученные результаты подтверждают гипотезу о влиянии отцовского воспитания на формирование ценностной сферы девушек. Наличие отца в семье способствует формированию ценностных ориентаций. Отец является значимой фигурой, формирующей представления о мире, ценностях и о целях в жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верстова М.В.* Особенности этнической толерантности и ценностных ориентаций курсантов университета МВД России / М.В. Верстова, В.В. Верстов // «Человек. Сообщество. Управление», № 3, 2014. СС. 113–126.
2. *Грицаенко А.Г.* Влияние матери на становление безопасного поведения дочери / А.Г. Грицаенко // «Обучение и воспитание: методики и практика», № 30, 2016. СС. 237–242.
3. *Кричевская Е.В.* Роль отца в российской семейной культурно-исторической традиции / Е.В. Кричевская // Ненасилие как образ жизни. С-Пб, 2005. 210с.
4. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. М.: «Смысл, Сер.: Психодиагностическая серия», 2006. 22с.
5. *Прилепских О.С.* Особенности влияния образа отца на выбор спутника жизни в юношеском возрасте / О. С. Прилепских // «Прикладная психология и психоанализ», № 2. 2011. С. 4.

REFERENCES

1. *Verstova M.* Features of Ethnic Tolerance and Value Orientations of Cadets at the Ministry of Internal Affairs University of Russia / M.V. Verstova, V.V. Verstov // “Man. Community. Management”, No. 3, 2014. PP. 113–126.
2. *Gritsaenko A.* The Influence of the Mother on the Formation of Safe Behavior in the Daughter / A.G. Gritsaenko // “Education and Upbringing: Methods and Practice”, No. 30, 2016. PP. 237–242.
3. *Krichevskaya E.* The Role of the Father in the Russian Family Cultural-Historical Tradition / E.V. Krichevskaya // “Nonviolence as a Way of Life”. St. Petersburg, 2005. 210p.
4. *Leontiev D.* Test of Meaning-in-Life Orientations (MLO) / D.A. Leontiev. Moscow: “Smysl, Series: Psychodiagnostic Series”, 2006. 22p.

5. *Prilepskikh O.* Features of the Influence of the Father's Image on the Choice of a Life Partner in Adolescence / O.S. Prilepskikh // "*Applied Psychology and Psychoanalysis*", No. 2, 2011. P. 4.

**THE INFLUENCE OF PATERNAL UPBRINGING ON THE FORMATION
OF THE VALUE-SEMANTIC SPHERE OF THE PERSONALITY
OF GIRLS (IN FULL AND INCOMPLETE FAMILIES)**

M. Verstova, L. Chepeleva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ABSTRACT

The article examines the influence of paternal upbringing on the formation of the value-semantic sphere of the personality of girls raised in full and incomplete families. The role of the father in the upbringing of children, especially girls, is an important factor in the formation of their personality and their value-semantic sphere. Fatherly upbringing has a great influence on the formation of self-esteem, self-confidence, and life values. The article presents the results of an empirical study that includes data analysis using the methods "Test of life meaning orientations" by D.A. Leontiev, "Value orientations" by M. Rokich and the questionnaire «The role of paternal education». The study revealed differences in the value and meaning of life orientations and ideas about the father of girls from different types of families. The results of the study can be used in psychological counseling, as well as in the development of family support programs.

Keywords: paternal upbringing, value-semantic sphere of personality, full families, single-parent families, meaningful life orientations, value orientations.

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ ТУРКМЕНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М.И. Волк, Г.Н. Каменева, О. Хайтанова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Москва, Россия

volk_mi@pfur.ru, 1042245167@pfur.ru

АННОТАЦИЯ

Удовлетворенность жизнью является ключевым понятием для большинства людей. В последние десятилетия исследования удовлетворенности жизнью приобретают все большее значение. Целью данного исследования является изучение удовлетворенности жизнью туркменской и российской молодежи. Было проведено пилотажное исследование среди туркменской и российской молодежи от 18 до 30 – общим числом 34 человека. Для изучения жизненной удовлетворенности мы использовали методики «Индекс жизненной удовлетворенности» А. Уайта в адаптации Н.В. Паниной, а также «Шкалу субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду в адаптации М.В. Соколовой. Результаты выявили средние и низкие показатели удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия у туркменской и российской молодежи. Были предложены практические рекомендации для повышения удовлетворенности жизнью.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью, молодые люди, счастье, настроение, цели в жизни.

Введение

Актуальность. Понимание современных тенденций и их влияние на жизнь молодежи имеют важное значение. Исследование удовлетворенности жизнью молодых людей дает возможность более полно понять влияние этого фактора на их жизнь, а также выработать оптимальные стратегии развития и корректировки личностных отношений, часто подверженных и влиянию общественных стереотипов. Это способствует

созданию более благоприятной среды для роста и полноценного развития молодых людей.

Теоретическая и информативная основа исследования

Удовлетворенность – это форма счастья, возникающая от признания и оценки со стороны других людей, которая может быть простой, как словесная похвала за хорошо выполненную работу или общее признание жизненных достижений и наград. К такому типу ощущаемого удовольствия обычно стремятся люди, которые социально связаны, умны и получают удовольствие от благополучия других. Эти люди обычно занимаются деятельностью, которая приносит пользу всему сообществу, они работают над построением лучшего мира или стремятся внести значимые изменения в жизнь других. Поскольку удовлетворение – это высший уровень радости, чувство счастья, связанное с той формой счастья, основанного на достижениях, является наиболее продолжительным. Влияние переживания значимого удовлетворения обычно меняет жизнь, благодаря чему этот опыт гораздо более запоминается, чем другие формы переживания счастья [5].

Концептуальный анализ термина «удовлетворенность жизнью» был представлен Карлквистом и др. [4]. На основе качественных ответов 276 норвежцев авторы обнаружили, что термин «удовлетворенность жизнью» (на норвежском языке “livstilfredshet”) имеет множество значений, которые были разделены на финансовые аспекты, здоровье, питание, материальные аспекты, и психологические условия.

Исследования показали, что положительные установки и удовлетворенность жизнью молодых юношей и девушек абсолютно объединены с опосредованием концепции самооценки, а также разнообразными способами восприятия человеком идей и событий. Несколько исследований показали, что самооценка играет значительную роль в удовлетворенности жизнью. Когда личность знает себя и свою ценность, она склонна думать позитивно [6].

Высокая удовлетворенность жизнью молодежи, чаще всего, именуется «счастьем» – условным конструктом представляется психологическое (субъективное) благосостояние [1].

Р.М. Шамионов выделяет важность обобщенной интерпретации жизненного благополучия, акцентируя на необходимости удовлетворения тех потребностей, которые имеют значимость – в соответствии с личными ценностями и установками человека. Он замечает, что понятия «субъективное благополучие» и «счастье» часто используются как взаимозаменяемые термины [3].

Для психолога значительной спецификой термина «удовлетворенность жизнью» представляется неясность темы оценки – что именно удовлетворяет, либо не удовлетворяет респондента. Тема оценки очень часто ускользала от внимания исследователей. Но, в зависимости от того, что, собственно, воспринимает и оценивает респондент: внешние ситуации жизни (которые только в некоторой степени меняются его усилиями) либо свои решения, усилия и поступки и зависит сама самооценка [2].

Целью исследования стало изучение удовлетворенности жизнью туркменской и российской молодежи. Нами была выдвинута **гипотеза**, согласна которой, удовлетворенность жизнью будет иметь невысокую выраженность у молодых людей в обеих группах.

Основная часть

Для изучения жизненной удовлетворенности у молодых людей мы использовали методику «Индекс жизненной удовлетворенности» А. Уайта в адаптации Н.В. Паниной, который показывает общее психологическое состояние, социально-психологическую адаптированность, а также степень психологического комфорта, и «Шкалу субъективного благополучия» А. Перуэ-Баду в адаптации М.В. Соколовой. Эта методика оценки позволит нам изучить уровень личного счастья и удовлетворенности жизнью среди молодежи. Всего было опрошено 34 человека: из них – 17 туркменская молодежь (4 юноши и 13 девушек) и 17 – российская (1 юноша и 16 девушек). Организация сбора данных была осуществлена с помощью “Google”-формы, что существенно упростило процесс обработки ответов участников.

Таблица 1.

**Показатели индекса жизненной удовлетворенности
у молодых людей**

Шкалы методики	Туркменская молодежь	Российская молодежь
Интерес к жизни	3,5	4,3
Последовательность в достижении целей	3,7	4,2
Согласованность между поставленными и достигнутыми целями	3,9	4,7
Положительная оценка себя и собственных поступков	4,4	3,3
Общий фон настроения	4,5	5,5
Индекс жизненной удовлетворенности	20	22

По Табл. 1 можем увидеть, что по шкалам «интерес к жизни» и «последовательность в достижении целей» средний уровень удовлетворенности (максимальное количество баллов по каждой шкале – 8). Согласованность между поставленными и достигнутыми целями выше среднего у российской молодежи (4,7 баллов), в то время как у туркменской молодежи – средний уровень (3,9 балла). Также можем заметить низкие показатели в шкале положительной оценки себя и собственных поступков у российской молодежи (3,3 балла).

Шкала показывает оценку человеком своих внутренних и внешних качеств. Низкий балл отражает низкую самооценку. Относительно высокие показатели по шкале «Общий фон настроения» можно увидеть у российской молодежи (5,5 балла), в то время как у туркменской молодежи выше среднего (4,5 баллов). Шкала демонстрирует степень оптимизма и удовольствия от жизни.

Таблица 2.

**Показатели шкалы субъективного благополучия
у молодых людей**

Шкалы методики	Туркменская молодежь	Российская молодежь
Напряженность и чувствительность	14	10,4
Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику	12,5	11
Изменения настроения	5	4,6
Значимость социального окружения	7,4	5,8
Самооценка здоровья	6,9	5,7
Степень удовлетворенности повседневной деятельностью	12,4	11,5
Шкала субъективного благополучия	58,2	49

По результатам методики «Шкала субъективного благополучия», в Табл. 2 можем увидеть показатели субъективного благополучия у туркменской и российской молодежи. В шкалах «Степень удовлетворенности повседневной деятельностью», «Признаки, сопровождающие основную психоэмоциональную симптоматику», «Напряженность и чувствительность» показатели выше, чем в других шкалах у туркменской молодежи. Это говорит о том, что у туркменской молодежи есть потребность в уединении, может наблюдаться чрезмерная острота реакций на незначительные препятствия и неудачи, также снижен оптимистический модус восприятия. По этим же шкалам у российской молодежи показатели ниже, что свидетельствует о низкой выраженности данных качеств. Методика «Шкала субъективного благополучия» показала, что как у туркменской, так и российской молодежи – умеренное субъективное благополучие. У них отсутствуют серьезные проблемы, но нельзя говорить о полном эмоциональном комфорте.

По результатам проведенного исследования мы выявили низкую и среднюю выраженность удовлетворенности жизнью и субъективного благополучия у молодых людей обеих групп. Оценка удовлетворенности жизнью может помочь в формировании стратегий по улучшению эмоционального состояния и психологического здоровья.

Ограничением нашего исследования является малая выборка респондентов. Перспективы исследования будут сосредоточены на увеличении выборки, в использовании смешанных методов и методик, а также лонгитюдное исследование. В изучении удовлетворенности жизнью у туркменской и российской молодежи остается не изученной роль культурных ценностей и влияние социально-экономических факторов.

Психологи предлагают множество способов повысить удовлетворенность жизнью и субъективное благополучие. Работая над внутренним миром, важно развивать позитивное мышление, осознавать и оспаривать свои негативные мысли, заменяя их более на реалистичные и позитивные. Признание того, за что вы благодарны, помогает сосредоточиться на позитивных аспектах жизни и уменьшить чувство неудовлетворенности. Очень важно управлять своим стрессом, практиковать релаксацию, регулировать здоровый сон, относиться к себе с пониманием и добротой, особенно в неблагоприятные моменты, а также избегать самокритики. Работайте над уверенностью в себе, принимайте свои слабые и сильные стороны, тем самым развивая чувство собственного достоинства. Также разбиение больших целей на маленькие этапы помогает ощутить чувство удовлетворения от процесса. Работая над внешними факторами, необходимо следить за правильным питанием, заниматься спортом, делать то, что приносит удовольствие, быть открытым для нового опыта, поддерживать отношения с близкими, друзьями и строить здоровые романтические отношения. Проведение времени на природе также является важным аспектом. Контакт с природой помогает снять стресс и улучшить настроение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: «Прайм-ЕВ-РОЗНАК», 2010. 672с.
2. Симоненко Ю.В. Понятие удовлетворённости жизнью у молодежи // «Вестник магистратуры», № 1–1 (136). 2023. СС. 155–157.

3. Шамионов Р.М. Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы / Р.М. Шамионов. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. 296с.
4. Carlquist E., Nafstad H. & Blakar R. Understanding satisfaction: An analysis of the meaning potential of the word “satisfaction” in everyday Norwegian language. *Journal of Happiness Studies*, 19(4), 2018. PP. 939–959.
2. Farhadi A. Shell and Core Model of Subjective Well-Being: Extending the Reach of Happiness Beyond the Field of Positive Psychology. – 2023.
3. Subjective well-being: Three decades of progress. Diener, Ed; Suh, Eunkook M.; Lucas, Richard E.; Smith, Heidi L. *Psychological Bulletin*, Vol 125(2), Mar 1999, 276–302.

REFERENCES

1. Meshcheryakov B. & Zinchenko V. (Eds.). (2010). *Big psychological dictionary* (in Russian). St. Petersburg: “Pram-EV-ROZNAK”.
2. Simonenko Y. (2023). The concept of life satisfaction among young people // “*Vestnik Magistrature*” (1–1 [136]), 155–157 (in Russian).
3. Shamionov R. (2008). Subjective well-being of personality: Psychological picture and factors (in Russian). Saratov: “Nauchnaya Kniga”.
4. Carlquist E., Nafstad H. & Blakar R. (2018). Understanding satisfaction: An analysis of the meaning potential of the word “satisfaction” in everyday Norwegian language // “*Journal of Happiness Studies*”, 19(4), 939–959: <https://doi.org/10.1007/s10902-017-9853-5>.
5. Farhadi A. (2023). Shell and core model of subjective well-being: Extending the reach of happiness beyond the field of positive psychology. [Unpublished manuscript or article – please provide full details if available].
6. Diene E., Suh E., Lucas R. & Smith H. (1999). Subjective well-being: Three decades of progress // “*Psychological Bulletin*”, 125(2), 276–302. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>.

LIFE SATISFACTION AMONG TURKMEN AND RUSSIAN YOUTH

M. Volk, G. Kameneva, O. Khaytanova

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

ABSTRACT

Life satisfaction is a key concept for most people. In recent decades, research on life satisfaction has gained increasing significance. The aim of this study is to examine

life satisfaction among Turkmen and Russian youth. A pilot study was conducted with a total of 34 participants aged 18 to 30 from Turkmenistan and Russia. To assess life satisfaction, we used the "Life Satisfaction Index" by A. White, adapted by N.V. Panina, as well as the "Subjective Well-Being Scale" by A. Perrudet-Badoux, adapted by M.V. Sokolova. The results revealed average to low levels of life satisfaction and subjective well-being among both Turkmen and Russian youth. Practical recommendations were proposed to enhance life satisfaction.

Keywords: life satisfaction, young people, happiness, mood, life goals.

ПРОБЛЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ ТОРГОВОЙ СФЕРЫ: ФАКТОРЫ РИСКА И СТРАТЕГИИ ПРОФИЛАКТИКИ

М.А. Восканян, Л.Ж. Караванова

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия
miele.00@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема профессионального выгорания сотрудников торговой сферы, которое подрывает мотивацию и эмоциональную вовлеченность работников, снижая их работоспособность, продуктивность и качество жизни, вызывая чувство постоянной усталости и апатии.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, розничная торговля, стрессовые факторы, усталость, психологическое благополучие, эмоциональное истощение, апатия.

Введение

Состояние проблемы: в современных условиях торговая сфера в крупных городах – таких, как Москва, становится все более конкурентной и требует от работников высокой скорости обслуживания, гибкости, а также готовности к регулярным изменениям. Постоянные взаимодействия с клиентами, необходимость выполнения планов продаж и жесткие требования к качеству обслуживания создают постоянные стрессовые ситуации, которые в долгосрочной перспективе могут привести к состоянию профессионального выгорания. Эта проблема становится одной из ключевых как для сотрудников, так и для работодателей, т.к. она негативно сказывается на продуктивности и общем состоянии сотрудников, а также на экономических показателях бизнеса [9]. Профессиональное выгорание представляет собой психоэмоциональное

состояние, характеризующееся снижением мотивации, эмоциональным истощением и снижением удовлетворенности от выполняемой работы. Учитывая напряженные условия труда, особенно в период праздников и распродаж, профессиональное выгорание в этой сфере становится массовым явлением [4]. *Актуальность* проблемы усиливается тем, что последствия профессионального выгорания не ограничиваются только потерей интереса к работе, но могут также вызывать серьезные психосоматические расстройства, включая депрессию, хроническую усталость и проблемы со здоровьем. Предполагается, что профессиональное выгорание напрямую влияет на качество жизни сотрудников и их профессиональные результаты.

Цель работы: проведение исследования, направленного на анализ проблемы профессионального выгорания сотрудников торговых предприятий, определение ключевых факторов, способствующих его развитию, а также разработка эффективных стратегий профилактики и методов управления этим явлением в сфере розничной торговли.

Теоретическая и информативная основа исследования

Для успешного изучения проблемы профессионального выгорания среди сотрудников торговой сферы необходимо комплексно подойти к её анализу. Существующие методики диагностики выгорания позволяют точно измерить его степень и вовремя выявить проблемы. Эмпирическое исследование в рамках данной работы направлено на диагностику эмоционального состояния сотрудников, что позволит не только определить уровень выгорания, но и выработать эффективные стратегии профилактики. Для этого необходимо решить несколько ключевых задач, которые позволят глубже понять сущность проблемы и предложить пути её решения:

- ✓ Проанализировать основные факторы, способствующие профессиональному выгоранию среди сотрудников торговой сферы.
- ✓ Оценить влияние профессионального выгорания на психоэмоциональное состояние и работоспособность сотрудников.
- ✓ Исследовать существующие методики диагностики эмоционального выгорания, включая метод “Maslach Burnout Inventory (MBI)”.

- ✓ Провести эмпирическое исследование среди сотрудников торгового предприятия с целью выявления уровня профессионального выгорания.
- ✓ Разработать рекомендации по профилактике профессионального выгорания на основе полученных результатов, включая организационные и индивидуальные меры.

Основные признаки профессионального выгорания включают: эмоциональное истощение, деперсонализация и снижение личных достижений. Сотрудники торговых сфер часто сталкиваются с такими признаками из-за интенсивного взаимодействия с клиентами, высокой конкуренции и строгих требований к обслуживанию.

Исследование профессионального выгорания ведётся как в отечественной, так и зарубежной психологии. Важные труды по этой теме создали такие психологи, как Кристина Маслач, чьи исследования показали, что постоянный контакт с людьми, особенно в стрессовых ситуациях, усиливает проявления профессионального выгорания [10]. Герберт Фрейденбергер впервые использовал термин «выгорание» в 1974 году. Среди отечественных исследователей также выделяются О.А. Шеломанов, который рассматривает механизмы адаптации личности в условиях стресса, и Ю.Б. Гиппенрейтер, анализирующая эмоциональную регуляцию и ее роль в трудовой деятельности [4].

Причины и факторы, способствующие профессиональному выгоранию в торговой сфере

На сотрудников торговой сферы оказывают влияние сразу несколько факторов, способствующих развитию профессионального выгорания. Среди них выделяются:

- ✓ *Высокий уровень стресса.* Постоянные взаимодействия с клиентами требуют от сотрудников торговли эмоциональной вовлечённости и высокой скорости работы. Конфликтные ситуации, жалобы клиентов, а также необходимость решения проблем «на ходу» создают постоянный стресс, что может приводить к выгоранию [5].
- ✓ *Ненормированный рабочий график.* Работа в торговле часто требует длинных смен, ночных дежурств и работы в выходные

дни. Отсутствие полноценного отдыха приводит к физическому и психическому истощению.

- ✓ *Давление со стороны работодателей.* Высокие требования по продажам, планам и отчётности, а также опасение потерять работу в случае невыполнения задач усиливают чувство тревоги и усталости у сотрудников.
- ✓ *Монотонность работы.* Постоянное выполнение однотипных задач без возможности профессионального роста также может вызывать апатию и выгорание.

Эти факторы особенно актуальны для больших городов, где торговая сфера развивается динамично, и требования к сотрудникам значительно выше по сравнению с регионами [5]. Как и в других профессиях, профессиональное выгорание у сотрудников торговой сферы проходит через несколько стадий:

1. *Стадия эмоционального напряжения.* На этом этапе сотрудники начинают ощущать повышенную раздражительность, тревогу и усталость. Взаимодействие с клиентами становится источником стресса, и работа перестаёт приносить удовлетворение.

2. *Стадия истощения.* Работники теряют мотивацию, у них наблюдается снижение производительности, ухудшается внимание и способность к концентрации. Они испытывают чувство отчуждения и апатии, а также частые физические недомогания.

3. *Стадия депрессии.* На этой стадии работники могут испытывать серьёзные психологические проблемы, такие как депрессия и чувство беспомощности. Обычные задачи кажутся неподъёмными, и работник стремится минимизировать свои усилия на работе [5].

Психологическая характеристика деятельности сотрудников торговой сферы

- ✓ Интенсивные социальные взаимодействия с клиентами, часто в стрессовых или конфликтных ситуациях.
- ✓ Высокая ответственность за выполнение планов продаж и соблюдение стандартов качества обслуживания.
- ✓ Монотонность работы. Хотя работа может быть интенсивной, она часто связана с повторением однотипных действий, что

приводит к снижению интереса к деятельности и способствует выгоранию.

Эти характеристики особенно остро проявляются в крупных городах – таких, как Москва, где поток клиентов большой, а требования к скорости обслуживания высоки. Профессиональное выгорание оказывает негативное влияние как на сотрудников, так и на торговые организации. Для работников выгорание связано с ухудшением психического и физического здоровья, снижением качества жизни и риском развития хронических заболеваний. Со стороны бизнеса выгорание сотрудников снижает уровень их вовлеченности и лояльности, приводит к увеличению текучести кадров и, как следствие, повышению расходов на обучение новых работников [4]. Также снижается качество обслуживания клиентов, что в долгосрочной перспективе может негативно сказаться на репутации и доходах компании.

Исследование профессионального выгорания у сотрудников торговой сферы

- ✓ Диагностика эмоционального выгорания, разработанная Кристиной Маслач и Сьюзен Джексон, основана на методике “Maslach Burnout Inventory (MBI)”. Этот инструмент широко используется для измерения уровня выгорания у работников через три компонента: эмоциональное истощение, цинизм и отчуждение от работы. Диагностика позволяет выявить степень выгорания и разработать стратегии его предотвращения [10].
- ✓ Авторский опросник о влиянии рабочей среды на эмоциональное благополучие сотрудников торговых предприятий направлен на изучение их эмоционального состояния в разные периоды работы, особенно в зависимости от объемов продаж. Цель – выявить факторы, влияющие на эмоциональное благополучие.

1. По методике диагностики эмоционального выгорания МБИ Кристины Маслач и Сьюзен Джексон было проведено исследование среди 50 сотрудников, работающих в торговом предприятии ООО «Ев-ростек Групп» в возрасте от 20 до 40 лет, все сотрудники имеют высшее образование. В результате получены данные, представленные на Рис.1.

Полученные результаты: согласно результатам диагностики определения уровня профессионального выгорания (MBI), можно сделать следующие выводы:

- ✓ *Психоэмоциональное истощение:* 37% респондентов имеют средний уровень истощения, а 50% – высокий, что указывает на значительное психологическое напряжение. 7% респондентов находятся в состоянии крайне высокого истощения.
- ✓ *Деперсонализация:* 40% опрошенных имеют средний уровень деперсонализации, что может говорить об отчуждении от эмоций и профессионального окружения. 54% респондентов демонстрируют низкие и крайне низкие значения, что свидетельствует о сниженной степени отчуждения.
- ✓ *Редукция личных достижений:* 70% респондентов имеют средний уровень редукции личных достижений, что может указывать на проблемы с самооценкой и потерю мотивации. 30% находятся в группе с высоким уровнем редукции, испытывая сомнения в своих успехах, что требует внимания и поддержки.
- ✓ *Психологическое выгорание:* 87% респондентов испытывают психическое выгорание различной степени.

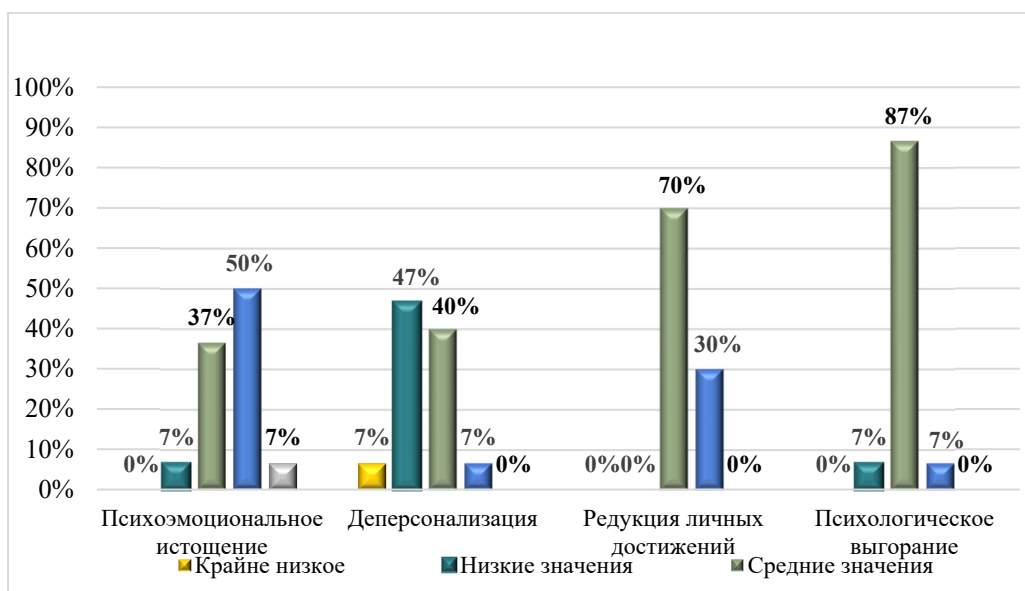

Рисунок 1. Уровень эмоционального выгорания у респондентов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что опрошенные склонны к среднему и высокому уровням профессионального выгорания, что подчеркивает важность принятия соответствующих мер по управлению стрессом, улучшению рабочей среды и поддержке психологического благополучия (Табл. 1).

Таблица 1.

Определение уровня психического выгорания (MBI)

Компонент	Крайне низкое	Низкие значения	Средние значения	Высокие значения	Крайне высокие
«Психоэмоциональное истощение»	0%	7%	37%	50%	7%
«Деперсонализация»	7%	47%	40%	7%	0%
«Редукция личных достижений»	0%	0%	70%	30%	0%
Психологическое выгорание	0%	7%	87 %	7%	0%

2. Было проведено исследование среди 50 респондентов торгового предприятия ООО «Евростек Групп» в возрасте от 20 до 40 лет, все сотрудники имеют высшее образование, в результате которого выявлены потребности и факторы, влияющие на рабочую деятельность сотрудников. На вопрос: *«Как вы оцениваете свое эмоциональное состояние в периоды высоких продаж?»* Не все реагируют на стресс одинаково: большинство (67%) находят эмоциональный подъем в увеличении денежной мотивации, в то время как менее трети (27%) испытывают стресс из-за возможного невыполнения плана продаж. *Есть ли аспекты работы, которые могут быть улучшены для поддержки вашего эмоционального состояния?* Качественные перерывы на работе – 75%, и лишь 7% заинтересованы в дополнительных услугах, таких как комната отдыха. Существует разнообразие ожиданий от руководства: от поддержки (38%) до ожидания высоких заработных плат и премий

(48%), но также есть и те, кто не ожидает ничего 14%. Отвечая на вопрос: *«Как вы справляетесь с эмоциональными вызовами в периоды снижения объемов продаж?»* Здоровье, как физическое, так и психическое, играет ключевую роль: 30% респондентов обращаются за помощью к специалистам или принимают витамины/успокоительное. Видно, что большинство сотрудников (78%) ощущают потребность в поддержке и помощи, что может требовать дополнительных ресурсов и внимания со стороны руководства. *Какие аспекты вашей работы и окружающей среды оказывают наибольшее влияние на ваше эмоциональное состояние?* Конфликтные ситуации для 70% респондентов являются значимым аспектом рабочей среды, который требует внимательного анализа и возможной корректировки.

Выводы

Исходя из результатов исследования можно сделать вывод о том, что в периоды высоких продаж большинство сотрудников испытывает эмоциональный подъем, связанный с повышением мотивации, хотя значительная часть также сталкивается со стрессом из-за возможного невыполнения плана продаж. Для поддержания эмоционального благополучия сотрудникам важны качественные перерывы во время работы, а также поддержка со стороны наставников и корпоративных психологов. Для борьбы с проблемой профессионального выгорания необходимо комплексное решение, которое включает как индивидуальные меры, так и изменения на уровне организации:

1. Создание благоприятной рабочей среды. Работодателям следует уделять внимание комфортным условиям труда, сбалансированному графику работы и возможности полноценного отдыха для сотрудников.

2. Поддержка сотрудников. Введение программ поддержки, таких как психологические тренинги, консультации и программы по управлению стрессом, может помочь сотрудникам справляться с эмоциональными нагрузками.

3. Обучение сотрудников. Проведение регулярных тренингов по управлению временем и стрессом, развитию эмоционального интеллекта может повысить стрессоустойчивость сотрудников и уменьшить риск выгорания [7].

4. Разнообразие рабочих задач. Возможность разнообразить обязанности или развиваться в новых направлениях помогает избежать монотонности и сохранить интерес к работе.

Торговля является ключевым сектором экономики, и профессиональное выгорание среди сотрудников становится серьезной проблемой. Оно возникает из-за длительного стресса, приводящего к эмоциональному истощению, цинизму и снижению активности, что негативно сказывается на отношениях и здоровье. Для борьбы с выгоранием важно устранить психологические факторы, такие как отсутствие поддержки. Создание благоприятной рабочей атмосферы и обучение навыкам эмоциональной саморегуляции помогают сохранить психологическое здоровье. Руководство должно активно поддерживать сотрудников и способствовать их профессиональному росту. Эффективное управление выгоранием требует комплексного подхода и усилий всей команды.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляева Е.Г., Неклюдова И.В.* Взаимосвязь мотивации и профессионального выгорания у сотрудников розничной торговли // «Экономика и управление», № 6, 2015. СС. 66–69.
2. *Булгакова М.В., Лялюшкин Г.В.* Психологические особенности выгорания у торговых работников // «Вестник ЮурГУ», № 4. 2015. СС. 34–41.
2. *Вартанова И.Е.* Профессиональное выгорание: диагностика и преодоление. М.: «Когито-Центр», 2015. 180с.
3. *Глушенкова О.В.* Психологические аспекты профессионального выгорания у персонала торговых предприятий // «Московский психотерапевтический журнал», № 1, 2012. СС. 116–129.
4. *Глушко О.А., Миронова А.В.* Факторы профессионального выгорания у торговых предприятий // «Вестник Санкт-Петербургского университета», № 12, 2018. СС. 468–479.
5. *Иванова О.Н., Смирнова Е.М.* Психологические аспекты профессионального выгорания персонала в сфере торговли // «Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова», № 1, 2018. СС. 119–126.
6. *Козлова Л.А., Карпенко Е.В.* Психологические особенности адаптации персонала торговых предприятий к изменениям в организационной среде // «Психологическая наука и образование», № 1. Т. 21, 2016. СС. 27–35.
7. *Мельникова Е.С.* Психологические особенности эмоционального выгорания у сотрудников торговых предприятий // «Психология и психотерапия», № 4, 2017. СС. 53–58.

8. Bianchi R., Schonfeld I., Laurent E. Burnout-depression overlap: A review // "Clinical Psychology Review", 2015. PP. 28–41.
9. Maslach C., Schaufeli W., Leiter M. Job burnout // "Annual Review of Psychology", Vol. 52, 2001. PP. 397–422.

REFERENCES

1. Belyaeva E. & Neklyudova I. (2015). Relationship between motivation and professional burnout among retail employees // "Ekonomika i Upravlenie", (6), 66–69 (in Russian).
2. Bulgakova M. & Lyalyushkin G. (2015). Psychological characteristics of burnout among retail workers // "Vestnik YuUrGU", (4), 34–41 (in Russian).
3. Vartanova I. (2015). *Professional burnout: Diagnosis and overcoming*. M.: "Kogito-Center" (in Russian).
4. Glushenkova O. (2012). Psychological aspects of professional burnout among retail enterprise personnel // "Moscow Psychotherapeutic Journal", (1), 116–129 (in Russian).
5. Glushko O. & Mironova A. (2018). Factors of professional burnout in retail enterprises // "Vestnik of St. Petersburg University", (12), 468–479 (in Russian)
6. Ivanova O. & Smirnova E. (2018). Psychological aspects of professional burnout of personnel in the trade sector // "Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics", (1), 119–126 (in Russian).
7. Kozlova L. & Karpenko E. (2016). Psychological features of adaptation of retail personnel to changes in the organizational environment // "Psychological Science and Education", 21(1), 27–35 (in Russian).
8. Melnikova E. (2017). Psychological characteristics of emotional burnout among employees of retail enterprises // "Psychology and Psychotherapy", (4), 53–58 (in Russian).
9. Bianchi R., Schonfeld I. & Laurent E. (2015). Burnout–depression overlap: A review. // "Clinical Psychology Review", 36, 28–41: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.01.004>.
10. Maslach C., Schaufeli W. & Leiter M. (2001). Job burnout // "Annual Review of Psychology", 52, 397–422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>

PROBLEM OF PROFESSIONAL BURNOUT AMONG RETAIL EMPLOYEES: RISK FACTORS AND PREVENTION STRATEGIES

M. Voskanian, L. Karavanova

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

ABSTRACT

This article examines the issue of professional burnout among retail employees, which undermines motivation and emotional engagement, reducing their efficiency, productivity, and quality of life while causing a persistent sense of fatigue and apathy.

Keywords: professional burnout, retail trade, stress factors, fatigue, psychological well-being, emotional exhaustion, apathy.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГИБКОСТИ У НАЧИНАЮЩИХ ГИМНАСТОК

А.Л. Григорян, А.В. Мартиросян, Б.Х. Мнацаканян

Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются психологические аспекты формирования гибкости у начинающих гимнасток. Подчеркивается влияние таких факторов, как мотивация, самооценка, эмоциональная устойчивость и преодоление страха на развитие гибкости. Исследуется связь между психоэмоциональной подготовленностью спортсменок и их физическими результатами. Приводятся практические рекомендации для тренеров, направленные на развитие психологической устойчивости гимнасток, улучшение их мотивации и создание позитивной атмосферы в тренировочном процессе.

Ключевые слова: психология, гибкость, гимнастика, мотивация, самооценка, эмоциональная устойчивость.

Введение

Актуальность исследования. Гибкость является одним из важнейших компонентов физической подготовки в гимнастике. Этот навык требует не только развитых физических способностей, но и устойчивости, терпения, а также психологической готовности к преодолению физических и эмоциональных трудностей. Особенно это важно для начинающих гимнасток, которые только начинают знакомиться с нагрузками, связанными с растяжкой, и сталкиваются с рядом психологических барьеров – таких как страх, неуверенность, разочарование и страх перед болью.

Для большинства начинающих гимнасток путь к высокому уровню гибкости не является простым и требует комплексного подхода. Важную роль в этом процессе играет не только физическая подготовка,

но и психологическое состояние учеников. Психологические аспекты – такие, как мотивация, самооценка, эмоциональная устойчивость и способность преодолевать страхи, оказывают значительное влияние на результат. На начальном этапе ученицы могут испытывать затруднения, связанные с восприятием физических ограничений и дискомфорта, что зачастую приводит к снижению мотивации и разочарованию. Без должной психологической подготовки эти трудности способны затормозить прогресс в развитии гибкости и привести к отказу от дальнейших занятий.

Таким образом, процесс формирования гибкости у начинающих гимнасток нельзя рассматривать исключительно с точки зрения физических упражнений и тренировок. Важным элементом успешного обучения является внимание к внутреннему состоянию учениц, к их переживаниям и психологическим барьерам. Психологическая поддержка со стороны тренера, адекватная мотивация, построение доверительных отношений и создание атмосферы, в которой ошибки воспринимаются как часть процесса, способствуют преодолению таких трудностей и ускоряют процесс развития гибкости.

В данной статье будет рассмотрено, как различные психологические факторы влияют на обучение гибкости у начинающих гимнасток, а также предложены рекомендации, которые помогут тренерам эффективно работать с учениками, учитывая их психологические особенности. Основное внимание будет уделено мотивации, самооценке, эмоциональным реакциям на прогресс и неудачи, а также преодолению психологических барьеров, которые мешают развитию гибкости.

Цель исследования

Изучить психологические аспекты, влияющие на процесс формирования гибкости у начинающих гимнасток, а также выявить уровень подвижности плечевых суставов и гибкости позвоночника у начинающих гимнасток первого и второго года обучения и провести сравнительный анализ.

Задачи исследования

- ✓ Исследовать влияние мотивации на процесс формирования гибкости у начинающих гимнасток.

- ✓ Определить влияние психологических барьеров (страха, тревоги, стресса) на обучение гибкости и способы их преодоления.
- ✓ Исследовать уровень подвижности плечевых суставов у начинающих гимнасток первого и второго года обучения.
- ✓ Исследовать уровень гибкости позвоночника у начинающих гимнасток первого и второго года обучения.
- ✓ Провести сравнительный анализ результатов подвижности плечевых суставов и гибкости позвоночника между двумя возрастными группами.

Организация и характеристика исследования

Исследование было проведено на базе спортивной школы имени А. Азаряна в 2021–2022гг. В исследовании приняло участие 50 гимнасток (начинающие гимнастки первого года обучения). Из них 21 (42%) родились в 2015 году (7 лет), а 29 (58%) – в 2016 году (6 лет). Возраст всех гимнасток соответствует требованиям для формирования групп первого года подготовки.

Результат исследования

Были выявлены важные психологические факторы, влияющие на процесс обучения, гибкости и физического развития учеников, а также определены основные барьеры, с которыми сталкиваются гимнастки на начальном этапе тренировок. Мотивация оказалась одним из самых значимых факторов, определяющих успех в обучении гибкости. У начинающих гимнасток первого года обучения преобладала внешняя мотивация, выраженная в стремлении угодить тренеру или родителям. Это зачастую приводило к быстрой утомляемости, эмоциональным трудностям, а также нестабильным результатам. В отличие от этого, гимнастки второго года обучения, которые развивали внутреннюю мотивацию, как правило, демонстрировали больший прогресс в растяжке и более серьезно относились к тренировкам.

Самооценка и уверенность в собственных силах также являются важными аспектами в процессе обучения гибкости так как у гимнасток первого года обучения была зафиксирована низкая самооценка и неуве-

ренность в своих силах, что зачастую препятствовало преодолению физической боли и дискомфорта при растяжке. У гимнасток второго года обучения наблюдалась более высокая самооценка и уверенность в себе, что позволяло им легче преодолевать трудности и продолжать работать над растяжкой, несмотря на болевые ощущения. Особо важными психологическими барьерами, сдерживающими развитие гибкости у начинающих гимнасток, являются такие факторы, как страх перед болью, страх неудачи и тревожность. Гимнастки первого года обучения часто испытывали страх боли и неуверенность в результате растяжки, что замедляло их прогресс. Во второй группе, гимнастки второго года обучения, как правило, легче справлялись с этими переживаниями и демонстрировали большую способность преодолевать страх и стресс.

Для более глубокого изучения проблемы и выяснения того, как указанные психологические факторы действительно влияют на развитие гибкости у начинающих гимнасток, был проведен сравнительный анализ результатов спортсменок первого и второго года обучения.

Показатели уровня подвижности плечевых суставов у гимнасток первого года обучения

Уровень подвижности плечевых суставов среди гимнасток первого года обучения был оценен с учетом психологических аспектов, таких как уверенность в себе, мотивация и способность преодолевать внутренние барьеры. Результаты распределились следующим образом:

- ✓ **Образцовый уровень** – 7 гимнасток (14%).
- ✓ **Отличный уровень** – 17 гимнасток (34%).
- ✓ **Хороший уровень** – 25 гимнасток (50%).
- ✓ **Удовлетворительный уровень** – 1 гимнастка (2%).
- ✓ **Неудовлетворительный уровень** – 0 гимнасток (0%).

Результаты показывают высокий уровень подвижности плечевых суставов у 98% гимнасток, что можно объяснить как результат успешного психоэмоционального подхода на ранних этапах тренировки. В этой группе психология и мотивация играют важную роль, что подтверждается высоким уровнем готовности к физическим нагрузкам и достижениям.

Показатели уровня гибкости позвоночника у гимнасток первого года обучения

Что касается гибкости позвоночника, 96% гимнасток показали отличные и хорошие результаты, что может свидетельствовать о высоком уровне психоэмоциональной подготовки и внутренней мотивации, ориентированной на результат:

- ✓ **Отличный уровень** – 30 гимнасток (60%).
- ✓ **Хороший уровень** – 18 гимнасток (36%).
- ✓ **Удовлетворительный уровень** – 2 гимнастки (4%).
- ✓ **Неудовлетворительный уровень** – 0 гимнасток (0%).

Примечательно, что в данной группе практически все гимнастки (96%) продемонстрировали отличные или хорошие результаты, что связано с внутренней мотивацией и положительной психологической установкой, поддерживаемой тренерами.

Показатели уровня подвижности плечевых суставов у гимнасток второго года обучения

У гимнасток второго года обучения, психоэмоциональные аспекты, такие как устойчивость к стрессу и уверенность в собственных силах, показали менее положительное влияние на физические результаты, что отражается в изменении показателей подвижности плечевых суставов:

- ✓ **Образцовый уровень** – 0 гимнасток (0%).
- ✓ **Отличный уровень** – 9 гимнасток (18%).
- ✓ **Хороший уровень** – 25 гимнасток (50%).
- ✓ **Удовлетворительный уровень** – 14 гимнасток (28%).
- ✓ **Неудовлетворительный уровень** – 2 гимнастки (4%).

Только 68% гимнасток продемонстрировали высокие результаты («отлично» и «хорошо»), что на 19% меньше, чем в первой группе. Этот показатель может быть связан с недостаточной психологической устойчивостью и мотивацией на более высоком уровне, что также влияет на физические результаты. Для этих гимнасток важна дальнейшая психологическая подготовка для улучшения результатов.

Показатели уровня гибкости позвоночника у гимнасток второго года обучения

Ситуация с гибкостью позвоночника у гимнасток второго года обучения отличается от ситуации в первой группе, свидетельствует о более низком уровне психоэмоциональной зрелости и, возможно, о недостаточном уровне мотивации для достижения высоких результатов в данном аспекте тренировки:

- ✓ **Отличный уровень** – 11 гимнасток (23%).
- ✓ **Хороший уровень** – 7 гимнасток (15%).
- ✓ **Удовлетворительный уровень** – 23 гимнастки (46%).
- ✓ **Неудовлетворительный уровень** – 9 гимнасток (18%).

Заметное отставание по гибкости позвоночника (от 64% гимнасток с удовлетворительными и неудовлетворительными результатами) свидетельствует о том, что психологические барьеры и отсутствие достаточной мотивации, уверенности в себе и в своих силах мешают успешному развитию гибкости у гимнасток второго года.

Сравнение результатов подвижности плечевых суставов и гибкости позвоночника

Подвижность плечевых суставов и гибкость позвоночника среди гимнасток первого и второго года обучения показывают разницу в уровне психологической устойчивости и мотивации. В первой группе высокие результаты по обеим характеристикам (подвижности плечевых суставов и гибкости позвоночника) могут быть объяснены более высоким уровнем психологической готовности и доверия к себе. Во второй группе, несмотря на хорошие результаты по подвижности плечевых суставов, наблюдается значительное отставание в гибкости позвоночника, что может быть связано с низким уровнем мотивации, неуверенностью в своих силах и недостаточной психологической поддержкой.

Выводы

Результаты исследования показывают, что психологические аспекты, такие как мотивация, уверенность в себе и готовность преодолеть

вать трудности, играют ключевую роль в формировании гибкости у начинающих гимнасток. В первой группе гимнасток психоэмоциональная подготовка и мотивация позволили достичь более высоких результатов, чем во второй, где психологические барьеры и недостаточная уверенность в себе стали причиной более низких показателей гибкости позвоночника. Таким образом, для достижения высоких спортивных результатов на всех уровнях, необходимо учитывать психологическую подготовку спортсменов, которая должна включать развитие уверенности, преодоление внутренних барьеров и формирование сильной мотивации.

Заключение

Результаты проведенного исследования подчеркивают важность психологических факторов, таких как мотивация, самооценка, эмоциональная устойчивость, преодоление страха и психологических барьеров, в процессе формирования гибкости у начинающих гимнасток. Психологическая поддержка, правильное эмоциональное сопровождение и внимание к внутренним переживаниям гимнасток способствуют улучшению их спортивных результатов, а также повышению мотивации для продолжения тренировок и достижения высоких целей. Эти аспекты становятся решающими в оптимизации процесса тренировки, поскольку сильный психологический фон способствует не только физическому прогрессу, но и общему успеху спортсменов.

Практическая рекомендация

Тренерам рекомендуется развивать у своих учеников не только физическую подготовку, но и психологическую устойчивость. Это можно достигнуть с помощью методов позитивного подкрепления и формирования доверительных отношений с гимнастками. Важно акцентировать внимание на значении прогресса и достижений, что способствует усилению внутренней мотивации у спортсменов.

Кроме того, тренеры должны активно поддерживать своих учеников, укрепляя их уверенность в себе через регулярные похвалы и позитивное подкрепление, а также создавать атмосферу безопасности и доверия в спортивном зале. Для эффективного формирования гибкости

важно внедрять методы релаксации и снятия стресса, такие как дыхательные упражнения и медитации, которые помогут гимнасткам справиться с тревогой и страхом.

Немаловажным является индивидуальный подход к каждой ученице, выявление причин ее тревожности и психологических барьеров, с предложением соответствующих методов для их преодоления. Создание оптимального психологического климата и умение работать с внутренними переживаниями гимнасток будут способствовать не только улучшению физической гибкости, но и развитию гармоничных личностных качеств, что важно для успешного профессионального роста спортсменок.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зимняя И.М.* Психология спорта: Введение в спортивную психологию. М.: «Академия», 2007. СС. 45–67.
2. *Кармашев С.И.* Психология спортивной тренировки. М.: «Физкультура и спорт», 2012. СС. 112–134.
3. *Тейлор Дж.* Психология спортивной деятельности. СПб: «Питер», 2010. СС. 89–102.
4. *Шмидт Р.А.* Психологические аспекты тренировки спортсменов. СПб: «Гуманистика», 2013. СС. 154–177.
5. *Генкин М.С.* Психология личности спортсмена: Теории и методы психологической подготовки. М.: «Наука», 2011. СС. 45–60.
6. *Кузнецова Н.В.* Психологические аспекты спортивной подготовки и тренировки в гимнастике. М.: «Советский спорт», 2015. СС. 100–118.
7. *Меркушев С.В.* Психология тренировочного процесса в спортивной гимнастике. СПб: «Олимпийская литература», 2014. СС. 121–139.
8. *Бенашвили И.М.* Психология спортивной подготовки и индивидуальные особенности спортсменов. М.: «Физкультура и спорт», 2008. СС. 200–220.
9. *Иванова И.П.* Психология спортивной деятельности в гимнастике: Проблемы и пути решения. М.: «Высшая школа», 2009. СС. 78–92.
10. *Куликов В.Н.* Психология спортивной деятельности и мотивация в гимнастике. М.: «Научный мир», 2011. СС. 55–70.

REFERENCES

1. *Zimnyaya, I.* Sport Psychology: An Introduction to Sports Psychology. Moscow: “Akademiya”, 2007. PP. 45–67.

2. *Karmashev S.* Psychology of Sports Training. Moscow: “Fizkultura i Sport”, 2012. PP. 112–134.
3. *Taylor J.* Psychology of Sports Activity. St. Petersburg: “Piter”, 2010. PP. 89–102.
4. *Schmidt R.* Psychological Aspects of Athlete Training. St. Petersburg: “Gumanistika”, 2013. PP. 154–177.
5. *Genkin M.* Personality Psychology of the Athlete: Theories and Methods of Psychological Training. Moscow: “Nauka”, 2011. PP. 45–60.
6. *Kuznetsova N.* Psychological Aspects of Sports Preparation and Training in Gymnastics. Moscow: “Sovetskiy Sport”, 2015. PP. 100–118.
7. *Merkushyev S.* Psychology of the Training Process in Artistic Gymnastics. St. Petersburg: “Olympic Literature”, 2014. PP. 121–139.
8. *Benashvili I.* Psychology of Sports Training and Individual Characteristics of Athletes. Moscow: “Fizkultura i Sport”, 2008. PP. 200–220.
9. *Ivanova I.* Psychology of Sports Activity in Gymnastics: Problems and Solutions. Moscow: “Vysshaya Shkola”, 2009. PP. 78–92.
10. *Kulikov V.* Psychology of Sports Activity and Motivation in Gymnastics. Moscow: “Nauchny Mir”, 2011. PP. 55–70.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF FLEXIBILITY DEVELOPMENT IN BEGINNER GYMNASTS

A. Grigoryan, A. Martirosyan, B. Mnatsakanyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

This article examines the psychological aspects of flexibility development in beginner gymnasts. It highlights the influence of factors such as motivation, self-esteem, emotional stability, and overcoming fear on flexibility training. The study explores the connection between athletes’ psycho-emotional readiness and their physical performance. Practical recommendations are provided for coaches, aimed at strengthening gymnasts’ psychological resilience, enhancing motivation, and fostering a positive training environment.

Keywords: psychology, flexibility, gymnastics, motivation, self-esteem, emotional stability.

О «ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯХ

Е.Н. Давтян

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения
elena.davtian@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена негативным последствиям начавшегося «терапевтического поворота» в постсоветских странах (прежде всего, России и Армении): проникновению психологических/психотерапевтических понятий в обыденное сознание, особенностям формирующихся пси-культуры и специфического «терапевтического» способа мышления. Особенное внимание уделено ключевым понятиям терапевтического мышления: самореализация, травма, детский опыт, здоровые отношения.

Ключевые слова: «терапевтический поворот», самореализация, травма, психотерапия.

Феномен психологизации психиатрии неоднократно вызывал озабоченность и профессиональные дискуссии в среде психиатров. Психологические/психотерапевтические понятия проникли в профессиональный дискурс и начали там активно использоваться (*травма, нарциссическое расстройство, пограничный или психотический уровень организации* и пр.). Психопатологические симптомы стали трактоваться «психологически»: *амбивалентность* понимают как нерешительность, *манию* как хорошее настроение, *аутизм* как необщительность и пр. Более того, даже некоторые разделы Международной классификации болезней (МКБ) были написаны в соответствии с работами психологов, а не психиатров (так, раздел расстройства личности в МКБ-11 основан на работах психологов Г. Олпорта, Г. Айзенка и Р. Кеттела [1]).

Изнутри психиатрии понять, что происходит, невозможно. Для этого надо выйти за ее пределы. При более широком взгляде становится

очевидным, что феномен экспансии психологических/психотерапевтических понятий в психиатрию – лишь малая часть общей тенденции масштабной психологизации социума вообще. Попытки описания этого процесса активно предпринимались и предпринимаются в других науках, прежде всего, в социологии.

Процесс психологизации общества означает, что «система психологических знаний и категорий становится главенствующим дискурсом, через который человек познает себя и окружающий мир» [2]. Иначе говоря, именно в психологических понятиях определяется: (а) как современный человек представляет себя, свою личность и траекторию ее развития; (б) что для общества является нормальным и ненормальным, здоровым и нездоровым; (в) что является правильным и неправильным в переживании эмоций, чувств, в отношении к себе и другим. В современном мире психологические понятия выступают основным инструментом нормирования мотивов человеческих действий и отношений. В этом смысле психология – это недооцененная по масштабу и мощи сфера влияния на общество, которая оказывается встроенной в любой контекст жизни человека и выступает в роли «интегрирующей инстанции по отношению ко всем остальным сферам деятельности» [3].

Процесс психологизации общества в Европе и США начался со второй половины XX века и получил название «терапевтического поворота». Истоки и следствия этого поворота подробно исследовались в трудах Ж. Бодрийяра, Ф. Риффа, Ф. Фукуямы, К. Лэша, Ф. Фуреди и многих других. Еще в 1966г. социолог Ф. Рифф писал о том, что традиционная христианская культура с ее ценностями и пониманием места человека в мире была разрушена, что вызвало «упадок морали» и оставило после себя «зияющую пустоту», которую «заполнили психологи, проповедующие новую религию – психотерапию... с их терапевтическими методами, где на карте не стоит ничего, кроме ощущения благополучия, которым можно манипулировать» [цит. по 4]. Эта идея новой морали трансформировала современное общество, породив пси-культуру. Пси-культура – это конгломерат, в котором тесно переплетены академическая психология, психотерапевтические и тренинговые практики, массовая культура, пронизанная психологическим языком, и даже клиническая психиатрия [3]. После терапевтического поворота профессия психолога/психотерапевта вошла в число наиболее востребованных

профессий в мире, а специфический «психотерапевтический» способ мышления проник практически во все социальные институты и стал частью обыденной жизни. Центральную часть пси-культуры занимает психотерапия.

В странах постсоветского пространства процесс психологизации стал заметен лишь последние два десятилетия. По данным анализа рынка услуг психологов 2024 года спрос на психологические услуги в России с начала 2000-х годов уверенно растет на 30-40 % в год, и в настоящее время, по разным оценкам, объем этого рынка в РФ превышает 175,2 млрд рублей [5]. Стоимость посещения одной консультации психотерапевта или коуча обычно колеблется в пределах от 2 до 15 тысяч рублей, но может достигать 40 тысяч рублей и выше. Аналитики отмечают, что рынок услуг психологов в России до сих пор намного меньше, чем в США. Тем не менее, российские специалисты начинают успешно конкурировать с зарубежными коллегами и даже приближаться к ним по доходам [5]. По-видимому, та же тенденция начинает уверенно проявляться в Армении.

В свете начавшегося мощного продвижения в России и Армении пси-культуры, представляется важным проанализировать те возможные негативные последствия, к которым может привести формирующееся у рядовых граждан терапевтическое мышление и терапевтический эмоциональный стиль, когда для объяснения своих поступков и поведения других людей «индивиды начинают прибегать к семантическим категориям, отсылающим к реалиям внутреннего, субъективного мира при игнорировании мира социального» [2]. Ниже мы разберем некоторые негативные последствия терапевтического поворота в постсоветских странах.

Основное требование терапевтической культуры – заниматься собой, своим внутренним миром, анализом собственных чувств, переживаний, мыслей, стремлений, желаний. Такое повышенное внимание к своей внутренней жизни не просто желательно, а фактически возводится в ранг добродетели [6]: если ты этого не делаешь, то ты – «непроработанный», «невротик», человек, имеющий множество личных проблем, взаимодействовать с которым потенциально опасно из-за возможных «проекций» неразрешенных психологических проблем на любые сферы человеческих отношений (от профессиональных до личных). Совершенно очевидно, что «заниматься собой» в рамках этой культуры

можно только «правильно» – при помощи специально обученного человека (то есть необходимо иметь личного психотерапевта). Требование постоянного внимания к любым проявлениям своей внутренней жизни закономерным образом приводит к тому, что собственные интересы, потребности и желания становятся важнее потребностей и желаний других людей (эгоизм), что, в свою очередь, негативно сказывается на межличностных отношениях. Сложности в отношениях опять же вынуждают обращаться к психотерапевтам. В итоге личная жизнь клиента становится открытой для терапевтического управления.

Самореализация в терапевтической культуре – критерий нормальности и эталон психологического здоровья. Самореализация – понятие сложное и неоднозначное. В психологии, психотерапии, философии существует множество его определений. Например, самореализацией называют «осуществление самого себя в жизни и повседневной деятельности, поиск и утверждение своего пути в этом мире, своих ценностей и смысла своего существования в каждый момент времени» [7]. Получается, что абстрактная категория «самореализация» определяется через понятия с еще более высокой степенью абстрактности – «осуществление себя», «путь в мире», «смысл существования». Современная наука знает, что чем выше степень абстрактности слов, тем сложнее их понимать и интерпретировать, абстрактные слова имеют малое количество и малую силу ассоциативных связей [8], разброс в толковании этих слов очень велик. Иначе говоря, эти определения малопригодны для обывденного сознания, и в головах обычных граждан самореализация, как правило, понимается как сравнение с эталоном успеха и благополучия. Эталоны успеха и благополучия черпаются из информационного потока масс-медиа – это известные бизнесмены, политики, актеры. Если человек не достиг успеха и известности, например, Илона Маска или Тома Круза, то он не достиг и самореализации. Сравнение с идеалом – заведомо проигрышная тактика, так как идеал, как известно, недостижим. Соответственно «нереализованными и неполноценными» являются практически все [9]. Что нужно сделать, чтобы стать полноценной реализованной личностью? Ответ на этот вопрос в терапевтической культуре есть: нужно при помощи психотерапевта найти причину, в результате которой личность пострадала и утратила способность самостоятельно определять свой путь. Этой причиной, как правило, является травма.

Травма – еще одно уникальное понятие терапевтической культуры, понятие сложное и неоднозначное. В конце XIX – начале XX веков патологические состояния психогенной природы было принято обозначать понятием «нервы» [10], во второй половине XX века после работ Г. Селье «нервы» были вытеснены понятием «стресс». С начала XXI века повсеместно вместо «стресса» стало использоваться слово «травма» (можно предположить, что это связано с большой популярностью рубрики посттравматическое стрессовое расстройство – ПТСР – в Международной классификации болезней). В психологии существует множество дефиниций термина «травма». Вот одно из них: «Травма – это вред, нанесенный психическому здоровью человека в результате интенсивного влияния неблагоприятных факторов среды или остроэмоциональных, стрессовых воздействий других людей на его психику» [11]. Как и в случае с самореализацией, однозначно определить, что такое «интенсивное влияние» или «воздействие других людей», не удастся. Известно, что даже самые неблагоприятные факторы (стихийные бедствия, военные действия) не приводят к психологическим/психопатологическим проблемам у достаточного количества людей, их переживших, а иногда простой конфликт в школе может привести к развитию болезненного состояния. Почему одно и то же событие для одного является травмирующим, а для другого остается лишь неприятным воспоминанием? Ясного и однозначного ответа на этот вопрос в психологии нет. Соответственно, в рамках терапевтического мышления травма трактуется чрезвычайно широко: этим словом может быть обозначено практически любое неприятное событие в жизни.

Итак, цель жизни человека в пси-культуре – самореализация. Если она не произошла, то при помощи психотерапевта необходимо найти травму, в результате которой человек пострадал и потерял способность достигать своих целей. Нет никаких сомнений в том, что у любого клиента эта «травма» непременно будет обнаружена (во всяком случае, автору статьи неизвестны прецеденты, где в результате психотерапии травмы бы не нашли). Как правило, травма обнаруживается в детском опыте клиента.

На уникальность понятия *детский опыт* исследователи ранее уже обращали внимание: детский опыт в терапевтической культуре способен объяснить любые последующие удачи и неудачи человека, особен-

ности его характера и причины всех его поступков. Не подвергается сомнению положение о том, что суть любых проблем человека скрыта в его детских переживаниях (и, собственно, ими и объясняется). Что же делать дальше, когда травма в детском опыте найдена? Ответ очевиден – заниматься терапией. Как долго? Сколько потребуется для проработки всех травм. Если после нескольких лет терапии самореализации не произошло, то надо терапию продолжать. Не секрет, что встречается немало случаев, когда терапия (например, психоанализ) длится и по 10, и по 20 лет, когда клиент знает о себе уже практически все и прекрасно владеет аналитическим языком, однако от самореализации все так же далек, как и в начале терапии. Иначе говоря, терапевтическая культура ставит клиента в позицию вечно выздоравливающего. По меткому замечанию Полины Аронсон, в терапевтической культуре травма является первородным грехом, а смысл жизни – в борьбе с травмой и ее преодолении [9].

Важным признаком повсеместного проникновения пси-культуры, формирования терапевтического мышления является изменение языка, проникновение профессиональных терминов в обыденную речь. Автор статьи – работающий психиатр, постоянно ведущий врачебный прием больных. За последние годы речь больных – людей разного возраста и образования – существенно изменилась. Повсеместно используется психиатрическая лексика, как правило, в виде названий рубрик психиатрического раздела Международной классификации болезней. Высказывания больных, типа «у меня» *ПРЛ, СДВГ, РАС, ОКР, биполярка, паническая атака, депрессия* – давно стали общим местом в работе психиатра, и в подавляющем большинстве случаев не имеют отношения к реальному состоянию больного.

Современному больному проще сказать «у меня *выгорание*», чем пожаловаться на усталость; «я *прокрастинирую*», чем «я откладываю дела до последнего момента»; «у меня были *абьюзивные отношения*» вместо «отношения не сложились»; «он/она *нарушал мои личные границы*» вместо «мы ссорились»; «меня *булили* в школе» вместо «конфликты с одноклассниками». В речи больных любовь стала *отношениями*; любимый человек – *партнером* или *партнеркой*; в несложившихся отношениях бывший партнер обязательно *токсичный* или *манипулятор*. Необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство моих больных имеют личного психотерапевта.

Как работает терапевтическое мышление можно продемонстрировать на примере слов *партнер* и *отношения*. В русском языке слово *партнер* означает товарища по игре, участника какой-либо совместной деятельности. То есть отношения с партнером – это совместная деятельность, которая осуществляется по определенным правилам. Если эти правила недостаточно учитывают ваши интересы, то формируются *нездоровые* (*созависимые, абьюзивные, токсичные*) отношения. *Нездоровые* отношения – это *манипуляция, контроль, эмоциональное насилие*.

Главное правило хороших отношений – это незыблемость *личных границ* партнеров. *Личные границы* – это невидимая линия, которая отделяет личные потребности и чувства от других людей. Эти границы надо *выстраивать* при помощи психотерапевта, потому что это – важный шаг к *здоровым* отношениям. *Здоровые* отношения – это коммуникация двух *самодостаточных* личностей. Подобную цепочку умозаключений можно прочесть практически на любом психологическом сайте, рекламирующем услуги психотерапевта по производству «здоровых» отношений.

Следует обратить внимание на то, что фраза «отношения двух самодостаточных личностей» является оксюмороном. Парадокс в том, что самодостаточность – это «состояния бытия, в котором человек практически не нуждается в помощи или взаимодействии с другими» (определение из англоязычной части Википедии). Самодостаточной персоне отношения не нужны. В клинической практике встречаются случаи, когда, занимаясь собой с целью улучшить собственное функционирование для собственной самореализации, человек в обыденной жизни реальных близких отношений не имеет и не слишком к ним стремится, так как суррогатной заменой отношений становятся регулярные встречи с психотерапевтом.

Остается главный вопрос: зачем современный человек для описания своего состояния использует пси-терминологию (психологическую, психотерапевтическую, психиатрическую лексику)? Использование этих клише ничего не дает в реальном понимании происходящего с человеком, а совершенно очевидно является псевдопониманием. По-видимому, навешивание на себя психологического/психиатрического ярлыка как бы освобождает человека от критики и ответственности за свои действия (или за свое бездействие): «Я не ленивый (трусливый, безот-

ветственный и пр.), а больной (травмированный, выгоревший, депрессивный, не в ресурсе и т.д.)». По меткому замечанию Кристофера Лэша, стимуляция «инфантильных желаний и рационализация внутренней жизни, сопровождаемая ложным обещанием личной самореализации, создали терапевтического социального индивидуума» [12]. Собственное бессилие, пассивность, безразличие к проблемам другого, гражданская неактивность и даже согласие со злом – все это оправдывается ярлыком диагноза. Терапевтический социальный индивидуум не сопротивляется при столкновении со злом или социальной несправедливостью, не пытается протестовать и исправить ситуацию во вне, он идет на прием к психотерапевту.

Выводы

Перед профессионалами в области психотерапии в настоящее время стоит серьезная проблема демаркации реальной психотерапевтической помогающей практики от поп-психотерапии с ее поп-терапевтическим мышлением [13]. Ответа на вопрос, как это можно сделать, у автора статьи нет. Однако совершенно очевидно одно: необходима постоянная рефлексия над основами и границами собственной специальности. Перефразируя слова известного антипсихиатра Томаса Саса, можно сказать, что психотерапия «не сможет достичь профессиональной целостности, подражая медицине, и целостности научной, подражая физике. Она сможет добиться этой целостности... благодаря честной оценке своих истинных особенностей и потенциальных возможностей» [14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чеснокова О.И. Расстройства личности в Международной классификации болезней 11 пересмотра (МКБ-11) // «Омский психиатрический журнал», № 4 (14), 2–17. СС. 4–9.
2. Хорошилов Д.А. Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология», Т. 13. Вып. 4, 2023. СС. 447–461: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.401>
3. Сосланд А.И. О психологократии // «Московский психотерапевтический журнал», № 1, 2007. СС. 182–199.
4. Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия // М.: ООО «Альпина паблишер», 2019. 198с.

5. Жильцова М.С., Кузнецова О.А., Пикалов В.А., Бабешко Д.А. Анализ рынка услуг психологов: тенденции и перспективы развития // «Вестник Академии знаний», № 1(60), 2024. СС. 149–154.
6. Финогин С. Терапевтическое общество и его враги // интернет-ресурс: https://syg.ma/@sereja_finogin/terapevticheskoe-obshchestvo-i-ego-vragi (дата обращения 08.03.2025).
7. Базеева Ф.У. Самореализация как философская, психологическая и педагогическая категория // «Образование и наука», № 9 (66). 2009. СС. 47–54.
8. Соловьев В.Д., Вольская Ю.А., Андреева М.И., Заикин А.А. Словарь русского языка с индексами конкретности/абстрактности // “Russian Journal of Linguistics”, Т. 26. № 2. 2022. СС. 515–549: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29475>
9. Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств // “Individuum”, 2020. 186с.
10. Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера // М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 552с.
11. Мазур Е.С. Психическая травма и психотерапия // «Московский психотерапевтический журнал», № 1, 2003. СС. 31–52.
12. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии // М.: «Логос, Прогресс», 2002. 224с.
13. Лернер Ю. Теле-терапия без психологии, или как адаптируют self на постсоветском телеэкране // “Laboratorium”, № 1. 2011. РР. 116–137.
14. Сас Т. Миф душевной болезни // М.: «Академический проект»; «Альма Матер», 2010. 421с.

REFERENCES

1. Chesnokova O. Personality Disorders in the ICD-11 (International Classification of Diseases, 11th Revision) // “Omsk Psychiatric Journal”, No. 4 (14). РР. 2–17. (РР. 4–9).
2. Khoroshilov D. Individualization and Psychologization of Modern Society as Factors Weakening Social Bonds // “Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology”, Vol. 13, Issue 4, 2023. РР. 447–461: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.401>.
3. Sosland A. On Psychocracy // “Moscow Psychotherapeutic Journal”, No. 1, 2007, РР. 182–199.
4. Fukuyama F. Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment // Moscow: Alpina Publisher, 2019. 198p. (Russian translation).
5. Zhiltsova, M., Kuznetsova O., Pikalov V., Babeshko D. Analysis of the Psychology Services Market: Trends and Development Prospects // “Bulletin of the Academy of Knowledge”, No. 1(60), 2024. РР. 149–154.

6. *Finogin S.* The Therapeutic Society and Its Enemies // Online resource: https://syg.ma/@sereja_finogin/terapevticheskoe-obshchestvo-i-ego-vragi (accessed 08.03.2025).
7. *Bazaeva F.* Self-Realization as a Philosophical, Psychological, and Pedagogical Category // "Education and Science", No. 9 (66), 2009. PP. 47–54.
8. *Solovyev, V., Volskaya, Yu., Andreeva, M., Zaikin A.* Dictionary of the Russian Language with Concreteness/Abstractness Indexes // "Russian Journal of Linguistics", Vol. 26, No. 2, 2022. PP. 515–549: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-29475>.
9. *Aronson P.* Love: Do It Yourself. How We Became Managers of Our Feelings // "Individuum", 2020. 186p.
10. *Radkau J.* The Age of Nervousness: Germany from Bismarck to Hitler // Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017. 552p. (Russian translation).
11. *Mazur E.* Psychological Trauma and Psychotherapy // "Moscow Psychotherapeutic Journal", No. 1, 2003. PP. 31–52.
12. *Lasch C.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy // Moscow: "Logos, Progress", 2002. 224p. (Russian translation).
13. *Lerner Yu.* Tele-Therapy Without Psychology, or How "Self" is Adapted on the Post-Soviet TV Screen // "Laboratorium", No. 1, 2011. PP. 116–137.
14. *Szasz T.* The Myth of Mental Illness // Moscow: "Academic Project; Alma Mater", 2010. 421p. (Russian translation).

ABOUT THE THERAPEUTIC TURN AND ITS CONSEQUENCES

E. Davtyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

The article explores the negative consequences of the emerging therapeutic turn in post-Soviet countries, particularly in Russia and Armenia. It examines the penetration of psychological and psychotherapeutic concepts into everyday consciousness, the characteristics of the developing psycho-culture, and the formation of a distinct "therapeutic" mode of thinking. Special attention is given to the key concepts of therapeutic thinking: self-actualization, trauma, childhood experience, and healthy relationships.

Keywords: therapeutic turn, self-actualization, trauma, psychotherapy.

СКАЗКА КАК ВОЛШЕБНАЯ ПИЛЮЛЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ. ОПЫТ КРАТКОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

А.В. Донченко

*Торговое представительство Российской Федерации в Республике Армения,
Москва, Россия*

*<https://orcid.org/0009-0006-5815-9024>
anna.donchenko@hotmail.com*

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования обусловлена возрастающей востребованностью метода краткосрочной стратегической психотерапии, основанной на конкретных запросах и их оперативном разрешении.

В статье анализируется проблематика применения метода сказкотерапии и его влияния на различные жизненные ситуации и переживания клиента. Основной моделью работы является интегративный подход, соединивший краткосрочную стратегическую психотерапию и сказкотерапию. Одним из основных выводов статьи является положение о том, что разработка и внедрение уникальных протоколов, основанных на индивидуально составленной сказке, позволяет справляться с фобиями, ОКР, депрессивными эпизодами, зависимостями, пищевыми расстройствами, паническими атаками, хроническими соматическими заболеваниями, ПТСР и пр. в рамках десяти сессий.

Цель. Провести анализ представлений о типичных личностных предпосылках проблем клиентов краткосрочной стратегической психотерапии и ее целей, содержащихся в различных работах Дж. Нардонэ и последователей итальянской школы, а также психотерапевтов, работающих со сказкой, с позиций интегративного подхода, продемонстрировав при этом на материале этих двух теорий возможный потенциал.

Результаты. Показано, что теоретические представления указанных и иных авторов о типичных личностных предпосылках проблем клиентов краткосрочной стратегической психотерапии и ее основной цели можно рассматривать как частный вариант трех более общих ба-

зовых положений интегративного подхода, в том числе с использованием протоколов.

Ключевые слова: краткосрочная стратегическая психотерапия, чрезвычайная ситуация, сказкотерапия, Нардонэ, протоколы.

Введение

Краткосрочная стратегическая психотерапия (КСТ) призвана быстро решать или приводить к значимым изменениям проблемы клиента. В данном случае речь идет о том, что основой данного подхода является «функциональность» или «дисфункциональность» поведения человека и его отношений с окружающей средой.

Ядром КСТ является «попытка решения, подпитывающего проблему», которая была сформулирована исследователями Института психических исследований (MRI) Пало-Альто в 1974 году. Теория затем превратилась в перцептивно-реактивную систему Джорджо Нардонэ.

Сейчас она определяет все то, что применяется человеком и/или системой вокруг него для управления проблемами и что, повторяясь, подпитывает трудность, и приводит к структурированию реального расстройства. КСТ позволяет разрабатывать вмешательства, основанные на заранее установленных целях и на конкретных характеристиках рассматриваемой проблемы. При этом любая патология – это дисфункциональное равновесие, которое нужно преобразовать в функциональное.

Основная часть

«Волшебной пилюли не существует» – эту фразу каждый из нас слышал хоть раз в своей жизни. А те, кто у кого был опыт общения с психологами, имел возможность еще получить дополнительные ободряющие интерпретации к ней: «психолог не дает советы», «только вы знаете, чего хотите на самом деле» и т.д. Психолог действительно может только рекомендовать направление, которое вы раньше не замечали или обходили стороной, но он никогда не заменит вам маму, которая в силу своей глубинной связи с вами всегда будет рядом (даже когда вы этого не хотите), не заменит он и бабушку или дедушку, которые представляются архаично позитивными героями, призванным баловать и нести

добро. Папы, скорее всего, из психолога тоже не получится – пример отца, как и значимый взрослый в целом, является темой для отдельного исследования.

Так как же помочь себе, имея общедоступный арсенал знаний и техник? Как вылечиться быстро? А может, вовсе и не надо лечить то, что в порядке? Какие методы избавления от любой хвори будут наиболее эффективными и универсальными?

Сегодня речь пойдет о сказке, точнее, о ее силе в курабельности душевных расстройств. Однако сказка будет не простой, она будет терапевтической, пришедшей к нам вместе с методом краткосрочной психотерапии. Метод выбран не случайно. Он призван исцелять лишь то, что на самом деле сломано, он про здесь и сейчас, про оперативность реагирования на актуальный запрос.

Как оказалось, сказку с возрастом все сложнее и сложнее придумать, а поверить в ее чудодейственность еще сложнее. Вы никогда не задумывались над тем, что сказка сродни гипнозу, введения в некий транс. В гипнозе, как правило, мы сталкиваемся с чередой намеков, внушений, трюизмов.

А еще сказка, как и гипноз, часто содержит метафору, которая имеет два смысла: основной (адресованный сознанию) и один или несколько дополнительных (адресованных бессознательному).

Сказка, как правило, родом из детства. Мы любили ее за волшебство, за убаюкивающий бархатный голос взрослого, за счастливый конец: после такого сеанса засыпали крепко и простуда не отступала.

Но возможно ли сказку теперь перенести в нашу жизнь, полную забот, проблем и задач, требующих от нас внимания, ответственности? Как научиться отделять сказку от реальности, и всегда ли нужно это делать. Пока вопросов больше, чем ответов. А что, если отключить на время когнитивную часть, довериться своим чувствам, эмоциям, интуиции?

Сегодня мы сказку придумаем, прочитаем ее себе, прислушаемся к своему внутреннему голосу, поверив в свою же историю и осознав ее. Звучит сложно, но вполне реально: ведь мы же просто будем заниматься сказкотворчеством, правда, с соблюдением особенностей написания и составления терапевтических историй: идентичность повествования к самому себе, своему опыту, где содержание вашего внутреннего «Я»

подкреплено зрительными образами с имеющимся логичным разрешением – в случае имеющегося конфликта, а также экологичностью.

Создавая терапевтическую сказку, мы должны помнить о том, что существует ряд негласных общих правил ее написания: не вмешиваться во внутренний мир ребенка (в данном случае – внутренний мир внутреннего ребенка), в то время как он наблюдает за процессом со стороны; повествование успокаивает; проникнуться внутренним миром; помочь приобрести новый опыт и стимулировать диалог. Кроме того, все терапевтические сказки содействуют раскрытию непосредственной проблемы.

Далее можем предложить придумать и познакомиться с героем, выяснить, в чем суть конфликта (проблема), предусмотреть в сказке мудрого наставника, обладающего богатым жизненным опытом, способного убрать шоры с глаз, снизить тревогу («я один такой в мире»), помочь принять чувства, поступки, даже если они ужасные – безоценочно, выделить проблемы (избегнуть глобализации, найти экологичный выход).

Мудрый наставник в сказке для клиента может заинтересовать различными моделями и типами решения проблем. Например, это может быть волшебный вариант (актуально при фрустрациях, заикленности на теме). В данном случае помощником выступает артефакт, используется «метод якорения». Медитативный тип, актуальный при гиперактивности, СДВГ и др., помогает отрабатывать незавершенные ситуации, которые до сих пор транслируются. Существует и игровая модель, которая купирует конфликт. Тогда предлагается психологическая игра или тренинг.

В терапевтической истории всегда следует найти место кульминации, развязке и морали. Однако при этом следует помнить, что в любой сказке необходимо иметь так называемые чудодейственные «плюшки». Но об этом речь пойдет ниже.

Есть в таком сказкотерапевтическом процессе и свой алгоритм, где герой похож на клиента – со схожими чувствами, осознанием неправоты или альтернативного выхода. Теперь можно начинать смело фантазировать, предупредив, разумеется, клиента о приблизительном количестве сеансов, когда сказку можно будет сделать былью (если это вытекает из запроса). В самом оптимальном варианте рекомендуется уложиться в десять сессий. Но не будем торопить события и разберем, как

будем творить – совместно рисовать, сочинять или даже делать театральную постановку.

Вы, наверное, помните, как в детстве, увлекаясь, мы сами порой становились сказочниками, магами и волшебниками, заставляя взрослых поверить или хотя бы поучаствовать в наших фантазиях и бесконечных играх (некоторые были квестом на выживание).

В случае с очередным сеансом краткосрочной сказкотерапии ничего не мешает работе с рифмами или игре в «чепуху» (кто, какой, что делает? что из этого вышло?). Можно выбрать слова наугад в орфографическом словаре и составить неожиданный рассказ, где маленький предмет делается очень большим, большой – маленьким (к разным словам добавляются различные приставки и суффиксы) или придумать самостоятельно «что произойдет, если»... Отличным вариантом также будет приготовить «салат из сказок», «заправив» его уже разыгравшимся аппетитом клиента и водрузив его на скатерть-самобранку.

В процессе сказкотерапии не спешите и не обещайте клиенту «счастливый конец». Это – его зона ответственности, и каким будет продолжение или окончание сказки – решать ему самому.

В использовании такого подхода рекомендуется сначала детально обдумать проблему, прояснить для себя и клиента, какие мысли и решения надо донести. Одной из самых сложных задач будет представление героя, который, как правило, следует отождествлять с самим клиентом. Необходимо определить сильные стороны главного героя, уделив особое внимание вопросам и комментариям. От этого будет зависеть не только установление раппорта, но и дальнейшая эффективная психотерапевтическая работа.

В случае, если клиент зашел в тупик, проблема кажется невысказанной и неосознанной, помогите при помощи вопросов. Если и в этом случае не получается добиться результата, предложите проявить упорство, рассмотреть иные варианты выхода из ситуации. Не забывайте напоминать, что и в ряде сказок («Морозко», «Колобок», «Двенадцать месяцев») созвучна, например, фраза «без труда не вытянешь и рыбку из пруда», а в басне («Стрекоза и Муравей») – «как потопашь, так и полопашь». Ведь в народных пословицах и поговорках, сказочной и житейской народной мудрости тоже ведь так: необходимо приложить усилия, чтобы добиться какой-то цели.

Имейте ввиду, чем проще будет язык коммуникации и беседы, тем лучше, а переживать из-за временного «застревания» не стоит. Сказка учит вере в себя, собственные силы, иногда – надежде на чудо. Хорошо работает в этом смысле «чудесный вопрос» (“Miracle question”) – техника, позволяющая клиенту перейти из поля проблемы в поле решения. «Чудесный вопрос» является уникальным способом определить цель в терапии, подготовиться к полезным исключениям из проблемы, создать позитивную историю (сказку) и посмотреть на специфический эмоциональный опыт, т.е. определить сам вопрос как виртуальное чудо.

У Дж. Нардонэ – основателя метода стратегической краткосрочной психотерапии, есть пример чудесного вопроса, созвучный со значением сказки в терапии, где клиенту требуется представить ситуацию, когда вечером, приходя домой и делая привычные дела, он затем ложится спать. Засыпая, клиент не догадывается, что происходит вокруг него. Однако, пока клиент спит, происходит чудо, и проблема, с которой он пришел к психотерапевту, разрешилась. Поскольку клиент спит, он не знает, что именно произошло. Нардонэ предлагает ответить на следующий вопрос: «Как вы думаете, что вы заметите на следующее утро, и как вы узнаете о том, что проблемы уже нет?» Это – хороший пример для работы в сказкотерапии, поскольку в нем все, что происходит, случается, как по волшебству, по мановению волшебной палочки.

Важно помнить, что это, прежде всего, терапевтическая история, которая пишется с использованием приемов художественной литературы или художественного произведения с элементами сказкотерапии. Клиент может на сеансе создавать любые миры, рассказывая при этом, где происходят события, кто его окружает и т.д. Пусть клиент не спеша придумает героя, антигероя, помощника героя, социум, где существуют персонажи.

При составлении сюжета попросите вспомнить стимулирующее событие, еще раз зафиксируйте проблему (то, что блокирует, мешает развитию – не путать со сложной ситуацией), что предстоит сделать герою, какие есть личные, социальные переживания по этому поводу. Позвольте клиенту пофантазировать на тему того, как антигерой (ситуация) мешает, когда произошло обострение событий, что происходит, когда герой побеждает и чем все закончилось?

Выводы

Представления о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии, а также ее цели, несмотря на явные теоретические различия, допускают возможность их рассмотрения с унифицированной позиции, заданной тремя базовыми положениями интегративного подхода. Таким образом, интегративный подход на материале двух психотерапевтических теорий получает определенное теоретическое обоснование заложенных в нем возможностей.

Заключение

Следует помнить, что сказкотерапия, совмещенная с методом краткосрочной терапии, призвана подарить праздник, как бы парадоксально это ни звучало. Конечно, в данном контексте мы не рассматриваем случаи расстройства личности или глубокой психотравмы. При работе с такими клиентами сказка может оказаться не волшебной таблеткой, стирающей память или заглушающей боль, а последней каплей ядовитого ведьмовского элексира. Здесь мы говорим о работе с фобиями, паническими атаками, хроническими соматическими заболеваниями, ПТСР и т.д.

Особенно важным в работе с клиентами, пришедшими в краткосрочную сказкотерапию, является выбор стратегически верного, четко ориентированного «сказочного протокола», в котором будет предусмотрено ведение и своевременное заполнение «вахтенного журнала», где будут соблюдаться все сказочные предписания, где будет место творчеству и заботе о себе.

Помогите клиенту почитать сказку, послушать, проиграть или написать сказочную историю, ощутить сказку всеми фибрами души, поверить и осознать. Пусть сказка превратится в волшебное снадобье даже в самой экстремальной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинкевич-Евстигнеева Т.Д.* Путь к волшебству: (теория и практика сказкотерапии); книга для заботливых родителей, психологов, педагогов, дефектологов и методистов / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева; худож. Р.И. Шустров, ред. Г.А. Седова. СПб.: «Златоуст», 1998. 349с. (Ребенок и взрослый XXI века).

2. *Нардонэ Дж.* Оседлать своего тигра: Стратегемы в боевых искусствах, или как справиться со сложными проблемами с помощью простых решений / Пер. с итал. О. Игошина. М.: «Когито-Центр», 2017, 125с.
3. *Нардонэ Дж.* Психологические ловушки. Как мы создаём то, от чего потом страдаем. (Пер. с итал. М. Горюновой) М.: «1000 Бестселлеров», 2020, 96с.
4. *Нардонэ Дж.* Страх, паника, фобия / Краткосрочная терапия. 2-е изд., переработ., пер. с итал. О. Игошина. М.: «1000 Бестселлеров», 2019, 325с.
5. *Нардонэ Дж.* Терапия панических атак. Освободитесь навсегда от патологического страха / Пер. с итал. М. Иванова, Е. Первышева. М.: «Психология и Жизнь», 2021. 195с.
6. *Нардонэ Дж., Балби Э.* Бороздить море втайне от небес. Логика терапевтических изменений / Пер. с итал. О. Игошина. М.: «1000 Бестселлеров», 2019, 152с.
7. *Нардонэ Дж., Вацлавик Пол.* Искусство быстрых изменений. Краткосрочная стратегическая терапия / Пер. с итал. О.Е. Игошиной. 2-е стер. М.: «1000 Бестселлеров», 2019. 160с.
8. *Огненко Н.* Волшебная сила сказки: осуществление мечты и полцарства в придачу / Н. Огненко; худож. Н. Шелегина. СПб.: «Речь», 2008, 207с.
9. *Кабачек О.* Терапия в жанре волшебства: психологические предпосылки сказкотерапии / О. Кабачек // «Библиотечное дело», № 12, 2003. СС. 2–6.

REFERENCES

1. *Zinkevich-Evstigneeva T.* The Path to Magic: Theory and Practice of Fairytale Therapy – A Book for Caring Parents, Psychologists, Educators, Defectologists, and Methodologists / T.D. Zinkevich-Evstigneeva; illustrated by R.I. Shustrov; edited by G.A. Sedova. St. Petersburg: “Zlatoust”, 1998. 349p. (*The Child and the Adult of the 21st Century series*).
2. *Nardone G.* Ride Your Tiger: Stratagems in Martial Arts, or How to Deal with Complex Problems Using Simple Solutions / Trans. from Italian by O. Igoshina. Moscow: “Cogito-Center”, 2017. 125p.
3. *Nardone G.* Psychological Traps: How We Create What We Later Suffer From / Trans. from Italian by M. Goryunova. Moscow: “1000 Bestsellers”, 2020. 96p.
4. *Nardone G.* Fear, Panic, Phobia: Brief Therapy (2nd revised ed.) / Trans. from Italian by O. Igoshina. Moscow: “1000 Bestsellers”, 2019. 325p.
5. *Nardone G.* Panic Attack Therapy: Free Yourself Forever from Pathological Fear / Trans. from Italian by M. Ivanova, E. Pervysheva. Moscow: “Psychology and Life”, 2021. 195p.
6. *Nardone G., Balbi E.* Sailing the Sea in Secret from the Heavens: The Logic of Therapeutic Change / Trans. from Italian by O. Igoshina. Moscow: “1000 Bestsellers”, 2019. 152p.
7. *Nardone G., Watzlawick P.* The Art of Change: Strategic Therapy and Hypnotherapy Without Trance / Trans. from Italian by O.E. Igoshina. 2nd reprint. Moscow: “1000 Bestsellers”, 2019. 160p.

8. *Ognenko N.* The Magical Power of the Fairytale: Making Dreams Come True and Gaining Half a Kingdom in Return / N. Ognenko; illustrated by N. Shelegina. St. Petersburg: Rech', 2008. 207p.
9. *Kabachek O.* Therapy in the Genre of Magic: The Psychological Foundations of Fairytale Therapy / O. Kabachek // "*Library Science*", No. 12, 2003. PP. 2–6.

A FAIRYTALE AS A MAGIC PILL IN AN EXTREME SITUATION: THE EXPERIENCE OF BRIEF STRATEGIC PSYCHOTHERAPY

A. Donchenko

Trade Mission of the Russian Federation in the Republic of Armenia, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the study is due to the growing demand for the method of short-term strategic psychotherapy based on specific requests and their prompt resolution. The article analyzes the problems of using the fairy tale therapy method and its impact on various life situations and client experiences. The main model of work is an integrative approach that combines short-term strategic psychotherapy and fairy tale therapy. One of the main conclusions of the article is the position that the development and implementation of unique protocols based on an individually composed fairy tale allows you to cope with phobias, OCD, depressive episodes, addictions, eating disorders, panic attacks, chronic somatic diseases, PTSD, etc. within ten sessions.

Objective. To analyze the ideas about typical personality prerequisites for the problems of clients of short-term strategic psychotherapy and its goal, contained in various works by G. Nardone and followers of the Italian school, as well as psychotherapists working with fairy tales, from the standpoint of the integrative approach, demonstrating the possible potential using the material of these two theories.

Results. It is shown that the theoretical ideas of these and other authors about typical personality prerequisites for the problems of clients of short-term strategic psychotherapy and its main goal can be considered as a particular version of three more general basic provisions of the integrative approach, including the use of protocols.

Conclusions. The ideas about typical personality prerequisites for the problems of clients of psychotherapy, as well as its goals, despite obvious theoretical differences, allow for the possibility of their consideration from a unified position defined by the three basic provisions of the integrative approach. Thus, the integrative approach based on the material of two psychotherapeutic theories receives a certain theoretical justification for the possibilities inherent in it.

Keywords: short-term strategic psychotherapy, emergency, fairy tale therapy, Nardone, protocols.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АРМЯН И РУССКИХ О МУЖЧИНАХ И ЖЕНЩИНАХ СО СЛАВЯНСКИМ И КАВКАЗСКИМ ТИПАМИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА

А.А. Ерибекян, В.Д. Альперович

*ФГАОУ ВО Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
anbzezyan@sfsu.ru*

АННОТАЦИЯ

Актуальность данной статьи определяется тем, что, живя на Юге России, многонациональном регионе, где образовались различные диаспоры, налицо отличия, которые устанавливаются на основе внешнего облика. Учитывая это, в нашем исследовании принимали участие русские и армяне, которые имеют различные типы внешнего облика и принадлежат к различным этническим группам. В отечественных работах накоплен богатый эмпирический материал о различных аспектах отношений представителей этногрупп по отношению друг к другу, но можно заметить, что проблема изучения автостереотипов армян и русских и их стереотипов о других этнических группах на основе внешнего облика, остается недостаточно изученной. Целью настоящего исследования стало изучение особенностей представлений армян и русских о мужчинах и женщинах со славянским и кавказским типами внешнего облика.

Ключевые слова: представления, “Appearance”-стереотипы, армяне, русские, славянский тип внешнего облика, кавказский тип внешнего облика.

Введение

Актуальность. Не утрачивает актуальности изучение особенностей этнических представлений, стереотипов о представителях этногрупп, поскольку из ряда этнопсихологических работ нам известно, что

они выступают основаниями, регулирующими межэтническое взаимодействие: начиная от поведенческих предпочтений и заканчивая этническим и этноконфессиональным экстремизмом. Так, например, И.М. Кузнецов и О.Е. Хухлаев установили, что практика этноконфессионального экстремизма в отношении мигрантов обусловлена высоким уровнем негативного отношения к ним, базирующегося на высокой степени негативности представлений [4]. Несмотря на то, что зачастую происходит унификация, выражающаяся в общей негативной оценке мигранта как «лица неславянской национальности» [6, с. 73], для большинства респондентов «мигрантами», или объектами негативного отношения, являются именно представители кавказских и азиатских народов. Перед мигрантами, прибывшими в другую страну, встает вопрос успешного взаимодействия с представителями другой культуры, иной этической группы, при этом желание сохранить свою этническую идентичность, не отказываясь от своих ценностей и обычаев.

Я.В. Ракачева отмечает, что в условиях социальной напряженности формируется образ группы, виноватой в актуальных проблемах, т.н. «козла отпущения» [9, с. 40]. И одной из таких групп выступают «кавказцы» – собирательный стереотипизированный образ, наделенный негативной каннотацией. Согласно ее социологическому исследованию, для жителей Краснодарского края характерен достаточно высокий уровень неприязни и нетерпимости по отношению к представителям определенных этнических групп Северного Кавказа и Закавказья (более трети опрошенных), а негативные установки в контактах с «кавказцами» проявляли 47,7% участников исследования. При этом, согласно полученным данным, лидируют среди упоминаний представителей этнических групп армяне. В данном исследовании было отмечено, что вместе с культурными отличиями, личностными качествами (например, агрессивность), в стереотип «кавказца» входят также и внешние характеристики – такие, как «специфическая внешность», «выглядят не так, как мы», «люди, имеющие кавказскую внешность» и др. [9].

В отечественных работах традиционно изучаются различные аспекты отношений между представителями этногрупп в различных регионах: изучаются стереотипы [5; 6; 10 и др.], социальные установки, предрассудки и предубеждения [4 и др.], проводятся сравнительные исследования. *В современных исследованиях фокус внимания сосредоточен*

на изучении самосознания этнических меньшинств, их этнической идентичности, на стратегиях их аккультурации и на особенностях взаимоотношений их с этническим большинством. К примеру, Г.И. Морева, Г.М. Курдоглян [7] рассматривают корреляты «Я – армянин», «Армяне, проживающие в России» и «Армяне, проживающие в Армении». Ученые приходят к выводу о том, что армяне стремятся к сохранению своего национального самосознания. Ведущей стратегией аккультурации для них выступает интеграция, которая способствует сохранению их этнической идентичности. По мнению участников данного исследования – армян, успешной интеграции способствуют характеристики, отражающие отзывчивость и чувствительность по отношению к другим людям: это – стремление помочь другим людям или готовность прийти на помощь, общительность, заботливость [7]. В другом исследовании, лонгитюдном, В.В. Константинов и М.В. Бабаева [3] исследуют то, как трансформируется этническая идентичность у мигрантов-армян, опираясь на классификацию типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой. Они замечают, что этническая идентичность армян, которые длительное время находятся в принимающей стране, трансформируется. Причем трансформация происходит от позитивной этнической идентичности к этнической индифферентности, что, по мнению авторов, может свидетельствовать об адаптации в принимающем сообществе [3]. В.В. Константинов и М.В. Бабаева также приходят к выводам о том, что членство в общинной организации также замедляет трансформацию этнической идентичности по типу гиперидентичности, которая ниже в группе армян – членов армянских общин.

Г.А. Погосян, Р.М. Погосян в результате социологического исследования социокультурной идентичности современных армян установили, что наиболее близким к армянам народом и культурой является советская и русская культуры. При этом ученые отмечают возрастной фактор, оказывающий влияние на эти данные: с увеличением возраста опрошенных существенно возрастали баллы, присужденные русской и советской культурам. И, наоборот, молодые люди выбирали как наиболее близкую европейскую культуру [8]. Представляются интересными результаты данного исследования относительно субъективной оценки армянами похожего на них народа: согласно полученным результатам

Г.А. Погосян и Р.М. Погосян, армяне считают, что они похожи на грузин, греков, русских и евреев. При этом представители старшего поколения в большей мере указывали на близость с русскими и грузинами, в то время, как молодые люди указывали на близость с греками, евреями и французами [8, с. 122]. При всем многообразии исследований, недостаточно разработанной, на наш взгляд, остается проблема изучения автостереотипов русских и армян и их стереотипов друг о друге на основе внешнего облика с позиции подхода психологии социального познания.

Гипотеза исследования

Мы предположили, что стереотипы русских о мужчинах и женщинах славянского типа внешнего облика могут быть более позитивными (чем стереотипы о мужчинах и женщинах кавказского типа внешнего облика), постольку поскольку являются разновидностью автостереотипов: согласно нашим ранним исследованиям, славянский тип внешнего облика соотносится с этническими группами русских, украинцев и белорусов [2]. Можно было бы предположить, что и стереотипы армян о представителях кавказского типа внешнего облика тоже могут быть более позитивными (чем о представителях славянского типа внешнего облика), но мы не проводили исследования в данной этнической группе с целью определения того, соотносятся ли ими кавказский тип внешнего облика с этнической группой «армяне». Это может стать перспективой дальнейших исследований.

В другом направлении исследований особенности отношений к представителям этнических групп изучаются в связи с их гендерным статусом. Так, А.С. Берберян, изучая представления коренных жителей Армении о типичных и идеальных армянских мужчинах и женщинах, обнаружила, в частности, качества, приписываемые идеальной армянской женщине: оптимизм, верность дружбе, ответственность, уважение к старшим. Идеального армянского мужчину участники исследования описывали как самостоятельного, верного дружбе и уважительно относящегося к старшим [1]. В результате исследования ученого оказалось, что представления о типичных армянских женщинах и мужчинах близки по содержанию с представлениями об идеальных армянских мужчинах и женщинах. В результате исследования С.А. Романовой, О.С. Гуровой [10] была выявлена взаимосвязь этнической идентичности вос-

принимającego и представлений об армянине: в ядре представлений русских с позитивной этнической идентичностью превалировали позитивные характеристики – такие, как веселый, разговорчивый, экспрессивный и уступчивый. Русские с выраженной гиперидентичностью приписывали армянину в большей мере негативные характеристики: конкурирующий, импульсивный, хитрый. Было показано, что русские с выраженной этнической идентичностью по типу индифферентности и по типу этнонигилизма имеют негативные представления об армянине [10]. Учитывая данные работы мы дифференцировали в нашем исследовании стереотипы по гендерному статусу объекта восприятия.

Целью нашей работы выступило изучение особенностей представлений армян и русских о мужчинах и женщинах со славянским и кавказским типами внешнего облика. **Описание выборки:** в исследовании приняли участие 171 человек, в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст – 23,2). 62 респондента идентифицировали себя с этнической группой «армяне» и 109 – с этнической группой «русские».

Методы и методики исследования

В данном исследовании мы изучили разновидность этнических стереотипов – “Appearance”-стереотипы. Маркером этнической принадлежности здесь является тип внешнего облика, на основании которого формируется представление [5]. Для изучения особенностей представлений участников исследования о мужчинах и женщинах со славянским и кавказским типами внешнего облика применялась биполярная шкала «Диагностика содержания и степени позитивности/негативности «Appearance»-стереотипов» (В.А. Лабунская, А.А. Беззян) [5]. С целью изучения особенностей “appearance”-стереотипов этнокультурных групп применялись описательные статистики позитивных/негативных характеристик, процедура частотного анализа, процедура квантирования с целью определения ядра и периферии стереотипов, а также Z-критерий Вилкоксона для установления различий в степени позитивности-негативности стереотипов.

Результаты

После обработки полученных данных были определены следующие особенности. В группе русских участников исследования представ-

ления о мужчинах и женщинах со славянским типом внешнего облика являются наиболее позитивными. Ядро их представлений о людях со славянским типом внешнего облика состоит исключительно из позитивных личностных характеристик. Как мужчины, так и женщины со славянским типом внешнего облика воспринимаются русскими участниками исследования как привлекательные, общительные, открытые, добрые и дружелюбные – то есть наделяются теми качествами, которые указывают на позитивное отношение к другим и их аттрактивность. Представления армян о мужчинах и женщинах как со славянским, так и с кавказским типами внешнего облика включают позитивные характеристики: привлекательность и веселость. Можно отметить, что участники исследования из группы «армяне» выше оценивают соответствие позитивных личностных характеристик мужчинам с кавказским типом внешнего облика, чем мужчинам со славянским типом внешнего облика.

Таблица 1.

Выраженность позитивных/негативных характеристик в представлениях участников исследования о мужчинах и женщинах славянского типов внешнего облика

Позитивность/ Негативность Гендер	Русские		Армяне	
	Степень выра- женности пози- тивных характе- ристик	Степень выра- женности нега- тивных характе- ристик	Степень вы- раженности позитивных характерис- тик	Степень выражен- ности не- гативных характе- ристик
Женщины	М=3,8	М=2,4	М= 3,4	М= 2,3
Мужчины	М=3,9	М=2,3	М= 3,3	М= 2,3

Содержание представлений в группе русских участников исследования о мужчинах и женщинах с кавказским типом внешнего облика не так однозначно. Данные представления наполняются разными характеристиками – в зависимости от того, женщина воспринимается или мужчина. В ядро представлений о женщинах с кавказским типом внешнего облика вошли такие характеристики, как серьезная, замкнутая, скрытная и зависимая, то есть характеристики в большинстве своем с негатив-

ной каннотацией. Мужчины с кавказским типом внешнего облика воспринимаются русскими амбивалентно: отталкивающими, враждебными, эгоистичными и, одновременно, привлекательными и добрыми: с одной стороны, обозначаются качества, указывающие на негативное отношение к другим, а с другой стороны – их притягательность для других людей.

Таблица 2.

Выраженность позитивных/негативных характеристик в представлениях участников исследования о мужчинах и женщинах кавказского типа внешнего облика

Позитивность / Негативность Гендер	Русские		Армяне	
	Степень выраженности позитивных характеристик	Степень выраженности негативных характеристик	Степень выраженности позитивных характеристик	Степень выраженности негативных характеристик
Женщины	М= 2,9	М= 2,8	М= 3,4	М= 2,5
Мужчины	М= 3	М= 2,8	М= 3,5	М= 2,3

После содержательного анализа представлений также осуществлялось сравнительное исследование позитивности/негативности данных представлений между группами русских и армян. В результате, были установлены значимые различия: оказалось, что у участников исследования из группы русские степень позитивности представлений о людях со славянским типом внешнего облика значимо выше, чем в группе армяне ($Z = -3,189$, $Z = -3,421$ при $p < 0,01$). При этом степень негативности представлений о людях с кавказским типом внешнего облика также значимо выше в группе «русские», чем в группе «армяне» ($Z = -2,878$, $Z = -3,411$ при $p < 0,01$; $Z = -2,575$, $Z = -2,437$ при $p < 0,05$). Помимо этого, было установлено, что степень позитивности представлений о людях с кавказским типом внешнего облика значимо выше в группе участников исследования, принадлежащих к этнической группе «армяне» ($Z = -3,306$, $Z = -3,527$ при $p < 0,01$).

Обсуждение

Полученные результаты согласуются с проведенными ранее, классическими исследованиями стереотипов, где было установлено, что автостереотипы более позитивны, нежели гетеростереотипы. Нами предполагалось, что стереотипы русских о представителях славянского типа внешнего облика будут более позитивными, являясь в каком-то смысле автостереотипами, поскольку славянский тип внешнего облика соотносится с такими этническими группами, как русские, украинцы и белорусы, согласно нашим ранним исследованиям [2]. При этом в группе «армяне» данная тенденция проявилась в отношении мужчин с кавказским типом внешнего облика, которым приписывались более позитивные характеристики по сравнению с мужчинами со славянским типом внешнего облика. В исследовании было также выявлено, что мужчины с кавказским типом внешнего облика воспринимаются русскими амбивалентно – это согласуется с данными Я.В. Ракачевой, которая установила, что стереотипный образ «кавказца» у представителей Краснодарского края характеризуется противоречивостью [9].

Выводы

Согласно полученным данным, мы можем говорить о том, что выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение: стереотипы русских о представителях славянского типа внешнего облика, являясь разновидностью этнических автостереотипов, более позитивны, чем стереотипы армян о представителях славянского типа внешнего облика.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берберян А.С.* Исследование представлений об «Образе-я» в сравнении с типичным и идеальным образами в структуре национальной идентичности армянской студенческой молодежи // «Академическая психология», № 3. 2016. URL: https://sociosphera.com/publication/journal_akademicka_psihologie/2016/170/issledovanie_predstavlenij_ob_obrazeya_v_sravnenii_s_tipichnym_i_idealny_m_obrazami_v_strukture_nacionalnoj_identichnosti_armyans/
2. *Безеян А.А.* Особенности идентификации визуальных репрезентаций внешнего облика с расовой и этнической принадлежностью человека / А.А. Безеян // Мир Кавказу: Антитеррористический фестиваль студенческой, научной и

- творческой молодёжи, сборник в 2 томах, Ростов-н/Д, 12–14 ноября 2012 года / Под ред. П.Н. Ермакова. Т. 1–2. Ростов/на-Д: Общество с ограниченной ответственностью «Кредо», 2013. СС. 52–61. EDN VMTOZD
3. *Константинов В.В.* Трансформация этнической идентичности мигрантов-армян, вовлеченных и не вовлеченных в деятельность национально-культурной автономии / В.В. Константинов, М.В. Бабаева // «Вестник Российского университета дружбы народов». Сер.: «Психология и педагогика», № 1, Т. 17, 2020. СС. 128–142. DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142. – EDN AYCLDL
 4. *Кузнецов И.М., Хухлаев О.Е.* Диагностический подход к мониторингу рисков межнациональной конфликтности / И.М. Кузнецов, О.Е. Хухлаев // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. СС. 2440–2445 [Эл. ресурс]: / <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>
 5. *Лабунская В.А., Бзезян А.А.* Методологический подход к изучению “Appearance”-стереотипа как эмоционально-когнитивного компонента этнолукизма / Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: материалы Пятой Международной научной конференции 27–28 мая 2016г. В 2-х т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Изд-во Смоленского гуманитарного университета, 2016. Т. 2. СС. 37–40.
 6. *Лиценбергер О.А.* Миграция и этнические стереотипы (по материалам социологического исследования в Саратовской области) / О.А. Лиценбергер // «Вестник Поволжской академии государственной службы», № 4 (43). 2014. СС. 70–78.
 7. *Морева Г.И., Курдоглян Г.М.* Особенности национального самосознания армян, проживающих в России и в Армении // «Социальная психология и общество», № 3 Т. 10, 2019. СС. 67–84. DOI: 10.17759/sps.2019100305.
 8. *Погосян Г.А., Погосян Р.М.* Социокультурная идентичность современных армян // «Социологические исследования», № 11. 2023. СС. 121–126.
 9. *Ракачева Я.В.* «Кавказцы» в российском регионе: формирование стереотипного образа и преодоление предубеждений // «Общество: социология, психология, педагогика», № 2. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkaztsy-v-rossiyskom-regione-formirovanie-stereotipnogo-obraza-i-preodolenie-predubezhdeniy> (дата обращения: 17.03.2025).
 10. *Романова С.А.* Категориальная структура образа армянина у русских студентов с разным типом этнической идентичности / С.А. Романова, О.С. Гурова // «Вестник Минского университета», № 3 (36). Т. 9, 2021.

REFERENCES

1. *Berberyana A.* Study of ideas about the “I-image” in comparison with typical and ideal images in the structure of national identity of Armenian student youth // “Academic Psychology”, No. 3. 2016. URL: https://sociosphera.com/publication/journal_akademicka_psihologie/2016/170/issledovanie_predstavlenij_ob_obrazeya_v_sravnenii_s_tipichnym_i_idealnym_obrazami_v_strukture_nacionalnoj_identichnosti_armyans/
2. *Bzezyan A.* Features of identification of visual representations of appearance with racial and ethnic affiliation of a person / A.A. Bzezyan // Peace to the Caucasus: Anti-terrorist festival of student, scientific and creative youth, collection in 2 volumes, Rostov-on-Don, November 12–14, 2012 / edited by P.N. Ermakov. Vol. 1–2. Rostov/on-D: Credo Limited Liability Company, 2013. PP. 52 –61. EDN VMTOZD.
3. *Konstantinov V.* Transformation of the ethnic identity of Armenian migrants involved and not involved in the activities of the national-cultural autonomy / V.V. Konstantinov, M.V. Babaeva // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: “Psychology and Pedagogy”, No. 1 Vol. 17, 2020. PP. 128-142. DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-128-142. – EDN AYCLDL.
4. *Kuznetsov I., Khuklaev O.* Diagnostic approach to monitoring the risks of interethnic conflict / I.M. Kuznetsov, O.E. Khuklaev // Sociology and society: global challenges and regional development: materials of the IV Regular All-Russian Sociological Congress / ROS, IS RAS, AS RB, ISPPI. Moscow: ROS, 2012. 1 CD ROM. CC. 2440–2445 [El. resource]: / <http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part16.pdf>.
5. *Labunskaya V., Bzezyan A.* Methodological approach to the study of the “Appearance” stereotype as an emotional and cognitive component of ethnocentrism / Theoretical problems of ethnic and cross-cultural psychology: materials of the Fifth International scientific conference on May 27–28, 2016. In 2 volumes / Ed. V.V. Gritsenko. Smolensk: Publishing house of Smolensk Humanitarian University, 2016. Vol. 2. PP. 37–40.
6. *Litzenberger O.* Migration and ethnic stereotypes (based on the materials of a sociological study in the Saratov region) / O. A. Litzenberger // Bulletin of the Volga Region Academy of Public Administration. 2014. No. 4 (43). PP. 70–78.
7. *Moreva G., Kurdoglyan G.* Features of the National Identity of Armenians Living in Russia and Armenia // “Social Psychology and Society”, No. 3, Vol. 10, 2019. PP. 67–84.
8. *Poghosyan G., Poghosyan R.* Sociocultural Identity of Modern Armenians // “Sociological Research”, No. 11. 2023. PP. 121–126.
9. *Rakacheva Ya.* “Caucasians” in the Russian region: Formation of a stereotypical image and overcoming prejudices // “Society: sociology, psychology, pedagogy”, No. 2. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kavkaztsy-v-rossiyskom-regione-formirovanie-stereotipnogo-obraza-i-preodolenie-predubezhdeniy> (date of access: 03/17/2025).

10. *Romanova S.* Categorical structure of the image of an Armenian among Russian students with different types of ethnic identity / S.A. Romanova, O.S. Gurova // “Bulletin of Minin University”, No. 3 (36). Vol. 9, 2021. DOI 10.26795/2307-1281-2021-9-3-11. EDN QZAIXP.

**FEATURES OF ARMENIAN AND RUSSIAN PERCEPTIONS OF MEN
AND WOMEN WITH SLAVIC AND CAUCASIAN TYPES
OF APPEARANCE**

A. Yeribekyan, V. Alperovich

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education Southern
Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

ABSTRACT

The relevance of this article is determined by the fact that, living in the South of Russia, a multinational region where various diasporas have formed, there are obvious differences that are established on the basis of appearance. Taking this into account, our study involved Russians and Armenians who have different types of appearance and belong to different ethnic groups. Domestic works have accumulated rich empirical material on various aspects of relations between representatives of ethnic groups, but it can be noted that the problem of studying autostereotypes of Armenians and Russians and their stereotypes about other ethnic groups based on appearance remains insufficiently studied. The purpose of this study was to study the features of the ideas of Armenians and Russians about men and women with Slavic and Caucasian types of appearance.

Keywords: ideas, “Appearance”-stereotypes, Armenians, Russians, Slavic type of appearance, Caucasian type of appearance.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ СТРАТЕГИЙ ЦИФРОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Р.В. Ершова, А.Ю. Плотников

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия
plotnikiv_ay@rudn.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению предикторов выбора стратегий цифрового поведения в социальных сетях. Проведенное исследование позволило построить базирующиеся на совокупности личностных характеристик предиктивные модели выбора четырех стратегий поведения в социальных сетях: «Наблюдатель в поисках одобрения», «Общение для развлечения», «Коллекционер лайков», «Бизнес – прежде всего». В каждой модели были получены достаточно высокие коэффициенты корреляции между наблюдаемым значением зависимой переменной и значением, предсказанным регрессионной моделью, что указывает на достаточно высокую объяснительную силу построенных моделей.

Ключевые слова: цифровое поведение, стратегии цифрового поведения, индивидуально-психологические характеристики, предикторы цифрового поведения, социально-психологические характеристики.

Введение

С широким распространением и постоянным развитием цифрового пространства, в целом, и социальных сетей, в частности, важным остается вопрос о механизмах, факторах, последствиях взаимодействия человека с ним. В исследованиях, посвященных различным аспектам данного взаимодействия, изучаются особенности распространения ин-

формации и дезинформации [12], влияние информационного потока на формирование общественного мнения [1], проводятся исследования, направленные на изучение онлайн-идентичности [10], межличностных отношений в социальных сетях [14], возможностей использования социальных сетей как инструмента эмоциональной регуляции [13].

Достаточное число исследований посвящено определению предикторов цифрового поведения в Сети. Показано, что экстраверты чаще используют социальные сети для коммуникации и социального взаимодействия, они делают публикации на своей странице и обмениваются контентом, а люди с высоким уровнем нейротизма могут искать в социальных сетях эмоциональную поддержку [9]. Пользователи с низкой самооценкой могут использовать социальные сети для получения одобрения и похвалы, а с высокой – для обмена важной информацией [6]. Высокий уровень добросовестности связан с осознанным и организованным поведением в Сети [15]. Показатель открытости опыту – с поиском новых идей и культурных взаимодействий в социальных сетях [15].

Если говорить о социально-психологических предикторах, в исследованиях показано, что потребность в принадлежности коррелирует с активным использованием социальных сетей для поддержания и укрепления социальных связей, участием в обсуждениях различных вопросов [8]. Стремление к яркому выражению социальной идентичности связывают со степенью поддержки различных социальных или политических движений [4]. Люди с высокой социальной тревожностью демонстрируют большее беспокойство и неуверенность в процессе онлайн-коммуникации, что может привести к избеганию активного цифрового поведения, восприятие социальной поддержки, наоборот, может снижать уровень тревожности и повышать уверенность в успешном цифровом взаимодействии [11].

Проведенный анализ показал, что: 1) исследователи скорее анализируют связь отдельных характеристик, а не стратегий цифрового поведения с личностными особенностями; 2) большая часть работ сосредоточена на определении взаимосвязей цифрового поведения и психологических характеристик личности. В то же время интересным является вопрос изучения психологических предикторов выбора той или иной

стратегии поведения в социальной сети. Решению этого вопроса было посвящено текущее исследование.

Методы и процедура исследования

В исследовании были рассчитаны предиктивные модели для следующих стратегий цифрового поведения: «Наблюдатель в поисках одобрения», «Общение для развлечения», «Коллекционер лайков», «Бизнес – превыше всего». Эти стратегии были определены и охарактеризованы нами ранее [2].

Предиктивные модели были рассчитаны с помощью регрессионного анализа. В итоговом варианте модели содержатся наиболее значимые предикторы ($p \leq 0,05$). Психологические предикторы определялись с использованием следующих опросников: Морфологический тест жизненных ценностей (В.Ф. Сопов, Л.В. Карпушина), Опросник большой пятерки (“The big five inventory-2”) (адаптация А.Ю. Калугиной и др.), Опросник самооотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантिलеев), Шкала тревожности (А. Бек), Шкала удовлетворенности жизнью (Д.А. Леонтьев, Е. Н. Осин), Шкала чувствительности (Р.В. Ершова и др.).

Выборку исследования составили 383 человека – 154 (40%) мужчин и 229 (60%) женщин в возрасте от 18 до 35 лет. Большинство респондентов (90%) являются активными пользователями социальных сетей более 5 лет. Распределение респондентов по стратегиям цифрового поведения было следующим: 98 респондентов (25,6%) – «Наблюдатель в поисках одобрения», 112 респондентов (29,2%) – «Общение для развлечения», 84 респондента (21,9%) – «Коллекционер лайков», 89 респондентов (23,2%) – «Бизнес – превыше всего».

Результаты исследования

Регрессионные модели со значимыми предикторами для выделенных стратегий цифрового поведения представлены в Табл. 1.

Таблица 1.

**Регрессионные модели для выделенных стратегий
цифрового поведения**

«Наблюдатель в поисках одобрения»					
Предикторы	B	SE	β	t	p
Удовлетворенность жизнью	0,020	0,004	0,322	4,459	0,000
Низкий порог чувствительности	0,023	0,006	0,259	3,801	0,000
Глобальное самоотношение	-0,008	0,002	-0,465	-3,143	0,002
Самоуважение	-0,009	0,002	-0,600	-4,624	0,000
Ожидаемое отношение от других	-0,005	0,002	-0,302	-2,922	0,004
Установка на самоуверенность	0,006	0,002	0,404	3,780	0,000
Установка на самопринятие	0,005	0,002	0,322	2,957	0,003
Установка на самообвинение	-0,005	0,002	-0,333	-3,120	0,002
Установка на самоинтерес	0,004	0,001	0,308	3,100	0,002
Установка на самопонимание	0,006	0,001	0,400	5,248	0,000
Доброжелательность	0,013	0,004	0,189	3,221	0,001
Негативная эмоциональность	0,009	0,003	0,230	2,800	0,005
«Общение для развлечения»	B	SE	β	t	p
Креативность	0,066	0,023	0,378	2,901	0,004
Собственный престиж	0,078	0,026	0,361	2,997	0,003
Физическая жизнь	-0,093	0,029	-0,456	-3,150	0,002
Самоуважение	0,007	0,002	0,454	3,217	0,001
Экстраверсия	-0,019	0,004	-0,371	-4,667	0,000
Открытость опыту	0,015	0,004	0,238	3,918	0,000
«Коллекционер лайков»	B	SE	β	t	p
Саморазвитие	-0,065	0,022	-0,396	-2,940	0,004
Общественная жизнь	0,122	0,023	0,736	5,337	0,000
Установка на самопринятие	-0,005	0,002	-0,380	-3,270	0,001
«Бизнес превыше всего»	B	SE	β	t	p
Социальные контакты	-0,064	0,022	-0,355	-2,941	0,003
Собственный престиж	-0,112	0,022	-0,559	-5,177	0,000
Установка на самопонимание	-0,007	0,001	-0,456	-6,146	0,000
Экстраверсия	0,012	0,003	0,246	3,460	0,001
Негативная эмоциональность	-0,017	0,003	-0,431	-5,375	0,000

Примечание. B – коэффициент регрессии, SE – стандартная ошибка, β – стандартная оценка, t – t-критерий, p – уровень значимости

Как видно из приведенной Табл. 1, значимыми предикторами выбора стратегии цифрового поведения «Наблюдатель, в поисках одобрения», являются: «удовлетворенность жизнью» (шкала удовлетворенности жизнью); «низкий порог чувствительности» (шкала чувствительности); «глобальное самоотношение», «самоуважение», «ожидаемое отношение от других», «установка на самоуверенность», «установка на самопринятие», «установка на самообвинение», «установка на самоинтерес», «установка на самопонимание» (опросник самоотношения); «доброжелательность», «негативная эмоциональность (нейротизм)» (опросник большой пятерки BFI-2). Яркая выраженность комплекса перечисленных характеристик личности может рассматриваться как фактор склонности к выбору именно такого стиля поведения в социальных сетях.

Значимыми предикторами выбора стратегии цифрового поведения «Общение для развлечения», являются: «креативность», «собственный престиж», «физическая жизнь» (морфологический тест жизненных ценностей); «самоуважение» (опросник самоотношения); «экстраверсия», «открытость опыту» (опросник большой пятерки BFI-2). Несмотря на то, что предсказательная сила этой модели ниже, чем для предшествующей стратегии, следует обратить внимание на несколько интересных моментов: выбор данной стратегии определяется меньшим количеством психологических особенностей, наиболее значимыми из них являются экстравертированность и открытость опыту, кроме того, важный вклад в модель вносят показатели ценностей.

Значимыми предикторами выбора стратегии «Коллекционер лайков» являются: «саморазвитие», «общественная жизнь» (морфологический тест жизненных ценностей); «установка на самопринятие» (опросник самоотношения).

Значимыми предикторами выбора стратегии цифрового поведения «Бизнес превыше всего» являются: «социальные контакты», «собственный престиж» (морфологический тест жизненных ценностей); «установка на самопонимание» (опросник самоотношения); «экстраверсия», «негативная эмоциональность (нейротизм)» (Опросник большой пятерки BFI-2).

Обсуждение результатов

Как показал проведенный анализ, стратегию цифрового поведения «Наблюдатель, в поисках одобрения» чаще выбирают удовлетворенные жизнью пользователи с низким порогом чувствительности, высоким нейротизмом, склонные к сочувствию, уважительным и доверительным отношениям, с выраженными установками на самоуверенность, самопринятие, самоинтерес, самопонимание; и низкими установками на самообвинение. Активный интерес к пониманию и принятию себя они могут удовлетворять, ориентируясь на мнение о себе окружающих, что, в перспективе, может привести к развитию эмоциональных нарушений и снизить уровень психологического благополучия [3]. Пользователи данной группы стремятся использовать социальные сети для общения и отдыха, они получают удовольствие, проводя время в социальных сетях, но при этом не склонны проявлять инициативу и активность в общении, так как считают, что произведут на окружающих негативное впечатление. Данный результат согласуется с результатами “Cingel” и др. [8].

Выявленные предикторы для стратегии «Общение для развлечения» предполагают наличие у пользователей, следующих индивидуально-психологических особенностей: высокой ценности креативности, собственного престижа; установку на самоуважение; открытость опыту; интровертность; низкую значимость физической жизни, недостаточное внимание к собственному физическому состоянию. Интересным и противоречивым кажется тот факт, что пользователи, выбирающие данную стратегию, направленную, в большей степени, на онлайн-общение, имеют низкие показатели по шкале экстраверсии. Это объясняется тем, что люди с низким уровнем экстраверсии склонны к более активному взаимодействию в социальных сетях, которое выступает средством для компенсации недостатка социальных взаимодействий в реальной жизни [5].

Как следует из Табл. 1, стратегию цифрового поведения «Коллекционер лайков» вероятнее всего выберут не слишком увлеченные познанием собственных индивидуальных особенностей и стремлением к развитию собственных навыков, умений и способностей люди. Однако они высоко ценят общественную жизнь, им важно участвовать в различных онлайн-мероприятиях и обсуждениях, высказывать собственное

мнение и воспринимать мнение окружающих, они склонны к некритичному восприятию самих себя, собственных особенностей, сильных и слабых сторон, на что указывает обратная корреляционная связь с предиктором «Установка на самопринятие». Сильная связь между значимостью общественной жизни и рассматриваемой стратегией объясняется, по мнению “Chamsi” и “Adil”, тем, что пользователи социальных сетей, для которых общественная жизнь имеет большое значение, часто испытывают потребность в признании и социальной поддержке, которую можно получить в социальных сетях в виде отражающих одобрение цифровых следов других пользователей [9].

Стратегию «Бизнес – превыше всего» с большей вероятностью выберут люди, не стремящиеся завоевать признание в цифровом пространстве, устанавливающие благоприятные отношения и расширять собственные межличностные связи в социальных сетях; не обладающие высокой тревожностью, депрессивностью или эмоциональной изменчивостью; общительные, настойчивые и энергичные. Такие результаты связаны со спецификой данной стратегии, которая заключается в том, что социальные сети для таких пользователей являются скорее рабочим пространством, а не местом общения с близкими и друзьями.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить группу психологических предикторов для каждой из определенных нами стратегий цифрового поведения в социальной сети. Следует отметить, что наибольшее число предикторов было обнаружено для стратегии «Наблюдатель в поисках одобрения», что позволяет говорить о ее глубокой связи с индивидуально-психологическими характеристиками личности. Наибольшей независимостью от психологических характеристик человека обладает стратегия «Коллекционер лайков».

Полученные в ходе исследования результаты углубляют и расширяют понимание особенностей изучаемых стратегий цифрового поведения, согласуются с результатами других авторов.

Полученные в исследовании результаты требуют дополнительного уточнения, поскольку в нем изучались исключительно индивидуаль-

но-психологические предикторы выбора стратегии цифрового поведения. В будущем рекомендуется сосредоточиться на изучении социально-психологических предикторов, поскольку это внесет значительный теоретический вклад в изучение данных стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ершова Р.В.* Доверие к информации в интернете и психологическое благополучие человека / Р.В. Ершова [Текст]: непосредственный // Приверженность вопросам психического здоровья: материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 05–07 октября 2023 года. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. СС. 203–207.
2. *Ершова, Р.В.* Человек цифровой: психологические особенности современного поколения / Р.В. Ершова, Т.М. Корягина, А.Ю. Плотников. Коломна: Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Государственный социально-гуманитарный университет», 2024. 154с.
3. *Apaolaza V.* Mindfulness, Compulsive Mobile Social Media Use, and Derived Stress: The Mediating Roles of Self-Esteem and Social Anxiety / V. Apaolaza, P. Hartmann, C. D'souza, A. Gilsanz. DOI: 10.1089/cyber.2018.0681. [Текст]: электронный // “Cyberpsychology, behavior and social networking”, № 22 (6). 2019. PP. 388–396.
4. *Azucar D.* Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis / D. Azucar, D. Marengo, M. Settanni. DOI 10.1016/j.paid.2017.12.018. [Текст]: электронный // “Personality and Individual Differences”. Т. 124. 2018. PP. 150–159.
5. *Bowden-Green T.* How is extraversion related to social media use? A literature review / T. Bowden-Green, J. Hinds, A. Joinson. DOI 10.1016/j.paid.2020.110040. [Текст]: электронный // “Personality and Individual Differences”, № 164. 2020.
6. *Bray I.* Mental health of social media influencers / I. Bray, M. Lerigo-Sampson, Y. Morey, J. Williams. DOI 10.1093/joccu/huiae045. [Текст]: электронный // “Journal of Occupational Health”, № 66. 2024.
7. *Chamsi F.* The relationship between the use of social networks and symptoms of social anxiety / F. Chamsi, E.A. Adil. DOI 10.1192/j.eurpsy.2023.456. [Текст]: электронный // “European Psychiatry”, № 66. 2023. PP. 191–192.
8. *Cingel D.* Social media and self-esteem / D.P. Cingel, M.C. Carter, H. Krause. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101304. [Текст]: электронный // “Current Opinion in Psychology”, 2022. № 45.
9. *Griffith D.* The use of social media and the prevalence of depression: a multi-country examination of value co-creation and consumer well-being / D. Griffith,

- Lee, S. H, G. Yalcinkaya. DOI: 10.1108/IMR-07-2021-0214. [Текст]: электронный // “International Marketing Review”, № 39. 2022. PP. 1–31.
10. *Hussain T.* Social Media and the Spiritual Journey: The Place of Digital Technology in Enriching the Experience / T. Hussain, D. Wang. DOI 10.3390/rel15050616. [Текст]: электронный // “Religions”, 2024. Vol. 15. Ed. 5. PP. 587–616.
 11. *Jones E.L.* Social Anxiety, Perceptions of Social Support, and Behavior in Anticipation of Online Peer Interaction / E.L. Jones, M. Rozenman. [Текст]: электронный // “Journal of Media Psychology”, 2024.
 12. *Loeb S.* Cancer misinformation on social media / Loeb, S., Langford, A. T., Bragg, M. A. [и др.]. [Текст]: электронный // CA: A Cancer Journal for Clinicians. № 74(5). 2024. PP. 453–464.
 13. *Maheux S.* Adolescent social gaming as a form of social media: A call for developmental science / A.J. Maheux, S.L. Garrett, K.A. Fox [и др.]. DOI 10.1111/cdep.12518. [Текст]: электронный // “Child Development Perspectives”, 2024.
 14. *Tatik T.* Does social media marketing important for MSMEs performance in Indonesia? / T. Tatik, D. Setiawan. DOI 10.1108/apjml-01-2024-0090. [Текст]: электронный // “Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics”, 2024.
 15. *Zúñiga H.* Personality Traits and Social Media Use in 20 Countries: How Personality Relates to Frequency of Social Media Use, Social Media News Use, and Social Media Use for Social Interaction. / H.G. Zúñiga, T. Diehl, B. Huber, J. Liu. [Текст]: непосредственный // “Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking”, № 20 (9). 2017. PP. 540–552.

REFERENCES

1. *Ershova R.* Trust in Online Information and Human Psychological Well-Being / R.V. Ershova [Text]: direct source // Commitment to Mental Health Issues: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Moscow, October 5–7, 2023. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN), 2023. PP. 203–207.
2. *Ershova R., Koryagina, T., Plotnikov, A.* The Digital Human: Psychological Characteristics of the Modern Generation. Kolomna: State Social and Humanitarian University of the Moscow Region, 2024. 154p.
3. *Apaolaza V., Hartmann P., D’Souza C., Gilsanz A.* Mindfulness, Compulsive Mobile Social Media Use, and Derived Stress: The Mediating Roles of Self-Esteem and Social Anxiety. DOI: 10.1089/cyber.2018.0681 // “Cyberpsychology, Behavior and Social Networking”. Vol. 22(6), 2019. PP. 388–396.
4. *Azucar, D., Marengo D., Settanni M.* Predicting the Big 5 Personality Traits from Digital Footprints on Social Media: A Meta-Analysis. DOI: 10.1016/j.paid.2017.12.018 // “Personality and Individual Differences”. Vol. 124, 2018. PP. 150–159.

5. *Bowden-Green T., Hinds J., Joinson A.* How Is Extraversion Related to Social Media Use? A Literature Review. DOI: 10.1016/j.paid.2020.110040 // “Personality and Individual Differences”, No. 164, 2020.
6. *Bray I., Lerigo-Sampson M., Morey Y., Williams J.* Mental Health of Social Media Influencers. DOI: 10.1093/joccu/uaie045 // “Journal of Occupational Health”, No. 66, 2024.
7. *Chamsi F., Adil E.* The Relationship Between the Use of Social Networks and Symptoms of Social Anxiety. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2023.456 // “European Psychiatry”, No. 66, 2023. PP. 191–192.
8. *Cingel D., Carter M., Krause H.* Social Media and Self-Esteem. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101304 // “Current Opinion in Psychology”, No. 45, 2022.
9. *Griffith D., Lee S., Yalcinkaya G.* The Use of Social Media and the Prevalence of Depression: A Multi-Country Examination of Value Co-Creation and Consumer Well-Being. DOI: 10.1108/IMR-07-2021-0214 // “International Marketing Review”, No. 39, 2022. PP. 1–31.
10. *Hussain T., Wang D.* Social Media and the Spiritual Journey: The Place of Digital Technology in Enriching the Experience. DOI: 10.3390/rel15050616 // “Religions”, Vol. 15, Issue 5, 2024. PP. 587–616.
11. *Jones E., Rozenman M.* Social Anxiety, Perceptions of Social Support, and Behavior in Anticipation of Online Peer Interaction // “Journal of Media Psychology”, 2024.
12. *Loeb S., Langford A., Bragg, M. et al.* Cancer Misinformation on Social Media. DOI: 10.3322/caac.21766 // CA: A Cancer Journal for Clinicians, Vol. 74(5), 2024. PP. 453–464.
13. *Maheux A., Garrett S., Fox, K. et al.* Adolescent Social Gaming as a Form of Social Media: A Call for Developmental Science. DOI: 10.1111/cdep.12518 // “Child Development Perspectives”, 2024.
14. *Tatik T., Setiawan D.* Does Social Media Marketing Matter for MSME Performance in Indonesia? DOI: 10.1108/apjml-01-2024-0090 // “Asia Pacific Journal of Marketing and Logistics”, 2024.
15. *Zúñiga H., Diehl T., Huber B., Liu J.* Personality Traits and Social Media Use in 20 Countries: How Personality Relates to Frequency of Social Media Use, Social Media News Use, and Social Media Use for Social Interaction / H.G. Zúñiga, T. Diehl, B. Huber, J. Liu. DOI: 10.1089/cyber.2017.0295. [Текст]: непосредственный // “Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking”, № 20 (9). 2017. CC. 540–552.

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF DIGITAL BEHAVIOR STRATEGIES ON SOCIAL MEDIA

R. Ershova, A. Plotnikov

*Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russia*

ABSTRACT

This article explores the predictors influencing the choice of digital behavior strategies on social media. The conducted research made it possible to build predictive models for four distinct digital behavior strategies based on a set of personality traits: “Approval-Seeking Observer”, “Socializing for Fun”, “Like Collector”, and “Business First”. Each model demonstrated relatively high correlation coefficients between the observed values of the dependent variable and the values predicted by the regression model, indicating strong explanatory power of the constructed models.

Keywords: digital behavior, digital behavior strategies, individual psychological traits, predictors of digital behavior, socio-psychological characteristics.

ТИПЫ ПЕРЕЕДАНИЯ И ОТНОШЕНИЕ К ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ У ЖЕНЩИН С РАЗНОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ОБЩЕЙ ОСМЫСЛЕННОСТИ ЖИЗНИ

Л.А. Етумян

*Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
luiza.yetumyan@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению выраженности различных типов переедания и отношения к временной перспективе у женщин с разной выраженностью общей осмысленности жизни. Из общей выборки, на основе данных полученных по методике «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева, было выделено две группы: 1) женщины с низким уровнем общей осмысленности жизни и 2) женщины с высоким уровнем осмысленности жизни. Применяемые методики: «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен; «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо. Статистическая достоверность различий проверялась с использованием U-критерия Манна-Уитни. В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что женщины с низким уровнем осмысленности жизни имеют бо́льшую склонность к экстеральному типу переедания, а для женщин с высоким уровнем осмысленности жизни более свойственно восприятие своего прошлого как позитивного и развивающего. Результаты исследования представляются интересными в аспекте психопрофилактической и психокоррекционной работы.

Ключевые слова: пищевое поведение, экстеральное переедание, смысловая сфера личности, временная перспектива, нарушения питания, отношение ко времени.

Введение

Большая часть современных исследований в вопросе переедания сосредоточена на выявлении особенностей его связи с ожирением [1] и

метаболически ассоциированными болезнями [3, 6], детским опытом употребления пищи [7], тревогой [4] и стрессом [5]. Однако связь пищевого поведения и смысловой сферы личности остается малоизученной областью научного знания, в то время как может представлять собой большой ресурс для психокоррекционной работы. *Целью данного исследования* является изучение выраженности различных типов переедания и отношения к временной перспективе у женщин с разной выраженностью общей осмысленности жизни.

Гипотезы исследования

1. Выраженность различных типов переедания у женщин может иметь различия в зависимости от выраженности общей осмысленности жизни.

2. Отношение к временной перспективе у женщин может иметь различия в зависимости от выраженности общей осмысленности жизни.

В исследовании приняли участие 90 респондентов женского пола, которые были разделены на две группы в зависимости от продемонстрированных значений параметра общей осмысленности жизни. В *Группу 1* были включены 45 женщин от 17 до 42 лет с низким значением общего показателя осмысленности жизни (от 48 до 99 баллов), в *Группу 2* вошли 45 женщин от 16 до 43 лет с высоким значением общего показателя осмысленности жизни (от 119 до 140 баллов).

Методики, применяемые в исследовании: «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен; «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо. Для деления выборки на группы применялся «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева. Статистическая достоверность различий проверялась с использованием непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Рассмотрим результаты исследования по методике «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен, представленные на Рис. 1.

Мы можем видеть, что в группе респондентов с низким уровнем осмысленности жизни были получены результаты сравнительно высокие, чем в группе респондентов с высоким уровнем осмысленности жизни по всем шкалам методики: эмоциогенное переедание (2,54 vs 2.21), экстернальное переедание (2,57 vs 1,88) и ограничительное переедание (3,18 vs 3,00).

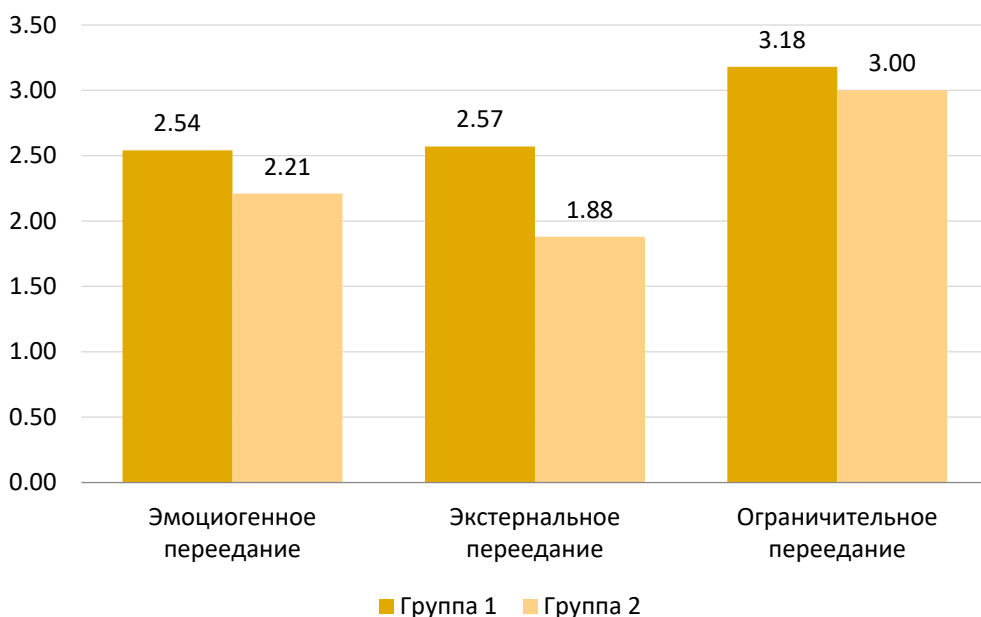

Рисунок 1. Графическое представление сравнения средних значений в выборках испытуемых по шкалам методики «Голландский опросник пищевого поведения» Т. ван Стриен, в баллах (Прим.: Группа 1 – женщины с низким значением общего показателя осмысленности жизни, Группа 2 – женщины с высоким значением общего показателя осмысленности жизни).

Это говорит о том, что в группе женщин с низким уровнем осмысленности жизни более выражены все три типа переедания, а именно:

- 1) эмоциогенное переедание как реакция на эмоциональные переживания;
- 2) экстернальное переедание как неспособность сдержаться при привлекательном виде еды и обстановки, располагающей к приему пищи;
- 3) ограничительное переедание как последствия срыва при долгом и неоправданно жестком самоограничении в принятии пищи.

Результаты

Перейдем к результатам исследования по методике «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, представленным на Рис. 2.

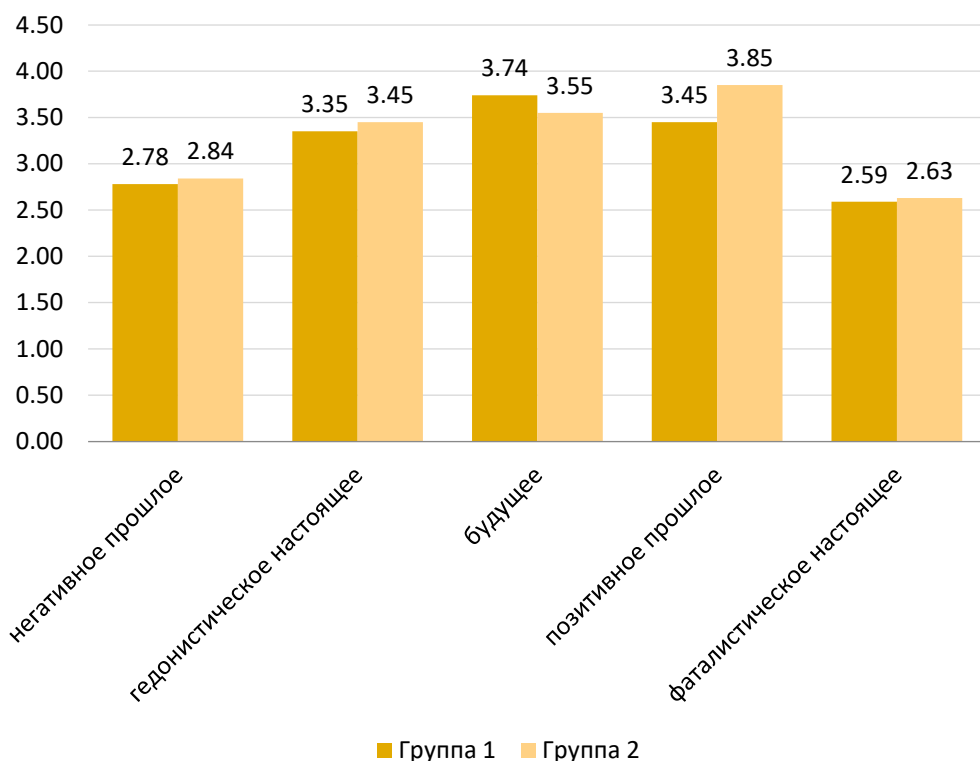

Рисунок 2. Графическое представление сравнения средних значений в выборках испытуемых по шкалам методики «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо, в баллах (Прим.: Группа 1 – женщины с низким значением общего показателя осмысленности жизни, группа 2 – женщины с высоким значением общего показателя осмысленности жизни).

Из представленных данных мы можем видеть, что в *Группе 1* были получены значения сравнительно ниже по шкалам «негативное прошлое» (2,78), «гедонистическое настоящее» (3,35), «позитивное прошлое» (3,45) и «фаталистическое настоящее» (2,59), а также сравнительно выше по шкале «будущее» (3,74). В *Группе 2* получены значения сравнительно выше по шкалам «негативное прошлое» (2,84), «гедонистическое настоящее» (3,45) «позитивное прошлое» (3,85) и «фаталистическое настоящее» (2,63), а также сравнительно ниже по шкале «будущее» (3,55). Это говорит о том, что у женщин из группы с низким уровнем осмысленности жизни менее выражено неприятие собственного

прошлого, им присуще более цельное видение событий собственного прошлого, настоящего и будущего в их взаимосвязи. Их планы на будущее яснее определены, и они менее склонны считать события своей жизни подчиненными внешним обстоятельствам или судьбе. Женщинам из группы с высоким уровнем осмысленности жизни присуще более выраженное негативное представление о собственном прошлом, что, однако, может приниматься ими как опыт, способствующий собственному развитию. Смысловая сфера женщин из *Группы 2* скорее направлена на настоящее, без ярко проявленных планов на будущее, а события жизни скорее воспринимаются как случающиеся с ними, а не как нечто подвластное их контролю.

Для оценки достоверности различий в выраженности типов переживания и отношения к временной перспективе у женщин рассмотрим результаты статистического анализа значимости различий между группами с помощью непараметрического U-критерия Манна-Уитни, представленные в Табл.1.

Таблица 1.

Результаты статистической обработки данных с помощью U-критерия Манна-Уитни

Параметр	Средние значения		p
	Группа 1	Группа 2	
эмоциогенное переедание	2,54	2,21	0.140
экстернальное переедание	2,57	1,88	0.002
ограничительное переедание	3,18	3,00	0.332
негативное прошлое	2,78	2,84	0.802
гедонистическое настоящее	3,35	3,45	0.487
будущее	3,74	3,55	0.120
позитивное прошлое	3,45	3,85	0.003
фаталистическое настоящее	2,59	2,63	0.765

Мы можем видеть, что статистически подтверждается достоверность различий по шкалам «экстернальное переедание» ($p=0.002$) и «позитивное прошлое» ($p=0.003$). Это позволяет нам сделать вывод о том, что женщины с низким уровнем осмысленности жизни склонны к перееданию под воздействием привлекательного вида и запаха еды, ее до-

ступности или «за компанию», независимо от фактического чувства голода, а также им менее свойственно восприятие прошлого как позитивного опыта. Женщины с высоким уровнем осмысленности жизни могут останавливаться в приеме пищи при фактическом насыщении даже при наличии внешних триггеров: еды на столе, компании принимающей пищу, привлекательной рекламы еды и напитков и т.п. Также они склонны воспринимать собственное прошлое как нечто приятное и оставившее радостное впечатление. Эти данные говорят в пользу *гипотез 1 и 2* о различиях в выраженности переживания и временной перспективы у женщин с различной выраженностью общей осмысленности жизни.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать выводы, что проявленность переживания и отношение к временной перспективе у женщин имеет свои отличия в зависимости от уровня выраженности общей осмысленности жизни. Женщины с низким уровнем осмысленности жизни имеют большую склонность к экстернальному типу переживания, т.е. к приему избыточного количества пищи под воздействием не голода, а внешних стимулов (красивая и вкусная еда в свободном доступе, прием пищи в компании друзей). Для женщин с высоким уровнем осмысленности жизни более свойственно восприятие своего прошлого как позитивного и развивающего. Эти выводы соотносятся с результатами исследования Г.П. Звездиной, которая пишет о том, что респонденты, «воспринимающие свое прошлое позитивно, более склонны воспринимать себя субъектом собственных действий и контролировать собственную жизнь» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова Н.Г. Психологические предпосылки формирования нарушений пищевого поведения у женщин с избыточной массой тела / Н.Г. Ермакова, Е.П. Кораблина, А.А. Туктарова // «Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена», № 211. 2024. СС. 190–202. DOI 10.33910/1992-6464-2024-211-190-202. EDN TOWMMA.
2. Звездина Г.П. Восприятие времени и ситуации неопределенности студентами с различными стратегиями информационного поведения / Г.П. Звездина, Н.Е.

- Комерова // «Российский психологический журнал», № 1. Т. 21, 2024. СС. 283–301. DOI 10.21702/rpj.2024.1.15. EDN DKFYAP.
3. *Халаште А.А.* Пищевое поведение у пациентов с метаболически ассоциированной жировой болезнью печени / А.А. Халаште, Е.А. Лялюкова, С.К. Жачемук [и др.] // «Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология», № 10 (218), 2023. СС. 104–113. DOI 10.31146/1682-8658-ecg-218-10-104-113. EDN MGROAT.
 4. *Янковая Т.Н.* Влияние симптомов тревоги на пищевое поведение у студентов медицинского вуза в условиях распространения новой коронавирусной инфекции / Т.Н. Янковая, В.В. Барышова, Е.О. Малютин, М. В. Сидорова // «Практическая медицина», № 3. Т. 20, 2022. СС. 65–68. DOI 10.32000/2072-1757-2022-3-65-68. EDN DEZPDD.
 5. *Gonçalves I. d. S.A., Filgueiras M.D.S., Moreira T., Thomé M., Paiva, G.L.D., Almeida G.P. d., Cotta R. M.M., Campos T. d. N., Freitas D.M. d. O., Novaes J.F. d., Oliveira A.F. d., & Costa G.D. d.* (2024). Interrelation of Stress, Eating Behavior, and Body Adiposity in Women with Obesity: Do Emotions Matter? *Nutrients*, 16 (23), 4133: <https://doi.org/10.3390/nu16234133>
 6. *Kristo A.S., İzler K., Grosskopf L., Kerns J.J., & Sikolidis A.K.* (2024). Emotional Eating Is Associated with T2DM in an Urban Turkish Population: A Pilot Study Utilizing Social Media. *Diabetology*, 5(3), 286–299: <https://doi.org/10.3390/diabetology5030022>.
 7. *Jeżewska-Zychowicz M., & Malachowska A.* (2023). Relationships between Childhood Food Experiences and the Use of Food Restrictions in Young Adulthood—A Cross-Sectional Study. *Proceedings*, 91(1), 164: <https://doi.org/10.3390/proceedings2023091164>

REFERENCES

1. *Ermakova N.* Psychological prerequisites for the formation of eating disorders in overweight women / N.G. Ermakova, E.P. Korablina, A.A. Tuktarova // *Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2024. No. 211. PP. 190–202. DOI 10.33910/1992-6464-2024-211-190-202. EDN TOWMMA.
2. *Zvezdina G.* Perception of time and a situation of uncertainty by students with different strategies of information behavior / G.P. Zvezdina, N.E. Komerova // “Russian Psychological Journal”. No. 1. Vol. 21, 2024. PP. 283–301. DOI 10.21702/rpj.2024.1.15. EDN DKFYAP.
3. *Khalashte A.A.* Eating behavior in patients with metabolically associated fatty liver disease / A.A. Khalashte, E.A. Lyalyukova, S.K. Zhachemuk [et al.] // “Experimental and clinical gastroenterology”, No. 10(218), 2023. PP. 104–113. DOI 10.31146/1682-8658-ecg-218-10-104-113. EDN MGROAT.
4. *Yankovaya T.N.* The Impact of Anxiety Symptoms on Eating Behavior in Medical Students in the Context of the Spread of a New Coronavirus Infection / T.N.

- Yankovaya, V.V. Bartyshova, E.O. Malyutina, M.V. Sidorova // “Practical Medicine”. Vol. 20, No. 3. 2022. PP. 65–68. DOI 10.32000/2072-1757-2022-3-65-68. EDN DEZPDD.
5. *Gonçalves I. d. S.A., Filgueiras M.D.S., Moreira T.R., Thomé M.S., Paiva G.L.D., Almeida G.P. d., Cotta R.M.M., Campos T. d. N., Freitas D.M. d. O., Novaes J.F. d., Oliveira A.F. d., & Costa G.D.d.* (2024). Interrelation of Stress, Eating Behavior, and Body Adiposity in Women with Obesity: Do Emotions Matter? *Nutrients*, 16 (23), 4133: <https://doi.org/10.3390/nu16234133>.
 6. *Kristo A.S., İzler K., Grosskopf L., Kerns J.J. & Sikalidis A.K.* (2024). Emotional Eating Is Associated with T2DM in an Urban Turkish Population: A Pilot Study Utilizing Social Media. *Diabetology*, 5(3), 286–299: <https://doi.org/10.3390/diabetology5030022>.
 7. *Jeżewska-Zychowicz M. & Malachowska A.* (2023). Relationships between Childhood Food Experiences and the Use of Food Restrictions in Young Adulthood – A Cross-Sectional Study. *Proceedings*, 91(1), 164: <https://doi.org/10.3390/proceedings2023091164>.

TYPES OF OVEREATING AND ATTITUDES TOWARDS TIME PERSPECTIVE IN WOMEN WITH DIFFERENT LEVELS OF OVERALL MEANINGFULNESS IN LIFE

L. Etumian

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

ABSTRACT

The study is devoted to the examination of the severity of various types of overeating and attitudes to time perspective in women with different levels of overall meaningfulness of life. From the total sample, based on the data obtained using the method of “Life-Meaning Orientations” by D.A. Leontiev, two groups were identified: 1) women with a low level of overall meaningfulness of life and 2) women with a high level of meaningfulness of life. The methods used: “Dutch Eating Behavior Questionnaire” by T. van Strien; “Time Perspective Questionnaire” by F. Zimbardo. The statistical significance of the differences was tested using the Mann-Whitney U-test. As a result of the study, it can be concluded that women with a low level of meaningfulness of life have a greater tendency to external overeating, and women with a high level of meaningfulness of life are more likely to perceive their past as positive and developing. The results of the study seem interesting in terms of psychoprophylactic and psychocorrectional work.

Keywords: eating behavior, external overeating, semantic sphere of personality, time perspective, eating disorders, attitude to time.

ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО СМЫСЛА ЛИЧНОСТИ КАК МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА

А.А. Заболотько

*ФГБОУ ВО «Донской Государственный Технический Университет»,
Ростов-на-Дону, Россия
psychologza@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Актуальность восстановления смысла жизни, разрушающегося под давлением на личность переживания ситуации ЖК, для нее имеет первостепенное значение в постоянно усложняющемся и изменяющемся обществе. Поскольку уровень требований к личности, которые она не успевает выполнить, обработать, усвоить, сформировать под свое смысло-ориентированное состояние и поведение, постоянно растет, формируя у нее психологическую неустойчивость и ситуативную неопределенность. Это приводит к постоянному переосмыслению противоречий смыслов внешнего мира по отношению к устойчивым личностным смыслам, изменяя последние, разрушая смысл жизни, что приводит к смысловому выбору. Выявить такой признак смыслового выбора, как «готовность сделать смысловой выбор» помогает психологическая методика «Готовность сделать смысловой выбор (ГССВ)» разработанная И.В. Абакумовой и А.А. Заболотько. Вся методика является структурой смыслового выбора, определяющая причинно-следственные связи механизма регуляции смыслов.

Ключевые слова: смысл жизни, личностный смысл, готовность сделать смысловой выбор, установка, цель, действие, мотив.

Введение

Актуальность. Актуальность смысла жизни, который личность хочет реализовать в своем жизненном пространстве, где происходит ее жизнедеятельность, определяется изменением ее личностного смысла

(смыслы и значения), определяя ее психологическую устойчивость и ситуативную определенность в жизни. Поскольку современное общество динамично и изменчиво, увеличиваются требования к личности, за которыми она не успевает, что «актуализирует необходимость более глубокого осмысления внутриличностных изменений... с точки зрения ценностно-смысловых аспектов жизнедеятельности» [А.В. Серый, М.С. Яницкий, 2015, с. 1]. При разрушении смысла жизни, личности необходимо научиться восстанавливать его структуру, состоящую из личностных смыслов, осмысливая переживание происходящего, фиксируя «факт сознания» [А.Н. Леонтьев, 1999, с. 236].

Личность, осуществляя свою обычную жизнедеятельность, всегда сталкивается с ситуацией жизненного кризиса (ЖК), что автоматически переводит ее в систему сознания (опредмечивание объектов и их процессов в смысловой предмет личности) и осмысления (наполнение личностного смысла смыслом и значением), деформируя устойчивый личностный смысл, отражающий «в индивидуальном сознании личности содержание ее отношения к действительности» [А.Г. Асмолов, 2007, с. 365]. Личностный смысл у человека изменяется, что переиначивает его отношение к объектам и процессам внешнего мира, создавая интегрированный личностный смысл, наполняя его восстановленными смыслами (установка, цель, действие, мотив) и значениями (векторное, эмоциональное, ценностное, потребностное). Личность, таким образом, восстанавливает свой разрушенный смысл жизни в процессе переосмысления, когда столкнулись (противоречие) смыслы объекта (ситуации ЖК) и процесса объекта (переживание ситуации ЖК) – того устойчивого личностного смысла, который у нее был ранее, разрушая его, которым она пользовалась в структуре смысла жизни. Теперь его надо восстановить, в том числе и смыслы, и наполнить значением, чтобы определить свою внутреннюю индивидуальность, значимость, пребывание в гармонии с собой и внешним миром, определяя свое развитие, наделяя свою жизнь смыслом.

Таким образом, выявляется проблемность жизненного смысла для личности, когда он разрушается и его надо восстанавливать. В данной проблемности есть два аспекта.

Первая проблема – «изменение устойчивого личностного смысла» (деформация смыслового образования), когда, при изменении личност-

ного смысла, смысл жизни разрушается. Это означает необходимость определить способность личности изменять (восстанавливать) смысл жизни под воздействием переживания ситуации ЖК, когда разрушаются его поддерживающие личностные смыслы, которые надо восстановить, чтобы сформировать процесс осмысления (наполнение смыслом и значением). Это необходимо для того, чтобы личность в дальнейшем могла адаптироваться и приспособиться к измененной реальности, выработав к этому свой смысловой предмет отношения (смысло-ориентированное состояние). Смогла запустить механизм смыслового выбора (механизм регуляции смыслов), а именно, «готовность сделать смысловой выбор» как начальный этап смыслового выбора. У личности, независимо от того, сколько личностных смыслов в смысле жизни, один генерализованный, несколько ведущих или множество профилирующих, и независимо на что, при этом, опирается личность, при изменении одного личностного смысла, меняется (разрушается) сам смысл жизни.

Вторая проблема – «наполнение личностного смысла смыслом и значением». Выявление необходимости и способности личности восстанавливать смысл жизни под воздействием на нее различных внешних ситуаций (обстоятельств и условий), чтобы получить психологическую устойчивость и ситуационную определенность. Когда личность совершает смысловой выбор, восстанавливая свои смыслы (установка, цель, действие, мотив), насыщая их значением (векторным, эмоциональным, ценностным, потребностным), находя смысл в самой себе и в отношениях с другими, она создает в процессе осмысления свой смысловой предмет отношения к внешнему миру, определяя свой смысл жизни.

При преодолении данных проблем, основополагающей задачей является выделение признака «готовность сделать смысловой выбор», чтобы выявить смысловой выбор и установочную векторность на формы смыслового выбора.

Гипотеза исследования

Нам необходимо в исследовании выявить достоверность различий между группами, в которой есть ситуация ЖК (*контрольная группа 1*) и в которой нет ситуации ЖК (*экспериментальная группа 2*), что подтверждает наличие такого признака, как «готовность сделать смысловой

выбор». По укрупненному исследованию, поскольку признаков смыслового выбора одиннадцать, мы свели основной изначальный признак смыслового выбора как «готовность сделать смысловой выбор» (шкала 1 методики «Готовность сделать смысловой выбор (ГССВ)»), с которого «начинается смысловая регуляция» [А.А. Заболотько, Л.А. Дятлова, 2024, с. 28] в области «инициации смысла» [И.В. Абакумова, 2008, с. 83] (сознание, осмысление), определяя изменение личностного смысла, к его наличию. Это определяет установочную векторность на формы смыслового выбора, выявляя их, чтобы в дальнейшем восстанавливать в личностном смысле такие смыслы, как «цель», «действие», «мотив» и соответствующие значения «эмоциональное», «ценностное», «потребностное», формируя смысло-ориентированные состояния «застывание», «стагнация», «преодоление». Таким образом, экспериментальная гипотеза Н1 предполагает наиболее высокий уровень готовности сделать смысловой выбор у группы, где есть ситуации ЖК, по сравнению с той, где ее нет. Гипотеза Н0 предполагает отсутствие достоверных различий.

Цель работы. Выявить признак смыслового выбора – такой, как «готовность сделать смысловой выбор», запускающий механизм регуляции смыслов при переживании ситуации ЖК, что изменяет личностный смысл по смыслу (цель, действие, мотив) и значению (эмоциональное, ценностное, потребностное), подразумевая «решение личностью особых смысло-жизненных задач и преодоление вытекающих из них противоречий» [К.В. Карпинский, 2012, с. 6].

Описание выборки. В исследовании участвовали 84 респондента (мужчины, женщины – от 18 до 23 лет) Респонденты делились на две группы: контрольная (*группа 1*) с наличием ситуации ЖК и экспериментальная (*группа 2*) с отсутствием ситуации ЖК. Ситуация ЖК фиксировалась в бланке опросника как потеря опоры в жизни, трудности с учебой, работой, стресс, потеря смысла жизни, потеря близкого, болезнь, переезд и т.д., формирующая переживание, ограничивая текущую жизнедеятельность в форме такой проблем, как «психологическая неустойчивость» и «ситуационная неопределенность», что определяет «признание важности и необходимости нахождения и осуществления смысла в собственной жизни» [К.В. Карпинский, 2019, с. 10]. Исследуемые группы считаются эквивалентными (отсутствие различий у респондентов).

Метод и методика исследования

Эмпирический метод исследования предполагает использование методики «Готовность сделать смысловой выбор (ГССВ)», авторами которой являются И.В. Абакумова и А.А. Заболотько, разработанной в виде опросника. В методике – 66 утверждений, 2 шкалы «готовность сделать смысловой выбор (ГССВ)» и «смысловой выбор (СВ)», 5 – фактор-шкал «сознаваемое (С)», «установка (Ус)», «сознаваемое переживание (СП)», «смысловой след опыта (ССО)», «целеполагание (Ц)», 4 – статус-шкалы: «векторность (В)», «застревание (З)», «стагнация (Ст)», «преодоление (Пр)». В методике выявляется начало процесса сознания и осмысления личностного смысла, подверженного давлению смыслов переживания ситуации ЖК, определяется установочная векторность на формы смыслового выбора при переживании ситуации ЖК личностью, причинность смыслового выбора (фактор-шкала) и фиксируется следствие причинности (статус-шкала). Вся методика является структурой смыслового выбора при деформации смыслового образовании (изменении личностного смысла).

Распределение признака по *Группе 1* и по *Группе 2* при расчетах ассиметрии и эксцесса, определили значения меньше критических, которые не превышают в три раза свою ошибку репрезентативности, из чего мы заключаем, что распределение данного признака не отличается от нормального в данной выборке: по Н.А. Плохинскому, не превышают $T_a \geq 3$, $N_e \geq 3$, по Е.И. Пустыльнику, $A_{эмп} < 1,07$, $E_{эмп} < 3,17$. Таким образом, эмпирическое распределение близко к теоретическому, и мы можем утверждать, что оно совпадает с нашей идеализированной теоретической моделью смыслового выбора.

При расчете ранговых сумм по выборкам *Группы 1* и *Группы 2*, утверждаем о достоверности различий: $U_{кр} = 697$ ($p \leq 0,05$), $U_{кр} = 621$ ($p \leq 0,01$) для $n_1=42$, $n_2=42$, при $U_{эмп} \leq U_{кр}$: $480 \leq 621$ ($p \leq 0,01$) ≤ 697 ($p \leq 0,05$). Таким образом, мы определяем, что сравниваемые величины (признаки), в данном случае, признак «готовность сделать смысловой выбор» неслучайны и статистически подтверждены.

Результаты и их обсуждение

В результате исследования мы принимаем гипотезу Н1 и отвергаем гипотезу Н0, определяя большее значение признака «готовность сделать смысловой выбор» в *Группе 1*, которая имеет переживание ситуации ЖК. Таким образом, при возникновении ситуации ЖК, у личности возникает необходимость выработать свой смысловой предмет отношения и осмыслить происходящее с ней – то, что ей мешает, т.е. наличие переживания ситуации ЖК и сделать смысловой выбор.

Личность определяет готовность сделать смысловой выбор, как генерализованный признак того, что ей необходимо восстанавливать разрушенный ранее устойчивый личностный смысл переживанием ситуации ЖК. Значит, личность будет восстанавливать смыслы (цели, действие, мотив) и значения (эмоциональное, ценностное, потребностное), чтобы нормализовать свою жизнедеятельность, восстановить свою индивидуальность, обрести смысл жизни.

Выводы

Жизненный смысл начинает меняться уже с изменением даже одного единственного личностного смысла, поскольку система смыслов и значений для человека начинает изменяться (разрушаться) при воздействии на него переживания ситуации ЖК, теряются устойчивые смыслы и значения, ранее, наполнявшие жизненный смысл; личность встает перед смысловым выбором и готовностью его сделать.

Таким образом, личность посредством смыслового выбора, запуская механизм регуляции смыслов, восстанавливает смысл жизни, меняя личностный смысл под воздействием переживания ситуации ЖК, восстанавливая его смыслы и значения. Личность уникальна, индивидуальна, она в состоянии самостоятельно формировать свой смысл жизни и быть за него ответственна перед самой собой, поскольку это ее смысловой выбор.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И.В.* Смыслодидактика. Учебник для магистров педагогики и психологии. / М.: Изд-во «КРЕДО», 2008. 368с.

2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / Александр Асмолов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007, 528с.
3. *Заболотько А.А., Дятлова Л.А.* Деформация устойчивого смыслового образования и ее отличие от трансформации в переживании ситуации жизненного кризиса // *Инновационная наука: Психология. Педагогика. Дефектология.* 2024;7 (3): 20–33. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-3-20-33/>
4. *Карпинский К.В.* Смысл жизни и ресурсы его реализации: к пониманию механизмов личностного кризиса // «Психология. Журнал Высшей школы экономики», № 4. Т. 9, 2012. СС. 3–33.
5. *Карпинский К.В.* Смыслжизненное состояние как показатель субъектного развития личности // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология». Т. 9. Вып. 1. 2019. СС. 7–20: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.101>
6. *Леонтьев А.Н.* Эволюция психики / М.: Московский психологи-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999, 416с.
7. *Серый А.В., Яницкий М.С.* Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // «Психологические исследования», 8 (43), 12. 2015.

REFERENCES

1. *Abakumova I.* Smyslodidaktika. Uchebnik dlya magistrov pedagogiki i psihologii / М.: Izd-vo “KREDO”, 2008. 368p.
2. *Asmolov A.* Psihologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka / Aleksandr Asmolov. 3-e izd., ispr. i dop. М.: Smysl: Izdatel'skij centr “Akademiya”, 2007, 528p.
3. *Zabolot'ko A., Dyatlova L.* Deformaciya ustojchivogo smyslovogo obrazovaniya i ee otlichie ot transformacii v perezhivanii situacii zhiznennogo krizisa // *Innovacionnaya nauka: Psihologiya. Pedagogika. Defektologiya.* 2024;7(3): 20–33: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2024-7-3-20-33>.
4. *Karpinskij K.* Smysl zhizni i resursy ego realizacii: k ponimaniyu mekhanizmov lichnostnogo krizisa // “Psihologiya. Zhurnal Vysšej shkoly ekonomiki”, № 4. Т. 9. 2012. PP. 3–33.
5. *Karpinskij K.* Smyslozhiznennoe sostoyanie kak pokazatel' subektnogo razvitiya lichnosti // “Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya”, Т.9. V.1. 2019. PP. 7–20: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2019.101>.
6. *Leont'ev A.* Evolyuciya psihiki / М.: Moskovskij psihologi-social'nyj institut; Voronezh: Izdatel'stvo NPO “MODEK”, 1999, 416p.
7. *Seryj A., Yanickij M.* Smyslovye aspekty perezhivaniya krizisa social'noj identichnosti pri vynuzhdennoj smene zhiznennoj situacii // “Psihologicheskie issledovaniya”, 8 (43),12. 2015.

RESTORING THE LIFE MEANING OF A PERSONALITY AS A MECHANISM FOR CHANGING PERSONAL MEANING

A. Zabolotko

ABSTRACT

The urgency of restoring the meaning of life, which collapses under pressure from the personal experience of the housing situation, is of paramount importance for the individual in an ever-complicating and changing society. Since the level of requirements for a person that she does not have time to fulfill, process, assimilate, and form her meaning-oriented state and behavior for this is constantly growing, forming psychological instability and situational uncertainty in her. This leads to a constant rethinking of the contradictions of the meanings of the external world in relation to stable personal meanings, changing the latter, destroying the meaning of life, which leads a person to a semantic choice. The psychological technique "Willingness to make a semantic choice" developed by Abakumova I.V. and Zabolotko A.A. helps to identify such a sign of semantic choice as "willingness to make a semantic choice". The whole technique is a structure of semantic choice that determines the causal relationships of the mechanism of regulation of meanings.

Keywords: meaning of life, personal meaning, willingness to make a meaningful choice, attitude, goal, action, motive.

МОРАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В СИТУАЦИИ ПРИНЯТИЯ ГРУППОВЫХ МОРАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

В.А. Заикин

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения
zaipsy@ya.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты и дискуссия эмпирических результатов исследования феноменологии процесса принятия групповых моральных решений, влияния на него параметров реального субъекта морального функционирования, опосредованного реальной социальной группой и динамикой индивидуального уровня морального сознания в процессе групповой дискуссии. Один из основных выводов исследования – концептуализация основных характеристик реального субъекта морального функционирования позволяет представить объяснительную модель процессов наблюдаемых при принятии групповых моральных решений.

Ключевые слова: психология морали; групповые решения; реальный субъект; ограниченная рациональность; склонность к оппортунизму; пассивность.

Введение

Одной из главных трудностей в прикладном применении методологии эволюционного и когнитивного подходов к изучению морального функционирования групп является их исключительная ориентация на отдельного, изолированного человека. Однако такой узкий взгляд недопустим для наук о человеке, так как он может существенно исказить получаемые эмпирические данные [1]. Несмотря на всю критику когнитивного подхода, важно учитывать, что благодаря исследованиям в рамках данного направления была методически апробирована и разработа-

на наиболее валидная, репрезентативная и надежная методика измерения уровня развития морального сознания личности – тест моральных дилемм Л. Колберга [5].

Обращаясь к данной проблематике, Дж. Хайт [4] обозначает ключевые предпосылки для пересмотра модели субъекта, доказывая несоответствия и расхождения между феноменами группового влияния и связанных с ними социальных эффектов и когнитивным подходом, проводимым в социальной психологии [4]. Однако он не делает окончательных выводов по этим проблемам, поэтому обоснованно можно предположить возможность объединения имеющихся данных для методологической и эмпирической проверки.

Попытку сформулировать, каким именно субъектом оперируют социальные науки, предпринял российский экономист А. Аузан. Он полагает, что индивид обладает значительным множеством характеристик и особенностей, которые мешают ему полностью соответствовать предписаниям общественных представлений и экономическим моделям и законам [2].

Материалы и методы

Рассмотрим ключевые характеристики реального субъекта, применимые для данного исследования.

Первая характеристика – ограниченная рациональность. Данная характеристика позволяет критически отнестись к тому, что в когнитивном подходе к психологии морали субъект концептуализируется как полностью рациональный. Сторонники данного подхода полагают, что человека, который находится на более низком уровне морального развития, воспримет и усвоит все доводы и аргументы, он сможет изменить собственное моральное мировоззрение и перейти на более высокий уровень. Тем не менее, это утверждение можно пересмотреть, исходя из методологии психологии социального познания. Консенсусом является тот факт, что человек не способен быть абсолютно рациональным, и в определенные моменты времени его потенциальная рациональность может быть приравнена к нулевым значениям. Наиболее ярко эти процессы представлены в виде влияния на процесс социального познания группы и социального контекста [1].

Вторую принципиальную характеристику реального субъекта морального функционирования следует определить как склонность к оппортунистическому поведению. В контексте когнитивной методологии предполагается, что человек, достигнув определенного уровня развития морального сознания, не способен регрессировать к более низкому уровню развития. Тем не менее, накопленные методологические и эмпирические данные в области социальной психологии демонстрируют случаи, когда групповое воздействие оказывало существенное влияние и вносило значимые искажения в индивидуальные решения – как в сторону повышения его сложности и рефлексивности, так и подчиняя его мнению группы и снижая сложность принимаемого индивидом решения [3]. При этом, в большинстве случаев, подобные исследования лишь в малой степени рефлексировали применимость данных принципов к принятию групповых моральных решений и то, в какой степени данные групповые феномены воздействуют на субъектный уровень морального функционирования, в общем, и на принятие субъектных моральных решений, в частности.

Третью характеристику можно сформулировать как пассивность. Согласно когнитивной методологии в психологии, личность стремится к анализу и обработке информации, способствующей развитию и повышению уровня морального сознания, а также к формированию универсальных принципов индивидуальной нравственности. Тем не менее, в психологии социального познания обоснованна и эмпирически подтверждена противоположная точка зрения. В частности, Г.М. Андреева, ссылаясь на мета-исследование К. Гергена, анализирует стратегии реализации познавательной активности индивидов, изложенные в литературе, и приводит данные авторских исследований. В результате этих работ были сделаны выводы о том, что люди в целом, без необходимости или побуждения не склонны к поиску и анализу новой информации, а часто, напротив, прилагают усилия для того, чтобы подтвердить уже имеющиеся у них представления и убеждения. Среди моделей когнитивного поведения выделяется тип субъекта, которого можно охарактеризовать как «когнитивного скрягу», обладающего крайне низкой поисково-познавательной активностью и принципиально не заинтересованного в пересмотре своих взглядов после достижения информационно-когнитивного баланса [1].

Вышеописанные характеристики реального субъекта не направлены на создание противоречий или критику наличествующих теорий в психологии морали, однако они указывают на возможность поиска альтернативных подходов к концептуализации и объяснению реально наблюдаемого поведения человека. Особенно важно учитывать, что групповые решения моральных дилемм остаются недостаточно изученной проблематикой в психологии морали и социальной психологии сегодня. С другой стороны, важно подчеркнуть, что предложенные характеристики не являются нововведениями для данной научной дисциплины – они уже, в том или ином виде, присутствуют в различных социально-психологических теориях. Одна из главных задач представленного исследования состоит в том, чтобы сосредоточить внимание на данных характеристиках как на значимых объяснительных и интерпретационных механизмах человеческого поведения.

Актуальность исследования. Одним из ключевых вопросов современной психологии морали является определение субъекта морального решения. Если несколько десятилетий назад преобладала точка зрения, согласно которой такие решения принимаются исключительно на основе индивидуального морального сознания личности, то сегодня это утверждение подвергается пересмотру. Современные теоретические разработки и эмпирические исследования в данной области указывают на необходимость учета новых научных подходов, которые ставят под сомнение традиционную концепцию. В частности, недостаточно изученным остается вопрос о том, каким образом группа может выступать субъектом морального выбора, а также какие групповые и динамические процессы, наряду с психологическими механизмами, определяют этот феномен.

Цель исследования. Изучить реализацию и феноменологию проявлений реального субъекта морального функционирования в процессе принятия групповых моральных решений, описание процессов и механизмов взаимодействия между индивидуумом и группой.

Объект исследования. Реальный субъект морального функционирования в условиях принятия группового морального решения.

Предмет исследования. Реализация и феноменология морального функционирования реального субъекта в процессе принятия моральных решений в группе.

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 86 человек, распределенных на шесть социальных групп. На первом этапе была проведена социометрическая диагностика всех групп, после чего, с целью проверки достоверности полученных данных, были дополнительно отобраны еще три аналогичные группы с совпадающими численностью, составом и социометрической структурой. Выборка основного исследования: 35% участников – мужчины, женщины – 65%. Возраст участников исследования варьировался от 18 до 24 лет, медианный эквивалент: 21,9 года. Анализ полученных данных показывает, что выборка сбалансирована по полу, валидна по возрасту, соответствует целям и задачам исследования и выбранным методам получения эмпирических данных. Для повышения внутренней валидности были подобраны эквивалентные группы согласно с дизайном исследования, уравнены по возрастному составу, гендерному распределению и количеству участников.

Гипотеза исследования. Поведение реального субъекта в условиях групповой динамики в процессе принятия группового морального решения в большей степени соответствует характеристикам реального субъекта, чем концепции субъекта, предложенной в когнитивной методологии психологии морали.

Результаты исследования процесса принятия групповых моральных решений обнаружили большое количество новых данных и феноменов, требующих дополнительной концептуализации и обоснования. Так, в четырех группах дискуссия завершилась принятием группой морального решения, которое может быть соотнесено с третьим уровнем стадияльной теории развития морального сознания. Анализ принятого решения в рамках стадияльной теории развития морального сознания показал, что: Хайнц может украсть лекарство, но только если действительно испытывает любовь к своей жене, и в этом случае он не должен подвергаться наказанию за преступление. Две эквивалентные группы с более напряженной социометрической структурой не смогли принять единого морального решения. Наиболее инициативные члены данных групп придерживались позиции, соответствующей второму уровню развития морального сознания: они утверждали, что Хайнц не должен совершать кражу, поскольку это принесет личный вред и человек должен беспокоиться только о собственном благе и не нарушать закон.

Характеристики реального субъекта морального функционирования проявили себя следующим образом.

Ограниченная рациональность проявилась в том, что участники с менее развитым моральным сознанием испытывали сложности в понимании аргументов и позиций более продвинутых участников. Их познавательная активность была преимущественно сосредоточена на сохранении стабильности, а не на стремлении к освоению новой информации. В совокупности с феноменом моральной регрессии это подтверждает, что моральное сознание не сводится исключительно к когнитивной структуре.

Склонность к оппортунизму выразилась как проактивный отказ членов группы с более высоким уровнем развития морального сознания от своих первоначальных тезисов и позиций в процессе общего обсуждения. Детерминанты данных реакций варьировались в зависимости от групповой ситуации: стремились к поддержанию позитивной коммуникации в рамках группы, отказ от риска или стремление повысить социальный рейтинг и статус. Однако такое поведение конфликтует с когнитивной методологией в области психологии морали и подтверждает, что групповые и ситуационные обстоятельства, в которых происходит обсуждение, могут существенно вмешиваться в реализацию членом группы своего морального функционирования.

Характеристика пассивности выразилась как то, что члены группы редко стремились углубляться рефлексии и дискуссии аргументации, которая противоречила их позиции. Их поисковая активность носила минимальный характер, участники дискуссии предпочитали использовать более простые, но не всегда корректные и логичные доводы. Несмотря на оживленность обсуждений, критический разбор аргументов оппонентов практически не наблюдался. Участники не стремились возвращаться к более сложным уровням рассуждений, что могло бы повысить когнитивно-рефлексивную сложность их выводов.

Выводы

Таким образом, при анализе проявлений, действия и суждений участников в ходе процесса группового принятия моральных решений можно обосновать наличие трех характеристики реального субъекта: ограниченная рациональность, склонность к оппортунизму и пассивность. Эти особенности реализуют и обнаруживают себя именно в рамках группового принятия моральных решений. Приложение данных характеристик позволяет повысить прогностическую точность при моделиро-

вании социальной динамики и прогнозировать реакции и суждения людей в процессе принятия групповых моральных решений.

Безусловно, представленные интерпретации могут быть обусловлены спецификой данной выборки и особенностями исследовательского дизайна. Однако дальнейшее изучение этих вопросов представляется важным направлением будущих исследований, особенно в рамках кросс-культурного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания: 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Аспект-пресс», 2005, 303с.
2. *Аузан А.* Институциональная экономика. Новая институциональная экономическая теория. М.: «Инфра-М», 2011. 448с.
3. *Зимбардо Ф., Ляйпне М.* Социальное влияние. СПб.: «Питер», 2011. 448с.
4. *Haidt J.* The New Synthesis in Moral Psychology. Science 18 May 2007: Vol. 316 no. 5827. PP. 998–1002.
5. *Lapsley D.* Moral psychology. Boulder, CO: Westview Press, 1996.

REFERENCES

1. *Andreeva G.* Psychology of Social Cognition (3rd revised and expanded ed.). Moscow: Aspect-Press, 2005, 303p.
2. *Auzan A.* Institutional Economics: New Institutional Economic Theory. Moscow: Infra-M, 2011. 448p.
3. *Zimbardo P., Leippe M.* Social Influence. St. Petersburg: Piter, 2011. 448p. (Russian translation).
4. *Haidt J.* The New Synthesis in Moral Psychology. Science, May 18, 2007, Vol. 316, No. 5827. PP. 998–1002.
5. *Lapsley D.* Moral Psychology. Boulder, CO: “Westview Press”, 1996.

MORAL FUNCTIONING OF A REAL SUBJECT IN SITUATIONS OF GROUPS MORAL DECISIONS MAKING

V. Zaikin

ABSTRACT

The article presents the results and discussion of the empirical results of the study of the phenomenology of the process of making group moral decisions, the

influence on it of the parameters of the real subject of moral functioning, mediated by a real social group and the dynamics of the individual level of moral consciousness in the process of group discussion. One of the main conclusions of the study is that the conceptualization of the main characteristics of the real subject of moral functioning allows us to present an explanatory model of the processes observed in making group moral decisions.

Keywords: moral psychology; group decisions; real subject; limited rationality; tendency to opportunism; passivity.

ВЛИЯНИЕ ТРЕВОГИ И ТРЕВОЖНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ НА СПОРТИВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В ИГРОВЫХ ВИДАХ СПОРТА

А.Ю. Зайцев¹, В.А. Ордин²

¹Тульский государственный университет

*²Государственное профессиональное образовательное учреждение
«Училище (колледж) олимпийского резерва Тульской области»
mr.jamesfox@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние тревожности на спортивные результаты студентов младших курсов, занимающихся игровыми видами спорта. Анализируются психологические факторы, связанные с тревогой, их воздействие на мотивацию и концентрацию спортсменов. Проведенное исследование показывает, что высокий уровень тревожности может оказывать как негативное, так и стимулирующее влияние на спортивные достижения.

Ключевые слова: тревожность, студенты, игровые виды спорта, спортивные результаты, психологическая подготовка.

Введение

Изучение тревожности и ее влияния на спортивные результаты студентов опирается на ряд фундаментальных трудов в области психологии и психофизиологии. Спилбергер [1] выделил ситуативную и личностную тревожность, подчеркнув их различное влияние на поведение и когнитивные функции человека. В контексте спорта эта концепция получила развитие в работах Ханина [2], который проанализировал механизмы психической саморегуляции у спортсменов высших достижений и предложил методы коррекции тревожности.

Материалы и методы

Исследования Лурии [3] подтвердили связь между когнитивными функциями и эмоциональными состояниями, что важно при рассмотрении влияния тревожности на принятие решений и координацию движений в игровых видах спорта. Вилюнас [4] детально изучил мотивационные аспекты тревожности, показав, что умеренный уровень этого состояния может выступать в качестве мобилизующего фактора. Немов [5] рассмотрел механизмы стрессоустойчивости, предложив стратегии их развития, применимые для студентов-спортсменов.

Анализ литературы подтверждает необходимость комплексного подхода к регулированию тревожности в спорте, включая методы психологической подготовки, когнитивно-поведенческую терапию и поддержку тренеров.

Анализ существующей литературы показывает, что тревожность является важным психологическим фактором, влияющим на спортивные результаты. Исследования Спилбергера, Ханина и Лурии демонстрируют, что высокий уровень тревожности может как препятствовать, так и стимулировать спортивные достижения в зависимости от индивидуальных особенностей спортсмена и уровня его психологической подготовки.

Несмотря на обширные теоретические разработки в области спортивной психологии, остается недостаточно изученным вопрос влияния тревожности именно на студентов младших курсов, занимающихся игровыми видами спорта. В данном исследовании особое внимание уделено выявлению связи между уровнем тревожности и результатами выступлений, а также поиску эффективных стратегий психологической адаптации студентов к стрессовым ситуациям в соревновательной деятельности.

Современные студенты, активно занимающиеся спортом, сталкиваются с различными психологическими вызовами, среди которых тревожность занимает одно из ведущих мест. Психологический стресс и напряжение могут существенно влиять на их физические и когнитивные способности, что, в конечном итоге, отражается на результатах в спортивных соревнованиях.

Данное исследование направлено на изучение связи между уровнем тревожности и эффективностью выступления в игровых видах спорта. Особое внимание уделено факторам, влияющим на уровень тревоги, а также методам, позволяющим спортсменам эффективно справляться с психологическим напряжением.

Теоретические аспекты тревожности в спорте

Тревожность в психологии рассматривается как эмоциональное состояние, характеризующееся внутренним напряжением и беспокойством. Она подразделяется на ситуативную и личностную тревожность. Ситуативная тревожность возникает в конкретных обстоятельствах, например перед важными соревнованиями, тогда как личностная тревожность связана с устойчивыми чертами характера и общей предрасположенностью к беспокойству.

Тревожность может оказывать различное влияние на спортсменов. В умеренных количествах она способствует мобилизации организма и повышению мотивации, однако в случае чрезмерного уровня приводит к снижению концентрации, ухудшению координации движений и повышенной утомляемости.

Методология исследования

В исследовании приняли участие 50 студентов младших курсов, занимающихся игровыми видами спорта, таких как футбол, баскетбол и волейбол. Исследование включало:

- ✓ Анкетирование с использованием шкалы Спилбергера для оценки уровня тревожности.
- ✓ Анализ спортивных результатов за последние полгода.
- ✓ Интервью с тренерами и спортсменами.

Дополнительно был проведен эксперимент, в котором студенты проходили два этапа тестирования – в условиях стандартной тренировочной среды и перед важными соревнованиями.

Результаты и обсуждение

Анализ собранных данных позволил выявить следующие закономерности:

Влияние уровня тревожности на спортивные показатели

- ✓ Студенты с низким уровнем тревожности демонстрировали стабильные результаты и хорошую стрессоустойчивость.
- ✓ Умеренный уровень тревожности способствовал мобилизации ресурсов организма и улучшению концентрации.
- ✓ Высокий уровень тревожности приводил к частым ошибкам, снижению реакций и когнитивных функций.

Роль психологической подготовки

- ✓ Применение методов релаксации, дыхательных техник и когнитивно-поведенческой терапии снижало тревожность и повышало уверенность спортсменов.
- ✓ Индивидуальный психологический тренинг позволял студентам адаптироваться к стрессовым ситуациям и уменьшать влияние тревожности на результат.

Методы снижения тревожности

Для минимизации негативного влияния тревожности были предложены следующие стратегии:

- ✓ **Психологическая саморегуляция:** техники визуализации успешных действий, самовнушение, позитивные установки.
- ✓ **Дыхательные упражнения:** методика «4-7-8» и глубокое диафрагмальное дыхание.
- ✓ **Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ):** работа над изменением негативных мыслительных установок.
- ✓ **Профессиональная поддержка тренеров:** индивидуальная работа с психологами, персонализированные тренировки.

Заключение

Исследование показало, что тревожность оказывает существенное влияние на спортивные результаты студентов младших курсов, занимающихся игровыми видами спорта. Важно подчеркнуть, что тревожность

может иметь как положительное, так и отрицательное воздействие на спортивные достижения, в зависимости от уровня тревожности и применяемых методов психологической подготовки. Умеренная тревожность способствует мобилизации организма, улучшению концентрации и более успешному выполнению спортивных задач, в то время как высокий уровень тревожности приводит к снижению когнитивных функций, ухудшению координации и ухудшению общего физического состояния.

Важнейшим аспектом успешной адаптации студентов-спортсменов к соревнованиям является развитие их психологической устойчивости и навыков саморегуляции. Применение таких методов, как дыхательные упражнения, когнитивно-поведенческая терапия и техники визуализации, позволили участникам исследования значительно снизить уровень тревожности и повысить свою уверенность. Индивидуальные тренировки с психологами и поддержка со стороны тренеров играют ключевую роль в повышении уровня психоэмоциональной подготовки.

Результаты исследования подтверждают важность комплексного подхода к психологической подготовке студентов-спортсменов, который включает в себя как физическую, так и психоэмоциональную подготовку. Внедрение данных методов в спортивную практику позволит улучшить результаты студентов в игровых видах спорта, повысить их стрессоустойчивость и адаптивные способности к соревновательным условиям.

Дополнительно стоит отметить, что успешное использование этих методов требует системного подхода и включения психологической подготовки в образовательный процесс, что будет способствовать развитию гармоничной личности спортсмена. В дальнейшем, необходимо продолжить исследования в этой области, особенно с учетом изменений в спортивной нагрузке и стрессовых ситуациях, связанных с важными соревнованиями и профессиональной деятельностью спортсменов.

Исходя из полученных данных, можно заключить, что тревожность в спортивной деятельности требует внимательного отношения и разработки эффективных стратегий для ее управления. Практическое использование полученных результатов может оказать значительное влияние на повышение качества спортивной подготовки и улучшение спортивных достижений студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спилбергер Ч.Д.* Тревожность и оценка тревожности в психологии / Ч.Д. Спилбергер. М.: Изд-во Московского университета, 1983, 128с.
2. *Ханин Ю.Л.* Психология спорта: психическая саморегуляция в спорте высших достижений. М.: «Физкультура и спорт», 1986, 224с.
3. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Московского университета, 1962, 452с.
4. *Вилюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации. М.: «Наука», 1990, 288с.
5. *Немов Р.С.* Психология. В 3-х т. М.: «Владос», Т.2, 1999, 688с.
6. *Мерлин В.С.* Очерки интегрального исследования индивидуальности. М.: «Педагогика», 1986, 271с.
7. *Дубровский Д.И.* Психологические аспекты стресса и тревожности у спортсменов. СПб.: «Питер», 2004, 192с.
8. *Левитов Н.Д.* Психологические состояния человека. М.: «Педагогика», 1964, 320с.
9. *Кандыбович Л.Д.* Психология спортивной деятельности. Минск: «Вышэйшая школа», 2011, 384с.

REFERENCES

1. *Spielberger C.* Anxiety and Its Assessment in Psychology. Moscow: "Moscow University Press", 1983, 128p. (Russian translation)
2. *Khanin Yu.* Sport Psychology: Mental Self-Regulation in Elite Sports. Moscow: "Fizkultura i Sport", 1986, 224p.
3. *Luria A.* Higher Cortical Functions in Man and Their Impairment Due to Local Brain Damage. Moscow: "Moscow University Press", 1962, 452p.
4. *Vilyunas V.* Psychological Mechanisms of Motivation. Moscow: "Nauka", 1990, 288p.
5. *Nemov R.* Psychology (in 3 volumes). Moscow: Vlados, Vol. 2, 1999, 688p.
6. *Merlin V.* Essays on the Integral Study of Individuality. Moscow: "Pedagogika", 1986, 271p.
7. *Dubrovsky D.* Psychological Aspects of Stress and Anxiety in Athletes. St. Petersburg: "Piter", 2004, 192p.
8. *Levitov N.* Psychological States of the Human Being. Moscow: "Pedagogika", 1964, 320p.
9. *Kandybovich L.* Psychology of Sports Activity. Minsk: "Vyshaya Shkola", 2011, 384p.

THE IMPACT OF ANXIETY AND NERVOUSNESS IN UNDERGRADUATE STUDENTS ON SPORTS PERFORMANCE IN TEAM SPORTS

A. Zaitsev¹, V. Ordin²

¹Tula State University

²State Vocational Educational Institution

“Olympic Reserve School (College) of the Tula Region”

ABSTRACT

This article examines the impact of anxiety on the athletic performance of junior students engaged in team sports. Psychological factors associated with anxiety, their influence on motivation and concentration of athletes, are analyzed. The study shows that a high level of anxiety can have both negative and stimulating effects on sports achievements.

Keywords: Anxiety, students, team sports, sports performance, psychological preparation.

ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

С.З. Ибрагимова

*Центр развития ребенка – Детский сад № 211 Россия, г. Ярославль,
Образовательный комплекс № 2 «Вектор»
ibragimova20sabina@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема диагностики личностных качеств специалистов «помогающих» профессий, таких как психологи, социальные работники, медицинские сотрудники и педагоги. Обоснована актуальность изучения данной темы в контексте профессиональной деятельности и эмоционального выгорания. Выдвигается гипотеза о существовании специфического набора личностных характеристик, влияющих на эффективность работы специалистов. Описаны методы и методики исследования, проведенного на выборке из 100 человек. Представлены результаты и их обсуждение, а также сделаны выводы о значении личностных качеств в профессиональной деятельности. Данное исследование может быть полезно для профессионального отбора и подготовки кадров.

Ключевые слова: диагностика, личностные качества, помогающие профессии, профессиональная эффективность, эмоциональное выгорание, стрессоустойчивость, эмпатия.

Введение

Специалисты «помогающих» профессий сталкиваются с повышенными эмоциональными и психологическими нагрузками, что может приводить к профессиональному выгоранию и снижению качества работы. В связи с этим важным направлением исследований является диагностика личностных качеств, влияющих на успешность профессиональной деятельности, устойчивость к стрессу и способность к эмпатии. Современные исследования подтверждают значимость таких характе-

ристик, как эмоциональная стабильность, эмпатия, стрессоустойчивость и саморегуляция, в контексте данных профессий [2, 4].

Предполагается, что специалисты помогающих профессий обладают специфическими личностными характеристиками, влияющими на их профессиональную деятельность. Среди наиболее значимых качеств можно выделить: высокий уровень эмпатии, стрессоустойчивость, эмоциональную стабильность, ответственность и способность к саморегуляции.

Дополнительно предполагается, что наличие данных качеств напрямую связано с уровнем удовлетворенности работой и профессиональной мотивацией. Специалисты, обладающие развитыми навыками саморегуляции и эмпатии, могут лучше адаптироваться к требованиям профессии и эффективнее справляться с эмоциональными нагрузками. В связи с этим можно ожидать, что более развитые личностные характеристики позволят минимизировать влияние стрессовых факторов и снизить риск профессионального выгорания.

Также выдвигается *гипотеза* о том, что уровень профессиональной успешности может варьироваться в зависимости от комбинации личностных качеств. Например, сочетание высокой стрессоустойчивости с низкой эмпатией может приводить к снижению качества взаимодействия с клиентами, тогда как баланс между этими характеристиками способствует оптимальному выполнению профессиональных обязанностей. Данное исследование направлено на подтверждение или опровержение этих предположений. Предполагается, что специалисты «помогающих» профессий обладают специфическими личностными характеристиками, влияющими на их профессиональную деятельность. Среди наиболее значимых качеств можно выделить высокий уровень эмпатии, стрессоустойчивость, эмоциональную стабильность, ответственность и способность к саморегуляции.

Целью исследования является выявление и анализ личностных качеств, наиболее значимых для специалистов «помогающих» профессий, а также оценка их влияния на профессиональную деятельность. Исследование направлено на анализ взаимосвязи между этими характеристиками и успешностью выполнения профессиональных обязанностей, устойчивостью к стрессу, уровнем эмоционального выгорания и удовлетворенностью работой.

Дополнительно исследование стремится определить, какие личностные качества являются наиболее значимыми предикторами профессиональной эффективности. Это позволит разработать рекомендации для профессионального отбора, повышения квалификации и психологической поддержки специалистов, работающих в условиях повышенной эмоциональной нагрузки.

В исследовании приняли участие 100 специалистов помогающих профессий, включая психологов ($n = 30$), социальных работников ($n = 25$), медицинских сотрудников ($n = 25$) и педагогов ($n = 20$). Возраст испытуемых составил от 25 до 50 лет, стаж работы – от 3 до 20 лет.

Для диагностики личностных качеств использовались следующие методики:

- **Методика исследования уровня эмпатии** – инструмент, предназначенный для оценки способности индивида к эмоциональному сопереживанию. Методика включает в себя тест-опросник, содержащий вопросы, направленные на определение уровня когнитивной, эмоциональной и поведенческой эмпатии. Высокие показатели по данной методике свидетельствуют о развитых коммуникативных навыках и способности к эмоциональному отклику на переживания других людей.
- **Опросник профессионального выгорания** – методика, оценивающая уровень профессионального стресса и степень эмоционального выгорания. Включает три основные шкалы: эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция личных достижений. Высокие баллы по шкале эмоционального истощения свидетельствуют о наличии хронической усталости, а высокие показатели деперсонализации указывают на снижение эмоциональной вовлеченности в работу.
- **Тест на стрессоустойчивость** – методика, направленная на оценку способности специалиста справляться со стрессовыми ситуациями в профессиональной деятельности. Тест включает в себя серии вопросов, позволяющих определить уровень адаптивности и степень готовности к работе в условиях повышенной нагрузки. Высокий уровень стрессоустойчивости коррелирует с более низким уровнем выгорания и высокой профессиональной продуктивностью.

- **Личностный опросник Кеттелла (16 PF, адаптация Русалова)** – один из наиболее известных инструментов для комплексной оценки личностных характеристик. Опросник состоит из 16 факторов, отражающих различные аспекты личности, такие как эмоциональная стабильность, доминирование, общительность, тревожность, самоконтроль и гибкость мышления. Полученные результаты позволяют определить степень соответствия индивида требованиям профессиональной деятельности.

Данные анализировались с использованием методов математической статистики (корреляционный и факторный анализ).

Анализ данных показал, что специалисты с высокими показателями эмпатии и стрессоустойчивости демонстрируют более высокий уровень профессиональной эффективности ($r = 0,68$, $p < 0,01$). Выявлена значимая корреляция между уровнем эмоциональной стабильности и уровнем профессионального выгорания ($r = -0,72$, $p < 0,01$), что подтверждает влияние личностных характеристик на профессиональное благополучие.

Дополнительно анализ показал, что уровень эмпатии положительно связан с удовлетворенностью работой ($r = 0,55$, $p < 0,05$). Специалисты, обладающие высокой эмпатией, чаще отмечают свою вовлеченность в рабочий процесс и испытывают меньшее эмоциональное истощение. Это подчеркивает важность способности устанавливать эмоциональный контакт с клиентами и коллегами.

Стрессоустойчивость оказалась значимым предиктором профессиональной адаптации. Специалисты, обладающие высокой стрессоустойчивостью, демонстрировали лучшие результаты по показателям мотивации и продуктивности. Это подтверждает гипотезу о том, что способность управлять стрессом играет ключевую роль в успешности профессиональной деятельности.

Кроме того, анализ показал, что низкий уровень эмоциональной стабильности напрямую связан с высоким уровнем профессионального выгорания. Испытуемые с низкими показателями эмоциональной устойчивости сообщали о частых ощущениях усталости, снижении мотивации и трудностях в межличностном взаимодействии. Эти данные указывают на необходимость развития навыков саморегуляции у специалистов «помогающих» профессий.

Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу исследования и указывают на важность диагностики и развития ключевых личностных качеств для предотвращения профессионального выгорания и повышения эффективности работы. Анализ данных показал, что специалисты с высокими показателями эмпатии и стрессоустойчивости демонстрируют более высокий уровень профессиональной эффективности ($r = 0,68, p < 0,01$). Выявлена значимая корреляция между уровнем эмоциональной стабильности и уровнем профессионального выгорания ($r = -0,72, p < 0,01$), что подтверждает влияние личностных характеристик на профессиональное благополучие.

Полученные данные демонстрируют, что специалисты, обладающие высоким уровнем эмпатии, показывают лучшие результаты в профессиональной деятельности. Это объясняется способностью понимать и учитывать эмоциональное состояние других людей, что особенно важно в помогающих профессиях. Высокая эмпатия позволяет находить индивидуальный подход к клиентам, пациентам или ученикам, тем самым повышая качество оказываемых услуг и удовлетворенность работой.

Стрессоустойчивость оказалась ключевым фактором, определяющим успешность специалистов. Те, кто лучше справляются со стрессом, реже испытывают эмоциональное выгорание и способны дольше сохранять профессиональную мотивацию. Это подчеркивает важность развития умений саморегуляции и управления эмоциональными нагрузками на рабочем месте.

Обнаруженная обратная корреляция между эмоциональной стабильностью и уровнем профессионального выгорания свидетельствует о том, что более уравновешенные специалисты реже испытывают эмоциональное истощение. Они лучше контролируют свои эмоции, эффективнее справляются с трудностями и способны сохранять позитивный настрой даже в стрессовых ситуациях.

В целом, результаты подтверждают необходимость диагностики личностных качеств при отборе специалистов помогающих профессий. Данные исследования могут быть использованы при разработке программ психологической подготовки, направленных на развитие ключевых профессионально значимых качеств.

Полученные результаты согласуются с выводами предыдущих исследований, подчеркивающих важность личностных характеристик в

работе специалистов помогающих профессий. Например, исследования Маслач указывают на то, что высокий уровень эмоциональной устойчивости значительно снижает риск профессионального выгорания [5]. Наши данные подтверждают этот тезис и дополняют его акцентом на значимость эмпатии и стрессоустойчивости.

Также важно отметить, что существующие программы подготовки специалистов не всегда учитывают развитие личностных качеств. Введение в образовательные программы курсов по развитию эмоциональной регуляции и управлению стрессом может повысить устойчивость специалистов к нагрузкам и улучшить их профессиональную деятельность.

Заключение

Практическое значение работы заключается в возможности использования результатов для профессионального отбора. Разработка методов диагностики личностных качеств на ранних этапах обучения и трудоустройства может способствовать повышению качества оказываемых услуг и снижению случаев профессионального выгорания.

Кроме того, результаты могут быть полезны в контексте корпоративного обучения и тренингов. Работодатели, внедряющие программы поддержки сотрудников, ориентированные на развитие стрессоустойчивости и саморегуляции, могут снизить текучесть кадров и повысить удовлетворенность специалистов своей работой.

Таким образом:

1. Личностные качества играют важную роль в эффективности работы специалистов «помогающих» профессий.
2. Высокий уровень эмпатии, стрессоустойчивости и эмоциональной стабильности способствует снижению профессионального выгорания.
3. Диагностика личностных качеств может быть полезна при профессиональном отборе и подготовке кадров в «помогающих» профессиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бойко В.В.* Диагностика эмпатии: методическое пособие. М.: Институт психологии РАН, 1996.
2. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М.: «Академия», 2016.

3. *Леонова А.Б.* Психологические методы оценки стрессоустойчивости. С-Пб: «Питер», 2003.
4. *Леонтьев Д.А.* Психология личности: теория и практика. М.: «Юрайт», 2018.
5. *Масlach К.* Профессиональное выгорание: причины, последствия и профилактика. М.: «Альпина Паблишер», 1998.
6. *Русалов В.М.* 16-факторный личностный опросник Кеттелла: адаптация и интерпретация. С-Пб: «Питер», 2007.

REFERENCES

1. *Boiko V.* Diagnostics of Empathy: A Methodological Guide. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 1996.
2. *Klimov E.* Psychology of Professional Self-Determination. Moscow: Akademiya, 2016.
3. *Leonova A.* Psychological Methods for Assessing Stress Resistance. St. Petersburg: “Piter”, 2003.
4. *Leontiev D.* Personality Psychology: Theory and Practice. Moscow: “Yurayt”, 2018.
5. *Maslach C.* Burnout: Causes, Consequences, and Prevention. Moscow: “Alpina Publisher”, 1998.
6. *Rusalov V.* Cattell’s 16 Personality Factor Questionnaire: Adaptation and Interpretation. St. Petersburg: “Piter”, 2007.

DIAGNOSING PERSONAL QUALITIES OF HELPING PROFESSIONALS

S. Ibragimova

*Child Development Center – Kindergarten No. 211, Russia, Yaroslavl
Educational Complex No. 2 “Vector”*

ABSTRACT

This article addresses the issue of diagnosing the personal qualities of helping professionals, such as psychologists, social workers, healthcare personnel, and educators. The relevance of studying this topic is substantiated in the context of professional activity and emotional burnout. A hypothesis is proposed regarding the existence of a specific set of personality traits that influence the effectiveness of specialists’ work. The article describes the research methods and techniques used in a sample of 100 participants. The results and their discussion are presented, and conclusions are drawn about the importance of personal qualities in professional activity. This study may be useful for professional selection and personnel training.

Keywords: diagnostics, personal qualities, helping professions, professional effectiveness, emotional burnout, stress resistance, empathy.

ФАКТОРЫ И ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА ВЗРОСЛЕЮЩЕЙ ЛИЧНОСТИ

И.В. Иванова

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского», г. Калуга, Россия
IvanovaDIV@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья построена на основе анализа научной литературы и результатов исследований в области изучения нравственного идеала современных подростков. Сделан акцент на том, что объективно существующая реальность, связанная с цифровизацией и влияющая на процессы становления личности в современных условиях, востребует модернизации масштабной части педагогических технологий, реализации новых педагогических подходов к воспитанию современных детей. Показано, что ключевыми факторами экзистенциального выбора выступают влияние интернет-сообществ и социального окружения, а также имеющийся опыт свершения самостоятельных выборов и наличие субъектности. Опираясь на научные исследования, проведенные в научной школе экзистенциальной педагогики под руководством профессора М.И. Рожкова, в качестве ключевой детерминанты экзистенциального выбора определена нравственная устойчивость, которая в ситуации жизненно важного выбора позволяет осознанно и ответственно подойти к его свершению.

Ключевые слова: экзистенциальный выбор, экзистенциальная педагогика, субъектность личности, нравственный идеал, детерминанта.

Введение

Актуальность. Сегодня особую актуальность получает проблема нравственной воспитанности детей и молодежи, что подтверждается

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20461, <https://rscf.ru/project/25-28-20461/>

нормативными документами, регулирующими развитие образования в нашей стране, а также нашло широкое отражение в научных трудах исследователей в области педагогики, психологии, социологии (труды Т.А. Антопольской, Ю.В. Асташовой, М.Р. Мирошкиной, В.И. Панова, А.В. Репринцева, М.И. Рожкова, А.С. Силакова и др.).

Ориентир на «...формирование у детей высокого уровня духовно-нравственного развития, чувства причастности к историко-культурной общности российского народа и судьбе России» определен Стратегией воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [7, п. II].

Актуальность формирования у подрастающего поколения высоких духовно-нравственных ценностей как основы российского общества подтверждается Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [10].

Теоретическая и информативная основа исследования

Направленность современной педагогической теории и образовательной практики на развитие у обучающихся способности к осуществлению нравственной рефлексии событий (Т.А. Антопольская, Л.В. Байбородова, В.И. Панов, М.И. Рожков, А.С. Силаков и др.), к сознательному экзистенциальному выбору способа поведения в ситуациях неопределенности (Е.Б. Евладова, С.В. Лобынцева, М.Р. Мирошкина и др.), к ответственному самоопределению и самореализации в условиях цифровизации (Ю.В. Асташова, А.В. Репринцев, Е.М. Сафронова, Р.Р. Шамсутдинов, О.Н. Юлдашева и др.) подтверждает то, что современная педагогическая теория и образовательная практика во многом ориентирована на решение проблем, связанных с определением ключевых форм и детерминант экзистенциального выбора, а также с необходимостью их учета в контексте реализации современных воспитательных практик в образовательных организациях разных типов и видов.

Экзистенциальный выбор как выбор, связанный с жизненным самоопределением, представляет собой сложный интегративный процесс, готовность к которому формируется в подростковом возрасте, что предопределяется возрастными новообразованиями данного возрастного периода, в котором активизируются и оформляются процессы рефлексии,

самопрогнозирования, а также выстраивается иерархия смысло-жизненных ориентаций взрослеющей личности [5].

Цель работы заключается в определении факторов и детерминанты экзистенциального выбора взрослеющей личности.

Метод исследования: теоретический анализ литературы, включая анализ результатов исследований по рассматриваемой проблеме.

Состояние проблемы. Как показывает образовательная практика и результаты многочисленных исследований, проведенных Т.А. Антопольской, В.И. Пановым, М.И. Рожковым, А.С. Силаковым, Р.Р. Шамсутдиновым, О.Н. Юлдашевой, современный подросток не всегда готов к самостоятельному и осознанному экзистенциальному выбору. Зачастую виртуальная реальность формирует выбор за ребенка. Образы, отраженные в Интернет-пространстве, содействуют формированию нравственного идеала. Но всегда ли содержание, транслируемое виртуальными сообществами, носит нравственный характер?

Как показали результаты изучения образа «Я»-идеальный, к которому стремится современный подросток ($n=696$, подростки в возрасте 11–14 лет; география: г. Калуга, Калужская область, г. Москва, г. Люберцы, г. Ярославль, г. Кострома; 2017–2023 гг; опросник «Мой идеал» М.И. Рожкова, И.В. Ивановой [8]), порядка 10% подростков из каждой выборки (жители города, жители сельской местности; девушки, юноши) выбрали в качестве ориентира для подражания тик-токеров, блогеров, стимеров, программистов, ютуберов, геймеров, киберспортсменов, что демонстрирует активное влияние виртуального пространства на формирование нравственного идеала и совершение экзистенциального выбора подрастающим поколением; изучение образа «Я»-идеальный подростков показало, что, прогнозируя свой идеал, современные подростки ориентируются на личности, которые являются успешными и целеустремленными [2].

Однако не всегда транслируемый виртуальным пространством образ того или иного человека, на которого старается быть походям подросток, согласуется с жизненными реалиями. Данное обстоятельство, связанное с неправдивостью содержания образа «Я»-идеальный, порождает неоправданно завышенные притязания у современных подростков, что зачастую провоцирует формирование неадекватной, часто заниженной самооценки, а также содействует рождению и закреплению в сознании взрослеющей личности комплексов неполноценности.

Полученные результаты. Проведенный теоретический анализ литературы, а также обращение к результатам проведенных исследований приводят к выводу о том, что одним из ключевых факторов экзистенциального выбора подростка сегодня является виртуальное пространство и транслируемые им идеалы современного времени.

Несомненно, существенное влияние на экзистенциальный выбор оказывает социальное окружение, задающее идеалы для подражания и ориентиры для саморазвития и самореализации. Социальная среда обеспечивает накопление подростком опыта экзистенциальных выборов в ориентире на выборы, совершаемые значимым окружением. В трудах В.А. Лай показана важность создания социальной микросреды как жизненной среды, опосредующей формирование жизненно важных ценностей как основы экзистенциального выбора [4].

Имеющийся опыт свершения самостоятельных выборов, формирующий жизненный опыт человека также выступает важнейшим фактором экзистенциального выбора. В данном ключе Л.С. Выготский пишет: «...личность создает индивидуально окрашенные ценностные ориентации, которые складываются на основе полученного жизненного опыта и определяют выбор линии поведения, которые он проецирует на свое будущее» [3, с. 432].

В трудах Л.И. Анциферовой способность человека к самостоятельному выбору, в том числе к экзистенциальному выбору, раскрыта с точки зрения реализации личностью своей субъектности, что позволяет рассматривать наличие субъектности в качестве важнейшего фактора экзистенциального выбора. Л.И. Анциферова дает характеристику жизненного пути как отраженную во времени систему экзистенциальных выборов человека, касающихся сущности его существования, а также акцентирует внимание на том, что, попадая в новые системы социально-психологических связей, в новые, непривычные обстоятельства, каждый человек овладевает новыми способами жизни, реализуя новые выборы [1]. Субъект, согласно В.А. Петровскому, есть причина себя, поэтому именно субъектность позволяет представить человека как автора своих действий, которому присущи те или иные интересы, мировоззренческие позиции [6].

Опираясь на научные исследования, проведенные в научной школе экзистенциальной педагогики под руководством профессора

М.И. Рожкова, приходим к выводу, что в качестве ведущей детерминанты экзистенциального выбора взрослеющей личности выступает нравственная устойчивость, поскольку именно результаты рефлексивной оценки того или иного качества отражаются в структуре и содержании нравственного идеала. Только сознательно принятые и ставшие устойчивыми в сознании подростка смысло-жизненные ориентации, нравственные качества и ценностные позиции позволяют ему в ситуации экзистенциального выбора осознанно и ответственно подходить к его свершению. В противном случае, отсутствие нравственной устойчивости, шаткость и неопределенность жизненной позиции препятствуют осознанному экзистенциальному выбору и ориентируют на случайный выбор в опоре на тот идеал, который стихийно сформировался в сознании человека [9].

Выводы

1. Сегодня важной тенденцией воспитания является создание условий для формирования взрослеющей личности, готовой к самостоятельному ответственному экзистенциальному выбору, нравственному росту и самосовершенствованию. У современных подростков необходимо формировать понимание зависимости полученных результатов от собственного выбора, готовность проявлять активность и преодолевать возникающие трудности на пути достижения поставленной цели. Также существенно, чтобы цель, поставленная подростком, носила экологичный характер, не противоречащий нравственным ценностям общества.

2. Объективно существующая реальность, связанная с цифровизацией, востребует модернизации масштабной части педагогических технологий, реализации новых педагогических подходов к воспитанию современных детей. При этом важно учитывать, что ведущей детерминантой экзистенциального выбора является нравственная устойчивость, а ключевыми факторами – влияние интернет-сообществ, социального окружения, а также имеющийся опыт свершения самостоятельных выборов и наличие субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода / Л.И. Анциферова // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В.Н. Дружинина. М.: «Академический проект», 2000, 320с. [Текст]: непосредственный.
2. *Байбородова Л.В.* Нравственный идеал современного ребенка: сопровождение выбора / Л.В. Байбородова, И.В. Иванова, М.И. Рожков // «Образование и саморазвитие», № 3. Т.19, 2024. СС. 84–97. DOI: 10.26907/esd.19.3.07. [Текст]: непосредственный.
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6-ти т. / Л.С. Выготский; редкол.: А.В. Запорожец (гл. ред.) и др.; Акад. пед. наук СССР. М.: «Педагогика», 1982–1984. Т.1, Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия; с послесл. и коммент. М.Г. Ярошевского, Г.С. Гургенидзе. М.: «Педагогика», 487с. [Текст]: непосредственный.
4. *Лай В.А.* Руководство к первоначальному обучению арифметике, основанное на результатах дидактических опытов: пособие для преподавателей начального курса арифметики / В.А. Лай ; пер. с посл. нем. изд. под ред. Д.Л. Волковского. 2-е изд. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1910. XVI, 292с. [Текст]: непосредственный.
5. *Леонтьев Д.А.* Новые ориентиры понимания личности в психологии: от необходимого к возможному / Д.А. Леонтьев. [Текст]: непосредственный // «Вопросы психологии», № 1. 2011. СС.13–14.
6. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. Ростов/н-Д: «Феникс», 1996. 356с. [Текст]: непосредственный.
7. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 N 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», п. II. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (дата обращения: 25.03.2025). [Текст]: электронный.
8. Рожков, М.И. Педагогическое сопровождение саморазвития подростков в дополнительном образовании / М.И. Рожков, И.В. Иванова // «Ярославский педагогический вестник», № 1 (118), 2021. СС. 37–47.
9. Теоретико-методологические основания экзистенциальной педагогики: коллективная монография ; под науч.ред. М.И. Рожкова. В 2-х т. 2023. Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. 295с. (Т.1), 244с. (Т.2). ISBN: 978-5-00089-656-3. [Текст]: непосредственный.
10. Указ Президента Российской Федерации от 09.11. 2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 25.03.2025). [Текст]: электронный.

REFERENCES

1. *Antsiferova L.* Psychological content of the phenomenon of the subject and the boundaries of the subject-activity approach / L.I. Antsiferova // The problem of the subject in psychological science / edited by A.V. Brushlinsky, M.I. Volovikova, V.N. Druzhinin. Moscow: Academicheskyy proyekt, 2000. 320p. [Text]: direct.
2. *Baiborodova L.* Moral ideal of a modern child: support for choice / L.V. Baiborodova, I.V. Ivanova, M.I. Rozhkov // Education and self-development. V.19. No. 3. 2024. PP. 84–97. DOI: 10.26907/esd.19.3.07. [Text]: direct.
3. *Vygotsky L.* Collected Works: in 6 volumes / L.S. Vygotsky; editorial board: A.V. Zaporozhets (editor-in-chief) and others; USSR Academy of Pedagogical Sciences. Moscow: Pedagogics, 1982–1984. V. 1: Questions of Theory and History of Psychology / edited by A. R. Luria; with afterwords and comments by M.G. Yaroshevsky, G.S. Gurgenzidze. Moscow: Pedagogics, 487p. [Text]: direct.
4. *Lai V.* Guide to Initial Teaching Arithmetic Based on the Results of Didactic Experiments: a manual for teachers of the elementary course of arithmetic / V.A. Lai; trans. from the last Germ. ed. edited by D.L. Volkovsky. 2nd ed. Moscow: Typ. t-va I. D. Sytin, 1910. XVI, 292p. [Text]: direct.
5. *Leontiev D.* New guidelines for understanding personality in psychology: from the necessary to the possible / D.A. Leontiev. [Text]: direct // “Questions of psychology”, №1. 2011. PP.13–14.
6. *Petrovsky V.* Personality in psychology: the paradigm of subjectivity / V.A. Petrovsky. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. 356p. [Text]: direct.
7. Order of the Government of the Russian Federation of 05.29.2015 N 996-r “On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025”, p. II. Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/ (date accessed: 25.03.2025). [Text]: electronic.
8. *Rozhkov M.* Pedagogical support for self-development of adolescents in additional education / M.I. Rozhkov, I.V. Ivanova // “Yaroslavl pedagogical bulletin” No. 1 (118), 2021. PP. 37–47.
9. Theoretical and methodological foundations of existential pedagogy: collective monograph; edited by M.I. Rozhkov. In 2 volumes. 2023. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. 295 p. (Vol. 1), 244p. (Vol. 2). ISBN: 978-5-00089-656-3. [Text]: direct.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11. 2022 No. 809 “On approval of the principles of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values” Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date accessed: 25.03.2025). [Text]: electronic.

FACTORS AND DETERMINANTS OF EXISTENTIAL CHOICE OF A MATURE PERSONALITY

I. Ivanova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky”, Kaluga, Russia

ABSTRACT*

The article is based on the analysis of scientific literature and the results of research in the field of studying the moral ideal of modern adolescents. The emphasis is placed on the fact that the objectively existing reality associated with digitalization and influencing the processes of personality development in modern conditions will require modernization of a large part of pedagogical technologies, the implementation of new pedagogical approaches to the education of modern children. It is shown that the key factors of existential choice are the influence of Internet communities, social environment, as well as the existing experience of making independent choices and the presence of subjectivity. Based on scientific research conducted in the scientific school of existential pedagogy under the guidance of Professor M.I. Rozhkov, moral stability is defined as a key determinant of existential choice, which in a situation of vital choice allows you to consciously and responsibly approach its implementation.

Keywords: existential choice, existential pedagogy, subjectivity of personality, moral ideal, determinant.

* The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation grant No. 25-28-20461, <https://rscf.ru/project/25-28-20461/>

АДАПТАЦИЯ К СТРЕССОГЕННЫМ ФАКТОРАМ РАБОТНИКОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР

Г.Ю. Иконникова¹, Е.С. Фомина²

*¹Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия*

*²ГБУЗ СК «Пятигорская ГКБ №2» Медицинский психолог, г. Пятигорск
ikonnikova@inbox.ru, keti.f-16@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье обсуждаются особенности адаптации к стрессогенным факторам работников силовых структур. В исследовании принимали участие 102 сотрудника силовых структур мужского пола в возрасте от 25 и до 37 лет с различным стажем работы (до 3 лет и от свыше 5 лет). *Методики исследования:* «Эмоциональное выгорание» В.В. Бойко, шкала самооценки Спилбергера-Ханина, методика «Исследование уровня эмпатийных тенденций» И.М. Юсупова, опросник социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд, адаптирована А.К. Осницким, Опросник «Оценка профессиональной дезадаптации» О.Н. Родиной – разработан для оценки рабочего состояния и адаптирован для широкого применения (оценки состояния рабочих различных профессий) М.А. Дмитриевой. Результаты исследования показали, что у сотрудников силовых структур со различным стажем работы наблюдается избирательное эмоциональное реагирование; расширение сферы экономии эмоций; редукция профессиональных обязанностей. Сотрудники силовых структур со стажем работы **от 5 лет** имеют высокий уровень адаптации, что связано с их самопринятием, принятием других, эмоциональной комфортностью и такой чертой личности, как интернальность, нежели со склонностью к эпатажному поведению. Сотрудники силовых структур со стажем работы **до 3 лет** отличаются меньшей социальной адаптированностью, менее ориентируется на мнение окружающих, склонны к самостоятельности, вследствие этого принятие себя у них выше.

Ключевые слова: личностная адаптация, стрессогенные факторы, силовые структуры, социально-психологическая адаптация, профессиональная деятельность.

Введение

Мы живем с вами не в простое время, время глобальных перемен, которое несет в себе не только положительные эмоции, но и зачастую и разочарование. Именно стресс становится для человека привычным, поэтому с ним приходится считаться ввиду его негативного воздействия и опасности, которую он представляет. Профессия сотрудников силовых структур экстремальна из-за профессиональной деятельности, которая психоэмоционально напряжена и на постоянной основе оказывает влияние на результативность специалистов в данной области, что часто приводит не только к эмоциональному выгоранию, но и к развитию невротических и психосоматических расстройств.

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

В отечественной психологии изучением адаптацией, как приспособлением к измененным условиям среды, занимались В.А. Ананьев, Е.В. Витенберг, А.Г. Маклаков, С.Т. Посохова, Н.Н. Обозов и др.

Постоянное воздействие стрессогенных факторов, присутствие витальной угрозы, вероятность травматизации и гибели требуют от силовиков высокой профессиональной подготовки. В работах Г.Ю. Иконниковой, Я.С. Куриленко, С.Б. Пашкина отмечается, что сотрудники силовых структур должны уметь регулировать свое психическое состояние, т.к. неспособность адекватно воспринимать информацию и правильно реагировать на нее приводит к дезадаптации личности, снижает жизненный потенциал. Психологические качества личности специалистов силовых структур имеют также важное значение, т.к. обуславливают психологическую готовность к деятельности в экстремальных условиях [1, 2, 5].

С.Т. Посохова считает, что «Психический компонент адаптационного потенциала обеспечивается скрытыми и проявленными возможностями человека, позволяющими отражать реальность взаимодействия во всем ее многообразии и регулировать различные взаимоотношения с ней и с самим собой, сохранять собственную целостность, самосовершенствоваться и самообразовываться» [6].

В нашем исследовании мы остановимся на основных проблемах адаптации к стрессогенным факторам сотрудников силовых структур как способности к приспособлению и выживанию для обеспечения жизни, поддержания постоянства внутренней среды и сопротивления стрессу. Что касается личностной адаптации специалистов силовых структур, то С.Б. Пашкин и Г.Ю. Иконникова в своих работах отмечают, что ее следует в данном контексте рассматривать как приспособление личности в соответствии с социальными требованиями и с собственными потребностями, мотивами и интересами [1–4].

Мы предположили, что сотрудники силовых структур со стажем до 3 лет характеризуются затруднениями в социально-психологической адаптации к стрессогенным факторам их профессиональной деятельности.

Материалы и методы

Обследованы 102 сотрудника силовых структур мужского пола в возрасте от 25 и до 37 лет с различным стажем работы (до 3 лет и от 5 лет). Для исследования личностной адаптации к стрессогенным факторам работников силовых структур применялся следующий психодиагностический комплекс:

1. «Эмоциональное выгорание» В.В. Бойко;
2. Шкала самооценки Спилберга-Ханина;
3. Методика «Исследование уровня эмпатийных тенденций» И.М. Юсупова;
4. Опросник социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд, адаптирована А.К. Осницким);
5. Опросник «Оценка профессиональной дезадаптации» О.Н. Родиной – разработан для оценки рабочего состояния и адаптирован для широкого применения (оценки состояния рабочих различных профессий) М.А. Дмитриевой.

Результаты и обсуждение

Сравнительный анализ полученных результатов между сотрудниками силовых структур с различным стажем работы в организации позволил сделать выводы.

Так как человек с развитым чувством эмпатия зачастую имеет успех именно в тех вида деятельности, которые требуют понять человека по общению и взаимодействию, то необходимо было в нашем исследовании использовать методику И.М. Юсупова для выявления эмпатии (сопереживания) у сотрудников силовых структур.

Таблица 1.

**Достоверные различия показателей уровня эмпатии
в группах сотрудников силовых структур**

Методика И. М. Юсупова	Сотрудни- ки со ста- жем до 3 лет (сред- нее значе- ние) $\bar{X}$	Сотрудни- ки со ста- жем от 5 лет (сред- нее значе- ние) $\bar{X}$	Значе- ние t-крите- рия	Довери- тельная вероят- ность $P<0,05$
уровень эмпатии	40,85	58,25	-2,32	0,002

Очевидно, что сотрудникам силовых структур со стажем работы более 5 лет не чужды эмоциональные проявления, они больше сконцентрированы на своих обязанностях и не позволяют во время работы раскованности чувств.

Выводы о негативном влиянии длительной работы человека в экстремальных условиях подтверждают и результаты, полученные при исследовании состояния тревоги и тревожности как свойства личности у сотрудников силовых структур с различным стажем работы.

Таблица 2.

**Достоверные различия показателей уровня тревожности
в группах сотрудников силовых структур**

Методика Ч. Спилбергера и Ю.Л. Ханина	Сотрудни- ки со ста- жем до 3 лет (сред- нее значе- ние) $\bar{X}$	Сотрудни- ки со ста- жем от 5 лет (сред- нее значе- ние) $\bar{X}$	Значе- ние t-крите- рия	Довери- тельная вероят- ность $P<0,05$
уровень эмпатии	36,88	41,25	-3,33	0,001

В рамках выявления состояния тревоги и тревожности, как свойства личности у сотрудников силовых структур с различным стажем работы, было выявлено, что большинство ситуаций воспринимаются ими как угрожающие их самооценке, физическому здоровью, поэтому был произведен замер уровня тревожности до начала работы и по ее окончанию. Повышенная тревожность сотрудников силовых структур со стажем работы от 5 лет перед работой объясняется их большим опытом работы в экстремальных ситуациях. Полученный результат дает основание предположить, что сложные ситуации воспринимаются специалистами именно такими, какими они есть в действительности, а именно то, насколько они эмоционально насыщены и как будут складываться взаимоотношения с субъектами профессиональной деятельности. Можно сказать, что более опытные коллеги уверены в успехе завершения сложной ситуации, и именно это позволяет им сохранять эмоциональное равновесие и помнить о мере своей ответственности.

Повышенная психоэмоциональная напряженность в профессиональной деятельности сотрудников силовых структур, необходимость адекватно реагировать в условиях дефицита времени способствует возникновению разочарования в профессии, профессиональной деформации и т.д., и как следствие очень быстро могут отчетливо проявиться характерные признаки «эмоционального выгорания».

Таблица 3.

**Достоверно значимые различия показателей фаз
симптомокомплексов в обеих выборках испытуемых**

	Со стажем до 3 лет среднее значение $\bar{X}$	Со стажем от 5 лет среднее значение $\bar{X}$	Значение t-критерия	Доверительная вероятность $P < 0,05$
Напряжение	32,5	71,35	2,38	0,005
Резистенция	61,5	83,5	4,71	0,003
Истощение	38,6	82	3,37	0,0001

Из Табл. 3 видно, что сотрудники силовых структур (стаж работы до 3 лет) подошли к порогу, когда формирование синдрома «эмоционального выгорания» неизбежно. Такой результат обусловлен в первую

очередь профессиональной деятельностью, осложненной интенсивными межличностными взаимодействиями с разными субъектами своей деятельности, как правило чрезмерно эмоциональной насыщенной, отличающейся когнитивной сложностью. Что касается сотрудников (стаж работы от 5 лет), то они характеризуются осознанием психотравмирующих факторов профессиональной деятельности на их психику, эмоциональный дефицит уже ощутим.

Можно резюмировать, что в обеих группах постепенно расширяется область экономии эмоций, таким образом происходит выборочное эмоциональное реагирование на ситуации, происходит редукция профессиональных обязанностей, то есть, когда сотрудник силовых структур начинает не только отрицательно оценивать себя, но и свои профессиональные достижения и успехи, проявлять негативизм относительно служебных достоинств и возможностей. В связи с этим важно знать, насколько специалистам данной профессии комфортно в коллективе.

Для выявления социально-психологической адаптации сотрудников силовых структур мы использовали опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда. Полученные высокие баллы по шкале «Самопринятие» (65,1 и 69,9) подтверждают наше предположение о том, что силовики довольны собой в целом, доверяют себе и дают позитивную оценку своему психоэмоциональному состоянию, при этом также ожидают позитивное отношение к себе со стороны окружающих, что, в свою очередь, способствует успешной социально-психологической адаптации. Интегральная оценка «Адаптация» в группах сотрудников силовых структур составила (56 и 69,9) балла, что находится на уровне среднего значения и указывает на их самостоятельность, способность к поиску адекватных компромиссов между собственными желаниями и стремлениями. Показатель «Эмоциональная комфортность» (53,7 и 67,8) демонстрирует хороший настрой у сотрудников силовых структур в работе, они удовлетворены своей жизнью, что также говорит об успешности социально-психологической адаптации сотрудников силовых структур. Внимания заслуживает низкая оценка по шкале «Эскапизм» (14,6 и 12,5), что указывает на готовность сотрудников силовых структур к решению самых сложных профессиональных задач, жизненных трудностей и профессиональному преодолению их в групповом взаимодействии с коллегами.

Заключение

Изучение проблем адаптации к стрессогенным факторам работников силовых структур выявило, что содержание и вектор адаптации, в первую очередь, определяется личностными свойствами на разных уровнях организации человека. Пребывание человека в стрессовых ситуациях, угрожающих не только жизни людей, но и лично сотрудникам силовых структур, требует от каждого высокого самоконтроля, умения мгновенно оценивать сложные ситуации и правильно реагировать при выполнении поставленных задач. Становится очевидным, что успехов в решении профессиональных задач добиваются только те сотрудники силовых структур, которые способны быстро сосредоточиться на задании, рационально распорядиться своими физическими и умственными ресурсами, при этом сохраняя нервно-психическую активность и устойчивость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иконникова Г.Ю., Куриленко Я.С., Пашкин С.Б. Результаты исследования ценностных ориентаций офицеров вооруженных сил Российской Федерации с различным стажем военной службы // Сборник научных трудов, под общей ред. В.Б. Коновалова; Министерство обороны РФ, Научно-исследовательский институт (военно-системных исследований материально-технического обеспечения вооруженных сил РФ) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева. С-Пб, 2017. СС. 330–346.
2. Иконникова Г.Ю., Куриленко Я.С. Личностная адаптация к стрессогенным факторам сотрудников силовых структур // В сб.: Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей Материалы VI Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. 2016. СС. 352–355.
3. Иконникова Г.Ю., Тужикова Е.С., Кудрин А.А. Копинг-стратегии в конфликтных ситуациях в профессиональной деятельности служащих // «Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia.Offline Letters): электронный научный журнал», № 2 (февраль). 2020. ART 2821. URL: <http://emissia.org/offline/2020/2821.htm>

4. Лисовская Н.Б., Иконникова Г.Ю., Кудрин А.А. Индивидуально-психологические особенности личности, влияющие на эффективность и безопасность деятельности на транспорте // «Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал», № 1. 2019. С. 2691.
5. Пашкин С.Б., Иконникова Г.Ю., А.Н. Тюкаева Особенности профессиональной деятельности государственных служащих... // «Психолого-педагогические аспекты подготовки», 2021.
6. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: субъективный подход. Дис. д-ра психол. наук, СПб, 2001.

REFERENCES

1. Ikonnikova G., Kurilenko, Ya., Pashkin S. Research Results on the Value Orientations of Officers of the Armed Forces of the Russian Federation with Different Lengths of Military Service // In: Collection of Scientific Papers, ed. by V.B. Konovalov; Ministry of Defense of the Russian Federation, Research Institute (Military-System Research of Logistics Support of the Armed Forces of the Russian Federation), Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev. St. Petersburg, 2017. PP. 330–346.
2. Ikonnikova G., Kurilenko Ya. Personal Adaptation to Stressogenic Factors in Law Enforcement Officers // In: Integrative Approach to Human Psychology and Social Interaction: Proceedings of the 6th All-Russian Scientific and Practical (Correspondence) Conference. Herzen Russian State Pedagogical University. 2016. PP. 352–355.
3. Ikonnikova G., Tuzhikova E., Kudrin A. Coping Strategies in Conflict Situations in the Professional Activities of Employees. The Emissia.Offline Letters: "Electronic Scientific Journal", No. 2 (February), 2020. ART 2821. URL: <http://emissia.org/offline/2020/2821.htm>
4. Lisovskaya N., Ikonnikova G., Kudrin A. Individual Psychological Traits Influencing the Efficiency and Safety of Transport Activities. The Emissia. Offline Letters: "Electronic Scientific Journal", No. 1, 2019. P. 2691.
5. Pashkin S., Ikonnikova G., Tyukaeva A. Features of the Professional Activities of Civil Servants // In: "Psychological and Pedagogical Aspects of Training", 2021.
6. Posokhova S. Psychology of the Adapting Personality: A Subjective Approach. Doctoral dissertation in psychological sciences, St. Petersburg, 2001.

ADAPTATION TO STRESSOGENIC FACTORS OF LAW ENFORCEMENT EMPLOYEES

G. Ikonnikova¹, E. Fomina²

¹Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen, St. Petersburg, Russia

*²State Healthcare Institution of the Stavropol Territory "Pyatigorsk City Clinical
Hospital No. 2" Medical Psychologist, Pyatigorsk, Russia*

ABSTRACT

The article discusses the features of adaptation to stress factors of employees of law enforcement agencies. The study involved 102 male employees of law enforcement agencies aged 25 to 37 years with different length of service (up to 3 years and over 5 years). Research methods: "Emotional burnout" by V.V. Boyko, Spielberger-Khanin Self-Assessment Scale, "Study of the level of empathic tendencies" method by I.M. Yusupov, questionnaire of social and psychological adaptation (K. Rogers, R. Diamond, adapted by A.K. Osnitsky, The questionnaire "Assessment of professional maladaptation" by O.N. Rodina was developed to assess the working condition and adapted for wide application (assessment of the condition of workers of various professions) by M.A. Dmitrieva. The results of the study showed that employees of law enforcement agencies with different lengths of service exhibit selective emotional responses; expansion of the sphere of economy of emotions; reduction of professional duties. Law enforcement officers with 5 years of experience have a high level of adaptation, which is associated with their self-acceptance, acceptance of others, emotional comfort and such a personality trait as internality, rather than a tendency to outrageous behavior. Law enforcement officers with up to 3 years of work experience are less socially adapted, less focused on the opinions of others, inclined to independence, and as a result, their self-acceptance is higher.

Keywords: personal adaptation, stress factors, law enforcement agencies, social and psychological adaptation, professional activity.

СРАВНЕНИЕ СТЕПЕНИ ВОВЛЕЧЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИЮ С МЕДИАГРАМОТНОСТЬЮ

Л. Казарян

*Ереванский государственный университет
Кафедра общей психологии факультета философии и психологии,
Ереван, Республика Армения
lusine.ghazaryan@ysu.am*

АННОТАЦИЯ

Предметом данного исследования является изучение роли медиаграмотности со степенью вовлеченности в процесс онлайн-коммуникации в социальных и других сетях интернет-пространства. Вторая половина XX века ознаменовалась рядом трансформаций в общественной жизни, в том числе беспрецедентным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), формированием новых возможностей для общения и взаимодействия. Сегодня ИКТ развиваются и совершенствуются быстрыми темпами, интегрируясь во все сферы жизни. Интернет присутствует везде: на рабочем месте, в государственном управлении, экономике, образовании, здравоохранении, торговле и сфере развлечений, что свидетельствует о том, что общество вовлечено в информационное поле, а электронная и информационная культура уже стала неотъемлемой и важной частью жизни каждого человека. В статье рассмотрены роль и влияние медиаграмотности в контексте вовлеченности в интернет-коммуникации среди людей зрелого возраста (30–45 лет, N=50). Анализ результатов выявил определенные закономерности, связанные с частотой и характером пользования социальных сетей, отношение к информации, роли интернета и т.п.

Ключевые слова: медиаграмотность, интернет-зависимость, виртуальная реальность, кибербезопасность, медиаобразование.

Введение

На сегодняшний день уже доказано, что одним из лучших инструментов профилактики интернет-зависимости является медиаграмот-

ность. Для целенаправленного и безопасного использования социальных медиа человек обязательно должен обладать хотя бы минимальным уровнем знаний и навыков интернет и медиа-грамотности, что позволит ему правильно оценивать информацию, получаемую из Интернета, осознавать влияние социальных медиа на свою жизнь и здоровье, а также быть более бдительным при использовании интернет-ресурсов.

Медиаграмотность позволяет современному человеку своевременно распознавать и контролировать первые признаки интернет-зависимости, минимизировать и предотвращать возможные риски. *Актуальность исследования* обусловлена важностью медиаграмотности в процессах профилактики и преодоления интернет-зависимости, вызванной широким доступом к информационным технологиям и их возможностями. Это может помочь людям контролировать влияние интернет-контента на их жизнь.

Цель данного этапа пилотного исследования – выявить уровень медиаграмотности в связи со степенью вовлеченности взрослого населения в интернет-коммуникацию для последующего поиска средств профилактики данной зависимости. Дальнейшими этапами исследования предусмотрено расширить батарею методик, провести сравнительный анализ с другими возрастными группами и апробировать наиболее эффективные средства профилактики.

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

В процессе теоретического анализа нами были изучены работы ряда исследователей, среди которых: J. Singh, K. Kerr, E. Hamburger (2016), S. Nieminen, L. Rapeli (2018), М.А. Авербух (2019), С.В. Коваленко (2022) и другие. Анализ представленных в исследовании данных показал, что проведенные исследования и выдвинутые гипотезы могут быть использованы в различных сферах, способствуя повышению эффективности стратегий профилактики интернет-зависимости. Полученные результаты могут быть полезны для различных сфер деятельности, связанных с интеграцией Интернета, для минимизации возможных рисков зависимости.

Анализ проблемы

Медиаграмотность – это сложный и многогранный навык, который позволяет человеку правильно оценивать, интерпретировать и использовать информацию, передаваемую через социальные медиа и Интернет в целом [1, с. 291]. Она дает медиапотребителю возможность различать пропаганду и объективную информацию, распознавать киберугрозы и избегать опасных онлайн-взаимодействий [2, стр. 154].

Для безопасного использования интернет-платформ пользователь должен обладать соответствующими знаниями и практическими навыками, которые позволят ему ориентироваться в информационном пространстве. Таким образом, медиаграмотность не только создает возможность целенаправленного использования интернет-ресурсов, но и является важным фактором осведомленности и соблюдения правил безопасного поведения в Интернете.

Как явление, медиаграмотность начала формироваться еще во второй половине XX века на фоне технологического прогресса. Первоначально она касалась традиционных СМИ, но с развитием Интернета и социальных медиа медиаграмотность стала более комплексным и многосоставным понятием [3, с. 93]. За последние десятилетия медиаграмотность стала важным фактором в профилактике интернет-зависимости [4, с. 84]. Интернет-зависимость, как современная социально-культурная проблема, с каждым днем становится все более актуальной и, помимо подростков, в значительной степени затрагивает людей старше 35 лет. Это связано с особенностями их работы или с потребностью в заполнении свободного времени в условиях безработицы.

Интернет-зависимость может вызывать множество психологических, социальных и физических проблем, негативно влияя на качество жизни человека. Медиаграмотность, включающая в себя также правильное и безопасное использование информационных технологий, играет важную роль в предотвращении зависимости, помогая предотвратить ее развитие.

Исследователи указывают на основные навыки медиаграмотности, среди которых особенно выделены следующие: правильный выбор информации, управление временными ресурсами, выделяемыми на Интернет, развитие критического мышления [5, с. 465]. Благодаря медиагра-

мотности пользователь осознает риски социальных медиа, различает надежные и ненадежные интернет-источники, правильно анализирует их [6, с. 14].

Одним из ключевых компонентов профилактики интернет-зависимости является способность распознавать ее ранние признаки. Медиаграмотность способствует этому процессу, т.к. медиаграмотный человек лучше владеет навыками самоконтроля, что позволяет ему предотвратить формирование зависимости.

Медиаграмотность играет важную роль в формировании цифрового сознания и ответственности, помогая человеку вовремя осознать первые признаки злоупотребления Интернетом и сбалансировать реальную жизнь с цифровым миром [7, с. 243]. В контексте профилактики интернет-зависимости многие авторы справедливо отмечают значение исследования медиаграмотности для безопасности личности в контексте образовательного процесса [4, 8].

Таким образом, медиаграмотность можно рассматривать как важный инструмент в профилактике интернет-зависимости. Она позволяет развивать такие навыки, которые помогают предотвратить первые признаки зависимости, сбалансировав реальную и цифровую среду.

Методы исследования

Для обоснования наших теоретических утверждений были использованы две методики исследования:

1. Анкета для оценки уровня интернет-зависимости по методике С.А. Кулакова. Данный опросник был адаптирован для возрастной группы, выбранной в исследовании, и позволил определить влияние интернет-использования на различные сферы жизни личности, включая рабочие отношения и психосоциальное состояние.
2. Анкета для определения уровня медиаграмотности респондентов, которая выявляла роль медиаграмотности в профилактике интернет-зависимости, а также ее влияния на развитие интернет-культуры, и целенаправленное использование интернета как у активных, так и у пассивных пользователей.

Исследование было проведено среди 50 человек в зрелом возрасте 30–45 лет.

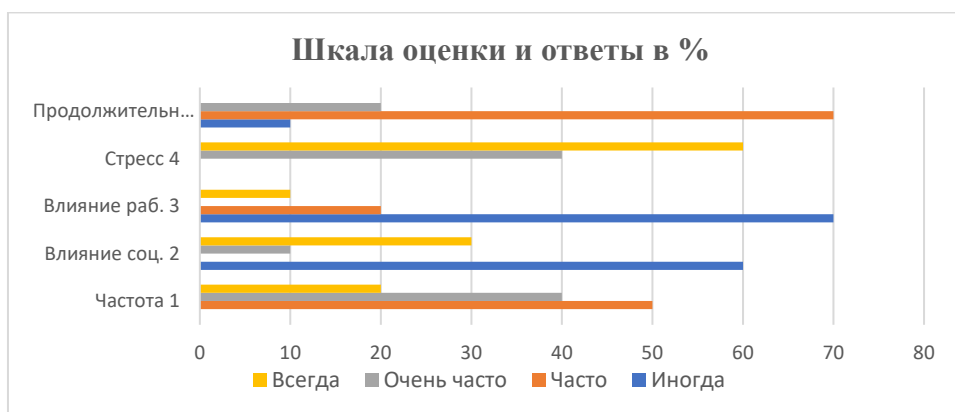

Рисунок 1. Результаты опросника С. А. Кулакова по выявлению интернет-зависимости.

Выводы по результатам исследования

Результаты опроса показывают, что только 10–15% респондентов пользуются Интернетом без признаков зависимости. У 35% испытуемых наблюдаются признаки интернет-зависимости, а у 45–50% отмечается устойчиво развивающаяся форма зависимости: они уже сталкиваются с трудностями в работе, социальной жизни, испытывают эмоциональную неустойчивость и стресс при отсутствии доступа в Интернет.

Исследование зафиксировало преобладание негативных последствий: чрезмерное использование интернета, психологические и физические проблемы, нарушение социальных связей, трудности в учебе и на работе.

Таблица 1.

Результаты анализа анкеты, определяющей уровень медиаграмотности респондентов

N	Вопрос	Результаты опроса, %
1	Уверены ли вы, что обладаете достаточной медиаграмотностью для критической оценки информации в интернете?	Да – 30%
		Нет – 70%

2	Каким способом вы проверяете достоверность информации в Интернете?	Ищу первоисточник – 20%
		Доверяю источнику – 40%
		Использую только проверенные и надежные источники – 40%
3	С какой целью вы используете Интернет?	Работа – 30%
		Образование – 20%
		Развлечение – 50%
4	Мешает ли интернет вашей реальной жизни?	Да – 60%
		Нет – 20%
		Частично – 20%
5	Как вы контролируете время, проведенное в Интернете?	Ограничиваю его самостоятельно – 40% Провожу в Сети много времени случайно – 20% Намеренно провожу в Интернете много времени – 40%
6	Может ли медиаграмотность снизить уровень интернет-зависимости?	Да – 50%
		Нет – 10%
		Частично – 40%
7	Предпринимаете ли вы шаги для повышения уровня своей медиаграмотности?	Да – 40%
		Нет – 5%
		Редко – 55%
8	Чувствуете ли вы тревогу или напряжение при отсутствии Интернета?	Да – 80%
		Нет – 20%

Обобщение результатов исследования

Анализ данных показывает, что у большинства респондентов – низкий уровень медиаграмотности, а многие не проверяют достоверность интернет-источников. Влияние Интернета на образ жизни также велико: многие люди ощущают, что Интернет мешает их реальной жизни, а у значительной части опрошенных наблюдаются стрессовые реакции. Тем не менее, 90% респондентов признают важность медиаграмотности в профилактике интернет-зависимости, но только меньшая часть предпринимает реальные шаги для ее развития.

Таким образом, результаты нашего исследования подтверждают теоретические выводы о том, что медиаграмотность является важным инструментом профилактики интернет-зависимости. Однако осознание ее значимости в обществе остается недостаточно сформированным. Это связано, в том числе, с тем, что интернет-зависимость не воспринимается большинством как серьезная проблема, и не все осознают ее потенциальные риски. Однако научные исследования доказывают, что интернет-зависимость может привести к психологическим, физическим и социальным последствиям.

Заключение

Таким образом, в статье был рассмотрен вопрос сравнения степени вовлеченности взрослого населения в интернет-коммуникацию с медиаграмотностью и фактор медиаграмотности как предикторов профилактики интернетзависимости. Исследование показало, что Интернет может играть двойственную роль в жизни современного человека.

С одной стороны, он является полезным инструментом для образования, работы, социальных связей и общения. Однако это возможно только при наличии высокого уровня медиаграмотности и при соблюдении правил цифровой безопасности.

С другой стороны, люди с низким уровнем медиаграмотности менее критичны к интернет-контенту, чаще сталкиваются с дезинформацией и подвержены интернет-зависимости. Таким образом, медиаграмотность помогает не только правильно использовать Интернет, но и является ключевым фактором в борьбе с интернет-зависимостью. Для

снижения проблемы интернет-зависимости аналогичные исследовательские данные необходимы для поиска активных меры на государственном и общественном уровнях. Эти меры могут реализовываться посредством информационных кампаний и специальных передач, социальных проектов, доступных образовательных программ по медиаграмотности.

Данный этап исследования позволил обосновать стратегию опроса и обозначить следующие основные этапы для подбора конкретных методик, провести сравнительный анализ с другими возрастными группами и проверить эффективность предложенных средства профилактики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авербух М.А.* Медиаграмотность: определение и составляющие // «Национальный педагогический журнал», № 2. Т. 1. 2019. СС. 93–99.
2. *Александрова Л.Н.* Информационно-коммуникационные технологии в образовательном процессе: учебное пособие / Л.Н. Александрова. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2020. 81с. URL: <https://e.lanbook.com/book/331715>.
3. *Городнова А.А.* Развитие информационного общества: учебник и практикум для академического бакалавриата / А.А. Городнова. М.: Изд-во «Юрайт», 2017. 235с.
4. *Коваленко С.В.* Исследование интернет-зависимости подростков в условиях образовательной среды как фактора психологической безопасности личности / С.В. Коваленко, А.Д. Маковецкая, Г.Г. Тюстина // «Мир науки. Педагогика и психология», № 5. Т. 10. 2022. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/43PSMN522.pdf>.
5. *Миндеева С.В.* Медиаобразование: к проблеме систематизации научной терминологии // «Вестник Томского государственного университета», № 367. 2018. СС.154–157.
6. *Nieminen S. & Rapeli L.* (2018). Fighting Misperceptions and Doubting Journalists' Objectivity: "A Review of Fact-checking Literature. Political Studies Review", 17 (3), 296–309: <https://doi.org/10.1177/1478929918786852>.
7. *Орлова М.А.* Использование медиатекстов как средства развития навыка чтения на продвинутом этапе обучения в рамках основного общего образования // «Молодой ученый», № 20 (467). 2023. СС. 207–212. URL: <https://moluch.ru/archive/467/102771/>.
8. *Singh J., Kerr K., Hamburger E.* (ред.) Media and information literacy: reinforcing human rights, countering radicalization and extremism. Paris: "UNESCO", 2016: <https://voxpath.eu/file/media-and-information-literacy>

REFERENCES

1. *Singh J., Kerr K. & Hamburger E.* (Eds.). *Media and Information Literacy: Reinforcing Human Rights, Countering Radicalization and Extremism*. Paris: “UNESCO”, 2016. Retrieved from: <https://voxpol.eu/file/media-and-information-literacy>.
2. *Mindeeva S.* Media Education: On the Problem of Systematizing Scientific Terminology // “Vestnik of Tomsk State University”, No. 367, 2018. PP. 154–157.
3. *Averbukh M.* Media Literacy: Definition and Components // “National Pedagogical Journal”, No. 2. Vol. 1, 2019. PP. 93–99.
4. *Aleksandrova L.* *Information and Communication Technologies in the Educational Process: A Textbook*. Yelets: Bunin Yelets State University, 2020, 81p. Retrieved from: <https://e.lanbook.com/book/331715>.
5. *Orlova M.* Using Media Texts as a Tool for Developing Reading Skills at the Advanced Stage of General Education. *Young Scientist*, No. 20 (467), 2023. PP. 207–212. Retrieved from: <https://moluch.ru/archive/467/102771/>.
6. *Nieminen S. & Rapeli L.* (2018). Fighting Misperceptions and Doubting Journalists’ Objectivity: A Review of Fact-checking Literature // “Political Studies Review”, 17(3), 296–309: <https://doi.org/10.1177/1478929918786852>.
7. *Gorodnova A.* *Development of the Information Society: Textbook and Workshop for Academic Bachelor’s Degree Programs*. Moscow: “Yurayt Publishing”, 2017, 235p.
8. *Kovalenko S., Makovetskaya A. & Tyustina G.* A Study of Internet Addiction Among Adolescents in the Educational Environment as a Factor of Psychological Safety. *World of Science* // “Pedagogy and Psychology”, Vol. 10, No. 5, 2022. Retrieved from <https://mir-nauki.com/PDF/43PSMN522.pdf>

THE COMPARISON OF THE LEVEL OF ADULT POPULATION ENGAGEMENT IN INTERNET COMMUNICATION WITH MEDIA LITERACY

L. Ghazaryan

*Postgraduate student of the Department of General Psychology,
Faculty of Philosophy and Psychology, Yerevan State University*

ABSTRACT

The subject of this study is to examine the role of media literacy with the degree of involvement in the process of online communication in social networks. The second

half of the 20th century was marked by a number of transformations in public life, including the unprecedented development of information and communication technologies (ICT), the formation of new opportunities for communication and interaction. Today, ICTs are developing and improving at a rapid pace, integrating into all spheres of life. The Internet is present everywhere: in the workplace, in public administration, economics, education, healthcare, trade and entertainment, which suggests that society is involved in the information field, and electronic and information culture has already become an integral and important part of every person's life. The study examines the role and influence of media literacy in the context of involvement in Internet communications among mature people (30-45 years old, N = 50). Analysis of the results revealed certain patterns associated with the frequency and nature of the use of social networks, attitudes towards information, the role of the Internet, etc.

Keywords: media literacy, internet addiction, virtual reality, cybersecurity, media education.

SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO STUDYING IN RUSSIA

G. Kameneva, Yu Jieping, M. Volk

*Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba, Moscow, Russia
kameneva-gn@rudn.ru, 1042248055@rudn.ru, volk-mi@rudn.ru*

ABSTRACT

The article examines the psychological characteristics of adaptation of Chinese and Vietnamese students to studying in Russia. China and Vietnam have their own cultural norms and values, which may differ from Russian ones, which may lead to cultural shocks that make it difficult for students to adapt to the new educational environment.

Keywords: adaptation; psychological adaptation; social and psychological adaptability; intercultural adaptation.

Introduction

Adaptation as a separate psychological category has a long history of research. In the most general sense, adaptation can be considered a product of self-regulation. The result of adaptation can be considered as ensuring a sufficient level of efficiency of life activity and adaptation to environmental conditions. When considering adaptation, it is necessary to note its very specific target orientation towards maintaining the integrity of the personality and ensuring the minimum necessary normal level of functioning. It is also important to note the significance of such an aspect of adaptation as focus on development [9].

As noted by A.V. Tairova, difficulties in the adaptation process are typical for foreign students. This circumstance is caused primarily by the need to change one's own behavior, one's own behavioral activity so that they correspond to the norms and rules of behavior in the host country. In addition to this feature, the situation is also complicated by the need to effectively

implement educational and professional activities, which also affects the effectiveness of the adaptation process [7]. The problems and difficulties of student adaptation are generally of a logical, natural nature, despite the specific conditions for foreign students, as well as the availability of organizational opportunities [3].

Materials and Methods

Turning to the analysis of individual psychological variables in the context of adaptation to a new cultural environment, we can note the study by I.A. Novikova, in which it was noted that the success of the process of intercultural adaptation among representatives of student youth is associated with the level of tolerance. In turn, tolerance is associated with interactivity and conformity, as indicators of successful adaptation of students to new living conditions. Thus, tolerance for the traditions and norms of the host country, together with a respectful attitude towards them, contributes, according to the scientist, to more successful adaptation and greater constructiveness of the course of this process [5].

According to G.N. Kameneva, there is a relationship between the success of students' adaptation to a new cultural environment and the manifestation of such a personal characteristic as shyness. The researcher determined that the need to enter into new social interactions for students significantly affects the current psychophysiological status. Accordingly, a high level of shyness can negatively affect the success of the adaptation process. In addition to this characteristic, the researcher also emphasizes that a high level of stress resistance in students has a constructive effect on the process of students' adaptation in the learning process [4].

To determine the characteristics of adaptation to study in Russia of foreign students, a program of empirical research was proposed to determine the psychological characteristics of adaptation to study in Russia of foreign students from China and Vietnam.

In the study to determine the psychological adaptation to studying in Russia of foreign students from China and Vietnam, the following psychodiagnostic methods were used: 1. The scale of acculturation of foreign students to Russia [2]; The Rogers-Diamond questionnaire of social and psychological adaptation [8].

The study found that there were certain differences in the average values of the indicator for the general acculturation indicator, for the interaction with culture indicator, and for the acceptance of culture indicator.

A more detailed analysis shows that the indicators of sympathy and interest in the new culture have generally similar values in the two groups of students. The average value in the group of Chinese students is 40.35, while in the group of Vietnamese students it is 39.38. Considering the maximum value on this scale, which is 50 points, it can be said that, on average, students representing both groups are characterized by an above-average level of interest in the new culture. If we try to interpret the data obtained, we can note the students' focus on studying the traditions and culture of the host country, the focus on mastering cultural practices, as well as interpersonal interaction with representatives of the host country. The focus on participating in cultural events and mastering the language is also of no small importance in showing interest and sympathy for the new culture.

In general, it can be said that the interest in the culture of the host country among both Chinese and Vietnamese students has various forms of manifestation and is expressed in different ways. At the same time, it reflects the desire to join the culture of the host country and the desire to better understand and learn other cultures, to expand their knowledge of the host country. It can also be noted that sympathy and interest in a new culture is of great importance in the context of mastering the chosen specialization and appropriating the norms and values of professional activity.

As can be seen from the table above, there are significant differences in both specific and general indicators of socio-psychological adaptation. Thus, we can say that Vietnamese students are characterized by a significantly higher level of acceptance of others ($p=0.01$), a significantly higher level of emotional discomfort ($p<0.01$) compared to Chinese students. Chinese students, in turn, are characterized by a significantly higher level of rejection of others ($p<0.01$), and also have a significantly higher level of compliance ($p<0.01$). Analysis of the integral indicators of socio-psychological adaptation allows us to speak about a significantly higher level of self-acceptance ($p=0.01$), emotional comfort ($p<0.01$) among Chinese students. On the contrary, Vietnamese students are characterized by a significantly higher level of acceptance of others ($p<0.01$), as well as manifestations of the desire for dominance ($p<0.01$). In other words, we can say that Chinese

students are characterized by a higher level of rejection of other people, they have a higher level of control. We can also note a higher level of self-acceptance and emotional comfort. For Vietnamese students, on the contrary, a more pronounced desire for dominance in interpersonal relationships is characteristic, they have higher values of acceptance of others, and are also characterized by more pronounced emotional discomfort.

Interpreting the results of the study, we can say that the presence of significant differences in the structure of various aspects of socio-psychological adaptation is most likely due to differences in cultures and general life orientation. In modern Chinese culture, the importance of education and achievement is of decisive importance. Success in academic activities can often be considered as a factor in further success in life, achievement of high social status and respect. It is quite possible that, due to this circumstance, Chinese students make increased demands on other people, which is expressed in a higher level of rejection of others. In addition, high expectations can be considered as causes of frustration and emotional discomfort. Vietnamese students are likely to be characterized by a focus on interaction and a more tolerant acceptance of other people. These students may also experience less pressure from family and society regarding their own results, which may determine greater acceptance of other people. The social context may also be of no small importance.

Conclusions

Thus, Chinese culture has a pronounced hierarchical nature, which presupposes certain expectations and roles, whereas Vietnamese culture is characterized by greater tolerance for mistakes, which results in a lower level of pressure and a greater level of desire for self-expression, including within the framework of interpersonal interactions (which is supported, for example, by a higher level of expression of tendencies toward dominance).

REFERENCES

1. *Ananyev B.* Man as an object of cognition. Moskow, 2016, 288p.
2. *Ardila A.* Development and psychometric testing of the acculturation scale foreign students To Russia / A. Ardila, O.V. Maslova, I.A. Novikova, D.A. Shlyakhta, Y. Aguilar // "Bulletin of RUDN University. Series: Psychology and pedagogy", No.

3. 2019. WITH. PP. 393–415.
3. *Dorozhkin Yu., Mazitova L.* Problems of social adaptation of foreign students // Sociological research (Socis). No. 3. 2007. PP. 73–77.
4. *Kameneva G., Radovev M.* On the issue of studying shyness in the context of intercultural adaptation of students // “Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy”. No. 3. 2016. PP. 70–79.
5. *Novikova I.* The relationship between tolerance and parameters of intercultural adaptation of foreign students from different regions // “Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy”, No. 4. 2010. PP. 24–28.
6. *Popova R.* Gender features of students' perception of psychotraumatic events // Education and self-development. No. 2 (8). 2008. PP. 207–212.
7. *Tairova A.* Problems of adaptation to the training of students from China // Materials XI international science practical conference “Effective tools of modern science-2015”. Part 13. Pedagogy. Prague: Publishing House “Education and Science”, 2015. PP. 28–31.
8. *Fetiskin N.* Social and psychological diagnostics of personality development and small groups / N.P. Fetiskin , V.V. Kozlov, G.M. Manuilov. Moskov: Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2002. PP. 193–197.
9. *Yanitsky M.* Basic psychological mechanisms of students' adaptation to educational activities: author's abstract. diss. candidate of psychological sciences. Irkutsk, 1995, 24p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как объект познания. М., 2016, 288с.
2. *Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю.* Разработка и психометрическое тестирование шкалы аккультурации иностранных студентов в России // «Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика», № 3. 2019. СС. 393–415.
3. *Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т.* Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // «Социологические исследования», № 3. 2007. СС. 73–77.
4. *Каменева Г.Н., Радовев М.* К вопросу изучения застенчивости в контексте межкультурной адаптации студентов // «Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика», № 3. 2016. СС. 70–79.
5. *Новикова И.А.* Взаимосвязь толерантности и параметров межкультурной адаптации иностранных студентов из разных регионов // «Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Психология и педагогика», № 4. 2010. СС. 24–28.
6. *Попова Р.Р.* Гендерные особенности восприятия психотравмирующих событий студентами // «Образование и саморазвитие», № 2 (8). 2008. СС. 207–212.

7. *Таирова А.В.* Проблемы адаптации к обучению студентов из Китая // Материалы XI международной научно-практической конференции «Эффективные инструменты современной науки-2015». Часть 13. Педагогика. Прага: Изд-во «Образование и наука», 2015. СС. 28–31.
8. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. СС. 193–197.
9. *Яницкий М.С.* Основные психологические механизмы адаптации студентов к учебной деятельности: автореферат дис. канд. психол. наук. Иркутск, 1995, 24с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ОБУЧЕНИЮ В РОССИИ

Г.Н. Каменева, Юй Цзепин, М.И. Волк

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются психологические особенности адаптации китайских и вьетнамских студентов к обучению в России. Китай и Вьетнам имеют свои культурные нормы и ценности, которые могут отличаться от российских, что может привести к «культурному шоку», затрудняющему адаптацию студентов к новой образовательной среде.

Ключевые слова: адаптация, психологическая адаптация, социально-психологическая приспособляемость, межкультурная адаптация.

ЦЕННОСТИ, ЦИФРОВОЕ ИСКУССТВО И ОБРАЗОВАНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ В СФЕРЕ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО КОЛЛЕДЖА

А.А. Капица¹, И.В. Абакумова¹, Э.Е. Бадальянц², Н.А. Артеменко²

¹ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
г. Ростов-на-Дону, Россия

²ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет
Минздрава России», г. Ростов-на-Дону, Россия
a.kapitsa@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования ценностной сферы студентов медицинских специальностей обусловлена необходимостью формирования поддерживающей образовательной среды, нацеленной на формирование устойчивой профессиональной идентичности, и развития методов психологической поддержки будущих специалистов. Важным фактором поддержания студентов в процессе обучения является их ценностная сфера, влияющая на мотивацию и эмоциональное состояние. Одним из перспективных инструментов формирования и осознания ценностей является творчество, в частности, его современная форма: цифровое искусство. *Цель исследования* – определение особенностей ценностной сферы студентов медицинских специальностей и изучение возможностей использования цифрового искусства для психологической поддержки в образовательной среде. Исследование проведено на выборке из 70 студентов медицинского колледжа Ростовского государственного медицинского университета; применялись: опросник ценностей Шварца, авторский опросник ценностей и анкета восприятия цифрового искусства. Результаты показали, что среди студентов доминируют ценности достижений, самостоятельности, доброты и универсализма. Цифровое искусство вызывает у них преимущественно положительные эмоции – такие, как восхищение и вдохновение, что может способствовать их профессиональному развитию и стрессоустойчивости. Полученные данные позволяют рассматривать цифровое искусство как потенциальный инструмент психологической поддержки студентов-медиков в образовательной среде.

Ключевые слова: ценностная сфера, студенты-медики, цифровое искусство, психологическая поддержка, образовательная среда, стрессоустойчивость.

Введение

Актуальность изучения ценностно-смысловых ориентаций студентов медицинских специальностей и способов их развития связана с тем, что обучение в медицинских колледжах является важным этапом их личностного развития, становления профессиональной идентичности; образовательный процесс в медицинских колледжах должен быть ориентирован на создание комфортной и поддерживающей среды, которая будет способствовать профессиональному и личностному развитию студентов. В контексте вопроса о формировании поддерживающей образовательной среды исследователи фокусируются на изучении ценностно-смысловой сферы: она выступает важным регулятором деятельности. **Состояние проблемы** в контексте изучения ценностно-смысловой сферы студентов-медиков обращает внимание на тот факт, что, опираясь на свои ценности, студенты могут легче справляться с возникающими трудностями [1], более того, ценности играют ключевую роль в формировании профессиональной идентичности, особенно в медицине [2]. Ценностные ориентации, влияя на поведение, мотивацию и эмоциональную сферу студентов, вместе с этим формируют основы профессионального поведения и моральных ориентиров будущих медицинских специалистов [3]. Направленность студентов на достижения и самореализацию может повышать мотивацию; а следование ценности гуманности, в целом, необходимо для медицинской деятельности.

Рефлексия, творчество, психологическая работа со студентами – некоторые из факторов, которые позволяют студентам как осознавать свои ценности, так и формировать новые, что является важной проблемой психолого-педагогической работы. Мы особо сфокусируемся на творчестве, а именно: на цифровом искусстве, поскольку оно широко распространено в медиа-среде. Цифровое искусство представляет собой форму художественного выражения, использующую цифровые технологии как средство создания, демонстрации и восприятия произведений искусства. Этот тип искусства охватывает широкий спектр визуальных и мультимедийных форматов – таких, как цифровая живопись, анимация, виртуальная реальность и интерактивные инсталляции. Цифровое искусство, будучи инновационной формой самовыражения [4] и, вместе с этим, средством арт-терапии, может помочь глубже понять внутреннее

состояние студентов и их профессиональные устремления, а также влиять на формирование профессиональной идентичности [5], способствовать психологическому комфорту и развитию стрессоустойчивости. Мы убеждены, что взаимодействие с цифровым искусством может способствовать изменениям в когнитивных и эмоциональных процессах, что, в свою очередь, повлияет на личностное развитие и профессиональную идентичность.

Цель нашего исследования: определение особенностей ценностно-смысловой сферы студентов медицинских специальностей, а также рассмотрение возможности использования цифрового искусства для психологической поддержки студентов в образовательной среде. Для ее выполнения нами поставлена задача выполнения эмпирического исследования, нацеленного на изучение ценностной сферы студентов.

Гипотезой исследования выступило предположение, что у студентов медицинского колледжа будут доминировать ценности, связанные с ориентацией на достижения, преодоление, а также то, что цифровое искусство, как инновационная форма искусства, будет вызывать у студентов положительные эмоциональные состояния и чувства – такие, как восхищение, вдохновение, заинтересованность.

Выборка исследования состояла из 70 студентов медицинского колледжа Ростовского государственного медицинского университета в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст – 21 год). Все студенты так или иначе контактировали с цифровым искусством в своей жизни: занимались цифровой живописью, 3d-моделированием, созданием видеороликов, искусством с применением Искусственного интеллекта, либо же посещали иммерсивные выставки, VR-экскурсии и т.д.

Методиками исследования выступили авторский опросник «Исследование восприятия ценностно-смысловых ориентаций» (И.В. Абакумова, А.А. Капица); авторская анкета восприятия цифрового искусства (И.В. Абакумова, А.А. Капица; анализировались ответы на вопрос: «Какие эмоциональные состояния вызывает у вас взаимодействие с разными формами цифрового искусства?»), а также опросник ценностей Шварца (автор S. Schwartz (1992), адаптация В.Н. Карандашева (2004)). Для обработки были применены методы дескриптивной статистики.

Результаты, полученные нами в ходе исследования, представлены ниже. В контексте опросника ценностей Шварца показатели «власть» и «достижения» отражают важные аспекты мотивации участ-

ников. Средний балл по шкале «власть» составил 4,4 балла из 7 возможных, а по шкале «достижения» – 6,3 балла из 7 возможных среди 70 участников. Средний балл по шкале «гедонизм» – 1,7, «традиции» – 2,2, «самостоятельность» – 6,1, «доброта» – 5,9, «универсализм» – 5,7, «конформность» – 4,4, «безопасность» – 5,2, и «стимуляция» – 4,8. Таким образом, среди выборки наиболее выражены такие ценности, как достижения, самостоятельность, доброта, универсализм и безопасность. Менее всего выражена ценностная ориентация на гедонизм и традиции.

Стоит отметить, что средний балл в выборке по шкале «достижения» достаточно высокий с небольшим стандартным отклонением, равным 1,1. То есть для студентов медицинского колледжа характерно стремление к успеху, высокие амбиции, стремление добиваться поставленных целей, ориентация на карьерный рост и профессиональное развитие. Стремление к достижениям может выступать значимым фактором, который будет поддерживать будущих специалистов во время обучения [3]. Ориентации на доброту и универсализм подчеркивают, что студенты ориентированы на гуманность, помощь другим, полезность другим и защиту их благополучия. Студенты демонстрируют отсутствие ориентации на традиции вместе с высокой самостоятельностью и безопасностью как выраженной ценностью; то есть студенты открыты к внедрению новых технологий и методик в медицинскую практику, что особенно важно в современном здравоохранении, где прогресс в науке и технологиях требует гибкости и адаптации. Результаты по опроснику ценностей характеризует выборку как независимых, инновационных и готовых к переменам специалистов.

Результаты, полученные по авторскому опроснику ценностей, демонстрируют следующее распределение: наиболее высоко оцененной ценностью среди выборки является *индивидуальная свобода* (выбор: 24 человек); эта ценность может означать возможность выражать свои мысли и принимать собственные решения, что может способствовать развитию уверенности и независимости. Мы также можем сделать вывод, что в образовательном процессе и обучении важно поддерживать студентов в их стремлении к независимому мышлению и самовыражению, предоставляя им возможность для самостоятельного исследования и принятия решений в учебном процессе. Далее, ценность в самореализации была выбором 12 человек и связана с личностным ростом и дос-

тижением собственных целей: в целом, обучение в медицинском колледже сопряжено с необходимостью постоянного личностного роста, повышения стрессоустойчивости, поддержания достаточно высокого уровня личностных ресурсов. Для 11 человек из выборки наиболее проявляются семейные ценности: в контексте обучения в медицинском университете они могут быть связаны с поддержанием баланса между работой и личной жизнью. Это подтверждает важность в образовательном процессе обеспечивать студентов психолого-педагогической поддержкой, направленной на психологическое сопровождение. Духовную ценность, как доминирующую, отметили 8 человек: они выступают как источник внутренней гармонии и поддержки, поэтому рекомендуется предоставить студентам возможность обсуждения и исследования духовных и этических аспектов их профессии, чтобы поддерживать их внутренний мир и моральные устои. Ценность *справедливости* отметили 7 человек, *творческого самовыражения* также 7 человек: эти ценности показывают, что студенты-медики высоко оценивают справедливость и возможность творческого подхода в своей деятельности; то есть в обучении следует акцентировать внимание на этических принципах, справедливом подходе к пациентам и поощрять креативное мышление в решении медицинских задач.

В дополнение представим распределение ответов на вопрос: «Какие эмоциональные состояния вызывает у вас взаимодействие с разными формами цифрового искусства?». Наиболее частым выбором было *Восхищение* (50 человек): оно является доминирующим эмоциональным состоянием, что подчеркивает положительное восприятие цифрового искусства и его способность вызывать сильные положительные чувства. *Вдохновение* для 8 человек свидетельствует о способности цифрового искусства мотивировать и заряжать творческой энергией; также встречались такие эмоциональные состояния, как *спокойствие и релаксация* (5 человек): небольшая доля участников отмечает, что взаимодействие с цифровым искусством вызывает чувство умиротворения и расслабления. 2 человека отметили ощущение эмоционального волнения, и всего 5 человек отметили «раздражение». Цифровое искусство вызывает у студентов-медиков в основном позитивные эмоциональные состояния – такие, как *восхищение и вдохновение*.

Вдохновение и восхищение, наиболее часто переживаемые при встрече с цифровым искусством эмоциональные состояния, стимулирую-

ют студентов к поиску новых подходов и нестандартных решений, что может быть полезным при изучении сложных медицинских дисциплин [6]; эмоциональные состояния спокойствия и релаксации, которые вызывает цифровое искусство, помогают студентам справляться с высокими уровнями стресса, характерными для медицинского образования. Таким образом, студенты проявляют высокий уровень адаптивности, открытость к новым технологиям и стремление к самореализации. Взаимодействие с цифровым искусством способствует их эмоциональной устойчивости и мотивации, поддерживая условия для формирования профессиональной идентичности и психологического благополучия.

Рекомендации для формирования образовательной среды, направленной на психологическую поддержку студентов-медиков и основанные на результатах нашего исследования, включают в себя необходимость поддержания индивидуальности и свободы в образовательном процессе; необходимо поддерживать стремление студентов к достижениям, самостоятельности, а также гуманности; внедрять инновационные образовательные методы, которые позволят поддержать готовность студентов к инновациям; особенно фокусироваться на этических аспектах медицины, создавать возможность для творческого самовыражения студентов, и по возможности интегрировать в образовательный процесс методы цифрового искусства. Положительные эмоции, вызванные взаимодействием с цифровым искусством, способствуют мотивации и креативности, что критически важно для студентов в условиях высоких нагрузок и стресса [6]. Интеграция цифрового искусства в обучение может служить эффективным инструментом для улучшения эмоционального состояния и профессиональной адаптации студентов [5], направленной на развитие креативности, рефлексии и устойчивости к стрессу в будущей профессиональной деятельности. Положительные эмоции, возникающие при взаимодействии с цифровым искусством, могут оказывать стимулирующее воздействие на познавательные процессы, способствовать эмоциональной регуляции и формированию индивидуального стиля работы в медицине.

Выводы

На основе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

Ценности – такие, как индивидуальная свобода и самореализация, характерны для студентов и демонстрируют готовность студентов к инновациям и самостоятельному мышлению.

Цифровое искусство вызывает у студентов положительные эмоциональные реакции – такие, как восхищение и вдохновение: позитивное эмоциональное восприятие цифрового искусства помогает снижать тревожность и поддерживать психическое здоровье в условиях интенсивного обучения.

Мы можем заключить, что цифровое искусство является перспективным инструментом, который способствует выработке стрессоустойчивости и влияет на формирование профессиональной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комолкина О.И., Чернецкая Н.И.* Профессиональные ценностные ориентации студентов и особенности их становления в процессе обучения в медицинском колледже // «Российский психологический журнал», № 2. Т. 14. 2017. СС. 105–117.
2. Digital transformation: An overview of the current state of the art of research / S. Kraus [и др.] // “Sage Open”, № 3. Vol. 11. 2021. PP. 21582440211047576.
3. Can a brief interaction with online, digital art improve wellbeing? A comparative study of the impact of online art and culture presentations on mood, state-anxiety, subjective wellbeing, and loneliness / M.K.D. Trupp [et al.] // “Frontiers in Psychology”, Vol. 13. 2022. PP. 782033.
4. *Повзун В.Д., Повзун А.А., Апокин В.В.* Сравнительный анализ и пути развития творческого потенциала студентов в условиях образовательной среды университета // «Теория и практика физической культуры», № 7. 2013. СС. 85–88.
5. *Степанова Н.В., Неволлина В.В.* Мотивация выбора профессии врача и ценностные ориентации студентов медицинского вуза // «Мир науки, культуры, образования», № 6 (49). 2014. СС. 239–241.
6. *Шляхто Е.В., Конради А.О.* Медицина, основанная на ценности, – новая парадигма в здравоохранении // «Ремедиум Приволжье», № 3 (163). 2018. СС. 4–8.

REFERENCES

1. *Shlyakhto E. & Konradi A.* (2018). Value-based medicine – a new paradigm in healthcare // “Remedium Povolzhye”, (3)163, 4–8.
2. *Komolkina O. & Chernetskaya N.* (2017). Professional value orientations of students and the specifics of their formation during medical college education // “Russian Psychological Journal”, 14 (2), 105–117.

3. *Stepanova N. & Nevolina V.* (2014). Motivation for choosing the medical profession and value orientations of medical university students // “World of Science, Culture, and Education”, (6)49, 239–241.
4. *Kraus S. et al.* (2021). Digital transformation: An overview of the current state of the art of research // “Sage Open”, 11(3), 21582440211047576.
5. *Trupp M.K.D. et al.* (2022). Can a brief interaction with online, digital art improve wellbeing? A comparative study of the impact of online art and culture presentations on mood, state-anxiety, subjective wellbeing, and loneliness // “Frontiers in Psychology”, 13, 782033.
6. *Povzun V. Povzun, A. & Apokin V.* (2013). Comparative analysis and ways to develop students' creative potential in the university educational environment // “Theory and Practice of Physical Culture”, (7), 85–88.

VALUES, DIGITAL ART, AND EDUCATION: A STUDY AMONG MEDICAL COLLEGE STUDENTS

A. Kapitsa¹, I. Abakumova¹, E. Badalyants², N. Artemenko²

¹*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

²*Rostov State Medical University of the Ministry of Health of Russia,
Rostov-on-Don, Russia*

ABSTRACT

The relevance of studying the value sphere of medical students is driven by the need to create a supportive educational environment aimed at fostering a stable professional identity and developing methods of psychological support for future specialists. A crucial factor in supporting students during their studies is their system of values, which affects their motivation and emotional well-being. One promising tool for the formation and awareness of values is creativity, particularly in its modern form: digital art. The aim of the study is to identify the characteristics of the value sphere of medical students and to explore the potential of using digital art as a means of psychological support in the educational environment. The study was conducted on a sample of 70 students from the medical college of Rostov State Medical University. The following methods were used: Schwartz's Value Survey, an author-developed value questionnaire, and a digital art perception survey. The results showed that the dominant values among students are achievement, autonomy, benevolence, and universalism. Digital art predominantly evokes positive emotions in them – such as admiration and inspiration – which may contribute to their professional development and stress resilience. The findings suggest that digital art can be considered a potential tool for psychological support of medical students within the educational environment.

Keywords: value sphere, medical students, digital art, psychological support, educational environment, stress resilience.

СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ДЕТСКОГО САДА О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

М.Д. Кукушкина

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия
kukushkina_md@spbstu.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлено исследование структуры социальных представлений руководителей детских садов о психологической безопасности образовательной среды (ПБОС) и их роли в принятии управленческих решений. В статье анализируются когнитивный, мотивационный и деятельностный компоненты социальных представлений, что определяет подходы руководителей к созданию безопасной и комфортной образовательной среды. Приведены результаты эмпирического исследования структуры социальных представлений руководителей, проведенного до и после реализации программы социально-психологического обучения руководителей ДОУ. Исследование показало, что после обучения произошло качественное изменение социальных представлений руководителей. Результаты исследования имеют практическое значение для оптимизации управленческой деятельности в ДОУ и подтверждают гипотезу о том, что социальные представления руководителей являются основой для принятия эффективных решений, направленных на формирование комфортной образовательной среды.

Ключевые слова: эмоциональное благополучие, психологическая безопасность образовательной среды детского сада, управленческие решения, руководители ДОУ, когнитивный компонент социального представления, мотивационный компонент социального представления, деятельностный компонент социального представления.

Введение

В современной образовательной среде всё большее внимание уделяется вопросам психологической безопасности, которая становится ключевым фактором успешного функционирования дошкольных образовательных учреждений (ДОУ). Руководители ДОУ играют важную роль в создании и поддержании такой среды, так как их управленческие решения напрямую влияют на психологический климат в коллективе и качество образовательного процесса. В этой связи особую значимость приобретает изучение структуры социальных представлений руководителей о психологической безопасности образовательной среды. Социальные представления, формируемые в процессе профессиональной деятельности, не только отражают индивидуальные и коллективные взгляды на образовательную среду, но и становятся основой для принятия управленческих решений.

Цель данной статьи – рассмотреть структуру социальных представлений руководителей ДОУ о психологической безопасности образовательной среды и обосновать их роль в процессе принятия управленческих решений. Исследование акцентирует внимание на том, как социальные представления влияют на формирование организационно-управленческого компонента образовательной среды, а также как они могут быть использованы для повышения эффективности профессиональной деятельности руководителей ДОУ.

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

Вопрос о том, что является определяющим фактором в принятии управленческих решений руководителями образовательных учреждений актуален как для ученых, сферой научных интересов которых является управленческая психология, так и для работников системы образования, желающих понять факторы, от которых зависит успешность образовательного учреждения и эмоциональное благополучие всех участников образовательных отношений. Роль социальных представлений руководителей о характеристиках образовательной среды сложно переоценить, поскольку именно на основании этих представлений руково-

дители выстраивают систему работы с педагогами, родителями и воспитанниками детских садов, которая направлена на создание комфортной среды для всех субъектов образовательной деятельности.

Французский психолог и социолог Эмиль Дюркгейм акцентировал внимание на необходимости формирования профессиональных сообществ, выполняющих широкий спектр социальных функций и регулирующих нормы общественных отношений, которые способствуют личностному развитию и преодолению кризисных явлений в социуме. В контексте образования он выделял в качестве ключевой задачи интеграцию ребенка в систему общественных отношений, а роль педагога определял как демонстрацию механизмов социального взаимодействия в процессе обучения [7, 10].

Проведенный анализ научной литературы позволяет утверждать, что сформированность социальных представлений у руководителей и сотрудников образовательного учреждения выступает значимым фактором, влияющим на успешность формирования организационно-управленческого компонента образовательной среды. Следовательно, представления заведующих детским садом о том, какой должна быть комфортная образовательная среда определяют стратегическую политику учреждения, включая приоритетные направления в организации образовательного пространства. Одновременно с этим, коллективные представления сотрудников образовательного учреждения оказывают существенное влияние на психологическую атмосферу в коллективе и модели взаимодействия, принятые в рамках учреждения.

С опорой на результаты теоретического анализа исследований структуры социальных представлений [1, 3, 4, 8] нами была разработана и апробирована программа социально-психологического обучения для руководителей ДОУ, которая сочетает реализацию групповых и индивидуальных форм обучения и разделена на пять смысловых блоков: *диагностический, информационно-просветительский, формирующий, рефлексивный и аналитический*. Для доказательства эффективности программы социально-психологического обучения, формирующей социальные представления руководителей ДОУ о ПБОС ДОУ, было осуществлено эмпирическое исследование актуальных социальных представлений руководителей ДОУ о ПБОС ДОУ до начала обучения, и повторная их оценка после проведения обучения. Эффективность реализа-

ции программы включала оценку когнитивного (смыслового), мотивационного и деятельностного компонентов представления.

Выделение данных компонентов опиралось на структуру социальной установки, предложенной М. Смитом, которая, как известно, включает в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [9], а также на предложенные Д.В. Качаловым компоненты целостного педагогического знания: мотивационный, когнитивный, деятельностный и творческий [5].

Были выделены три компонента в структуре представления психологическая безопасность образовательной среды ДОУ» руководителей детского сада:

1. Когнитивный (смысловой) компонент представления – то, какие характеристики и смыслы человек вкладывает в его содержание.

2. Мотивационный компонент, определяющий мотивационный потенциал представления, насколько сформированность представления способствует осуществлению индивидом эффективной деятельности.

3. Деятельностный компонент, включающий действия, меры и мероприятия, связываемые индивидом с данным представлением.

Таким образом, мы выделили следующие показатели эффективности реализации программы в соответствии с вышеперечисленными компонентами в структуре представлений:

1. Повышение уровня мотивации руководителей к формированию ПБОС ДОУ и высокий уровень готовности к позитивному обмену управленческим и педагогическим опытом в области формирования ПБОС ДОУ.

2. Качественное изменение социальных представлений руководителей ДОУ о ПБОС на когнитивном уровне.

3. Изменения в структуре представления о ПБОС ДОУ, наличие элементов (ассоциаций), связанных со всеми тремя компонентами представления (мотивационный, когнитивный, деятельностный) комплексное понимание руководителями характеристик и роли ПБОС ДОУ

4. Положительное отношение и восприятие ПБОС ДОУ как условия успешности образовательного учреждения.

Задачей нашего исследования было изучение представлений руководителей о психологической безопасности образовательной среды детского сада при помощи анализа ассоциаций, полученных до (506 ас-

социаций) и после обучения (350 ассоциаций) в программе. Статистический и контент-анализ всех ассоциаций показали, что до реализации программы 62% всех ассоциаций обладали позитивной или нейтральной модальностью, а 38% – негативной. Важно отметить, что после участия в программе доля позитивных и нейтральных ассоциаций выросла на 17%, что, в сочетании с такими ассоциациями руководителей ДОУ о ПБОС после участия в программе, как «счастье», «результат», «гармония», «симпатия» можно говорить об укреплении в сознании руководителей представления о ПБОС как об условии успешности их образовательного учреждения.

Для оценки качественных изменений социальных представлений руководителей ДОУ о ПБОС на когнитивном уровне мы сопоставили определения «психологическая безопасность образовательной среды» с данными руководителями ассоциациями с этим понятием.

Целью данного исследования было выявить качественные изменения, произошедшие на когнитивном уровне социальных представлений руководителей ДОУ о ПБОС ДОУ. В Табл. 1. отобраны наиболее часто встречающиеся ассоциации руководителей ДОУ с понятием ПБОС до и после участия в программе, а также отмечены элементы определений ПБОС, с которыми они наиболее созвучны.

Таблица 1.

Соотношение определений понятия «психологическая безопасность образовательной среды» с ассоциациями руководителей детских садов с понятием ПБОС (до начала обучения и после участия в программе)

№	Определение	Ассоциации до обучения	Ассоциации после обучения
1.	Психологически безопасной образовательной средой можно считать такую, в которой большинство участников имеют <i>положительное отношение к ней, высокий уровень удовлетворен-</i>	Удовлетворенность Отсутствие насилия Положительное отношение	Гармония Симпатия Счастье

	<i>ности характеристиками школьной среды и защищенности от психологического насилия во взаимодействии [2].</i>		
2.	Психологическая безопасность образовательной среды из всего многообразия функций, выполняемых гуманитарной экспертизой образования, на первый план выводит две – <i>защитную и развивающую</i> [2].	Развитие Защита Здоровье	Поддержка Защита Здоровье Родитель Взрослый
3.	Психологически безопасная образовательная среда, имеющая <i>референтную значимость, удовлетворяющая основные потребности</i> в личностно-доверительном общении, создается через психолого-педагогические технологии «...» направленные на <i>развитие и формирование психологически здоровой личности</i> [2].	Развитие Здоровье Единство Принятие Удовлетворенность	Комфорт Взаимодействие Команда Здоровье Результат

Следовательно, на когнитивном уровне после обучения смысловой акцент сместился с общих понятий («удовлетворенность», «отсутствие насилия» и «положительное отношение») на более глубокие и гуманистические понятия – такие, как «гармония», «симпатия» и «счастье», произошло усиление внимания к развивающим и поддерживающим аспектам и увеличение значимости командного взаимодействия («поддержка», «комфорт», «взаимодействие», «команда»). Все вышеперечисленные изменения могут говорить об укреплении понимания ПБОС ДОУ после обучения как развивающей и поддерживающей среды, основанной на гуманистических ценностях и командном взаимодействии.

Проведенное исследование подтверждает, что сформированность представлений не только определяет приоритеты в управлении, но и способствует формированию психологически благоприятного климата

в коллективе, что, в свою очередь, положительно сказывается на качестве образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абульханова К.А.* Проблема индивидуальности в психологии / Психология индивидуальности: новые модели и концепции / Коллективная монография под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСИ, 2009. СС. 14–63.
2. *Баева И.А.* Психологическая безопасность образовательной среды: становление направления и перспективы развития [Эл. ресурс] // «Экстремальная психология и безопасность личности», № 3. Т. 1. 2024. СС. 5–19.
DOI: 10.17759/epps.2024010301.
3. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: «Аспект Пресс», 2007. СС. 93–120.
4. *Бовина И.Б. и др.* К вопросу об исследовании социальных представлений: взгляд со стороны // «Социальная психология и общество», № 3. Т. 13. 2022. СС. 8–25.
5. *Качалов Д.В.* Теоретико-методологические основы формирования целостно-педагогического знания у будущих учителей // «Сибирский педагогический журнал», № 13. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-formirovaniya-tselostno-pedagogicheskogo-znaniya-u-buduschih-uchiteley> (дата обращения: 07.02.2025).
6. *Коржева Э.М.* Социологическая теория познания Э. Дюркгейма // Из истории буржуазной социологии XIX–XX вв. М., 1968.
7. *Осипова Е.В.* Социология Э. Дюркгейма: библиогр. М., 1977.
8. *Каримова Н.А.* Социальные представления руководителей о разрешении конфликтов в организации: автореф. дис. на соиск. уч. степ. кан. психолог. наук: 19.00.05 / Н.А. Каримова; науч. руководитель Н.И. Леонов; офиц. оппоненты Ю.П. Поваренков, С.И. Ерина; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова; Удмурт. гос. ун-т. Ярославль, 2008. 22с.
9. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология США. М.: «Наука», 1979. 344с.
10. *Lukes S.* Emile Durkheim. His life and work: a historical and critical study. Harmondsworth, 1977.

REFERENCES

1. *Abul'khanova K.* Problema individual'nosti v psikhologii / Psikhologiya individual'nosti: novye modeli i kontseptsii / Kollektivnaya monografiya pod red. E.B. Starovoytenko, V.D. Shadrikova. Moskow: MPSI, 2009. PP. 14–63.

2. *Baeva I.* Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noy sredy: stanovlenie napravleniya i perspektivy razvitiya [El/resurs] // “Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti”, № 3. T. 1. 2024. PP. 5–19. DOI: 10.17759/epps.2024010301
3. *Bovina I.* Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni. Moscow: “Aspekt Press”, 2007. PP. 93–120.
4. *Bovina I. et al.* K voprosu ob issledovanii sotsial'nykh predstavleniy: vzglyad so storony // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2022. T. 13. № 3. PP. 8–25.
5. *Kachalov D.* Teoretiko-metodologicheskie osnovy formirovaniya tselostno-pedagogicheskogo znaniya u budushchikh uchiteley // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. 2009. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-osnovy-formirovaniya-tselostno-pedagogicheskogo-znaniya-u-budushchih-uchiteley> (data obrashcheniya: 07.02.2025).
6. *Korzheva E.* Sotsiologicheskaya teoriya poznaniya E. Dyurkgeyma // Iz istorii burzhuaznoy sotsiologii XIX–XX vv. Moskov, 1968.
7. *Osipova E., Sotsiologiya E.* Dyurkgeyma: bibliogr. Moskov, 1977.
8. *Karimova N.* Sotsial'nye predstavleniya rukovoditeley o razreshenii konfliktov v organizatsii: avtoref. dis. na soisk. uch. step. kan. psikholog. nauk: 19.00.05 / N.A. Karimova; nauch. rukovoditel' N.I. Leonov; ofits. opponenty Yu.P. Povarenkov, S.I. Erina; Yaroslav. gos. un-t im. P.G. Demidova; Udmurt. gos. un-t. Yaroslavl', 2008, 22p.
9. *Shikhirev P.* Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya SShA. Moscow: “Nauka”, 1979. 344p.
10. *Lukes S.* Emile Durkheim. His life and work: a historical and critical study. Harmondsworth, 1977.

THE STRUCTURE OF SOCIAL REPRESENTATIONS OF KINDERGARTEN LEADERS ABOUT THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A BASIS FOR MANAGERIAL DECISION-MAKING

M.D. Kukushkina

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT

The article presents the study of the structure of social representations of kindergarten leaders about the psychological safety of the educational environment and their role in managerial decision-making. The article analyzes the cognitive, motivational, and activity-related components of social representations, which determine the approaches of leaders to creating a safe and comfortable educational environment.

The results of an empirical study of the structure of social representations of leaders, conducted before and after the implementation of a socio-psychological training program for kindergarten leaders, are presented. The study showed that after the training, there was a qualitative change in the social representations of the leaders. The findings of the research hold practical value for improving management practices in preschool institutions and support the hypothesis that leaders' social perceptions serve as a foundation for making effective decisions focused on fostering a psychologically secure educational environment.

Keywords: emotional well-being, psychological safety of the kindergarten educational environment, managerial decisions, cognitive component of social representation, motivational component of social representation, activity component of social representation.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СОТРУДНИКОВ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ МВД РОССИИ

М.И. Кущазли, В.В. Воронай

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы»
kushchazli_mi@pfur.ru, 1032219295@pfur.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты исследования психологических особенностей копинг-стратегий сотрудников Государственной автоинспекции Министерства внутренних дел России (ГИБДД). *Целью работы* стало выявление наиболее эффективных стратегий совладания с профессиональными стрессовыми ситуациями среди представителей данной профессии. В исследовании приняли участие 45 сотрудников ГИБДД, работающих в различных регионах страны. Для анализа использовались методы анкетирования и тестирования, включая опросники на измерение копинг-стратегий авторов – Лазаруса и Фолкмана, Хофболла, Амирхана. В ходе эмпирического исследования выявлена специфика выбора стратегии преодоления профессиональных стрессовых ситуаций. Она определяется совокупностью взаимодействия таких копинг-стратегий как: разрешение проблем, положительная переоценка, планирование решения проблемы, самоконтроль, ассертивное поведение, вступления в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия. Эти стратегии образуют замкнутый цикл, где одна стратегия плавно переходит в другую, создавая комплексный механизм адаптации к стрессу и проблемам. Такой подход обеспечивает гибкость и устойчивость личности, позволяя ей эффективно справляться с разнообразными жизненными вызовами.

Ключевые слова: копинг-стратегии, стрессовая ситуация, выгорание, сотрудники правоохранительных органов.

Введение

Актуальность. На сегодняшний день о деятельности и структуре сотрудников Госавтоинспекции (ГИБДД) известно довольно мало; в основном имеющая информация свидетельствует о том, что эта структура ответственна за организацию порядка на дорогах. Множество отрядов и батальонов контролируют ситуацию благодаря разным техникам и технологиям. Специально обученные и ответственные люди круглосуточно мониторят дорожно-транспортные отношения, патрулируют город и разрешают конфликтные ситуации. Это не весь список обязанностей сотрудников государственной инспекции безопасности дорожного движения, но из всего вышеперечисленного порядка полномочий последняя функция наиболее обширна и глубока для обсуждения, т.к. складываются такие отношения, не только на транспортном и материальном уровнях, но и на человеческом, т.е. в духовном отношении. Профессиональная деятельность сотрудников ГИБДД сопряжена с высоким уровнем стресса, связанного с риском для жизни и здоровья, постоянным взаимодействием в конфликтных ситуациях и высокой социальной ответственностью. Эффективность работы и психологическое благополучие сотрудников напрямую зависят от их способности справляться со стрессом, что актуализирует изучение используемых ими копинг-стратегий.

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

Р. Лазарус в 1966 году в своем научном труде «Психологический стресс и процесс совладания», где ученым были рассмотрены два типа копинга. Совместно с С. Фолкман ученый определяет копинг так: «Копинг – это динамичное взаимодействие человека с ситуацией, как когнитивные, поведенческие и эмоциональные усилия, направленные на устранение внешних или внутренних противоречий» [2].

Если рассматривать направленность действий по преодолению возникших трудностей, то в качестве примера можно привести классификацию Дж. Амирхана. Автором были выделены три группы копинг-стратегий: разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание [1].

В отечественных исследованиях И.М. Никольской и Р.М. Грановской предложена классификация, в которой копинг-стратегии различаются в зависимости от типов процессов (эмоциональных, поведенческих, когнитивных), лежащих в их основе. Авторы выделяют три больших группы копинг-стратегий, проходящих на следующих уровнях: поведение, эмоциональная проработка подавленного и познание [6].

Цель исследования – выявление и описание особенностей проявления копинг-стратегий у сотрудников Госавтоинспекции (ГИБДД) МВД России.

Гипотеза исследования. Существует предположение о том, что сотрудники Госавтоинспекции (ГИБДД) МВД России при выполнении административных задач руководствуются комплексом выбора стратегий для преодоления профессиональной стрессовой ситуации.

Согласно цели исследования, специфики психологических особенностей проявления копинг-стратегий у сотрудников Госавтоинспекции МВД России, нами были отобраны 45 респондентов, что можно сравнить с несколькими батальонами.

Методы и методики исследования

Для практического выполнения поставленной цели и выдвинутой гипотезы были использованы несколько групп методов исследования:

1. *Теоретические методы:* обзор научной литературы, формулировка проблемы и гипотез.

2. *Эмпирические методы:* опросник «Индикатор копинг-стратегий» (Coping Strategy Indicator, CSI): автор: Джеймс Амирхан (James H. Amirkhan, 1990). Адаптация: Н.А. Сирота, В.М. Ялтонский (1995); опросник «Стратегия преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale, SACS): автор: Стиван Хобфолл (Stevan E. Hobfoll, 1994). Адаптация: Н. Водопьянова, Е. Старченкова; опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ): авторы: Р. Лазарус, С. Фолкман. Адаптация Т.Л. Крюковой (2007), НИПНИ им. Бехтерева (2009).

3. *Методы математико-статистической обработки данных:* для построения структуры копинг-стратегий был применен метод ранговой корреляции r -критерий Спирмена.

Обратимся к результатам исследования. При проведении эмпирического исследования были задействованы сотрудники Государственной автомобильной инспекции в количестве 45 респондентов. Согласно полученным данным по методике «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхан, где представлены 3 шкалы: «Разрешение проблем» имеет средний уровень; «Поиск социальной поддержки» имеет средний уровень; «Избегание проблем» имеет низкий уровень. Графически результаты представлены на Рис. 1.

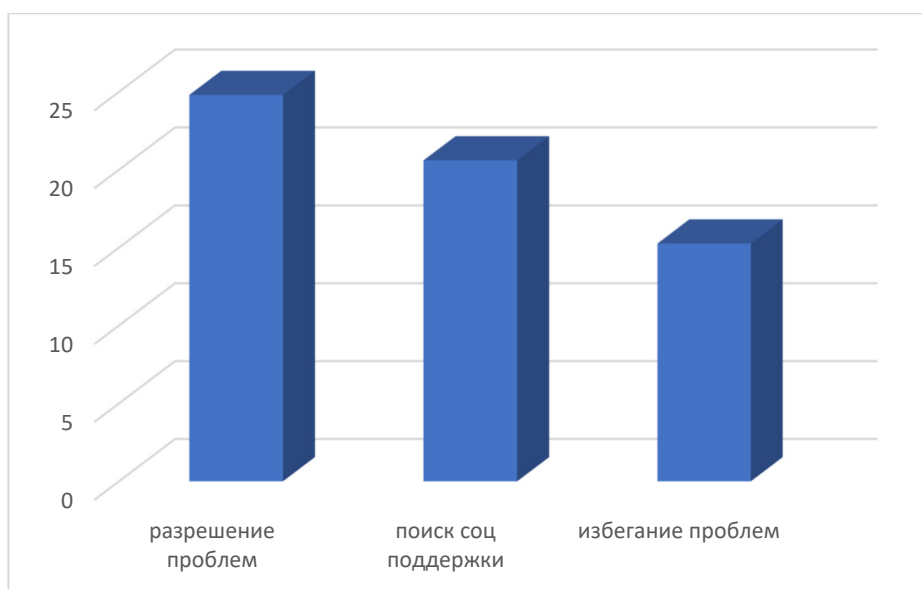

Рисунок 1. Выраженность выбора копинг-стратегий (опросник Амирхана).

В опроснике «Способы совладающего поведения» Р. Лазарус и С. Фолкман, в котором выделено 8 шкал, были получены следующие данные: умеренное использование «Конфронтационного копинга»; умеренное использование «Дистанцирование»-стратегии; частое использование «Самоконтроль»-стратегии; умеренное использование «Поиск социальной поддержки»-стратегии; умеренное использование «Принятие ответственности»-стратегии; частое использование «Бегство-избегание»-стратегии; частое использование «Планирование решения проблемы»-стратегии; частое использование «Положительная переоценка» стратегии. Графически результаты представлены на Рис. 2.

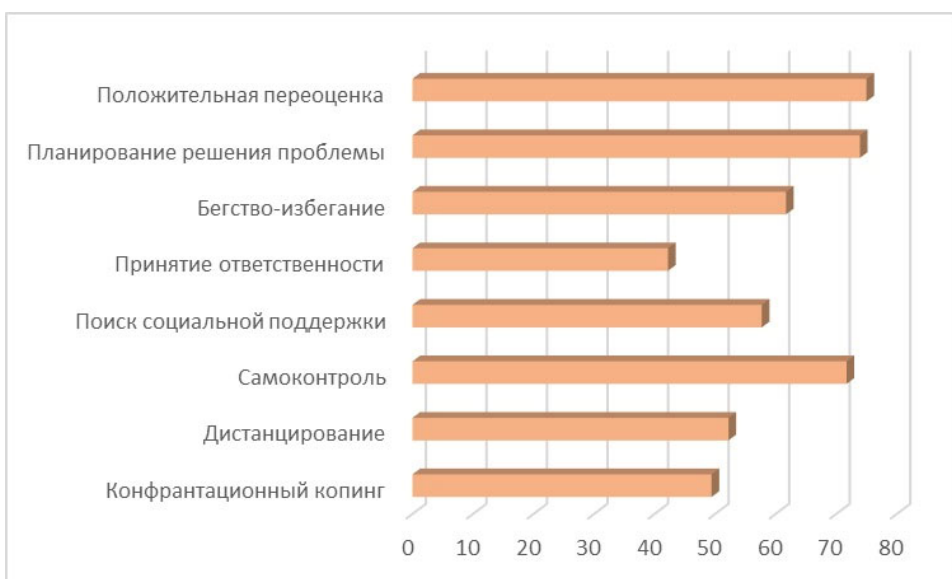

Рисунок 2. Выраженность показателей совладающего поведения (опросник Лазарус и Фолкман).

Рисунок 3. Выраженность стратегий преодоления стрессовых ситуаций (опросник Хобфолл).

В стратегиях «Преодоление стрессовых ситуаций» (SACS) С. Хобфолл были выявлены степени выраженности выбора стратегий в стрес-

совых ситуациях – такие, как: «ассертивной» модели имеет среднюю степень; «вступления в социальный контакт» модели имеет среднюю степень; «поиск социальной поддержки» модели имеет среднюю степень; «осторожные действия» модели имеет среднюю степень; «импульсивные» модели имеет среднюю степень; «избегание» модели имеет среднюю степень; «манипулятивные действия» модели имеет среднюю степень; «жесткость, ценичность» модели имеет среднюю степень; «агрессивные действия» модели имеет среднюю степень. Графически результаты представлены на Рис. 3.

Обратимся более подробно к рассмотрению полученных кросс–корреляционных связей между шкалами копинг-стратегий в критических ситуациях у сотрудников Госавтоинспекции МВД России.

Так, если испытуемый применяет в большей степени стратегию «Разрешение проблем», то возрастает уровень «Избегания». Это возможно связано с тем, что сотрудник Госавтоинспекции ориентируется на свои возможности и за счет своих сил решает проблему, или за счет некого приобретенного ранее опыта, знаний, но при этом возникает сложность сконцентрироваться на проблеме, т.к. данный вопрос – возможно продолжительный и неприятный, из-за чего может откладываться человеком на потом.

Во время использования этой стратегии «Поиск социальной поддержки» у респондента снижался уровень «Непрямого действия», т.к. окружение помогает, поддерживает человека, уменьшает тревожность и риск неудачи. Обе стратегии основаны на привлечении внешних сил для изменения ситуации, хотя способы привлечения этих сил различаются.

При применении «Избегание проблем» увеличивается «Поиск социальной поддержки»; сотрудники Госавтоинспекции, сталкиваясь с проблемой, начинают испытывать сильное эмоциональное негативное давление. Так, на этом фоне респонденты начинают искать поддержку среди окружения, возможно, это связано с тем, чтобы снизить уровень тревоги. Однако избегание и поиск социальной поддержки могут чередоваться в зависимости от уровня стресса и эффективности предыдущих попыток справиться с ситуацией. Также, из-за увеличения тревожности группа испытуемых начинает использовать «Осторожные действия», при этом снижается возможность модели «Импульсивные действия», а также увеличивается доверие к людям и уменьшается недоверие; проявляется это в выборе стратегии «Ассоциальные действия».

Сотрудники Госавтоинспекции умеренно используют «Конфронтационный копинг», и за счет этого увеличивается «Ассертивное действие». Это указывает на то, что респонденты умеют отстаивать свою точку зрения и выстраивать правильные и выгодные взаимоотношения. Дело в том, что обе эти стратегии направлены на активное преодоление стрессовых ситуаций путем принятия мер и взаимодействия с окружающей средой, но делают это различными способами. Таким образом, связь между данными шкалами заключается в том, что конфронтационное поведение может приводить к конфликтам и напряжению, особенно если оно воспринимается как агрессивное или навязчивое. Так, чтобы смягчить последствия конфронтации и сделать взаимодействие более продуктивным, человек может прибегнуть к ассертивному действию, которое позволяет выражать свои интересы, не нарушая права других.

Если человек применяет «Дистанцирование», то и уменьшается «Решение проблем». Это так складывается, потому что испытуемые начинают отстраняться от проблемы и сокращается возможность разрешения проблемной ситуации. Если дистанцирование используется как временное средство для снижения напряжения, то впоследствии сотрудники могут перейти к активному поиску решения проблемы. То есть, после того как эмоциональное состояние стабилизировалось, появляется возможность более рационально подойти к проблеме и начать искать конкретные пути ее разрешения. Так, дистанцирование помогает снизить эмоциональное напряжение и создать условия для последующего анализа и активных действий, тогда как решение проблем требует осознанного и целенаправленного подхода к устранению трудностей.

Заключение

Проведенный корреляционный анализ позволил определить специфику выбора стратегии преодоления профессиональных стрессовых ситуаций, который определяется совокупностью взаимодействия таких копинг-стратегий как: разрешение проблем, положительная переоценка, планирование решения проблемы, самоконтроль, ассертивное поведение, вступления в социальный контакт, поиск социальной поддержки, осторожные действия. И разрешение проблем подразумевает активный поиск решений, что, естественно, ведет к разработке конкретного плана

действий. Итак, планирование является следующим этапом после осознания проблемы и стремления ее решить. Переоценивая ситуацию в положительную сторону, человек сможет легче контролировать свои эмоции и реакции, поскольку найдет в трудностях возможность для роста. Это улучшает способность к самоконтролю, позволяя оставаться спокойным и рациональным даже в сложных ситуациях. Уверенность в себе и контроль над своей реакцией способствуют развитию ассертивного поведения. Человек, который способен контролировать свои эмоции, легче выражает свои потребности и чувства без агрессии или излишней уступчивости. Ассертивные люди чаще успешно устанавливают новые социальные связи, т.к. они умеют четко выражать свои интересы и ожидания, не вызывая у собеседников негативных эмоций. Это облегчает процесс знакомства и построения взаимоотношений.

Установленные социальные связи создают сеть потенциальных источников поддержки. Чем больше контактов у человека, тем проще ему обратиться за помощью в случае необходимости. Полученная социальная поддержка помогает человеку чувствовать себя менее одиноким и уязвимым, что способствует более оптимистичной оценке происходящего. Поддержка может стать источником силы и вдохновения для позитивной переоценки ситуации. Осторожные действия предполагают тщательную оценку рисков и последствий, что естественным образом ведет к более продуманному разрешению проблем. Такая стратегия снижает вероятность ошибок и увеличивает шансы на успешное преодоление трудностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Amirkhan J.* (1984). Stress, perceived control, and coping in a community sample. Unpublished doctoral dissertation, University of California, Los Angeles.
2. *Lazarus R.* Psychological stress and the coping process / R.S. Lazarus. New York: "McGraw", 1966. P. 258.
3. *Гаврина Е.Е.* Специфика проявления агрессии в поведении сотрудников правоохранительных органов / Е.Е. Гаврина // «Прикладная юридическая психология», № 3. 2013. СС. 51–59. EDN PKDJBR.
4. *Капустина В.А.* Специфика проявления копинг-стратегий у сотрудников правоохранительных органов, работающих в разных условиях / В.А. Капустина, О. Репп // «Психология и психотехника», № 1. 2018. СС. 91–96. EDN YUDRXD.

5. Клочкова О.О. Копинг-стратегии и проявление гнева у сотрудников правоохранительных органов / О.О. Клочкова // Generation Ψ: Материалы III Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Новосибирск, 22 апреля 2022 года / Под ред. А.С. Тишковой. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. – СС. 192–194. EDN CUHEIK.
6. Никольская И.М. Психологическая защита у детей / И.М. Никольская, Р.М. Грановская. СПб.: «Речь», 2000, 507с.
7. Подoliaцкая К.Л. Особенности копинг-стратегий военнослужащего / К. Л. Подoliaцкая // Молодость. Интеллект. Инициатива: Материалы VII Международной научно-практической конференции студентов и магистрантов, Витебск, 18 апреля 2019 года. Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2019. СС. 317–319. EDN TFBWET.

REFERENCES

1. Amirkhan J. (1984). Stress, perceived control, and coping in a commity sample. Unpublished doctoral dissertation, University of California, Los Angeles.
2. Lazarus R. Psychological stress and the coping process / R.S. Lazarus. New York: “McGraw”, 1966. PP. 258.
3. Gavrina E. Specifics of aggression in the behaviour of law enforcement officers / E.E. Gavrina // “Applied Legal Psychology”, № 3. 2013. PP. 51–59. EDN PKDJBR.
4. Kapustina V. Specificity of coping strategies manifestation in law enforcement officers working in different conditions / V.A. Kapustina, O.A. Repp // “Psychology and Psychotechniques”, № 1. 2018. PP. 91–96. EDN YUDRXD.
5. Klochkova O. Coping strategies and manifestation of anger in law enforcement officers / O.O. Klochkova // Generation Ψ // Generation Ψ: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical student conference, Novosibirsk, 22 April 2022 / Edited by A.S. Tishkova. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2022. PP. 192–194. EDN CUHEIK.
6. Nikolskaya I. Psychological defence in children / I.M. Nikolskaya, R.M. Granovskaya. SPb.: “Rech”, 2000, 507p.
7. Podolyatskaya K. Features of coping-strategies of a serviceman / K. L. Podolyatskaya // Molodost. Intellect. Initiative: Proceedings of the VII International scientific-practical conference of students and graduate students, Vitebsk, 18 April 2019. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov. P.M. Masherov, 2019. PP. 317–319. EDN TFBWET.

STUDY OF PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF COPING STRATEGIES MANIFESTATION IN OFFICERS OF THE STATE TRAFFIC POLICE OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

M. Kushchazli, V. Voropay

ABSTRACT

The article presents the results of the study of psychological peculiarities of coping strategies of employees of the State Automobile Inspection of the Ministry of Interior of Russia (GIBDD). The aim of the work was to identify the most effective strategies of coping with professional stress situations among representatives of this profession. The study involved 45 traffic police officers working in different regions of the country. Questionnaires and tests were used for analysis, including Lazarus and Folkman, Hofball, Amirkhan questionnaires for measuring coping strategies. The empirical study revealed the specificity of choosing a strategy for coping with professional stress situations. It is determined by a set of interactions of such coping strategies as: problem solving, positive reassessment, planning of problem solving, self-control, assertive behavior, social contact, search for social support, cautious actions. These strategies form a closed cycle in which one strategy flows smoothly into another, creating a complex mechanism of adaptation to stress and problems. This approach ensures the flexibility and resilience of the personality to deal effectively with a wide range of life challenges.

Keywords: coping strategies, stressful situation, burnout, law enforcement officers.

ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ДЕВУШЕК ПОДРОСТКОВОГО И ЮНОШЕСКОГО ВОЗРАСТОВ

Е.Б. Лактионова, А.Д. Румянцева

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена», Санкт-Петербург, Россия
lena_laktionova@mail.ru noya2421@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен теоретический анализ взаимосвязи психологического благополучия и степени погруженности в интернет-среду у девушек подросткового и юношеского возрастов. *Целью данного исследования* является понимание влияния пребывания в интернет-среде на психологическое благополучие девушек подросткового и юношеского возрастов через теоретический анализ общепризнанных научных источников. Как наиболее часто используемые в контексте изучения данного вопроса, в статье рассматриваются такие понятия, как «виртуальность», «интернет-зависимость» и «проблемное использование Интернета». Большая часть исследования посвящена распространенным угрозам для психологического благополучия девушек в интернет-среде. Раскрыта тема гендерных особенностей использования сети Интернет. Поднимается вопрос о потенциале позитивного влияния интернет-среды на благополучие девушек, их самореализацию и информированность в вопросе психологического здоровья. Статья подчеркивает противоречивые результаты текущих исследований, а также необходимость дальнейшего изучения данной темы для формирования рекомендаций по минимизации негативных последствий от взаимодействия с интернет-средой.

Ключевые слова: психологическое благополучие, интернет-среда, подростки, юноши, гендерные особенности, погруженность в интернет-среду.

Введение

В последнее время отечественные и зарубежные исследователи все чаще отмечают изменения в внешнем выражении психологического

благополучия в подростковом и юношеском возрасте. Если раньше оно проявлялось во внешней конфликтности, то теперь – в дистанцировании от окружения и «уходе» в Интернет. Международные исследования также связывают снижение психологического благополучия подростков за последние десять лет с ростом использования смартфонов. В лонгитюдном исследовании 2018г. о взаимосвязи психологического благополучия подростков и экранным временем, потраченным на использование интернет-ресурсов, была выявлена негативная корреляция между этими двумя параметрами. Так, подростки, проводящие в Интернете наименьшее количество времени, оказались самыми счастливыми, в то время как по мере увеличения экранного времени показатели психологического благополучия снижались. Особенно снижение благополучия касается девочек, т.к. в их случае смартфон чаще всего используется для общения в социальных сетях, что негативно сказывается на ощущении принятия и выраженности чувства одиночества [1].

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

Вопросами влияния Интернета на личность занимается специальное направление психологии – *киберпсихология*, объединяющая методологию, теорию и практику исследования способов использования людьми любых средств общения в Интернете. При изучении влияния виртуальной среды на психологическое состояние человека используются такие понятия, как «виртуальность», «интернет-зависимость» и «проблемное использование Интернета». Под «виртуальностью» понимается все, происходящее в Интернете: отношения, игры, покупки, общение, знакомства и др. «Интернет-зависимость» – это навязчивое желание использовать Интернет, избыточное пользование им, которое приводит к потере контроля над временем и эмоциями, часто из-за размытых границ между реальной и виртуальной жизнью [2]. Проблемное использование Интернета – это обобщающий термин, который может быть characterized как значительный дистресс и нарушение функционирования в результате пользования Интернетом или неадаптивная поглощенность использованием Интернетом, воспринимаемая как непреодолимая, неконтролируемая по времени – при отсутствии другой психиатрической

кой патологии, которой могло бы объясняться подобное поведение, такая как мания или гипомания [3]. Выделению первого понятия (виртуальности) в качестве основополагающей универсальной характеристики исследований в сфере киберпсихологии, или анализа человеческого поведения в Интернете, во многом препятствует ее всеобщность. «Интернет-зависимость» и «проблемное использование Интернета», в свою очередь, несут в себе сугубо негативно окрашенную коннотацию и рассматривают активное использование Интернет-среды как патологию. Свободным от негативной окраски представляется термин «погруженность в интернет-среду», разработанный отечественными исследователями Л.А. Регуш, Е.В. Алексеевой, О.Р. Веретиной, А.В. Орловой и Ю.С. Пежемской [4].

Введение в тему

Погруженность в интернет-среду – это готовность использовать средства и ресурсы Интернета для решения различных задач и общения. Уровень погруженности определяется значимостью, которую человек придает Всемирной сети. Структура погруженности в интернет-среду имеет трехкомпонентный состав: *когнитивный* (самооценка цифровой компетентности), *аффективный* (эмоциональное отношение к Интернету) и *поведенческий* (объем цифрового потребления). Под «погруженностью» понимается пребывание молодежи в интернет-среде как особом социальном пространстве, в котором изменяются привычные виды деятельности. Этот термин не имеет негативной окраски и подходит для изучения вовлеченности молодежи в цифровое пространство.

Наиболее частыми предметами исследований в области киберпсихологии становятся интернет-зависимость, депрессия и расстройства пищевого поведения. Согласно исследованиям, склонность к интернет-зависимому поведению проявляется у девушек чаще, чем у юношей [5]. В подтверждение этих данных, исследование 2019 года, направленное на изучение возрастно-половых характеристик погруженности подростков в информационную среду, продемонстрировало, что девочки проявляют больший интерес к Интернету, чаще используют его для того, чтобы отстраниться от проблем или поднять себе настроение, а также они тратят на него больше незапланированного времени [4]. Среди особен-

ностей интернет-зависимости у девушек юношеского возраста, кроме прочего, были отмечены более выраженные проявления зависимого поведения, включая симптомы отмены и толерантности, а также изменение настроения, раздражительность, беспокойство, депрессия и тревога [6].

Расстройствам пищевого поведения также статистически чаще подвержены девочки-подростки и девушки юношеского возраста. Согласно мировой статистике, женщины в 10 раз чаще, чем мужчины подвержены расстройствам пищевого поведения: каждая третья женщина сообщает, что болела в подростковом возрасте [7]. Наиболее уязвимая категория – девочки-подростки в возрасте 13–14 лет. Во многом на распространенность расстройств пищевого поведения влияет и Интернет, в частности, социальные сети и медиа, транслирующие нереалистичные стандарты женской красоты. Так, например, просмотр изображений идеальных тел других людей может вызывать чувство неудовлетворенности собственной фигурой. В исследовании В.Ю. Свиткевич подтверждается связь между выраженностью симптомов расстройств пищевого поведения и информационным воздействием на личность, которое может быть представлено в виде навязывания стандартов излишней худобы в качестве идеала, романтизацией расстройств пищевого поведения, а также рекламой опасных для здоровья способов похудения [8].

Использование Интернета сопряжено и с многими другими угрозами для психологического благополучия девушек подросткового и юношеского возраста. Девочки-подростки статистически значимо реже, чем мальчики заботятся о собственной безопасности в Интернете и проверяют надежность программного обеспечения. С возрастом компетентность в использовании интернет-ресурсов становится выше, однако это не искореняет проблему целиком. Девочки чаще сообщают в Интернете о своем актуальном местоположении, выкладывая фото, что также может нести потенциальную угрозу для их безопасности и приватности [4]. Так, например, «чекины» в реальном времени раскрывают актуальное местоположение девушек, делая их уязвимыми для потенциальных сталкеров или нежелательного внимания. Подобная особенность поведения может стать источником данных для тех, кто хочет использовать информацию во вред девушке, например, для мошенничества, киберсталкинга, кибергрумминга, кибербуллинга или манипуляции.

Киберсталкинг (в значении «преследование человека») – это форма киберагрессии, который представляет собой причинение умышленного и многократного вреда жертве, а также членам ее семьи, с помощью электронных устройств. Выражается через преследования и домогательства, сопровождающиеся систематическими угрозами, травлей через форумы, чаты, социальные сети, при которых используются электронные инструменты и виртуальная среда для контроля, манипулирования и принуждения жертвы к чему-либо. Человек, подвергшийся сталкингу, нередко испытывает симптомы посттравматического расстройства, депрессии, склонен к социальной изоляции, повышенной тревожности, расстройствам пищевого поведения, нарушениям сна.

В младшем подростковом возрасте (12–13 лет) распространенность опыта столкновения с киберсталкингом не имеет гендерной специфики, однако уже к 14 годам ситуация начинает меняться. Как итог, в старшем подростковом и юношеском возрасте девушки значительно чаще сталкиваются с киберсталкингом, нежели юноши [9]. Еще одной формой насилия в Интернете, неизбежно влияющей на психологическое состояние девушек и, в частности, девочек-подростков – является кибергруминг. Кибергруминг – это выстраивание доверительных отношений с несовершеннолетними в Интернете с целью сексуальной эксплуатации, чаще всего путем получения от них порнографического контента. Среди киберпреступлений против детей такие сексуальные домогательства имеют самые серьезные последствия. Жертвы часто испытывают чувство вины и изоляции, боясь, что компрометирующие материалы могут стать публичными и достигнуть друзей, одноклассников или учителей. Распространение таких материалов в Сети может произойти спустя годы, и эффективных механизмов для их удаления не существует [10]. Последствия утечки интимных фотографий в Сеть – также частая проблема, крайне негативно влияющая на психологическое состояние девушек. Распространение фотографий подобного рода может являться актом кибербуллинга или массовой травли, кибермоббинга.

Таким образом, интернет-среда может стать источником для большого количества угроз психологической безопасности и благополучия девушек подросткового и юношеского возраста. Однако многие исследователи в области киберпсихологии отмечают и позитивное влияние интернет-среды. Помимо всего, киберпсихология изучает и позитивное

влияние интернет-среды. Так, недавние исследования о взаимосвязи использования социальных сетей и чувства одиночества подтвердили, что в ситуации, когда Интернет используется для улучшения существующих социальных отношений и развития новых социальных связей, он является ценным инструментом для уменьшения одиночества, соответственно, оказывает позитивное влияние. В связи с тем, что Интернет является особым интерактивным глобальным и межнациональным средством коммуникации, он также позитивно влияет на чувство социальной связности. Благодаря своей уникальной природе, кросскультурный характер Интернета имеет большие возможности для формирования личностной и социальной идентичности.

Еще одной уникальной характеристикой интернет-среды является «чувство присутствия» – субъективное переживание реальности своего нахождения в искусственно созданной среде и взаимодействия с ней. При возникновении этого чувства пользователь ощущает, что он «переносится» в созданную с помощью компьютерных технологий среду, однако при этом физически продолжает находиться в реальности. Это чувство присутствия может способствовать более эффективной работе с виртуальными средами и свидетельствовать о позитивном эмоциональном подкреплении. Во всех возрастных группах у подростков наблюдаются такие положительные эмоции, как интерес, радость, удовольствие, в связи с использованием интернет-пространства.

Как составляющее «счастья» проживание позитивных эмоций непосредственно влияет на психологическое благополучие

К компонентам психологического благополучия также относится личностный рост, включая развитие и самореализацию, которые тоже могут быть опосредованы интернет-средой. Статистически, девушки подросткового и юношеского возраста чаще, чем юноши, используют интернет-ресурсы с целью самовыражения и создания собственного контента [4]. Привлекательность интернет-пространства для подростков объясняется наличием «собственной территории» и возможностью самостоятельно принимать решения. Это помогает подросткам снизить эмоциональное напряжение, повысить уровень свободы, реализовать потребность в самоутверждении и самовыражении, а также осознать

свои возможности. Также позитивное влияние на личностный рост имеют и тенденции к участию в профессиональных сообществах в Интернете, что особенно актуально для юношеского возраста ввиду необходимости в профессиональном самоопределении.

Для совладания с трудностями у девочек-подростков чаще встречается выбор стратегий «поиска социальной поддержки» и «избегания» в интернет-сети. Это может быть связано как с большей ориентированностью девочек на социальное окружение, так и с более выраженной эмоциональностью. Однако с переходом в юношеский возраст, девушки все реже прибегают к «избеганию», обращаясь к стратегиям «решения проблем» и продолжая использовать «поиск социальной поддержки» [4]. Социальная поддержка в Интернете также положительно влияет на реализацию компонента благополучия «позитивные отношения». Благодаря ориентированности девушек и женщин на социальное окружение, они чаще, нежели юноши, участвуют в различных интернет-форумах, где делятся советами и переживаниями. В рамках популяризации женской солидарности в последнее время стало появляться все больше площадок и интернет-пространств «от женщин и для женщин», ориентированные на проблемы женского благополучия и безопасности. Помимо этого, социальная поддержка в Интернете может благоприятно сказываться на благополучии женщин и девушек в целом. Так, например, стихийное общественное движение “Me Too”, позволило не только получить поддержку пострадавшим, но и инициировало во всем мире обсуждение широко распространенных проблем, связанных с домогательствами, нападениями, вызвав определенные изменения в обществе. Благодаря развитию интернет-сетей работает множество сервисов для помощи пострадавшим от домогательств, преследования, домашнего насилия. Значительно легче стал поиск кризисных центров. Позитивное влияние интернет-среды также реализуется в контексте «цифрового активизма» и распространения информации о психологической помощи через Интернет, в целом, и социальные сети, в частности.

Выводы

Результаты проведенного теоретического анализа позволили определить феномен «погруженность в интернет-среду» как свободный от

негативной коннотации, в связи с чем он может быть выбран как оптимальный для изучения влияния Интернета на психологическое благополучие. Было выделено, что интернет-среда может оказывать как негативное, так и позитивное воздействие на психологическое состояние юношей и подростков. Выявлена уязвимость девушек в контексте использования интернет-сети, определена специфика их поведения как пользователей. В заключение можно отметить, что взаимосвязь между психологическим благополучием и погруженностью в интернет-среду у девушек подросткового и юношеского возраста является многогранной и двусторонней. С одной стороны, Интернет предоставляет возможности для общения, получения информации и самовыражения, что может способствовать повышению уровня психологического благополучия. С другой стороны, чрезмерное или нецелевое использование интернет-ресурсов, а также подверженность интернет-угрозам, может приводить к негативным последствиям – таким, как низкая самооценка, зависимость и ухудшение эмоционального состояния.

Обращая внимание на противоречивые результаты существующих исследований, настоящая работа подчеркивает необходимость более глубокого и системного изучения данной темы. Тщательное исследование данных вопросов поможет создать эффективные стратегии поддержки психологического благополучия молодежи в условиях активной цифровизации и формирования здоровых паттернов онлайн-взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Twenge J., Martin, G. & Campbell W.* (2018). Decreases in psychological wellbeing among American adolescents after 2012 and links to screen time during the rise of smartphone technology// “Emotion”, 18 (6), 765–780. DOI: 10.1037/emo0000403.
2. *Конарева Я.П.* Интернет-зависимость у детей и подростков // «Символ науки», № 9–1. 2022. [Эл. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-u-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 27.02.2025).
3. *Chang J., Hung C.* Problematic internet use. In Rey JM (ed), IACAPAP e-Textbook of Child and Adolescent Mental Health. Geneva: International Association for Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions, 2012.
4. *Регуш Л.А., Алексеева Е.В., Веретина О.Р., Орлова А.В., Пежемская Ю.С.* Возрастно-половые характеристики погруженности подростков в интернет-среду // «Письма в Эмиссия. Оффлайн», № 6. 2019. СС. 27–37. EDN KVVHAZ.

5. Григорьев П.Е., Гальченко А.С., Поскотинова Л.В. Различия в структуре интернет-зависимости у девушек и юношей – обучающихся старших классов общеобразовательных школ // «Гуманитарные науки», № 3 (55). 2021. СС. 123–127.
6. Шакун Е.Ю., Лановая А.М., Фадеева Е.В. Зависимость и проблемное использование интернета среди девушек и женщин: распространенность, основные проявления, диагностические инструменты (обзор российских исследований) // «Консультативная психология и психотерапия», № 2. Т. 30. 2022. СС. 45–66. DOI: 10.17759/cpp.2022300204.
7. Silén Y., Keski-Rahkonen A. Worldwide prevalence of DSM-5 eating disorders among young people // “Curr Opin Psychiatry”, 1;35 (6). 2022 Nov: 362–371. DOI: 10.1097/YCO.0000000000000818. Epub 2022 Sep 13. PMID: 36125216.
8. Свиткевич Ю.В. Информационное воздействие на личность в сети Интернет как один из предикторов частоты рецидивов расстройств пищевого поведения // «Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология», № 2. Т. 4. 2021. СС. 32–47. DOI: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-2-32-47>.
9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // «Национальный психологический журнал», № 2 (38). 2020. СС. 3–20. DOI: 10.11621/npj.2020.0201.
10. Борисенко Е.В., Дозорцева Е.Г. Клинико-психологические особенности несовершеннолетних, потерпевших от кибергруппинга [Эл. ресурс] // «Психология и право», № 3. Т. 12. 2022. СС. 66–76. DOI: 10.17759/psylaw.2022120306.

REFERENCES

1. Twenge J., Martin G. & Campbell W. (2018). Decreases in psychological wellbeing among American adolescents after 2012 and links to screen time during the rise of smartphone technology // “Emotion”, 18(6), 765–780. DOI: 10.1037/emo00004032.
2. Konareva Ya.P. Internet addiction in children and adolescents // “Symbol of Science”, No. 9–1. 2022. [El. resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-zavisimost-u-detey-i-podrostkov> (date accessed: 02/27/2025).
3. Chang J., Hung C. Problematic internet use. In Rey JM (ed), IACAPAP e-Textbook of Child and Adolescent Mental Health. Geneva: International Association for Child and Adolescent Psychiatry and Allied Professions, 2012.
4. Regush L.A., Alekseeva E.V., Veretina O.R., Orlova A.V., Pezhemskaya Yu.S. Age and gender characteristics of adolescents' immersion in the Internet environment // “Letters to Emission. Offline”, No. 6. 2019. PP. 27–37. EDN KVVHAZ.
5. Grigoriev P., Galchenko A., Poskotinova L. Differences in the structure of Internet addiction among girls and boys – senior students of comprehensive schools // “Humanities”, No. 3 (55). 2021. PP. 123–127.
6. Shakun E., Lanova A., Fadeeva E. Addiction and problematic use of the Internet among girls and women: prevalence, main manifestations, diagnostic tools (review

- of Russian studies) // “Counseling Psychology and Psychotherapy”, No. 2. V. 30. 2022. PP. 45–66. DOI: 10.17759/cpp.2022300204
7. *Silén Y., Keski-Rahkonen A.* Worldwide prevalence of DSM-5 eating disorders among young people. *Curr Opin Psychiatry*. 2022 Nov 1;35(6): 362–371. DOI: 10.1097/YCO.0000000000000818. Epub 2022 Sep 13. PMID: 36125216.
 8. *Svitkevich Yu.* Information impact on personality on the Internet as one of the predictors of the frequency of relapses of eating disorders // “Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology”, No. 2. Vol. 4. 2021. PP. 32–47. DOI: <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2021-4-2-32-47>.
 9. *Soldatova G., Rasskazova E., Chigarkova S.* Types of cyber aggression: the experience of adolescents and young people // “National Psychological Journal”, No. 2 (38). 2020. PP. 3–20. DOI: 10.11621/npj.2020.0201.
 10. *Borisenko E., Dozortseva E.* Clinical and psychological characteristics of minors who suffered from cybergrooming [El. resource] // “Psychology and Law”, No. 3. Vol. 12. 2022. PP. 66–76. DOI: 10.17759/psylaw.2022120306.

THE IMPACT OF THE INTERNET ON THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF TEENAGE AND ADOLESCENT GIRLS

E. Laktionova, A. Rumyantseva

ABSTRACT

The article presents a theoretical analysis of the relationship between psychological well-being and the degree of immersion in the Internet environment in adolescent and adolescent girls. The purpose of this study is to understand the impact of being online on the psychological well-being of adolescent and adolescent girls through a theoretical analysis of generally accepted scientific sources. As the most widely used concepts in the context of studying this issue, the article discusses such concepts as “virtuality”, “Internet addiction” and “problematic Internet use”. Most of the research is devoted to common threats to the psychological well-being of girls in the online environment. The topic of gender-specific Internet usage is revealed. The question is raised about the potential of the positive impact of the Internet environment on the well-being of girls, their self-realization and awareness of the issue of psychological health. The article highlights the contradictory results of current research, as well as the need for further study of this topic in order to form recommendations on minimizing the negative consequences of interaction with the Internet environment.

Keywords: psychological well-being, Internet environment, adolescents, young men, gender characteristics, immersion in the Internet environment.

ТЕКУЧАЯ ПРИВАТНОСТЬ: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.А. Лисенкова

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
oskar46@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в цифровую эпоху традиционные представления о приватности и идентичности подвергаются радикальным изменениям. Социальные сети, онлайн-платформы и алгоритмы Искусственного Интеллекта создают условия для постоянного самораскрытия и участия в публичной коммуникации, что приводит к феномену текучей приватности. Здесь исследуется концепция «принудительной публичности» цифровой идентичности, в которой цифровая среда формирует необходимость постоянного обновления личной информации, вовлеченности в социальные взаимодействия, что в результате создает уникальный цифровой профиль. Анализируется влияние новых медиа на восприятие приватности, включая роль персонализированных алгоритмов, онлайн-знакомств и цифровой интимности. Особое внимание уделяется феномену киберэкспозиционизма, влиянию алгоритмов на формирование цифрового доверия, а также угрозам цифровой прозрачности – таким, как утечка данных, алгоритмическая дискриминация и киберпреследование. В условиях трансформации границ между личным и публичным пространство приватности становится не только социальной, но и политической проблемой, требующей новых механизмов защиты и осмысления этики цифровой реальности.

Ключевые слова: приватность, цифровая идентичность, принудительная публичность, новые медиа, социальные сети, алгоритмы, цифровая безопасность, алгоритмическая дискриминация.

Введение

Цифровая эпоха трансформирует наше понимание приватности и интимности. Социальные сети, интернет-платформы и мобильные уст-

ройства создают новые контексты для взаимодействия, размывая границы между личным и публичным пространством. В результате детали личной жизни, ранее делимые только с близкими, теперь доступны широкому кругу людей в пространстве цифровых интеракций. Онлайн-знакомства, свидания, интимные отношения, построенные на виртуальной основе, становятся все более распространенными и приобретают значимость реальных действий. Проблема принудительной публичности цифровой идентичности актуальна в контексте глобальной цифровизации, влияющей на социальные нормы, межличностные отношения и вопросы защиты данных. *Цель исследования* – проанализировать, как цифровая среда влияет на изменение границ приватного, выявить механизмы принудительной публичности и определить возможные стратегии защиты цифровой идентичности. В работе использованы методы качественного анализа контента и компаративного анализа в сравнении традиционных и современных концепций приватности.

Сегодня мы наблюдаем, как с радикальным изменением социально-культурного ландшафта изменяются и процессы идентификации, в которых существенную роль играет цифровая среда. Пространство, в котором персонализированный опыт и нарративные практики выстраиваются в условиях влияния заданных стандартизированных алгоритмов, может измениться и сам способ познания мира. Процесс «передачи индивидуального и коллективного опыта происходит не через реальные взаимодействия, а через опосредованные цифровые коммуникации» [1, 375]. В данном отношении традиционные концепции приватности теряют свою устойчивость, уступая место феномену текучей приватности, в котором степень открытости и закрытости информации меняется в зависимости от цифрового контекста и алгоритма Сети.

Материалы и методы

Появление новых медиа стало ключевым моментом в изменении структуры приватности. Новые медиа, социальные сети и другие платформы позволяют пользователям конструировать и репрезентовать свою идентичность по модульному принципу, управлять ей, создавая собственный автопроект и участвовать в различных социальных взаимодействиях, «выстраивая свой мир по отношению к значимому Друго-

му» [5]. Однако цифровая среда, все более проникая во все сферы жизни человека, все более стирает границы между личным и публичным: алгоритмы персонализации контента и сбор больших массивов данных о поведении пользователей приводят к тому, что информация о пользователях становится доступной третьим лицам, рекламодателям, аналитическим компаниям и разработчикам контента. Особенно ярко данные тенденции стали проявляться с развитием технологий ИИ и интеллектуального поиска, тонкой настройки и индивидуализации пользовательского интерфейса.

Доступность технологий, желание быть включенными в цифровую коммуникацию вынуждают людей участвовать в публичной коммуникации и процессе самораскрытия. При этом цифровые платформы часто создают механизмы, поощряющие постоянное обновление информации о себе: публикация фотографий, обновление статуса, комментарии и лайки становятся своеобразной цифровой валютой, обеспечивающей социальное признание и подтверждение своей идентичности, а верификация всех данных пользователей позволяет составлять единый уникальный профиль цифровой идентичности. Таким образом, понятие «принудительной публичности» [6, 117] связано с тем, что цифровая среда создана так, что принуждает делиться личной информацией пользователей в значительно больших масштабах, чем они могли бы желать.

Все эти изменения на первый план выводят вопросы, связанные с безопасностью, конфиденциальностью, приватностью и контролем интимной сферы в цифровой среде. Цифровая интимность становится важным аспектом жизни, когда люди все чаще выбирают виртуальные каналы для общения и установления эмоциональных связей, знакомств и поддержки. Онлайн-платформы для знакомств – такие, как “Bumble”, “Tabor”, «Мамба», «VK-Знакомства», “Beboo”, “OkCupid” и др., создают новые модели взаимодействий, где первая встреча происходит не в реальном мире, а в цифровом пространстве, а участники не только делятся информацией о себе, но и ведут виртуальные приватные чаты. Это позволяет тестировать разные образы и ролевые модели, однако одновременно создает риск обесценивания отношений. Чаты, видеозвонки и текстовые переписки могут формировать глубокие эмоциональные привязанности, но при этом они не всегда приводят к развитию устойчивых межличностных связей. Принудительная публичность цифровой иден-

тичности проявляется и в феномене киберэкспозиционизма, когда пользователи добровольно раскрывают интимные аспекты своей жизни и делятся персонализированным, глубоко личным контентом. Этот процесс имеет множество форм – от публикации фотографий, нюдса и видеоконтента до участия в стримах и обсуждениях, связанных с личными переживаниями и опытом. Фактически, цифровой мир не просто отражает существующее пространство реальных перверсивных человеческих отношений, но и «конструирует их новые модификации, делая любую перверсию возможной и открытой в пространстве цифрового воображения» [3, 149].

Однако в условиях цифровой среды любое действие оставляет цифровой след, что делает приватность более уязвимой. Алгоритмы машинного обучения анализируют пользовательские предпочтения, создавая персонализированные рекламные предложения, а также предсказывая поведенческие модели и формируя уникальные цифровые профили. Все это может приводить к тяжелым последствиям разрушения приватного пространства и кризису доверия окружающему миру.

Традиционно доверие формировалось на основе долгосрочного взаимодействия и личного общения, но сегодня оно приобретает другую структуры, все чаще выстраиваясь на принципах сложной алгоритмической модели горизонтальных удаленных связей новых медиа. Лайки, комментарии, частота сообщений и виртуальные знаки внимания становятся индикаторами эмоциональной близости. Нейросети только усиливают «пользовательскую иллюзию», ведь нам нравится то, что мы уже знаем, с чем мы согласны – знакомые штампы, идеи, то, что мы принимаем и что не вступает в противоречие с нашими собственными убеждениями, при этом находясь в информационном пузыре своих запросов и образов» [4, 16]. Однако цифровая коммуникация не всегда является надежной: использование ботов, фейковых аккаунтов, дипфейков и алгоритмических фильтров может исказить реальность и создавать ложные представления о людях.

Заключение

Очевидно, что с течением времени приватность и конфиденциальность в цифровом пространстве становится не только социальной, но и

политической проблемой. Государственные структуры, корпорации и частные организации все активнее используют данные пользователей для оценки и прогнозирования поведения. Быть «самим собой» означает быть рефлексивно вовлеченным в процесс своего развития. Это предполагает наличие у субъекта минимальной ограниченности – сферы частного. Кроме того, «социальная среда перестает формироваться на основе взаимных ожиданий людей, становится предметом технологических манипуляций с данными» [2, 91]. Это приводит к появлению новых этических вызовов, связанных с защитой персональных данных, и защите цифровой идентичности в быстро меняющемся мире глубоких цифровых алгоритмов. Мы видим, что наши старые представления о неприкосновенности частной жизни не справляются с этой задачей. Большая часть законов и нормативных актов, касающихся неприкосновенности частной жизни, основана на устаревших представлениях, и в результате они не могут решить возникающие проблемы конфиденциальности личности.

Вместе с тем, существует несколько противоположных точек зрения на данную проблему. Так, некоторые исследователи считают, что современный человек постепенно утрачивает потребность в приватности, поскольку цифровая идентичность становится неотъемлемой частью повседневной социальной жизни. Однако другие прямо указывают на угрозы, связанные с чрезмерной прозрачностью личной жизни, говоря об утечке данных, цифровой и алгоритмической дискриминации, возможностях киберпреследования и манипуляции общественным мнением.

Очевидно, что, цифровая эпоха кардинально изменила представления о приватности и интимности и это угрозы нового социального порядка. Принудительная публичность стала неотъемлемой частью цифровой идентичности, а границы между личным и публичным всё больше размываются. В этих условиях важнейшей задачей становится поиск новых способов защиты личного пространства и создание механизмов, формирующих этику нашей цифровой реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Н.М., Лисенкова А.А. Социально-культурная идентичность студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности российского общества

- // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология», Вып. 4. Т. 16. 2023. СС. 374–390: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.402>
2. Назаров М.М. Приватность в сети и цифровая покорность: исследование аудитории Интернета // «Вестник Института социологии», № 3. Т.13. 2022. СС. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832.
 3. Попова О.В. Технологическая колонизация интимности: от любви к технологиям – к биомедицинским технологиям против любви // «Знание. Понимание. Умение», № 4. 2022. СС. 145–159.
 4. Труфанова Е.О. Личное и публичное в цифровом пространстве: размытие границ // «Galactica Media: журнал медиаисследований», № 3 (1), 2021. СС. 14–38: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>.
 5. Чубаров И.М. Цифровой Другой: проблемы идентичности в парадигме искусственного интеллекта / И.М. Чубаров, Т.А. Попова, К.А. Сенцова // «Международный научно-исследовательский журнал», № 3 (141). 2024. DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.54.
 6. Solove, Daniel J. The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age NYU Press. 2004. 283p.

REFERENCES

1. Velikaya N., Lisenkova A. Social'no-kul'turnaya identichnost' studencheskoj molodezhi v usloviyah social'noj neopredelennosti rossijskogo obshchestva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya. 2023. Vol. 16. Ed. 4. PP. 374–390: <https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.402>.
2. Nazarov M. Privatnost' v seti i cifrovaya pokornost': issledovanie auditorii interneta // “Vestnik Instituta sociologii”, № 3. Т. 13. 2022. PP. 87–107. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.832; Popova O.V. Tekhnologicheskaya kolonizaciya intimnosti: ot lyubvi k tekhnologiyam – k biomedicinskim tekhnologiyam protiv lyubvi // “Znanie. Ponimanie”, Umenie. № 4. 2022.
3. Trufanova E. (2021). Private and Public in the Digital Space: Blurring of the Lines. Galactica Media: Journal of Media Studies, 3(1), 14–38. <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>
4. Chubarov I. Cifrovoy Drugoj: problemy identichnosti v paradigme iskusstvennogo intellekta / I.M. Chubarov, T.A. Popova, K.A. Sencova // “Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal”, № 3 (141). 2024. DOI: 10.23670/IRJ.2024.141.54.
5. Solove, Daniel J. The Digital Person: Technology and Privacy in the Information Age NYU Press. 2004, 283p.

FLUID PRIVACY: FORCED PUBLICITY OF DIGITAL IDENTITY

A. Lisenkova

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia*

ABSTRACT

In the digital age, traditional notions of privacy and identity are undergoing radical changes. Social networks, online platforms and artificial intelligence algorithms create conditions for constant self-disclosure and participation in public communication, which leads to the phenomenon of fluid privacy. This text explores the concept of “forced publicity” of digital identity, in which the digital environment shapes the need for constant updating of personal information, engagement in social interactions, resulting in a unique digital profile. The impact of new media on the perception of privacy is analyzed, including the role of personalized algorithms, online dating and digital intimacy. Special attention is paid to the phenomenon of cyberexhibitionism, the impact of algorithms on the formation of digital trust, and threats to digital transparency such as data leakage, algorithmic discrimination, and cyberbullying. With the transformation of the boundaries between the personal and the public, the space of privacy becomes not only a social but also a political issue that requires new mechanisms of protection and reflection on the ethics of digital reality.

Keywords: Privacy, digital identity, forced publicity, new media, social networks, algorithms, digital security, algorithmic discrimination.

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КСИОЛОГИИ

С.Г. Литке

*ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Челябинск, Россия
svlitke@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен анализ философского осмысления категории «Дух» сквозь категорию «быть» и/или «жить». Поставлена задача – положить начало разработке структурно-содержательной картографии проявления Духа в человеке.

Ключевые слова: ксиология, философия Духа, структура Духа, функции Духа.

Введение

Современный мир в период глобализации, интеграции и воссоединения сознания в целостное пространство мироустройства ставит перед нами задачу изучения духовного. С одной стороны, категория «духовного» являет собой эманационное начало всего сущего, осознаваемого и неосознаваемого человеком. С другой, Дух – целостно-голографическая частица, которая и есть все сущее.

Обобщив словарно-лингвистический анализ содержания лексического значения понятия «Дух», мы делаем общий вывод о том, что *«Дух» – это сверхприродная правящая сила, а также высшее бессмертное нематериальное начало человека, самостоятельно входящая и выходящая из человеческой материи субстанция.*

Анализ философского осмысления категории «Дух» ставит перед нами исследовательскую задачу – разработать структурно-содержательную картографию духовного в контексте человеческого осмысления и определить функциональную суть Духа как единого и многопроявленного трансцендентного пространства, которое было, есть и будет [1].

Изучая философские тексты с целью определения формообразующего контекста ксологии, проведем сравнительный анализ категории «Дух», курсивом выделяя в определениях общие родовые понятия.

Категория духа в античной философии

В античной натурфилософии категория «дух» изначально синтезирует формоопределяющие родовые признаки: *пространство* – «нечто газообразное» и *витальную силу* – «жизненная сила, движущаяся в теле человека и животных». Понятие «дух» в текстах древнегреческого философа Анаксагора синонимично понятиям «*нус*» (греч. «ум», «мысль», «разум»), «*пневма*» (греч. «дыхание», «дуновение») – «мировой разум, цель космической динамики и организующе-различающая сила». Первоначальный импульс исходит из нуса (*Дух*), который вызывает вихрь в материи и, расширяясь механически, вовлекает в движение всю материю [11].

В философии Платона, Аристотеля и неоплатоников дух определяется как *правлящая миром сила (Нус)*, имеющая иерархическую систему, в которой нус объединяет эйдосы, внедряется в стихию мировой души (*Психея*) и преобразует мировую материю в космический организм. В этом контексте нус – высшее непостижимое благо, высший уровень бытия, который сам себя мыслит и тем самым *творит мир* [4].

Понятие «пневма» первоначально трактуется как «воздух», «дыхание», затем обретает психологическое и космологическое значение (лат. «спиритус»). Проникая как огненно-воздушная субстанция в материальные объекты, пневма выполняет функцию мировой души как оживляющее начало и, одновременно, роль мирового духа, как правящее начало. Проникая в низшие сферы бытия, дух и душа обволакиваются пневмой и через нее контактируют с материей. [5]

«Дух» в философии Ренессанса

Философия Ренессанса возвращает дух к эллинистическим интуициям – разлитой во Вселенной *жизненной силы*. Учение античных медиков о “*spiritus vitals*” (*жизненном духе*) объясняет его локализацию в теле с целью сообщения телу витальной энергии.

В XVII–XVIII вв. проблема осмысления Духа связана с темами духовной субстанции и структуры познавательных способностей. С одной стороны, Дух – это онтологическая *основа универсума*, с другой – Дух – это связывающая основа субъективного разума и объективной действительности. Характерно дифференцирование духа и материи. В то же время духовная субстанция измеряется объединением таких ментальных способностей, как ощущение, переживание, стремление, воля: “cogitare” Рене Декарта, “mens” нидерландского философа и пантеиста Бенедикта Спинозы, “spiritus” Готфрида Вильгельма Лейбница, “esprit” Лейбница и К.А. Гельвеция, “mind” английских эмпириков. Например, согласно Рене Декарту, духовная субстанция (“res cogitans”) и материальная (“res extensa”) не имеют ничего общего, но внутри себя воспроизводят различие высшего и низшего, простого и сложного. Г.Ф. Лейбниц считает, что неразумно допускать существование одного Духа и одного страдательного начала. Принцип совершенства требует допущения между ними бесконечно многих промежуточных ступеней – индивидуальных душ-монад, воспроизводящих общий Дух на свой неповторимый лад [14].

В контексте рационализма проблема координации Духа и материи апеллирует к Богу – создателю «предустановленной гармонии», поскольку Дух, как субстанция, оказывался безличной «духовной машиной».

В традиции эмпиризма дух лишается субстанциональности и сводится к единичным состояниям души. Согласно Джону Локку, дух есть *нечто, способное мыслить*, но построить на этом основании ясную идею субстанции духа, как и субстанции тела, невозможно, поскольку мы имеем дело лишь с предполагаемым субстратом действий, которые мы испытываем внутри себя (мышление, знание, сомнение, сила движения и т.д.). Джордж Беркли, обнаружив в факте восприятия асимметричность духа и его содержания, перевернул аргумент Д. Локка: кроме «идей», есть «*познающее деятельное существо*, то, что я называю умом, духом, душой, или мной самим, это – вещь, совершенно отличное от идей»; «дух есть простое, нераздельное, деятельное существо – воспринимающее идеи, оно именуется умом; производящее их или иным способом действующее над ними – волей».

Немецкая философия эпохи Просвещения о понятии «Дух»

Немецкая философия эпохи Просвещения обозначая понятие «Дух», отдает предпочтение германскому слову «гайст» (“Geist”). Мартин Лютер переводит это слово как евангельское понятие «пневма»; Яков Бёме вкладывает в это понятие значение глубинной силы души, придающей ей форму и имеющей соответствие в макрокосмосе в виде души в оболочке духа. Начиная с вольфианцев, понятие “Geist” интеллектуализируется – это Дух, выражающийся в мыслях, сближая его с термином “Vernunft” (разум), с этим определением соглашается Иммануил Кант. Однако мистические мотивы “Geist” сохраняются в послекантовской спекулятивной философии, у И.В. Гёте, у романтиков. Кант ограничивает сферу употребления понятия «Дух» (“Geist”) областью эстетики: Дух – *«оживляющий принцип в душе»* и *«способность изображения эстетических идей»*. В «Критике способности суждения» Кант различает *духовные силы*, осуществляемые разумом, и *душевные силы*, осуществляемые рассудком. Кант критически относится к просветительской рационализации духа и к его оккультной мистификации. Применяя свой трансцендентальный метод, Кант радикально изменил саму проблему: традиционный для метафизики универсум сверхчувственного единства Кант разделяет на три автономных царства: царство природы, царство свободы и царство целесообразности.

Иоганн Готлиб Фихте, Георг Вильгельм Фридрих Гегель, Фридрих Вильгельм Йозиф Шеллинг в трактовании понятия «дух» выделяют смысловое ядро: все конечные феномена духа находят свой смысл в абсолютном духе, который творит себя и свою предметность. Абсолютный Дух – это не объект, а *процесс сверх эмпирической истории*, в ходе которого Дух порождает себя и в котором он и существует. Абсолютный Дух в своей истории отчуждается от себя (как «Идеи») и, познавая отчужденный мир (как «Природу»), возвращается к себе (через историю человечества как Абсолютный дух), в результате приобретая конкретность и самосознание.

Категория духовности в XIX–XXвв. Философия XIXв. в целом оказалась оппозицией немецкому трансцендентализму. Понятие «Дух» становится мишенью для критики таких направлений, как позитивизм, марксизм, волюнтаризм. Однако понятие «Дух» остается релевантным

для мыслителей постромантизма и для некоторых представителей философии жизни.

В XXв. философия отнеслась к понятию «Дух» более лояльно. Оппоненты в некоторых случаях перекрыли его в рамках своих учений. Например, неокантианская версия Эрнеста Кассирера: «все мы несем в себе великий дар, однако отношение к этой духовной реальности у нас разное...»; психоаналитическая версия Карла Густова Юнга: «Дух, как и Бог, обозначает объект психического переживания и опыта, который *«не может доказан и не может быть понят рационально»* [17]; версия Анри-Луи Бергсона в витализме: «материя и дух взяты сами по себе, являются продуктами распада жизни»; версия Макса Шелера в феноменологии, где «Дух *противостоит* всему, ибо Дух *сверхприроден*, он происходит от Бога»; версия Джорджа Сантаяны в неореализме: «понятие духовной субстанции самопротиворечиво, ведь Дух – это лишь энтелехия материальной субстанции». Философия культуры, строя цивилизационные модели, обнаружила функциональность Духа. Неотомизм, русская религиозная философия, итальянский неоспиритуализм возродили классические представления о Духе. В новейшей философии понятие Дух не популярно [15].

Для погружения в философско-семантическое поле понятия «Дух» выпишем выделенные курсивом слова и словосочетания, характеризующие и уточняющие понятие «Дух».

Номинальные категории	Качественные категории	Функциональные категории
<i>Нус</i> <i>Пневма (греч. дыхание, дуновение)</i> <i>Сила (нус)</i> <i>Воздух</i> <i>Дыхание</i> <i>Основа универсума</i> <i>Основа субъективного разума</i> <i>Гайст (Geist)</i> <i>Процесс сверх эмпирической истории</i>	<i>Жизненная сила</i> <i>“Spiritus vitalis” (жизненный дух)</i> <i>Оживляющий принцип в душе</i> <i>Духовные силы</i> <i>Не может доказан и не может быть понят рационально</i> <i>Дух сверхприроден</i>	<i>Правящая миром</i> <i>Творит мир</i> <i>Нечто, способное мыслить</i> <i>Познающее деятельное существо</i> <i>Противостоит всему</i>

Философский анализ категории «Дух» как основы Ксиологии, ее объекта познания обуславливает некоторое уточнение определения данного понятия в контексте ксиологического подхода: *Дух – это вечная управляющая сила миром (мировым равновесием).*

Напомним, что философия в традиционно-методолгическом аспекте считается древним способом познания мира (2,5 тысячи лет). Но сегодняшний мир знаний с большим ускорением открывает нам иные системы мироустройства. Одной из таких систем является славянское миропонимание [9]. По одному из древнеславянских календарей сейчас 7530 лето от Сотворения Мира в звездном храме (2022 год от Рождества Христова). Это позволяет предположить, что человеческий разум имел объяснения категории духовного намного раньше, чем предполагает классическая научно-философская методология. К тому же, мы имеем наследие славяно-арийского букваря (*Образарь*), включающего в состав 49 букв. Понятие «Дух» важно рассматривать через анализ буквы «Ѣ» [кси] (45 из 49 по счету в Образаре) – Дух, духовное начало, духовность, которая априори представляет собой образ сущего. Если проанализировать каждую букву в слове «ДУХ», то возможно раскрыть глубоко-сущностное понимание этой категории:

- ✓ Д [добро] – развитие, достаток, накопление, полнота, преуспевание;
- ✓ У [укъ] – зов, послание, взаимодействие, нахождение рядом, приближение;
- ✓ Х [хѣрь] – мировое равновесие, пересечение определённых значений, гармония.

Складывается сущностно-образное представление о Духе как о посланнике высшего «Я», обуславливающего потенциал для развития, накопления опыта, преуспевания в вопросах приближения и достатка мирового равновесия, гармонии. Анализ высокодуховной личности [3] показал, что люди, обладающие высоким духовным потенциалом и способные проявить высокие результаты в какой-либо деятельности, имеют возможности «прочитать» послание Высшего и соединить свою жизнь с «вестью» (Со-Весть), которую они каким-то образом «считали» и стали жить в резонансе с данным посланием: по совести.

Наша задача, обобщив исторический, философский контекст анализа понятия «Дух», предпринять намерения смоделировать структурно-функциональную матрицу Духа (Табл. 1, Рис. 1).

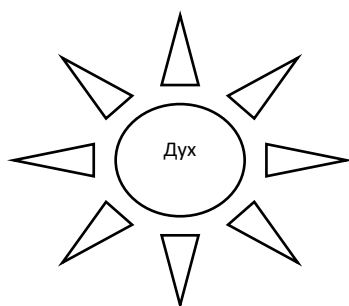

Таблица 1.

Структурно-функциональная картография духа

Дух	Что делает? (функции)	Содержание духовных проявлений в человеке
Вечная управля- ющая ми- ром сила	Наблюдает	Способность созерцать окружающий мир, вдохновляться красотой, анализирует и соединяет части в целое, формирует замысел, образ желаемого для творческой деятельности
	Вдохновляет и оживляет	Проявляется способность соединиться с духовным началом. Пробуждение желания осознавать намерения и способы их реализации
	Осознаёт и наделяет	Проявляется способность анализировать и рефлексировать жизненные процессы, в том числе и индивидуально-личностные, на основе чего происходит план трансформации. Раскрываются и проявляются способности и возможности, проявляется сила к действию и активности
	Созидает и творит	Реализует намерения, активно преобразует окружающую действительность. Желание изобретать. Создание нового. Творческие проявления в различных сферах жизни

	Обладает	Имеет силы для самореализации и мотивирования и побуждения людей в аспекте созидательной деятельности
	Разрушает	Выход на осознанность, развитие способности к рефлексии. Анализ первопричин, избавление от того, что уже отработано, разотождествление с неважным, расстановка приоритетов
	Преобразовывает	Трансформация жизненных планов и свершившихся событий с целью усовершенствования

Заключение

Дух, как вечная управляющая миром сила, имеет основную функцию – обеспечить мировую гармонию. Дух – это все, сам Дух не имеет образа, который человек смог бы воспринять явно, однако проявления Духа голографичны и многообразны. Важная задача Человека научиться понимать, осознавать и применять послания Духа, чтобы ввести (интериоризировать) эти послания (вести) в свою жизнь, тем самым обеспечивая свое гармоничное, созидательно-конструктивное житиё. Древне-славянский анализ слов «бытиё» и «житиё» через буквы-образы имеет значительное различие: «ЖИТЬ» – значит, наполняться божественной силой (живой, от Духа), нести ее, дарить другим; «БЫТЬ» – проявление (Б) + единство взаимодействующего множества (Ы) + твердо (Т) + уже существующее (Ь – ерь) = случиться, находиться в проявленном множестве. «БЫТИЕ» – быть, во множестве, соблюдая устои общины, в которой проявился. Жить – это всегда выходить за пределы обыденного, развивая такие духовные качества, как воля, смелость, отвага, преодоление и т. п.

Таким образом, структурно-функциональная картография Духа циклична и может быть представлена в форме круга, имеющего восемь лучей (функциональных эманаций), которые являют начально-функциональный старт цикла вечного движения гармонизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция Духа (Руха) в исламе: http://www.mehdi.ru/ruh_explain.htm
2. Литке С.Г. Ксиология как система познания высшего / С.Г. Литке [текст]: Наука, общество, культура: проблемы и перспективы взаимодействия в современном мире [Эл. ресурс]: сборник статей IV МНПК. Петрозаводск, 2021. Изд-во: «Международный центр научного партнёрства “Новая Наука” (ИП Ивановская И.И.)». – Петрозаводск, 2021. 241с. СС. 42–47. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44697914>, ISBN 978-5-00174-125-1.
3. Литке С.Г. Духовность как высшее качество человека. / С.Г. Литке [Текст]: Материалы международной научно-практической конференции «Новые дидактические решения в системе формирования планируемых образовательных результатов» / Под науч. ред. Е.В. Гнатышиной. Челябинск.: ООО «Премьер», 2022, 254с. ISBN 978-5-93162-587-4.
4. Лосе А.Ф. История античной эстетики, Аристотель и поздняя классика. Т. 4. М., 1975.
5. Савельева О.М. Содержание понятия «нус» в греческой литературе VII–VI вв. до н.э. // В кн.: Из истории античной культуры. М., 1976.
6. Святой Дух: https://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Дух
7. Святой Дух в Ветхом Завете: <https://mir-biblii.ru/statji/10145-svyatoy-duh-v-vesthom-zavete.html>
8. Святой Дух, Турья, Нирвана, Дзен, Дао... что между ними общего: <https://eraofunity.world/svyatoj-duh-turya-nirvana-dzen-dao/>
9. Славянское миропонимание. Второе издание для общего пользования. Асгардь-Омск-Москва: Изд-во «Родович», 2011, 7519 (106789): <https://www.rulit.me/books/slavyanskoe-miroponimanie-kniga-1-podtverzhdienie-knigi-sveta-read-434568-1.html>
10. Татаркевич В. История философии: <https://fil.wikireading.ru/43473>
11. Толковый словарь Дмитриева Д.В. «Словари и энциклопедии на Академике». <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1160>
12. Толковый словарь Даля В.И. «Словари и энциклопедии на Академике». <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/232874>
13. Философская энциклопедия. «Словари и энциклопедии на Академике». https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/360
14. Философия: Энциклопедический словарь. Под ред. А.А. Ивина. М.: «Гардарики» / 2004
15. Энциклопедический словарь. «Словари и энциклопедии на Академике»: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/20204/дух>
16. Юнг К.Г. Дух и жизнь // Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. М., 1994.

REFERENCES

1. 1.The Concept of Spirit (Ruh) in Islam: http://www.mehdi.ru/ruh_explain.htm
2. *Litke S.* Xsiology as a System of Cognition of the Supreme / S.G. Litke [Text]: Science, Society, Culture: Problems and Prospects of Interaction in the Modern World [Electronic resource]: Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference. Petrozavodsk, 2021. Publisher: “International Center for Scientific Partnership ‘New Science’ (Individual Entrepreneur Ivanovskaya I.I.)” Petrozavodsk, 2021. Access: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44697914>, 241p., PP. 42–47. ISBN 978-5-00174-125-1.
3. *Litke S.* Spirituality as the Highest Quality of a Person / S.G. Litke [Text]: Materials of the International Scientific and Practical Conference “New Didactic Solutions in the System of Formation of Planned Educational Outcomes” / Scientific Editor: E.V. Gnatyshina. Chelyabinsk: Premier LLC, 2022, 254p. ISBN 978-5-93162-587-4.
4. *Losev A.* The History of Ancient Aesthetics, Aristotle and Late Classicism. Vol. 4. Moscow, 1975.
5. *Savelieva O.* The Meaning of the Concept “Nous” in Greek Literature of the 7th–6th Centuries BC // In: *From the History of Ancient Culture*. Moscow, 1976.
6. The Holy Spirit: https://ru.wikipedia.org/wiki/Святой_Дух.
7. The Holy Spirit in the Old Testament: <https://mir-biblii.ru/statji/10145-svyatoy-duh-v-vethom-zavete.html>
8. 8.The Holy Spirit, Turiya, Nirvana, Zen, Tao... What Do They Have in Common?: <https://eraofunity.world/svyatoj-duh-turya-nirvana-dzen-dao/>
9. Slavic Worldview. Second edition for general use. Asgard-Omsk-Moscow: “Rodovich” Publishing House, 2011, 7519 (106789).
10. <https://www.rulit.me/books/slavyanskoe-miroponimanie-kniga-1-podtverzhdenie-knigi-sveta-read-434568-1.html>.
11. *Tatarkiewicz W.* History of Philosophy: <https://fil.wikireading.ru/43473>.
12. Explanatory Dictionary by D.V. Dmitriev – Dictionaries and Encyclopedias on Academic.ru: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/1160>.
13. 13.Explanatory Dictionary by V.I. Dal – Dictionaries and Encyclopedias on Academic.ru: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/232874>.
14. Philosophical Encyclopedia – Dictionaries and Encyclopedias on Academic.ru: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/360.
15. Philosophy: Encyclopedic Dictionary. Moscow: Gardariki, Edited by A.A. Ivin, 2004.
16. Encyclopedic Dictionary – Dictionaries and Encyclopedias on Academic.ru: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/20204/дых>.
17. *Jung C.* Spirit and Life // In: *The Problems of the Soul of Our Time*. Moscow, 1994.

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF XIOLOGY

S. Litke

*South Ural State University of Humanities and Pedagogy,
Chelyabinsk, Russia*

ABSTRACT

The article presents an analysis of the philosophical understanding of the category “Spirit” through the category of “to be” and / or “to live”. The task is to lay the foundation for the development of structural and substantive cartography of the manifestation of the Spirit in a person.

Keywords: xiology, philosophy of Spirit, structure of Spirit, functions of Spirit.

ДИНАМИКА УСТАНОВОК И МОТИВАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ

Л.М. Лучшева, А.В. Рубцова

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
г. Санкт-Петербург, Россия
lucseva@mail.ru, rubtsova_av@spbstu.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется динамика социально-психологических установок, уровня притязаний, потребности достижения цели учителей. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе в нем участвовали студенты выпускного курса педагогических специальностей. Повторное исследование было проведено с теми же респондентами через два года. В исследовании участвовали только те, кто осуществлял профессиональную педагогическую деятельность в должности учителя. Для изучения указанных переменных в исследовании применялись следующие методики: «Социально-психологические установки личности» О.Ф. Потёмкина; «Оценка уровня притязаний» В.К. Гербачевского, «Потребность в достижении цели», Ю.М. Орлова. Были выявлены значительные изменения в уровне притязаний; достижения цели; снижение ориентации на деньги; повышение внутренней мотивации, ориентации на процесс и альтруизм.

Ключевые слова: учителя, установки, уровень притязания, достижение цели.

Введение

Актуальность статьи обусловлена тем, что профессия учителя имеет древнюю историю, которая начинается со времен Древней Греции. В Спарте наиболее способные мальчики отправлялись в школу на обучение гимнастике, чтению, письму и музыке. В Афинах учителей нанимали многие богатые родители, чтобы их дети получали хорошее об-

разование. В средние века европейские церкви были центрами образования. Религиозные лидеры обучали детей чтению, письму и библейским учениям. В эпоху Ренессанса ученые стали больше интересоваться образованием, передачей своих богатых знаний подрастающему поколению. В Южную Европу переехали многие ученые, чтобы преподавать в университетах. В XIX веке существенно изменился подход к обучению, появились новые методы обучения и педагогические теории, созданы учебники, учебные программы, школьные реформы, а также образовательные институты для подготовки учителей. Сегодня учителя – это специалисты, обладающие профессиональным образованием, которые обучают, развивают, воспитывают детей в школах, детских садах, образовательных центрах [2].

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

В профессии учителя важным является рассмотрение перспектив развития профессии, как указывает Е.А. Рождественская, здесь можно выделить использование информационных технологий, Искусственного Интеллекта в обучении. Готовность учителя учитывать глобальный характер экономики и культуры, чтобы подготавливать учеников к работе в современном обществе [9].

Социальная ценность результатов труда учителя, по Л.Ж. Зиминной, состоит в направленности на образование и воспитание нового поколения; формирование личности обучающихся и их интересов; поддержание удовлетворительного уровня образования населения [4].

К внутренним средствам труда учителя относятся особенности его личности: направленность и мотивация, характерологические и темпераментальные особенности, мыслительные, аттенционные и мнестические свойства, четкость и грамотность речи, эмоциональная устойчивость. К внешним средствам труда могут относиться окружающее пространство и рабочее место со всем необходимым оснащением [3].

Степень проблемности трудовых ситуаций учителей можно рассматривать с позиций профессиональных нагрузок в виде переработок, коротких сроков выполнения задач, интенсивности общения, неинформированности рабочего дня, неоднородности выполняемых обязанностей, непредсказуемости возникновения конфликтных ситуаций [5].

Требования к профессионально важным качествам учителя подробно рассмотрены А.А. Ахтырским, Е.А. Петраш, Э.Ф. Зеером, А.К. Марковой, Л.М. Митиной и другими учеными. Важную роль имеет мотивационная и потребностная сфера учителей, которая должна иметь высокий уровень притязаний и обуславливаться направленностью на успешное и эффективное выполнение профессиональных обязанностей [1,3,4,5,8]. Социально-психологические установки учителя составляют его «психологический портрет», т.к. они могут влиять на интересы, склонности, потребности, ценности, приоритеты личности. Ориентацией для учителя может служить процесс или результат профессиональной деятельности, это будет отражаться на успеваемости и мотивации учеников. Если учитель альтруист, то он всего себя отдает детям; совсем другая ситуация при эгоистической направленности личности. Центрация на себе, на своих эгоистических интересах может отражаться на результатах учебной деятельности, межличностных взаимоотношениях, приводить к конфликтам, ссорам, разногласиям. Кроме этого, можно рассмотреть социально-психологические установки учителя на труд, свободу, деньги. Если ориентации учителя являются гармоничными, это способствует адекватному уровню притязаний, самооценки, мотивации, принятию себя, всех аспектов своей личности и, как следствие, будет отражаться на профессиональной деятельности.

Методы исследования

Мы предполагаем, что существует динамика в уровне притязаний, социально-психологических установках и потребности достижения цели учителей, а именно: повышается мотивация профессиональной деятельности и формируются необходимые для этого установки личности.

Целью исследования являлось изучение динамики социально-психологических установок, уровня притязаний, потребности достижения цели учителей за изучаемый период.

В исследовании применялись: Методика «Социально-психологические установки личности», О.Ф. Потёмкина; методика «Оценка уровня притязаний» В.К. Гербачевского, методика «Потребность в достижении цели» Ю.М. Орлова.

Исследование проводилось на протяжении двух лет. На первом этапе в исследовании принимали участие студенты выпускного курса,

затем повторное исследование с учителями было проведено через два года. Стаж работы у респондентов на тот момент составлял 2 года. Все респонденты проживали в городе Санкт-Петербург. Всего в исследовании принимало участие 70 человек.

Для достижения цели исследования были использованы следующие методы: теоретический анализ литературных источников, психодиагностическое тестирование, математико-статистическая обработка данных (вычисление первичных статистик).

По результатам проведенной методики О.Ф. Потемкиной можно констатировать, что у студентов преобладает ориентация на деньги у 77%, на процесс – у 20%, альтруизм всего – 8%. Учителя продемонстрировали следующие результаты: по 33% ориентация на деньги и процесс, на альтруизм только у 21%. У 70% студентов выявлен низкий уровень ориентации на альтруизм, у учителей 45%. Ориентации на свободу, власть, труд, эгоизм у большинства респондентов находятся на среднем уровне; выраженной динамики нет, поэтому рассматриваться не будут.

Как видим, изменилась динамика изучаемых переменных у респондентов. Значительно снизилась ориентация на деньги, что можно объяснить удовлетворением актуальных потребностей за счет получения заработной платы. Повысилась ориентация на процесс преподавания, что можно объяснить сформированными профессиональными умениями и навыками, расширением сферы знаний, так же произошло с альтруизмом. Профессия учителя предполагает бескорыстное служение своему делу, любовь к детям, если учитель сразу не покинул стен школы, значит, он остается по призванию и велению сердца. Тем не менее, можно отметить достаточно высокое количество учителей, имеющих низкий уровень альтруистических ценностей. Альтруизм традиционно ассоциируется с профессией учителя: долг, верность своему делу, бескорыстное служение детям, иногда в ущерб своим интересам. Если продолжать размышления полученных результатов, возможно альтруистические ценности находятся только на стадии формирования. Формирование ценностей – процесс долгий и кропотливый, здесь нужна особая мотивация и, как в любой профессии, не обходится без положительных и отрицательных моментов, которые, возможно, приводят к пересмотру или даже остановке их формирования.

Если рассмотреть результаты оценки уровня притязаний (методика В.К. Гербачевского), то у студентов на среднем уровне – мотивация

избегания (71%), мотивация к смене деятельности (92%), внутренняя мотивация (76%). У учителей обнаружено, что преобладают результаты на среднем уровне: 67% – мотивация избегания, 50% – мотивация к смене деятельности, у 78% – внутренняя мотивация. На высоком уровне у 50% учителей – мотивация к смене деятельности, у 24% – внутренняя мотивация.

К сожалению, хотя мы можем констатировать динамику изучаемых переменных, но, тем не менее, в обеих группах преобладает средний уровень избегания неудач. Можно предположить, сначала – студент, а затем и учитель, не ориентированы на достижение успехов в профессиональной деятельности, они стараются избежать неудач. Таким образом, в поведении и личностных характеристиках можно предположить неуверенность, пессимизм, боязнь критики, робость в отстаивании своих взглядов. Учитель не стремится к освоению нового (а вдруг не получится?), пассивен, возможен низкий уровень притязаний, отсутствует дух конкуренции и соперничества. Молодой специалист будет стремиться отказываться от участия в профессиональных конкурсах в силу повышенной тревожности, страхов и опасений.

Интересными являются результаты мотивации к смене деятельности. Можно предположить, если тот же объем заданий выполненных два года назад, вызывает утомление, желание завершения текущей работы, то это может являться следствием возникновения каких-либо симптомов эмоционального выгорания, хроническую усталость.

Необходимо так же подчеркнуть высокий уровень внутренней мотивации, который остался практически без изменений. Высокая внутренняя мотивация является характеристикой ядра личности, оказывающей влияние на всю педагогическую деятельность.

Потребность в достижении цели изначально была слабо выражена у студентов (методика Ю.М. Орлова). Высокий уровень выявлен у 7%, средний – у 71%. Значительное увеличение произошло через два года, и можно констатировать высокий уровень в достижении цели у 60%, средний уровень снизился до 40%. Данные результаты позволяют говорить о том, что учителя получают удовольствие от процесса работы, но и конечный результат профессиональной деятельности представляет для них интерес. Учителя увлечены делом, которым они занимаются, хотят профессионально развиваться, стремятся к освоению новых методик, готовы внедрить в свою практику.

Выводы

Таким образом, проанализировав полученные результаты, можно констатировать динамику изучаемых переменных в уровне притязаний, потребности достижения цели и социально-психологических установках учителей. Тем не менее, описанные данные позволяют говорить о том, что учителя, у которых небольшой стаж работы, нуждаются в поддержке, одобрении их действий, похвале, внимательном отношении со стороны руководства и коллег; требуется разработанная система наставничества, примеры альтруистических ценностей. Должен быть наставник, старший товарищ, который всегда рядом, к которому в случае затруднений можно обратиться и не бояться осуждения, порицания. Кроме этого, оправданным является психологическая поддержка молодого учителя на постоянной основе, при малейших подозрениях на формирование симптома эмоционального выгорания, который мог обратиться за профессиональной помощью.

Необходимо отметить, что молодые учителя отличаются целеустремленностью, высоким интересом к профессиональной деятельности, внутренней мотивацией, ориентацией на процесс и результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахтырский А.А.* Трудовая мотивация педагогического персонала: сравнительные исследования / А.А. Ахтырский. [Текст]: непосредственный // «Социология и право», № 1. 2020. СС. 55–64.
2. *Ильин Г.Л.* Эволюция понятия учитель / Г.Л. Ильин. [Текст]: непосредственный // «Преподаватель XXI век», № 3. 2017. СС. 9–18.
3. *Зеер Э.Ф.* Профессионально-образовательное пространство личности: синергетический подход / Э.Ф. Зеер. [Текст]: непосредственный // «Образование и наука», № 5 (23). 2003. СС. 79–90.
4. *Зими́на Л.Ж.* Социальная роль профессии педагога / Л.Ж. Зими́на. [Текст]: непосредственный // «Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество», № 4. 2017. СС. 19–21.
5. *Лучшева Л.М.* Синдром эмоционального выгорания у педагогов с разной профессиональной принадлежностью / Л.М. Лучшева. [Текст]: непосредственный // Гуманитарный форум в Политехническом. Материалы III Всероссийской молодежной научно-практической конференции. СПб., 2024. СС. 423–429.

6. *Маркова А.К.* Психология труда учителя / А.К. Маркова. М.: «Просвещение», 1993. 192с. (Психол. наука – школе). ISBN 5-09-003639-X. [Текст]: непосредственный.
7. *Митина Л.М.* Учитель как личность и профессионал / Л.М. Митина. М.: «Дело», 1994. 215с. ISBN 5-85900-075-8. [Текст]: непосредственный.
8. *Петраш Е.А.* Портрет современного учителя в новой цифровой реальности / Е.А. Петраш, Т.В. Сидорова. [Текст]: непосредственный // «Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки», №. 4. 2021. СС. 101–114.
9. *Рождественская Е.А.* Использование технологий в обучении: быстрые изменения в технологии открывают новые возможности для учительских методик и создания новых форм обучения / Е.А. Рождественская. [Текст]: непосредственный // «Манускрипт», № 3. 2017. СС. 117–121.

REFERENCES

1. *Akhtyrsky A.* Work Motivation of Teaching Staff: Comparative Studies / A.A. Akhtyrsky. [Text]: Direct // “*Sociology and Law*”, No. 1, 2020. PP. 55–64.
2. *Ilyin. G.* The Evolution of the Concept of a Teacher / G.L. Ilyin. [Text]: Direct // “*The 21st Century Teacher*”, No. 3, 2017. PP. 9–18.
3. *Zeer E.* The Professional-Educational Space of the Personality: A Synergetic Approach / E.F. Zeer. [Text]: Direct // *Education and Science*, No. 5 (23), 2003. PP. 79–90.
4. *Zimina L.* The Social Role of the Teaching Profession / L.Zh. Zimina. [Text]: Direct // “*Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society*”, No. 4, 2017. PP. 19–21.
5. *Luchsheva L.* Burnout Syndrome in Teachers of Different Professional Affiliations / L.M. Luchsheva. [Text]: Direct // “*Humanities Forum at the Polytechnic. Materials of the 3rd All-Russian Youth Scientific and Practical Conference. St. Petersburg*”, 2024. PP. 423–429.
6. *Markova A.* The Psychology of the Teacher’s Work / A.K. Markova. Moscow: Prosveshchenie, 1993. 192p. (Psychological Science – to School). ISBN 5-09-003639-X. [Text]: Direct.
7. *Mitina L.* The Teacher as a Personality and Professional / L.M. Mitina. Moscow: Delo, 1994. 215 p. ISBN 5-85900-075-8. [Text]: Direct.
8. *Petrash E., Sidorova T.* The Portrait of a Modern Teacher in the New Digital Reality / E.A. Petrash, T.V. Sidorova. [Text]: Direct // “*Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*”, No. 4, 2021. PP. 101–114.
9. *Rozhdestvenskaya E.* Using Technology in Education: Rapid Advances Open New Opportunities for Teaching Methods and New Forms of Learning / E.A. Rozhdestvenskaya. [Text]: Direct // “*Manuscript*”, No. 3, 2017. PP. 117–121.

DYNAMICS OF ATTITUDES AND MOTIVATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF TEACHERS

L. Luchsheva¹, A. Rubtsova²

^{1,2}Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the dynamics of socio-psychological attitudes, the level of aspirations, and the need to achieve the goal of teachers. The study was conducted in two stages. At the first stage, students of the final year of pedagogical specialties participated in the study. A follow-up study was conducted with these respondents two years later. The study involved only those who carried out professional teaching activities as teachers. To study these variables, the following methods were used in the study: “Socio-psychological attitudes of personality”, O. F. Potemkin; “Assessment of the level of aspirations”, V.K. Gerbachevsky, “The need to achieve a goal”, Yu. M. Orlov. Significant changes in the level of aspirations, goal achievement, decreased focus on money, increased intrinsic motivation, process orientation, and altruism were identified.

Keywords: teachers, attitudes, level of aspiration, goal achievement.

РОЛЬ ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВЛАДАНИИ С НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ

М.М. Мазманын

*Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Республика Армения
marianna.mazmanyan@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена политической, экономической и социальной обстановке, сложившейся в Республике Армения в течение последних лет, которая способствовала резкому увеличению неопределенности в жизни нашего общества. Еще с первых дней пандемии мы оказались в ситуации неведения и невозможности прогнозирования будущего из-за недостатка достоверной информации о новом вирусе. Последовавшая за этим 44-дневная война с ее тяжелыми геополитическими, гуманитарными, демографическими последствиями усугубила неопределенность в нашей стране, проникнув в самые разные сферы нашей жизнедеятельности.

Целью данной статьи является проверка гипотезы о наличии взаимосвязи толерантности к неопределенности со стилевыми особенностями мышления и эмоционального интеллекта. Обнаруженная заметная связь между самомотивацией, как компонента эмоционального интеллекта и толерантностью к неопределенности, дает основание для предположения о том, что умение использовать и контролировать свои эмоции для достижения своих целей поддерживает толерантность к неопределенности и, укрепляя самомотивацию, можно поспособствовать преодолению неопределенности. Изучение интуитивного стиля мышления студентов и установление умеренной связи между интуитивной способностью и толерантностью к неопределенности приводят нас к выводу о том, что интуитивное знание и интуитивные механизмы переработки информации, собственные интуитивные впечатления могут играть продуктивную роль в ориентировке в ситуациях дефицита информации и непредсказуемости. Для успешного совладания с неопределенностью можно полагаться не только на рациональные, но и на иррациональные способы мышления.

Ключевые слова: толерантность к неопределенности, стиль мышления, эмоциональный интеллект, интуитивная способность, интуитивный стиль.

Введение

Политическая, экономическая и социальная ситуации, сложившиеся в Республике Армения в последние годы, способствовали резкому повышению неопределенности в жизни нашего общества. Еще с первых дней пандемии мы оказались в ситуации неведения и невозможности прогнозирования будущего из-за недостатка достоверной информации о новом вирусе. Последовавшая за этим 44-дневная война с ее тяжелыми геополитическими, гуманитарными, демографическими последствиями углубила неопределенность в стране. Хрупкость военно-политической обстановки, сложившейся в регионе и во всем мире, до сих пор не обещает увеличения стабильности и предсказуемости завтрашнего дня.

Неопределенность как сильный стрессогенный фактор и угроза психологической безопасности личности и общества – вызов современному человеку, а умение эффективно функционировать и оставаться жизнестойким в условиях неопределенности – жизненно важная необходимость. Этим и обусловлен повышенный интерес к проблеме жизнедеятельности личности в условиях неопределенности в современной психологии.

Материалы и методы

В психологии самым проработанным научным понятием, характеризующим нашу способность к конструктивному взаимодействию с неопределенностью, является толерантность к неопределенности. Автор термина Э. Френкель-Брунsvик описывает ее как свойство, характеризующее когнитивную и эмоциональную сферу личности, выражающееся в принятии новых реалий, противоречивости в собственных действиях и неопределенности, в целом. Исследованию толерантности к неопределенности посвящены работы таких авторов, как Т. Адорно, Д. Левинсон, Н. Санфорд, С. Бочнер, М. Мириманова, А. Обухова, Е. Луковицкая и другие [4].

Э.А. Самотаева рассматривает толерантность к неопределенности как эффективную копинг-стратегию, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, которые способствуют анализу проблемных ситуаций, снижению тревоги и принятию нестандартных решений [7]. А. Гусев толерантную к неопределенности личность

характеризует как способную выдерживать напряжение кризисных ситуаций, испытывающих чувство комфорта в ситуации неопределенности и размышляющую над проблемой, даже если неизвестны все факты и последствия принятых решений [2].

Целью данной статьи является проверка гипотезы о наличии взаимосвязи толерантности к неопределенности со стилевыми особенностями мышления и эмоционального интеллекта. Учитывая тот факт, что отличительная характеристика неопределенности заключается в недостатке конкретности стоящих перед нами задач, мы склонны к мнению тех авторов [3], [6], [8], которые считают, что в подобных ситуациях рациональное мышление в определенной степени уступает место иррациональному; информацию для ориентиров приходится черпать из эмоциональных ресурсов и бессознательных пластов психики, и в нашем исследовании выдвигаем гипотезу о том, что в условиях неопределенности личность опирается на иррациональные возможности психики и толерантность к неопределенности, как свойство личности, помогающее совладать с негативными переживаниями, вызванными неопределенностью, будет больше обусловлена эмоциональным интеллектом и интуитивным стилем мышления, чем рациональными (дискурсивными) способами мышления.

Исследование было проведено на выборке студентов выпускных курсов гуманитарных специальностей бакалавриата Ванадзорского государственного университета. В исследовании принимали участие 54 студента по направлениям «Психология», «Социальная педагогика», «Филология». Проверка гипотезы была осуществлена с помощью следующих психодиагностических методик: «Шкала толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна MSTAT-I» в адаптации Е.Г. Луковицкой [5], «Тест эмоционального интеллекта Холла», «Опросник интуитивного стиля Эпстайна» в адаптации Т.В. Корниловой и С.А. Корнилова [3], опросник «Стили мышления» Р. Бремсона, А. Харрисона в адаптации А.А. Алексеева [1]. Для изучения связей между показателями применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Согласно процедуре обработки результатов методики «Шкала толерантности к неопределенности Д. Мак-Лейна MSTAT-I» получается один общий балл в пределах -66 до +66, выражающий степень толерантности-интолерантности к неопределенности. Полученные результаты представлены в Графике 1.

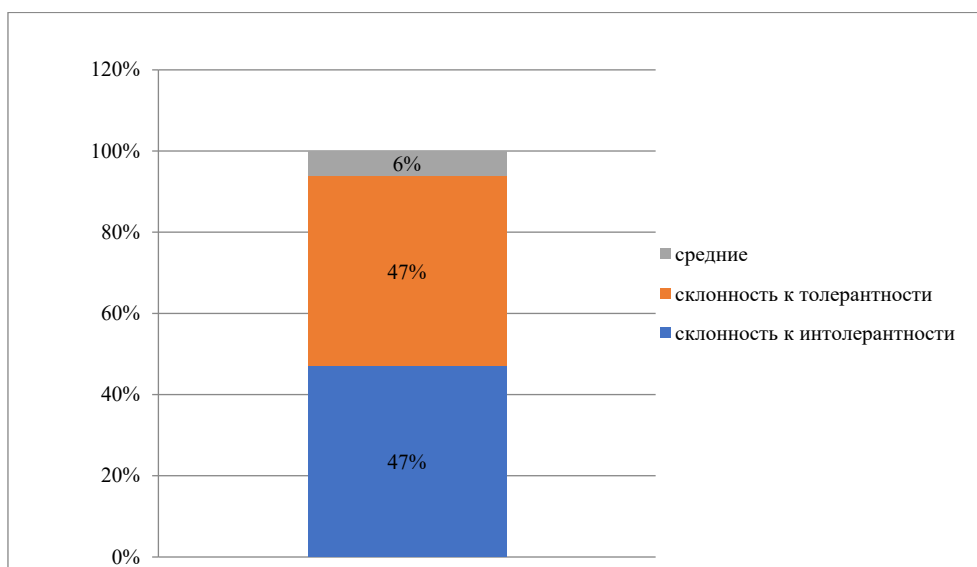

График 1. Распределение значений по уровню толерантности-интолерантности к неопределенности в группе студентов.

Как мы видим, у 47% респондентов выявлена склонность к интолерантности к неопределенности, у 47% респондентов – склонность к толерантности к неопределенности, и у 6% выявлены средние показатели по этой шкале (0 баллов). Это означает, что 47% студентов в разной степени испытывают дискомфорт в сложных, неоднозначных, неопределенных ситуациях, боятся неизвестности и стараются внести в свою жизнь максимальную ясность и однозначность. 47% студентов в разной степени сознают и принимают сложность, неоднозначность и непредсказуемость окружающего мира, мирятся с ней, учитывают ее в своих действиях и воспринимают ее как источник новых возможностей, избегают шаблонов, предпочитают творческий подход к решению проблем в условиях неопределенности.

«Опросник интуитивного стиля Эпстайна» предназначен для измерения предпочтения личности использования или неиспользования интуиции в ситуации выбора и представлен в виде двух шкал: *шкалы интуитивной способности* и *шкалы использования интуиции*. Результаты, полученные по шкале интуитивной способности, показывают, что у 5% респондентов выявлен низкий уровень интуитивной способности, у

52% – уровень ниже среднего, у 27% – средний и у 16% – уровень интуитивной способности выше среднего. По шкале использования интуиции у 2% респондентов выявлен низкий уровень использования интуиции, у 25% – уровень ниже среднего, у 28% – средний, у 32% – уровень выше среднего, у 9% – высокий и у 9% – очень высокий уровень использования интуиции.

Опросник «Стили мышления» предназначен для определения предпочитаемого способа мышления и рассчитан на диагностику пяти стилей мышления: синтетического, идеалистического, прагматического, аналитического и реалистического.

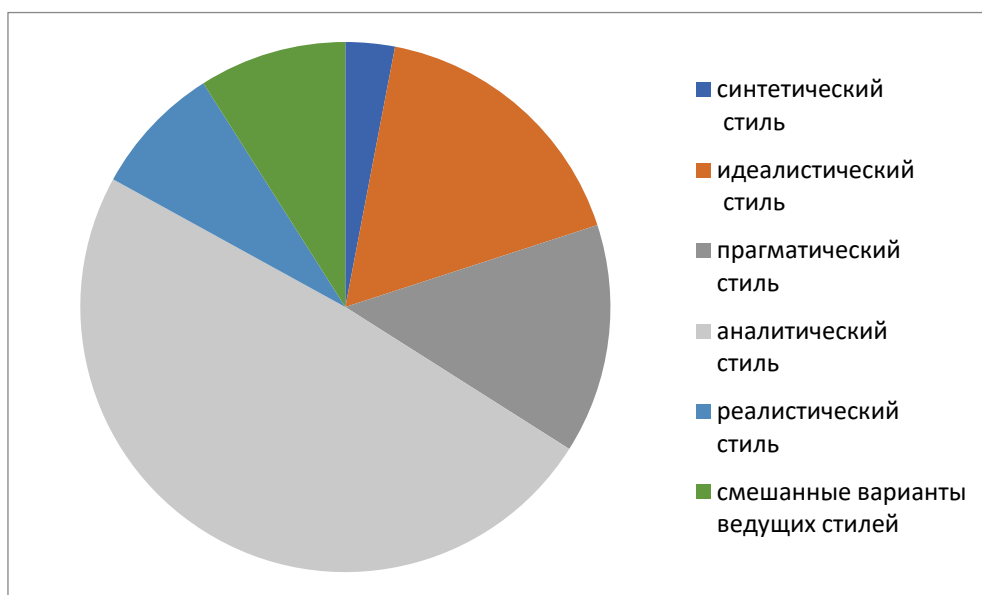

График 2. Выраженность стилей мышления в группе студентов.

У 3% респондентов доминировал синтетический стиль мышления, что проявляется в склонности к созданию нового, оригинального, комбинированию несходных, часто противоположных идей, взглядов, любви к переменам и стремлении видеть мир меняющимся. У 17% доминировал идеалистический стиль мышления, который проявляется в склонности к интуитивной оценке происходящего, повышенном интересе к ценностям и нравственным проблемам, успешном решении таких проблем, где важными факторами являются эмоции, чувства, стремлении сглаживать противоречия и находить сходства в разных позициях. У

14% опрошенных выявлено предпочтение прагматическому стилю мышления, опирающемуся на непосредственный личный опыт, стремлению к быстрым результатам и практической выгоде. Самую большую группу составляли студенты с преобладанием аналитического стиля мышления, они составляли 49% выборки. Аналитический стиль проявляется в склонности к логической, методичной, детализированной манере решения задач, основанной на объективных фактах и достоверной информации, восприятию мира как упорядоченного, рационального и предсказуемого. У 8% опрошенных преобладал реалистический стиль мышления, т.е. ориентированность на реальные факты, которые можно непосредственно увидеть, услышать, почувствовать. У 9% опрошенных выявились смешанные варианты ведущих стилей мышления в виде сочетания аналитического стиля с другими. Результаты выраженности стилей мышления изображены на Графике 2.

«Тест эмоционального интеллекта Холла» предназначен для выявления способности распознавать, понимать и управлять эмоциями. Он содержит следующие шкалы: осведомленность, управление своими эмоциями, самомотивация, эмпатия, способность распознавать чужие эмоции и воздействовать на них. Результаты по методике «Тест эмоционального интеллекта Холла» изображены на Графике 3.

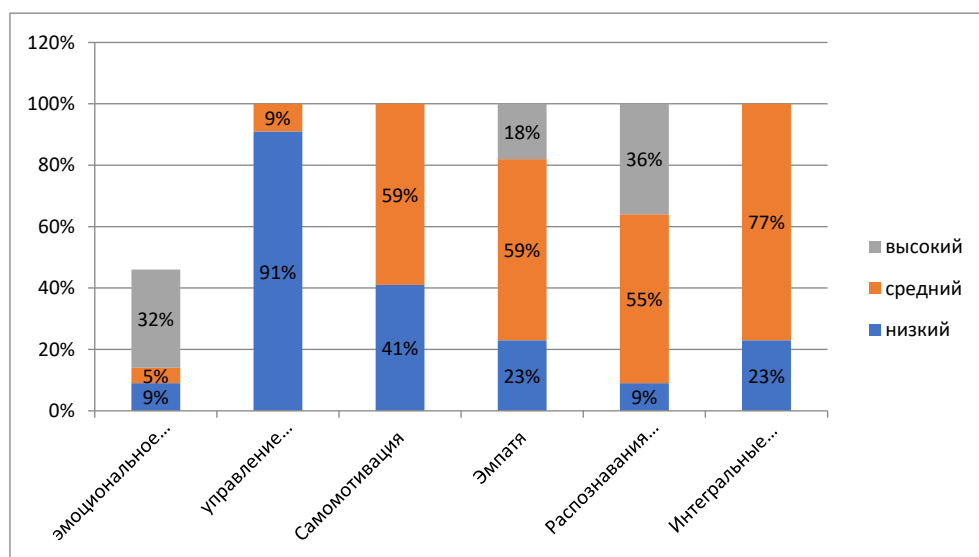

График 3. Развитие эмоционального интеллекта в группе студентов.

По шкале эмоциональной осведомленности, включающей в себя понимание человеком испытываемых эмоций и внутренних состояний, у 9% опрошенных выявлен низкий, у 59% – средний и у 32% – высокий уровень развития. Шкала «Управление своими эмоциями» подразумевает умение влиять на собственные эмоции и сдерживать их нежелательные проявления. По этой шкале получились только средние (у 9% респондентов) и низкие (у 91% респондентов) значения. Самомотивация предполагает умение мотивировать себя, используя собственные эмоции для достижения целей. Высоких значений по этой шкале не выявлено, средние значения получились у 59% и низкие – у 41% респондентов. По шкале эмпатии, которая понимается как умение сопереживать эмоциональному состоянию и готовность оказать поддержку другому человеку, высокие значения получились у 18%, средние – у 59% и низкие – у 23% опрошенных. По шкале «Распознавание эмоций» других людей и умение влиять на их эмоциональное состояние для достижения своих целей у 9% опрошенных выявлен низкий уровень, у 55% – средний и у 36% – высокий уровень развития этой способности. Интегральные значения свидетельствуют о низком развитии эмоционального интеллекта у 23% студентов и среднем развитии у 77% опрошенных студентов.

Для проверки нашей гипотезы между показателями толерантности к неопределенности, стилями мышления и компонентами эмоционального интеллекта был проведен корреляционный анализ с констатацией значимых связей ($p < 0,05$) между показателями интуитивной способности с толерантностью к неопределенности ($r = 0,430$ – умеренная связь), самомотивацией и толерантностью к неопределенности ($r = 0,586$ – заметная связь). По итогам статистического анализа наша гипотеза подтверждается частично.

Выводы

Таким образом, обобщение результатов исследования по отдельным методикам и установленным взаимосвязям, позволяет сделать следующие выводы:

1. Продолжающаяся неопределенность требует развития личностных компетенций, помогающих эффективно справляться с жизненными затруднениями в условиях неопределенности и многозадачности совре-

менного мира. Для повышения личностной компетентности и профессиональной конкурентоспособности студентов гуманитарных профессий считаем целесообразным разработать учебные программы, нацеленные на развитие толерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта профессионально-важного качества. На основании результатов исследования эмоционального интеллекта установлено преобладание среднего уровня развития последнего у студентов. Обнаруженная заметная связь между самомотивацией, как компонентом эмоционального интеллекта и толерантностью к неопределенности, дает основание для предположения, что умение использовать и контролировать свои эмоции для достижения своих целей поддерживает толерантность к неопределенности и, укрепляя самомотивацию, можно способствовать развитию толерантности к неопределенности.

2. В среде студентов гуманитарных профессий преобладает аналитический стиль мышления, но отсутствие значимых корреляционных данных требует дальнейшего прояснения связей толерантности к неопределенности со стилями мышления. Однако изучение интуитивного стиля мышления студентов и установление умеренной связи между интуитивной способностью и толерантностью к неопределенности приводят нас к выводу о том, что интуитивное знание и интуитивные механизмы переработки информации, собственные интуитивные впечатления могут играть продуктивную роль в ориентировке в ситуациях дефицита информации и непредсказуемости. Для успешного совладания с неопределенностью можно предложить в качестве основы для решений и действий опираться на интуитивное познание и полагаться не только на рациональные, но и на иррациональные способы мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А.А., Громова Л.А.* Поймите меня правильно или книга о том, как найти свой стиль мышления, эффективно использовать интеллектуальные ресурсы и обрести взаимопонимание с людьми. СПб: «Экономическая школа», 1993. СС. 29–41, 316–328.
2. *Гусев А.И.* Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // *Личностный потенциал: структура и диагностика* / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: «Смысл», 2011. СС. 300–329.
3. *Корнилова Т.В., Корнилов С.А.* Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С. Эпстайна) // «Психологические исследования», № 28. Т. 6. 2013. С. 5.

4. *Леонов И.Н.* Толерантность к неопределенности как психологический феномен: история становления конструкта // «Вестник Удмуртского университета», Вып. 4, 2014. С. 43.
<https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-k-neopredelennosti-kak-psihologicheskii-fenomen-istoriya-stanovleniya-konstrukta>
5. *Луковицкая Е.Г.* Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: дис. канд. психол. наук. [Текст] / Е.Г. Луковицкая. СПб., 2003. 173с.
6. *Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Манчхаишвили М.А.* Иррациональность мышления как способ совладения с неопределенностью современного мира // «Вестник РГГУ». Сер.: «Психология. Педагогика. Образование», № 4. 2021. СС. 50–64. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64
7. *Самотаева Э.А.* Толерантность к неопределенности как копинг-стратегия // «Человеческий капитал», № 6 (186), 2024: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2024/06/2024-6_p191-198.pdf.

REFERENCES

1. *Alekseev A., Gromova L.* Understand Me Correctly, or a Book about How to Find Your Thinking Style, Effectively Use Intellectual Resources, and Achieve Mutual Understanding with People. St. Petersburg: “Economic School”, 1993. PP. 29–41, 316–328.
2. *Gusev A.* Tolerance for Uncertainty as a Component of Personal Potential // *In: Personal Potential: Structure and Diagnostics*, ed. by D.A. Leontiev. Moscow: “Smysl”, 2011. PP. 300–329.
3. *Kornilova T., Kornilov S.* Intuition, Intelligence, and Personality Traits (Results of the Trial Use of S. Epstein’s Questionnaire Scales) // “Psychological Research”, No. 28, Vol. 6, 2013. P. 5.
4. *Leonov I.* Tolerance for Uncertainty as a Psychological Phenomenon: The History of the Construct // “Bulletin of Udmurt University”, Issue 4, 2014. P. 43.
<https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-k-neopredelennosti-kak-psihologicheskii-fenomen-istoriya-stanovleniya-konstrukta>
5. *Lukovitskaya E.* The Socio-Psychological Significance of Tolerance for Uncertainty: *Ph.D. thesis in psychology*. [Text] / E.G. Lukovitskaya. St. Petersburg, 2003. 173p.
6. *Orestova V., Tkachenko D., Manchkhavshvili M.* Irrational Thinking as a Way of Coping with the Uncertainty of the Modern World // “RSUH Bulletin. Series: Psychology. Pedagogy. Education”, No. 4, 2021. PP. 50–64. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-4-50-64.
7. *Samotayeva E.* Tolerance for Uncertainty as a Coping Strategy // “Human Capital”, No. 6 (186), 2024: https://humancapital.ru/wp-content/uploads/2024/06/2024-6_p191-198.pdf

THE ROLE OF IRRATIONALITY IN COPING WITH UNCERTAINTY

M. Mazmanyán

Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia

ABSTRACT

This article addresses the political, economic, and social conditions that have developed in the Republic of Armenia in recent years, leading to a sharp increase in uncertainty in the life of society. Since the early days of the pandemic, we found ourselves in a situation of ignorance and an inability to predict the future due to a lack of reliable information about the new virus. The subsequent 44-day war, with its severe geopolitical, humanitarian, and demographic consequences, further deepened the uncertainty in the country, affecting various spheres of life.

The aim of this article is to test the hypothesis of a correlation between tolerance for uncertainty and thinking styles, as well as emotional intelligence. A significant relationship was found between self-motivation (a component of emotional intelligence) and tolerance for uncertainty, suggesting that the ability to use and regulate one's emotions in pursuit of goals supports tolerance for uncertainty. Thus, strengthening self-motivation may contribute to overcoming uncertainty.

The study of students' intuitive thinking style and the identified moderate correlation between intuitive ability and tolerance for uncertainty lead to the conclusion that intuitive knowledge and mechanisms of intuitive information processing, along with one's intuitive impressions, can play a productive role in navigating situations of informational scarcity and unpredictability. To successfully cope with uncertainty, one can rely not only on rational but also on irrational ways of thinking.

Keywords: tolerance for uncertainty, thinking style, emotional intelligence, intuitive ability, intuitive style.

ДЕВИАНТНОСТЬ КАК ГЕНЕТИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

С.Г. Беспалая, Н.Ю. Макунина

Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что современное общество, характеризующееся высокой степенью социальной неустойчивости, переживает тревожный рост отклонений в развитии и поведении подрастающего поколения. Это проявляется не только в распространенной тревожности и духовной опустошенности подростков, но и в нарастающем цинизме, жестокости, агрессии, в целом – в девиантном поведении. Влияние социально-политических и экономических изменений в стране особенно сильно затронуло именно несовершеннолетнее поколение. Увеличивается число подростков, испытывающих трудности в учебе, страдающих от злоупотребления алкоголем и наркотиками, совершающих правонарушения, а также тех, кто подвержен суицидальным настроениям или психическим расстройствам. Мы полагаем, что воспитание детей в семьях с социальными трудностями представляет собой один из значительных факторов, способствующих развитию девиантного поведения. Для эффективной профилактики и корректировки данной ситуации необходимо внедрение комплексных социально-психологических мероприятий.

Ключевые слова: девиация, неблагополучная семья, подростки, подростковая девиация, профилактика, девиантное поведение, десоциализация.

Введение

Понимание девиантности в современной социологии многогранно. С одной стороны, это – отдельные поступки или действия, противоречащие установленным социальным нормам – будь то формальные законы или неформальные, но общепринятые правила поведения. С дру-

гой стороны, девиация – это массовое социальное явление, проявляющееся в повторяющихся действиях больших групп людей, нарушающих общественные нормы. Важно отметить, что девиантное поведение не всегда является преступлением в юридическом смысле, но всегда представляет собой отступление от общепринятых стандартов психического здоровья, морали, культуры и права. Это поведение можно охарактеризовать как антисоциальное, антидисциплинарное, нарушающее социальный порядок и гармонию. Проявления девиантного поведения разнообразны и зависят от возраста, социального окружения и индивидуальных особенностей личности. К типичным формам относятся: демонстративное игнорирование социальных норм, проявление агрессии как вербальной, так и физической, вызов авторитетам, систематическое уклонение от учебы или работы, самовольные длительные уходы из дома и бродяжничество, злоупотребление алкоголем и наркотиками, сексуальные преступления или девиантное сексуальное поведение, попытки суицида, вандализм и хулиганство, вовлечение в криминальные группировки, кибербуллинг и онлайн-агрессия [4].

Материалы и методы

Современные технологии существенно расширили возможности для девиантного поведения, предоставляя новые каналы для распространения агрессии, ненависти и насилия, что делает проблему еще более сложной и требующей комплексного подхода. Причины девиантного поведения сложны и многофакторны, что не позволяет говорить об одной-двух причинах. Существует распространенное заблуждение о том, что все причины девиации обусловлены исключительно социальными факторами. На самом деле, генетическая предрасположенность играет значительную роль. Например, склонность к алкоголизму, наркомании, а также некоторые психические расстройства могут передаваться по наследству, увеличивая вероятность девиантного поведения у детей, чьи родители страдают от подобных проблем. Однако наследственность лишь создает определенную предрасположенность, а не является предопределяющим фактором. Важную роль играют также биологические и физиологические особенности организма, например, гормональный фон, наличие хронических заболеваний и травм головного мозга [3].

Социальные факторы, несомненно, играют ключевую роль. К ним относятся: неблагополучная семья, отсутствие родительского контроля и надзора, насилие в семье, социальная депривация (отсутствие доступа к образованию, медицинской помощи, достаточному уровню жизни), влияние негативного окружения (общение с преступными группировками, контакт с девиантными взрослыми), социальная изоляция, отсутствие перспектив в будущем, низкая самооценка, чувство беспомощности и безысходности, неумение справляться со стрессом, неадекватное поведение со стороны взрослых, отсутствие поддержки и понимания со стороны окружающих. Важно отметить, что часто эти факторы переплетаются, усиливая друг друга и создавая условия для развития девиантного поведения.

Психологическая девиация проявляется в различных формах, начиная от неврозов и заканчивая серьезными психическими расстройствами. Это может быть выражено в повышенной тревожности, депрессии, агрессивности, нарушениях поведения, проблемах с самоидентификацией, отсутствием эмпатии и неспособности к установлению здоровых социальных контактов. Некоторые исследования показывают корреляцию между травматическим опытом в детстве (физическое, сексуальное, эмоциональное насилие, смерть близкого человека) и появлением девиантного поведения в подростковом и юношеском возрасте. Важно подчеркнуть, что своевременная диагностика и профессиональная психологическая помощь могут значительно улучшить состояние и предотвратить развитие серьезных отклонений.

Для эффективной профилактики и коррекции девиантного поведения необходим комплексный подход, включающий в себя программы ранней диагностики и выявления факторов риска, создание поддерживающей среды в семье и школе, развитие социальных и эмоциональных навыков у детей и подростков, организацию досуга и предоставление альтернативных вариантов поведения, создание доступных и качественных социальных услуг, реабилитационные программы для лиц, страдающих от зависимости и психических расстройств, реформу системы правосудия для несовершеннолетних, работу с родителями для повышения их родительской компетенции, пропаганду здорового образа жизни и формирование толерантного и принимающего отношения к людям с отклонениями в развитии. Только комплексный подход, учитывающий

все факторы риска и использующий междисциплинарные методы работы, позволит эффективно справиться с проблемой девиантного поведения среди молодежи [5].

Влияние неблагополучных семей на развитие личности ребенка – сложная и многогранная проблема, требующая детального рассмотрения. Выделяют несколько типов семей, негативно воздействующих на психику и социальную адаптацию детей. К наиболее очевидным относятся семьи, характеризующиеся открытой конфликтностью. В таких семьях постоянные скандалы, ссоры и взаимные оскорбления между родителями являются нормой. Грубость, угрозы, отсутствие любви, уважения, чувства долга и ответственности – вот составляющие атмосферы, в которой растет ребенок. Последствия подобного воспитания крайне негативны. Ребенок, ежедневно сталкиваясь с агрессией и напряженностью, усваивает конфликтную модель поведения как единственно возможную. Это проявляется в эмоциональной неустойчивости, неуверенности в себе, повышенной тревожности, замкнутости, а иногда и агрессивности по отношению к окружающим. Он «впитывает» модели поведения родителей, воспроизводя их в своих взаимоотношениях со сверстниками и, впоследствии, в собственной семье, порождая тем самым замкнутый круг деструктивного поведения, передающегося из поколения в поколение. Такая дезадаптация может проявляться как в академической неуспеваемости, так и в трудностях с построением социальных связей и в проблемах с законом в будущем. Нарушение привязанности к родителям в раннем детстве в таких семьях зачастую приводит к трудностям в формировании здоровых эмоциональных связей в зрелом возрасте [1].

Однако не все неблагополучные семьи демонстрируют открытую агрессию. Существует категория семей с «скрытым» неблагополучием, внешне выглядящих благополучными и респектабельными. Общество может даже считать их образцовыми, не подозревая о глубоких проблемах внутри семьи. В таких семьях родители могут демонстрировать формальные отношения с детьми, заменяя искреннюю заботу и душевную близость материальными благами. «Откупиться» от собственных родительских обязанностей дорогими подарками или услугами нянь и репетиторов – характерная черта подобных семей. Это «делегирование» воспитания сторонним лицам свидетельствует об отсутствии эмоцио-

нальной вовлеченности родителей в жизнь ребенка. Отсутствие искреннего интереса к внутреннему миру ребенка, его чувствам и переживаниям, формальный подход к воспитанию приводят к серьезным последствиям. Дети в таких семьях часто испытывают чувство одиночества, эмоционального «голода», неуверенности в родительской любви и поддержке. Они могут демонстрировать поведенческие проблемы, низкую самооценку и сложности в адаптации к социуму. Низкий уровень эмоциональной связи с родителями может стать причиной трудностей в построении близких отношений в будущем, повышенной тревожности и депрессии. В таких семьях часто отсутствует разговор о чувствах, обсуждение проблем и совместное времяпровождение, формируя у ребенка чувство неполноценности и отчужденности [1].

К еще одному типу семей с негативным влиянием относятся семьи с косвенным десоциализирующим эффектом. Это – семьи, испытывающие затруднения социально-психологического и психолого-педагогического характера, страдающие от нарушений супружеских и детско-родительских отношений. Это могут быть семьи, где родители в силу различных психологических причин (например, депрессии, зависимостей, психологических травм) утрачивают способность эффективно взаимодействовать с детьми и оказывать необходимое воспитательное влияние. У родителей может отсутствовать достаточный уровень знаний о психологических потребностях ребенка, они могут быть неспособны адекватно реагировать на его эмоциональные состояния или проявлять необходимое терпение и понимание. Это может быть связано с недостатком времени, усталостью, профессиональным выгоранием или неумением строить конструктивные отношения. В таких семьях воспитание часто носит спонтанный и несистемный характер, что приводит к формированию у детей негативных черт характера, нестабильной самооценки и трудностям в социальных взаимодействиях. Дети в таких семьях могут стать подверженными риску различных отклонений в поведении, сталкиваться с проблемами в учебе и трудностями в общении со сверстниками. Важно отметить, что в этих семьях не обязательно присутствует открытая агрессия или явное пренебрежение, но недостаток родительской поддержки и неспособность обеспечить детям безопасную и стабильную среду также приводят к серьезным негативным последствиям.

Необходимо подчеркнуть, что неблагополучие семьи является одним из важнейших факторов риска для психического и социального развития ребенка. Ранняя диагностика проблем, своевременное обращение за помощью к специалистам (психологам, педагогам, социальным работникам) и своевременное вмешательство являются критически важными для предотвращения негативных последствий и помощи детям, воспитывающимся в неблагополучных семьях. Профилактическая работа, направленная на укрепление семейных отношений, повышение родительской компетентности и создание поддержки для семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, являются необходимыми шагами для создания здорового и благополучного общества [2].

Психологическая девиация у детей – это отклонение от общепринятых норм психического развития и поведения, проявляющееся в разнообразных формах, от незначительных расстройств до серьезных психических заболеваний. Зачастую корни этих отклонений кроются в неблагополучии семейной среды. Неблагополучные семьи можно разделить на две большие группы: семьи с явной (открытой) и скрытой формой неблагополучия.

Семьи с явной формой неблагополучия: эта категория характеризуется очевидными признаками социальной дезадаптации. Низкий социально-экономический статус семей играет здесь ключевую роль. Родители, как правило, не способны выполнять свои основные функции: обеспечение базовых потребностей детей (питание, одежда, жилье), их физическое и психическое здоровье, а также их социальное и нравственное воспитание. Часто наблюдается аморальный и/или противоправный образ жизни родителей: алкоголизм, наркомания, преступная деятельность. Жилищно-бытовые условия крайне неудовлетворительные, не отвечающие даже минимальным санитарно-гигиеническим нормам. Дети в таких семьях предоставлены сами себе, лишены должного ухода и надзора. Они часто голодают, страдают от физического и эмоционального насилия как со стороны родителей, так и со стороны других членов семьи или окружающих. Задержка психического и физического развития, низкая успеваемость в школе – обычные последствия подобных условий. Негативное влияние на психику ребенка оказывают и свидетельство насилия в семье, что формирует у него искаженное представление о межличностных отношениях и нормах поведения. Та-

кие дети часто демонстрируют агрессивное, деструктивное поведение, имеют проблемы с социализацией и адаптацией в обществе. Они подвержены высокому риску развития различных психических расстройств, включая посттравматическое стрессовое расстройство, депрессии, тревожные расстройства и расстройства поведения.

Важно отметить, что масштабы проблемы не ограничиваются физическим насилием. Психологическое насилие – крики, оскорбления, постоянная критика, манипуляции – также наносит серьезный урон психическому здоровью ребенка. Пренебрежение родительскими обязанностями, отсутствие любви, тепла и поддержки приводят к формированию чувства ненужности, низкой самооценки и недоверия к окружающим. Отсутствие должного внимания к образованию и развитию ребенка влечет за собой образовательную депривацию и трудностями в обучении.

Семьи со скрытой формой неблагополучия: внешне такие семьи могут выглядеть вполне благополучными: у них есть обеспеченная жизнь, хорошие жилищные условия, родители занимают престижные должности в обществе. Однако за маской благополучия скрывается глубокое внутреннее неблагополучие. Родители могут быть эмоционально холодными, отсутствовать в жизни ребенка, не проявлять любви и заботы. Воспитывая ребенка, они руководствуются эгоистическими мотивами, стремясь достичь собственных целей, не считаясь с потребностями и желаниями ребенка. Возможно, присутствует эмоциональный абьюз – родители манипулируют ребенком, используют его для удовлетворения собственных нужд. В таких семьях часто нарушены правила построения семейных отношений, отсутствует взаимное уважение, доверие и поддержка. Дети в таких семьях могут страдать от скрытой депривации, чувствовать себя одинокими и непонятыми. Они могут развивать компенсаторные механизмы в виде застенчивости, избегания общения, или, наоборот, демонстрировать конформное поведение, пытаясь угодить родителям. Негативные последствия для психики ребенка в этом случае могут быть не менее серьезными, чем в семьях с явной формой неблагополучия, хотя они могут проявляться более скрыто и быть труднее для диагностики.

Влияние неблагополучия на формирование личности. Независимо от типа неблагополучной семьи, негативное влияние на психическое

развитие ребенка очевидно. Дети, выросшие в таких условиях, часто имеют трудности в социализации, страдают от низкой самооценки, неуверенности в себе, повышенной тревожности. Они могут проявлять агрессивность, депрессивные симптомы, имеют трудности в установлении близких отношений. Риск развития различных психических заболеваний у них значительно выше, чем у детей, выросших в благополучных семьях. Отсутствие адекватного воспитания и поддержки приводит к формированию дезадаптированной личности, неспособной к самостоятельной жизни и успешной социализации. Такие люди часто сталкиваются с трудностями в работе, в личностных отношениях, имеют проблемы с законом. Дети, ставшие свидетелями насилия в семье, зачастую переносят полученные травмы во взрослую жизнь, что проявляется в повторении деструктивных моделей поведения, в сложностях с построением крепких отношений и в других проблемах психологического характера [3].

Заключение

Для предотвращения негативных последствий необходимо своевременное выявление и предотвращение неблагополучия в семьях. Важную роль играют социальные службы, школы, медицинские учреждения, работающие в тесном сотрудничестве для оказания помощи семьям и детям, попавшим в сложные жизненные ситуации. Комплексная помощь, включающая психологическую, педагогическую и социальную поддержку, может значительно снизить риски развития психологической девиации у детей из неблагополучных семей. Также необходимо развивать программы профилактики, направленные на повышение родительской компетентности и создание благоприятной семейной атмосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Реуцкая И.Е., Мальцева Т.В.* Профессиональное психологическое консультирование. М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2020, 260с.
2. *Целуйко В.М.* Вы и ваши дети. Психология семьи. М., 2019, 150с.
3. *Целуйко В.М.* Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. М., 2021, 320с.

4. *Попова Е.М., Бугаева А.П.* Особенности воспитания в неблагополучных семьях // Научно-методический электронный журнал «Концепт», № 3. 2017.
5. *Шнейдер Л.Б.* Девиантное поведение детей и подростков. М.: «Академический Проект»; «Трикта», 2021, 336с.

REFERENCES

1. *Reutskaya I., Maltseva T.* Professional Psychological Counseling. Moscow: "UNITY-DANA", 2020, 260p.
2. *Tseluyko V.* You and Your Children: Family Psychology. Moscow, 2019, 150p.
3. *Tseluyko V.* Psychology of Dysfunctional Families: A Book for Educators and Parents. Moscow, 2021, 320p.
4. *Popova E., Bugaeva A.* Parenting Features in Dysfunctional Families // Scientific and Methodological Electronic Journal "Koncept", No. 3, 2017.
5. *Shneider L.* Deviant Behavior of Children and Adolescents. Moscow: "Academic Project"; "Trixta", 2021, 336p.

DEVIATION – GENETIC ANOMALY OF MODERN SOCIETY

S. Bespalaya, N. Makunina

ABSTRACT

Modern society, characterized by a high degree of social instability, is experiencing an alarming increase in deviations in the development and behavior of the younger generation. This is manifested not only in the widespread anxiety and spiritual emptiness of adolescents, but also in increasing cynicism, cruelty, aggression, and, in general, in deviant behavior. The impact of socio-political and economic changes in the country has especially affected minors. The number of adolescents experiencing difficulties in learning, suffering from alcohol and drug abuse, committing offenses, as well as those prone to suicidal tendencies or mental disorders is increasing. We believe that raising children in families with social difficulties is one of the significant factors contributing to the development of deviant behavior. For effective prevention and correction of this situation, it is necessary to implement complex social and psychological measures.

Keywords: deviation, dysfunctional family, teenagers, teenage deviation, prevention, deviant behavior, desocialization.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЯ К ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ В ПОРТРЕТНОМ ЖАНРЕ

З.А. Малоян

*Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Армения
z.malojan@yandex.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье приводятся и раскрываются основные этапы развития портретного жанра в изобразительном искусстве от первых изображений Верхнего Палеолита до второй половины XIX века. Раскрываются взаимосвязи изображения личности с индивидуальными чертами с уровнем самосознания общества. Процесс эволюции портрета протекает не линейно, а волнообразно, в целом, можно говорить о движении от натурализма к схематизации и обратно. Потребность изображать личность во всей полноте ее характеристик и индивидуальных черт зависит от господствующей в обществе идеологии. В периоды подъема самосознания и эмансипации личности усиливается тенденция к реализму и психологизму портрета. Соответственно, в эпоху господствующей идеологии портрет утрачивает индивидуальные черты и наделяется атрибутами, обозначающими функции изображенного, его позиционирование относительно общественного идеала.

Ключевые слова: индивидуальность, идеал, портрет, самосознание, образ.

Введение

Психологическая наука и практика всегда проявляла большой интерес к восприятию человека человеком, в том числе по его портрету [1].

Ни в одной области человеческой деятельности не проявляется со всей очевидностью эволюция самосознания человека, так как в изобразительном искусстве. А в изобразительном искусстве именно портрет-

ный жанр сохраняет отношение человека к собственной и чужой индивидуальности.

Магистральная линия эволюции портрета (разумеется, с немалым количеством исключений), на удивление однородна, по крайней мере, для европейской и ближневосточной цивилизации и это, очевидно, своими корнями уходит в коллективное бессознательное.

Задача данного небольшого (уместно будет назвать это своеобразным исследовательским эскизом) исследования продемонстрировать основные принципы развития портрета и его корреляцию с развитием и становлением индивидуальности человека.

Теоретико-методологическая и информационная основа исследования

Известно, что вплоть до первых цивилизаций Египта и Месопотамии ни о каком портрете речь не идет. Начиная с Верхнего палеолита до окончания неолита создавались изображения (наскальная живопись и скульптура), на которых представлены люди и животные, но ни одно из них не носит каких-либо индивидуальных черт. А так называемые «Палеолитические Венеры» – фигурки женщин, очевидно носящие ритуальный и магический характер и вовсе не имеют лиц – при подробном изображении особенностей телосложения. Большое количество находок такого рода без какой-либо пространственной локализации позволяет предположить, что для древнего человека индивидуальность не представляла значимой ценности. Человек был прежде всего членом рода, племени и в этом качестве должен был наилучшим образом выполнять свои обязанности: мужчина – охотник, женщина – мать (об этом свидетельствуют многочисленные сцены охоты и «венеры» с гипертрофированными половыми признаками). Дьяконов однажды написал, что проникнуть в духовный мир древнего преходящего почти невозможно [3, 52].

В искусстве древнего Египта возникновение портрета связано прежде всего с представлениями о загробной жизни, которая виделась важнее, чем земное существование. Нередко вся жизнь египтянина была посвящена подготовке к загробному миру. При этом, по верованиям египтян, следовало сделать все, чтобы сохранить тело усопшего, в итоге была открыта уникальная техника мумификации. Создавались также

статуи большие и маленькие. С целью сохранения образа умершего в Египте сначала научились снимать маски с лица умершего, а позже возник и скульптурный портрет. Скульптуры раскрашивались для максимального правдоподобия. При этом главными на лице были глаза, которые изображались широко открытыми, а часто – инкрустировались. Делалось это для того, чтобы «Ка» (двойник человека) мог узнать свой облик и даже войти в него.

Однако на протяжении более чем трехтысячелетней истории Египта портрет претерпел характерную эволюцию: изображения становились все более обобщенными и все менее индивидуализированными, зато наделялись все большим количеством атрибутов, указывающих на иерархическое положение человека. Своеобразным всплеском интереса к индивидуальности можно считать портреты периода Нового Царства, особенно в период правления фараона-реформатора Эхнатона и его супруги Нефертити (14 век до н.э.). Далее, вплоть до эпохи эллинизма (4 в до н.э.), тенденции к схематизации и все большей декоративности образа только усиливаются. Необходимо отметить, что почти те же принципы можно заметить в искусстве Месопотамии: древних Шумера, Вавилона, а впоследствии – Ассирии.

В отличие от авторитарного, а временами тиранического государственного устройства древних цивилизаций, во главе которых стоял богоподобный правитель (фараон), «Основой общественной жизни в античных государствах был полис, то есть город-государство, который объединял город и окружающие земли с селами. Расцвет полисов привел к возникновению идеологии, свойственной развитому рабовладельческому обществу, породил убеждение в преимуществе греческого политического строя над другими государствами, в военном превосходстве эллинов над «варварами» [5, 59].

Городами-государствами управляли коллективно их свободные граждане. Это была своеобразная рабовладельческая демократия, она воспитала у греков особенное мировосприятие, потому что общественным идеалом стал свободный и политически активный человек.

Именно такой человек уже к классическому периоду (V–IV до н.э.), утвердился главным объектом и смыслом культуры. Идеал «Героя»-личности, обладающей всеми моральными, гражданскими и не в последнюю очередь – физическими достоинствами, сформировался прежде всего в Афинах к середине V века до н.э.

Самосознание греческого общества предполагало равенство и личную ответственность. Однако было бы неправильно отождествлять греческую демократию с современной. Предполагалось, что человек должен своими поступками, подвигами доказать свое право на индивидуальность. Любой человек имел право на самость, на «Я», именно в этом заключался демократический принцип, но для реализации этого права он должен был совершить «подвиг». Именно подвиг был тем мерилом, который доказывал, что человек имеет право на самость. Таким образом, самосознание греческого общества было по своей глубинной сути героическим.

Исходя из этой фундаментальной посылки, в греческом обществе утвердился принцип состязательности, который пронизывал все сферы общественной деятельности.

Так, значительная часть знаменитых греческих статуй была создана в честь олимпийцев. Для психолога особенный интерес представляет тот факт, что вплоть до поздней классики (до IV в. до н.э.), эти статуи наделялись идеальными, а не портретными чертами, они ставились в честь победителя, но отнюдь не изображали его. Таковы, в частности, «Дискобол» Мирона, «Дорифор» и «Диадумен» Поликлета. Мы вправе трактовать этот феномен как признак того, что в человеке ценилась отнюдь не индивидуальность с конкретными портретными чертами, а харизматичность, героизм, то единственное, что делало человека достойным носителем «Я».

В период поздней классики героический период уже закончен, греческое общество перешло на новый уровень самосознания, немалую роль в этом сыграла философия, которая достигла невиданного расцвета, а философы пользовались колоссальным авторитетом и являлись выразителями духа и сознания греческого общества. Психологически неслучайно и важно, что многие произведения философов написаны в форме диалога. Вообще диалог становится существенным элементом греческой культуры. Диалоги можно встретить не только в философских и поэтических произведениях, но даже в надписях на керамических изделиях – вазах. Диалог сам по себе выражает стремление понять другого и быть понятым. Еще шире, диалог – это потребность в другом и признание в нем личности. Именно в эту пору в искусстве утверждается жанр портрета. Само по себе утверждение портрета свидетельствует об

интересе к конкретной личности, к человеку со всеми его индивидуальными особенностями, а не к тому, насколько он приблизился к образу «Героя».

С того же IV века, а именно с походов Александра Македонского, начинается эпоха эллинизма, которая представляла собой своеобразный симбиоз греческого искусства и местной традиции. А с I века до н.э. начинается период римского владычества.

Колоссальное воздействие греческой культуры очевидно уже в первых памятниках периода Римской республики. Не меньшее влияние оказала культура этрусков – народа, жившего на территории Италии до римского владычества. Если от греков римляне переняли архитектурные и художественные формы, то от этрусков – культ предков и искусство, связанное с заупокойными ритуалами. В частности, римский скульптурный портрет республиканского периода уходит корнями в этрусскую культуру.

Первые римские портреты были заказаны в качестве элементов культа предков. Знатные роды чтили умершего старшего в роде. Они заказывали скульптурные изображения покойного либо в виде стелы, которую ставили на могилу, либо в виде портретных бюстов (**имагинес**, ср. с **имидж** – образ), которые хранили дома в особых шкафах. Эти портреты несли на похоронах кого-либо из членов рода, как будто бы в погребении участвуют все члены рода. Раннереспубликанских портретов сохранилось немного, мастера в I веке до н.э. точно следовали натуре, часто, вероятно, уже по мертвому лицу, ничего не изменяя, сохраняя все мельчайшие подробности.

Реалистичность портрета, доходящая до натурализма, свидетельствует о сверхценности индивидуальности. Такое стремление уместно трактовать как выражение значимости личности, самооценности человека со всеми индивидуальными особенностями и стремления к утверждению личного «Я», не нуждающегося в идеализации. В то же время появляется мемуарная, автобиографическая литература, что также свидетельствует о росте самосознания римлян. Ведь автобиография и мемуары – прямое высказывание человека о себе – способ саморефлексии, стало быть, велик интерес к самопознанию и к познанию другого, за которым признается значимость, развитое «Я». Мемуары и автобиография – это литературная разновидность портрета.

Со временем, после ряда успешных завоевательных походов, в Риме сложился культ силы. Не удивительно, что агрессивная мощь военного государства требовала концентрации власти в лице одного человека – царя-полководца, что и произошло к концу I века до н. э., когда при Октавиане Августе (30г. до н.э. – 14г. н.э.) временная военная диктатура превратилась в монархию.

Однако имперский Рим сохранил некоторые республиканские институты, носившие декоративный характер. Это была монархия, обставленная и замаскированная республиканскими учреждениями.

Эта двойственность отразилась в римском искусстве – по сути и форме – имперском, но внешне сохраняющем некоторые республиканские черты. Если судить по искусству, литературе, истории, такая двойственность была характерна и для самосознания римлянина, с одной стороны, ощущавшего себя гегемоном и властителем мира, а с другой – жившего в условиях ограничения личной свободы и в постоянном страхе репрессий. Новые обстоятельства и изменившееся самосознание немедленно отразились в искусстве, особенно в портретном жанре. Скульптурные портреты императоров, членов их семей и других представителей власти отличаются от портретов республиканского периода. Портретные статуи императоров сохраняют внешнее сходство, но императоры изображаются могучими атлетами, независимо от того, какого они сложения в действительности.

Пожалуй, единственным исключением можно считать так называемые «фаюмские портреты», созданные в эпоху римского владычества (I–III вв. н.э.), однако не в самом Риме, а на периферии империи – в Египте. Здесь произошло наложение нескольких традиций: реализма позднего эллинизма и египетского погребального изображения. Сохранилось более 900 портретов, на которых предстают конкретные личности, что важно, без статусных атрибутов, с выраженным портретным сходством.

Нередко практику раннехристианской иконописи возводят к фаюмскому портрету [4], что, на наш взгляд, принципиально неверно, это мнение основано исключительно на сходной технике – энкаустике (живопись восковыми красками) на доске и некоторых стилистических приемах (увеличенные глаза, легкая асимметрия лица и пр.). Однако фаюмский портрет – это именно портрет с выраженным индивидуальным началом. Иконопись так же, как другие виды изобразительного искус-

ства в Византии, намеренно и методично исключала любое изображение сколько-нибудь индивидуализированного образа и, в конечном итоге, пришла к канону, в котором не было места не только портрету, но и телесности (несколько отличались изображения императора и его приближенных в ранневизантийской мозаике Равенны, однако фигура носила исключительно схематизированный характер с декоративными элементами). Для христианского самосознания гораздо важнее было передать статус человека по отношению к Богу, чем особенности его индивидуальности. Иными словами, герой Античности был заменен на «святого», а отсутствие особенностей его облика восполняли обязательные надписи и атрибуты (так, Св. Петр неизменно изображается с ключами и т.д.). «В рассматриваемый период устанавливается и догматизируется канон священных изображений евангельского и основанного на нем годичного праздничного цикла» [2].

Приверженность установившемуся в Византии канону отчасти была перенесена и в средневековую Европу, где византийские мастера пользовались огромным почетом и спросом. В средневековых королевствах Европы были попытки создать портрет, но они носили эпизодический характер и в основном появлялись на страницах рукописей (напр., Библия Вивiana, 845г. или “Registrum Gregorii”, 985г.).

Завершением Средневековья принято считать конец XV – начало XVIвв. Однако любое завершение в истории есть не единовременная дата, а относительно длительный переходный период. В эпоху Возрождения начинает складываться особый новоевропейский тип личности. Этот тип личности весьма отличен от средневекового.

Человек Средневековья был, в первую очередь, частью некоего большего или меньшего коллектива – церкви, сословия, общины, цеха и т.п. Человек Нового времени отделен от коллектива, основы для своего существования он ищет в самом себе, даже с Богом он предпочитает общаться напрямую, а не через церковную иерархию.

Эпоха Возрождения

Идеологической основой Возрождения стал **гуманизм**, главное содержание которого – культ человека, поставленного в центр мироздания, связанного с Божественным и земным мирами. С большим трудом,

усилиями таких художников, как Чимабуэ, Дуччо, Уччелло и, конечно, Джотто, уже к XIV в. удалось преодолеть укорененную традицию византийского канона, и в середине XV в. появляются первые полноценные портреты, которые достигают благодаря мастерам Высокого Возрождения весьма высокого места в живописи.

Интерес к другому, признание за человеком личности, естественно, приводит к созданию портретов и развитию этого жанра.

И хотя анатомическими исследованиями художники начали заниматься только к концу XV в., стремление к научной правильности, обоснованности, появилось у ренессансных мастеров с первых же шагов. В портретном искусстве стремление к созданию одновременно реалистического и возвышенного образа было чрезвычайно сильным. Для новаторов XV века характерен героический тонус творений. Для психолога героические образы прежде всего служат знаком стремления к личной эмансипации, которая достигается в борьбе с путами догм, охватывающих бессознательное и сознание.

Появление живописного портрета тесно связано с появлением и распространением станковой живописи, которая, в отличие от фрески, писалась на закрепленной на мольберте (станке) доске. Станковая живопись – это проявление тенденции к камерному, приватному пространству. Подобно тому, как человек освобождается от диктата идеологии, так и картина освобождается от стены и отныне может размещаться где угодно. Примечательно, что первые станковые портреты нередко изображают человека, как бы опирающегося на раму. То есть художники имитируют своеобразное окно, через которое на зрителя смотрит портретируемый, словно готовый к диалогу, совершенно также, как готов к общению живой человек, выглядывающий из окна.

Однако героический пафос возрожденческого гуманизма уже к концу XVI века трансформировался в так называемый «маньеризм», блестящие в техническом отношении портреты художников-маньеристов демонстрируют человека, который, скорее, изображает героя, чем является им. Во взгляде и несколько преувеличенных театральных позах чувствуется с одной стороны неуверенность человека, с другой – стремление произвести впечатление, что совершенно нехарактерно для самодостаточной личности на портретах Высокого Возрождения.

Однако золотой век портрета приходит вместе с эпохой барокко, охватившей весь XVII век. В психологическом плане, поворот от Возрождения к XVII веку – это переход от безграничной веры в человека, в его силу, энергию, волю, от представлений о гармонически организованном мире с героем-человеком в центре сначала к разочарованию, отчаянию, скепсису, к трагическому диссонансу человека и мира, а затем к новому утверждению человека, как частицы огромного, бесконечно разнообразного и подвижного мира. Человек как бы вновь обретает свое место, но уже не как центр мироздания, а в сложном соотношении со средой, природой и социумом. Действия человека уже воспринимаются не как прямое выражение его воли, а как конечный результат многообразных сил – внешних, перед которыми человек зачастую бессилен, и внутренних, борющихся между собой страстей, переживаний, чувств, общественного и государственного долга.

Человек на портретах Рембрандта обладает сложным и противоречивым внутренним миром, это человек, познавший мир и самого себя, в его облике просматривается его жизненный путь, опыт переживаний. В то же время у многих художников появляются портреты людей с выраженными особенностями, которые не скрываются, а даже подчеркиваются. Таковы портреты придворных карликов у Веласкеса или портреты калек и бродяг у Х. Риберы.

Искусство, утрачивая гармонию, достигнутую в эпоху Возрождения, делает упор на эмоциональность, на выражения драматических страстей, которые вовлекают зрителя, заражают его, заставляют переживать. А применение таких мощных мер воздействия на ментальную и эмоциональную сферы человеческой психики само по себе является свидетельством возросшей самостоятельности личности. Искусство пытается убеждать, вызывая бурный эмоциональный отклик.

Перелом между XVII–XVIII веками носил внутренний, скрытый характер, более того, переломный момент не обозначен в истории искусства. В целом можно рассматривать культуру XVIII века, как период кризиса величественной, воздвигавшейся веками и даже тысячелетиями грандиозной художественной системы, в соответствии с которой искусство создавало особую идеальную среду, своего рода модель особой жизни, более значительной, чем просто бытие реального человека. В XVIII веке вся система подверглась пересмотру, постепенное разруше-

ние сословно-иерархического принципа было разрушением всего многовекового порядка. Портрет XVIII века показывает человека, в первую очередь сосредоточенного на своей частной жизни, которую он пытается сделать максимально комфортной и приятной, таковы портреты Фрагонара, Шардена, и даже такой мастер парадного портрета как Буше изображает своих высокопоставленных заказчиков как людей, живущих своей частной жизнью, погруженных в повседневные заботы (Франсуа Буше Мадам де Помпадур, 1756г.)

Новый герой, появился к концу XVIII века появился в творчестве **Жака-Луи Давида** (1748–1825), ведущего мастера предреволюционной и революционной эпохи. Он соединил культ античности с идеями, захватившими общество к концу XVIII века, создал тем самым новый стиль – революционный классицизм. В центре поисков Давида – положительный герой, нравственная истина, моральный абсолют. Такого героя французская культура находит только на путях классицизма. Это – Брут, Сократ, Гораций. Показательно, что революционные эпохи обращаясь к фигуре Брута, переосмысливают его как героя и тираноубийцу. Новый виток героизации человека и одновременно исключение его из потока обычной частной жизни: портрет сохраняя индивидуальные черты, все же переосмысливает личность как героя. Стиль «ампир» пытается воссоздать образный строй Императорского Рима и примерить его к человеку начала XIX века. В результате перед нами портретная галерея французов (и не только), которые словно надевают маски римских патрициев и матрон.

Эпоха романтизма

Последовавшая за этим эпоха романтизма явила человека глубоко разочарованного, человека-одиночку, его уже не вдохновляют идеи «свободы, равенства, братства», как и идеи величия государства человек эпохи романтизма – одиночка. Личность в произведениях художников (Делакруа, Жерико и др.) **находится в экстремальных условиях**, требующих предельного напряжения сил, как физических, так и духовных.

Живописный портрет в XIX веке пережил своеобразную катастрофу, она была связана с изобретением фотографии в 1839 году, последствия этого события сказались на портретном жанре уже во второй поло-

вине XIX века. Отныне портретное сходство не является необходимым условием. Художники с увлечением стали использовать портрет для того, чтобы рассказать о себе, своих впечатлениях, своем отношении, своем восприятии человека. Если в предыдущие эпохи это относилось только к автопортретам, как объектам саморефлексии, то после того, как за сходством можно было обратиться к фотографии, для художника любой портрет, по сути, стал автопортретом. Отныне портрет можно искажать, систематизировать, анализировать, дробить, размещать в любой среде. По сути, портрет другого человека, освободившись от требования «похожести», становится лишь поводом для высказывания автора.

Заключение

За пределами нашего краткого исследования остался сложнейший XX век и вышедший в область новых технологий XXI века. Нашей задачей было продемонстрировать извилистый и крайне неоднозначный путь, по которому развивается восприятие и отражение человеческой индивидуальности в портрете. Этот путь трудно назвать развитием, этот процесс протекает волнообразно от полного обезличивания и схематизации к утверждению человеческой личности и пристальному интересу к индивидуальности, затем процесс повторяется вновь и вновь. На каком витке мы находимся сегодня, покажут дальнейшие исследования в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемцева Н.Г., Ильясов И.И., Нагибина Н.Л.* Портрет: восприятие человека человеком и искусство передачи мировоззренческой сути художественными средствами // «Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология», 2022.
2. *Иваницкая Я.Ю.* Иконография человека в ранней Византии: принципы внешних репрезентаций // «Via in tempore». История. Политология», № 7. 2015.
3. История Древнего мира и проблемы путей разрушения. История Древнего мира. Т. 1. Ранняя античность: в 3-х томах, третье издание / Под. ред. Я. Дьяконова, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая. М.: Изд-во «Наука», 1989. С. 52.
4. *Левчук Е.В.* Приемы исполнения фаумских портретов в технике энкаустики I–IV вв. н.э. // «Театр. Живопись. Кино. Музыка», № 3, 2012.

5. Ривкин Б.И. Античное искусство / Малая история искусств. М.: Изд-во «Искусство», 1972, 336с. С. 59.

REFERENCES

1. *Artemtseva N., Ilyasov I., Nagibina N.* Portrait: Perception of a Person by a Person and the Art of Conveying Worldview Essence through Artistic Means // “Moscow University Bulletin”. Series 14: Psychology, 2022.
2. *Ivanitskaya Ya.* Iconography of the Human Figure in Early Byzantium: Principles of External Representations // “Via in tempore”. History. Political Science, No. 7, 2015.
3. History of the Ancient World and the Problems of Paths to Collapse. History of the Ancient World. Vol. 1. Early Antiquity: In 3 Volumes, 3rd edition / Edited by Ya. Dyakonov, V.D. Neronov, I.S. Svencitskaya. Moscow: Nauka Publishing House, 1989. P. 52.
4. *Levchuk E.* Techniques of Executing Fayum Portraits in the Encaustic Technique, 1st–4th Centuries AD // “Theatre. Painting. Cinema. Music”, No. 3, 2012.
5. *Rivkin B.* Ancient Art / A Brief History of the Arts. Moscow: Iskustvo Publishing, 1972, 336p. P. 59.

TRANSFORMATION OF ATTITUDE TO INDIVIDUALITY IN THE PORTRAIT GENRE

Z. Maloyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan. Armenia

ABSTRACT

The article presents and reveals the main stages of development of the portrait genre in fine arts from the first images of the Upper Paleolithic to the second half of the 19th century. It reveals the interrelations of the image of a person with individual features with the level of self-awareness of society. The process of evolution of the portrait is not linear, but wave-like; in general, we can talk about the movement from naturalism to schematization and back. The need to depict a person in all the fullness of his characteristics and individual features depends on the ideology prevailing in society. In periods of increased self-awareness and emancipation of the individual, the tendency towards realism and psychologism of the portrait intensifies. Accordingly, in the era of the dominant ideology, the portrait loses individual features and is endowed with attributes denoting the functions of the depicted person, his positioning relative to the social ideal.

Keywords: individuality, ideal, portrait, self-awareness, image.

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА РЕГУЛЯРНОСТИ И ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ СТАДИЙ СТАНОВЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ПЕДАГОГОВ

Г.А. Мишакова, А.В. Капцов

*Центр развития образования городского округа Самара (МБОУ ОДПО ЦРО)
Самарский филиал, Московский городской педагогический университет
(СФ МГПУ)
galami@list.ru, avkaptsov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь изучались показатели регулярности и привлекательности универсальных учебных действий стадий становления субъектности педагогов, которые рассматривались на протяжении сентября-ноября 2024г. на базе МБОУ ОДПО ЦРО г.о. Самара. В мониторинге приняли участие 77 работников системы образования ($M=52,3$; $Sd=13,97$; 96,1% женщины). На втором этапе исследования была проведена процедура валидации вопросов опросника ООС-СВ А.В. Капцова, В.И. Панова (взрослый вариант методики ОСС-С5) по параметрам регулярности и привлекательности универсальных учебных действий стадий становления субъектности. Высота показателей внутренней согласованности вопросов методики позволяет рекомендовать ее для изучения становления субъектности педагогов. На третьем этапе исследования изучалась факторная структура регулярности и привлекательности универсальных учебных действий педагогов низкого, оптимального и высокого типов целостности системы становления субъектности; определена общность стадий и их вклад в процесс становления субъектности педагогов.

Ключевые слова: стадии становления субъектности, целостность, универсальные учебные действия, общность факторов, вклад фактора.

Введение

Реформирование системы образования актуализирует модернизацию подготовки педагогических работников не только для совершен-

ствования образовательного процесса, но и воспитательного взаимодействия. В настоящее время внимание сосредоточено на методической подготовке специалистов по оказанию образовательных услуг. Проблемным полем научного исследования остается мотивационная, эмоциональная подготовка педагога и его личностные, нравственные, духовные качества. Экопсихологическая парадигма В.И. Панова [4] позволяет изучать процесс становления субъектности участников образовательного взаимодействия. Роль педагога в организации образовательной среды раскрывается в работах Л.М. Митиной [5, с. 120], Е.И. Колесниковой [2], И.В. Плаксиной [5, с. 188], Р.И. Суннатовой [5, с. 165], М.В. Селезневой [5, с. 335]. «Становление субъектности стало рассматриваться в онтологическом континууме “субъект спонтанной активности – субъект продуктивного действия”, когда индивид, чтобы стать субъектом продуктивного действия, должен пройти в своем развитии следующие этапы <...>: мотивированный индивид, наблюдатель, подмастерье, ученик, критик, мастер, творец, реализуя виды активности на определенной уровне универсальных учебных действий» (далее УУД) [5, с. 24].

Целью исследования является определение факторов становления субъектности педагога.

Становления субъектности педагогов изучались через показатели регулярности и привлекательности универсальных учебных действий, реализуемых на каждой стадии, в течение сентября – ноября 2024г. на базе МБОУ ОДПО ЦРО г.о. Самара. В мониторинге приняли участие 77 работников системы образования ($M = 52,3$; $Sd = 13,97$; 96,1% женщины).

Методика исследования

В основу методики исследования положен опросник ОСС-СВ А.В. Капцова, В.И. Панова [4, с. 92], дополненный шкалой привлекательности универсальных учебных действий стадий становления субъектности [3, с. 82]. Для уточнения факторной структуры регулярности и привлекательности универсальных учебных действий стадий становления субъектности (далее ССС) была проведена кластеризация (метод k – средних) педагогов по выраженности показателя целостности [2, с. 96], где кластер 1 представлен респондентами с оптимальными показателями целостности ($c = 0,30 - 0,69$), кластер 2 – с низкими показателями целостности ($c = 0,00 - 0,29$), кластер 3 – с высокими ($c = 0,70 - 1,0$).

Изложение основных результатов исследования

Опрошенные педагоги отличаются высоким уровнем регулярности (от 68,8% респондентов на стадии «мастер» и «творец» до 94,8% на стадии «мотивированный индивид») и привлекательности (90,3% – на стадии «мастер», до 98,7% – на стадии «мотивированный индивид») УУД продуктивных стадий становления субъектности (Табл. 1).

Таблица 1.

Выраженность регулярности (рег.) и привлекательности (прив.) универсальных учебных действий стадий становления субъектности педагогов

Стадии становления субъектности	Низкий уровень, %		Средний уровень, %		Высокий уровень, %	
	Рег.	Прив.	Рег.	Прив.	Рег.	Прив.
«Мотивированный индивид»	0	0	5,2	1,3	94,8	98,7
«Наблюдатель»	0	0	13	6,5	87	93,5
«Подмастерье»	42,9	22,1	44,2	36,4	13	41,6
«Ученик»	28,6	13	54,6	27,3	16,9	59,7
«Критик»	48	27,3	44,2	27,3	7,8	45,5
«Мастер»	1,3	0	29,9	9,1	68,8	90,9
«Творец»	5,2	0	26	6,5	68,8	93,5

Среди репродуктивных ССС наиболее высокие показатели регулярности и привлекательности отмечаются на стадии «наблюдатель» (у 87% и 93,5% исследованных, соответственно), а наиболее низкие показатели на стадии «критик» (у 48% и 27,3%, соответственно), что соотносится с ранее полученными результатами [1, с. 59]. На высоком уровне развития репродуктивных стадий становления субъектности отмечается наибольшее расхождение между регулярностью и привлекательностью УУД, со значительным преобладанием последней, особенно на стадии «критик». Таким образом, 45,5% из опрошенных педагогов эмоциональ-

но комфортно и привлекательно на коммуникативном уровне УУД проявлять внешнюю регуляторную активность, но регулярно это себе позволяют лишь 7,8%. С меньшими процентными соотношениями данная закономерность повторяется и на стадии «подмастерье» и «ученик»: репродуктивная активность привлекательна для 41,6% респондентов, но регулярно ее осуществляют 13%; для учебной активности, соответственно, 59,7% и 16,9%. Данные закономерности требуют дальнейшего исследования на большей выборке испытуемых.

Изучение внутренней согласованности вопросов, определяющих регулярность и привлекательность универсальных учебных действий ССС, показало, что задаваемые вопросы позволяют оценить изучаемые параметры (Табл. 2–3), что является продолжением ранее начатой работы по валидизации опросника по стадиям становления субъектности [2, с. 79].

Таблица 2.

Показатели надежности (внутренней согласованности) (α Альфа Кронбаха) шкал опросника ОСС-СВ А.В. Капцова, В.И. Панова, определяющих, регулярность универсальных учебных действий стадий становления субъектности

№ шкалы	Показатели надежности шкал, определяющих регулярность универсальных учебных действий стадий становления субъектности, (α)						
	Мо, α	Н, α	П, α	У, α	К, α	М, α	Т, α
1	0,81	0,79	0,78	0,71	0,82	0,80	0,82
2	0,82	0,78	0,83	0,66	0,81	0,78	0,83
3	0,80	0,76	0,80	0,73	0,82	0,80	0,82
4	0,78	0,79	0,77	0,75	0,81	0,77	0,84
5	0,78	0,76	0,77	0,66	0,82	0,78	0,83
6	0,78	0,77	0,77	0,66	0,80	0,77	0,83
7	0,80	0,76	0,76	0,67	0,81	0,78	0,84
8	0,80	0,76	0,76	0,71	0,80	0,79	0,83
9	0,80	0,79	0,78	0,70	0,81	0,78	0,81
10	0,79	0,76	0,78	0,68	0,81	0,78	0,82

Примечание: Мо – стадия «мотивированный индивид», Н – стадия «наблюдатель», П – стадия «подмастерье», У – стадия «ученик», К – стадия «критик», М – стадия «мастер», Т – стадия «творец».

Таблица 3.

Показатели надежности (внутренней согласованности) (α Альфа Кронбаха) шкал опросника ОСС-СВ А.В.Капцова, В.И. Панова, определяющих, привлекательность универсальных учебных действий стадий становления субъектности

№ шкалы	Показатели надежности шкал, определяющих привлекательность универсальных учебных действий стадий становления субъектности, (α)						
	Мо, α	Н, α	П, α	У, α	К, α	М, α	Т, α
1	0,89	0,84	0,79	0,83	0,90	0,82	0,82
2	0,88	0,83	0,81	0,80	0,89	0,83	0,83
3	0,89	0,83	0,80	0,82	0,88	0,82	0,82
4	0,87	0,85	0,77	0,82	0,89	0,82	0,82
5	0,89	0,84	0,78	0,79	0,88	0,80	0,82
6	0,87	0,83	0,79	0,78	0,88	0,79	0,82
7	0,88	0,83	0,75	0,77	0,89	0,82	0,82
8	0,88	0,82	0,78	0,79	0,88	0,82	0,82
9	0,88	0,85	0,80	0,83	0,89	0,80	0,81
10	0,88	0,82	0,77	0,80	0,89	0,80	0,82

Надежность опросника позволяет изучить факторную структуру регулярности и привлекательности универсальных учебных действий ССС. С помощью кластерного анализа респонденты были разделены на группы по типу целостности стадий субъектности: кластер 1 представлен респондентами с оптимальными показателями целостности ($c = 0,30 - 0,69$) ($n = 33$), кластер 2 – с низкими показателями целостности ($c = 0,00 - 0,29$) ($n = 30$), кластер 3 – с высокими ($c = 0,70 - 1,0$) ($n = 14$). Остановимся подробнее на испытуемых кластера 1, показатели, целостности которых характеризуют внутренние связи между стадиями, помогающие решать образовательные задачи и организовывать взаимодействие

вие в реальной образовательной среде (таб. 4.). Низкие показатели целостности указывают на разобщенность стадий и трудности педагогической деятельности, а высокие могут указывать на формальное и/или неискреннее отношение респондентов, и/или указывать на крайние формы педантичности [2, с. 96].

Таблица 4.

Факторная структура регулярности (рег.) и привлекательности (прив.) УУД стадий становления субъектности педагогов оптимальных показателей целостности ($c = 0,4 - 0,6$), относящихся к первому кластеру ($n = 33$)

Стадии	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Коэффициент множественной корреляции
«Мотивированный индивид», рег.	0,66	0,41	-0,05	0,31	0,65
«Наблюдатель», рег.	0,79	0,27	0,05	-0,05	0,77
«Подмастерье», рег.	-0,39	0,03	0,76	0,14	0,73
«Ученик», рег.	0,06	0,17	0,21	0,90	0,85
«Критик», рег.	0,29	-0,09	0,79	0,28	0,75
«Мастер», рег.	0,78	0,08	-0,28	-0,41	0,88
«Творец», рег.	0,78	0,47	-0,13	0,05	0,86
«Мотивированный индивид», прив.	0,15	0,83	-0,33	0,10	0,73
«Наблюдатель», прив.	0,38	0,73	-0,14	-0,15	0,84
«Подмастерье», прив.	-0,40	-0,19	0,62	0,26	0,68
«Ученик», прив.	-0,07	-0,02	0,17	0,82	0,81
«Критик», прив.	-0,03	-0,08	0,82	0,03	0,71
«Мастер», прив.	0,34	0,59	-0,06	-0,52	0,82

«Творец», прив.	0,22	0,84	0,15	0,18	0,74
Общая дисперсия	3,01	2,81	2,60	2,24	
Доля общей дисперсии	0,21	0,20	0,19	0,16	

Выделенные факторы регулярности и привлекательности УУД стадий становления субъектности респондентов оптимальных показателей целостности описывают становление субъектности и ее успешную реализацию в педагогической деятельности. Анализ общности факторов показывает вклад всех параметров в структуру субъектности от минимальных значений 0,65 для регулярности УУД на стадии «мотивированный индивид» до регулярности 0,88 на стадии «мастер».

Выводы

1. Опрошенные педагоги отличаются высоким уровнем регулярности и привлекательности универсальных учебных действий продуктивных стадий становления субъектности

2. Для изучения становления субъектности надежно использовать ОСС-СВ, определяющий регулярность и привлекательность универсальных учебных действий стадий становления субъектности.

3. Фактор привлекательности преобладает над регулярностью универсальных учебных действий у педагогов оптимального и высокого типа целостности стадий становления субъектности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капцов А.В., Мишакова Г.А. Профиль субъектности педагогов учреждений дошкольного и школьного образования [Эл. ресурс] // «Вестник практической психологии образования», № 2. Т. 21. 2024. СС. 14–26. DOI: 10.17759/bppe.2024210201. URL.: <https://rospsy.ru/sites/default/files/files/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%202-3%202024.pdf>. (дата обращения 21.05.2024).
2. Капцов А.В., Колесникова Е.И., Панов В.И. Факторная валидность опросника стадий становления субъектности студентов // «Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Психология», №1 (29). 2021. СС. 77–91. EDN: NHVUJC.

3. *Мишакова Г.А.* Взаимосвязь регулярности и привлекательности универсальных учебных действий стадий становления субъектности педагогов // «Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Психология», № 2 (36), 2024. СС. 72–84. EDN GHRTBP.
4. *Панов В.И., Капцов А.В.* Структура стадий становления субъектности обучающихся: связность, целостность, формализация // «Психологическая наука и образование», № 4. Т. 26 2021. СС. 91–103. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260408> (дата обращения: 23.04.2024).
5. Становление субъектности: от экопсихологической модели к психодидактическим технологиям: коллективная монография / Под ред. В.И. Панова. М.: Психологический институт РАО; СПб.: «Нестор-история», 2022. 399с.

REFERENCES

1. *Kaptsov A., Mishakova G.* Subjectivity Profile of Teachers in Preschool and School Educational Institutions [El. resource] // Bulletin of Practical Psychology of Education, No. 2, Vol. 21, 2024. PP. 14–26. DOI: 10.17759/bppe.2024210201. Available at: <https://rospsy.ru/.../Вестник%202-3%202024.pdf> (accessed: 21.05.2024).
2. *Kaptsov A., Kolesnikova E., Panov I.* Factor Validity of the Questionnaire on the Stages of Student Subjectivity Formation // “Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Psychology Series”, No. 1 (29), 2021. PP. 77–91. EDN: NHVUJC.
3. *Mishakova G.* Relationship Between Regularity and Attractiveness of Universal Learning Activities at Different Stages of Teacher Subjectivity Formation // “Bulletin of Samara Humanitarian Academy. Psychology Series”, No. 2 (36), 2024. PP. 72–84. EDN: GHRTBP.
4. *Panov V., Kaptsov A.* The Structure of Stages of Subjectivity Formation in Learners: Coherence, Integrity, Formalization // “Psychological Science and Education”, No. 4, Vol. 26, 2021/ PP. 91–103. DOI: 10.17759/pse.2021260408 (accessed: 23.04.2024).
5. The Formation of Subjectivity: From the Ecopsychological Model to Psychodidactic Technologies: A Collective Monograph / Ed. by V.I. Panov. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education; St. Petersburg: “Nestor-History”, 2022, 399p.

THE FACTOR STRUCTURE OF THE REGULARITY AND ATTRACTIVENESS OF UNIVERSAL EDUCATIONAL ACTIONS OF THE STAGES OF FORMATION OF TEACHERS' SUBJECTHOOD

G. Mishakova, A. Kaptsov

ABSTRACT

Indicators of the regularity and attractiveness of universal educational actions at the stages of the formation of teachers' subjecthood were studied during September – November 2024 on the basis of MBOU ODPO CRO Samara. 77 employees of the education system participated in the monitoring ($M = 52.3$; $Sd = 13.97$; 96.1% women). Further, at the second stage of the study, a procedure was carried out to validate the questions of the questionnaire OOS-SV by A.V. Kaptsov, V.I. Panov (the adult version of the OSS-C5 methodology) according to the parameters of regularity and attractiveness of universal educational actions at the stages of subjecthood formation. The height of the indicators of internal consistency of the methodology issues allows us to recommend it for studying the formation of teachers' subjecthood. At the third stage of the study, the factor structure of the regularity and attractiveness of universal educational actions of teachers of low, optimal and high types of the integrity of the system of subjecthood formation was studied, the commonality of the stages and their contribution to the process of formation of teachers' subjecthood were determined.

Keywords: stages of subjecthood formation, integrity, universal educational actions, commonality of factors, contribution of a factor.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ И ПЕРВОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СПАСАТЕЛЯМ ПОСЛЕ КАТАСТРОФ

М.П. Мкртумян¹, Л.Ю. Мкртумян²

¹Международная академия психологических наук, Ереван, Республика Армения

*²Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Республика Армения
dr-mkrtumyan@mail.ru, mkrtumyan07@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье обсуждаются психологические особенности профессии спасателя, а также специфика формирования психотравматических состояний во время и после основных спасательных работ. Рассматриваются и психологические «особенности» формирования посттравматических стрессовых состояний в процессе спасательской деятельности, динамика изменения травматических расстройств и невротических состояний спасателей. На основе подробного анализа психодиагностических работ и накопленного опыта психологической помощи в области психологии экстремальных ситуаций разработан подход организации первой психологической помощи и психологического контроля при первой психологической помощи, а также реабилитационных работ. С целью сохранения целостности организма и психического здоровья спасателей рекомендуется ряд методов психологического контроля, которые легко и доступно можно использовать в любых экстремальных условиях деятельности. В качестве первой психологической помощи предлагается комплекс психопрофилактических мероприятий, который обеспечивает устойчивость деятельности и психическую работоспособность личности спасателя.

Ключевые слова: экстремальные ситуации, психологическая безопасность, саморегуляция, психическая травма, посттравматические состояния.

Введение

В экстремальных ситуациях (пожар, наводнение, террористические акты, землетрясение и т.д.) основная ответственность и тяжесть ока-

зания многосторонней помощи людям и организация спасательных работ ложатся на плечи спасателей. В силу профессиональной деятельности на них постоянно воздействует множество различных экстремальных факторов. Поэтому спасателям требуется необходимое психологическое сопровождение и научно грамотно организованный контроль, а также обязательный расчет режима отдыха, сна и питания. Психика спасателя постоянно функционирует в условиях высокой напряженности, тревоги и страха. При отсутствии научного контроля за ходом изменения психофизиологических функций организма и без обеспечения необходимых восстановительных психореабилитационных работ со временем организм спасателя может оказаться в состоянии истощения. В таком состоянии неизбежно нарушаются основные координационные и моторные функции рабочих систем организма: появляются вялость, потеря сна, аппетита, наблюдается учащение частоты сердечных сокращений, дыхания, нарушаются основные функции памяти, координация движений, наблюдаются невротические состояния, рассеянность, низкая мотивация и большая частота проделанных ошибок в профессиональной деятельности.

Материалы и методы

Такие изменения в специальной литературе характеризуются как симптомы психотравматического стресса [2,4,6]. Подобный стресс является особой формой общей стрессовой реакции, обусловленной экстремальной ситуацией, в которой на психику спасателя воздействуют значимые для него негативные факторы. Субъективно такие факторы оцениваются как необычные, выходящие за пределы «нормального человеческого опыта» [2, с. 100]. При большой интенсивности воздействия этих факторов в дальнейшей деятельности спасателя состояние стресса с большой вероятностью переформируется в психическую травму. Неудовлетворенность, дискомфорт, вялость и безразличие становятся постоянным негативным эмоциональным фоном, который в дальнейшем сопровождает спасателя в профессиональной деятельности. В литературных источниках такой тематики изменения получили название посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР – “Posttraumatic stress Disorder”) [4, с. 134]:

В наших исследованиях после Спитакского землетрясения, проведенных с людьми, принимавшими участие в проведении спасательных работ, были выявлены аналогичные симптомы [5, с. 71]. Большинство из них в основном были добровольцами и энтузиастами и не владели специальной психологической подготовкой. Большинство из них не были профессионалами, потому что в СССР не существовали всесторонне развитые и подготовленные специализированные спасательные отряды особого назначения, в частности, для спасательных работ населения, пострадавших от крупных катастроф. Не было и МЧС, со всеми своими современными многоструктурными и многофункциональными службами.

Теоретическая и информативная основа исследования

На постсоветском пространстве массовые посттравматические стрессовые расстройства начали изучать после ряда трагических событий (взрыв Чернобыльской АЭС, землетрясение в Армении, Чеченская война, различные теракты) [10, с. 21]. В рамках психологического исследования изучались различные аспекты активной деятельности спасателя при его долгом пребывании в экстремальных условиях: психологические последствия нахождения в зоне экологического бедствия [3, с. 29], психофизические аспекты состояния, поведения и деятельности людей в очагах стихийных бедствий и катастроф [1, с. 54], смысловая регуляция переживаний пострадавших при землетрясении [9, с. 32], социально-психологическая работа с участниками экстремальных событий [8, с. 71], диагностика, реабилитация, профилактика стрессовых расстройств [6, с. 45], когнитивные механизмы адаптации к кризисным событиям [7, с. 281] и т.д. Согласно МКБ-10 и DSM-IV, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) может развиваться вслед за травмирующими событиями, выходящими за рамки нормального человеческого опыта. Исходя из этого, во время практических работ необходимо учитывать ряд диагностических критериев, которые рассматриваются в рубрике DSM-IV [2, ст.106]. Рассматривая и анализируя глубинные механизмы ПТСР, многие авторы оценивают важнейшую роль психологической составляющей – потери смысла [2, 5,10]. Ведущая роль в возникновении ПТСР принадлежит тому, как личность пережи-

вает, интерпретирует травматическое событие, каким личностным смыслом его наделяет. Травматический стресс трансформирует все психические структуры личности – вплоть до самых глубинных: любая экстремальная ситуация стимулирует образование новых смыслов, характерных только для травматической ситуации. «Подобное смыслотворчество в условиях травмы необходимо, чтобы человек мог продолжать свое существование и создавать новую смысловую реальность» [2, с. 107].

Постоянно участвуя в опасных для здоровья и жизни человека мероприятиях, после определенного времени спасатели теряют выдержку и самообладание, становясь чувствительными, неуравновешенными. Теряется сон и аппетит, покой и подвижность. Иногда наблюдается безразличие к окружающей среде и к своим обязанностям, и чувство вины. Часто они свои осадочные переживания компенсируют уединением, долгим сном, алкоголем и т.д. При долгом пребывании в таком состоянии теряются четкость и координация профессиональных действий, впоследствии чего в ответственных ситуациях спасатели часто совершают ошибки и получают травмы. Продолжая такую низкорезультативную деятельность, через определенное время большинство из них приобретают различного рода заболевания или вообще меняют профессию.

Многочисленные экспериментальные исследования в области экстремальной психологии подтверждают тот факт, что после опасных и весьма напряженных операций, люди, участвующие в процессе событий, независимо от выполняемых функций (пожарники, спасатели, специальные отряды быстрого реагирования, врачи скорой медицинской помощи, организаторы эвакуационных и других служб и т.д.), остро нуждаются в первой психологической помощи [1, 4, 5, 10].

В результате многочисленных исследований в Республике Армения в области психологии экстремальных ситуаций накоплен огромный материал эмпирического и прикладного характера. В частности, в наших исследованиях был изучен комплекс психических состояний, восприятия и ощущений, которые в виде стабильного негативного эмоционального-чувствительного фона наблюдается у спасателей после крупных катастроф разного характера (землетрясение, наводнения, пожары, террористические акты, военные столкновения в приграничных регионах Республики Армения и т.д.).

С целью обеспечения успешного проведения психологического контроля и сопровождения спасателей во время профессиональной дея-

тельности разработана методика и система психодиагностических методов, которая дает возможность фиксировать весь ход функциональных изменений психофизиологических систем организма. В батарее психопсихофизиологических тестов включены доступные методы, которые обеспечивают информативность измерений и результативность полученных данных, для составления индивидуальных и групповых характеристик. Параллельно с этим, спасатели ведут личный дневник, где фиксируют свои переживания и субъективные ощущения вегетативных изменений (частота сердечных сокращений, дыхания, характер сна, аппетита, общей и психической работоспособности и т.д.). Необходимо отметить, что при совместном обсуждении данных психологического контроля и своих наблюдений, они приобретают психологическую грамотность, и практические навыки анализа психодиагностических данных.

В батарее психодиагностического комплекса включены:

1. Опросник для выявления негативных факторов, влияющих на личность спасателя и результативность его деятельности.
2. Графический теппинг-тест: для изучения сенсомоторных возможностей и работоспособности спасателей.
3. Красно-черная таблица Шульте для изучения работоспособности.
4. Пальпаторное измерение частоты сердечных сокращений (за 10 x 60м).
5. Изучение личной и реактивной тревожности (Спилбергер-Ханин).

Организм спасателя в связи с особенностями профессиональной деятельности, долгое время находясь в состоянии эмоциональной напряженности и тревожности, в случае отсутствия восстановительных работ, с годами теряет свои бывшие функциональные возможности, а в конце карьеры часто приобретаются различного рода профзаболевания. С точки зрения профилактики возникновения и развития посттравматических стрессовых расстройств и дальнейшего сохранения общего и психического здоровья спасателя, специалисты прикладной психологии предлагают после каждой спасательской операции организовать целенаправленные работы в форме первой психологической помощи. По вопросам формы и содержания первой психологической помощи опубликовано много работ, где основное внимание уделяется проблемам ор-

ганизации реабилитационной и коррекционной помощи населению, пострадавшему от разного рода природных и социально-психологических катаклизмов [1,3,4,5,8,10]. Однако очень мало опубликовано работ, касающихся проблем организации первой психологической помощи спасателям. В частности, отсутствуют экспериментальные исследования проблем сохранения психического здоровья, публикации по вопросам психогигиены спасателя, по проблемам первой психологической помощи спасателям. Необходимо отметить, что сам процесс организации и проведения первой психологической помощи требует от психологов особых организаторских, профессиональных и личностных качеств (самообладание, толерантность к тяжелым физическим увечиям пострадавших, альтруизм, сопереживание, чуткость к пострадавшим, мобильность, энергичность в организации помощи, концентрация внимания и психических сил и т.д.), которые обеспечивают необходимый психологический климат, способствующий оказанию первой психологической помощи.

С целью контроля за изменением психофизиологических функций организма во время и после спасательных операций, а также для осуществления дальнейших психопрофилактических и психокоррекционных работ, разработана методика проведения всей процедуры, которая подробно раскрывается в наших публикациях [5]. Предлагается комплекс мероприятий, который обеспечивает сохранность и целостность организма и психического здоровья спасателей в экстремальных условиях. Все первичные диагностические измерения и процессе сопровождения психопрофилактических и коррекционных работ проводятся в основном в полевых условиях и в центре подготовки спасателей. С целью предотвращения возможных травматических состояний первая психологическая помощь организуется в первые дни, непосредственно после спасательных работ.

1. С целью сравнения возможных изменений функциональных возможностей и психических состояний личности спасателя необходимо заранее подготовить банк данных фоновых измерений. Под рукой обязательно должны находиться психологический портрет и диагностические данные психофизиологических показателей основных рабочих систем организма.

2. Оперативная психодиагностика изменений эмоционального фона психики и функциональных возможностей организма (краткосрочное

и оперативное измерение функциональных состояний, вербализация специальных ощущений и восприятий, эмоциональных переживаний).

3. Подробный анализ и отчет психолога о возможных психофизиологических изменениях основных рабочих органов и функциональных систем организма спасателей (активное включение спасателей в процесс обсуждения всех вопросов, акцентируя их личную инициативу).

4. Ведение индивидуальных дневников, где по указанию психолога при возможности описываются все подробности собственных субъективных переживаний, специфических восприятий и ощущений, промахов и ошибок, потерь и побед над собой в опасных ситуациях деятельности.

5. С активным участием психолога подробно анализируются и самоанализируются субъективные ощущения и переживания, возникающие в процессе основных спасательских работ, которые являются первостепенной важностью, или чаще отмечаются спасателями.

6. В специальном, наиболее удобном, комфортном помещении, в безопасном месте собрать людей, желательно занятия проводить коллективным способом. После организационных, вводных работ концентрировать внимание на внутренних и специфических ощущениях спасателей. Возвращение к опасным ситуациям посредством мысленного взгляда, подробное воспроизведение всех деталей случившегося и пережитого эмоционального состояния.

7. Подробно описать детали опасных и рискованных операций, поочередно детализировать все происходящие действия и происшествия. Уделять максимум внимания пережитым эмоциональным состояниям, дать возможность «выплеснуть» их свободным образом.

8. Описание собственных действий в опасных ситуациях, которые сопровождаются специфическими сенсомоторными недугами, болями, нарушениями координации двигательных функций, негативным эмоциональным фоном.

9. Осмысление всего происходящего и переосмысление пережитых кризисных ситуаций. Объективная оценка всех пережитых, значимых и второстепенных для личности эмоциональных состояний и впечатлений.

10. Переосмысление всех происходящих событий, действий, промахов и ошибок и сопутствующих им собственных субъективных пси-

хофизиологических ощущений, представлений, восприятий и негативных эмоциональных состояний.

11. Переоценка смысла собственной жизни и жизни близких, родных и знакомых людей, переосмысление новых измененных отношений с родными и близкими людьми.

12. Формирование душевной свободы и равновесия, очищение от осадочных переживаний и неблагоприятных ощущений, переоценка значимости жизни близких и родных людей, живущих рядом.

13. Формирование и составление новых, направленных в будущее жизненных планов и программ. Приблизительные представления о качестве новой жизни в ближайшем будущем, и главные, первичные задачи.

Заключение

Предлагаемый комплекс и методика проведения психологического контроля и сопровождения является своеобразной психологической программой оказания первой скорой психологической помощи спасателям и людям, оказавшимся в эпицентре событий. Система психологических мероприятий используется непосредственно после спасательных операций в течение трех дней. Активно практикуются методы собеседования, подробных рассказов пострадавшего и/или спасателя, дебрифинги.

Целенаправленный научный подход и последовательная организация первой психологической помощи гарантирует успешный процесс профилактики негативных сдвигов в организме спасателей. Комплекс первой психологической помощи является надежным гарантом сохранения психического здоровья и результативности деятельности спасателей и людей, ответственных по организационным процессам в экстремальных условиях деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусова Г.И. Формирование психической устойчивости к факторам чрезвычайной ситуации: Методические рекомендации. Пермь: «МИГ», 2006, 253с.
2. Кадыров Р.В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD) состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь: учебное пособие. СПб.: «Речь», 2012, 448с.

3. Крюкова М.А., Никитина Т.И., Сергеева Ю.С. Экстренная психологическая помощь. Практическое пособие. М.: Изд-во НЦЭАС, 2001, 286с.
4. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. М.: «ЭКСМО», 2006, 960с.
5. Мкртумян М.П. Психология экстремальных ситуаций / на арм. языке. Ер.: «Зангак-97», 2008, 320с.
6. Пятницкая Е.В. Психология травматического стресса: учеб.пособие. СПб., 2007, 140с.
7. Раен А.А., Кудашов А.Р., Баранов А.А. Психология Адаптации личности. СПб., 2006.
8. Ромек В.Г., Конторович В.А., Крукович Е.И. Психологическая помощь в кризисных ситуациях. СПб.: «Речь», 2004, 361с.
9. Черепанова Е.М. Саморегуляция и самопомощь при работе в экстремальных условиях. М.,1995, 351с.
- 10.Шойгу Ю.С. Психология экстремальных ситуаций для спасателей и пожарных. М.: «Смысл», 2007. 256с.

REFERENCES

1. Belousova G. (2006). Developing Psychological Resilience to Emergency Situations: Methodological Recommendations. Perm: MIG, 253p.
2. Kadyrov R. (2012). Post-Traumatic Stress Disorder (PTSD): State of the Problem, Psychodiagnostics, and Psychological Assistance: A Textbook. St. Petersburg: "Rech", 448p.
3. Kryukova M., Nikitina T. & Sergeeva, Yu. (2001). Emergency Psychological Assistance: A Practical Guide. Moscow: Publishing House of NCEAS, 286p.
4. Malkina-Pykh I. (2006). Extreme Situations. Moscow: "Eksmo", 960p.
5. Mkrtumyan, M. (2008). Psychology of Extreme Situations (in Armenian). Yerevan: "Zangak-97", 320p.
6. Pyatnitskaya E. (2007). Psychology of Traumatic Stress: A Textbook. St. Petersburg, 140p.
7. Raen A., Kudashov A. & Baranov A. (2006). Psychology of Personality Adaptation. St. Petersburg.
8. Romek V., Kontorovich V. & Krukovich E. (2004). Psychological Assistance in Crisis Situations. St. Petersburg: "Rech", 361p.
9. Cherepanova E. (1995). Self-Regulation and Self-Help in Extreme Working Conditions. Moscow. 351p.
10. Shoigu Yu. (2007). Psychology of Extreme Situations for Rescuers and Firefighters. Moscow: "Smysl", 256p.

THE PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL CONTROL ENSURING AND PSYCHOLOGICAL FIRST AID FOR THE RESCUERS AFTER DISASTER

M.P. Mkrtumyan¹, L. Mkrtumyan²

¹The International Academy of Psychological Sciences Yerevan, Armenia,

²Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

The article discusses the psychological characteristics of the rescuer profession, as well as the specifics of the formation of psychotraumatic states during and after major rescue operations. It also examines the psychological aspects of post-traumatic stress conditions that develop in the course of rescue activities, as well as the dynamics of traumatic disorders and neurotic conditions among rescuers. Based on a detailed analysis of psychodiagnostic studies and accumulated experience in psychological assistance within the field of extreme situation psychology, an approach has been developed for organizing initial psychological aid and psychological monitoring during first psychological assistance, as well as for rehabilitation efforts. To preserve the integrity of the body and the mental health of rescuers, a set of psychological monitoring methods is recommended, which is easy and accessible for use in any extreme working conditions. As part of first psychological aid, a complex of psychoprophylactic measures is proposed, ensuring the stability of performance and the mental efficiency of rescuers.

Keywords: extreme situations, psychological safety, self-regulation, psychological trauma, post-traumatic conditions.

ԲՈՒԼԻՆԳԻ ԴՐՍԵՎՈՐՈՒՄՆԵՐԸ ԴԵՌԱՀԱՍՈՒԹՅԱՆ ՇՐՋԱՆՈՒՄ

Ա.Ռ. Մուրադյան¹, Ա.Ա. Միմոնյան²

¹Հայ-ռուսական (Սլավոնական) համալսարան

*²Հայկական Պետական Մանկավարժական համալսարան, նախադպրոցական մանկավարժության և մեթոդիկաների ամբիոն
armine_43@mail.ru, annasimonyan1984@mail.ru*

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում քննարկվում են ներկայումս բավականին արդիական համարվող բուլինգի՝ բոլոր ասպեկտներում դրսևորվող հիմնախնդիրը հատկապես դեռահասության շրջանում:

Հասարակական զարգացման սոցիալ-տնտեսական, քաղաքական, մշակութային, հոգեբանական վերափոխման գործընթացը գտնվում է դինամիկ զարգացման յուրատիպ դրսևորման մեջ, մի հանգամանք, որով հիմնականում պայմանավորվում են հասարակության մեջ առաջացող տեղաշարժերը և փոփոխությունները: Այդ փոփոխությունների համատեքստում էապես փոխվում են հասարակության բոլոր շերտերի ներկայացուցիչների կենսակերպը, սոցիալական և հոգեբանական վարքագծային ընդունված նորմերը և չափանիշները: Այս առումով ուզում ենք փաստել վերջին ժամանակներս առավել խնդրահարույց համարվող բուլինգի (անգլ.՝ *bullying* – հալածանք) առաջացման դրույթը, որն առավել ակնհայտ է դրսևորվում դեռահասության շրջանում: Ներկայումս բուլինգի հիմնախնդիրը հատկապես դեռահասության շրջանում առավել խնդրահարույց է դարձել և դրսևորվում է բոլոր ասպեկտներում՝ ներառյալ միջանձնային հարաբերությունները:

Հիմնաբառեր՝ բուլինգ, հոգեբանական շտկում, միջանձնային հարաբերություններ, ագրեսիա, դեռահասության շրջան:

ՆԵՐԱԾՈՒԹՅՈՒՆ

Հետազոտության **նպատակն է՝** ուսումնասիրել և վերլուծել բուլինգի դրսևորման սոցիալ-հոգեբանական առաձևահատկությունները և դրա հոգեբանական շտկման մեթոդները դեռահասության շրջանում:

Հետազոտության **խնդիրները.**

1. Ուսումնասիրել բուլինգը որպես երևույթ, բուլինգի դրսևորման սոցիալ-հոգեբանական առաձևահատկությունները դեռահասության տարիքում:

2. Հետազոտել բուլինգի և ագրեսիվության մեխանիզմները դեռահասության տարիքում, բուլինգը որպես ագրեսիվ վարքի նախապայման:

3. Վերլուծել բուլինգի հաղթահարման մեխանիզմները դեռահասության շրջանում, հոգեբանական աջակցության տեսակները և մեխանիզմները:

4. Իրականացնել փորձարարական հետազոտություն թեմայի շրջանակներում:

Հետազոտության շրջանակներում առաջադրել ենք հետևյալ **վարկածը՝** ենթադրում ենք, որ մանկավարժահոգեբանական և ընտանեկան նպատակաուղղված հոգեբանական միամտության իրականացումը դեռահասների ագրեսիվ վարքի շտկման, խմբի սոցիալ-հոգեբանական մթնոլորտի բարելավման, խմբի միասնության և արժեքային կողմնորոշման ձևավորման և ուղղորդման միջոցով նվազեցնում է դեռահասների շրջանում բռնության, բուլինգի դրսևորումները ինչպես միջանձնային, այնպես էլ միջդերային մակարդակում:

Դեռահասների ագրեսիվ վարքի պատճառների ուսումնասիրության կարևոր հանգամանքներից մեկն էլ հանդիսանում է երևույթի մեխանիզմների ճանաչողությունը, որը հնարավորություն կտա ժամանակին իրականացնելու կանխարգելման և շտկման կազմակերպման գործընթացը: Ագրեսիայի առաջացման հիմնական սոցիալ-հոգեբանական գործոնների ուսումնասիրությունը առաջին պայ-

մանն է այդպիսի վարքի սոցիալական շտկմանն անցնելու համար [1, 2, 3]:

Դպրոցական բնությունը այն երևույթն է, երբ երեխաների միջև բնություն է գործադրվում կամ հակառակ մարդու կամքին պարտադրվում է որևէ գործողություն: Ե.Ն. Վոլկովան գրում է, որ բնության դրսևորումը կարող է ուղղված լինել ոչ միայն առանձին անձի, այլ նաև մի խումբ մարդկանց, ովքեր ինչ-որ կերպ աչքի են ընկնում դասարանում [6,7]: «Բուլինգ» տերմինն առավել ճշգրիտ է արտացոլում դպրոցներում բնության իրավիճակը: Բուլինգը երկարատև բնության գործողություն է և առավել հաճախ կրում է ֆիզիկական կամ հոգեբանական բնույթ: Ի տարբերություն վեճի կամ պատահական ծեծկոտուքի, բուլինգն անձի կամ խմբի միտումնավոր երկարատև բնության գործընթաց է մեկ այլ անձի նկատմամբ, ով չի կարող պաշտպանվել, և որի մասնակիցները առնչվում են նույն սոցիալական խմբի ներսում [4]:

Օ.Ա. Գրեբեննիկովան նշում է, որ «դպրոցական բուլինգ» տերմինով նշվում է հոգեբանական, մանկավարժական և սոցիալական խնդիրների ամբողջությունը: Մի անձի կամ մի խումբ անձանց կողմից ինքնուրույն պաշտպանվել չկարողացող երեխայի դեմ ուղղված ֆիզիկական կամ հոգեբանական բնության գործընթաց է [8]:

Այսպիսով, մենք կարող ենք եզրակացնել, որ բուլինգը բարդ երևույթ է, որը սկիզբ է առնում համեմատաբար կայուն խմբում և ներգրավում է մյուսներին այս գործընթացում: Բուլինգը բերում է բացասական հետևանքների և այն փաստի, որ գոհը չի կարող ինքն իրեն պաշտպանել ուժի և իշխանության անհամապատասխանության պատճառով: [6]:

Մեր կողմից իրականացված ուսումնասիրություններն անցկացվել են Արմավիրի մարզի Մովսես Խորենացու անվան թիվ 10 ավագ դպրոցում դպրոցում 2023–2024 թվականների ընթացքում:

Փորձարարական ուսումնասիրության արձանագրման փուլում իրականացվել է սովորողների հոգեբանական ախտորոշում՝ յուրաքանչյուր դասարանում բուլինգի մակարդակը և դրա բնութա-

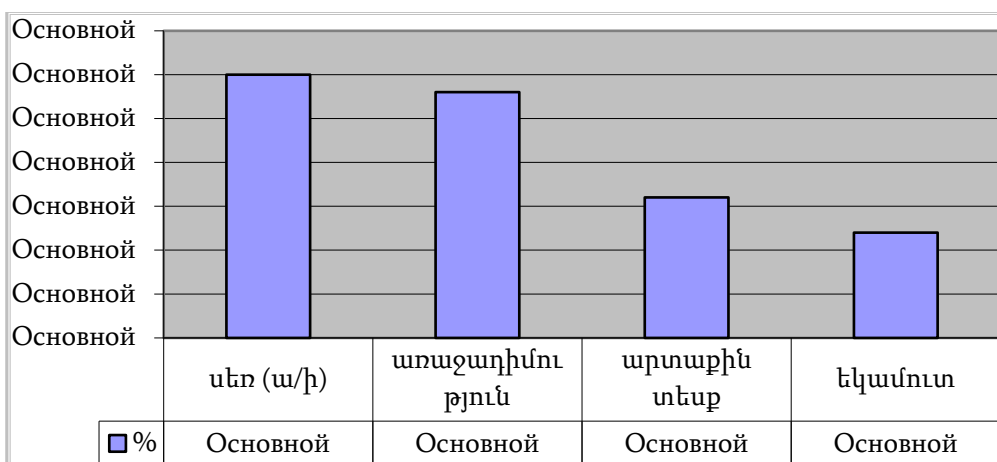
գրական առանձնահատկությունները պարզելու համար: Ձեռք բերված տվյալների հիման վրա հարմարեցվել է հոգեբանական ուղղման ծրագիրը, որն օգտագործվել է դասարանում բուլինգը կանխելու համար (ձևավորման փուլ): Այս փուլում նաև աշխատանքներ են տարվել ուսուցիչների և ծնողների հետ՝ դպրոցական բռնության խնդիրների վերաբերյալ հոգեբանական կրթություն բուլինգ իրավիճակում հայտնված դեռահասներին համապարփակ օգնություն ցուցաբերելու համար: Երրորդ ստուգման փուլում իրականացվել է կրկնակի հոգեբանական ախտորոշում, ստացված տվյալների համեմատություն և մեկնաբանություն՝ դասարանում փոփոխությունները բացահայտելու նպատակով:

Հետազոտության ընթացքում, որպես հոգեբանական ախտորոշման գործիքակազմ, մենք օգտագործել ենք՝

1. Բուլինգի (ինքնագնահատման) մեր կողմից մշակված հարցարանը: Այս հարցարանը նպատակ ունի բացահայտելու դասարանում բուլինգի երևույթը: Այն թույլ է տալիս տեսնել երեխայի անձնական վերաբերմունքը բուլինգի նկատմամբ և արտացոլում է նրա ընկալումը դասարանում և դպրոցում անվտանգության վերաբերյալ: Հարցերը ձևակերպված են այնպես, որ հետազոտողին հնարավորություն են տալիս ախտորոշել ոչ միայն դասարանում բուլինգի փաստը, այլ նաև դրա հաճախականությունը, իրականացման վայրը, ինչպես նաև սովորողների, ուսուցիչների և ծնողների արձագանքը: Հարցերին պատասխանող դեռահասները հենվում են իրենց անձնական փորձի վրա, ինչը այս հարցաշարի առավելությունն է:

2. Ա. Բասս-Ա. Դարկիի ագրեսիվության մակարդակի հարցաշար: Այս մեթոդիկան թույլ է տալիս բացահայտել անհատի նախատրամադրվածությունը ագրեսիվ և թշնամական վարքագծի նկատմամբ, ինչպես նաև այն ձևը, որով այդ վարքագիծը դրսևորվում է:

Ողջ ուսումնասիրությունների ընթացքում կիրառվել են նաև դիտման, զրույցի մեթոդները որպես հիմնարար վերլուծություն ապահովող մեթոդներ, արդյունքների վերլուծության նախնական փուլ:

Գծապատկեր 1.

Հետազոտության տվյալների համաձայն (*Գծապատկեր 1*) կարելի է նշել հետևյալ տարբերակիչ առանձնահատկությունները: Սովորողների մեծամասնությունն անհարմար է զգում այնպիսի տարբերությունների մեջ, ինչպիսիք են սեռը (տղամարդ / կին) – 19 մարդ (33%), դպրոցական առաջադիմությունը – 18 մարդ (31%), արտաքին տեսք – 11 մարդ (19%), ընտանիքի եկամտի մակարդակը՝ 9 մարդ (16%):

Ձեռք բերված տվյալների հիման վրա կարելի է տեսնել, որ աշակերտների մեծ մասը դպրոցում անհարմար է զգում գենդերային խտրականության և իրենց առաջադիմության, գնահատականների պատճառով: Աշակերտների զգալի, բայց արդեն ավելի փոքր տոկոսը նշել է դպրոցում գտնվելու անհարմարության պատճառ՝ իրենց արտաքին տեսքը և ընտանիքի եկամտի մակարդակը: Հարցաշարի երկրորդ մասը նպատակաուղղված էր պարզելու կրթական միջավայրում բուլինգի առկայությունը և դրա դրսևորման ձևերը: Այս հարցաշարում նշվում են ոտնձգության այնպիսի ձևեր, ինչպիսիք են ֆիզիկականը, վերբալը, սոցիալականը, էլեկտրոնայինը և այնպիսի տեսակներ, ինչպիսիք են ինտիմը, էթնոմշակութայինը, գենդերայինը, կրոնականը, հաշմանդամության վրա հիմնվածը և եկամտի վրա

հիմնվածը: Հարցաշարի երկրորդ մասի արդյունքներով ստացվել են հետևյալ տվյալները: Հարցին, թե աշակերտներն իրենց ապահով են զգում դպրոցում, 3 աշակերտ (5%) պատասխանել է «երբեք», 5 սովորող (9%) պատասխանել է «երբեմն», 32 սովորող (56%) պատասխանել է «հաճախ», 17 սովորող (30%) պատասխանել է «միշտ»:

Այսպիսով, կարելի է նշել, որ աշակերտների մեծամասնությունը հաճախ իրեն անվտանգ է զգում, և միայն 30%-ն է իրեն միշտ ապահով զգում դպրոցում: Այս ցուցանիշները բավականին դրական են, բայց դեռահասների զգալի տոկոսը դպրոցում սովորաբար կամ միայն երբեմն իրեն ապահով չի զգում:

Հետո իրականացվել է դեռահասների ագրեսիվ ռեակցիաների ախտորոշումն Ա. Բասս-Ա. Դարկիի ագրեսիվության մակարդակի հարցաշարի միջոցով: Ամփոփ արդյունքները ներկայացված են *Աղյուսակ 1-ում*:

Աղյուսակ 1.

**Ա.Բասս և Ա.Դարկիի ագրեսիվության մակարդակի
հարցաշարի արդյունքների ամփոփ աղյուսակ, (n = 57)**

Ռեակցիաների տեսակներ	Մակարդակներ				
	Ցածր	Միջին	Բարձրացած	Բարձր	Շատ բարձր
Ֆիզիկական ագրեսիա	6 (11%)	8 (14%)	31 (54%)	10 (18%)	2 (3%)
Անուղղակի ագրեսիա	7 (12%)	34 (60%)	11 (19%)	5 (9%)	–
Գրգռվածություն	–	14 (24%)	26 (45%)	9 (16%)	8 (14%)
Նեգատիվիզմ	3 (5%)	26 (46%)	23 (40%)	3 (5%)	2 (4%)
Վիրավորանք	–	49 (86%)	5 (9%)	–	3 (5%)

Կասկածամտություն	5 (9%)	5 (9%)	32 (56%)	5 (9%)	10 (18%)
Վերբալ ագրեսիա	4 (3%)	8 (11%)	14 (21%)	28 (49%)	5 (7%)
Մեղքի զգացում	–	13 (23%)	29 (51%)	9 (16%)	6 (11%)

Բոլոր սանդղակներով ամենաբարձր ցուցանիշները բաշխվել են հետևյալ կերպ. ֆիզիկական ագրեսիա՝ բարձրացած մակարդակ – 31 (54%), գրգռվածություն՝ բարձրացած մակարդակ – 26 (45%), նեգատիվիզմ՝ միջին մակարդակ – 26 (46%); վիրավորվածություն՝ միջին մակարդակ – 49 (86%), կասկածամտություն՝ բարձրացած մակարդակ – 32 (56%), վերբալ ագրեսիայի՝ բարձր մակարդակ – 28 (49%), մեղքի զգացում՝ բարձրացած մակարդակ – 29 սովորող (51%):

Այսպիսով, դեռահասության տարիքում բուլինգի դրսևորման և առաջացման սոցիալ-հոգեբանական դրդապատճառների մասին մեր հետազոտությունը թույլ տվեց կատարել հետևյալ **եզրահանգումները՝**

1. Բուլինգը սիստեմատիկ բնույթ է կրում և այնպիսի երևույթ է, որից հետո հաստատվում են «գոհի», «բռնարարի» կամ «դիտորդի» դերերը, և յուրաքանչյուր դեր բացասաբար է ազդում այս գործընթացի մասնակցի անհատականության վրա: Ձեռնարկված կանխարգելիչ և հոգեշտկման միջոցառումներն օգնում են կանխել բռնությունը և բարելավել դասարանում սոցիալ-հոգեբանական մթնոլորտը:

2. Ուսումնասիրության շրջանակներում մենք ենթադրեցինք, որ դեռահասների շրջանում բուլինգի առաջացման հիմնական գործոնները անհատական և խմբային գործոններն են: Հետևաբար, դեռահասների ագրեսիվ վարքի շտկմանը, ինչպես նաև խմբի սոցիալ-հոգեբանական մթնոլորտի բարելավմանը, խմբի արժեկոդմնորոշային միասնության ու համախմբվածության ձևավորմանն ուղղված մանկավարժի, հոգեբանի, ծնողների և դեռահասների համատեղ

գործունեության պայմաններում միջոցառումների համակարգը, կօգնի նվազեցնել դեռահասների շրջանում բռնության դրսևորումը:

3. Հարկ է նշել, որ դասարանում բուլինգի կանխարգելմանն ուղղված աշխատանքը չպետք է դադարի: Արդյունքը ամրագրելու համար պետք է վերահսկել իրավիճակը և իրականացնել կոլեկտիվի համախմբվածության սիստեմատիկ բարելավում, ինչպես նաև բռնության գոհերի հետ անհատական աշխատանքներ իրականացնել՝ ինքնաընկալման մակարդակը բարձրացնելու համար, ինչպես և բռնարարների հետ աշխատանք իրականացնել՝ կանխելու ապակառուցողական վարքը և ռիսկային խմբում ներգրավելը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Բռնդար Վ.* Մանկան նկատմամբ բռնությունը հանգեցնում է անհատականության խեղաթյուրմանը // Սոցիալական մանկավարժություն Ռուսաստանում: 2008, № 4, էջ. 42–44:
2. Տարիքային և մանկավարժական հոգեբանություն / խմբ. Ա.Վ. Պետրովսկիի: Մ., 1979, 124 էջ:
3. *Գրեբեննիկովա Օ.Ա., Ղոբրոյություն Մ.Բ.* Բուլլինգը կրթական միջավայրում որպես դպրոցականների առողջության սպառնալիք // Գիտահետազոտական մեթոդական էլեկտրոնային հանդես «Կոնցեպցիա»: 2017, № 59, էջ. 1–6:
4. Գրեբեն Ն.Ֆ. Հարցաթերթիկ՝ Ա. Մեհրաբիանի հաջողության մոտիվացիայի չափման համար // Հոգեբանական թեստեր մասնագետների համար: Մինսկ. «Ժամանակակից դպրոց», 2007, էջ. 337–345:
5. *Գուզգենբյուլ Ա.* Բռնության մոայլ հմայքը: Մանկական ագրեսիվության և դաժանության կանխարգելում և պայքար: Մանկոտ Պետերբուրգ՝ «Ակադեմիական պրոսպեկտ», 2000, 220 էջ:
6. *Զինովիևա Բ.Օ., Միխայլովա Ն.Ֆ.* Բռնության հոգեբանություն և հոգեթերապիա: Երեխան ճգնաժամային իրավիճակում: Մանկոտ Պետերբուրգ՝ «Ռեչ», 2005, 248 էջ:
7. *Կարպենկո Կ.* Խաղեր, որոնք խաղում են դպրոցում: Խաղեր երեխաների միջև // Դպրոցական հոգեբան: 2011, № 15, էջ. 20–22:
8. *Կիրյուխինա Ա.Բ.* Բռնության հոգեբանական էությունը // «Օրենք և իրավունք», 2009, № 2, էջ. 50–52:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарь В.* Насилие над ребенком ведет к деформации личности // «Социальная педагогика в России», № 4. 2008. СС. 42–44.
2. *Возрастная и педагогическая психология* / Под ред. А.В. Петровского. М., 1979, 124с.
3. *Гребенникова О.А., Добролюбова М.И.* Буллинг в образовательной среде как угроза здоровью школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт», № 59. 2017. СС. 1–6.
4. *Гребень Н.Ф.* Опросник для измерения мотивации достижения А. Мехрабиана // Психологические тесты для профессионалов. Минск: «Современная школа», 2007. СС. 337–345.
5. *Гуггенбуль А.* Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости и борьба с ними. СПб.: «Академический проспект», 2000. 220с.
6. *Зиновьева И.О., Михайлова Н.Ф.* Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. СПб.: «Речь», 2005, 248с.
7. *Карпенко К.* Игры, в которые играют в школе. Игры между детьми // «Школьный психолог», № 15. 2011. СС. 20–22.
8. *Кирюхина А.Б.* Психологическая сущность насилия // «Закон и право», № 2, 2009. СС. 50–52.

REFERENCES

1. *Bondar V.* Nasilie nad rebenkom vedet k deformatsii lichnosti // “Sotsial'naya pedagogika v Rossii”. No. 4. 2008. PP. 42–44.
2. *Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya* / Pod red. A.V. Petrovskogo. Moscow, 1979. 124p.
3. *Grebennikova O., Dobrolyubova M.* Bulling v obrazovatel'noy srede kak ugroza zdorov'yu shkol'nikov // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Koncept”, No. 59.2017. PP. 1–6.
4. *Greben' N.* Oprosnik dlya izmereniya motivatsii dostizheniya A. Mekhrabiana // Psikhologicheskie testy dlya professionalov. Minsk: “Sovremennaya shkola”, 2007. PP. 337–345.
5. *Guggenbyul' A.* Zloveshchee ocharovanie nasiliya. Profilaktika detskoy agressivnosti i zhestokosti i bor'ba s nimi. SPb.: “Akademicheskij prospect”, 2000, 220p.
6. *Zinov'eva I., Mikhaylova N.* Psikhologiya i psikhoterapiya nasiliya. Rebenok v krizisnoy situatsii. SPb.: “Rech”, 2005. 248 p.
7. *Karpenko K.* Igry, v kotorye igrayut v shkole. Igry mezhdu det'mi // “Shkol'nyy psikholog”, No. 15. 2011. PP. 20–22.
8. *Kiryukhina A.* Psikhologicheskaya sushchnost' nasiliya // “Zakon i pravo”, 2009. No. 2. PP. 50–52.

ПРОЯВЛЕНИЯ БУЛЛИНГА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

А.Р. Мурадян¹, А.А. Симомян²

¹Российско-Армянский (Славянский) университет, Ереван, Республика Армения

*²Армянский Государственный Педагогический университет, кафедра
дошкольной педагогики и методик, Ереван, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В данной статье поднимается одна из наиболее острых и актуальных проблем современного общества – буллинг, особенно ярко проявляющийся в подростковой среде. В условиях стремительных социально-экономических, политических, культурных и психологических преобразований, меняется не только образ жизни людей, но и система ценностей, а также нормы социального и поведенческого взаимодействия. Эти сдвиги приводят к тому, что агрессивные формы общения, в том числе травля, становятся всё более распространёнными, особенно среди молодёжи. Буллинг проявляется во всех аспектах – от открытого психологического давления до скрытых форм дискриминации и исключения из группы. Подростковый возраст – наиболее уязвимый период, когда индивид особенно чувствителен к социальной оценке и межличностным отношениям. Именно поэтому травля в этот период способна нанести глубокую психологическую травму. В статье акцентируется внимание на необходимости комплексного изучения данного явления и поиска эффективных способов его профилактики и преодоления.

Ключевые слова: буллинг, психологическая коррекция, межличностные отношения, агрессия, подростковый возраст.

BULLYING AS A PHENOMENON, MANIFESTATIONS OF BULLYING IN ADOLESCENCE

A. Muradyan¹, A. Simonyan²

¹Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Republic of Armenia

*²Armenian State Pedagogical University, Department of Preschool Pedagogy and
Methodology, Yerevan, Republic of Armenia*

ABSTRACT

This article addresses one of the most pressing and relevant issues of modern society – bullying, which is particularly evident among adolescents. In the context of rapid socio-economic, political, cultural, and psychological transformations, not only the

lifestyle of individuals changes, but also the system of values and norms of social and behavioral interaction. These shifts contribute to the growing prevalence of aggressive communication forms, including harassment, especially among young people. Bullying manifests in various aspects – from overt psychological pressure to hidden forms of discrimination and social exclusion. Adolescence is a particularly vulnerable period when individuals are highly sensitive to social evaluation and interpersonal relationships. That is why bullying during this stage can cause deep psychological trauma. The article emphasizes the need for a comprehensive study of this phenomenon and the search for effective strategies for its prevention and resolution.

Keywords: bullying, psychological correction, interpersonal relationships, aggression, adolescence.

ВРЕМЕННЫЕ КОРРЕЛЯТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ РАЗНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Е.Ю. Немченко, Г.П. Звездина, А.В. Гришина, Н.Е. Комерова

Донской государственный технический университет

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что современная образовательная среда университетов предполагает постоянное взаимодействие студентов с интернет-пространством как для учебных, так и для личных целей: информацию, читают книги, находят сообщества единомышленников, проявляют себя и реализуют различные потребности и т.д. Однако вопрос, почему одни так сильно подвержены влиянию интернет-среды и интернет-контента (в том числе – негативному, деструктивному), а другие просто используют Интернет как инструмент (источник информации, способ совершения покупок и пр.) остается недостаточно изученным. Мы предполагаем, что существуют психологические предикторы, определяющие степень влияния информационной среды на личность и последствия этого влияния. Представленное в данной статье исследование ставит своей целью изучить, насколько информационное поведение студентов и его временные корреляты определяются кросс-культурными особенностями.

В исследовании приняли участие 439 студентов вузов из различных регионов Российской Федерации. В диагностический пакет исследования вошли: «Стратегии информационного поведения» (СИП-2) (И.В. Абакумова, А.В. Гришина, Г.П. Звездина), «Временные перспективы» (Ф. Зимбардо).

Выявлены значимые различия в выраженности стратегий информационного поведения студентов во временных коррелятах информа-

* Исследование выполнено при поддержке РНФ (Проект 22-78-10107) «Трансформации конструктивных и деструктивных стратегий информационного поведения молодежи в условиях роста геополитических рисков: психологические, психофизиологические и психогенетические предикторы».

ционного поведения студентов разной этнической принадлежности, культурных и религиозных традиций (православие, ислам и буддизм).

Ключевые слова: информационное поведение, мотивы поведения, студенты, временные перспективы, этнические, культурные особенности, конструктивные стратегии.

Введение

Современные студенты живут в постоянно меняющихся условиях социальной среды, цифровизации всех сфер жизни, затрагивающих как целые народы, сообщества, так и отдельного человека – вне зависимости от места проживания и рода деятельности. Сегодня образовательная среда чаще всего понимается как информационно-образовательная сфера, в связи с чем актуализируется изучение проблемы информационного поведения студентов в контексте их кросскультурных особенностей. Под «кросс-культурными особенностями» понимается «пересечение культур разных национальностей», либо различия в поведении, которые определяются культурой.

Согласно социокультурному подходу, поведение внутренне мобилизованных этнических групп и характер их взаимодействия детерминированы комплексом причин, включающих культурные, религиозные и социально-психологические характеристики сообществ, политико-правовые и экономические параметры их функционирования на макро- и микросоциальном уровнях и т.д. [1]. Изучение этих особенностей, проявляющихся в информационном поведении, позволит лучше понять механизмы и предикторы поведения у студентов разной этнической и культурной принадлежности.

Изучение временных коррелятов информационного поведения у студентов разной этнической и культурной принадлежности в данном исследовании акцентировано на установках студентов по отношению к времени, как факторе, определяющем общее отношение к жизни и направленность поведения личности. Выраженность различных временных перспектив определяет смысловую и ценностную наполненность внутреннего мира молодых людей.

Теоретическая и информативная основа исследования

Отечественные (К. Абульханова-Славская, Т. Березина, В. Ковалев, А. Кроник, Е. Головаха) и зарубежные (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо) психологи указывали на тот факт, что важным аспектом существования человека является его отношение ко времени, постановка и осуществление целей, имеющих свое назначение в будущем, которые впоследствии становятся мотивами человека и направляют его деятельность.

Российские ученые (Н.С. Бастракова, О.В. Мухлынина, А.А. Шаров (2020) предпринимают попытку описать особенности моделирования жизненной перспективы цифровым поколением [2, 3]; А.А. Жемчугова (2020) представляет временную перспективу как фактор базисных убеждений личности [4], А.И. Лучинкина, И.С. Лучинкина (2017) описывают модель взаимодействия личности с информацией через восприятие информации и выбор нормативных и девиантных поступков [5]; К.В. Мартиросян исследует и описывает различные типы хронотопов у представителей русского этноса, армян из Волгограда и армян из Еревана; исследователь заключает, что гедонистическая ориентация соотносится со сверхсуверенностью, тогда как сбалансированная временная перспектива связана с нормальной суверенностью [6].

С целью изучения культурологических и этнических различий в проявлениях информационного поведения студентов исследование было проведено в трех российских регионах: Республика Калмыкия, Чеченская республика, Ростовская область. Все три региона находятся на юге России.

Объект исследования – студенты разных национальностей, проживающие в трех регионах России, исповедующие разные религии (буддизм, ислам, православие), имеющие этнические и культурные различия.

В исследовании приняли участие 439 студентов вузов из разных российских регионов – Калмыкия, Чеченская республика, Ростовская область, в возрасте от 18 до 22 лет. Выбранные для исследования регионы представляют кардинальным образом различающиеся социокультурные и социо-экономические среды, в рамках одного государства.

Предмет исследования – временные корреляты информационного поведения студентов разной этнической и культурной принадлежности.

Гипотезы исследования:

- ✓ кросс-культурные различия могут определять активность и направленность информационного поведения студентов в информационно-образовательной среде вуза их временные ориентации;
- ✓ временные корреляты информационного поведения студентов разной этнической и культурной принадлежности могут различаться.

Для решения поставленной цели исследования был использован следующий диагностический инструментарий:

- ✓ Стратегии информационного поведения (СИП-2) (И.В. Абакумова, А.В. Гришина, Г.П. Звездина);
- ✓ Временные перспективы (Ф. Зимбардо).

Материалы и методы

Результаты исследования были подвергнуты математической обработке с помощью компьютерной программы “Jamovi”. С помощью критерия Краскелла Уоллеса были выявлены значимые различия в выраженности стратегий информационного поведения в трех выборках респондентов. Для изучения корреляционных связей использовался критерий Спирмена (rs).

Анализ выраженности конструктивных стратегий информационного поведения показал, что студенты из г. Ростова-на-Дону являются наиболее активными пользователями Интернета. Наибольшую активность ростовские студенты проявляют в поиске информации в Интернете для учебы и решения каких-либо профессиональных задач, о чем свидетельствует критерий Краскелла Уоллиса ($H=-110,885$, $p<0,05$).

На втором месте по частоте использования находится стратегия «Интернет как мотивирующая сила», что говорит о значимости интернет-среды для формирования представлений о современном образе жизни и социальных ориентирах, которые демонстрируются в интернет-среде как эталоны социальной и личной успешности молодежи.

На третьем месте по информационной активности у ростовских студентов находится стратегия «Интернет для совершения покупок», что говорит о том, что интернет-среда становится сегодня одной из главных площадок для совершения разнообразных покупок и удовлетворения материальных потребностей ($H=-51,006$, $p<0,05$).

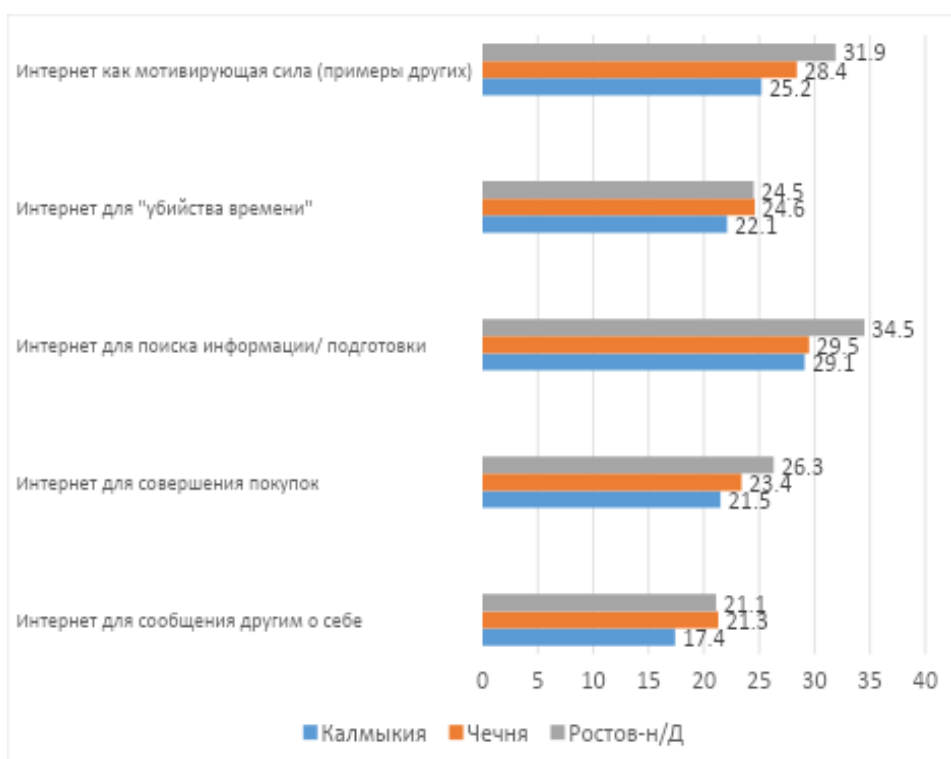

Рисунок 1. Выраженность стратегий информационного поведения студентов, проживающих в разных регионах России.

Анализ выраженности конструктивных стратегий информационного поведения у студентов, проживающих в других регионах России (Калмыкия, Чечня) продемонстрировал аналогичную тенденцию. Выраженность обозначенных стратегий информационного поведения имеет разную степень выраженности.

Основная часть

Все конструктивные стратегии информационного поведения у студентов из г. Ростова-на-Дону имеют большую степень выраженности, у студентов из Республики Калмыкия наиболее низкий уровень выраженности. Выраженность нормативных стратегий информационного поведения у студентов из Республики Чечня имеет средний уровень.

Таким образом, можно констатировать, что выраженность конструктивных стратегий информационного поведения имеет статистически

значимые различия у групп студентов, принадлежащих разным этническим и культурным средам.

Изучение временных перспектив у трех групп студентов показало, что имеются определенные различия. У группы студентов из г. Ростова-на-Дону наиболее выраженными временными перспективами являются – «настоящее гедонистическое», «будущее» и «позитивное прошлое».

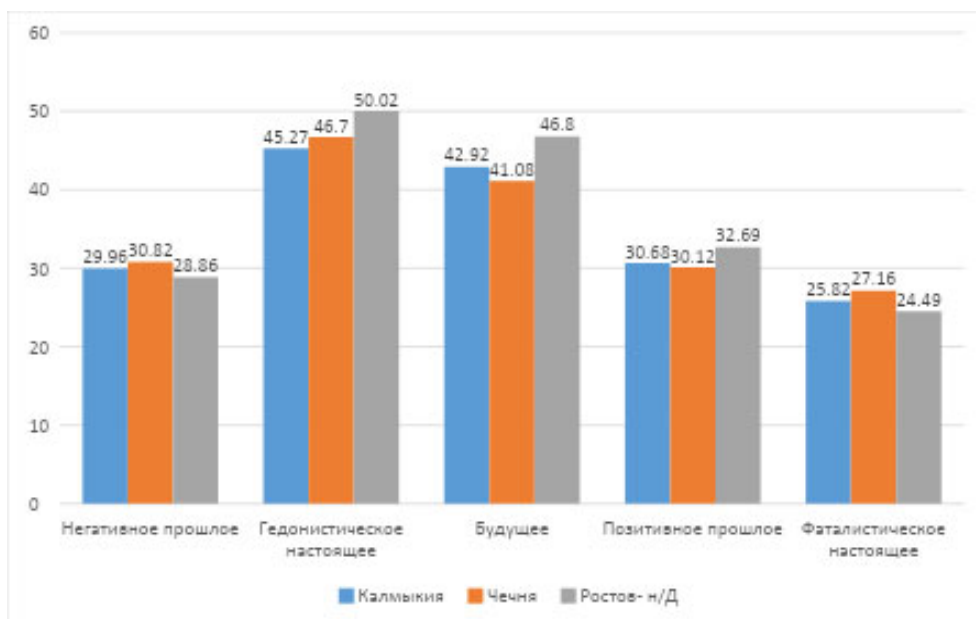

Рисунок 2. Выраженность временных перспектив у трех групп студентов, проживающих в разных регионах России.

У группы студентов из Калмыкии на первых трех позициях также находятся временные перспективы – «настоящее гедонистическое», «будущее» и «позитивное прошлое». Выраженность временных перспектив у студентов из Чечни несколько ниже, чем у двух описанных групп. У них больше представлена ориентация на «негативное прошлое» и «фаталистическое настоящее».

Таким образом, у всех групп студентов наблюдается сбалансированная система отношения ко времени, они живут в настоящем, опираясь на свое прошлое и строят перспективные планы на будущее.

На следующем этапе исследования были изучены корреляционные связи между конструктивными стратегиями информационного поведения и временными перспективами.

Анализ результатов показал, что стратегия «Интернет для сообщения о себе другим» у студентов из Калмыкии имеет прямую связь с «гедонистическим настоящим» ($r=0,345$, при $p \leq 0,05$), у студентов из Ростова-на-Дону выявлены прямые связи с «гедонистическим настоящим» ($r=0,316$, при $p \leq 0,01$) и «позитивным прошлым» ($r=0,135$, при $p \leq 0,05$). Наибольшее количество связей выявлено в группе студентов из Чечни. Выявлены прямые связи с временными перспективами – «негативное прошлое» ($r=0,232$, при $p \leq 0,05$) и «фаталистическое настоящее» ($r=0,280$, при $p \leq 0,01$) и обратная связь с «позитивным прошлым» ($r=-0,330$, при $p \leq 0,01$).

Таблица 1.

Корреляционные связи между стратегией «Интернет для сообщения другим о себе» и временными перспективами у трех групп студентов из разных регионов России

Временные перспективы	Интернет для сообщения другим о себе		
	Калмыкия	Чечня	Ростовская область
Негативное прошлое		,232*	
Гедонистическое настоящее	,345*		,316**
Будущее			
Позитивное прошлое		-,330**	,135*
Фаталистическое настоящее		,280**	

Полученные результаты свидетельствуют о том, что студенты из Калмыкии и Ростова-на-Дону используют Интернет для сообщения другим о себе, своих успехах и достижениях, при ориентации на получение удовольствия от жизни у них несколько легкомысленное отношение к жизни.

Привлечение внимания других людей и демонстрация себя у студентов из Чечни коррелирует с негативным прошлым и фаталистическим настоящим, что говорит о том, что пессимистичный взгляд на свое прошлое и беспомощное отношение к будущему, вера в неотвратимость судьбы, способствуют желанию студентов демонстрировать свои достижения в интернет-среде и получать внимание и поддержку. Стратегия «сообщение другим о себе» используется студентами данной группы ре-

же при их ориентации на позитивное прошлое. Принятие своего прошлого, высокая самооценка не требуют подтверждения со стороны других людей.

Стратегия «Интернет для совершения покупок» имеет связи с «гедонистическим настоящим» у студентов из Калмыкии ($r=0,282$, при $p \leq 0,05$) и студентов из г. Ростова-на-Дону ($r=0,137$, при $p \leq 0,05$). Данная стратегия также имеет прямую связь с «будущим» ($r=0,338$, при $p \leq 0,05$) у калмыцких студентов. В группе студентов из Чечни не выявлены статистически значимые связи между стратегией «интернет для совершения покупок» и временными перспективами.

Стратегия «Интернет для поиска информации» имеет прямые связи только у групп студентов из Калмыкии и Республики Чечня, у студентов из г. Ростова-на-Дону значимых связей не выявлено. Выявлены связи стратегии «Интернет для поиска информации» с «гедонистическим настоящим» ($r=0,282$, при $p \leq 0,05$) и «будущим» ($r=0,338$, при $p \leq 0,05$) у группы из Калмыкии и с «гедонистическим настоящим» ($r=0,281$, при $p \leq 0,01$) и «фаталистическим настоящим» ($r=0,202$, при $p \leq 0,05$) у группы студентов из Чечни.

Поиск информации в Интернете у калмыцких студентов сопровождается желанием получить удовольствие и ориентацией на решение поставленных целей, у чеченских студентов – ориентацией на поиск острых ощущений и веру в фатальность судьбы.

Выявлены взаимосвязи между стратегией «Интернет для убийства времени» и временными перспективами у всех трех групп респондентов. В группе студентов из Калмыкии наблюдается прямая связь с «негативным прошлым» ($r=0,309$, при $p \leq 0,05$). У группы студентов из Чечни выявлены прямые связи с «негативным прошлым» ($r=0,403$, при $p \leq 0,01$) и «фаталистическим настоящим» ($r=0,398$, при $p \leq 0,01$) и обратная связь с «позитивным прошлым» ($r=-0,276$, при $p \leq 0,01$). Студенты из обеих групп, имеющие негативный прошлый опыт, разочарования, чаще прибегают к Интернету с целью блуждания по просторам Интернета и пустого времяпрепровождения. Студенты из Чечни, имеющие позитивный опыт прошлого, реже прибегают к данной стратегии поведения в интернет-среде.

Наибольшее количество корреляционных связей наблюдается в группе ростовских студентов. Выявлены прямые корреляционные связи

между стратегией «Интернет для убийства времени» и временными перспективами – «негативным прошлым» ($r=0,308$, при $p \leq 0,01$) и «фаталистическим настоящим» ($r=0,286$, при $p \leq 0,01$) и «гедонистическим настоящим» ($r=0,210$, при $p \leq 0,01$) и обратная связь с «будущим» ($r=-0,193$, при $p \leq 0,01$). Негативный опыт прошлого, безнадежное отношение к своему будущему, поиск ярких ощущений и ориентация на удовольствие способствуют серфингу в интернет-среде, бесцельному блужданию по разным сайтам. Обратная связь данной стратегии информационного поведения с будущим свидетельствует о том, что студенты, имеющие четкие планы на будущее, умеющие планировать свою жизнь и способные к самоорганизации не тратят свое время на бесцельное препровождение в интернет-среде.

Стратегия «Интернет как мотивирующая сила» имеет прямые корреляционные связи с временными перспективами только у двух групп студентов из Чечни и г. Ростова-на-Дону. Стратегия «Интернет как мотивирующая сила» имеет прямые связи с «настоящим гедонистическим» ($r=0,318$, при $p \leq 0,01$) и «фаталистическим настоящим» ($r=0,273$, при $p \leq 0,01$) у студентов республика Чечня и с «настоящим гедонистическим» ($r=0,324$, при $p \leq 0,01$), «будущим» ($r=0,141$, при $p \leq 0,05$) и «позитивным прошлым» ($r=0,352$, при $p \leq 0,01$) у ростовских студентов.

В группе калмыцких студентов статистически значимых связей с временными перспективами не обнаружено.

Обобщая результаты, можно констатировать, что «интернет как мотивирующая сила» выступает для студентов обеих групп как средство получения удовольствия. При этом среди ростовских студентов эту стратегию предпочитают те, для кого характерна высокая ориентация на будущее и позитивное отношение к прошлому опыту. Студенты из Чечни предпочитают эту стратегию при преобладании фаталистических установок и веры в то, что человеческая жизнь определяется стечением внешних обстоятельств.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- ✓ выраженность конструктивных стратегий информационного поведения имеет статистически значимые различия у групп сту-

дентов, принадлежащих к разным этническим и культурным средам;

- ✓ студенты из Ростовской области проявляют большую активность и используют широкий арсенал инструментов информационного поведения, по сравнению с двумя другими группами студентов (Калмыкия, Чечня);
- ✓ студенты из республики Калмыкия продемонстрировали наименьшую активность в интернет-среде, при этом менее всего у них выражена информационная стратегия «интернет для общения другим о себе»;
- ✓ средняя степень выраженности стратегий информационного поведения наблюдается в группе студентов из Республики Чечня;
- ✓ установлено, что временные корреляты информационного поведения студентов разной этнической и культурной принадлежности различаются;
- ✓ у группы студентов из г. Ростова-на-Дону основными временными коррелятами конструктивных стратегий информационного поведения являются: гедонистическое настоящее, позитивное прошлое и будущее;
- ✓ у группы студентов из Республики Чечня основными временными коррелятами являются: негативное прошлое, настоящее фаталистическое;
- ✓ у группы студентов из Республики Калмыкия временными коррелятами информационного поведения являются: настоящее гедонистическое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Дьяченко А.Н. Этноконфессиональная идентичность населения юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов // «Гуманитарий Юга России», 7 (6), 2018. СС. 57–65.
2. Бастракова Н.С., Мухлынина О.В., Шаров А.А. Представления цифрового поколения о главных ценностях жизни // «Профессиональное образование и рынок труда», № 3 (42), 2020.
3. Мельников С.Г., Мухлынина О.В. Исследование взаимосвязи временной перспективы и субъективного контроля у студентов в условиях цифрового взаимодействия // «ИНСАЙТ», № 2 (2), 2020.

4. Жемчугова А.А. Временная перспектива как фактор базисных убеждений личности // «Новые импульсы развития: вопросы научных исследований», (4) 2020, СС. 156–160.
5. Лучинкина А.И., Лучинкина И.С. Методологические проблемы исследования коммуникативного поведения пользователей в интернет-пространстве // «Гуманитарные науки», № 4 (40), 2017.
6. Мартirosян К.В. Субъективная реальность хронотопа самосознания в его индивидуальной и этнокультурной проекциях: подход к исследованию. Мир науки // «Педагогика и психология», 5 (1), 49, 2017.

REFERENCES

1. Bedrik A., Bineeva N., Dyachenko A. Ethno-confessional identity of the population in the South of Russia: Dichotomy of national and religious components // “Humanitarian of the South of Russia”, 7 (6), 2018. PP. 57–65.
2. Bastrakova N., Mukhlynina, O., Sharov A. Perceptions of the digital generation about the main values of life // “Vocational Education and Labor Market”, No. 3 (42), 2020.
3. Melnikov S., Mukhlynina O. A study of the relationship between time perspective and subjective control among students in digital interaction environments. “INSIGHT”, No. 2 (2), 2020.
4. Zhemchugova A. Time perspective as a factor of basic personal beliefs // In: “New Impulses of Development: Issues of Scientific Research”, (4), 2020. PP. 156–160.
5. Luchinkina A., Luchinkina I. Methodological problems in studying communicative behavior of users in the Internet space. “Humanities”, No. 4 (40), 2017.
6. Martirosyan K. The subjective reality of the chronotope of self-consciousness in its individual and ethnocultural projections: An approach to research. World of Science: “Pedagogy and Psychology”, 5 (1), Issue 49, 2017.

TEMPORAL CORRELATES OF INFORMATION BEHAVIOR AMONG STUDENTS OF DIFFERENT ETHNIC AND CULTURAL BACKGROUNDS

E. Nemchenko, G. Zvezdina, A. Grishina, N. Komerova

Don State Technical University

ABSTRACT

This article discusses how the modern educational environment of universities involves constant interaction of students with the internet space for both academic and personal purposes: obtaining information, reading books, finding like-minded communities, expressing themselves, fulfilling various needs, etc. However, the question

of why some individuals are highly susceptible to the influence of the internet environment and online content (including negative or destructive influences), while others use the internet merely as a tool (a source of information, a means of shopping, etc.) remains insufficiently studied. We suggest that there are psychological predictors that determine the extent of the information environment's influence on the individual and the consequences of such influence. The study presented in this article aims to explore how students' information behavior and its temporal correlates are shaped by cross-cultural characteristics.

The study involved 439 university students from various regions of the Russian Federation. The diagnostic tools used included the "Information Behavior Strategies" questionnaire (IBS-2) (I.V. Abakumova, A.V. Grishina, G.P. Zvezdina) and the "Zimbardo Time Perspective Inventory" (ZTP).

Significant differences were found in the expression of information behavior strategies and their temporal correlates among students of different ethnic backgrounds, cultural and religious traditions (Orthodoxy, Islam, and Buddhism).

Keywords: information behavior, behavioral motives, students, time perspectives, ethnic and cultural characteristics, constructive strategies.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ – ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

И.Н. Николаева, А.С. Берберян

*Российско-Армянский (Славянский) университет
irina.nikolaeva@rau.am, asya.berberian@rau.am*

АННОТАЦИЯ

В данной работе исследована взаимосвязь между деятельностью человека и его ответственностью перед Природой и человечеством. Рассмотрены отношения человека к природоохранным мероприятиям – от естественных до самых радикальных, а также вопрос о том, насколько срочно необходимо их реализовывать.

Ключевые слова: экологическая ответственность, природоохранные мероприятия, природные ресурсы, энергосбережение, экологическое сознание.

Введение

Современная цивилизация предоставляет человеку все больше разнообразных благ, создание которых требует и более разнообразных ресурсов. Добыча, переработка, использование этих ресурсов вызывают глобальное разрушение и загрязнение окружающей среды. Существуют различные подходы для преодоления современных экологических угроз – таких, как истощение природных ресурсов, опустынивание, сокращение биоразнообразия, загрязнение воздуха, воды и пр. Эти подходы предполагают создание экологически чистых технологий, экологичных материалов, ограничение потребления, утилизацию отходов и многое другое. Но чтобы человеку захотелось делать что-либо для охраны окружающей среды, необходимо обладать экологическим сознанием в противовес прагматическому, направленному на извлечение выгоды. Одной из характеристик экологического сознания является экологическая ответственность.

Содержание и методы

С целью выявления уровня экологической ответственности студентов Российко-Армянского университета мы провели тестирование студентов следующих направлений: психологического (II курс, 19 человек) и экономического (II, III, IV курсы, 24 человека). Мы предполагали, что психологи относятся к Природе более гуманно, а экономисты – более прагматично. Тест был взят нами из тематического номера журнала «Психологическая диагностика» [1]. Тест «Экологическая ответственность», в котором испытуемым предлагалась шкала времени, согласно которой необходимо было ввести данную меру «немедленно», «в ближайшем будущем», «будущем» или «никогда». Имелся также ответ: «затрудняюсь ответить», который говорит о неосведомленности в данной экологической проблеме.

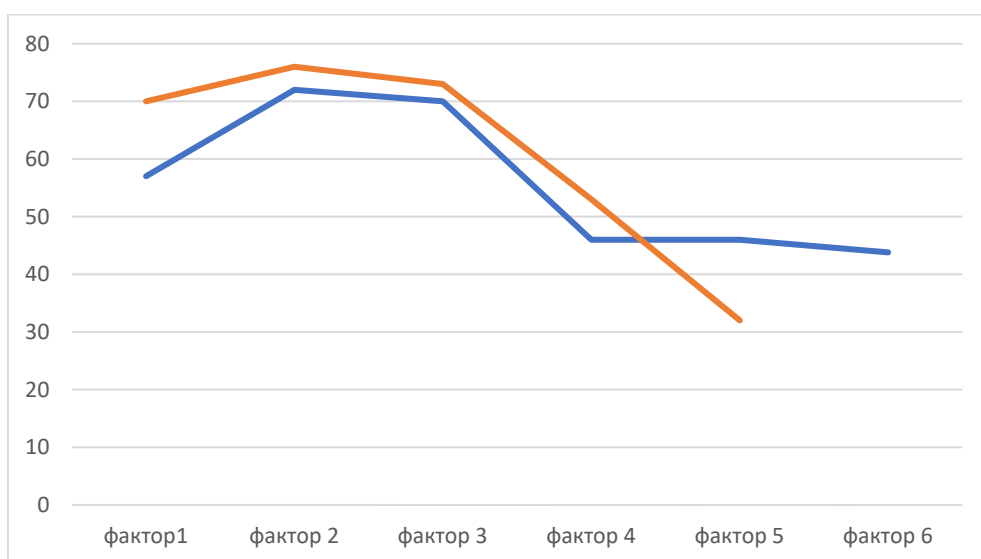
Сначала посчитали величину общей экологической ответственности в баллах и процентах по каждому из факторов, т.е. уровней. Результаты исследования сведены в Табл. 1.

Таблица 1.

Процент ответов по каждому фактору студентов психологического и экономического факультетов

Фактор или уровень ответственности	Факультет	Баллы	Проценты
R ₁ или персональный уровень	Психологический	87 из 152	57
	Экономический	134 из 192	70
R ₂ или близкая среда обитания	Психологический	166 из 288	72
	Экономический	121 из 288	76
R ₃ или региональный уровень	Психологический	213 из 304	70
	Экономический	283 из 384	73
R ₄ или государственный уровень	Психологический	105 из 228	46
	Экономический	153 из 288	53
R ₅ или международный уровень	Психологический	105 из 228	46
	Экономический	92 из 288	32
R ₆ или лимит на рост	Психологический	100 из 228	43,8
	Экономический	121 из 288	42

Для наглядности представим все данные в виде Диаграммы 1.

На Графике 1 представлена связь уровня экологической ответственности студентов (в процентах) по каждому фактору на разных факультетах/направлениях. Верхняя кривая отражает ответы экономистов. Нижняя кривая – психологов. По оси абсцисс расположены факторы или уровни ответственности. По шкале ординат – % ответов на данный вопрос.

Из Таблицы и Графика следует, что наши предварительные прогнозы подтвердились не полностью. R_1 , R_2 и R_3 и R_4 у экономистов, во-первых, выше 50% (70,76,73 и 53%) – что неплохо, во-вторых, выше, чем у психологов (57,72,70 и 46%). R_5 , или международный уровень, у психологов составляет 46%, а у экономистов резко падает до 32%. Т.е. то, что ближе к себе – персональный, близкий, региональный уровни – понимаются студентами правильно, а вот международный уровень как бы всех не касается. Это – неправильный взгляд на вещи; существует закон экологии: «все связано со всем», и никому не удастся избежать проблем, которые называются «глобальными». R_6 – это лимит на роскошь. Здесь понимание и психологов (43,8%) и экономистов (42%) почти равно. Однако психологи несколько лучше понимают, что защита окружающей среды на международном уровне (46%), а также лимит на роскошь (43,8%) вносят свой вклад в разрушение окружающей среды.

Чтобы лучше разобраться в отличиях во взглядах гуманитариев и прагматиков рассмотрим ответы на вопросы теста подробнее.

Персональный уровень ответственности (R₁) включает следующие вопросы: первый вопрос: необходима ли замена ламп накаливания энергосберегающими лампами; и второй вопрос – необходимо ли введение курса «Экологии» во всех вузах и школах с последующей сдачей экзаменов и как скоро?

Большинство всех ответов на первый вопрос – это «немедленное» внедрение энергосберегающих ламп, либо внедрение их «в ближайшем будущем», либо в «будущем». Всего 3 ответа – «никогда». Большинство выступают за внедрение энергосберегающих ламп, что понятно, ведь их достоинства очевидны. Однако энергосберегающие лампы имеют ряд больших недостатков, которые известны не всем. Это – электромагнитное и ультрафиолетовое излучения, содержание ртути в каждой лампе 3–5 мг. Наконец, в настоящее время не проводится утилизация этих ламп.

Воспринимая электромагнитное излучение как негативный фактор, организм начинает расходовать больше энергии, что может привести к обострению хронических заболеваний, и, на общем фоне, ослабить защиту организма от вирусов. Ультрафиолетовое излучение (УФ) в небольших количествах оказывает положительное влияние. Под его действием в коже образуется меланин, воспринимающийся как загар и защищающий кожу от избыточного проникновения УФ. УФ обладает бактерицидным действием, т.е. снижает вероятность инфицирования, поэтому в медицинских учреждениях и учреждениях общественного питания ставят такие лампы. От недостатка УФ у детей развивается рахит, а у пожилых – остеопороз, это связано с тем, что под влиянием УФ в коже из провитамина образуется витамин Д. Но длительное действие УФ ускоряет старение кожи, создает условия для злокачественного перерождения клеток; УФ определенной длины волны поглощается внутри глаза, особенно в хрусталике, и приводит к различным повреждениям органов зрения (конъюнктивит, блефарит, катаракта и др.) [2].

На второй вопрос о введении курса «Экологии» пятеро психологов ответили – «никогда», трое студента ответили – «затрудняюсь ответить», восьмеро ответили – «в будущем», 2 ответа – «в ближайшем будущем» и лишь 1 ответ – «немедленно». Экономисты же ответили следующим образом: «никогда» ответил один человек, двое затруднились ответить, девятеро ответили – «немедленно», десять – «в ближайшем

будущем» и шесть – «в будущем». Таким образом, экономисты, которые не проходят курс «Экологии», считают, что этот предмет необходимо изучать. И, наоборот, у психологов, которые изучают этот предмет, вопросы экологии не вызывают явного интереса.

Ответственность в близкой среде обитания (R₂) включает следующие вопросы: I – необходимо ли введение уголовного наказания за жестокое обращение с домашними животными; II – введение обязательных неоплачиваемых работ для каждого горожанина по озеленению территории проживания, и III – введение индивидуальной сортировки бытовых отходов (в квартире).

На первый вопрос восемнадцать из девятнадцати психологов ответили – «немедленно», девятнадцать из двадцати четырех экономистов также ответили «немедленно». Здесь наблюдается единодушие: студенты обеих направлений считают, что дело здесь обстоит не очень хорошо, поэтому надо что-то решать и быстро. На самом деле за жестокое обращение с домашними животными в РФ, в соответствии с УК РФ от 13.06.1996г., полагается штраф до 80000 рублей, в РА, в соответствии с УК РА от 18.04. 2003г., – от 30 до 50-кратной суммы МРОТ. Но, как правило, эта статья не работает. В России пытаются криминализировать эту статью.

У психологов на второй вопрос об озеленении территории проживания наиболее популярный ответ – «в будущем» – восемь человек, у экономистов «немедленно» – девять человек и «в ближайшем будущем» – восемь человек. Т.е. есть понимание и готовность проводить мероприятия по улучшению окружающей среды.

На третий вопрос об индивидуальной сортировке бытовых отходов еще в квартире 7 ответов у психологов и 8 у экономистов – «немедленно», 5 – у психологов и 12 – у экономистов – «в ближайшем будущем». Т.е. также большинство готовы к сортировке мусора. Индивидуальная сортировка отходов в квартире осуществляется во многих странах: ЕС, Японии, США, Китае, ВБ и др. [3]. Но для этого необходимо со стороны государства создать условия для такой сортировки: производство специальных пакетов для разного рода мусора, разных мусорных ящиков и т.п.

Ответственность на региональном уровне (R₃) включает такие вопросы, как необходимы ли: I – общественная экологическая экспер-

тиза всех без исключения хозяйственных проектов; II – запрет на одноразовые полиэтиленовые пакеты; III – денежные штрафы, соизмеримые с прожиточным минимумом для каждого, кто вредит зеленым насаждениям; IV – аналогичные штрафы для тех, кто не убирает за собой мусор?

Восемь студентов-психологов и одиннадцать экономистов считают, что общественная экологическая экспертиза необходима немедленно, а семь психологов и девять экономистов – «в ближайшем будущем». Большинство отвечает грамотно: эта мера действительно необходима, и она проводится в соответствии с законодательством во всех развитых странах мира: в России – в соответствии с Федеральным законом «Об экологической экспертизе от 23 ноября 1995 года», а в Армении – в соответствии с законом «Об оценке и экспертизе воздействия на окружающую среду от 03.05.2023 года». Однако часто у нас в стране она проводится формально.

Второй вопрос – запрет на полиэтиленовые пакеты не вызывает особого энтузиазма у студентов-психологов, которые считают, что это возможно «в будущем» – восемь человек, по три человека выбрали остальные ответы. Студенты-экономисты считают, что необходимо вводить запрет «немедленно» – восемь человек, «в ближайшем будущем» – семь человек, «будущем» – шесть человек. Но необходимо отметить, что этот вопрос весьма актуален, ведь синтетические пакеты – это один из самых распространенных загрязнителей на планете. Они разлагаются в зависимости от материала в среднем за 300–700 лет, превращаясь в мельчайшие частицы, которые являются токсичными [4].

Третий вопрос о высоких денежных штрафах для тех, кто вредит зеленым насаждениям. Психологи считают, что надо вводить штрафы «немедленно» – шесть человек, «в ближайшем будущем» – пять человек, «в будущем» – четыре человека. Экономисты, в основном, считают, что надо вводить «немедленно» – пятнадцать человек, «в ближайшем будущем» – пять человек.

Четвертый вопрос о высоких денежных штрафах для тех, кто не убирает за собой мусор. Двенадцать психологов и семнадцать экономистов считают, что штрафы надо вводить «немедленно». Т.е. большинство студентов готово к тому, чтобы принять такой механизм регулирования рационального природопользования.

Очень высокие штрафы за экологические правонарушения сегодня существуют во многих странах: ЕС, Япония и др. В Сингапуре, в соот-

ветствии с «Постановлением о гигиене», за плевание на улице или выбрасывание жевательной резинки в общественных местах (улицы, парки, станции общественного транспорта) следует наказание штрафом от 300 сингапурских \$ (приблизительно 21 000 рублей) до 1000, за курение в общественном месте – 500 \$, за то, что бросил обрывок бумаги – 500 долларов, если едете в своей машине один и не подвозите кого-нибудь в целях уменьшения загрязнения города – штраф 500 \$. За каждое последующее правонарушение размер штрафов увеличивается [5]. С 1 августа 2024 годы в Гонконге за кормление голубей и других диких животных налагается штраф 12,8 тыс. \$ [6].

Ответственность на государственном уровне (R₄) включает следующие вопросы, имеет ли смысл: I – вводить всеобщий «экологический» налог для использования средств на защиту природы; II – ограничивать добычу нефти и газа; III – отказаться полностью от пестицидов и перейти на архаичные сельскохозяйственные методы?

За введение экологического налога «немедленно» выступают четыре психолога и шесть экономистов, «в ближайшем будущем» – пять психологов и тринадцать экономистов, «в будущем» – шесть психологов и четыре экономиста. (Здесь как бы такой налог нужен, но можно и отложить на будущее, т.е. не срочно). Сегодня «экологический налог» существует во многих экономически развитых странах. (Чтобы не пугаться, что это дополнительный налог, надо отметить, что при введении экологического налога, ровно на такую же величину общий налог снижают).

Семеро психологов и двенадцать экономистов считают, что «никогда» нельзя вводить ограничение на добычу нефти и газа. Несколько человек считают, что «в ближайшем будущем» или «будущем» это станет возможным. Радует, что, несмотря на агрессивную рекламу о замене нефти и газа зеленой энергетикой, молодежь понимает, что в ближайшее время это нереально.

К сожалению, что такое пестициды, «затруднились ответить» пятеро студентов психологического направления и восемь – экономического. Остальные ответы разнообразны, но разноречивы. Здесь нет понимания вопроса. (По этому поводу можно разъяснить, что пестициды – это ядохимикаты, которые применяются в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур, архаичные сельско-

хозяйственные методы для борьбы с вредителями оправдывают себя только в мелких хозяйствах. В крупных же – невозможно обойтись без пестицидов. Сегодня разработаны «пестициды нового поколения») [7], которые быстро разлагаются и не накапливаются в организмах. Кроме того, чтобы пестициды не приносили вред окружающей среде и человеку, пестициды надо применять в строго рассчитанных количествах. Вместо пестицидов можно применять модифицированные продукты, но что лучше, сказать трудно.

Ответственность на международном уровне (R₅) включает вопросы, необходимо ли вводить запрет: I – на космические полёты в туристических целях; II – на выпуск легковых машин с двигателями объемом более 2 литров. III вопрос звучит так: необходимо ли введение для граждан лимита на длительность отдыха на морских побережьях.

Вот в этих вопросах видна разница в мышлении гуманитариев и прагматиков.

На первый вопрос о запрете полетов в космос у психологов ответы распределились следующим образом: «немедленно» ответило шесть человек, «в ближайшем будущем» – четыре человека, «будущем» – два человека, «никогда» – четверо и «затруднились ответить» – три человека. У экономистов «никогда» ответило тринадцать человек, «в ближайшем будущем» – четыре, «в будущем» – шесть человек. Если у психологов мнения разделились, то у экономистов большинство считает, что запрещать это не надо никогда или когда-нибудь (ведь это приносит прибыль, и позволяет человеку пользоваться природными объектами, несмотря ни на что).

На второй вопрос о запрете машин с двигателем более 2-х литров, у психологов больше всего ответов – «никогда» – семь человек, у экономистов – двенадцать, «затруднились ответить» на этот вопрос у психологов – четыре человека, у экономистов – пять, все остальные считают, что когда-нибудь в будущем можно и запретить более мощные машины, но все-таки понимания, что это необходимо сделать у большинства студентов нет.

Полное непонимание роли пляжей для существования Природы и Человека вызвал третий вопрос о введении лимита на длительность отдыха на морских побережьях. И психологи и экономисты в большинстве своем ответили, что не надо вводить лимит «никогда», психологи –

шесть человек, экономисты – семнадцать. У психологов было еще 6 ответов об ограничении использования пляжей «в будущем». (Нежелание ограничивать использование пляжей говорит о том, что студенты не понимают роли пляжей: по-видимому, все считают, что пляжи созданы для отдыха людей). Однако пляжи – это уязвимая экосистема, она является местообитанием многих существ, галька и песок на пляжах защищают сушу от эрозии и наводнений. Недаром Совет Кемберленда на севере Англии объявил, что людям, уносящим гальку с пляжей грозят штрафы до 1000 фунтов стерлингов [8].

Лимит на роскошь (R_6) включает вопросы о том, необходимо ли вводить запрет: I – на охоту и рыболовство как развлечение; II – на частные яхты и самолеты; III – на самовольный (без соответствующих разрешений) ввоз или вывоз любых животных и растений из страны в страну.

У психологов ответы на первый вопрос о запрете охоты и рыболовства как развлечения распределились таким образом: на вопрос «немедленно» ответило четыре человека, «в ближайшем будущем» – пять, «в будущем» – пять, «никогда» – два, затруднились ответить – три человека. У экономистов десять студентов третьего и четвертого курсов (из 12) ответили «никогда» не надо запрещать, и шесть студентов второго курса (тоже из 12) ответили – запретить «немедленно», а «никогда» не запрещать – такого ответа не было. Второй курс пока не дорос до прагматизма старших курсов. Любительские охота и рыболовство, в соответствии с законом РФ «О животном мире от 24.04.1995г.», а в Армении, в соответствии с одноименным законом от 03.04.2000г., разрешается с определенными ограничениями по масштабу, по оружию лова, по месту проведения и т.д.

На второй вопрос о запрете на частные яхты и самолеты больше всего ответов «никогда»: у психологов – двенадцать человек, у экономистов – тринадцать. Затруднились ответить на этот вопрос у психологов – двое, у экономистов – четыре человека. Остальные ответы собрали по одному или два человека. Большинство студентов считает, что нельзя ограничивать свободу человека, но что это вредит окружающей среде не догадываются. А урон Природе по правилу экологического бумеранга вернется к человеку через загрязнение окружающей среды в виде болезней, исчезновения природных ресурсов и др.

На третий вопрос о запрете ввоза и вывоза растений и животных из страны в страну и психологи (10 человек) и экономисты (10 человек) ответили «никогда», у психологов ответ «в будущем» выбрали пять человек, «затрудняюсь ответить» у психологов – один, у экономистов – пять человек. То есть подтверждается желание студентов ничего не запрещать.

Заключение

Таким образом, мы выявили, что ответственность на персональном уровне, близкой среде обитания и региональном уровне «на хорошо» осознается всеми студентами. Но на международном уровне, а также в лимите на роскошь ответственность падает, особенно резко у экономистов. Чаще всего ответы здесь – «никогда не запрещать». Всего у всех студентов на все ответы 32 раза у психологов и 36 раз у экономистов звучало «затрудняюсь ответить», что говорит о недостаточной экологической образованности. Этот ответ касался вопросов о пестицидах, с чем связаны запреты, о которых говорилось в тесте, почему нужны ограничения на роскошь и пр. Поэтому необходимо изучать курс «Экологии», с чем не все студенты согласны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панов В.И., Мдивани М.О., Кодесс П.Б., Лидская Э.В., Хисамбеев Ш.Р.* Экологическое сознание, теория, методология, диагностика // «Психологическая диагностика», № 1, 2012. С. 115.
2. Unian.net/ecologi/trash/1108090
3. [Media.s7ru.ru/blog/recycling word](http://Media.s7ru.ru/blog/recycling-word)
4. [Google.com/search?q=полимерные пакеты](http://Google.com/search?q=полимерные+пакеты)
5. Постановление о гигиене. Environmental public Health Act EPA
6. Tass.ru/ekonomika/
7. [Infainlustria.com.ua/razrabotan novi ...](http://Infainlustria.com.ua/razrabotan-novi-...)
8. Hi-tech.mail.ru/neus/.....галька.

REFERENCES

1. *Panov V., Mdivani M., Kodess P., Lidskaya E., Khisambeyev Sh.* Ecological Consciousness: Theory, Methodology, Diagnostics // “Psychological Diagnostics”, No. 1, 2012. P. 115.

2. Unian.net – Ecological/Trash Section.
3. S7 Airlines Media Blog – Recycling Word. Available at: [s7ru/ru/blog/recycling word].
4. Google search: «полимерные пакеты».
5. Hygiene Regulation – Environmental Public Health Act (EPA)
6. TASS – Economics Section.
7. Infoindustria.com.ua – New developments in ... [exact title needed].
8. Hi-tech.mail.ru – ...*залька* [exact article not fully available].

ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY – ONE OF THE CHARACTERISTICS OF ENVIRONMENTAL CONSCIOUSNESS

I. Nikolaeva, A. Berberyan

Russian-Armenian (Slavonic) University

ABSTRACT

In this work we investigate the relationship between human activity and its responsibility to nature and humanity. Consideration of human attitudes towards environmental protection, from the natural to the most radical, and how urgent it is to implement them.

Keywords: environmental responsibility, environmental protection, habitat, energy conservation, ecological consciousness.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ДЕТСКОГО ИНФАНТИЛИЗМА У УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ И ИХ ОДНОКЛАССНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А.В. Оганесян, Н.Г. Асатурян

Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна

г. Ванадзор, Республика Армения

anarobaren@mail.ru, nazeliasatryan947@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что современные исследования в области психологии и педагогики показывают, что детский инфантилизм представляет собой значимую проблему в образовательной среде, особенно среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР. Данное явление проявляется в замедлении развития эмоционально-волевой сферы, в отставании в развитии познавательной сферы, недостаточной самостоятельности, трудностях адаптации и социальной интеграции. *Актуальность* данной работы обусловлена необходимостью изучения особенностей детского инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с различными формами ЗПР и разработки эффективных методов коррекционной работы.

Ключевые слова: инфантилизм, задержка психического развития, учащиеся начальных классов, педагогика и психология.

Введение

Актуальность исследования. Проблема детского инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР остается актуальной, поскольку эти дети сталкиваются с трудностями в психофизическом развитии. Эти трудности могут отражаться в задержке психоэмоционального и социального развития, что, в свою очередь, приводит

к проявлениям инфантилизма – незрелости в поведении и восприятии, зависимость от внешней опеки, трудности в установлении межличностных контактов. Данные особенности могут существенно ограничивать их адаптацию в образовательной среде и социальной жизни в целом.

Научная новизна исследования заключается в анализе и систематизации проявлений детского инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР, что позволит выделить особенности и механизмы его формирования в данной возрастной группе. Исследование также предлагает разработку методических рекомендаций для педагогов и психологов, направленных на коррекцию инфантилизма у таких детей с учетом их специфики. Для данного направления недостаточно изучены детализированные аспекты этого феномена именно в контексте учащихся начальной школы обучения с учащимися данного возраста с ЗПР.

Гипотеза исследования предполагается, что проявления детского инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР обусловлены не только физиологическими особенностями, но и социальными, педагогическими, психологическими факторами, а также другими недостатками в развитии, которые могут быть скорректированы с помощью специально подобранных педагогических и психокоррекционных методов. Влияние комплексного подхода в коррекции инфантилизма будет способствовать улучшению социальной адаптации и психологического состояния детей. **Целью исследования** является выявление специфики проявлений инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР, а также разработка рекомендаций для коррекционной работы с ними в образовательном процессе.

Задачи исследования: 1. Изучить теоретические подходы к понятию детского инфантилизма в психологии и педагогике. 2. Проанализировать проявления детского инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР. 3. Составить вопросник родителям для выявления факторов влияющих на развитие детского инфантилизма у учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР. 4. Разработать методы коррекции детского инфантилизма у учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР. Оценить эффективность предлагаемых методов в образовательной практике.

Теоретические основы детского инфантилизма

Понятие детского инфантилизма охватывает широкий спектр проявлений, связанных с незрелостью психического развития ребенка. Французские психиатры **Ж. Лоран** и **Э. Лассег** в конце XIX века ввели термин инфантилизм (лат. “infantilis” – детский) для обозначения особой задержки психофизического развития, которая возникает под воздействием различных инфекций и интоксикаций и проявляется в облике страдающих данной патологией. Таким образом, инфантилизм можно определить как «целостную структуру физических и психических признаков незрелости, не свойственных данному возрасту «детскости» [3.68].

В психологии и педагогике различают несколько подходов к объяснению данного феномена: **М.С. Певзнер** (1966) считает, что у детей начальных классов наибольшее число с **психофизическим инфантилизмом составляют дети с другими недостатками в развитии – это эмоционально-волевая сфера, познавательная деятельность, нарушение функций речи.**

К.С. Лебединской (1980) предложена классификация ЗПР:

а) **ЗПР конституционального происхождения:** когда эмоционально-волевая сфера находится как бы на более ранней ступени развития, во многом напоминая нормальную структуру эмоционального склада детей более младшего возраста;

б) **ЗПР соматогенного происхождения:** проявляется ослабленностью организма на генетическом уровне: – аллергией, пороками сердца, капризами, низкой самооценкой;

в) **ЗПР психогенного происхождения:** *гипоопека*, когда на ребенка обрушиваются нервнотравмирующие действия, когда страдают наиболее благоприятные периоды развития психики. *Гиперопека* со стороны родителей довольно часто встречается: родители берут на себя все проблемы своего ребенка, лишая его самостоятельности, желания быть активным, уметь преодолевать трудности [3, 73].

Психоаналитический подход (З. Фрейд, Э. Эриксон): инфантилизм рассматривается как следствие фиксации на ранних стадиях развития [1, 26–27].

Когнитивный подход (Л.С. Выготский): Ж. Пиаже подчеркивает недостаточное развитие мыслительных операций и механизмов саморегуляции [1, 24–25].

Социокультурный подход (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин): объясняют инфантилизм через социальные и образовательные факторы, влияющие на ребенка. Согласно **Д.Б. Эльконину**, все детство разделяется на 3 этапа. Переход от одного этапа к другому происходит в результате кризиса, в котором разрешается движущее противоречие между уровнем развития двух сфер: развитые операционно-технические способности не соответствуют наличествующей мотивационной сфере ребенка. Каждый этап состоит из двух периодов, различающихся тем, какая система является преобладающей: первый период внутри каждого этапа связан с развитием мотивационно-потребностной сферы, а второй – операционно-технической. Кризис при переходе от одного периода к другому внутри этапа связан с несоответствием сформировавшихся мотивов и потребностей с теми возможностями реализации деятельности, которые есть у ребенка [2]. Исследования **А.Н. Леонтьева** были связаны с необходимостью «вынести внутренние процессы наружу и проследить их во внешней деятельности». Основной теоретический вывод, по А.Н. Леонтьеву, заключается в том, что развитие значений (обобщений) у ребенка не могут объяснить ни «...указание на факт непосредственного столкновения ребенка с миром вещей, ни указание на факт общения, сотрудничества и подражания» [3, 178]. А.Н. Леонтьев главным считает то, что это, прежде всего, организованная взрослым обобщающая деятельность ребенка, которая вначале всегда носит предметно-практический характер [3, 324–347].

Чарльз Вернар и его коллеги считают, что «...многие дети с аутизмом страдают задержкой психического (умственного) развития (ЗПР). Следовательно, отклоняющиеся функции, которые характеризуют умственную отсталость, нельзя считать существенными для объяснения определяющих особенностей аутизма» [1, 87].

Факторами, способствующими развитию инфантилизма являются:

- 1) *биологические* (перинатальные поражения ЦНС, генетические заболевания),
- 2) *социальные* (гипоопека, гиперопека, отсутствие самостоятельности, ограниченность социальных контактов),
- 3) *педагогические* (отсутствие адаптированных методик обучения, недостаточное развитие саморегуляции у ребенка).

Наше исследование опиралось на данные диагностики Регионального Центра психолого-педагогической поддержки (Лорийская область

РЦПП) детей начального обучения. Исследование проводилось среди 50 учащихся 7–8 лет в № 6 основной школе имени С. Шаумяна в городе Ванадзор Республики Армения. Выборка включала учащихся начальных классов и их одноклассников с задержкой психического развития (ЗПР). Диагностика проводилась в 2024–2025 учебном году и охватывала следующие исследуемые сферы: 1. **Эмоционально-волевая сфера** – особенности поведения в стрессовых ситуациях: плачет, злится, проявляет способность к саморегуляции. 2. **Поведенческие особенности** – степень самостоятельности, инициативности, склонность к подчинению. 3. **Коммуникативные навыки** – способность устанавливать и поддерживать социальные контакты, уровень зависимости от взрослых. 4. **Учебная деятельность** – выполнение заданий, уровень концентрации внимания, познавательная активность. 5. **Бытовые навыки** – способность к самообслуживанию и выполнению повседневных обязанностей. 6. **Игровая деятельность** – включенность в игровые процессы, характер игровой активности.

Результаты диагностики

Анализ ответов на опросник

Анализ опросника для родителей «Проявления детского инфантилизма среди учащихся начальных классов и их одноклассников с ЗПР»:

1. **Эмоционально-волевая сфера** из 50 учащихся 15 имеют **выраженный инфантилизм**, что подтвердили данные РЦПП Лорийской области, а из 35 учащихся у 2, не имеющих ЗПР, выявлен **умеренный уровень** детского инфантилизма **эмоционально-волевой сферы**: трудности при общении со сверстниками, предпочитают детей младше себя, самостоятельно не справляются с эмоциями, когда что-то не получается, капризничают при неудачах, ищут защиты и помощи у взрослых в ситуациях, с которыми их сверстники уже справляются сами.

2. **Поведенческие особенности**: из 50 учащихся 14 имеют **выраженный инфантилизм**, из 35 учащихся 2, не имеющих ЗПР – **умеренный инфантилизм**: недостаточную самостоятельность, выраженную зависимость от мнения взрослых и трудности с принятием собственных решений. В повседневных делах уклоняются от выполнения поручений, проявляют упрямство без объективных причин.

3. **Коммуникативные навыки**: 11 учащихся имеют **выраженный инфантилизм**, а из 35 учащихся у 3, не имеющих ЗПР, выявлен **минимальный уровень** инфантилизма, **который связан с трудностями адаптации и социальной интеграции**, трудно понимают правила групповых игр, имеют трудности в адаптации к школе, предпочитают играть с младшими, избегают общения, не любят сотрудничать с одноклассниками.

4. **Учебная деятельность**: из 50 учащихся 14 имеют **выраженный инфантилизм**: учащиеся не имеют усидчивости, ждут постоянной помощи со стороны учителя или родителей, быстро теряют интерес к начатому делу, пассивно воспринимают учебную деятельность.

5. **Бытовые навыки** из 50 учащихся 15 имеют **выраженный инфантилизм**: самостоятельно не могут подготовиться к школе, выступлению, самостоятельно не могут следить за собой (одеваться, убираться).

6. **Игровая деятельность** из 50 учащихся 12 имеют **выраженный инфантилизм**: разочаровываются, когда что-то не получается, любят «погружаться» в свой мир. Детский инфантилизм у младших школьников с задержкой психического развития (ЗПР) проявляется в различных

сферах: эмоционально-волевой, поведенческой, коммуникативной, учебной, бытовой и игровой деятельности.

Из 35 учащихся 7–8 лет выявлены: 1) **Умеренный уровень** детского инфантилизма у 2 учащихся начальных классов **эмоционально-волевой сферы**. 2) **Поведенческие особенности**: из 35 учащихся 2 имеют **умеренный инфантилизм**: недостаточную самостоятельность, зависимость от мнения взрослых и трудности с принятием собственных решений. 3) **Трудности адаптации и социальной интеграции**. **Минимальный уровень** инфантилизма у 3 учеников: трудно понимают правила групповых игр, имеют трудности в адаптации к школе.

Уровень детского инфантилизма в % от общего числа (50 учащихся) показан на Табл.1.

Таблица 1.

Уровень инфантилизма	Балльная оценка ответов	% от общего числа (50)
Выраженный	1 – инфантильное поведение	27 %
Умеренный	2 – промежуточное поведение	6 %
Минимальный	3 – соответствующее возрастной норме	67 %

Методические рекомендации психологам и педагогам по коррекционной работе с учащимися 7–8 лет, проявляющими признаки детского инфантилизма

1. Развитие эмоционально-волевой сферы. Выявленные трудности: замедленное развитие эмоционально-волевой сферы у 15 учащихся, а также у 2 учащихся, не имеющих ЗПР.

Рекомендации. Использовать игровые методики для развития эмоционального интеллекта (игры на выражение и распознавание эмоций, ролевые игры). Включать упражнения на развитие самоконтроля и выдержки (например, «Задуй свечу», «Стоп-игра»). Проводить тренинги на развитие уверенности и способности управлять эмоциями. Включать упражнения на осознание эмоций и их регуляцию через арт-терапию (рисование, лепка, музыка). Создавать ситуации успеха, поощряя положительные проявления самостоятельности и самоконтроля.

2. Коррекция поведенческих особенностей. Выявленные трудности: поведенческие особенности у 14 учащихся, а также у 3 учащихся, не имеющих ЗПР: недостаточная самостоятельность у учащихся.

Рекомендации. Применять метод поэтапного формирования самостоятельных действий (от простых к сложным). Включать задания на самоконтроль и самоорганизацию (планирование дня, простые домашние поручения). Систематически повышать уровень ответственности, привлекая детей к коллективной работе (дежурство, помощь младшим). Применять методику «малых шагов», поощряя даже небольшие достижения в самостоятельности. Использовать прием «учитель-ученик», когда ребенок объясняет или учит другого.

Рекомендации. Внедрение четких и понятных правил поведения с поощрением их соблюдения. Использование техник позитивного подкрепления за желательное поведение. Развитие умений прогнозировать последствия своих действий через обсуждения и ролевые игры. Проведение индивидуальных занятий по саморегуляции и контролю импульсивности.

3. Коррекция поведенческих особенностей. Выявленные трудности: поведенческие особенности у 14 учащихся, а также у 2 учащихся, не имеющих ЗПР.

Рекомендации. Организовывать групповые тренинги на развитие коммуникативных навыков (развитие диалогов, участие в коллективных играх). Включать детей в совместные проекты и командные виды деятельности. Проводить беседы и ролевые игры на тему дружбы, правил общения и разрешения конфликтов. Формировать положительную самооценку через похвалу и поддержку в социальных взаимодействиях. Работать с родителями, обучая их методам поддержки ребенка в социальной адаптации.

4. Улучшение учебной деятельности. Выявленные трудности: трудности в учебной деятельности у 14 учащихся.

Рекомендации. Использовать адаптированные программы и индивидуальный подход к обучению. Внедрять методы наглядности, практико-ориентированные задания и игровые технологии. Развивать навыки концентрации внимания через специальные упражнения. Вовлекать родителей в учебный процесс и контролировать выполнение домашних заданий. Поощрять за небольшие достижения, создавая мотивацию к учебе.

5. Развитие бытовых навыков. Выявленные трудности: трудности в бытовых навыках у 15 учащихся.

Рекомендации. Включать детей в бытовую деятельность через игровые задания (например, «Помоги маме»). Формировать алгоритмы действий при выполнении повседневных задач. Обучать элементарным навыкам самообслуживания через моделирование ситуаций. Организовывать практические занятия по бытовым умениям (одевание, уборка, сервировка стола). Создавать позитивное подкрепление за успешное выполнение бытовых задач.

6. Развитие игровой деятельности. Выявленные трудности: Трудности в игровой деятельности у 12 учащихся.

Рекомендации. Организовывать ролевые и сюжетные игры для развития воображения и взаимодействия. Использовать настольные игры для тренировки внимания, логики и взаимодействия в группе. -Формировать умение соблюдать правила игры через систематические занятия. Включать педагогов и родителей в совместные игровые занятия. Стимулировать игровые инициативы детей и поощрять их участие в коллективных играх.

Заключение

Эффективная коррекционная работа предполагает комплексный подход, включающий игровые методики, работу в коллективе, вовлечение родителей и развитие самостоятельности детей. Данные рекомендации помогут педагогам и психологам повысить социальную и учебную адаптацию учащихся, проявляющих признаки детского инфантилизма. Проведенное исследование подтвердило гипотезу о том, что проявления детского инфантилизма у учащихся начальных классов обусловлены сочетанием физиологических, социальных и педагогических факторов. Дети с ЗПР демонстрируют более выраженные признаки инфантилизма по сравнению с их одноклассниками.

Практические рекомендации. **Ранняя диагностика и коррекция** – своевременное выявление признаков инфантилизма помогает разработать индивидуальные программы поддержки. **Комплексный подход** – сочетание педагогических, психологических и социальных методов способствует успешной адаптации детей. **Разработка методических реко-**

мендаций – исследование поможет предложить эффективные стратегии коррекционной работы с учащимися с ЗПР.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных данных для совершенствования образовательного процесса в школах, работающих с учащимися начальных классов и их одноклассниками с ЗПР. Разработанные методические рекомендации помогут педагогам и психологам эффективно проводить диагностику и коррекцию инфантилизма у младших школьников, что обеспечит их более успешную адаптацию в образовательной и социальной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вернар Ч., Кериг П.* Психопатология развития детского и подросткового возраста / 5-е международное издание / СПб.: «Прайм-Еврознак», М.: «Олма-Пресс», 2004. С. 382.
2. *Выготский Л.С.* Проблема возраста // Собр. соч.: В 6-ти т. М.: «Педагогика». Т. 4. 1982–1984.
3. *Гудкова Т.В.* Основы специальной педагогики и психологии: учебное пособие / Т. В. Гудкова. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2007, 188с.

REFERENCES

1. *Vernar Ch., & Kerig P.* (2004). Developmental Psychopathology of Childhood and Adolescence (5th International ed.). St. Petersburg: “Prime-Euroznak”; Moscow: “Olma-Press”. P. 382.
2. *Vygotsky L.* (1982–1984). The Problem of Age // In Collected Works (Vol. 4). Moscow: “Pedagogy Publishers”.
3. *Gudkova T.* (2007). Fundamentals of Special Pedagogy and Psychology: Textbook. Novosibirsk: Publishing House of NSPU. 188p.

FEATURES OF CHILDISH INFANTILISM MANIFESTATION IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS AND THEIR CLASSMATES WITH DELAYED MENTAL DEVELOPMENT

A. Oganesyan, N. Asatryan

*Vanadzor State University named after O. Tumanyan
Vanadzor, Republic of Armenia*

ABSTRACT

This article discusses the fact that modern research in psychology and pedagogy shows that childish infantilism is a significant issue in the educational environment, especially among primary school students and their classmates with delayed mental development (DMD). This phenomenon manifests in delayed development of the emotional and volitional sphere, cognitive underdevelopment, insufficient independence, and difficulties in adaptation and social integration. The relevance of this study is determined by the need to examine the specific features of childish infantilism among primary school students and their classmates with various forms of DMD, as well as to develop effective methods of correctional work.

Keywords: infantilism, delayed mental development, primary school students, pedagogy, psychology.

ВОСПРИЯТИЕ ИИ КАК СОВЕТЧИКА В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ ЖИЗНЕННЫХ РЕШЕНИЙ

М.М. Одинцова, М.В. Макарова

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
semenovamaria58@gmail.com, m.v.makarova@spbu.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что Искусственный Интеллект (ИИ) становится неотъемлемой частью повседневной жизни, проникая в различные сферы, включая медицину, образование, финансы и личное консультирование. *Целью исследования* стало изучение восприятие ИИ как советчика в процессе принятия жизненных решений, учитывая такие аспекты, как доверие, эмпатичность и безоценочность. Исследование состояло из двух этапов: на первом этапе проводились полуструктурированные интервью с экспертами ($N = 7$) для выявления ключевых переменных, а на втором этапе было проведено анкетирование ($N = 66$) для проверки готовности людей использовать ИИ в принятии решений. Результаты показали, что большинство людей с высшим образованием предпочитают принимать важные жизненные решения самостоятельно, не доверяя их ИИ. Доверие к ИИ растет по мере упрощения задачи, но в вопросах, касающихся личных и жизненно важных решений, люди остаются скептическими. Эмпатичность является важной составляющей при принятии решения о характере взаимодействия с ИИ. Безоценочность ИИ воспринимается как важный, но не основной критерий доверия. Исследование подчеркивает необходимость дальнейшего изучения этических и психологических аспектов взаимодействия человека с ИИ.

Ключевые слова: психология личности, принятие решений, доверие, искусственный интеллект, советчик.

Введение

С развитием технологий Искусственный Интеллект (ИИ) становится неотъемлемой частью повседневной жизни, проникая в различные

сферы [1]. Одной из ключевых областей применения ИИ является помощь в принятии решений, что делает его потенциальным «советчиком» для человека. Однако, несмотря на растущую популярность ИИ, его роль в принятии жизненно важных решений вызывает множество вопросов, связанных с доверием, этикой и психологическими аспектами взаимодействия человека с машиной. *Актуальность данной проблемы* обусловлена тем, что ИИ все чаще используется для анализа сложных данных, прогнозирования и рекомендаций, что ставит под сомнение традиционные механизмы принятия решений и требует глубокого изучения.

Основная часть

Исследования показывают, что доверие к ИИ является одним из ключевых факторов, влияющих на его эффективность в роли советчика [2, 8,10]. Однако проблема предвзятости алгоритмов, вызванная некачественными данными или ошибками в обучении моделей, осталась актуальной, что вызывает ряд затруднений и может усугубить социальные и этические проблемы – такие, как дискриминация и неравенство [6], эйджизм и красота [4], «галлюцинации» непреднамеренного текста на основе глубокого обучения моделей [3].

Еще одним важным аспектом в изучении доверия и отношения к ИИ, как к советнику, является антропоморфизация ИИ – склонность людей приписывать машинам человеческие качества. Антропоморфизм ИИ связан с уровнем доверия, помогает предсказывать поведение, но реальные последствия для психологического благополучия пока не до конца изучены [7, 9].

Таким образом, изучение восприятия ИИ, как советчика в процессе принятия жизненных решений, требует междисциплинарного подхода, учитывающего как технические, так и психологические аспекты. *Целью нашего исследования* является изучение восприятия ИИ как советчика в процессе принятия жизненных решений.

Наше исследование проводилось в несколько этапов. Цель первого этапа – изучение существующих представлений об ИИ и его роли в принятии решений, а также выявление ключевых переменных для дальнейшего количественного исследования. Второй этап – изучение

готовности людей обращаться к ИИ в ситуации принятия жизненных решений, основываясь на выявленных в первом этапе параметрах.

На первом этапе исследования нами разработанное полуструктурированное интервью было подвергнуто экспертной оценке с целью формирования понимания существующих представлений об ИИ и его роли в принятии решений, а также выявления потенциальных переменных для дальнейшего количественного исследования. Для 7 экспертов были сформулированы 6 блоков вопросов: опыт использования ИИ в повседневной жизни; восприятие ИИ как «человека» (антропоморфизация); оценка объективности, надежности и доверия к ИИ; готовность использовать ИИ для принятия жизненных решений; преимущества и недостатки использования ИИ; понимание «безоценочности». Экспертами являлись сотрудники вузов (3) и коммерческих компаний (2), психологи-консультанты (2). Среди них – 3 женщины и 4 мужчины (возраст $M = 36,5$), все с высшим образованием. Основным критерий отбора экспертов заключался в частоте использования ИИ в профессиональной и повседневной жизни. Выборка набиралась методом «снежного кома». Данные подвергались качественному анализу, с использованием процедуры тематического анализа, контент-анализа и частотного анализа.

По результатам качественного анализа полуструктурированных интервью, мы выяснили, что 30% экспертов используют ИИ несколько раз в неделю, 50% экспертов используют ИИ несколько раз в день, остальные – несколько раз в месяц. Большинство экспертов не испытывают сильного ощущения общения с чем-то человекоподобным, но признают наличие некоторых «человеческих» черт – таких, как доброжелательность, непредубежденность. Чаще всего упоминаются осведомленность и креативность (80%), при этом считали, что эти качества являются скорее иллюзией, созданной алгоритмами, чем реальным проявлением человеческих характеристик. Вместе с тем, некоторые эксперты отмечают, что даже иллюзорное проявление человеческих качеств может повысить уровень доверия (85%). Эмоциональность и сочувствие, которые приписываются ИИ, оцениваются как высоко воспринимаемая эмпатичность (70%). Эксперты проявляют низкую готовность использовать ИИ для принятия важных жизненных решений (20%) или использовать с осторожностью (30%). Они отмечают, что потребность человека решать жизненные задачи при помощи ИИ может быть связана с

проблемами в коммуникативной сфере, высокой невротизацией (75%). Некоторые эксперты обозначили свою личную уязвимость в принятии такой готовности: *«Я целенаправленно останавливаю себя от более частого использования ИИ. Принятие советов от ИИ по важным решениям в жизни с учетом моих особенностей – это перебор»*.

«Безоценочность» определяется экспертами как предоставление информации без личных оценок и предвзятости, основанное на объективных данных. Однако эксперты сомневаются в полной объективности и беспристрастности ИИ из-за влияния человеческих факторов на алгоритмы (90%). Часть экспертов сомневается в реальном отсутствии безоценочности, хоть и отмечают то, что в моменте взаимодействия с ИИ оценка самой личности отсутствует (50%). В контексте принятия жизненных решений большинство экспертов полагают, что безоценочность не является ведущим критерием доверия к ИИ (75%).

Таким образом, экспертный анализ выявил три ключевых, взаимосвязанных аспекта восприятия ИИ, определяющих готовность его использования в принятии решений: доверие, эмпатичность и безоценочность. Частота использования ИИ может быть индикатором доверия: более частое использование является свидетельством большего доверия. Готовность использовать ИИ для принятия решений тесно связана с уровнем доверия. Эмпатичность, по мнению экспертов, не является решающим фактором (большинство не видят в ИИ человека), а восприятие «человеческих» черт (даже иллюзорных) может влиять на доверие. Безоценочность не воспринимается как гарантия объективности (осознание влияния человеческих факторов и коммерческих интересов на алгоритмы).

На втором этапе исследования была разработана опросная форма, целью которой было создание отдельных шкал для каждого параметра (доверие, эмпатичность, безоценочность), учитывающие аспекты, выявленные в ходе экспертного анализа. Использовался метод анкетирования – респондентам было предложено оценить высказывания по шкале Лайкерта (от 1 до 7, где 1 – «абсолютно не согласен», а 7 – «совершенно согласен»), а также ответить на ряд открытых вопросов о трех описанных выше параметрах. Таким образом, опросная форма состояла из 4 блоков:

- ✓ блок вопросов для сбора социально-демографических данных (5 вопросов с выбором ответа);

- ✓ блок вопросов о доверии к ИИ (4 вопроса с оценкой по шкале согласия и 1 открытый вопрос);
- ✓ блок вопросов о стремлении к эмпатичному контакту с ИИ (4 вопроса с оценкой по шкале согласия и 1 открытый вопрос);
- ✓ блок вопросов об оценке объективности ИИ во взаимодействии (3 вопроса с оценкой по шкале согласия и 1 открытый вопрос).

Выборку исследования составили 66 человек ($M = 28,4$, $SD = 6,1$), 18 мужчин (27% выборки) и 48 женщины (73% выборки), преимущественно жители Санкт-Петербурга, с окончанным высшим образованием. Большинство респондентов достаточно часто прибегают к чат-ботам и/или инструментам ИИ. Так, 22% (14 человек) сообщили: «обращаюсь к ИИ не только за информацией, но и за советом в принятии решений в своей жизни»; 60% (40 человек) – «обращаюсь к чат-боту за информацией или созданием текстов»; и всего 18% (12 человек) – «почти никогда не контактировал с ИИ, для меня в этом нет необходимости».

Результаты оценок суждений представлены в Табл. 1. По первому компоненту опросной формы, а именно доверию к ИИ – не однозначно, но все же больше к недоверию, поскольку средний балл на вопросы на такие вопросы как «В случае если бы решение повседневных трудностей можно было возложить на ИИ, я бы с радостью это сделал?» – 3,9. При этом с утверждением «При получении информации/ответов на мои запросы к ИИ – я их тщательно обдумываю и проверяю верность для меня?» 85% выборки согласно (от 5 до 7 баллов).

Таблица 1.

Результаты анкетирования об отношении к ИИ

Вопрос	Среднее	Мода	Число ответов с оценкой 5 и выше (N= 66)	Процент от общей выборки с оценками 5 и выше
1. При поиске информации ответ, сгенерированный чат-ботом на мой запрос, меня полностью удовлетворяет, и я доверяю предоставленной им информации.	4,0	5	28	42%

2. В случае, если бы решение повседневных трудностей можно было возложить на ИИ, я бы с радостью это сделал.	3,9	5	30	45%
3. В случае, если бы важные для меня жизненные решения можно было возложить на ИИ, я бы с радостью это сделал.	2,5	1	10	15%
4. При получении информации/ответов на мои запросы к ИИ – я их тщательно обдумываю и проверяю верность для меня.	5,7	7	56	85%
1. При вводе информации и «общении» с ИИ (например, в чат-боте) я ощущаю, что меня понимают и слушают.	3,5	1	22	33%
2. Иногда мне просто важно с кем-то поделиться скопившимися чувствами и опытом, и тогда я обращаюсь к ИИ.	2,2	1	12	18%
3. Мне важно, чтобы мой собеседник и советчик (будь то человек или ИИ) был эмпатичным.	5,6	6	54	82%
4. После получения информации/иного взаимодействия от ИИ (чата GPT), я готов/готова написать «Спасибо» в ответ.	4,7	7	40	61%
1. Мне нравится, что во многих вопросах ИИ как советник может быть объективным.	4,7	4	38	58%
2. ИИ беспристрастно может оценить предоставленную ей мою жизненную ситуацию.	3,8	4	22	33%
3. Если сравнивать с человеком, то решения жизненных неурядиц, предложенные ИИ, будут более объективны.	3,5	5	24	36%

Эмпатия тоже отсутствует, при этом присутствует чувство благодарности (то есть ощущение одностороннего контакта, как игра в одни ворота). Даже с суждением «Иногда мне просто важно с кем-то поделиться скопившимися чувствами и опытом, и тогда я обращаюсь к ИИ» согласны от части лишь 18% выборки. При этом важно отметить, что выразить благодарность в ответ на полученную от ИИ информацию готовы 61% выборки.

ИИ может рассматриваться как советник, однако не в случае жизненных ситуаций (около 60% респондентов согласны (от 5 баллов до 7) с суждением о том, что во многих вопросах ИИ как советник может быть объективным). То есть – как источник советов по рутинным задачам, но не жизненным решениям и проблемам. Не более 36% респондентов от 5 до 7 оценивают и, соответственно, согласны с утверждениями об объективности и беспристрастности ИИ в случае предъявления ему жизненной ситуации или проблемы для оценки.

По результатам анализа ответов на открытые вопросы относительно объективности ИИ в решении жизненных задач самой многочисленной стала группа с условным «Категорическим неприятием» (48%) (ответы «никаких», «решений никаких», «не доверила бы», и др.). Респонденты группы категорически отказываются доверять ИИ принятию каких-либо решений, особенно жизненно важных. Основные причины: желание самостоятельности, личная ответственность за решения, недоверие к технологиям, предпочтение советов от близких.

Следующая группа «ИИ как помощник в рутинных и специализированных задачах» (33%) готовы делегировать ИИ выполнение рутинных, простых, или требующих специальных знаний задач, но при этом сохраняют за собой право принятия окончательного решения. Примеры: бытовые вопросы (что приготовить), планирование (маршрут), учебные задачи (написание реферата, анализ данных), творческие задачи (подбор цветовой гаммы, генерация идей), технические задачи (написание кода, таблиц), разбор сложных процессов (юридическая плоскость).

В отрывках вопросах относительно эмпатии во взаимодействии с ИИ было выявлено, что около половины респондентов (42%) подчеркивает, что совершенно не ощущает эмпатии в общении с чат-ботом. Причинами они называют: осознание, что это машина/алгоритм, отсутствие у ИИ чувств и эмоционального интеллекта, обезличенность общения,

формальность ответов, повторение ТЗ, отсутствие глубины. Некоторые подчеркивают важность общения именно с живым человеком. 21% выборки оценивают эмпатию чат-бота как низкую или скорее отсутствующую. Хотя ИИ может давать полезные советы, они воспринимаются как информация из поисковика, а не как проявление сочувствия. Высокий уровень эмпатии (или возможность достижения) отмечает приблизительно 15% респондентов, которые считают, что при правильной настройке и формулировке запросов чат-бот может имитировать эмпатичное общение. Упоминаются: удачно подобранные слова, вежливость, готовность всегда отвечать и быть под рукой. Лишь несколько человек (около 9%) утверждают, что уже ощущают эмпатию от чат-бота и не видят большой разницы между ИИ и человеком. Голос и тембр ИИ могут способствовать этому ощущению.

Заключение

Результаты исследования по выявлению ключевых переменных, влияющих на роль ИИ в принятии решений: доверие, эмпатичность, безоценочность – согласуются с результатами исследований, полученных на зарубежных выборках [5]. Выявлено, что, несмотря на растущую интеграцию ИИ в повседневную жизнь, большинство людей остаются скептическими в отношении его способности принимать важные жизненные решения. Доверие к ИИ растет по мере упрощения задачи, и ИИ воспринимается как эффективный инструмент для решения рутинных и специализированных задач. Однако в вопросах, касающихся личных и жизненно важных решений, люди предпочитают полагаться на собственное суждение или советы близких.

Антропоморфизация ИИ, то есть приписывание ему человеческих качеств, играет важную роль в повышении доверия, но также может вызывать неоправданные ожидания. Эмпатичность ИИ, хотя и воспринимается как важный аспект, не является решающим фактором в доверии. Безоценочность ИИ, то есть его способность предоставлять информацию без личных оценок, также не воспринимается как гарантия объективности, особенно в контексте личных решений.

По результатам анкетирования и контент-анализа ответов респондентов об их отношении к Искусственному Интеллекту как советнику можно сделать следующие выводы:

1. Люди склонны использовать ИИ для решения рутинных задач, но не готовы доверять ему принятию важных жизненных решений.
2. Доверие к ИИ зависит от прозрачности алгоритмов и возможности перепроверки информации.
3. Антропоморфизация и эмпатичность ИИ не являются решающими факторами в решении попросить совета или решения задачи.
4. Безоценочность ИИ воспринимается как важный, но не основной критерий доверия, особенно в контексте личных решений.

Практические рекомендации, вытекающие из исследования, включают необходимость обеспечения прозрачности алгоритмов ИИ, учета этических аспектов при разработке ИИ-систем, а также дальнейшего изучения влияния индивидуальных различий на восприятие ИИ. Перспективы дальнейших исследований связаны с углублением понимания факторов, влияющих на доверие к ИИ, а также с изучением новых областей применения ИИ, таких как межличностные отношения и конфликтные ситуации.

Таким образом, исследование подчеркивает, что, несмотря на значительный прогресс в развитии ИИ, его роль в принятии жизненных решений остается ограниченной. Для повышения доверия и эффективности ИИ как советчика необходимо учитывать не только технические, но и психологические аспекты взаимодействия человека с технологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макарова М.В. Большие языковые модели в психологии: обзор зарубежных публикаций и методология использования искусственного интеллекта в психологической науке за период 2023–2024гг. / М.В. Макарова, Е.А. Смирнов // *Петербургский психологический журнал*, № 49. 2024. СС. 1–32.
2. Dietvorst B., Simmons J. & Massey C. (2015). Algorithm aversion: People erroneously avoid algorithms after seeing them err. *Journal of Experimental Psychology: General*, 144 (1), 2025, 114–126.
3. Ji Z., Lee N., Frieske R., Yu T., Su D., Xu, Y., & Fung P. Survey of hallucination in natural language generation. *ACM Computing Surveys*, 55(12), 2023, 1–38.
4. Kamruzzaman M., Shovon M. & Kim G. Investigating subtler biases in llms: Ageism, beauty, institutional, and nationality bias in generative models. *arXiv preprint arXiv:2309.08902*, 2023.

5. Kelly S., Kaye S. & Oviedo-Trespalacios O. What factors contribute to the acceptance of artificial intelligence? A systematic review. *Telematics and Informatics*, 77, 101925, 2023
6. O'Neil C. (2016). *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. Crown Publishing Group, 2016.
7. Shen P., Zhang F., Fan X. & Liu F. Artificial intelligence psychological anthropomorphism: Scale development and validation. *The Service Industries Journal*, 44 (15–16), 2024, 1061–1092.
8. Tossell C., Tenhundfeld N., Momen A. Cooley K. & de Visser E. Student perceptions of ChatGPT use in a college essay assignment: Implications for learning, grading, and trust in artificial intelligence. *IEEE Transactions on Learning Technologies*, 17, 2024, 1069–1081.
9. Uysal E., Alavi S. & Bezençon V. Anthropomorphism in artificial Intelligence: A review of empirical work across domains and insights for future research. *Artificial intelligence in marketing*, 2003, 273–308.
10. Vasconcelos H., Jörke M., Grunde-McLaughlin M., Gerstenberg T., Bernstein M. & Krishna R. Explanations can reduce overreliance on ai systems during decision-making. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 7 (CSCW1), 2023, 1–38.

REFERENCES

1. Makarova M. & Smirnov E. Large language models in psychology: a review of foreign publications and methodology for the use of artificial intelligence in psychological science over the period 2023–2024 // “Peterburgskiy psikhologicheskii zhurnal”, № 49. 2024. PP. 1–32. (in Rus.).
2. Dietvorst B., Simmons J. & Massey C. (2015). Algorithm aversion: People erroneously avoid algorithms after seeing them err. // “Journal of Experimental Psychology”: General, 144 (1), 2025, 114–126.
3. Ji Z., Lee N., Frieske R., Yu T., Su D., Xu, Y., & Fung P. Survey of hallucination in natural language generation. *ACM Computing Surveys*, 55(12), 2023, 1–38.
4. Kamruzzaman M., Shovon M. & Kim G. Investigating subtler biases in llms: Ageism, beauty, institutional, and nationality bias in generative models. *arXiv preprint arXiv:2309.08902*, 2023.
5. Kelly S., Kaye S. & Oviedo-Trespalacios O. What factors contribute to the acceptance of artificial intelligence? A systematic review. *Telematics and Informatics*, 77, 101925, 2023.
6. O'Neil C. (2016). *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. Crown Publishing Group, 2016.
7. Shen P., Zhang F., Fan X. & Liu F. Artificial intelligence psychological anthropomorphism: Scale development and validation. // “The Service Industries Journal”, 44 (15–16), 2024, 1061–1092.

8. Tossell C., Tenhundfeld N., Momen A. Cooley K. & de Visser E. Student perceptions of ChatGPT use in a college essay assignment: Implications for learning, grading, and trust in artificial intelligence. *IEEE Transactions on Learning Technologies*, 17, 2024, 1069–1081.
9. Uysal E., Alavi S. & Bezençon V. Anthropomorphism in artificial Intelligence: A review of empirical work across domains and insights for future research. *Artificial intelligence in marketing*, 2003, 273-308.
10. Vasconcelos H., Jörke M., Grunde-McLaughlin M., Gerstenberg T., Bernstein M. & Krishna R. Explanations can reduce overreliance on ai systems during decision-making. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 7 (CSCW1), 2023, 1–38.

PERCEPTION OF AI AS AN ADVISOR IN THE PROCESS OF MAKING LIFE DECISIONS

M. Odintsova, M. Makarova

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Saint Petersburg State University”, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Artificial intelligence (AI) is becoming an integral part of everyday life, penetrating various areas including medicine, education, finance and personal counseling. The aim of the study was to examine the perception of AI as an advisor in the process of making life decisions, taking into account such aspects as trust, empathy and non-judgmentalism. The study consisted of two stages: the first stage involved semi-structured interviews with experts (N = 7) to identify key variables, and the second stage involved a questionnaire (N = 66) to test people's readiness to use AI in decision making. The results showed that most people with higher education prefer to make important life decisions on their own, not trusting them to AI. Trust in AI increases as the task becomes simpler, but people remain skeptical when it comes to personal and life decisions. Empathy is an important component when deciding on the nature of interaction with AI. AI non-judgmentalism is perceived as an important, but not the main criterion for trust. The study highlights the need for further study of the ethical and psychological aspects of human interaction with AI.

Keywords: Personality psychology, decision making, trust, artificial intelligence, advisor.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНЫХ И ЛИЧНОСТНЫХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В.Р. Папоян, А.А. Малакян

*Российско-Армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения
vrapooyan@ysu.am, amalia.malakyam@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены личностные и средовые факторы, влияющие на возникновение чувства одиночества человека. В центре внимания исследования находится феномен субъективного ощущения одиночества, как экзистенциального кризиса, которое выступает ключевым психологическим и социокультурным аспектом. Одиночество многогранно затрагивает личные убеждения человека, его внутренний мир и отношения с окружающими. *Методология* исследования опирается на принципы когнитивной, социальной и экзистенциальной психологии, обеспечивая комплексный анализ проблемы. *Актуальность данной темы* обусловлена растущей распространенностью одиночества среди молодежи, особенно в юношеском возрасте, когда происходит формирование личностной идентичности, социальных навыков и экзистенциальной наполненности. Работа имеет важное значение для понимания природы одиночества.

Ключевые слова: одиночество, экзистенциальный кризис, социальные факторы, личностные факторы.

Введение

Актуальность исследования. В современном обществе метамодерна одиночество среди молодого поколения обретает особую остроту, поскольку период юности, когда формируются личные и общественные установки, также становится временем значительных внутренних трансформаций. Юные люди, активно ищущие свое место в жизни и свою

идентичность, нередко испытывают чувство изоляции и одиночества. Психологические исследования показывают, что причины этого явления многообразны: от качества межличностных связей до индивидуальных особенностей личности. Современный мир, где социальные медиа и цифровые технологии оказывают глубокое влияние на самооценку молодежи, делает эту тему особенно актуальной. Изучение того, как социальные и личностные факторы способствуют формированию субъективного чувства одиночества, открывает возможности для разработки более эффективных методов психологической и педагогической помощи для поддержки юношей.

Основная часть

В последние годы проблема одиночества занимает огромное место в психологических и социальных исследованиях. Одиночество – это обширное понятие, которое затрагивает множество аспектов в человеческой жизни. Одиночество представляет собой глубокое психическое состояние индивидуума, заключающееся в переживании своей отдельности и ощущения неподдерживаемой связности с окружающими людьми – когда субъективно воспринимается отсутствие должного отклика, признания или участия. Поскольку одиночество действует против ожиданий и надежд личности, оно воспринимается как крайне нежелательное переживание, которое может вызвать внутренний конфликт. Негативное восприятие одиночества побуждает человека к поиску ресурсов и средств для противостояния этому переживанию. Люди обычно приходят к выводу «Я одинок», опираясь на свои эмоциональные (аффективные) проявления, реже поведенческие или когнитивные [1]. Юношеский возраст – это переход от детства к взрослости. Здесь происходит зарождение самосознания: формируются психическая зрелость, идеологические убеждения, гражданская ответственность; складывается мировосприятие, нравственное сознание и личная идентичность. В научных кругах выделяют две фазы данного периода – раннюю юность (15–18 лет) и позднюю (18–23 года), что отражает ключевые моменты развития индивидуальности в этот период [2]. К завершению юношеского возраста формируется устойчивая система мировоззрения – это целостное пространство взглядов, знаний и жизненных убеждений, что составляет основу личной экзистенциальной философии индивида [2].

Более глубокое изучение своего внутреннего мира может вызвать беспокойство или ощущение внутренней пустоты, которое требует наполнения. Это детерминирует увеличение потребности в общении, сопровождаемое повышением его избирательности [3]. Сущность одиночества заключается в следующем: индивид страдает от отсутствия глубоких эмоциональных связей при взаимодействии с другими людьми, что приводит его к ощущению изоляции. В век стремительных социальных контактов особенно остро проявляется эта проблема. Даже находясь в гуще общественной жизни – на рабочих местах, среди городских жителей, в семейном кругу или дружеском сообществе – современный человек нередко испытывает одиночество из-за поверхностности общения. Эмоциональные проявления одиночества часто остаются запутанными и неясными. Исключительно на уровне эмоций определить одиночество сложно; оно не сводится к конкретному спектру чувств – нет универсального «набора» переживаний для его идентификации. С точки зрения экзистенциального подхода, одиночество считается неизбежным состоянием человеческого существования. Экзистенциалисты выделяют всегда базовый конфликт существования. Один из ярких представителей экзистенциальной психологии, И. Ялом, выделяет два вида изоляции, которые могут привести к субъективному ощущению одиночества: экзистенциальную и фундаментальную изоляцию. Экзистенциальная изолированность рождается от понимания смертности как личной неизбежности и осознания свободы. Осознавая конечность жизни, человек сталкивается с тем, что каждый встречает смерть в одиночку. Свобода же оборачивается необходимостью принимать решения о собственной судьбе. Экзистенциальный разрыв возникает там, где реальная жизнь обнажается за пределами созданных человеком иллюзий – это момент потери привычного комфорта и ощущения принадлежности к чему-то знакомому.

Экзистенциалисты отмечают, что ключ к исцелению лежит в осознании и смирении с пониманием того, что в конце своего пути человек остается наедине с собой. И. Ялом утверждает: никакие отношения не способны полностью устранить изолированность – это лишь способ компенсации [4].

Цель исследования. Цель заключается в выявлении взаимосвязи между социальными и личностными факторами и субъективным ощущением одиночества у молодых людей.

Объект и предмет исследования. Объектом нашего исследования является субъективное ощущение одиночества в возрастной группе 18–23, а предметом изучения – личностные и социальные факторы, влияющие на формирование субъективного ощущения одиночества.

Гипотеза исследования следующая: «Мы предполагаем, что чувство одиночества непосредственно связано с качеством жизни, где особое место занимают социальная тревожность и эмоциональный интеллект личности».

Методы исследования

Тестирование осуществленное при помощи следующих методик:

- Дифференциальный опросник переживания одиночества, ДОПО-3 (краткая версия);
- Шкала оценки качества жизни (англ.: “Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire”, сокр.: Q-LES-Q) (Дж. Эндикотт; адаптация: Н.Е. Водопьянова). Шкала социального избегания и дистресса (англ.: “Social Avoidance and Distress Scale”, сокр.: SADS);
- Тест эмоционального интеллекта Холла.

Обработка результатов

Выборка нашего исследования составляет 60 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет.

Результаты исследования по первой методике:

Дифференциальный опросник переживания одиночества, ДОПО-3 (краткая версия).

По полученным результатам наблюдаются высокие показатели по всем трем шкалам. Высокий показатель, согласно опроснику, начинается с 13 баллов и выше.

Общее переживание одиночества составляет 19,2. Шкала «Общее переживание одиночества» включает в себя как эмоциональное, так и социальное одиночество. Респонденты с такими результатами часто чувствуют себя одинокими и испытывают нехватку общения и социальной поддержки.

Вторая шкала «Зависимость от общения» составляет 16,6 баллов, что относительно первой шкалы ниже, но также свидетельствует о высоком уровне. Высокий уровень этой шкалы говорит о том, что человек испытывает сильную потребность в общении. Чувство изоляции и одиночества дается тяжело.

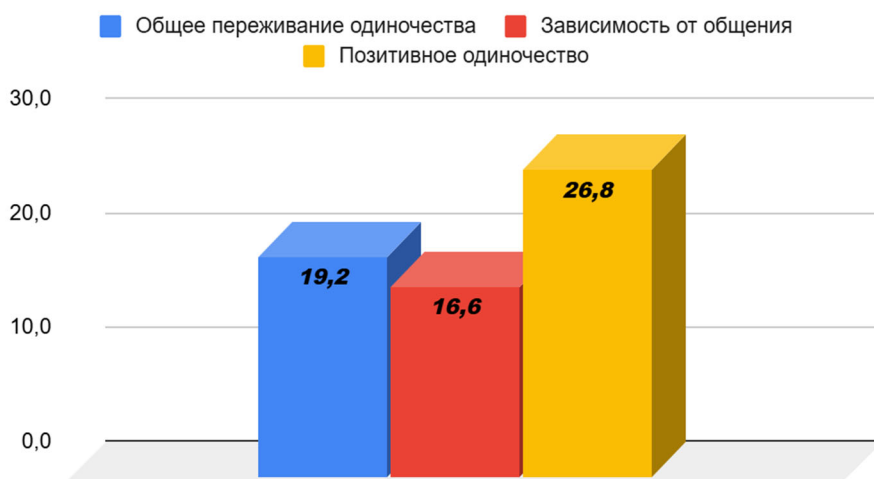

Рисунок 1. Дифференциальный опросник переживания одиночества.

И самый высокий балл – 26,8 – у третьей шкалы: «Позитивное одиночество», что свидетельствует о том, что люди с таким результатом чувствуют себя комфортно в одиночестве, умеют использовать это время на саморефлексию и направлять свою энергию в творчество и на развитие.

Результаты исследования по второй методике:

Шкала оценки качества жизни (англ.: “Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire”, сокр.: Q-LES-Q) (Дж. Эндикотт; адаптация: Н.Е. Водопьянова).

Оценка уровня удовлетворенности по общему индексу качества жизни составляет 21 баллов, что является средним показателем. Также из шкал методики самый высокий показатель составляет 23,3 – по шкале «Общение с близкими людьми».

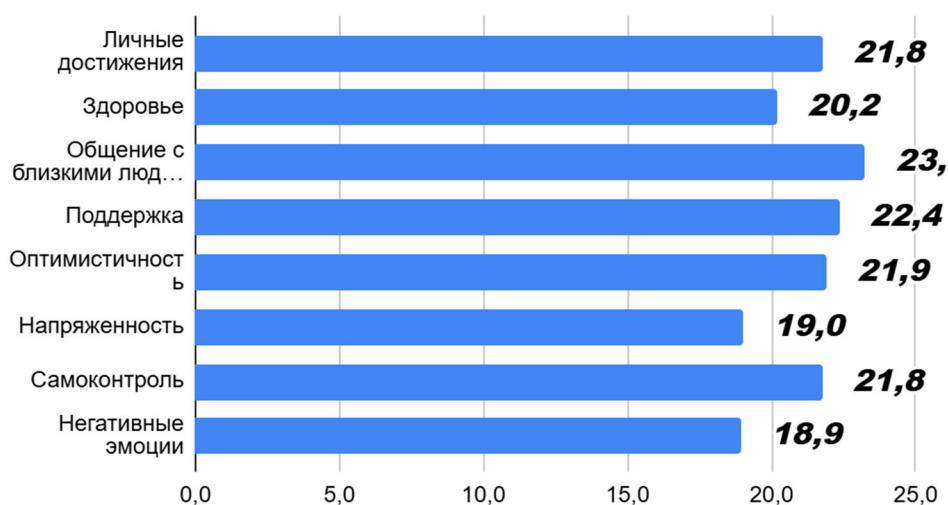

Рисунок 2. Шкала оценки качества жизни.

Результаты исследования по третьей методике:

Шкала социального избегания и дистресса (англ.: “Social Avoidance and Distress Scale”, сокр.: SADS).

Среднее значение социальной тревожности составляет 13,7 баллов. Средний показатель оценок обычно фиксируется в диапазоне от 14 до 18. У человека отмечается легкая степень социальной тревожности, он испытывает некоторое напряжение при попадании в новые или непривычные социальные условия, но старается преодолевать подобные ситуации. Методика демонстрирует результат, приближенный к средней планке.

Результаты исследования по четвертой методике:

Тест эмоционального интеллекта Холла

Результаты, представленные на диаграмме, показывают по шкале «Эмоциональная осведомленность» показатель выше среднего – 7,7. У респондентов с таким результатом – хорошие способности осознавать и понимать свои эмоции и чувства, и они больше склонны к самоанализу. Следующая шкала «Управление своими эмоциями» – 6,1, самый низкий показатель среди всех шкал, указывает на умеренные трудности в контроле над своими эмоциями. Проявляются импульсивные реакции и

сложности в управлении своими эмоциями в стрессовых ситуациях, что усложняет и снижает качество социальных связей и что, в свою очередь, является актуальным аспектом в изучении субъективного ощущения одиночества.

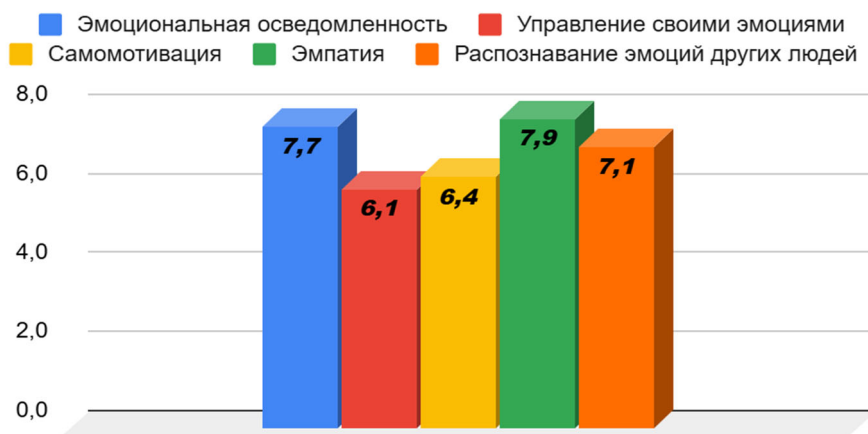

Рисунок 3. Тест эмоционального интеллекта Холла.

Шкала «Самомотивация» тоже показывает средний уровень – 6,4. Респондент способен мотивировать самого себя, но может в этом процессе сталкиваться с трудностями, особенно в поддержании целеустремленности. Четвертая шкала в методике – это шкала «Эмпатия», в нашем исследовании составляет самый высокий балл – 7,9, что свидетельствует о хорошей способности понимать и чувствовать эмоции ближнего. Это является хорошим показателем для построения качественных и крепких связей в социуме. Последняя шкала – «Распознавание эмоций других людей» – с достаточно высоким показателем 7,1. Индивид хорошо распознает эмоциональные сигналы других людей.

Корреляционный анализ проводился с использованием коэффициента корреляции Пирсона. Статистическая значимость результатов оценивалась на уровне $p < 0.05$. Результаты корреляционного анализа между показателями одиночества и качества жизни. Между шкалой «Общее переживание одиночества» и общим индексом качества жизни обнаружена значимая отрицательная корреляция ($r = -0.5$, $p < 0.05$). Это свидетельствует о том, что с увеличением уровня общего переживания

одиночества качество жизни снижается. Показатель «Зависимость от общения» имеет значимую положительную корреляцию с общим индексом качества жизни ($r = 0.3$, $p < 0.05$). То есть, чем выраженнее зависимость от общения, тем выше может быть качество жизни, что, возможно, указывает на важность социальных контактов для улучшения жизненного благополучия. Таким образом, отрицательная связь общего переживания одиночества с качеством жизни подчеркивает негативное влияние изоляции на благополучие. Между шкалой «Общее переживание одиночества» и социальной тревожностью наблюдается практически отсутствующая связь ($r = 0.01$), поскольку показатели методики социальной тревожности у респондентов были умеренными. Это указывает на то, что уровень общего переживания одиночества в данном случае не оказывает существенного влияния на проявления социальной тревожности.

Показатель «Зависимость от общения» демонстрирует слабую положительную корреляцию с социальной тревожностью ($r = 0.1$). Это может свидетельствовать о том, что с повышением зависимости от общения уровень социальной тревожности немного возрастает, однако эффект остается минимальным. Эти результаты позволяют предположить, что разные аспекты одиночества по-разному соотносятся с социальной тревожностью, что важно учитывать при дальнейшем анализе. Между шкалой «Общее переживание одиночества» и эмоциональной осведомленностью обнаружена слабая отрицательная корреляция ($r = -0.1$). Это свидетельствует о том, что с ростом общего переживания одиночества способность осознавать собственные эмоции несколько снижается. Между шкалой «Общее переживание одиночества» и эмпатией выявлена слабая отрицательная корреляция ($r = -0.2$), свидетельствующая о том, что увеличение общего переживания одиночества сопровождается незначительным снижением эмпатических способностей. Между шкалой «Зависимость от общения» и эмоциональной осведомленностью зафиксирована слабая отрицательная корреляция ($r = -0.2$). Это говорит о том, что более выраженная зависимость от общения может быть связана с некоторым снижением способности осознавать свои эмоции. Между шкалой «Зависимость от общения» и распознаванием эмоций других людей выявлена наиболее выраженная отрицательная корреляция ($r = -0.3$), что указывает на существенное снижение способности интерпретиро-

вать эмоциональные сигналы окружающих при увеличении зависимости от общения. Между шкалами «Позитивное одиночество» и «Управление эмоциями» выявлена слабая отрицательная корреляция ($r = -0.2$), что может указывать на незначительное ухудшение навыков управления эмоциями. Между шкалами «Позитивное одиночество» и «Эмпатия» обнаружена слабая положительная корреляция ($r = 0.1$), что указывает на небольшое улучшение эмпатических способностей. Между шкалами «Позитивное одиночество» и «Распознавание эмоций других людей» наблюдается слабая положительная корреляция ($r = 0.2$), что говорит о том, что позитивное восприятие одиночества может способствовать лучшей интерпретации эмоциональных сигналов окружающих. Таким образом, данные результаты демонстрируют, что различные аспекты одиночества по-разному соотносятся с компонентами эмоционального интеллекта. Особенно выраженной является отрицательная связь между зависимостью от общения и распознаванием эмоций других людей, что подчеркивает потенциальное снижение этой способности при усилении потребности в общении.

Заключение

По результатам тестирования мы обнаружили высокие показатели уровня одиночества по методике «Диф. опросник переживания одиночества», ДОПО-3 (краткая версия) и высокие показатели по всем трем шкалам, включая шкалу «Позитивное одиночество». Высокие баллы указывают на то, что у индивидов наблюдается сильная степень субъективного ощущения одиночества, отсутствия эмоциональной связи с окружающими и ощущение собственной изоляции от общества. Однако также высокие показатели шкалы «Позитивное одиночество» свидетельствуют о хороших результатах. Респонденты с высоким значением соответствующей шкалы испытывают удовлетворение от одиночества, способны ценить эти моменты и активно стремятся выделять время для самоанализа и рефлексии в своей повседневной жизни. Результаты исследования показали, что общий уровень переживания одиночества имеет выраженную отрицательную связь с общим индексом качества жизни ($r = -0.5$). Это свидетельствует о том, что повышение уровня одиночества сопровождается значительным снижением качества жизни. Напротив, зависимость от общения демонстрирует положительную кор-

реляцию с качеством жизни ($r = 0.3$), что может указывать на позитивное влияние социальных контактов на субъективное ощущение благополучия. Анализ взаимосвязей между одиночеством и социальной тревожностью выявил, что общие переживания одиночества практически не связаны с социальной тревожностью ($r = 0.01$). При этом зависимость от общения и позитивное одиночество демонстрируют слабую ($r = 0.1$) и умеренную ($r = 0.3$) положительные корреляции, соответственно, что свидетельствует о том, что различные аспекты одиночества по-разному влияют на уровень социальной тревожности. Взаимосвязи между показателями одиночества и компонентами эмоционального интеллекта оказались неоднозначными. Общий уровень переживания одиночества связан с эмпатией ($r = -0.2$) и распознаванием эмоций других ($r = -0.1$) отрицательно, а с управлением эмоциями и самомотивацией – положительно ($r = 0.1$). Наиболее заметной является отрицательная связь между зависимостью от общения и распознаванием эмоций других ($r = -0.3$), что может указывать на снижение способности интерпретировать эмоциональные сигналы окружающих у лиц с выраженной потребностью в общении.

Выводы

Наша гипотеза подтвердилась: согласно коэффициенту корреляции существует связь между одиночеством и качеством жизни, одиночеством и социальной тревожностью, а также между одиночеством и эмоциональным интеллектом личности. Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о наличии взаимосвязи между чувством одиночества и качеством жизни, а также показывают, что социальная тревожность и компоненты эмоционального интеллекта играют различные роли в этом процессе. Отрицательная корреляция общего переживания одиночества с качеством жизни указывает на негативное влияние одиночества на благополучие, в то время как положительная связь зависимости от общения с качеством жизни подчеркивает важность социальных контактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Peplau L., Perlman D. Perspectives on loneliness // Loneliness. A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy*, 1982. PP. 1–18.

2. Возрастная психология: Детство, отрочество, юность: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов пед. вузов. Авторы: / Сост. и науч. ред. В.С. Мухина, А.А. Хвостов. М.: Изд. Центр «Академия», 2003. 624с.
3. *Выготский Л.С.* Развитие личности и мировоззрения ребенка // Психология личности. Т.2. Хрестоматия / Редактор-составитель И.Д. Ялом. «Экзистенциальная психотерапия», М., 1999.
4. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Драбкиной. М.: «Класс», 2000. 576с.

REFERENCES

1. *Peplau L., Perlman D.* Perspectives on loneliness // *Loneliness. A Sourcebook of Current Theory, Research and Therapy*, 1982. PP. 1–18.
2. *Mukhina V. & Khvostov A.* (Eds.). (2003). *Developmental Psychology: Childhood, Adolescence, Youth. Anthology: A Textbook for Pedagogical University Students.* Moscow: “Akademiya Publishing Center”, 624p.
3. *Vygotsky L.* (1999). *The Development of Personality and a Child’s Worldview.* In *Personality Psychology. Vol. 2. Anthology* (compiled and edited by I. D. Yalom). Moscow.
4. *Yalom I.* (2000). *Existential Psychotherapy* (T. Drabkina, Trans.). Moscow: “Klass Publishing House”, 576p.

INTERRELATIONSHIP OF SOCIAL AND PERSONALITY FACTORS INFLUENCING THE SUBJECTIVE EXPERIENCE OF LONELINESS IN ADOLESCENCE

V. Papoyan, A. Malakyan

Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan, Armenia

ABSTRACT

The article presents personal and environmental factors influencing the emergence of a person's feeling of loneliness. This study focuses on the phenomenon of the subjective perception of loneliness as an existential crisis, which serves as a key psychological and sociocultural aspect. Loneliness profoundly affects an individual's personal beliefs, inner world, and relationships with others. The research methodology is based on the principles of cognitive, social, and existential psychology, ensuring a comprehensive analysis of the issue. The relevance of this topic is determined by the growing prevalence of loneliness among young people, especially in adolescence, when personal identity, social skills, and existential fulfillment are being formed. This study is crucial for understanding the nature of loneliness.

Keywords: loneliness, existential crisis, social factors, personal factors.

СМЫСЛОВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ АКТУАЛИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Я.С. Платонова, Е.В. Зиновьева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
y.platonova@spbu.ru*

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается смысловая регуляция как механизм актуализации жизненного опыта человека в условиях новой жизненной ситуации – проживания в общежитии. Основное внимание уделяется процессу актуализации жизненного опыта человека и его отражению в тех смыслах, которые человек присваивает данной ситуации. В исследовании приняло участие 46 студентов первого курса, написавших развернутое эссе о своем текущем опыте проживания в общежитии и его связи с жизненной практикой. Для обработки полученных данных использовались методы частотного анализа, контент-анализа и дескриптивно-феноменологического анализа. Результаты исследования позволили выделить три ключевые смысловые темы, представленные в описаниях респондентов. Было выявлено, что жизненный опыт находит свое отражение в том, какие ведущие смыслы присваивает человек ситуации и вокруг чего организует свою активность.

Ключевые слова: жизненный опыт, жизненные смыслы, смыслообразование, смысловая регуляция, жизненная ситуация.

Введение

Жизненный опыт играет многогранную роль в жизни человека, выступая одним из базовых регуляторов его жизнеосуществления через интеграцию в связное целое следов жизненных событий человека. В качестве элементов жизненного опыта, как регулятора, могут выступать

жизненные цели [1] и планы, жизненные выборы, жизненные сценарии, жизненные проекты [5], которые становятся для личности ориентирами и направляют ее жизненный путь. В их основе лежат ведущие жизненные смыслы, формируемые посредством переживания человеком личных значимых событий и их осознания, а также посредством усвоения смыслов предлагаемых значимыми смыслами другими и тем социально-культурным контекстом, в котором человек находится. Жизненный опыт, а точнее: жизненные события, его образующие, являются источником формирования смыслов; в свою очередь, сами смыслы организуют опыт, придавая ему целостность и связность через процесс осмысления опыта.

Согласно Д.А. Леонтьеву, создание смыслов следует рассматривать как основной процесс, лежащий в основе качественного изменения жизненного опыта. Смыслообразование задано самой системой опыта, оно является необходимостью, заложенной самой сутью человеческого существования [3]. Люди придают смысл своему опыту, а точнее, событиям, его составляющим, чтобы придать своей жизни чувство согласованности и целенаправленности [4, 8]. Под «осмыслением» понимается активность личности по прояснению, соотнесению, упорядочиванию различных аспектов опыта в согласованное целое. Именно смысл связывает отдельные события жизни человека в ее ретро- и перспективе. В противном случае, жизнь рассыпается на отдельные несвязанные эпизоды, где нет единого стержня, вокруг которого организуется опыт личности.

В жизненном опыте смыслообразование тесно связано с жизненными целями. Людям необходимо структурировать свою жизнь вокруг эмоционально привлекательных целей – таких, как, например, личные отношения, удовольствия и будущее (Klinger, 1977).

Ведущие смыслы для человека образуют систему его ценностей, составляя регуляторную систему. Люди создают смысл, придавая ценность кому-то или чему-то. Изменение смысла происходит на протяжении всей жизни, прежде всего в ответ на разные события и переживания, которые заставляют людей делать выбор и трансформировать убеждения или ценности, или, наоборот, укрепляться в них [2].

Смыслообразование возникает через участие человека в повседневной жизни, состоящей из различных способов вовлечения в отноше-

ния с миром. Исследования показывают, что существуют индивидуальные различия в выборах смыслового взаимодействия с миром. У некоторых людей это может быть одна тема, придающая смысл их опыту, в то время, как другие находят смысл через комбинацию тем. Например, для некоторых людей деятельность, ориентированная на задачу (например, работа, хобби, спорт или волонтерская деятельность) так важна и значима, что она становится ключевой жизненной структурой. Другие люди находят смысл, прежде всего, в отношениях с другими (ощущение принадлежности) или в стремлении к пониманию происходящего (исследование мира) (King, 2004). Закрепляясь в опыте, уже сами смыслы ведут к поиску ситуаций, раскрывающих и подкрепляющих их, тем самым регулируя жизнь человека.

В исследованиях отмечается, что на выбор того, какой смысл будет присвоен той или иной ситуации оказывают влияние общественные, культурные и семейные условия, а также возрастные особенности [8].

В нашем исследовании мы попытались выявить, каким образом актуализируется жизненный опыт человека в смысловой регуляции в условиях новой ситуации.

Метод и выборка исследования

В исследовании мы акцентировали внимание на переживании новой жизненной ситуации. Такие ситуации, как правило, представляют собой определенные вызовы, требующие от личности процесса осмысления и присваивания определенной ведущей смысловой темы новой ситуации, которая в дальнейшем задает стратегии поведения. Эти смысловые темы предположительно связаны имеющимся жизненным опытом, который будет актуализирован. Исследования показывают, что именно в условиях неопределенности и изменений люди чаще всего обращаются к своему жизненному опыту, чтобы справиться с возникшими трудностями [6].

В исследовании приняли участие 46 человек, из них – 11 мужчин и 35 женщин, от 18 до 25 лет.

Мы предложили респондентам, студентам первого курса, проживающим в общежитии, написать развернутое эссе, в котором им было предложено поделиться о своем текущем опыте проживания и его связи

с жизненным опытом. Задавался вопрос: «Что из вашего имеющегося жизненного опыта вы использовали? На какие ситуации из своего прошлого вы ориентировались?».

Для студентов первого курса эта ситуация субъективно воспринималась как новая и объективно являлась необычной для них (все респонденты ранее проживали с родителями и не жили в условиях общежития).

В качестве методов обработки данных использовался частотный анализ, контент-анализ и дескриптивно-феноменологический метод А. Джорджи [7].

Результаты исследования и их обсуждение

В результате контент-анализа текстов эссе нами были выделены три ведущие смысловые темы. Первая тема была построена вокруг организации быта в общежитии и внешних условий проживания в нем (наблюдалась у 30% респондентов). Респонденты, в чьих нарративах данная тема была ведущей, указывали на значимость смысла организации комфортного пространства вокруг себя, проявляющегося в чистоте, наличии еды, финансов, отсутствии конфликтов с соседями («Мне хочется сделать пространство, где мы живем, пусть временно, приятным»). Доминирование в нарративах данного смысла направляло активность респондентов. Так, их мысли, поведение и ситуации, в которых они находились, в основном содержали описания быта и комфорта («Началось понимание, что тяжело без финансовой поддержки, постоянно нужно себе готовить что-то, убираться, так как раньше за этим всем следила мама»), они активно организовывали свое пространство, стремясь создать для себя наиболее благоприятные условия («Мне нравится здесь жить, потому что тут спокойно и уютно, сделала небольшой ремонт, создала себе хорошие условия. Это всегда было моей мечтой, иметь свою личную комнату»). Их активность проявлялась в инициативе по наладке быта, поиске решений, обсуждении конфликтов и установлении правил совместного проживания.

В своем опыте респонденты данной группы опирались преимущественно на практические навыки, связанные с жизнью в общежитии: уборка («Всегда должно быть чисто»), готовка («Бытовые навыки позволяли спокойно справляться с трудностями приготовления пищи, стир-

ки») и распоряжение финансами («Стал вести бюджет, чтобы не остаться без денег до конца месяца»). Их описание жизненного опыта, на который они опирались при адаптации к новой жизненной ситуации, включало в себя родительские установки по организации быта («Каждый день мама говорила мне убираться, уборка в доме всегда была на мне, даже если я этого не хотела, если я не убиралась – мама ругала меня и расстраивалась») и аналогичные примеры ситуаций в прошлом («Что касается финансовых проблем, тут примером всегда была мама, вспоминала, как она экономила деньги, когда мы жили вместе»).

Второй тип ведущей смысловой темы был построен вокруг отношений с другими людьми (наблюдалась у 55% респондентов). Респонденты, для которых тема отношений была доминирующей, отмечали значимость смысла общения с другими людьми и наличия контакта с близкими. Их активность преимущественно была направлена на общение с друзьями, поддержание контактов с соседями по комнате, получение помощи и поддержки со стороны семьи («В этот период встретила много друзей, вспоминаю о том времени только с улыбкой»; «Я старалась быть дружелюбной и сразу наладить контакт с соседками»). Их мысли и переживания также в основном касались взаимоотношений с другими («Часто испытывала тоску и одиночество, чувство брошенности. Во многом на это влиял тот факт, что в родном городе у меня остался молодой человек, и чтобы видаться с ним, мне надо было на выходных ехать домой, что было физически утомительно. Ко мне же крайне редко приезжали родители, молодой человек – никогда»).

Описывая обращение к своему жизненному опыту, данная группа респондентов отмечала, что ведущими для них являлись навыки построения отношений с другими («Быстро нашла со всеми общий язык, т.к. в школе тоже со всеми общалась и дружила»), ситуации в прошлом, касающиеся совместного проживания («Вообще, я большую часть жизни делила жилую площадь с кем-то, поэтому меня не сильно напрягало проживание с кем-то») и опыт других людей («Я слушала тех, кто уже имел такой опыт от друзей, которые жили в общежитии, от старших соседей»).

Третья выделенная нами смысловая тема, в отличие от двух других, в большей степени была направлена на внутренний мир личности, собственные переживания, включала несколько частных тем (наблюдалась у 15% респондентов). Она была построена вокруг таких смыслов,

как самореализация («Мысль о том, что я приехала сюда, чтобы учиться, что это все временно, это нужный шаг, чтобы стать специалистом и получить диплом»), свобода («Появилась некая свобода, и это было интересным») и автономия («Я во многом испытывала удовольствие от самостоятельной жизни»). Активность данной группы респондентов была сосредоточена на обучении, получении нового опыта и освоении новых навыков, необходимых для успешной самостоятельной жизни («Самым необычным было самостоятельное принятие решений по всем возникающим вопросам»; «Первые два месяца в общежитии – это как прыжок в омут с головой, когда ты одновременно и рад своей новой свободе, и немного растерян от того, что теперь все приходится делать самому»). Кроме того, респонденты часто акцентировали внимание на том, как новый опыт проживания в общежитии повлиял на них и жизнь в целом («Я научилась принимать решения самостоятельно и нести за них ответственность»).

Тексты данной группы респондентов отличались подробным повествованием, глубоким описанием своих переживаний, частым упоминанием обращения к разным ситуациям жизненного опыта, не только связанными с комфортом проживания или выстраиванием отношений с другими, но и ситуациями, связанными со смысловой рефлексией имеющегося жизненного опыта, например: «проверкой себя на прочность», «интересом к себе», «самостоятельным проживанием». Так, одна респондентка отметила: «Важным был опыт самостоятельного проживания (в том числе в полном одиночестве или вдвоем с братом) и, соответственно, – самодисциплина», другой респондент отмечал: «Важным опытом также были поездки (типа гастролей) с музыкальной школой, где было необходимо самостоятельно заботиться о себе».

Для данной группы респондентов также характерно позитивное восприятие этой ситуации, в которой она обретает новые смыслы, тесно связанные с уже имеющимися («Проживание в общежитии действительно было уникальным новым опытом»; «Это, конечно, мощный опыт, который закаляет характер, учит отстаивать себя и свои границы»).

Выводы

Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что, жизненный опыт в новой ситуации будет актуализирован и находит свое отра-

жение в том, какие ведущие смыслы будет присваивать ей человек, и вокруг чего будет организовывать свою активность, предварительно нашла свое подтверждение. В дальнейшем мы планируем расширить это исследование, используя неколичественную методологию обработки и описания результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адлер А. Стиль жизни / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова, 2002.
2. Капрара Д., Сервон Д. Психология личности //СПб.: «Питер», Т. 640. 2003. С. 247.
3. Леонтьев Д.А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // «Мир психологии», №. 1. 2014. СС. 104–117.
4. Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: «Альпина Паблишер», 2019.
5. Carr D. Narrative and the real world: An argument for continuity // “History and theory”, №. 2. Т. 25. 1986. СС. 117–131.
6. Ganuthula V. The Paradox of Experience // “SSRN Electronic Journal”. 2020. PP. 25–30.
7. Giorgi A. The theory, practice and evaluation of the phenomenological method as a qualitative research procedure // “Journal of Phenomenological Psychology”, № 28. 1997. PP. 235–260.
8. King G. The meaning of life experiences: Application of a meta-model to rehabilitation sciences and services // “American Journal of Orthopsychiatry”. №. 1. Т. 74, 2004. PP. 72–88.

REFERENCES

1. Adler A. (2002). Lifestyle (Edited by Yu. B. Gippenreiter & V. Ya. Romanov).
2. Caprara D. & Cervone D. (2003). Personality Psychology. St. Petersburg: “Piter Publishing”, Vol. 640. P. 247.
3. Leontiev D. (2014). Meaning-Making and Its Contexts: Life, Structure, Culture, Experience // “World of Psychology”, No. 1. PP. 104–117.
4. Csikszentmihalyi M. (2019). Flow: The Psychology of Optimal Experience. Moscow: “Alpina Publisher”.
5. Carr, D. (1986). Narrative and the Real World: An Argument for Continuity // “History and Theory”, Vol. 25, No. 2. PP. 117–131.
6. Ganuthula V. (2020). The Paradox of Experience // “SSRN Electronic Journal”. PP. 25–30.
7. Giorgi A. (1997). The Theory, Practice and Evaluation of the Phenomenological Method as a Qualitative Research Procedure // “Journal of Phenomenological Psychology”, No. 28. PP. 235–260.

8. King G. (2004). The Meaning of Life Experiences: Application of a Meta-Model to Rehabilitation Sciences and Services // “American Journal of Orthopsychiatry”, Vol. 74, No. 1. PP. 72–88.

SEMANTIC REGULATION AS A MECHANISM FOR ACTUALIZING LIFE EXPERIENCE IN A NEW LIFE SITUATION

Y. Platonova, E. Zinovieva

*Saint Petersburg State University (SPbU),
Saint Petersburg, Russian Federation*

ABSTRACT

This study examines semantic regulation as a mechanism for actualizing a person's life experience in a new life situation – living in a dormitory. The main focus is on the process of actualizing a person's life experience and reflecting it in the meanings that a person assigns to a given situation. The study involved 46 first-year students who wrote a detailed essay about their current experience of living in a dormitory and its connection with life experience. The methods of frequency analysis, content analysis, and descriptive-phenomenological analysis were used to process the data obtained. The results of the study allowed us to identify three key semantic themes presented in the descriptions of the respondents. It was revealed that life experience is reflected in what leading meanings a person assigns to a situation and around which he organizes his activity.

Keywords: life experience, life meanings, sense formation, semantic regulation, life situation.

ПУТИ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ ЧЕРЕЗ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЕНА ГЛОБАЛЬНЫХ КРИЗИСОВ

*(на примере резервистов и солдат, возвращающихся к учебе
после участия в военных действиях)*

А.Б. Прусак

*Ораним – Образовательный колледж;
Шаанан – Академический педагогический колледж, Хайфа, Израиль
anaprusak@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет об исследовании глобальных кризисов – таких, как войны и пандемии, а также личных кризисов, например, миграция, развод или болезнь и пр., которые могут значительно повлиять на процесс обучения и снизить образовательную устойчивость. В данном качественном исследовании рассматривается эмоциональное самосознание двадцати будущих учителей математики в период их перехода от активной военной службы к академической учебе во время продолжающейся войны. Используя инструмент «Дерево чувств» (“Blob Tree”), студенты описывали свои эмоции на трех этапах: ретроспективно (после возвращения к академическим занятиям математикой), в настоящий момент (во время учебы) и в перспективе (их будущие устремления). Результаты исследования свидетельствуют о различных эмоциональных траекториях, начиная от первоначальной тревожности и отчаяния, через осознание и принятие механизмов преодоления трудностей к надежде на эмоциональную стабильность и успех в академической учебе по математике. Полученные данные подчеркивают важность индивидуальной поддержки для успешного возвращения к академическим занятиям.

Ключевые слова: эмоциональное самосознание, тревожность, «Дерево чувств», образовательная устойчивость, будущие учителя математики, пути преодоления трудностей, индивидуальная поддержка.

Введение

Эмоциональное самосознание – это ключевой аспект эмоционального интеллекта, по определению Гоулмана [5]. Оно включает в себя способность распознавать и понимать собственные эмоции, а также различать их влияние на продуктивность обучения. Такое осознание является ценным ресурсом для жизнестойкости, поскольку оно позволяет человеку понимать свои чувства и то, как они влияют на достижение целей. Кроме того, эмоциональное самосознание помогает привести представление о себе в соответствие с изменившейся объективной реальностью, основанной на том, как их воспринимают другие. Это будет способствовать формированию реалистичной уверенности в себе через признание своих сильных и слабых сторон. Более того, эмоциональное самосознание также помогает человеку прояснить и четко сформулировать личные ценности и цели, что облегчает процесс принятия решений.

Контекстом для данного исследования стала война «Железные мечи», которая началась 7 октября 2023 года и привела к задержке начала учебного года в различных учебных [1] заведениях Израиля более чем на месяц. Первоначально обучение возобновилось в дистанционном формате, а затем в некоторых учреждениях оно вернулось к очному формату. Той части студентов-резервистов, которые вернулись к учебе, были предложены определенные послабления, такие как возможность прослушать лекции в записи, а в некоторых случаях – освобождение от посещения отдельных курсов. Однако многие студенты, вернувшиеся с военной службы, были ошеломлены объемом пропущенных лекций и учебного материала. Несмотря на попытки преподавателей помочь им наверстать упущенное, некоторые студенты не проявляли готовности к взаимодействию или были эмоционально недоступны для получения поддержки.

Это исследование возникло на базе уникальных вызовов и стратегий преодоления трудностей, с которыми столкнулись эти студенты. В нем подчеркивается ключевая роль эмоционального самосознания в процессе их возвращения к академическому изучению математики после активной военной службы. Участие студентов в военных действиях вызвало срочную необходимость создания механизмов, позволяющих будущим учителям математики продолжить учебу, делая их образова-

тельную устойчивость предметом серьезного внимания, особенно в условиях глобальной нехватки преподавателей математики.

Теоретические основы

Исследователи подчеркивают влияние глобальных кризисов – таких, как войны и пандемии, а также личных кризисов, вызванных демографическими изменениями (например, миграцией) или внезапными семейными событиями, на процесс обучения, в целом, и на изучение математики, в частности. Например, пандемия COVID-19 вызвала у студентов тревожность из-за длительных перерывов в обучении, что привело к пробелам в образовании [2]. Подобные последствия наблюдаются и в периоды войны. Так, многие исследования показали, что студенты, принимавшие участие в военных действиях, испытывают высокий уровень тревожности, беспокойства и депрессии, что препятствовало эффективному процессу обучения [6]. Схожие явления отмечены в исследованиях, изучавших влияние личных кризисов, таких как внезапная потеря члена семьи или демографические изменения, на академическую успеваемость [8].

Повышенный уровень тревожности, связанный с такими кризисами, является одним из ключевых факторов, затрудняющих обучение [11]. Тревожность представляет собой эмоциональную реакцию на предполагаемую угрозу или беспокойство по поводу гипотетических сценариев. Это может проявляться в виде когнитивных, личностных и эмоциональных трудностей, сопровождаясь чувством беспомощности, снижением мотивации, ощущением угрозы и отсутствия контроля, одиночеством, трудностями адаптации и беспокойством [7]. У студентов, изучающих математику и находящихся в кризисных ситуациях, академическая тревожность может быть особенно выражена, т.к. решение математических задач требует глубоких иерархических знаний и умения справляться с неопределенностью, что само по себе может провоцировать тревогу [1]. Изучение математики требует концентрации внимания и способности справляться со сложными ситуациями. Демобилизованные военнослужащие возвращаются в семьи и на рабочие места, которые тоже были затронуты кризисом, а также к сложной и запущенной учебе по математике. Это повышает вероятность развития у них тревож-

ности. Возвращение к учебе после службы становится трудным процессом как с личной, так и с академической точки зрения. Для успешного возобновления учебы после службы в военное время будущим учителям математики необходимо заново адаптироваться к образовательной среде, преодолеть давление, связанное с учебными нагрузками, и добиться академических успехов, несмотря на значительные трудности и факторы риска, применяя при этом эффективные стратегии для их преодоления. Среди будущих учителей математики пробелы в обучении могут усложнить применение математических навыков, негативно сказаться на успеваемости и даже спровоцировать тревожность, связанную с изучением математики [3], в дополнение к тревожности, вызванной последствиями войны.

Настоящее исследование рассматривает эмоциональное самосознание студентов, изучающих методику преподавания математики, в контексте их возвращения к академическим занятиям во время войны.

Материалы и методы

Участники исследования. В исследовании используется качественная методология, основанная на примерах из практики двадцати студентов, обучающихся по программе B.Ed. (бакалавр математического образования) по методике преподавания математики, которые вернулись с войны.

Исследовательский вопрос. Как студенты-резервисты определяют и выражают свои эмоции и чувства, связанные с возвращением к изучению математики?

Инструменты исследования

Данные были собраны с использованием двух основных исследовательских инструментов: адаптированной версии «Дерева чувств» [9] и полуструктурированных интервью. *Инструмент 4:* «Дерево чувств» был использован для того, чтобы дать студентам визуальное представление о различных сценариях и эмоциях. Он помогает им сначала осознать свои чувства через образы на рисунке, чтобы затем сформулировать их вербально. Студентам было предложено выбрать персонажей из «Дерева чувств» в три разных момента времени.

- ✓ **Ретроспективный выбор** – отражение их эмоций в момент возвращения к учебе после службы.
- ✓ **Актуальный выбор** – отражение их эмоций в момент исследования.
- ✓ **Перспективный выбор** – отражение эмоций, которые они предполагают испытать в будущем во время обучения математике.

На каждом из этих этапов участникам предлагалось выбрать на рисунке «Дерево чувств» персонажа, с которым они отождествляют свои эмоции, объяснить свой выбор и описать свои чувства. После работы с «Деревом чувств» студентам было предложено принять участие в полуструктурированном интервью, в ходе которого обсуждались эмоциональные, когнитивные и академические аспекты процесса их перехода от резервной службы к изучению математики.

Настоящая статья сосредоточена на **изучении эмоционального самосознания** студентов, как через работу с «Деревом Чувств», так и в ходе интервью. Мы представляем результаты в соответствии с тремя временными фазами (этапами), описанными выше.

Результаты и выводы

Ретроспективный выбор

Что чувствовали студенты в момент возвращения к академическим занятиям после военной службы?

Исследование показало, что студенты испытывали широкий спектр эмоций и чувств, среди них: страх, тревога, беспокойство, беспомощность, растерянность, ощущение утраты контроля и трудности с адаптацией. Большинство участников исследования столкнулись с особенно интенсивными эмоциями, которые они описывают как: *«отсутствие смысла, бесполезность, страх, никчемность, дисфункциональность, свободное падение...»*. Часть студентов выражали сомнение в своей способности вернуться к рутине и ощущали глубокое чувство потери значимости происходящего: *«...Все казалось мне ничтожным... Все наши повседневные заботы, академические занятия и усилия внезапно показались мелкими на фоне войны... Это было тяжелое чувство,*

которое заставило спросить себя: “Зачем возвращаться к этой [рутин-не]? Сейчас есть вещи поважнее...”»

Другие участники описывали чувство тревоги, утраты контроля и разочарование из-за необходимости вновь погружаться в учебу: *«Ожидаются трудности, а путь предстоит долгий...Есть слишком много обязательств и задач, на которые у меня нет ни желания, ни эмоциональных сил... Я не знаю, с чего начать...»*

Некоторые участники, несмотря на трудности, проявляли смелость, надежду и решимость адаптироваться к изменившейся ситуации. Они подчеркнули, что поддержка окружающих придавала им силы продолжать: *«...Несмотря на то, что временами я чувствовал себя отстраненным, я ощущал поддержку...Я был уверен, что с помощью, которую получаю, смогу справиться с трудностями...»*. Небольшая часть опрошенных студентов находили силы в кратком отдыхе от тяжести пережитого и в поиске моментов спокойствия: *«...Я на мгновение отвлекся от всего, что происходило в армии... Я рад посидеть и немного покачаться на качелях (персонаж 16), прежде чем снова включиться в процесс учебы...»*. Эти чувства указывают на наличие внутренней устойчивости и способности находить светлые моменты даже в сложной реальности.

Актуальный выбор

Что чувствуют студенты сейчас, на момент опроса, уже будучи вовлеченными в учебный процесс?

На этом этапе мы стремились выяснить эмоции и чувства участников, уже некоторое время продолжающих обучение после возвращения. Большинству из них удалось взять ситуацию под контроль и улучшить свое эмоциональное состояние. Например: *«...Я чувствую себя хорошо, потому что открыл для себя, что могу справляться сразу с несколькими задачами одновременно, несмотря на нагрузку...»*. У многих все еще осталась двойственность ощущений: с одной стороны, *«это замечательное чувство – быть близким к завершению учебы...»*, но с другой – сожаление о периоде *«... когда я не мог участвовать в изучении математики...»*.

Значительная часть участников выработала новые стратегии адаптации, чтобы справиться с ситуацией. Они отметили, что стараются разбивать учебные задачи на небольшие, достижимые цели: *«...Я стараюсь*

не смотреть на весь учебный материал сразу, а разбиваю его на небольшие задания и выполняю одно за другим... Выбираю один курс, изучаю, завершаю его, затем приступаю к следующему...». Многие студенты обнаружили, что структурирование материала по этапам снижает уровень тревоги: «...Я чувствую себя увереннее, более организованным в мыслях и испытываю облегчение по сравнению со страхом и беспокойством, которые я испытывал после возвращения из резерва...».

Показательным является то, что студенты начали получать удовольствие от повседневной учебной рутины, которая постепенно обрела в их глазах новый смысл: «...Я осознал, что в повседневных действиях есть ценность. Раньше они казались мне мелкими и бессмысленными, но сейчас они вновь обрели свое истинное значение... Поэтому я выбрал персонажа, который смотрит на всех и улыбается, потому что он видит, как все стремятся к вершинам (преодолевать жизненные трудности), и когда они достигают вершины, наступает вздох облегчения и радость от учебной рутины...».

В отличие от большинства участников, кто-то все еще испытывает чувство отчужденности и продолжает искать способ справиться с ситуацией: «...Я больше не нахожусь в “свободном падении”... Я стою на земле, но все еще чувствую себя чужим в социальном плане... Я потерял, нахожусь вне системы, одинок в своей борьбе... Я эмоционально оторван от базовых вещей, вокруг которых раньше строилась моя жизнь...». Описанные ощущения отражают сложность и глубину эмоциональных проблем и переживаний студентов, которым тяжело снова интегрироваться в повседневную жизнь, справляясь с чувством изоляции и одиночества.

Этот этап исследования показывает широкий спектр эмоциональных состояний студентов – от демонстрации стойкости, стремления к адаптации и поиска новых стратегий до продолжающейся борьбы за восстановление эмоционального равновесия.

Перспективный выбор

Как студенты хотели бы себя ощущать в будущем в процессе дальнейшего обучения математике?

Для небольшой части студентов перспективы относительно продолжения изучения математики остаются неопределенными. С одной

стороны, они надеются снова почувствовать радость жизни, но, с другой стороны, уже сомневаются в своем желании продолжать обучение математике: *«...Я выбрал фигуру, стоящую на земле, не привязанную и не соединенную с деревом, но счастливую, удовлетворенную и цельную... Не знаю, есть ли у меня все еще желание вернуться к изучению математики... Но я хотел бы подняться, обрести устойчивость, быть счастливым и найти свои источники радости и силы в том месте, где я сейчас нахожусь (на земле) ...».*

Другие студенты, приближающиеся к завершению учебы, выражают надежду и желание дойти до финиша. Они стремятся выполнить свои академические обязательства и испытать удовлетворение от достигнутого, например: *«...Хочу радоваться успехам и чувствовать спокойствие и комфорт...»; «...Я буду чувствовать гордость и удовлетворение от самореализации и от завершения учебы...»; «Я стараюсь смотреть дальше получения диплома, размышляя о будущих вызовах уже в сфере преподавания»; «...Я хочу наслаждаться повседневностью без страха перед выгоранием, которое часто приносит рутина...».*

Студенты первого курса пока не видят окончания учебы, но надеются достичь прогресса и почувствовать, что они идут в ногу с остальными: *«...Я хочу снова почувствовать, что “включен в процесс”. Быть на одном уровне со всеми в учебе... Я уже освоил основную часть учебного материала, и мне осталось только выполнить оставшиеся рутинные задачи...».*

В целом, все участники стремятся к будущему, которое принесет стабильность, радость, удовлетворение и успех как в академической сфере, так и в других аспектах жизни. Они демонстрируют стремление преодолеть трудности и найти свое место в повседневной жизни.

Случай студента Дани

Мы выбрали его случай из-за эмоциональной насыщенности ситуации, которая иллюстрирует трудности студентов, переходящих от военной службы к академическим занятиям.

Дани – 24-летний студент, изучающий методику преподавания математики. Вдобавок ко всему, он недавно стал отцом – его ребенок родился во время войны. В интервью, данном после участия в упражнении «Дерево чувств», он размышляет о том, как его сложности в обучении преподаванию математики связаны с более широкими личными пробле-

мами, такими как неудачи на работе и в межличностных отношениях. Он чувствует, что у всех этих сложностей общий источник. Для него способность преодолевать неудачи означает не просто решение математических задач, а более глубокий эмоциональный и психологический процесс: *«Я понимаю, что это исследование сосредоточено на студентах, изучающих преподавание математики. Но в конечном итоге оно затрагивает гораздо более глубокие вопросы. Неудачи, которые я испытываю в процессе изучения математики, схожи с теми, что происходят у меня на работе и даже в отношениях с людьми, потому что у них у всех один и тот же корень... И моя способность преодолеть трудности в математике – это не просто решение математических упражнений. Это что-то более глубокое, это выходит далеко за рамки изучения математики...»*

Воздействие войны на Дани

Дани описывает психологическое влияние войны, особенно после того, как он стал свидетелем человеческих трагедий. Он чувствует потерю личной безопасности, испытывает недоверие и неопределенность, пытаясь переосмыслить свое представление о защищенности: *«После всего произошедшего я больше не могу чувствовать себя защищенным... Я не знаю, как двигаться дальше...»*. Война значительно повлияла на способность Дани сосредоточиться на учебе. Он признает, что вынужден был оставить изучение математики, а теперь испытывает трудности с возвращением к обычному уровню мотивации и концентрации:

«Мои занятия математикой были полностью заброшены. Я много размышлял об этом и пришел к выводу, что изучать математику в боевых условиях невозможно... Этот период сильно повлиял на меня, и я до сих пор не могу вернуться в нормальное состояние. Я осознаю, что мне нужно делать, у меня есть план. Я его понимаю. Но я просто не могу собраться. Я все еще там... Я хочу двигаться дальше, но практически не могу преодолеть некоторые вещи...»

Внутренний конфликт и борьба с отсутствием мотивации

Дани признается, что ему не хватает мотивации продолжать обучение. Он чувствует, что подавлен морально, и это мешает ему дости-

гать прежних целей. Несмотря на то, что он всегда был практичным и целеустремленным человеком, сейчас ему трудно завершать задачи. Он не может восстановить свой внутренний ресурс, необходимый для успешной учебы в текущих обстоятельствах.

Сложности Дани в возвращении к учебе

Дани продолжает описывать свою неспособность вернуться к занятиям математикой после службы в резерве:

«Я не сразу вернулся к учебе... Я чувствовал, что не могу взять себя в руки, что не могу собраться. В основном это было отсутствие мотивации. Если анализировать сейчас, то это было скорее отсутствие “поддерживающего пространства” – что-то давило на меня... Я всегда был человеком эффективным, практичным. Завершаю одно дело, начинаю другое или совмещаю их... А здесь мне тяжело именно потому, что я не могу делать то, что у меня всегда получалось лучше всего – добиваться целей, выполнять задачи...».

Этот отрывок добавляет новые нюансы к пониманию эмоционального состояния студентов, возвращающихся из армии к обучению преподаванию математики. Случай Дани показывает, насколько сильно трагические внешние события – такие, как война – могут повлиять на способность студента адаптироваться к академической жизни.

Потеря мотивации и психологическая перегрузка

Дани осознает, что его трудности носят не только академический, но и экзистенциальный характер. Война заставила его усомниться в основах личной безопасности, что, в свою очередь, повлияло на его мотивацию и способность сосредоточиться на учебе. Этот случай показывает, как травма и стресс могут поломать привычные механизмы преодоления трудностей.

Хотя Дани привык быть практичным и целеустремленным, теперь он ощущает эмоциональную отключенность от своей академической жизни. Это подчеркивает, что потеря мотивации и смена приоритетов являются естественной реакцией на экстремальный стресс.

Обсуждение и заключение

Общие тенденции и индивидуальные различия

Анализ эмоционального состояния студентов, вернувшихся с войны, показывает широкий спектр чувств – от тревоги и беспомощности до надежды на восстановление и возвращение к нормальной жизни. Хотя у участников исследования есть общие черты и схожесть опыта, каждый переживает этот процесс по-своему. Некоторые чувствуют потерю смысла и дезориентацию, другие находят инструменты и стратегии, позволяющие адаптироваться и вернуться к учебе через постепенное восстановление. Примеры разных подходов к адаптации:

- ✓ Эмоциональное дистанцирование от академических вызовов и сосредоточение на личном восстановлении.
- ✓ Поиск опоры и поддержки, обеспечивающий возвращение к рутине. Использование повседневной деятельности, возвращение к привычному распорядку дня и продолжение учебного процесса – инструменты для эмоционального исцеления.
- ✓ Следование прагматичному подходу и использование внутренних и внешних ресурсов, чтобы справиться с негативными эмоциями и вернуться к занятиям.

Случай Дани показывает, что поддержка студентов, возвращающихся к учебе после травмирующего опыта, требует персонализированного подхода.

Роль академических институтов в поддержке студентов

Простое прямое выяснение эмоций (без вспомогательного инструмента, как «Дерево чувств») может быть неэффективным, так как студенты не всегда осознают или хотят открыто делиться своими чувствами [4; 10]. Однако разнообразие восприятий и эмоциональных реакций, выявленных в данном исследовании, показывает, что каждому студенту нужны разные формы поддержки. Чтобы помочь студентам адаптироваться и восстановить академическую устойчивость, учебным заведениям важно:

- ✓ вести персонализированный диалог со студентами о том, что им необходимо;

- ✓ разрабатывать гибкие личные академические стратегии, позволяющие студентам восстанавливаться в индивидуальном темпе;
- ✓ предоставлять дополнительные ресурсы, такие как адаптированные учебные программы, консультирование, психологическая поддержка и услуги в области психического здоровья.

Сегодня в силу происходящих в мире событий наше внимание сосредоточено на глобальных процессах. И это вытесняет из нашего поля зрения внимание к персональному. Для того, чтобы помочь студентам, которые пережили травмирующий военный опыт, академические стандарты должны быть адаптированы с учетом эмоционального состояния и потребности в восстановлении. Только такой комплексный подход позволит студентам восстановить свою внутреннюю стабильность, интегрироваться в академическую жизнь и успешно продолжить обучение.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Barroso C., Ganley C., McGraw A., Geer E., Hart S. & Daucourt M. (2021). A meta-analysis of the relation between math anxiety and math achievement // "Psychological bulletin", 147(2), 134: <https://doi.org/10.1037/bul0000307>
2. Blaskó Z., Costa, P. & Schnepf S. (2022). Learning losses and educational inequalities in Europe: Mapping the potential consequences of the COVID-19 crisis // "Journal of European Social Policy", 32(4), 361–375: <https://doi.org/10.1177/09589287221091687>
3. Dos Santos Carmo J., Gris G., & Dos Santos Palombarini L. (2019). Mathematics anxiety: Definition, prevention, reversal strategies and school setting inclusion // *Inclusive mathematics education: State-of-the-art research from Brazil and Germany*, 403–418: https://doi.org/10.1007/978-3-030-11518-0_24
4. Ekman P., Friesen W. & Simons R. (1985). Is the startle reaction an emotion? // "Journal of personality and social psychology", 49 (5), 1416: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.49.5.1416>
5. Goleman D. (2005). Daniel Goleman on emotional intelligence. The George Luca Educational Foundation.
6. Meshko H., Meshko O. & Habrusieva N. (2023). The Impact of the War in Ukraine on the Emotional well-being of Students in the Learning Process. *Journal of Intellectual Disability-Diagnosis and Treatment*, 11(1), 55–65: <https://doi.org/10.6000/2292-2598.2023.11.01.7>
7. McReynolds P. (1976). Assimilation and anxiety. *Emotions and anxiety: new concepts, methods, and applications*, 35–86.
8. Oosterhoff B., Kaplow J. & Layne C. (2018). Links between bereavement due to sudden death and academic functioning: Results from a nationally representative

- sample of adolescents // “School psychology quarterly”, 33(3), 372: <https://doi.org/10.1037/spq0000254>
9. *Prusak A.* (2020). Duet with yourself. How to turn in to the melody of success. Become your own Professor! (Exclusive method of self-development and self-help introduced. Practical step-by-step guideline is offered) [In Russian]. R-MEDIA.
 10. *Rosenberg E. & Ekman P.* (1994). Coherence between expressive and experiential systems in emotion // “Cognition & Emotion”, 8(3), 201–229: <https://doi.org/10.1080/02699939408408938>
 11. *Spielberger C.* (1966). The effects of anxiety on complex learning and academic achievement. *Anxiety and behavior*, 361–398: <https://doi.org/10.1016/B978-1-4832-3131-0.50019-6>

**PATHWAYS TO RETURNING TO THE EDUCATIONAL PROCESS DURING
GLOBAL CRISES THROUGH EMOTIONAL SELF-AWARENESS
(On the example of reservists and soldiers returning to education after
participating in military operations) A. Prusak**

*Oranim – College of Education;
Shaanan – Academic Religious Teacher's College; Haifa, Israel*

ABSTRACT

Scholars have noted that global crises, such as wars and pandemics, and personal crises, such as migration, divorce, or illness, can significantly impact learning and reduce educational resilience. This qualitative study explores the emotional self-awareness of twenty prospective mathematics teachers as they transition from active military service to academic studies during the ongoing war. Using the “Blob Tree” tool, students articulated their emotions across three phases: retrospectively (upon returning to academic mathematics studies), currently (during their studies), and prospectively (future aspirations). The findings reveal varied emotional trajectories, ranging from initial anxiety and despair to the discovery and acceptance of coping mechanisms and hopes for emotional stability and success in their mathematics academic journey. Findings emphasize the importance of tailored support for a successful return to academic studies.

Keywords: Emotional self-awareness, anxiety, “Blob Tree”, educational resilience, prospective mathematics teachers, ways to overcome difficulties, tailored support.

ФУНКЦИИ, СТРОЕНИЕ И СЕГМЕНТЫ БИОКОММУНИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЧЕЛОВЕКА И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

В.Р. Саркисян

*Институт физиологии НАН РА им. акад. Л.А. Орбели, Ереван, Армения
Международная Академия Нейронаук, Ереван, Армения
Армянский медицинский институт, Ереван, Армения
Медицинский колледж им. Меграбяна, Ереван, Армения
sargsyan.vahram@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье представлены функции, строение и сегменты биокommunikационной системы человека. Биокommunikационная система (БС), наряду с нервной и эндокринной системами, является важнейшей регуляторной и интегрирующей системой организма. В работе изложены данные о БС человека в норме. Правильное понимание механизмов деятельности указанной системы человека приведет к развитию психологии и социологии, так как является основой для изучения эмоционального интеллекта. С другой стороны, важным компонентом для профессионального роста человека является развитие его эмоционального интеллекта. Понимание функций БС человека приведет к совершенствованию системы образования и повышению эффективности лечения многих заболеваний, следовательно, к созданию новой, более эффективной системы здравоохранения.

Ключевые слова: биокommunikационная система, биокommunikатор, эмоциональный интеллект, система образования, система здравоохранения.

Введение

Эмоциональный интеллект – это способность понимать и управлять своими эмоциями и эмоциями других людей. Этот навык помогает улучшать коммуникацию, решать конфликты и строить более гармонич-

ные отношения, как в личной, так и в профессиональной жизни. Регулярная работа со своим эмоциональным интеллектом способствует личностному росту человека и делает его более успешным во всех сферах.

На основе многочисленных достижений в области генетики [3] и цитологии, а также правильном понимании роли и функций вирусов в природе стало возможным пересмотреть основы физиологии и анатомии человека [1],[2],[5]. Это дало возможность осуществить научный прорыв в области биологических, психологических, педагогических наук и медицины. Очень важно понять и принять наличие у человека новой системы организма – биокоммуникационной системы (БС), которая наряду с нервной и эндокринной системами является важнейшей регуляторной и интегрирующей системой организма. БС человека ответственна за формирование высшей нервной деятельности, поэтому изучение указанной системы организма поможет правильно понять механизмы формирования эмоционального интеллекта человека. Здесь представлены функции, строение и сегменты биокоммуникационной системы человека в норме, то есть в практически здоровом организме.

Научные исследования направленные на понимание функционирования биокоммуникационной системы человека являются весьма актуальными, поскольку будут способствовать развитию и усовершенствованию системы образования и системы здравоохранения [4].

Целью научной работы стало понимание биологических механизмов развития эмоционального интеллекта у человека. Исследования проведены с помощью теоретического метода – научного метаанализа.

Строение биокоммуникационной системы человека

Основными компонентами БС человека являются:

1. **Биокоммуникаторы (ДНК- и РНК-содержащие).** Биокоммуникаторы – мигрирующие органеллы эукариотических клеток. В 2018 году мы предложили заменить термин «вирус» термином биокоммуникатор, что, естественно, больше соответствует выполняемым им функциям [4]. Так как вирусы – мигрирующие органеллы клеток – они фактически являются частью нас (клеточных форм жизни). Вирусы выполняют многочисленные функции, не являются самостоятельными формами жизни, и об этом свидетельствует классическая клеточная теория [4].

2. **Микробиом** – совокупность разнообразия генов микрофлоры различных экологических ниш. Микробиота человека включает несколько тысяч видов грибов, эубактерий, архей и биокommunikаторов. Это так называемый «бактериальный орган» человека.

3. **Желудочки головного мозга** – полости в головном мозгу, заполненные спинномозговой жидкостью.

4. **Спинномозговой канал** – продольный канал, расположенный в сером веществе спинного мозга, вверху он соединяется с полостью четвертого желудочка головного мозга, а внизу образует некое расширение в виде конечного желудочка.

5. **Глимфатическая система** – анатомический ликворный путь элиминации продуктов жизнедеятельности тканей центральной нервной системы человека и других млекопитающих.

6. **Кровеносные и лимфатические сосуды, нервы** – транспортная инфраструктура для биокommunikаторов и других мобильных генетических элементов.

7. **Терминалы биокommunikаторов (вирусные терминалы)** – пограничная часть центрального отдела БС человека, которая обеспечивает связь видимого тела организма с внешней средой.

8. **Свободно живущие микроорганизмы (вирусы/биокommunikаторы) микробиома, оторванные от физически-видимого тела человека.** Они составляют так называемую «ауру» человека и являются физически-невидимым телом организма. Человек – организм, состоящий не только из клеток, произошедших от зиготы, но и из многочисленных представителей микробиома.

Отделы биокommunikационной системы человека

✓ **Центральный отдел БС человека** – мобильные генетические элементы, биокommunikаторы и микробиом в целом, которые находятся в пределах физически видимого тела организма; желудочки головного мозга; спинномозговой канал; глимфатическая система; кровеносные и лимфатические сосуды, нервы; терминалы биокommunikаторов.

✓ **Периферический отдел БС человека** – свободно живущие микроорганизмы (в том числе биокommunikаторы и другие мобиль-

ные генетические элементы) микробиома, которые оторваны от физически видимого тела человека. Они являются физическим, но невидимым телом организма человека, так как несут в себе генетическую информацию о данном организме.

Функции биокommunikационной системы человека

БС человека выполняет множество жизненно необходимых функций. БС тесно связана с нервной, эндокринной, иммунной и с остальными системами организма. Анатомически БС может находиться в пределах всех остальных систем организма. Фактически везде, где есть активный биокommunikатор, может функционировать биокommunikационная система. Основные функции БС человека, известные на сегодняшний день, представим ниже. Однако для формирования эмоционального интеллекта особую важность представляют функция биокommunikации, функция высшей нервной деятельности и функция развития человека.

1. **Функция электро-магниторецепции.** Благодаря ей обеспечивается дистанционная связь с окружающей средой. Основными естественными источниками электромагнитных излучений в природе являются Солнце, Земля и другие небесные тела. БС человека обеспечивает связь тела человека с указанными небесными телами, обеспечивает полноценную интеграцию человека с окружающей средой.

2. **Функция биокommunikации.** Одна из самых важных функций БС человека. Благодаря биокommunikаторам происходит эффективная коммуникация между различными биологическими видами в природе. Это – биологический способ общения, когда информация от одного организма к другому переносится уже в виде готовых биологических нано-макетов, с молекулами ДНК, РНК и белков. Функция имеет две разновидности – «биологическая атака» и «био-гуманитарная поддержка».

3. **Функция сигнальной трансдукции.** Биокommunikаторы в пределах физического тела обеспечивают налаженную работу триллионов клеток. Сигналинг обеспечивается не только физическими и химическими взаимодействиями между клетками, но и биологическим путем – биокommunikаторами. Нарушение этой функции приводит к онкологическим, дегенеративным и многим др. заболеваниям.

4. **Функция контроля энергетической системы клетки.** Именно биокommunikаторы ответственны за многие энергетические процессы, протекающие в клетках организма человека. Нарушение этой функ-

ции приводит к дисфункциям работы митохондрий и к оксидативному стрессу. Это является одной из причин формирования нейродегенеративных и многих других заболеваний.

5. Функция контроля иммунной системы. Биокommunikаторы активно управляют многочисленными клетками иммунной системы человека и клетками микробиома человека. Так обеспечивается контроль и безопасная жизнедеятельность организма человека, и его защита от агрессоров из внешней среды.

6. Функция высшей нервной деятельности. Функция основана на восприятии информации, формировании памяти и функционировании нервной системы человека, иначе говоря, это – сенсомоторная деятельность человека. Все вышеуказанное происходит с участием биокommunikаторов.

7. Функция контроля деятельности различных систем организма. Биокommunikаторы управляют функционированием нервной, эндокринной, сердечно-сосудистой, половой, пищеварительной, дыхательной, выделительной и остальных систем человека. Так обеспечивается интеграция всех частей организма.

8. Функция развития человека. Биокommunikаторы ответственны за процессы пластичности генома организма и нейропластичности. Этим обусловлено развитие и это создает базу для процесса эволюции человека.

Сегменты биокommunikационной системы человека

БС человека имеет следующие сегменты:

1. **Сегмент настоящего.** Это – область сознания человека, где происходят его реальные действия. Они основаны на информации полученной от многочисленных рецепторов органов чувств и тела человека.

2. **Сегмент прошлого.** Данный сегмент ответственен за долговременную память человека, он характеризует его личность.

3. **Сегмент будущего.** Место, где человек строит планы действия на будущее.

Заключение

Понимая механизмы функционирования, строение, наличие сегментов и отделов биокommunikационной системы человека, а также

учитывая многочисленные данные из области эндокринологии и неврологии, мы имеем полное представление о био-психо-социальной сути *Homo sapiens*. На основании вышеперечисленного можно на высоком научном уровне исследовать эмоциональный интеллект. Известно, что важным компонентом для профессионального роста человека является развитие эмоционального интеллекта.

Нервная, эндокринная и БС – это интегративные системы человека, которые обеспечивают целостность биологической системы. Принципиальная разница между этими системами заключается в использовании различных факторов регулирования. Если нервная и эндокринная системы в основном используют физический (нервный импульс) и химический (гормоны, нейрогормоны и нейромедиаторы) факторы регуляции, то в БС человека преобладает биологический (биокоммуникаторы, транспозоны, прыгающие гены и др.) фактор регуляции.

Понимание биологических механизмов развития эмоционального интеллекта с точки зрения функций БС человека в основном имеет место благодаря ниже представленным процессам. Это функция биокоммуникации, функция высшей нервной деятельности и функция развития человека.

Благодаря биокоммуникаторам происходит эффективная коммуникация между различными биологическими видами в природе. Это – биологический способ общения, когда информация от одного организма к другому переносится уже в виде готовых биологических нано-макетов, с молекулами ДНК, РНК и белков. Функция имеет две разновидности – «биологическая атака» и «био-гуманитарная поддержка». Необходимо научиться разумно регулировать биологические нано-макеты.

Функция высшей нервной деятельности основана на восприятии информации, формировании памяти и функционировании нервной системы человека, иначе говоря, это – сенсомоторная деятельность. Все вышеуказанное происходит с участием биокоммуникаторов.

Функция развития человека. Биокоммуникаторы ответственны за процессы пластичности генома организма и нейропластичности. Этим обусловлено развитие, и это создает базу для процесса эволюции человека.

Таким образом, необходимо научиться разумно регулировать биологические нано-макеты (форменные элементы мыслей и эмоций), а также уметь грамотно переключать свое внимание на вышеперечисленные сегменты БС человека (сегмент прошлого, настоящего и будущего).

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаджанян Н. А., Власова И. Г., Ермакова Н. В. и др. Основы физиологии человека: учебник // Под ред. В.И. Торшина в 2-х т. М., 2017. ISBN:978-5-209-06817-4.
2. Гайворонский И.В. Нормальная анатомия человека. Т. 1: Учебник для мед. вузов. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: «СпецЛит», 2001, 560с.
3. Саркисян В.Р. Современные представления о генетических механизмах функционирования организма. Тезисы докладов. Всероссийская конференция с международным участием «Интегративная физиология». Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН. Санкт-Петербург 7–9 декабря, 2022. С. 117.
4. Саркисян В.Р. Фундаментальная наука XXI века. 5-е издание. Ер.: Авт. изд., 2024, 144с. ISBN 978-9939-0-4960-1.
5. Федюкович Н.И. Анатомия и физиология человека: учебное пособие. Изд. 2-е. Ростов н/Д: изд-во: «Феникс», 2003, 416с.

REFERENCES

1. Agadzhanian N., Vlasova I., Ermakova, N. et al. (2017). Fundamentals of Human Physiology: Textbook (2 vols., Edited by V. I. Torshin). Moscow. ISBN: 978-5-209-06817-4.
2. Gaivoronsky I. (2001). *Human Anatomy. Vol. 1: Textbook for Medical Universities* (2nd ed., revised and expanded). St. Petersburg: SpetsLit, 560p.
3. Sarkisyan V. (2022). Modern Concepts of the Genetic Mechanisms of Organism Functioning // In: Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation “Integrative Physiology”. Pavlov Institute of Physiology, RAS. St. Petersburg, December 7–9. P. 117.
4. Sarkisyan V. (2024). *Fundamental Science of the 21st Century* (5th ed.). Yerevan: “Self-published”, 144p. ISBN: 978-9939-0-4960-1.
5. Fedyukovich N. (2003). *Human Anatomy and Physiology: Textbook* (2nd ed.). Rostov-on-Don: “Phoenix Publishing”, 416p.

FUNCTIONS, STRUCTURE AND SEGMENTS OF THE HUMAN BIOCOMMUNICATION SYSTEM AND EMOTIONAL INTELLIGENCE

V. Sargsyan

ABSTRACT

The scientific work presents the functions, structure and segments of the human biocommunication system. The biocommunication system (BS), along with the nervous and endocrine systems, is the most important regulatory and integrating system of the

body. The work presents data on the human BS in the norm. A correct understanding of the mechanisms of activity of this human system will lead to the development of psychology and sociology, as it is the basis for the study of emotional intelligence. On the other hand, an important component for a person's professional growth is the development of his emotional intelligence. Understanding the functions of the human BS will lead to the improvement of the education system and an increase in the effectiveness of treatment of many diseases, and therefore to the creation of a new, more effective health care system.

Keywords: biocommunication system, biocommunicator, emotional intelligence, education system, healthcare system.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ И ОРГАНИЗАТОРСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ПЕРВОКУРСНИКОВ

О.В. Свеженцов, Е.Л. Чернышова

Самарский государственный социально-педагогический университет

Самара, Россия

svezhentsov.o@sgspu.ru, chernyshova@pgsga.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в современных условиях образования актуальность изучения индивидуальных особенностей студентов возрастает. Важно учитывать коммуникативно-организаторские качества, которые напрямую влияют на адаптацию обучающихся к учебной среде и их будущую профессиональную деятельность. Данное исследование направлено на анализ влияния этих факторов в образовательном процессе, что обусловлено как теоретической значимостью, так и практической необходимостью.

Для психологической диагностики использовался метод «Коммуникативные и организаторские склонности» (КОС) В.В. Синявского и Б.А. Федоришин. Современные тенденции развития высшего образования ставят перед студентами задачи, требующие развитых коммуникативных навыков, в том числе с применением информационных технологий. Развитие этих способностей способствует успешному обучению и профессиональному становлению.

Ключевые слова: общение, коммуникативные навыки, организаторские качества, студенты, особенности межличностного взаимодействия.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что коммуникативные навыки и организаторские способности занимают значительное место в системе подготовки студентов. Именно в студенческие годы происходит формирование профессионального и личностного самоопределения,

а также выработка моделей взаимодействия с окружающими. Быстро меняющиеся реалии современного общества требуют совершенствования образовательных программ, обеспечивающих всестороннее развитие личности обучающихся.

Настоящая статья посвящена анализу коммуникативных и организаторских склонностей студентов первого курса. Рассматриваются основные факторы, влияющие на эти способности, а также индивидуальные различия в межличностном взаимодействии.

Цель исследования – изучение коммуникативных и организаторских характеристик первокурсников с точки зрения совершенствования методик обучения и адаптации студентов к образовательному процессу.

В отечественной науке вопросы организаторских способностей впервые начали активно исследоваться в 1920–1930-х гг. в контексте теории лидерства. Исследования были сосредоточены на детских коллективах, изучалась роль вожака и механизмы его выдвижения в группе. Впоследствии, после перерыва, в 1960-е гг. к теме лидерства снова вернулись отечественные психологи [2].

Л.С. Выготский подчеркивал, что окружающая среда должна способствовать естественному развитию ребенка, а не противостоять ему. По его мнению, социальное взаимодействие играет ключевую роль в становлении личности. Взаимоотношения в семье оказывают значительное влияние на формирование личности ребенка, его самооценку и уверенность в себе [1].

В семье взрослые и дети имеют определенные роли и очень тесно взаимодействуют друг с другом в течение долгого времени. Это во многом определяет психологическое, физиологическое, моральное состояние ребенка [4].

Ребенку необходима постоянная оценка его действий родителями, их поддержка, внимание, чтобы понять, что он все делает правильно. Если реакция со стороны родителей отсутствует, то это приводит к развитию неуверенности, снижению самооценки [6].

Исследование родительского отношения к ребенку показало несколько ключевых моделей, влияющих на развитие коммуникативных и организаторских способностей:

1. Принятие-отвержение: от эмоциональной поддержки и доверия до раздражения и неприятия.

2. Кооперация: активное участие родителя в жизни ребенка, поддержка его инициатив и способностей.
3. Симбиоз: стремление родителей к чрезмерной опеке и контролю.
4. Авторитарная гиперсоциализация: строгий контроль, требование подчинения.
5. «Маленький неудачник»: недоверие к способностям ребенка, занижение его возможностей [7].

Полученные в детстве модели взаимодействия переносятся на студенческую среду и влияют на формирование коммуникативных и организаторских стратегий [3].

Гипотеза нашего исследования состоит в предположении о том, что студенты-первокурсники магистранты будут отличаться в коммуникативно-организаторских способностях от студентов бакалавриата первого курса.

Для проведения исследования была сформирована выборка, включающая 9 человек из числа учащихся по программе бакалавриата «Факультета психологии и специального образования», 1 курса ФГОУВО «СГСПУ» и 8 человек из числа учащихся по программе магистратуры «Факультета психологии и специального образования», 1 курса ФГОУВО «СГСПУ».

Выборка: в исследовании приняли участие 17 студентов в возрасте от 17 до 35 лет, из которых 9 человек обучаются по программе бакалавриата, а 8 – магистратуры. Экспериментальной базой стал факультет психологии и специального образования ФГОУВО «СГСПУ».

Методы исследования

В исследовании приняли участие 17 студентов в возрасте от 17 до 35 лет, из которых 9 человек обучаются по программе бакалавриата, а 8 – магистратуры. Экспериментальной базой стал факультет психологии и специального образования ФГОУВО «СГСПУ».

Для оценки коммуникативных и организаторских качеств использовалась методика КОС (Синявский, Федоришин), включающая 40 вопросов, из которых 20 посвящены коммуникативным аспектам, а 20 – организаторским [5].

Обсуждение основных результатов исследования

Анализ данных показал, что уровень коммуникативных способностей у магистрантов выше, чем у бакалавров. В то же время организаторские навыки у обеих групп студентов находится на среднем уровне. Это объясняется накопленным опытом: у некоторых магистрантов организаторские способности выражены ярче.

Выводы

Сравнительный анализ продемонстрировал, что возраст и жизненный опыт оказывают влияние на уровень коммуникативных способностей. Среди возможных причин можно выделить:

- ✓ накопление опыта: с возрастом люди приобретают больше коммуникативных навыков;
- ✓ изменение приоритетов: первокурсники быстрее адаптируются к технологиям, а магистранты акцентируют внимание на межличностных связях;
- ✓ уровень энергии: с возрастом снижается интенсивность активности, что сказывается на организаторских качествах;
- ✓ развитие социальных компетенций: постоянное взаимодействие с разными людьми улучшает коммуникативные способности;
- ✓ осознание эмоциональной сферы: магистранты лучше понимают социальные аспекты общения.

Таким образом, различия в коммуникативных и организаторских способностях студентов обусловлены возрастными, социальными и образовательными факторами, что следует учитывать в процессе обучения и профессиональной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. М.: «Эксмо», 2019. С. 508.
2. *Зайцева Е.А, Савченко И.А.* Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, № 1(86), г. Нижний Новгород, 2011. СС. 284–296;
3. *Зимняя И.А.* Педагогическая психология: уч. для студентов по пед. и психол. направ. и спец. М.: «Логос», 2000. С. 384.

4. Макарова Е.А, Чичкала М.Б. Детско-родительские отношения в семье как предиктор психологического благополучия детей и подростков // «Вестник Таганрогского института управления и экономики», № 4, г. Таганрог, 2023. СС. 51–55.
5. Синявский В.В., Федоришин Б.А. Коммуникативные и организаторские склонности (КОС). Методика оценки коммуникативных и организаторских способностей личности, 1985. СС. 233–240.
6. Шахмалова И.Ж. Влияние семьи на формирование личности ребенка дошкольного возраста // «Современное педагогическое образование», Т. 6, Нерюнгри, 2023. СС. 55–58.
7. Варга А.Я. Дела семейные /А.Я. Варга / Пер. с венгер. Воронкиной. М.: «Педагогика», 2012. С.158.

REFERENCES

1. *Vygotsky L.* Psychology of child development. Moscow: “Eksmo”, 2019. P. 508.
2. *Zaitseva E., Savchenko I.* Proceedings of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev No. 1(86), Nizhny Novgorod, 2011. PP. 284–296.
3. *Zimnyaya I.* Pedagogical psychology: a textbook for students in ped. and psychological directions and specialization. M.: “Logos”, 2000. P. 384.
4. *Makarova E., Chichkala M.* Parent-child relationships in the family as a predictor of psychological well-being of children and adolescents // “Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics”, No. 4, Taganrog, 2023. PP. 51–55.
5. *Sinyavsky V., Fedorishin B.* Communicative and organizational tendencies (COT). Methodology for assessing communicative and organizational abilities of an individual, 1985. PP. 233–240.
6. *Shakhmalova I. Zh.* The influence of the family on the formation of the personality of a preschool child // Modern pedagogical education, Vol. 6, Neryungri, 2023. PP. 55–58.
7. *Varga A.* Family affairs / A. Ya. Varga / trans. with Hungarian Voronkina. Moscow: “Pedagogy”, 2012. P. 158.

STUDY OF COMMUNICATION AND ORGANIZATIONAL ABILITIES OF FIRST-YEAR STUDENTS

O. Svezhentsov, E. Chernyshova

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

ABSTRACT

In modern educational conditions, the relevance of studying the individual characteristics of students is increasing. It is important to take into account

communicative and organizational qualities that directly affect the adaptation of students to the educational environment and their future professional activities. This study is aimed at analyzing the influence of these factors in the educational process, which is due to both theoretical significance and practical necessity. For psychological diagnostics, the method "Communicative and organizational inclinations" (COT) by V. V. Sinyavsky and B. A. Fedorishin was used. Modern trends in the development of higher education set students tasks that require developed communication skills, including the use of information technology. The development of these abilities contributes to successful learning and professional development.

Keywords: communication, communication skills, organizational qualities, students, features of interpersonal interaction.

АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

И.Н. Семизорова

*Институт мозга человека им. Н.П. Бехтеревой РАН
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
semizorova-irina@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты исследования феномена принятия решений в условиях неопределенности, обусловленной пандемией «COVID-19», а также адаптационные стратегии, используемые индивидами в условиях быстрой социальной и экономической изменчивости. На основе эмпирического этапа исследования (выборка составила 2729 человек) установлено, что в условиях неопределенности преобладает мотивация избегания («мотивация от»), при которой акцент смещается с конечного результата на сам процесс деятельности, направленной на снижение уровня тревожности. Сделан вывод, что в подобных ситуациях реализация задачи часто служит не достижению целей, а уменьшению эмоционального дискомфорта.

Ключевые слова: неопределенность, риск, принятие решений, поведение, адаптационный механизм.

Введение

Современный мир характеризуется высокой степенью неопределенности и изменчивости, что требует от человека постоянной адаптации и гибкости в поведении. Неопределенность может быть вызвана различными факторами, такими как социально-экономические изменения, технологические инновации, политическая нестабильность, а также чрезвычайные ситуации, подобные глобальной пандемии «COVID-19». Исследования в данной области показывают, что принятие решений в условиях неопределенности требует не только осознания множества факторов, но и способности справляться с психоэмоциональной нагруз-

кой, порой возникающей из-за дефицита времени или предсказуемости последствий. Неопределенность ставит личность перед необходимостью выбора среди множества альтернатив, что может быть как возможностью для самореализации, так и источником стресса и тревоги.

Значимость изучения процессов принятия решений обусловлена необходимостью систематического анализа и обобщения существующих теоретических подходов, разработанных в психологии. В ситуациях, характеризующихся множественностью альтернатив и недостаточной структурированностью исходных данных, личность сталкивается с необходимостью поиска наилучшего решения, что требует комплексного рассмотрения когнитивных и эмоциональных факторов. Важнейшим аспектом изучения этой проблемы является исследование механизмов адаптации личности, определяющих ее способность к принятию решений в условиях высокой изменчивости и риска.

Актуальность данной проблематики связана не только с необходимостью интеграции существующих теоретических концепций, но и с разработкой практических моделей, способствующих выявлению психологических ресурсов, обеспечивающих эффективность выбора в условиях неопределенности

Целью данного исследования является изучение и систематизация адаптационных механизмов поведения, применяемых личностью при принятии решений в условиях неопределённости и риска. В рамках исследования автор ставит целью выявить ключевые адаптационные стратегии, условия и факторы, влияющие на успешность и эффективность их применения.

Теоретическая и информативная основа исследования

Принятие решений, как ключевой аспект человеческой деятельности, представляет собой важный междисциплинарный феномен, который нашел отражение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Как считает А.Г. Асмолов, «В психологии личности существует тенденция рассматривать особенности принятия решений во взаимосвязи с эмоционально-волевой регуляцией человека, которая включает в себя уровень тревожности личности, отвечающий за стремление избежать ответственности за результат своих поступков в различных сферах жиз-

недеятельности, а также волевую саморегуляцию поведения, использования механизмов психологических защит» [1]. Ученый рассматривает личность как продукт социального взаимодействия, указывая на то, что решения всегда принимаются в определенной культурной среде, которая задает рамки возможных выборов. Социальные нормы, культурные ценности, ожидания окружающих – все это оказывает влияние на процесс принятия решений, делая его не только индивидуальным, но и социально детерминированным [4]. Следовательно, принятие решений связано не только с внутренними когнитивными и эмоциональными процессами, но и с той внешней средой, в которой человек находится, что приобретает особую важность в условиях турбулентного времени и неопределенности.

В контексте изучения феномена принятия решений деятельностный подход представляет собой одну из ключевых концепций, объясняющих этот процесс с точки зрения взаимодействия мотивации, целей и структуры деятельности субъекта. Субъект не просто анализирует альтернативы, а действует в рамках определенной структуры деятельности, в которой принятие решений является неотъемлемой частью целенаправленного поведения.

В основе деятельностного подхода лежит теория А.Н. Леонтьева, согласно которой деятельность структурируется на нескольких уровнях: мотив, цель, действия и операции. Принятие решений рассматривается как процесс, возникающий на уровне осознания субъектом целей и выбора способов их достижения. А.Н. Леонтьев утверждал, что «человеческая деятельность детерминирована системой мотивов, задающих направленность поведения» [4].

Большинство исследователей воспринимает «принятие решения» как сложный волевой акт, включающий в себя формирование последовательности действий, направленных на достижение цели, при этом процесс включает преобразование исходной информации в условиях неопределенности. В узком смысле понятие «решение» трактуется как выбор одного из альтернативных вариантов действий, что может быть выражено даже в простейшем выборе между действием и бездействием. Т.В. Корнилова, исследуя проблему регуляции выбора в «закрытых» ситуациях, вносит уточнение, что принятие решения – это «выбор человека в условиях неопределенности», что позволяет ей отождествить эти

два понятия [2]. Корнилова в своей монографии «Принятие решений и риск: психология неопределенности» выделяет, что процесс принятия решений в условиях неопределенности представляет собой не просто выбор между вариантами, но и сложный процесс, в котором личностные и интеллектуальные характеристики субъекта играют ключевую роль в определении стратегии выбора [2].

Основная часть

Исследуя принятие решение через призму феномена неопределенности и риска, представляется важным отметить теорию ожидаемой полезности фон Неймана и Моргенштерна, которая изложена в их ключевой работе «Теория игр и экономическое поведение» и является основой для теоретических моделей принятия решений [5]. В данной теории ученые предложили математическое обоснование того, как индивиды принимают решения, стремясь максимизировать свою ожидаемую полезность.

При изучении принятия решений в условиях неопределенности важно учитывать, что в реальных задачах выбор с риском всегда связан с многомерностью исходов. Соответственно, каждый выбор может иметь несколько возможных результатов, которые могут различаться по своим характеристикам, значению и последствиям. Теория математиков предполагает, что для качественного принятия решений необходимо учитывать многомерность исходов, где каждый исход оценивается по множеству характеристик, важность которых зависит от целей, мотивации и предпочтений субъекта, принимающего решение [5].

Данное исследование было проведено в два этапа. Первый этап – экспериментальный, в котором приняли участие 2729 человек. Цель экспериментального этапа – выявление влияния неопределенности на эмоциональное состояние и уровень тревожности в процессе принятия решений в период пандемии «COVID-19».

Для сбора данных на первом этапе исследования участником были предложены решение “case-study”, а также стандартизированные психодиагностические инструменты, в том числе опросник для оценки уровня тревожности (шкала Спилбергера-Ханина), а также опросник исследования Толерантности к Неопределенности Т.В. Корниловой.

Решение кейсов (ситуационных задач) было направлено на анализ восприятия и переживания участниками ситуаций с разным уровнем неопределенности, связанных с профессиональными, личными и финансовыми рисками, возникшими в период пандемии. После выполнения заданий участники заполняли анкеты, отражающие уровень их эмоционального напряжения и тревожности.

Анализ собранных данных продемонстрировал, что высокий уровень неопределенности коррелирует с увеличением уровня тревожности и негативного эмоционального состояния. Было также установлено, что лица с низкой толерантностью к неопределенности испытывали выраженные затруднения при принятии решений и демонстрировали более высокий уровень стресса и тревоги.

В рамках второго этапа исследования была проведена пролонгированная терапевтическая группа «РИСКИ», в которой приняли участие 20 человек, добровольно согласившихся на участие и информированных о целях и методах работы. Продолжительность группы – 6 месяцев. Методы сбора данных включали групповые обсуждения, психодиагностические тесты, анализ кейсов, ситуационные задачи, эссе, а также опросники и анкетирование в начале, середине и конце исследования. В качестве диагностических инструментов использовался Мельбурнский Опросник Принятия Решений Т.В. Корниловой, позволяющий изучить индивидуальный стиль принятия решений и определение стратегий, которые участники используют при выборе в сложных ситуациях.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы относительно адаптационных механизмов при принятии решений в условиях неопределенности и риска.

Существенное влияние на процесс принятия решений оказывает эмоциональный и мотивационный контекст, предшествующий моменту выбора. Анализируя обсуждения и результаты психодиагностических методик, выявлено, что участники больше склонны неосознанно выбирать стратегию избегания («движение от»), ориентированную на снижение эмоционального дискомфорта и устранение переживаемого напряжения, чем стремиться к реализации позитивной цели («движение к»).

Результаты опросника и анализ ситуационных задач подтвердили значимость прошлого опыта, в частности, травматических переживаний и кризисных ситуаций, в формировании целей и стратегий принятия

решений. Установлено, что постановка цели и последующий выбор стратегии поведения часто служат механизмами избегания повторения негативного опыта, а не направлены на достижение конкретного положительного результата. Для людей, переживших стрессовые события в детстве, процесс принятия решений может быть связан с активацией эмоциональных триггеров, вызывающих стрессовые реакции. В этом контексте принятие решений в условиях неопределенности и риска можно рассматривать как триггер, активирующий травматические переживания из детства, что влияет на способы обработки информации и на эмоциональное восприятие выбора. Ребенок, выросший в дисфункциональной семье, часто ощущал, что не контролирует происходящее (например, непредсказуемое поведение родителей) и что его выборы ни на что не влияют. Во взрослом возрасте подобная неопределенность, ситуация риска повторно переживается при необходимости принять решение, вызывая тревогу или усвоенную копинг-стратегию «замри, бей или беги». Иными словами, выбор может ассоциироваться с угрозой: «если я ошибусь, случится нечто плохое» – защитный механизм.

Другой полюс нарушений принятия решений, характерный для людей, выросших в дисфункциональной среде – импульсивность. Импульсивность часто выступает как способ быстрого снятия тревоги – вместо того чтобы долго мучиться сомнениями, человек мгновенно делает выбор, подчиняясь сиюминутному порыву, лишь бы прекратить внутреннее напряжение. Кроме того, нейропсихологические исследования подтверждают, что ранний стресс ослабляет развитие механизмов самоконтроля. Индивид с травматическим опытом может практически перманентно находиться в режиме «тревоги» и мобилизации ресурсов психики, когда организм готов мгновенно реагировать на потенциальную опасность. В таком состоянии решения принимаются реактивно, без оценки – по сути, как аварийный отклик на мнимую угрозу.

Применение метода «колонизации будущего» в ходе исследования продемонстрировало снижение уровня мотивации и активности участников после столкновения с субъективно переживаемым опытом достижения цели. Участники изменяли или отказывались от ранее поставленных целей, что свидетельствует о преобладании адаптивной функции принятия решений, связанной с регуляцией эмоционального состояния и снижением тревожности, а не с реализацией цели как таковой. Выбор

адаптационных стратегий напрямую связан с уровнем толерантности к неопределённости, при этом участники с низкой толерантностью чаще используют стратегии избегания и демонстрируют повышенный уровень стресса и сложности в принятии решений.

Выводы

Таким образом, исследование показало, что неопределённость существенно влияет на эмоциональное состояние личности, увеличивая уровень тревожности и негативных переживаний. Ведущей стратегией в условиях неопределённости и высокой транзитивности является стабилизация эмоционального состояния и снижение тревоги, а не само решение задачи. Низкая толерантность к неопределённости напрямую связана с ростом тревоги, что приводит к затруднениям в принятии решений. Индивид выбирает защитную стратегию и предпочитает не принимать решение или ждет критической точки принятия решения, где он вынужден. В предложенной выборке у 70% участников была зафиксирована мотивация «от», при которой человек оказывается в условиях, в которых он не может не совершить выбор, при этом облегчение не наступает, а уровень тревоги остается высоким. Кроме того, автор делает вывод о том, что выбор адаптационных стратегий напрямую связан с уровнем толерантности к неопределённости, при этом участники с низкой толерантностью чаще используют стратегии избегания и демонстрируют повышенный уровень стресса и сложности в принятии решений. 66% участников при принятии решения опирается исключительно на негативный опыт, при этом большее предпочтение отдается бездействию или совершению действия из вынужденности.

Результаты исследования также подтверждают актуальность представленной проблематики, свидетельствующей о том, что сегодня, в условиях быстро изменяющейся реальности, необходима реализация психологического сопровождения различными социальными институтами, а также разработка специализированных программ по повышению уровня адаптивности и толерантности к неопределённости, которые могут оказать значительное положительное влияние на снижение психологической нагрузки в условиях риска. Дальнейшее исследование в этой области будет направлено на глубокий анализ других факторов, влияющих на формирование и выбор адаптационных механизмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: «Смысл», 2002.
2. Корнилова Т.В. Принятие решений и риск: психология неопределенности [Эл. ресурс] / Т.В. Корнилова. Электронное изд. по проекту РГНФ, 2014. URL: www.rfh.ru/downloads/Books/144693004 (Дата обращения: 15.03.2025).
3. Круглый стол «Человек в обществе рисков» // «Российский психологический журнал», № 1. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-chelovek-v-obschestve-riskov> (Дата обращения: 15.03.2025).
4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: «Политиздат», 1975.
5. *Фон Нейман Дж., Моргенштерн О.* Теория игр и экономическое поведение. М.: АСТ, 2013.

REFERENCES

1. *Asmolov A.* Beyond consciousness: Methodological problems of non-classical psychology. Moscow: Smysl, 2002 (In Russian).
2. *Kornilova T.* Decision-making and risk: the psychology of uncertainty [El. resource]. Electronic edition, RHF project, 2014. URL: www.rfh.ru/downloads/Books/144693004 (Accessed: 15.03.2025): (In Russian).
3. Roundtable “Human in a risk society” // “Russian Psychological Journal”, (1). 2012: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kruglyy-stol-chelovek-v-obschestve-riskov> (Accessed: 15.03.2025) (In Russian)
4. *Leontiev A.* Activity, consciousness, personality. Moscow: Politizdat, 1975 (In Russian).
5. *Von Neumann J., Morgenstern O.* Theory of Games and Economic Behavior. Moscow: AST, 2013 (In Russian).

ADAPTIVE MECHANISMS IN DECISION-MAKING UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY

I. Semizorova

*N. Bekhtereva Institute of the Human Brain of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

ABSTRACT

This article presents the findings of a study examining the phenomenon of decision-making under conditions of uncertainty during the COVID-19 pandemic, as well as adaptive strategies individuals employ in a rapidly changing environment. Based on empirical data collected from a sample of 2,729 participants, the study concludes that under conditions of uncertainty, avoidance motivation (“motivation away from”) prevails, shifting individuals' focus from goal achievement to the process itself. This process primarily aims at anxiety reduction rather than attaining specific outcomes.

Keywords: uncertainty, risk, decision-making, behavior, adaptive mechanism.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОРИЕНТИРОВОЧНОЙ ОСНОВЫ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА

Е.И. Скорикова, Н.А. Смольняков

*ВГБОУ ВО «Курский государственный университет», г. Курск, Россия
gamova-katrine@yandex.ru, nikitos.pnh@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается такая актуальная проблема, как межличностное взаимодействие в музыкальном студенческом коллективе. В частности, нами раскрываются социально-психологические аспекты ориентировочной основы совместной деятельности музыкального коллектива. Описаны результаты диагностики, проведенной с участниками творческого объединения «Название будет позже» Курского государственного университета с использованием аппаратурной методики «Арка». В составе музыкального коллектива студенты разных курсов различных факультетов Курского государственного университета, среди них как профессиональные музыканты (окончившие музыкальное отделение школы искусств и / или являющиеся студентами факультета искусств и арт-педагогике), так и начинающие, не имеющие музыкального образования. Руководителями коллектива являются также студенты – лауреаты многочисленных конкурсов, победители фестиваля «Студенческая весна Соловьиного края» и др., которые, по сути, (сами являются членами творческого объединения и выступают в составе кавер-группы в рамках данного объединения). Исследование показало, что в коллективе в целом имеет место адекватный тип ориентировочной деятельности, хотя в разных творческих составах (музыкальных группах объединения) наблюдается также дефицитный (у молодых ансамблей) и переходный (в разновозрастных группах) типы ориентировки совместной деятельности.

Ключевые слова: ориентировочная основа, совместная деятельность, аппаратурная методика «Арка», музыкальный студенческий коллектив, творческое объединение.

Введение

Актуальность заявленной в заглавии проблемы исследования определяется тем, что результаты такого исследования позволяют прогнозировать процесс совместной деятельности изучаемой группы, а также его возможную результативность [2].

Социально-психологический анализ ориентировочной основы совместной деятельности музыкального коллектива позволяет изучить потенциал выбранной для исследования группы и разработать рекомендации по оптимизации и повышению результативности деятельности музыкально-творческих коллективов.

Цель работы – изучить ориентировочную основу совместной деятельности студенческого музыкального коллектива как совокупности малых групп в составе единого творческого объединения и выявить ее влияние на процесс совместной деятельности и его результативность.

Понятие «ориентировочная основа деятельности» тесно связано с физиологическим термином «ориентировочный рефлекс», изучением которого занимались И.М. Сеченов [8] и И.П. Павлов [6], рассматривавшие ориентировку как «физиологический процесс, функция которого заключается в приспособлении организма к окружающей среде» [2].

В дальнейшем П.Я. Гальперин [1] и его последователи изучали «ориентировочную основу действия применительно к предметной деятельности субъекта, в контексте концепции поэтапного формирования умственных действий и понятий в процессе решения человеком предметно-практических задач» [2].

В настоящий момент совместная деятельность активно изучается в социальной психологии (в основном рассматривается совместная трудовая, учебная, спортивная, игровая, общественная деятельности) [2, 3, 4, 5, 9]. Музыкально-творческой коллективной деятельности, к сожалению, исследователями уделяется не так много внимания. Причем, по нашим наблюдениям, «совместная деятельность рассматривается либо по аналогии с индивидуальной деятельностью, либо как сумма индивидуальных деятельностей» [2].

Как мы отмечали в наших прежних публикациях, «структуру совместной деятельности образуют групповые цели и задачи, общие мотивы, совместные действия (способы и приемы выполнения), групповые результаты» [2, 3].

Ориентировочная основа совместной деятельности именно музыкальных коллективов в социальной психологии до сих пор детально не исследована.

Социально-психологические аспекты ориентировочной основы совместной деятельности малой группы изучаются нами на базе Курского государственного университета, где, начиная с октября 2022 года в рамках Культурно-досугового центра действует творческое объединение музыкантов-студентов «Название будет позже» («НБП», группа ВКонтакте: https://vk.com/will_be_later).

В составе этого объединения существует несколько музыкальных коллективов как с постоянным, так и с мобильным составом (один и тот же музыкант или исполнитель может входить в состав сразу нескольких кавер-групп). В творческом объединении «НБП» состоят студенты разных курсов различных факультетов Курского государственного университета, причем среди них были как профессиональные музыканты (окончившие музыкальное отделение школы искусств и/или являющиеся студентами факультета искусств и арт-педагогики КГУ), так и начинающие, не имеющие музыкального образования.

Руководителями творческого объединения «Название будет позже» являются также студенты, обучающиеся в магистратуре, организовавшие в 2019/2020 учебном году кавер-группу «Кавертон» и в течение нескольких лет неоднократно становившиеся лауреатами многочисленных как региональных, так и всероссийских и международных конкурсов, победителями фестиваля «Студенческая весна Соловьиного края». По сути, сами руководители ТО «НБП» являются членами этого творческого объединения и выступают в составе одной из его групп, а нередко – и вместе с молодыми исполнителями. Такой разнородный и непостоянный состав изучаемого коллектива вносит свои корректировки в процесс организации исследования.

Эксперимент предполагает два аспекта: лабораторный и естественный. Применялись прибор-модель «Арка» и бланковые методики, а также наблюдение и методики экспертной оценки.

Аппаратурная методика «Арка», разработанная в конце 60-х гг. XX века коллективом курских ученых, прекрасно зарекомендовала себя и успешно используется сотрудниками кафедры психологии Курского государственного университета на протяжении целого ряда лет. Прибор-модель «Арка» предназначен «для решения групповой задачи, тре-

бующей согласованных действий группы людей в количестве от 2 до 20 человек самого разного возраста» [7, 10], а также «для изучения таких компонентов организованности группы, как единство действий и мнений, уровень психологического настроя, лидерства и мотивации» [7]. В данной методике заложено «сочетание эвристик с алгоритмическими способами решения задачи» [10].

В качестве экспериментальных групп были определены музыкальные ансамбли, составляющие творческое объединение «Название будет позже».

Уровень организованности группы фиксировался нами с использованием «Карты-схемы психолого-педагогической характеристики группы», разработанной Л.И. Уманским, А.С. Чернышевым и другими представителями данной научной школы [2, 9].

Ориентировочная основа совместной деятельности исследуемых музыкальных коллективов в составе единого творческого объединения «Название будет позже» измерялась и описывалась с помощью «таких показателей, как: 1) групповое взаимодействие, 2) групповая согласованность действий; 3) временной показатель ориентировки» [2, 3].

Отметим, что «результативность совместной деятельности малой группы определяется уровнем сформированности таких критериев ориентировочной основы совместной деятельности, как обобщенность, полнота и способ получения» [2, 9].

Различные комбинации указанных выше критериев образуют такие типы ориентировки, как дефицитарный, переходный и адекватный [2, 9].

Первый тип отличается тем, что ориентировочная основа совместной деятельности проявляется не в полной мере, в обобщенном виде, составляется группой самостоятельно.

Переходный тип ориентировки отличается конкретностью, относительной неполнотой, составлен так же, как и в дефицитарном типе, самостоятельно.

Адекватный же тип можно описать как обобщенную, полную ориентировку совместной деятельности группы, составленную самостоятельно [2, 9].

Кроме того, в ходе опытно-экспериментальной работы (в частности, при сборке разными малыми музыкальными коллективами аппара-

турного прибора «Арка») нами осуществлялась фиксация содержания ориентировочного аспекта совместной деятельности музыкальной группы. Фиксировались в протокол-бланк, в частности, вербальные реакции участников коллектива, которые имели место в процессе совместной деятельности. Эти наблюдения также имеют важную ценность для исследователей, поскольку конкретизируют личностные взаимоотношения между участниками той или иной группы.

В ходе проведения эксперимента было установлено, что для низкоорганизованных групп, как правило, не характерно включение ориентировки в структуру совместной деятельности. Среднеорганизованные группы чаще всего ситуативно включают ориентировку в структуру своей совместной деятельности (это обычно зависит от сложившихся в конкретный момент условий). Высокоорганизованным же группам свойственно «постоянное и регулярное включение ориентировки в структуру совместной деятельности» [2, 3, 9].

Помимо уровня организованности музыкальной группы, по нашим наблюдениям [2], детерминантами ориентировочной основы совместной деятельности выступает групповой опыт такой совместной деятельности (чем больше ансамбль активно функционирует в составе данного малого музыкального коллектива, тем ярче это проявляется), но собственно длительность существования музыкальной группы в то же время не оказывает заметного влияния на содержание совместной деятельности и ее ориентировочную основу.

Итак, проведённое исследование показало, что в малых группах в составе творческого объединения «Название будет позже» в целом имеет место адекватный тип ориентировочной основы совместной деятельности, хотя в разных творческих составах (музыкальных группах объединения) наблюдается также дефицитный (у молодых ансамблей) и переходный типы (в разновозрастных группах).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин П.Я. Типы ориентировки и типы формирования действий и понятий // Доклады АПН РСФСР. № 2, 1958. СС. 75–78.
2. Гамова (Скорикова) Е.И. Социально-психологические аспекты ориентировочной основы совместной деятельности малых молодёжных групп: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2013. 143с.

3. *Гамова (Скорикова) Е.И.* Ориентировка как условие результативности совместной деятельности малых молодежных групп [Эл. ресурс] // «Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета», № 4 (20). 2011. [Режим доступа: <http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=22>].
4. *Журавлев А.И.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2005, 628с.
5. *Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // «Психологический журнал», № 5. Т. 2., 1981. СС. 67–72.
6. *Павлов И.П.* Избранные труды. М.: «Медицина», 1999, 447с.
7. *Сарычев С.В., Чернышев А.С.* Аппаратурная методика «Арка» как метод социально-психологического исследования // «Вестник практической психологии образования», №1 (18), 2009. СС. 112–117.
8. *Сеченов И.М.* Психология поведения: Избр. психол. тр. Воронеж: МОДЭК, 1997. 315с.
9. *Скорикова Е.И.* Ориентировочная основа совместной деятельности малых молодежных групп (социально-психологические аспекты). Курск: ЗАО «Университетская книга», 2024. 109 с.
10. *Чернышев А.С., Лунев Ю.А., Сарычев С.В.* Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. Москва: Институт психологии РАН, 2005, 190с.

REFERENCES

1. *Galperin P.* (1958). Types of Orientation and Types of Action and Concept Formation // Reports of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, No. 2. PP. 75–78.
2. *Gamova (Skorikova) E.* (2013). Socio-Psychological Aspects of the Orienting Basis of Joint Activity in Small Youth Groups (PhD Thesis in Psychology). Kursk, 143p.
3. *Gamova (Skorikova) E.* (2011). Orientation as a Condition for the Effectiveness of Joint Activity in Small Youth Groups [El. resource]. Scientific Notes. Electronic Scientific // “Journal of Kursk State University”, No. 4 (20). Available at: [<http://scientific-notes.ru/index.php?page=6&new=22>]
4. *Zhuravlyov A.* (2005). Psychology of Joint Activity. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 628p.
5. *Lomov B.* (1981). On the Problem of Activity in Psychology // “Psychological Journal”, No. 5. Vol. 2. PP. 67–72.
6. *Pavlov I.* (1999). Selected Works. Moscow: Meditsina Publishing, 447p.
7. *Sarychev S. & Chernyshev A.* (2009). “Arka” Apparatus Method as a Tool for Socio-Psychological Research. Bulletin of Practical Psychology of Education, No. 1 (18). PP. 112–117.
8. *Sechenov I.* (1997). Psychology of Behavior: Selected Psychological Works. Voronezh: MODEK, 315p.

9. Skorikova E. (2024). *The Orienting Basis of Joint Activity in Small Youth Groups (Socio-Psychological Aspects)*. Kursk: ZAO "University Book", 109p.
10. Chernyshev A., Lunev Yu. & Sarychev S. (2005). *Apparatus-Based Methods of Psychological Diagnostics of Groups in Joint Activity*. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 190p.

RESEARCH INVESTIGATION OF THE GUIDELINES FOR JOINT ACTIVITIES OF A STUDENT MUSICAL GROUP

E. Skorikova, N. Smolnyakov

Kursk State University, Kursk, Russia

ABSTRACT

The article examines such a pressing issue as interpersonal interaction in a student musical group. In particular, the author reveals the socio-psychological aspects of the guidance basis for joint activities of a musical group created at Kursk State University. The results of diagnostics conducted with the participants of the creative association "The Name Will Be Later" using the "Arch" hardware technique are described. The musical group consists of students of different courses of different faculties of Kursk State University, including both professional musicians (graduated from the music department of the School of Arts and / or students of the Faculty of Arts and Art Pedagogy), and beginners who do not have a musical education). The leaders of the group are also students – laureates of numerous competitions, winners of the festival "Student Spring of Nightingale Land" and others, who are essentially members of the creative association and perform in a cover group within this association). The study showed that in the group as a whole there is an adequate type of orientation activity, although in different creative compositions (musical groups of the association) there is also a deficit (in young ensembles) and transitional (in different age groups) types of orientation of joint activity.

Keywords: orientation basis, joint activity, hardware technique "Arka", musical student group, creative association.

ДОЛЖЕНСТВОВАНИЕ КАК ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ УБЕЖДЕНИЕ СТУДЕНТОВ В СВЯЗИ С АСПЕКТАМИ САМООТНОШЕНИЯ

Е.А. Степанюк, Е.А. Проненко

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
estepanukwork@gmail.com, heimfull@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению связи иррациональных установок, в частности, долженствования, с аспектами самоотношения студентов высших учебных заведений. *Цель:* выявить проявление иррациональных установок в образовательной среде в связи с аспектами самоотношения. *Актуальность исследования* заключается в том, что выявление связи долженствования и аспектов самоотношения позволяет выявить влияние на психологическое здоровье студентов, на самооценку и удовлетворенность жизнью в целом. Это поможет разработать меры для улучшения их психического и академического благополучия. В результате мы пришли к выводу, что каждый студент в определенной степени имеет иррациональные убеждения, с наиболее высоким уровнем установки «катастрофизация» и проблемой отсутствия самопривязанности, что указывает на неуверенность в себе. Значимой корреляции между долженствованием и аспектами самоотношения не было обнаружено; это позволяет по-новому взглянуть на природу иррациональных убеждений.

Ключевые слова: иррациональные убеждения, установки, самоотношение, рационально-эмоционально-поведенческий подход, долженствование.

Введение

Иррациональные установки представляют собой жесткие, негибкие, неадаптивные убеждения, основанные на абсолютистских требованиях к себе, другим людям или миру. Они часто выражаются в мыслях

с категоричными формулировками – такими, как «я обязан», «другие должны», «это – катастрофа». А. Эллисом в рационально-эмоционально-поведенческой терапии выделяются основные иррациональные установки.

1. Установка «катастрофизация» отражает восприятие людьми различных неблагоприятных событий как ужасных, невыносимых.

2. «Долженствование в отношении себя» и «долженствование в отношении других» указывают на наличие чрезмерно высоких требований к себе и к другим.

3. «Фрустрационная толерантность» отражает слабую переносимость различных фрустрирующих ситуаций. Основываясь на этом убеждении, человек полагает, что не сможет достичь счастья ни при каких обстоятельствах, если произойдет событие, которое, по его мнению, «не должно» было случиться.

4. «Оценочная установка» измеряет склонность оценивать не отдельные черты или поступки людей, а личность в целом [6].

Остановимся на установке долженствования. Она может привести к трем возможным когнитивным следствиям в каждой из этих сфер (в случае неудовлетворения этих требований) – катастрофизации, низкой толерантности к фрустрации и оценочной установке (себя, других и/или мира), что и обуславливает различные дисфункциональные реакции человека [4].

Итак, согласно рационально-эмоционально-поведенческой терапии, причиной любых неадаптивных эмоций (тревоги, гнева, обиды, подавленности, вины, стыда, ревности, зависти) выступает долженствование [1]. Следовательно, из-за своей иррациональной и догматичной природы установка «долженствование» неизменно вызывает негативные эмоции, поскольку реальность не подчиняется человеческим желаниям. Когда требования сталкиваются с реальностью, возникает конфликт между тем, что есть, и тем, что «должно быть» [5].

Самоотношение включает в себя самооценку, уверенность в себе и самоуважение. Самоотношение представляет собой совокупность установок, эмоций и оценок, которые человек направляет на самого себя, определяя его восприятие собственной личности и возможностей. Гипотеза заключается в том, что установка долженствования может быть связана с аспектами самоотношения, когда человек не достигает поставлен-

ных целей, он склонен воспринимать это как личную неудачу, что ухудшает отношение к себе. Например, студент, считающий, что он «должен» быть успешным всегда и во всем, может испытывать глубокое разочарование в себе при столкновении с малейшими трудностями или ошибками.

Несомненно, автор РЭПТ всегда рассматривал иррациональные установки как причину психических заболеваний и состояний: депрессия, стресс, дистресс, невроз, тревожность. Поэтому установка долженствования не является исключением, многие психологи описывали свои исследования через призму пагубного влияния на личность в целом. Сам А. Эллис выпустил книгу о том, как долженствование (абсолютистское и догматическое мышление) и обобщение влияют на депрессивное восприятие мира и как многие данным фактором пренебрегают [7].

Многие исследования показывают, что среди студентов высока степень выраженности иррациональной установки долженствования. Например, исследование Н.Г. Быструшкиной и О.А. Титовой психологического факультета первого курса выявило, что значительная часть участников испытывает давление из-за своих собственных завышенных ожиданий и требований, связанных с учебой и личной жизнью. Эти убеждения создают внутреннее напряжение, приводя к снижению самооценки и увеличению уровня тревожности, что, в свою очередь, влияет на их успешность в учебе [3].

Исследования, приведенные среди студентов медицинского университета А.А. Жилеевой, показали, что иррациональные установки влияют на профессиональное становление студентов. Убеждения, связанные с необходимостью быть идеальным во всем, создают дополнительное эмоциональное напряжение, снижая уверенность в себе и усиливая внутренний конфликт. Когда студенты убеждены, что они «должны» быть всегда успешными, то это приводит к снижению самооценки и повышенной тревожности [2].

Коррекция установки долженствования позволяет человеку заменить абсолютистские убеждения более гибкими. Вместо «Я должен быть идеальным» формируется установка «Я стремлюсь к лучшему, но ошибки – это нормально». Это снижает внутреннее напряжение, укрепляет уверенность в себе и способствует более адекватному восприятию

своей личности и способностей. Таким образом, работа с установкой долженствования играет важную роль в улучшении самооценки и общего психоэмоционального состояния.

Цель нашей работы – выявить проявление иррациональных установок в образовательной среде в связи с аспектами самоотношения.

Выборка

В исследовании приняла участие группа студентов обоих полов ЮФУ и ДГТУ г. Ростов-на-Дону в возрасте от 17 до 24 лет и в количестве 55 человек. Мы будем рассматривать проявление иррациональных установок в образовательной среде в связи с аспектами самоотношения, с дальнейшим применением корреляционного анализа Спирмена. Опросники были представлены респондентам в Google-form.

Методы и методики

Мы использовали две психологические диагностические методики:

1. Методика исследования самоотношения С.Р. Пантеева, состоящая из 110 вопросов для изучения самосознания личности, включающая следующие факторы: внутренняя честность, самоуверенность, саморучководство, отраженное самоотношение, самооценность, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение.

2. Методика диагностики иррациональных установок Н. Kassinove, A. Berger в адаптации А.Г. Каменюкина и Д.В. Ковпак. Она включает в себя 50 вопросов, каждый имеет по 6 вариантов ответа для определения доминирующего иррационального убеждения, в нашем случае, у студентов высших учебных заведений.

Результаты и обсуждение результатов

В ходе анализа результатов мы выявили, что, в среднем, у 48% опрошенных студентов имеются выраженные иррациональные убеждения по всем группам. Как показано на гистограмме (Рис. 1) 51% респондентов имеют выраженную установку «долженствование в отношении себя», что характеризуется чрезмерными требованиями к себе, у остальных

ного процента опрошенных видно ее наличие, у 24% «долженствование в отношении других» проявляется в представлениях о том, как другие должны обращаться с человеком, что могут делать, а чего – нет. К выраженным иррациональным убеждениям также относятся: 76% – «катастрофизация»: человек оценивает каждое событие как ужасное и невыносимое, 51% – «фрустрационная толерантность», в этом случае человек имеет низкий уровень стрессоустойчивости, и 38% – «оценочная установка» – отражает, как индивид воспринимает себя и окружающих. Наличие данной установки может указывать на то, что человек склонен оценивать не отдельные качества или действия людей, а их личность в целом, слова-маркеры «глупый/умный», «никудашный», «хорошо/плохо», «безнадежный». В каждой группе установок мы видим, что каждый имеет иррациональную установку, пусть и не выраженную, но она есть, так только «оценочная установка» выбивается из списка, 5% людей не имеет данную установку. При складывании процентного соотношения данной группы убеждений у нас выходит 99%, это объясняется тем, что человек может иметь несколько установок одновременно.

Рисунок 1. Иррациональные убеждения у студентов.

Результаты исследования самооотношения мы можем поделить на три уровня: низкий, средний и высокий. При условии, что средний уровень для нас не имеет никакой значимости, мы рассмотрим только низкий и высокий уровни (Рис. 2).

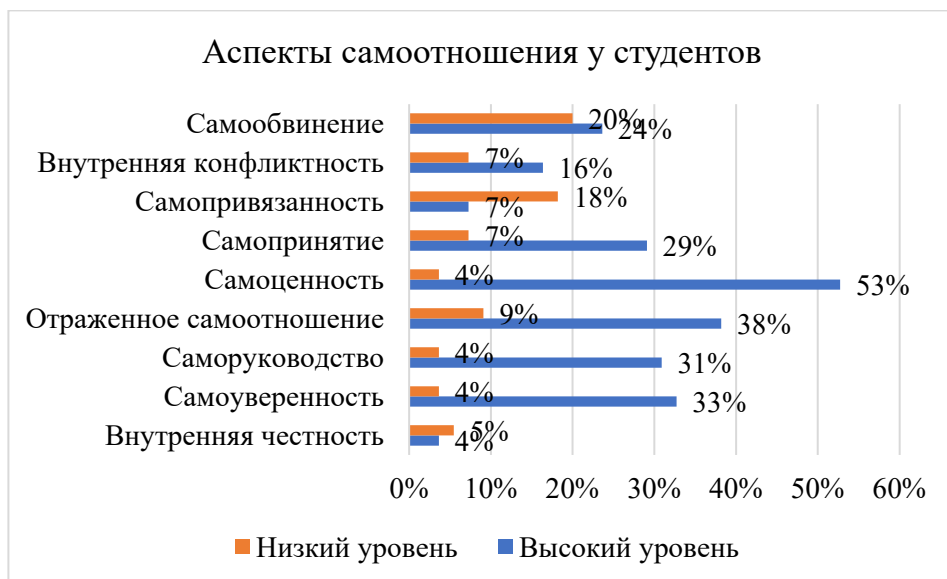

Рисунок 2. Аспекты самооотношения у студентов.

Исходя из показателей низкого уровня проявления факторов, мы можем сделать вывод, что у студентов высших учебных заведений выделяется самообвинение (20%) и самопривязанность (18%). Самопривязанность характеризуется неуверенностью в себе: у такого человека огромное желание что-то в себе поменять, соответствовать идеальному представлению о себе. Однако же самообвинение, которое также имеет низкий уровень, наоборот, говорит нам о том, что такие люди не испытывают к себе негативных эмоций и адекватно воспринимают свои ошибки и неудачи. Итак, и низкий и высокий уровни проявлений необязательно интерпретируются как что-то пессимистичное или оптимистичное соответственно. Проанализируем высокий уровень проявления факторов. Выделяются следующие значения: самоценность (53%) и отраженное самооотношение (38%). В нашем случае, первое отражает ощущение ценности своей личности и предполагает ценность своего «Я»

для других, а второе свидетельствует вере, что характер человека, его личность, деятельность могут вызывать у других людей симпатию и уважение.

Полученные результаты корреляционного анализа Спирмена отображены в Табл. 1.

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа

Корреляции		Само-уверенность	Само-руководство	Само-ценность	Внутренняя конфликтность	Самообвинение
Катастрофизация	Сила связи			-,335*		
Оценочная установка	Сила связи				-,335*	-,466**
Фрустрационная толерантность	Сила связи	,305*	,276*		-,321*	

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод, что значимых корреляции почти отсутствуют. С такими установками, как «долженствование в отношении себя/других», наличия корреляций и вовсе нет. Внутренняя честность, отраженное самоотношение, самопринятие, самопривязанность не имеют никакой связи с иррациональными установками в нашем исследовании. Лишь самообвинение имеет отрицательную связь средней силы с оценочной установкой: это говорит о том, чем выше уровень самообвинения, тем меньше проявляется оценочная установка как иррациональное убеждение.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что каждый студент в той или иной степени имеет иррациональные убеждения, самый высо-

кий показатель (76%) – катастрофизация по методике диагностики иррациональных установок, из результатов анализа, по другой методике, самая частая проблема – отсутствие самопривязанности, что означает неуверенность в себе, желание стать идеальнее. Мы также выяснили, что корреляции долженствования как иррационального убеждения студентов в связи с аспектами самоотношения не наблюдается в значительной связи, у нас была гипотеза, что такое возможно, и некоторые авторы про это писали. В нашей выборке были обнаружены только: отрицательная корреляция между катастрофизацией и самооценностью значит, что при высоком уровне самооценности, при котором человек проявляет любовь к себе и вызывает у других симпатию, данная установка не проявляется как выраженная; аналогичная сила связи между внутренней конфликтностью и оценочной установкой, человек имеет внутренние несогласия с собой, которые не дают возможности проявиться в установке; эта же установка имеет отрицательную значимую связь с самообвинением в отрицательном аспекте; фрустрационная толерантность, в свою очередь, имеет положительную связь с самоуверенностью, саморуководством и отрицательную связь с самообвинением. В первом случае, человек ощущает силу своего «Я» и внутреннее спокойствие, во втором – ощущает внутренний стержень, осознает способность управлять своей судьбой, но, вместе с тем, в этих случаях глубоко переживает неудачи, тогда как в третьем случае отрицанием проблем понижает вероятность появления установки в выраженном виде.

Следовательно, долженствование не связано с аспектами самоотношения, что открывает путь к дальнейшему изучению связей иррациональных убеждений с другими психологическими параметрами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боуман А.В., Тернер М. Дж. Когда время имеет решающее значение: использование рационально-эмоциональной поведенческой терапии (РЭПТ) в сочетании с односеансовой терапией (SST) для снижения социальной и связанной с гольфом тревожности, а также улучшения самочувствия и производительности у любителей гольфа // «Психология спорта и физических упражнений». Т. 60. 2022. СС. 102–167.
2. Быструшкина Н.Г., Титова О.А. Изучение иррациональных убеждений у студентов медицинского университета // «Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение», № 2–3, 2021. СС. 14–15.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-irratsionalnyh-ubezhdeniy-u-studentov-meditinskogo-universiteta> (дата обращения: 05.03.2025).

3. Жилеева А.А. Иррациональные установки студентов-психологов первого курса // «Молодой ученый», № 23 (470), 2023. СС. 450–453. URL: <https://moluch.ru/archive/470/103913/> (дата обращения: 05.03.2025).
4. Качай И.С. Катастрофизация как когнитивный фундамент тревожно-фобических расстройств / Фундаментальные научные исследования: теория и практика: сборник научных трудов по материалам XXV Международной научно-практической конференции, 2024. СС. 12–22. EDN XWYIXU.
5. Качай И.С. Псевдофилософия долженствования как источник эмоциональных расстройств / Научное сообщество XXI века: проблемы и пути их решения: Сборник научных трудов по материалам XXIV Международной научно-практической конференции, 2024. СС. 86–96. EDN KKPQAE.
6. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход. СПб.: Изд-во «Сова»; М.: Изд-во «ЭКМО-Пресс», 2002, 272с.
7. Эллис Л. Когнитивный элемент депрессии, которым несправедливо пренебрегают // «Консультативная психология и психотерапия», № 1. Т. 3. 1994.

REFERENCES

1. Bowman A. & Turner M. (2022). When Timing Is Critical: Using Rational Emotive Behavior Therapy (REBT) Combined with Single Session Therapy (SST) to Reduce Social and Golf-Related Anxiety and Improve Well-Being and Performance in Amateur Golfers // “Psychology of Sport and Exercise”, Vol. 60. PP. 102–167.
2. Bystrushkina N. & Titova O. (2021). Study of Irrational Beliefs Among Medical University Students // “Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Health”, No. 2–3. PP. 14–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-irratsionalnyh-ubezhdeniy-u-studentov-meditinskogo-universiteta> (accessed: 05.03.2025).
3. Zhileeva A. (2023). Irrational Attitudes of First-Year Psychology Students // “Young Scientist”, No. 23 (470), PP. 450–453. URL: <https://moluch.ru/archive/470/103913/> (accessed: 05.03.2025).
4. Kachay I. (2024). Catastrophizing as a Cognitive Basis of Anxiety-Phobic Disorders. In: Fundamental Scientific Research: Theory and Practice / Proceedings of the XXV International Scientific and Practical Conference. PP. 12–22. EDN: XWYIXU.
5. Kachay I. (2024). The Pseudophilosophy of “Musts” as a Source of Emotional Disorders. In: Scientific Community of the 21st Century: Problems and Solutions / Proceedings of the XXIV International Scientific and Practical Conference. PP. 86–96. EDN: KKPQAE.
6. Ellis A. (2002). Humanistic Psychotherapy: A Rational-Emotive Approach. St. Petersburg: Sovo; Moscow: “EKSMO-Press”, 272p.

7. Ellis L. (1994). The Cognitive Element of Depression That Is Unfairly Overlooked. "Consultative Psychology and Psychotherapy", No. 1. Vol. 3.

DEMANDINGNESS AS AN IRRATIONAL BELIEF OF STUDENTS IN RELATION TO ASPECTS OF SELF-ATTITUDE

E. Stepanyuk, E. Pronenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the relationship between irrational beliefs, in particular, demandingness, and aspects of the self-attitude of students of higher educational institutions. Purpose of research: to identify the manifestation of irrational beliefs in the educational environment in connection with aspects of self-attitude. The relevance of the research lies in the fact that identifying the relationship between demandingness and aspects of self-attitude allows us to identify the impact on the psychological health of students, on self-esteem and life satisfaction in general. This will help to develop measures to improve their mental and academic well-being. As a result, the author came to the conclusion that every student has irrational beliefs to a certain extent, with the highest level of the "catastrophization" attitude and the problem of lack of self-attachment, which indicates self-doubt. No significant correlation was found between duty and aspects of self-attitude, which allows us to take a fresh look at the nature of irrational beliefs.

Keywords: irrational beliefs, attitudes, self-attitude, rational-emotional-behavioral approach, demandingne.

ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ՈՐԱԿԻ ԲԱՐՁՐԱՑՈՒՄԸ ՈՐՊԵՍ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ԳՈՐԾՈՆ

Ա. Մտեփանյան

*Վանաձորի Հովհ. Թումանյանի անվան պետական համալսարան,
Վանաձոր, Հայաստանի Հանրապետություն
petrosyan.anahit@gmail.com*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ժամանակակից դարաշրջանում կյանքը փոփոխվում է գրեթե ամեն օր և ամենուր: Այս փոփոխությունները ազդում են և որոշակի չափով արտահայտվում բազմաթիվ երկրներում: Առաջին հերթին տուժում է կրթական համակարգը, որը դրսևորում է անկման միտումներ: Մանկավարժները փորձում են մշակել նոր ուսուցման ռազմավարություններ, ուսումնական-դաստիարակչական աշխատանքի կազմակերպման արդյունավետ մեխանիզմներ, նոր մեթոդներ և հնարավորություններ՝ ուսանողների մոտիվացիայի բարձրացման համար, ինչպես նաև վերջնական արդյունքների գնահատման չափանիշներ, որոնք կհամապատասխանեն ժամանակակից պահանջներին: Այս գործընթացի զարգացման համար անհրաժեշտ է կրթության կազմակերպման և իրականացման տարբեր մոտեցումների ձևավորում, ինչպես նաև ուսուցման և դաստիարակության մասին պատկերացումների հստակեցում: Մանկավարժական մոտեցումները, գաղափարներն ու պատկերացումները կարող են տարբեր լինել, սակայն միաժամանակ լրացնել միմյանց: Հայաստանի Հանրապետությունում տեղի են ունենում իրադարձային, տնտեսական, սոցիալական և պատմական փոփոխություններ, որոնք ընդգծում են մեր սերնդի դաստիարակության և կրթական համակարգի վերափոխման անհրաժեշտությունը՝ դրանք ժամանակակից հասարակության զարգացման պահանջներին համապատասխանեցնելու նպատակով: Ժամանակակից ուսուցման մեթոդների և տեխնոլոգիաների արագ զար-

գացումը խթանում է դասախոսներին անընդհատ ինքնակրթությանը զբաղվել: Սա թույլ կտա ուսումնական գործընթացում կիրառել անհրաժեշտ սկզբունքներ, նոր մեթոդներ, որոնք կնպաստեն ուսանողների կրթության արդյունավետության և որակի բարձրացմանը, ինչպես նաև կխթանեն նրանց ինքնուրույնությունն ու ճանաչողական ակտիվությունը:

Համնաբառեր՝ գնահատման չափանիշներ, գիտելիքների խորություն, գիտելիքների որակ, մոտիվացիա, յուրացման մակարդակ:

Նախաբան

Արդի ժամանակաշրջանում կյանքը փոխվում է գրեթե ամեն օր և ամենուրեք: Այդ փոփոխություններն իրենց ազդեցությունն են թողնում և դրսևորվում են այս կամ այն չափով շատ երկրներում: Առաջին հերթին, տուժում է կրթական համակարգը, որն անկման միտում է ձեռք բերում: Մանկավարժները փորձում են մշակել կրթության նոր ռազմավարություններ, ուսումնական առարկայական աշխատանքների կազմակերպման նոր արդյունավետ մեխանիզմներ, սովորողների ուսման մոտիվացիայի բարձրացման նոր հնարներ, հնարավորություններ, ինչպես նաև ձևավորվող վերջնարդյունքների գնահատման չափանիշներ, որոնք կհամապատասխանեն արդի պահանջներին: Նման գործընթացի զարգացման համար անհրաժեշտ է կրթության կազմակերպման և իրականացման տարբեր մոտեցումների, ուսուցման և դաստիարակության մասին պատկերացումների ձևավորում: Մանկավարժական մոտեցումները, պատկերացումներն ու գաղափարներն, իհարկե, կարող են և՛ տարբերվել, և՛ միմյանց լրացնել:

Հայաստանի Հանրապետությունում տեղի են ունենում իրադարձային, տնտեսական, սոցիալական, պատմական, փոփոխություններ, որոնք ակնհայտ են դարձնում մեր սերնդի դաստիարակության և կրթական համակարգի վերակառուցման անհրաժեշտությունը և համապատասխանությունը հասարակության զարգացման ժամանակակից պահանջներին: Ուսուցման ժամանակակից մեթոդների, տեխնոլո-

գիւաների արագ զարգացումը ստիպում է, որպէսզի դասավանդողները անընդմեջ զբաղվեն ինքնակրթությամբ: Դա հնարավորություն կտա ուսուցման գործընթացում կիրառել այնպիսի նոր մեթոդներ, որոնք կնպաստեն ուսանողների ուսուցման արդյունավետության և որակի բարձրացմանը, ինչպէս նաև կխթանեն ուսանողների ինքնուրույն և ճանաչողական գործունեության մոտիվացիան: Իսկ հնարավոր է այդ իրականացնել միայն պլանավորված և կազմակերպված ուսումնական գործընթացի միջոցով, որը կներառի իր մեջ տարբեր մեթոդներ, կկրի համագործակցային բնույթ և կնպաստի ուսանողների ակտիվացման, ինքնուրույն մտածողության, ազատ արտահայտման, որոշումների կայացման, ինքնուրույն կողմնորոշման և այլ հմտությունների ձևավորմանն ու զարգացմանը:

Բովանդակություն

Ի՞նչ է մեթոդը: Մեթոդն այն մեխանիզմն է, որը ուղղություն է ցույց տալիս դասավանդողի և ուսանողների փոխկապակցված նպատակային գործունեության իրականացմանը: Իսկ թե ինչպիսի՞ն կլինի դասը, արդեն կախված է ստեղծված աշխատանքային պայմաններից, որը պետք է ապահովի դասախոսը: Այդ պայմանների ստեղծումը պետք է ներառի այնպիսի մեթոդներ, որոնք կխթանեն և կկարևորեն ուսանողի դերը, գիտելիքի, կարողությունների ձեռքբերման մասնակցությունը և ակտիվությունը:

Նախ և առաջ պետք նշել, որ ինքը՝ դասախոսը պետք է տիրապետի դասավանդման համար համապատասխան անհրաժեշտ կոմպետենտությանը. համապատասխան ուսումնական աշխատանքային պայմանների ստեղծում, համակարգված տեսական և գործնական գիտելիքների տիրապետում, հիմնական դասընթացների ուսումնական ծրագրերի իրականացում, ժամանակակից մեթոդների իրականացում և այլն: Դասախոսը պետք է առաջնորդվի մի շարք սկզբունքներով, որոնք ընկած են ուսուցման գործընթացի հիմքում և որոնցից յուրաքանչյուրը հանդես է գալիս որպէս առաջնորդող գաղափարներ, նորմեր կամ գործունեության կանոններ: Այդ սկզբունքներն են որոշում ինչպէս դա-

սավանդման և ուսուցման հարաբերությունների բնույթը, այնպես էլ դասախոսի և ուսանողների գործունեության առանձնահատկությունները:

✓ Թափանցիկության սկզբունք՝ (ներգրավված սուբյեկտների փոխհամագործակցություն),

✓ ամբողջականության սկզբունք՝ (մարդու որպես ամբողջական համակարգի դաստիարակություն, ուսուցում, զարգացում),

✓ որոշումներ ընդունելու սկզբունք՝ (կոլեգաների հետ համատեղ, ոչ մեկանձնյա, պայմանավորված սոցիալական և մանկավարժական բնույթով) և կատարում են հետևյալ գործառույթները. գործունեության կազմակերպում, կրթական մեխանիզմների մշակում, մասնագիտական հիմնական գաղափարների ինտեգրում, մանկավարժական մեթոդների ընտրություն և այլն:

✓ դասավանդողների անձնային, մասնագիտական մշակույթի մակարդակները հաշվի առնելու սկզբունք՝ (մտածողություն, սոցիալական շփում, առարկայական իմացություն և այլն),

✓ շարունակաբար, ներդաշնակ կատարելագործվելու, ինքնակրթությամբ զբաղվելու սկզբունք,

✓ մանկավարժական գործընթացի սուբյեկտների ներաշխարհի և արտաքին աշխարհի հետ համագործակցելու, նոր տեխնոլոգիաների կիրառումը ինքնուրույն որոշելու, արտահայտված դրդապատճառների առկայությունը դիտարկելու սկզբունք (հաշվի առնելով «արտաքին իրադրությունը» և բացահայտելով պատկերացումները, վերաբերմունքը դրա վերաբերյալ),

✓ սովորողների՝ ապագա մասնագետների, անհատական առանձնահատկությունների, անձնային և մասնագիտական զարգացման ուղու ազատ ընտրման հնարավորության սկզբունք,

✓ մանկավարժական համակարգի, բարեփոխման, զարգացման նոր ուղղություններ, նպատակներ սահմանելու, նորարարական առաջընթաց ապահովելու սկզբունք,

✓ մանկավարժական կրթության մեջ պայմաններ ստեղծելու, մանկավարժների մոտ նոր որակներ (շարժունակություն, նորարարություն, ճկունություն և այլն) ձևավորելու և դինամիկ զարգացնելու սկզբունք,

✓ արդյունավետության ապահովման սկզբունք՝ (ուսուցչի պատրաստման որակի գնահատման չափանիշների որոշում, մշտադիտարկում),

✓ կրթության ժամանակակից վերլուծության, կանխատեսման, նախագծման, հեռանկարային զարգացման ապահովման սկզբունք [1, էջ 8]:

Բայց մեր ամենակարևոր խնդիրն է դասավանդողին գաղափար տալ այն նպատակների մասին, որոնց պետք է հասնել գիտելիքների հետ կապված, բացահայտել և սահմանել գիտելիքների որակի համակարգը: Դա անհրաժեշտ է ոչ միայն որակի համակարգի յուրաքանչյուր գիտելիքի յուրացման մոտիվացվածության բացատրման համար, այլև գիտելիքների յուրացման մակարդակների և գնահատման չափանիշների սահմանման և ախտորոշման նպատակով [7, էջ 8]:

Գլոբալիզացիայի գործընթացները և տեղեկատվական տեխնոլոգիաների զարգացումը այս խնդիրը դարձնում են գերակա՝ ունենալով ընդհանուր-ազգային նշանակություն: Ժամանակակից դարաշրջանը մտավոր աշխատանքի աշխատողների դարաշրջանն է, և մեր երկրի ապագան մեծապես կախված է նրանից, թե որքանով ենք մենք պատրաստված այս դարաշրջանի իրողություններին:

Բարձրագույն կրթության ոլորտում դասավանդման որակի բարձրացումը բարդ, բազմաբովանդակ նոր գործընթաց է, որը ենթադրում է սոցիալ-տնտեսական, սոցիալ-հոգեբանական և բարոյաէթիկական բնույթի միջոցառումների մի ամբողջ համալիր: Այնուամենայնիվ, առաջին հերթին պետք է որոշվի «Կրթության որակ» հասկացությունը:

Պարզաբանենք, թե ինչ է նշանակում «Կրթության որակ» հասկացությունը: «Կրթության որակ» հայեցակարգի ներքո ընդունված է համատեղել բարձրագույն ուսումնական հաստատությունում ուսումնառության ընթացքում ձեռք բերված գիտելիքների ծավալը, ինչպես նաև ձեռք բերված գիտելիքները գործնականում կիրառելու ունակությունը: Չափորոշիչները, որոնցով այսօր որոշվում է կրթության որակը, համարվում են համալսարանի ռեսուրսները և դրանց համապատասխանության գնահատման ցուցանիշները՝ դասախոսական կազմը, նյութական բազան, կրթական ծրագրերը և այլն, ինչպես նաև գիտական

դպրոցների առկայությունը, գործատուների բավարարվածությունը շրջանավարտների զարգացման որակից, շրջանավարտների կարիք-րայի աճը, որը բնութագրվում է պատշաճ սանդուղքի առաջխաղացմամբ և աշխատավարձի աճով:

Կրթության որակը որոշվում է այն չափանիշներով, որոնց հիման վրա այսօր որոշվում վերը նշված չափանիշները: Դա կարող է լինել այնպիսի կարևոր ցուցանիշ, ինչպիսին է բարձրագույն դպրոցի շրջանավարտի բարոյական կերպարը: Այս ցուցանիշը ցույց է տալիս, թե որքան կարևոր է բարձրագույն կրթության շրջանավարտի բարոյական կերպարը: Ինչպես ցույց են տալիս բոլոր նախորդ փորձը և պրակտիկաները, հենց բարոյական կերպարը ցանկացած մակարդակի մասնագետի անհատականության մեջ հիմնարար ցուցանիշն է [8, էջ 82]:

Այն հատկապես կարևոր է երիտասարդ մասնագետների համար, ուստի «կրթության որակ» հասկացությունը պետք է լրացվի այս չափանիշով: Կրթական բաղադրիչի վերադարձը ուսումնական գործընթաց մեծ հնարավորություններ է բացում այս առումով: Սակայն որակյալ կրթությունը սկսվում է, առաջին հերթին, բարձրագույն դպրոցի պրոֆեսորադասախոսական կազմի պրոֆեսիոնալիզմով՝ դասախոսական կազմի որակավորման բարձրացմամբ: Համալսարանում դասավանդման որակի համար պատասխանատու հիմնական ուղղություններից մեկը անձնակազմի ընտրության և վերապատրաստման համակարգն է, որը ղեկավարում է համալսարանի ղեկավարությունը և ամբիոնները: Անհրաժեշտ է ստեղծել երիտասարդ դասավանդողի դպրոցներ, որտեղ նրանք ձեռք կբերեն ոչ միայն կոմունիկատիվ հմտություններ, այլև ինքնագնահատականի բարձրացում, ստանդարտ և ոչ ստանդարտ իրավիճակներում աշխատելու ունակություն, կրթական նոր տեխնոլոգիաներին ծանոթություն, դասավանդման որակի բարձրացում:

Դիտարկենք «որակ» հասկացության մի քանի սահմանումներ: Ըստ Ս.Ի. Օժեգովի և Յու. Շվեդովայի բացատրական բառարանի՝ առաջարկվում է հետևյալ սահմանումը. «որակ»-էական հատկանիշների, հատկությունների, առանձնահատկությունների ամբողջություն, որոնք տարբերակում են առարկան կամ երևույթը մյուսներից և տալիս նրան որոշակիություն» [9, էջ 270]:

Ռուսաց լեզվի ռուսերեն ժամանակակից բացատրական բառարանում տրված է նմանատիպ սահմանում. «որակ»-ը հատկությունների և նշանների մի շարք է, որոնք որոշում են նմուշի համապատասխանությունը, ինչ-որ բանի համապատասխանությունը» [3, էջ 348]:

Ըստ Ի.Յա. Լեբնեի՝ կարելի է ասել, որ «որակ» հասկացությունը օբյեկտի բնութագրի էությունը բացահայտող կայուն և մշտական հատկությունն է, բնութագիրը [7, էջ 11]:

Մաքուր թերթերի հավաքածու մեկ կազմով, բայց առանց տեքստի՝ գիրք չենք կարող անվանել, քանի որ չի պարունակում բովանդակություն, այսինքն, այս առարկայի մեջ չկա հատկություններ սահմանող գործառույթներ:

«Կրթության որակը»՝ բարձրագույն ուսումնական հաստատության հիմնական մրցակցային առավելությունն է այսօր, քանի որ դրա բարձր մակարդակը սպառողների համար խթան է հանդիսանում ուսումնական հաստատության ընտրության հարցում, որտեղ կարելի է ստանալ այս ծառայությունը:

Կրթական ծառայությունների որակը հատկությունների և բնութագրերի ամբողջություն է, որոնք նրանց հնարավորություն են տալիս բավարարել պայմանավորված կամ ընկալվող կարիքները:

Կրթության բովանդակության որակն է. դասավանդման որակը, տեղեկատվական և հաղորդակցական կրթական տեխնոլոգիաների որակը, ներառյալ դրանց հիման վրա մշակված էլեկտրոնային ուսուցման գործիքների որակը և կրթության արդյունքների որակը [6, էջ 123]:

Ի՞նչ է նշանակում «գիտելիքի որակ» հասկացությունը:

Դրանք այն որակներն են, որոնք բացահայտվում են մարդու կողմից տարբեր տեսակի գործունեության մեջ գիտելիքների յուրացման և կիրառման վերլուծության արդյունքում:

Մանկավարժության մեջ «գիտելիքների որակ» հասկացությունը նախատեսում է «գիտելիքների տեսակների (օրենքներ, տեսություններ, կիրառական, մեթոդաբանական, գնահատման գիտելիքներ) փոխկապակցում կրթության բովանդակության տարրերի և, այդպիսով, ձուլման մակարդակների հետ: Նման հարաբերակցությունը անհրաժեշտ է, քանի որ յուրաքանչյուր գիտելիք պոտենցիալ կապված է կիրառման

եղանակի հետ, կարող է ներառվել ստեղծագործական գործունեության մեջ և ձեռք բերել այս կամ այն նշանակությունը [11, էջ 114]:

Ինչպես գիտելիքները, այնպես էլ որակները ձևավորվում են աստիճանաբար, փուլերով, մի որակը կարող է ձևավորվել յուրացման առաջին մակարդակում, մյուսները՝ երկրորդ, երրորդ և այլն: Նման մոտեցումը կոչվում է դիդակտիկ մոտեցում: Այս մոտեցումը ուսումնասիրվել է Լերների Սկատկինի, Կուլիբաբայի և այլնի կողմից: Նրանց հետազոտությունների մեջ շեշտը դրվում և հետազոտվում են գիտելիքների յուրացման այնպիսի բնութագրեր, ինչպիսին են՝ ճշգրտություն, հստակություն, ամբողջականություն, ընդհանրացում, խորություն, համակարգություն հետևողականություն (*системность*), համակարգվածություն (*систематичность*), ամրություն, գիտելիքների արդյունավետություն և այլն: Լերները գտնում է, որ անհրաժեշտ է հաշվի առնել գիտելիքների որակի ապահովման պայմաններն ու առանձնահատկությունները, որը իր հերթին բերում է գիտելիքների կիրառման հարցի մեկնաբանմանը [10, էջ 114]:

Գիտելիքների կիրառումը բաղկացած է յուրացման 3 մակարդակից:

Առաջին մակարդակը ապահովում է ամբողջականությունը, խորությունը, կոնկրետությունը և ընդհանրացումը և համակարգայնությունը:

Երկրորդ մակարդակը կատարելագործելով թվարկած որակները, ձևավորում է ընդլայնվածությունը (ծավալում՝ *развернутость*), պարփակումը (*свернутость*), ամրությունը, գիտակցվածությունը:

Գիտելիքների յուրացման **երրորդ մակարդակը**, բարելավելով բոլոր որակները, փոխարինելի չէ գիտելիքներին ճկունություն հաղորդելու համար: Ուսանողների ներգրավումը նրանց համար իրագործելի ստեղծագործական գործունեության գործընթացում՝ պահպանելով ուսուցման բոլոր նորմերը, ըստ Լերների երաշխիք է դառնում, որ նրանց գիտելիքները ձեռք կբերեն լիարժեքություն և որակյալ ամբողջականություն:

Այսպիսով, գիտելիքների որակը, որպես ամբողջություն, բարդ համակարգային կրթություն է, քանի որ գիտելիքների որակների պայ-

մանականորեն առանձնացված խմբերը կարող են ներկայացվել որպես «շերտեր» ուսանողների անհատականության կառուցվածքում, և որպես գիտելիքների յուրացման՝ որակի փուլեր (մակարդակներ), որոնք իրականացնում են գործառնություններ ուսուցման գործընթացում»։ Այսպիսով, «գիտելիքների յուրացման արդյունքների որակները կարող են ներկայացվել որպես ուսանողների գիտելիքների, հմտությունների և կարողությունների գնահատման չափանիշներ»։

Այդ պատճառով էլ առաջանում են դժվարություններ որակի համակարգի ամբողջականությունը որոշելու հարցում։ Այն որոշելու համար հաշվի է առնվում ուսանողների գիտելիքներն ու ձևավորված որակները վերջնարդյունքում, այսինքն՝ լիարժեք ուսումնառության արդյունքում [2, էջ 3]։

Գիտական գիտելիքների ցանկացած ճյուղ, որն ուսումնասիրվում է համալսարանում և համարվում է գիտություն, ներկայացնում է գիտե-

լիքների որոշակի հաստատված համակարգ և ունի ներքին կառուցվածք, որոշակի կառուցվածք, որն իր մեջ ներառում է որոշ տարրերի, մասերի համադրություն, որոնք սերտորեն կապված են միմյանց հետ:

Հետևաբար, երբ խոսքը վերաբերում է գիտական գիտելիքներին, որոնք ուսանողը յուրացնում է որպես գիտելիքների առարկա, մենք նկատի ունենք ոչ թե առանձին հատվածներ, այլ բոլոր այն տարրերը (նշանները), որոնք բնութագրում են գիտական արդյունաբերությունը որպես ամբողջություն [4, էջ 101]:

Գիտելիքների բոլոր որակների միջև կա որոշակի կապ: Յուրաքանչյուր որակ գիտելիքին տալիս է յուրահատուկ հատկություններ, որոնք լրացնում են միմյանց: Այսպիսով, ուսանողը որքան ավելի շատ գիտելիքներ ձեռք բերի նրանց միջև կապերի մասին, այնքան ավելի շատ իրավիճակներ, որոնց վրա նա կարող է կիրառել այդ գիտելիքները [7, էջ 16]:

Գիտելիքների միջև գոյություն ունեցող էական կապերի ամբողջության գիտակցվածությունը ուսանողների կողմից բնութագրում է գիտելիքների խորությունը:

Կրթական հաստատությունների արդյունավետության մասին կարելի է խոսել այն դեպքում, երբ բավարար են սահմանված գիտելիքների պահանջվող որակները, դրանց ձևավորման մակարդակները:

Ուսուցման որակը բարելավելու միջոցներից մեկը սովորողների գիտելիքների վերահսկումն է: Գիտելիքը այն մասին, թե ինչպես են ուսանողները «առաջադիմում» ուսումնական նյութը սովորելիս, ինչպես են յուրացնում բովանդակության տարբեր տարրեր, դասախոսը իրեն թույլ է տալիս ռացիոնալ կազմակերպել ամբողջ ուսումնական գործընթացը և հասնել գիտելիքների բարձր որակի:

Գիտելիքների վերահսկումը կարելի է իրականացնել տարբեր ստուգողական, ինքնուրույն աշխատանքների, թեստերի, անհատական և տնային առաջադրանքների, բանավոր հարցումների միջոցով և այլն:

Գիտական աշխատանքի համակարգում վերը քննարկված գիտելիքների վերահսկման բոլոր մեթոդները պետք է գտնեն իրենց կիրառումը, որպեսզի ապահովեն ուսանողների կատարողականի որակի վերահսկման անհրաժեշտ համակարգվածությունն ու խորությունը [7, էջ 38]:

Մեծ ներդրում ունի նաև բրիտանացի ուսուցիչ և բարձրագույն կրթության ոլորտում հետազոտող Ջոն Բիգսը (John Biggs):

Նրա ամենահայտնի աշխատանքը կառուցողական համապատասխանության տեսության մշակումն է (Constructive Alignment), որն առաջարկում է կրթական գործընթացի կազմակերպման ռազմավարություն՝ հաշվի առնելով ուսուցման նպատակների, դասավանդման մեթոդների և գնահատման մեթոդների համապատասխանությունը:

Նրա ներդրումը կրթության ոլորտում ներառում է նաև հետաքրքրություն ակտիվ ուսուցման թեմայի, դասընթացների մշակման, ինչպես նաև ուսանողների ուսուցման գնահատման ոլորտում հետազոտությունների նկատմամբ: Քեթրին Սոսիի համահեղինակությամբ գրված “Teaching for Quality Learning at University” (Ուսուցում համալսարանում որակյալ ուսուցման համար) գիրքը նրա հիմնական աշխատանքներից մեկն է և լայնորեն օգտագործվում է կրթական պրակտիկայում:

Ջոն Բիգսը մշակել է կառուցողական համապատասխանության տեսությունը (Constructive Alignment) 1996 թվականին՝ առաջարկելով բարձրագույն կրթության կրթական ծրագրերի և դասընթացների նախագծման նոր հեռանկար: Այդ տեսությունը լայնորեն ընդունվել է և կիրառվում է մանկավարժության ոլորտում:

Կառուցողական համապատասխանության տեսության հիմնական սկզբունքները ներառում են.

1. Ուսուցման նպատակները (Intended Learning Outcomes – ILOs). հստակ և չափելի ուսուցման նպատակների սահմանում: Այս նպատակները պետք է լինեն այն ուսուցման արդյունքները, որոնք դասախոսը ակնկալում է հասնել ուսանողների հետ:

2. Ուսուցման մեթոդներ (Teaching and Learning Activities). ուսուցման մեթոդների ընտրություն, որոնք լավագույնս համապատասխանում են ուսուցման նպատակների իրականացմանը: Այս մեթոդները պետք է աջակցեն ուսանողների ակտիվ մասնակցությանը և նրանց ներգրավմանը կրթական գործընթացում:

3. Գնահատում (Assessment). գնահատման համակարգի մշակում, որը չափում է ուսուցման նպատակների իրագործումը: Գնահատա-

կանները պետք է կապված լինեն այն բանի հետ, ինչ ուսանողները պետք է իմանան և կարողանան անել ըստ ուսումնական նպատակների:

Տեսության հիմնարար դրույթներն ընդգծում են, որ հաջող ուսուցումը տեղի է ունենում, երբ ուսումնական գործընթացի բոլոր բաղադրիչները՝ նպատակները, ուսուցման մեթոդները և գնահատումը, համապատասխանում են միմյանց: Ուսանողներին տրվում է հստակ պատկերացում այն մասին, թե ինչ է սպասվում իրենցից, և նրանք ակտիվորեն ներգրավված են սահմանված նպատակներին հասնելու ուսուցման գործընթացում [11, էջ 107]:

Կառուցողական համապատասխանության տեսությունը նպաստում է ավելի արդյունավետ ուսուցմանը, խրախուսում է ուսանողներին ակտիվ մասնակցություն ունենալ և օգնում է դասախոսներին ավելի լավ կազմակերպել կրթական ծրագրերը:

Եզրակացություն

Ամփոփելով վերն ասվածը, կարելի է եզրակացնել, որ այս թեմայի արդիականությունն ակնհայտ է, քանի որ ուսումնական գործընթացի զարգացման ու որակի ապահովման համար պահանջվում է դասախոսների աշխատանքի մեթոդների և ձևերի նոր հնարավորությունների ուսումնասիրություն և կիրառում:

Կրթությունը պահանջում է մեծ ուշադրություն՝ առաջին հերթին դա պայմանավորված է նրանով, որ դրանում ծագող խնդիրները ժամանակակից հասարակության մեջ տեղի ունեցող գործընթացների արտացոլումն են և առանց դրանց լուծման անհնար է կրթության որակը բարձրացնել միջազգային չափանիշներին: Կրթության որակի բարձրացման համար անհրաժեշտ է, որ կրթության որակի բարձրացումը տեղի ունենա միջազգային չափանիշներին համապատասխան:

Կրթության որակի համար պայքարը առաջատար խնդիր է ուսումնական հաստատությունների գործունեության մեջ: Հետևաբար, դա ուսանողի (երեխայի) ուսուցումն է, որը հռչակվում է կրթության որակի հիմնական չափանիշ:

Ընդհանուր առմամբ, համալսարանում դասավանդման որակի բարձրացումը բարդ բազմաբնույթ գործընթաց է, որը պահանջում է ոչ

միայն լուրջ ջանքեր, այլև համակարգված մոտեցում՝ ժամանակակից կրթական տարածքի մասնակիցների փոխգործակցության բոլոր մակարդակներում խնդիրները լուծելու համար: Այս առումով կարևոր է նշել, որ դասավանդման որակի բարձրացումը պահանջում է ոչ միայն մասնագիտական գործունեություն, այլև ժամանակակից կրթական տարածք:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Հարությունյան Ն. Գրիգորյան Ս.* Կրթության զարգացման և որակավորման խնդիրները, Մանկավարժական միտք 1–2, 2013, «Զանգակ հրատ.», էջ. 5–11, [3. էջ 8].
2. *Բուլատովա Բ.Ս.* Գիտելիքների որակները որպես բուհում ուսուցման ընթացքում պահպանվող կրթական բովանդակություն // «Հասարակական զարգացման տեսություն և պրակտիկա», թիվ 3, 2011, էջ. 1–4:
3. *Եֆրեմովա Տ.Ֆ.* Ժամանակակից բացատրական բառարան ուսերեն լեզվի՝ 3 հատորյակով, Մոսկվա: ԱՍՍ, 2006, հ. 1, 1168 էջ:
4. *Կարպովա Է.Է., Կոնոնենկո Ն.Վ.* «Համակարգայնություն» և «համակարգայնություն» հասկացությունների սահմանումը՝ ուսուցման արդյունքների որակի գնահատման համատեքստում. https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/82303, էջ. 92–102:
5. *Կրյուկովա Յու.Յու., Սոլոշչենկո Մ.Յու.* Գիտելիքների որակի բարձրացման հիմնական ուղիները. [https://scienceforum.ru/2016/article/2016020289 / VIII Միջազգային ուսանողական գիտաժողով՝ «Ուսանողական գիտական ֆորում-2016»:](https://scienceforum.ru/2016/article/2016020289/VIII)
6. *Կուզմինսկայա Տ.Պ.* Կրթության որակի բարձրացման խնդիրները Ռուսաստանի բուհերում // «Տնտեսության կարգավորման հարցեր», թիվ 2, հ. 8, էջ. 117–133:
7. *Լեոնեռ Բ.Յա.,* Ուսանողների գիտելիքների որակները: Ինչպիսի՞ն պետք է լինեն դրանք: Սերիա՝ Նորը կյանքում, գիտության և տեխնիկայի մեջ // «Մանկավարժություն և հոգեբանություն», № 1, 1978, Մ., «Զնանիե», էջ 48:
8. *Մամինա Ռ.Բ., Պիրայնեն Ե. Վ.* Բուհում դասավանդման որակի բարձրացման հարցի շուրջ / Մանկու Պետերբուրգի պետական էլեկտրատեխնիկական համալսարան «ԼԵՏԻ» (Վ.Բ. Լենինի անունով), «ԼԵՏԻ»-ի տեղեկագիր, № 1, 2013, էջ. 81–86:
9. *Օժեգով Ս.Բ., Շվեդովա Ն.Յու.* Ռուսերեն լեզվի բացատրական բառարան, Մոսկվա, 944 էջ:

10. Մկաստկին Մ.Ն., Կրայսկի Վ.Վ. Ուսանողների գիտելիքների որակը և դրա կատարելագործման ուղիները, Մոսկվա: «Մանկավարժություն», 1978, 208 էջ:
11. Շևչենկո Օ.Ի., Վոլկով Մ.Ա., Պրիստավկա Ա.Ս. Ուսանողների ուսուցման մեթոդներն ու ձևերը: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-formy-obucheniya-studentov>, էջ. 106–112:

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнян Н., Григорян А. Проблемы развития образования и квалификации, «Педагогическая мысль», № 1–2, 2013, Ер.: Изд-во «Зангак». СС. 5–11 [цит. по с. 8].
2. Булатова И.С. Качества знания как сохраняемые содержания образования при обучении в вузе // «Теория и практика общественного развития», № 3, 2011. СС. 1–4.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3-х т. М.: АСТ, 2006. Т. 1, 1168с.
4. Карпова Э.Э., Кононенко Н.В. Определение понятий «системность» и «систематичность» знаний в контексте оценивания качества результатов обучения: https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/82303. СС. 92–102.
5. Крюкова Ю.Ю., Солощенко М.Ю. Основные пути повышения качества знаний, <https://scienceforum.ru/2016/article/2016020289> / VIII Международная студенческая научная конференция, «Студенческий научный форум-2016».
6. Кузьминская Т.П. Проблемы повышения качества образования в вузах России // «Вопросы регулирования экономики», № 2. Т. 8. СС. 117–133.
7. Лернер И.Я. Качества знаний учащихся. Какими они должны быть? Сер.: Новое в жизни, науке и технике // «Педагогика и психология», № 1, 1978. М.: «Знание», 1978. С. 48.
8. Мамина Р.И., Пирайнен Е.В. К вопросу о повышении качества преподавания в вузе / Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина), Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ», № 1, 2013. СС.81–86.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М., 944с.
10. Скаткин М.Н., Краевский В.В. Качество знаний учащихся и пути его совершенствования. М.: «Педагогика», 1978, 208с.
11. Шевченко О.И., Волков М.А., Приставка А.С. Методы и формы обучения студентов: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-formy-obucheniya-studentov>. СС. 106–112.

REFERENCES

1. Arutyunyan N., Grigoryan A. Problems of the Development of Education and Qualification, “Pedagogical Thought”, No. 1–2, 2013, Yerevan: “Zangak” Publishing House. PP. 5–11 [cited P. 8].

2. Bulatova I. *Qualities of Knowledge as Preserved Educational Content in University Education* // "Theory and Practice of Social Development", No. 3, 2011. PP. 1–4.
2. Yefremova T. *Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language* (in 3 vols.), Moscow: "AST", 2006, Vol. 1, 1168p.
1. Karpova E., Kononenko N. *Definition of the Concepts "Systematic Nature" and "Systematicity" of Knowledge in the Context of Evaluating Learning Outcomes Quality*: [https://ibn.idsi.md/vizualizare_articol/82303]. PP. 92–102.
2. Kryukova Yu., Soloshchenko M. *Main Ways to Improve the Quality of Knowledge*: [<https://scienceforum.ru/2016/article/2016020289>] // VIII International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum–2016".
3. Kuzminskaya T. *Problems of Improving the Quality of Higher Education in Russia* // "Issues of Economic Regulation", No. 2, Vol. 8. PP. 117–133.
3. Lerner I. *Qualities of Students' Knowledge: What Should They Be? Series: New in Life, Science and Technology* // "Pedagogy and Psychology", No. 1, 1978, Moscow: "Znanie". P. 48.
4. Mamina R., Pirainen E. *On the Issue of Improving the Quality of University Teaching* / St. Petersburg State Electrotechnical University "LETI" named after V.I. Ulyanov (Lenin), Proceedings of SPbGETU "LETI", No. 1, 2013. PP. 81–86.
5. Ozhegov S., Shvedova N. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*, Moscow, 944p.
6. Skatkin M., Kraevsky V. *The Quality of Students' Knowledge and Ways of Its Improvement*, Moscow: "Pedagogy", 1978, 208p.
7. Shevchenko O., Volkov M., Pristavka A. *Methods and Forms of Teaching Students*: [<https://cyberleninka.ru/article/n/metody-i-formy-obucheniya-studentov>]. PP. 106–112.

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

А. Степанян

*Ванадзорский государственный университет имени Ованеса Туманяна,
Ванадзор, Республика Армения*

АННОТАЦИЯ

В современную эпоху жизнь меняется практически каждый день. Эти изменения оказывают влияние и проявляются в той или иной степени во многих странах. В первую очередь, страдает система образования, которая демонстрирует тенденцию к упадку. Педагоги пытаются разработать новые стратегии обучения, эффективные механизмы организации учебно-воспитательной работы, новые приемы и возможности для повышения мотивации обучающихся, а также критерии оценки формирующихся конечных результатов, которые будут соответствовать

современным требованиям. Для развития подобного процесса необходимо формирование различных подходов к организации и реализации образования, а также представлений об обучении и воспитании. Педагогические подходы, представления и идеи, конечно, могут как различаться, так и дополнять друг друга. В Республике Армения происходят событийные, экономические, социальные и исторические изменения, которые подчеркивают необходимость реформирования воспитания нашего поколения и системы образования, а также их соответствия современным требованиям развития общества. Быстрое развитие современных методов и технологий обучения побуждает преподавателей постоянно заниматься самообразованием. Это позволит применять в учебном процессе принципы – такие новые методы, которые будут способствовать повышению эффективности и качества обучения студентов, а также стимулировать их самостоятельную и познавательную активность.

Ключевые слова: критерии оценки, глубина знаний, качество знаний, мотивация, уровень усвоения.

IMPROVING TEACHING QUALITY AS A FACTOR IN EDUCATION DEVELOPMENT

A. Stepanyan

*Vanadzor State University named after Hovhannes Tumanyan,
Vanadzor, Republic of Armenia*

ABSTRACT

In the modern era, life changes almost every day and everywhere. These changes have an impact and manifest to varying degrees in many countries. The education system is one of the first to suffer, showing a tendency toward decline. Educators strive to develop new teaching strategies, effective mechanisms for organizing educational and upbringing activities, new methods and opportunities to enhance students' motivation, as well as assessment criteria for the emerging final outcomes that align with contemporary demands. The development of such a process requires the formation of various approaches to the organization and implementation of education, as well as ideas about teaching and upbringing. Pedagogical approaches, concepts, and ideas may, of course, differ or complement one another. In the Republic of Armenia, significant economic, social, and historical changes are taking place, highlighting the need to reform the upbringing of our generation and the education system to meet the modern demands of societal development. The rapid development of modern teaching methods and technologies compels educators to engage in continuous self-education. This enables the application principles, of new methods in the educational process that enhance the effectiveness and quality of student learning and stimulate their independent and cognitive activities.

Keywords: assessment criteria, depth of knowledge, quality of knowledge, motivation, level of mastery.

РОЛЬ СЕМЬИ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

А. Степанян

Ванадзорский государственный университет им. Ов. Туманяна

Ванадзор, Армения

petrosyan.anahit@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается роль семьи и образовательной среды в развитии личности ребенка. Подчеркивается, что семья является основным институтом социализации, закладывающим фундамент личностного становления. Влияние родителей, их стиль воспитания, семейные отношения и поддержка играют решающую роль в формировании характера, ценностей и норм поведения.

Также акцентируется внимание на значении образовательной среды, которая включает как школьное обучение, так и общее социальное окружение ребенка. Отмечается, что взаимодействие семьи и школы способствует созданию благоприятных условий для личностного и интеллектуального развития.

Важной составляющей проблемы, исследуемой в работе, является влияние психологической безопасности на успешность социализации. Рассматриваются аспекты эмоционального благополучия, необходимость уважения границ, поддержки со стороны взрослых и педагогов, а также роль позитивного взаимодействия в формировании уверенности и самостоятельности личности.

В заключение делается вывод о том, что гармоничное воспитание требует тесного взаимодействия родителей, образовательных учреждений и общества в целом для формирования психологически устойчивой, уверенной и социально адаптированной личности.

Ключевые слова: семья, образовательная среда, социализация, воспитание, психологическая безопасность.

Введение

Каждому известно, что первичным и главным агентом социализации детей является его семья, родители. Как говорится – что посеешь,

то и пожнешь. Все формируется в наших детях с детства, что вообще считается незабываемым отрезком жизни. Оно традиционно наполняется смыслом и содержанием благодаря заботливому отношению родителей. Любовь родителей способствует формированию у детей чувства любви, опоры, устойчивости, психологического комфорта и благополучия. Только любя, понимая и проникая в суть характера ребенка, родители смогут откликаться на его чувства, прощать, поощрять, помогать преодолевать сомнения и обрести уверенность в себе. Позитивные взаимоотношения между взрослыми и детьми – это искусство диалога. Часто на формирование взаимоотношений между детьми и родителями оказывают влияние разные внешние факторы окружающей среды, социальные, семейные взаимоотношения, количество детей в семье и другие.

Семья является самым главным первичным агентом социализации детей, элементом общества, общественной единицей, и все же они отличаются друг от друга. А это значит, что процесс и результат воспитания каждый член общества понимает по-своему. Поскольку нет похожих семей, то и процесс формирования будущего члена общества у всех протекает по-разному, и результат формирования многих навыков – различный.

Каждый родитель имеет свое представление о правильном процессе воспитания и использует свой, определенный стиль для формирования будущей личности. Родители в семьях воспитывают и обучают детей своим опытом, примером. Но не всегда результат бывает положительным, и поэтому родители в процессе сами тоже учатся, приобретают необходимые знания и навыки.

Понятие личности формируется и развивается в семье не только у ребенка, но и у его родителей. Не все родители владеют навыками воспитания, обучения, не имеют представления о закономерностях физического и психического развития ребенка, а также о том, как создать положительный психологический климат и построить положительные взаимоотношения в семье с детьми, чтобы защитить их от всего плохого, нежелательного. Это своего рода школа как для детей, так и для родителей.

Воспитание позитивного члена общества, минимизируя влияние негативных факторов, требует комплексного подхода. *Цель статьи* – помочь родителям в формировании положительных взаимоотношений с детьми и тем самым оградить их от негативного общения.

Основная часть

Планирование процесса воспитания и развития будущего ребенка во многом зависит от взрослых, участвующих в нем, т.е. от родителей. То, что вкладывают родители в своих детей, сохраняется в их дальнейшей жизни.

Обусловленность значимости семьи, как институциональной структуры воспитания, проявляется в том, что ребенок, проживая в семье постоянно, ощущает воздействие со стороны членов семьи. В ребенке формируются основы развития личности. Семья является ведущим, существенным фактором, влияющим на создание предпосылок развития личности: усвоение ценностей, личных качеств, норм поведения, отношений к себе и к другим [5].

Как вести себя с ребенком, как сделать из него достойного человека, как привить ему любовь к знаниям, стремление к совершенствованию и помощи людям? Роль семьи в жизни ребенка трудно переоценить, поскольку семья внутри своей атмосферы формирует различные, значительные характеристики ребенка и модели взаимодействия с окружающим миром. Некоторые родители считают, что могут воспитать детей и в результате получить личность с положительными характеристиками, не изучив опыт специалистов, методы, советы и необходимую информацию о воспитании. Ведь одного своего опыта иногда не хватает, а часто он может быть положительным или отрицательным, т.е. одних знаний будет недостаточно.

По мнению А.С. Макаренко, дети – это наша старость. Он считал, что правильное воспитание обеспечивает счастливую старость, а плохое ведет к будущим неудачам. Воспитание – это основа семьи, а все остальное (детский сад, школа, университет, окружение) – лишь дополнительный контроль, не более. Каждый родитель по-своему представляет процесс воспитания. Процесс формирования личности состоит из циклов психического развития, которые происходят на протяжении всей жизни.

Таким образом, личность – это человек, достигший определенного уровня психического развития благодаря активному усвоению человеческого опыта. Личность – человек, обладающий набором естественных психических черт, возникших во время послеродового развития, определенным социальным положением и соответствующей ролью. Человек

развивается, видя пример своих родителей, взаимодействуя с окружающим миром, приобретая социальный опыт и усваивая социальные ценности [8. с. 1].

Для родителей первостепенной задачей является социализация ребенка, формирование уверенности в себе. А ребенок уверенно чувствует себя тогда, когда он растет и воспитывается в семье, где родители его любят, заботятся и переживают о нем. У ребенка не должно быть сомнений в родительской любви. Очень важно строить контакты, взаимоотношения родителей с детьми. Это – общение родителя, взрослого с ребенком. Здесь проявляется эмоциональная привязанность, связь (взаимочувствительность) между членами семьи. Первоначально социализация рассматривалась как односторонний процесс, а именно: преобразование человека в члена общества под влиянием общества, без учета того факта, что сам человек является активной стороной и трансформирует свою собственную личность [10, с. 154]

Члены семьи – главные исполнители семейных ролей в первичной, начальной среде ребенка. Большую роль в воспитании детей играет педагогическое просвещение и развитие навыков воспитания родителей. Эти знания помогают родителям понять возрастные особенности детей, развить их воспитательные способности, избегать нежелательного стиля общения, воспринимать мир с позиции ребенка и радоваться его успехам.

На самом деле воспитание детей заключается не только в том, что ребенок сыт, обут и т.д., этого недостаточно – ему необходимо постоянное общение с семьей, взрослыми и своим окружением.

Ребенок, который получает хорошее питание, своевременный медицинский уход, но лишен общения со взрослыми, плохо развивается не только психически, но и физически: он плохо растет, теряет вес, интерес к жизни. Отсюда появляются «нежелательные», «забитые», «конфликтные», «неудачные», «неугодные» дети. По мнению психологов, такие дети получают ярлыки от взрослых: «проблемные», «невозможные», «трудные», «несчастные», «инфантильные» и т.д. Это является результатом неуважительного отношения к личности ребенка, а также отсутствия положительной психологической атмосферы и взаимопонимания, нормальных отношений в семье. Однозначно нужен такой стиль обще-

ния со взрослыми, который будет направлен на гармонию в семье и в отношениях, потому что он сказывается на будущем их детей [1, с. 2].

Итак, основу семейного воспитания составляет широкий круг факторов, влияющих на развитие ребенка. Ведь именно родители при обучении и воспитании детей закладывают в них ценности и социальные нормы. Психологи считают, что у каждого ребенка есть внешние и внутренние предпосылки развития, о которых не все родители знают. Внешние предпосылки формируются под влиянием таких факторов, как близкое окружение ребенка, его социальная среда, школа, церковь и т.д. [9, с. 7].

Среда человека включает совокупность природных (физических, химических, биологических) и социальных факторов, которые могут оказывать прямое или косвенное, мгновенное или долговременное влияние на жизнь и деятельность людей.

Термин «окружение» рассматривается не только как совокупность элементов, формирующих отношения, включая пространство и условия жизни человека, но и как «условия», «влияния», «факторы», то есть определенные воздействия «активного окружения» на «пассивного» человека.

Человек постоянно изменяется в процессе своей жизнедеятельности под воздействием среды в силу своих возможностей, а возможности подчеркивают активное начало субъекта и усвояемость собственной жизненной среды. Возможность является соединяющим звеном между свойствами как окружающей действительности, так и субъекта.

Чем шире и полноценнее личность использует ресурсы окружающей действительности, тем успешнее происходит её свободное и активное саморазвитие.

Индивид одновременно является продуктом и «создателем собственного окружения» или «архитектором своей обстановки», которая предоставляет ему физическую основу для жизни и делает возможным интеллектуальное, моральное, общественное и духовное развитие [7, с. 10].

Важными внешними предпосылками и их составляющими считаются:

➤ **Поддержка** семьи; положительные семейные связи; контакт с другими взрослыми; заботливое окружение; заботливая школьная среда; вовлеченность родителей в школьную жизнь;

➤ **Расширение возможностей** – сообщество, ценящее ребенка; дети как ресурс; помощь другим; безопасность в доме, школе, сообществе;

➤ **Границы и ожидания** – четкие семейные правила и нормы; последовательный контроль за их соблюдением; границы внутри школы; границы внутри района; ролевые модели среди взрослых; позитивное влияние сверстников; высокие ожидания;

➤ **Эффективное использование времени** – творческая деятельность; молодежные программы; духовное сообщество; время, проведенное дома.

Все знают, что за эффективную организацию учебной деятельности ребенка несут ответственность не только школа и учителя, но и члены семьи, особенно родители.

Привлеченность родителей к школьной жизни значительно способствует созданию благоприятной и эффективной образовательной среды.

Если школа и родители тесно сотрудничают, то между ними не возникает противоречий, что является ключевым фактором в образовании ребенка.

В этом смысле крайне важно, чтобы родители поддерживали как самого ребенка, так и учителя, способствуя повышению значимости, важности и мотивации к обучению.

А этому способствуют **внутренние предпосылки развития детей**:

➤ **целенаправленное обучение**, составляющими которого являются: мотивация к достижению; школьные обязанности; домашняя работа; связь со школой; удовольствие от чтения;

➤ **позитивные ценности**: заботливость; равенство и социальная справедливость; искренность; ответственность; энергичность;

➤ **социальная компетентность (опытность)**: планирование и принятие решений; межличностное общение; культурные навыки; способности к адаптации; мирное разрешение конфликтов;

➤ **позитивное самоутверждение**: личная сила; самооценка; чувство цели; позитивное отношение к будущему.

Поэтому необходимо вовлечение родителей в школьную жизнь. На самом деле эту вовлеченность тоже меняют по мере взросления детей [9, с. 7].

То, что в детстве закладывают родители в детях, помогает им в студенчестве. Они становятся студентами, приобретая самостоятельность. Не всегда жизнь бывает гладкой и беспроблемной. Иногда они попадают в трудные жизненные ситуации, из которых трудно выпутаться. Поэтому надо больше внимание уделять психологическому развитию детей, т.е. не забывать об их психологическом благополучии и безопасности, дальнейшем качестве жизни. А что означает «благополучие», «качество жизни»? Здесь важную роль играет психология человека (ценности, мотивация, предпочтения, интересы и т.д.), которая неразрывно связана с социальной средой, а также, в свою очередь, воздействует как на здоровье личности, так и на все общество.

Воспитание современной молодежи проходит больше в социальных сетях, чем в общении, поскольку в настоящее время социальная среда детей, студентов расширилась за счет Интернета и его влияния на их социализацию. Большую роль играет также «образовательная среда», как система влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном окружении.

Среда образовательных организаций должна способствовать укреплению здоровья, обеспечению положительного психологического комфорта и полной реализации потенциала всех ее участников. Поскольку появляются новые агенты социализации и социально-психологические угрозы, которые негативно влияют на разные аспекты их развития, а это говорит о том, что под угрозой психологическая безопасность субъектов образовательного процесса: снижение психологической устойчивости детей и молодежи к негативным воздействиям информационной среды, распространение отклоняющегося поведения, агрессии и т.д. [4, с. 221].

Образовательная среда должна создать условия и возможности необходимых условий для реализации активности, личностной свободы обучающегося.

Активность обусловлена такими личностными характеристиками, как целеустремленность, инициативность, настойчивость, умение отстаивать свои личные границы и интересы и др.

Личная свобода проявляется в самостоятельности, независимости суждений и поступков, а также в осознанном личном выборе, который возможен лишь при ощущении безопасности. Безопасность является

важной потребностью человека. Понятие «безопасность» в положительном аспекте означает неопасный, безвредный, отсутствие опасности, сохранность, защищенность [2].

Психологами представлены следующие аспекты безопасности:

1) безопасность с точки зрения удовлетворения потребностей индивида;

2) безопасность с точки зрения восприятия риска – предчувствие потенциального риска или опасности, которые могут произойти, а также чувство контроля над ситуацией;

3) безопасность как субъективная оценка, основанная на опыте и следующих принципах: «я – хороший, какой бы мерзкий я ни был», «мир справедлив» и «мир доброжелателен и предсказуем».

Потребность человека в безопасности пробуждается в человеке тогда, когда нужно оградить себя от угрозы, опасности. Это касается всех субъектов образовательного процесса: начиная с преподавателей, учителей и заканчивая студентами, учениками.

Личность регулярно оценивает возможность и степень удовлетворения своих потребностей.

Согласно А. Маслоу, потребность в безопасности – как физической, так и психологической и духовной – является фундаментальной и необходимой для выживания и последующей самоактуализации, самореализации человека. Каждый человек индивидуально оценивает степень риска и уровень угроз. Это обусловлено тем, как смотрит субъект на смысл и ценность собственной жизни, благополучие, психологическую безопасность. В зависимости от восприятия, эти сложности и вызовы могут оказывать двоякое влияние на человека: с одной стороны, они способны привести к эмоциональным нарушениям, а с другой – стать стимулом для личностного роста и открытия новых возможностей для улучшения качества жизни. Именно в ходе реализации этого процесса развиваются безопасность и уверенность в себе. Эмоционально незащищенный человек не уверен в собственной ценности, основательно переживает и с подозрением относится к окружающему миру, испытывает страх переживания и недоверчивость к окружающей действительности.

Следовательно, можно говорить об эмоциональном аспекте безопасности, когда есть определенная «личностно-эмоциональная защищенность» – степень комфортности при взаимодействии, обусловлен-

ная способностью личности сохранять целостное эмоциональное отношение к себе и к миру, преобразовывать отрицательные эмоции и порождать положительно окрашенные переживания, безопасно взаимодействовать с другими. Условиями безопасного взаимодействия с другими выступают: уважение границ, заботливое отношение, поддержка, информированность о происходящем событии или человеке для прогнозирования возможного будущего и управления рисками.

Эмоциональная связь, взаимодействие и сотрудничество с окружающими, особенно с близкими людьми, являются существенными, значимыми составляющими формирования личности. Эмоциональный аспект безопасности можно рассматривать через понятие «эмоциональная безопасность» [3, с. 162].

Улучшение эмоционального состояния способствует естественному стремлению детей и студентов к познанию и развитию. Напротив, эмоциональный дискомфорт и негативное настроение могут подавлять это стремление, поэтому поддержка со стороны взрослых и специалистов в таких случаях крайне важна. Обеспечение психологической безопасности педагогов зависит от психологической культуры руководителей. А от состояния преподавателей зависит состояние студентов, учащихся. Состояние педагога напрямую влияет на состояние обучающегося, определяя его во многом.

Говоря о психологической безопасности, следует понимать, что это состояние, при котором человек не чувствует угрозы, то есть защищен от опасностей. Важными составляющими психологической безопасности являются: благоприятное окружение, опыт и информированность, внутренний комфорт [6, с. 80].

Это означает, что необходимо взаимодействие образовательного пространства, управления образованием, места образования и самого обучающегося.

Заключение

Современный процесс воспитания и социализации детей в значительной степени зависит от семьи как основного агента социализации. Родительская любовь, забота, эмоциональный контакт и вовлеченность в жизнь ребенка формируют его мировоззрение, личностные качества и психологическое благополучие. Особую роль играет создание благо-

приятной психологической атмосферы как в семье, так и в школе, вузе, а также окружающей среде, где протекает жизнедеятельность детей.

Психологическая защита детей и подростков стимулирует их способность самореализации, уверенность в себе и успешную адаптацию в обществе. Сотрудничество школы и родителей, педагогическая компетентность взрослых и учет возрастных особенностей детей являются основными условиями гармоничного развития личности. В условиях современных вызовов, таких как влияние информационной среды и социальных сетей, необходимо уделять внимание психологической устойчивости молодежи. Поддержка детей, уважение их личных границ, формирование позитивных ценностей, совершенствование умений общения, развитие способностей социального взаимодействия с окружающими способствуют формированию их полноценными членами общества.

Таким образом, для формирования гармоничной личности важно сочетание родительской любви, разумного воспитания, психологической поддержки и безопасной образовательной среды. Семья и школа должны объединять усилия, создавая условия для психологического комфорта и развития детей, чтобы оградить их от негативных воздействий и помочь им стать уверенными в себе, социально адаптированными и успешными людьми.

Опыт показывает, что семейное воспитание не всегда бывает «качественным». Причины этого – невозможность способствовать росту и развитию детей, педагогическая неграмотность, недооценка важности семейного воспитания. Если родители мало общаются со своим ребенком, не интересуются его достижениями, то у такого ребенка может возникнуть задержка в эмоциональном, личностном, социальном развитии, или его развитие будет не соответствовать нормам, окажется ниже нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиппенрейтер Б.Ю. Общаться с ребенком. Как?: М.: АСТ, Астрель, 2008. С. 214.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка.
<https://www.booksite.ru/fulltext/dal/00/65.htm>
3. Игнатова Е.С., Баева И. Эмоциональный аспект безопасности, Научная электронная библиотека «Киберленинка», № 6, 2020. СС. 161–165:
<https://cyberleninka.ru/>, с[МСФ].

4. *Пазухина С.В., Филиппова С.А.* Личностные особенности студентов влияющие на психологическую безопасность образовательной среды в ситуации новых вызовов угроз // «Концепт»: научно-методический электронный журнал, раздел 5: «Педагогика», 221с. СС. 219–232,
5. *Пестрикова Е.Д.* Методист отдела, психолого-педагогической помощи: <https://pcenter-tlt.ru/rol-semi-v-razvitii-lichnosti-rebenka>.
6. *Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В.* [и др.]. Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности / Под общ. ред. Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 344с. (Социокультурные аспекты национальной безопасности). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017, 263с. С. 80.
7. *Ясвин В.А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию, М.: «Смысл», 2001, 365 с. С.10.
8. *Գևորգյան Ա.* Անձի հոգեբանական բնութագիրը: <https://anitagevorgyan.wordpress.com/>, էջ 1:
9. *Մանուկյան Ա., Սվաջյան Ա., Սաֆարյան Ա., Սահակյան Ա.* Երեխաների զարգացման նախադրյալների ձևավորման հմտություններ // «Ուղեցույց վերապատրաստվողների համար», Եր., 2013թ., 128 էջ, էջ 7:
10. *Սեդրակյան Ս.Ա.* Ընտանիքի հոգեբանություն (Մեթոդաբանական վերլուծություն), Եր., «Ուրարտու համալսարան», 2010, էջ 154, 456 էջ:

REFERENCES

1. *Gippenreiter B.* Communicating with a Child. How? Moscow: “AST”, “Astrel”, “Harvest”, 2008. P. 214.
2. *Dahl V.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/dal/00/65.htm>
3. *Ignatova E., Baeva I.* The Emotional Aspect of Safety, Scientific Electronic Library “CyberLeninka”, No. 6, 2020. PP. 161–165. Available at: <https://cyberleninka.ru/>
4. *Pazukhina S., Filippova S.* Personal Characteristics of Students Affecting the Psychological Safety of the Educational Environment in the Context of New Challenges and Threats // “Koncept”: Scientific and Methodological Electronic Journal, Section 5 “Pedagogy”, 221p. PP. 219–232.
5. *Pestrikova E.* Methodologist of the Department of Psychological and Pedagogical Assistance. Available at: <https://pcenter-tlt.ru/rol-semi-v-razvitii-lichnosti-rebenka>
6. *Kharlamenkova N., Tarabrina N. Bykhovets Yu. [et al.].* Intense Stress in the Context of Psychological Security / Ed. by N.E. Kharlamenkova. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2017. 344 p. (Sociocultural Aspects of National Security Series).
7. *Yasvin V.* Educational Environment: From Modeling to Design. Moscow: “Smysl”, 2001, 365p. P. 10.

8. *Gevorgyan A.* Psychological Characteristics of the Individual. Available at: <https://anitagevorgyan.wordpress.com/> P. 1.
9. *Manukyan A., Svajyan A., Safaryan A., Sahakyan A.* Skills for Forming Prerequisites for Child Development, Guide for Trainees, Yerevan, 2013, 128p. P. 7.
10. *Sedrakyan S.* Family Psychology (Methodological Analysis), Yerevan: "Urartu University", 2010, 456p. P. 154.

THE ROLE OF FAMILY AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN PERSONALITY DEVELOPMENT

A. Stepanyan

ABSTRACT

This article examines the role of family and educational environment in the development of a child's personality. The author emphasizes that the family is the primary institution of socialization, laying the foundation for personal growth. Parental influence, parenting style, family relationships, and support play a decisive role in shaping a child's character, values, and behavioral norms.

The article also highlights the importance of the educational environment, which includes both school education and the child's broader social surroundings. It is noted that the interaction between family and school contributes to creating favorable conditions for personal and intellectual development.

A key topic of the article is the impact of psychological safety on the success of socialization. The discussion covers aspects of emotional well-being, the necessity of respecting boundaries, support from adults and educators, as well as the role of positive interactions in fostering confidence and independence.

In conclusion, the article argues that harmonious upbringing requires close cooperation between parents, educational institutions, and society as a whole to nurture a psychologically resilient, confident, and socially adapted individual.

Keywords: family, educational environment, socialization, upbringing, psychological security.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И САМОРЕГУЛЯЦИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМИ УРОВНЯМИ ТРЕВОЖНОСТИ

Е.С. Тужикова

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия
tuzhikova@live.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлено исследование, которое направлено на изучение профессиональной идентичности и особенностей саморегуляции у студентов с высоким и средним уровнем личностной тревожности. В рамках исследования были использованы методики «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера», методика изучения статусов профессиональной идентичности, «Стиль саморегуляции учебной деятельности» и опросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении. В исследовании приняли участие студенты разных вузов и направлений Санкт-Петербурга, в общем количестве 97 человек (средний возраст – 20 лет). На основе полученных данных о личностной тревожности были сформированы две группы для сравнения: студенты с высоким уровнем тревожности и студенты со средним уровнем тревожности.

Было установлено, что у студентов с высоким уровнем тревожности навыки саморегуляции учебной деятельности развиты слабее по сравнению с их сверстниками со средним уровнем тревожности. Однако значимых различий по шкалам профессиональной идентичности между группами выявлено не было. Кроме того, обнаружены значимые взаимосвязи между уровнем саморегуляции, самоконтроля и показателями профессиональной идентичности в группе студентов с высоким уровнем тревожности. Это свидетельствует о том, что статус профессиональной идентичности у таких студентов тесно связан с их способностью к саморегуляции и самоконтролю.

Полученные результаты имеют важное практическое значение для разработки программ психологического сопровождения студентов,

направленных на поддержку личностного развития, сохранение психологического благополучия, развитие навыков саморегуляции, формирование профессиональной идентичности и как следствие снижение уровня тревожности.

Ключевые слова: тревожность, профессиональная идентичность, саморегуляция, студенты.

Введение

В современном мире, где профессиональная деятельность становится важнейшей составляющей жизни человека, вопросы формирования профессиональной идентичности и способности к саморегуляции у студентов приобретают особую актуальность. Профессиональная идентичность – это сложный психологический конструкт, который отражает осознание человеком своей принадлежности к определенной профессии, принятие ее ценностей, норм и требований, а также способность к самореализации в профессиональной сфере [1, 9]. В свою очередь, саморегуляция является ключевым механизмом, позволяющим человеку эффективно управлять своими эмоциями, поведением и когнитивными процессами в условиях стресса и неопределенности.

Особый интерес в данном контексте представляют студенты, находящиеся на этапе профессионального становления [10]. Этот период характеризуется высокой динамичностью, необходимостью адаптации к новым условиям, а также повышенной эмоциональной нагрузкой. Уровень тревожности, как индивидуальная характеристика, может существенно влиять на процесс формирования профессиональной идентичности и способность к саморегуляции. В данной статье мы рассмотрим, как разные уровни тревожности у студентов связаны с их профессиональной идентичностью и саморегуляцией.

Основная часть

Рассматривая профессиональную идентичность, разные исследователи [11] выделяют несколько компонентов, формирующихся в процессе профессионального обучения и практической деятельности. *Когнитивный уровень* позволяет сформировать осознание профессиональ-

ных интересов, способностей и целей, *эмоциональный уровень* формирует отношение к выбранной профессии, удовлетворенность своим выбором, и *поведенческий уровень* – готовность действовать в соответствии с профессиональными требованиями. Значительная часть развития профессиональной идентичности приходится на студенческие годы, ее формирование является одной из целей профессионального образования. Важно на протяжении обучения в вузе оказывать помощь студентам в процессе формирования их профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность формируется постепенно и может принимать разные статусы (неопределенная профессиональная идентичность, навязанная профессиональная идентичность, мораторий и сформированная профессиональная идентичность).

Для студентов формирование профессиональной идентичности связано с преодолением ряда трудностей – таких, как неопределенность будущего, конкуренция на рынке труда и высокие требования к профессиональным компетенциям. Эти факторы могут вызывать повышенную тревожность, которая, в свою очередь, влияет на процесс саморегуляции [4, 8]. В контексте профессионального становления саморегуляция играет важную роль, т.к. позволяет студентам эффективно справляться с учебной нагрузкой, преодолевать стрессовые ситуации, поддерживать мотивацию к обучению и профессиональному развитию.

Саморегуляцию можно рассмотреть, как свойство личности, которое обеспечивает эффективное взаимодействие между людьми, как готовность к профессиональному саморазвитию и, через организацию произвольного поведения, нацеленного на воплощение действий, которые являются мотивированными, сознательными и связаны с самоконтролем. От особенностей развития саморегуляции зависит успешность в учебе, личностное развитие и профессиональное становление [6, 7].

Одним из факторов, определяющих академическую успеваемость, является тревожность. В учреждениях высшего образования важно уделять особое внимание профилактике тревожности, снижению уровня тревожности у студентов – будущих специалистов. Высокий уровень тревожности влияет не только на успеваемость, но и может вызывать множество других пагубных последствий.

Таким образом, *целью нашего исследования* является изучить взаимосвязи профессиональной идентичности и саморегуляции у студен-

тов с разными уровнями тревожности и выделить компоненты психологической профилактики, направленные на обеспечение личностного развития, поддержания психологического благополучия студентов в период обучения в вузе.

В исследовании приняли участие 97 человек (54 девушки и 43 юноши) в возрасте от 17 до 29 лет, респондентами выступали студенты разных курсов, обучающиеся на разных направлениях подготовки в различных учреждениях высшего образования Санкт-Петербурга. Для подтверждения гипотезы о специфике структуры корреляционных связей в показателях профессиональной идентичности и саморегуляции у студентов с разным уровнем тревожности был использован следующий психодиагностический инструментарий. Для изучения профессиональной идентичности применялась методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель) [5], для изучения саморегуляции – «Стиль саморегуляции учебной деятельности, ССУД-М-2011» В.И. Моросановой [4]. Для определения уровня тревожности применялась методика «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера» (модификация Ю.Л. Ханина) [2].

На первом этапе работы результаты исследования, определяющие тревожность респондентов, показали значимые различия по шкале личностной тревожности между группами высокой и средней степени тревожности, что и явилось основанием для разделения на группы. В группу с высоким уровнем личностной тревожности вошли 47%, со средним уровнем – 47%, и низкий уровень личностной тревожности был выявлен у 9%. В данном случае это характеризует, что у большей части студентов преобладает личностная тревожность, которая характеризуется устойчивостью и склонностью воспринимать широкий спектр ситуаций как угрожающие и дестабилизирующие психологическое состояние. Кроме того, критерием для разделения группы на высокий и средний уровень личностной тревожности у студентов явился сравнительный анализ при помощи критерия Манна Уитни (группа со средним уровнем тревожности = 40, с высоким уровнем тревожности = 54, $U = 16$, на уровне значимости $p \leq 0.05$).

Результаты профессиональной идентичности, представленные на Рис. 1 в группах с разным уровнем тревожности не выявили значимых различий по шкалами профессиональной идентичности в сравниваемых группах по критерию Манна Уитни.

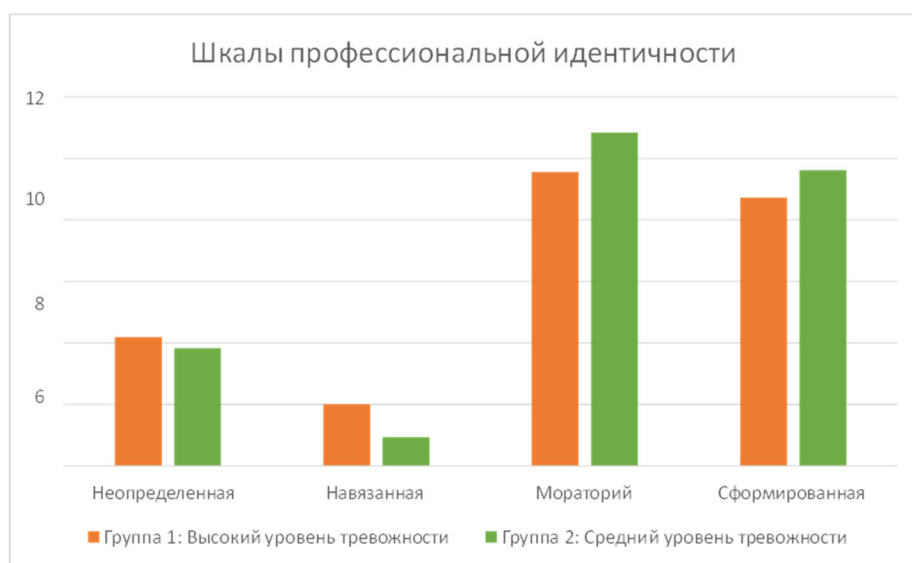

Рисунок 1. Средние значения по «Методике изучения статусов профессиональной идентичности» в группах с разными уровнями тревожности.

Это свидетельствует о том, что по шкале «статус отсутствия выбора жизненного пути» у всех студентов в независимости от уровня тревожности существует четкое представление о том, кем ему стать и выбор учебного заведения соответствует его профессиональному пути в будущем. Кроме того, не выявленные различия по шкале «Статус навязанной профессиональной идентичности», свидетельствует о том, насколько склонны принимать самостоятельный выбор и принимать его, а не полагаться на социальные ориентиры, предложенные семьей, обществом или образовательной средой. Показатель «мораторий» и «сформированная» идентичность имели самые высокие баллы и характеризуют студентов, как четко представляющих свое профессиональное будущее и свой путь в профессии. Другими словами, степень проявления различных статусов профессиональной идентичности (от неопределенности до сформированности) и особенности взглядов студентов на свое профессиональное будущее не зависят от уровня их тревожности.

Таким образом, уровень тревожности не является фактором, который существенно влияет на формирование профессиональной идентичности студентов. Независимо от уровня тревожности, студенты демонстрируют схожие паттерны поведения в профессиональном станов-

лении, что подчеркивает важность других факторов, таких как социальная среда, социальный опыт или личностные особенности в процессе профессионального развития на этапе получения профессионального обучения.

Результаты применения методики «Стиля саморегуляции учебной деятельности» позволили выявить значимые различия по шкале «Общий уровень саморегуляции учебной деятельности» при помощи критерия Манна Уитни (группа с высоким уровнем тревожности = 26, 5, группа со средним уровнем тревожности = 31,3, $U=40,3$ на уровне значимости $p \leq 0.05$). Полученные результаты доказывают, что у студентов с высоким уровнем тревожности в меньшей степени развита общая саморегуляция учебной деятельности, чем у студентов со средним уровнем тревожности. Далее был проведен сравнительный анализ по шкалам саморегуляции и были выявлены значимые различия по таким шкалам, как: «Гибкость» (группа с высоким уровнем тревожности = 4,17, группа со средним уровнем тревожности = 5,65, $U=34,3$ на уровне значимости $p \leq 0.05$), «Надежность» (группа с высоким уровнем тревожности = 3, группа со средним уровнем тревожности = 4,3, $U=39,3$ на уровне значимости $p \leq 0.05$), «Оценивание результатов» (группа с высоким уровнем тревожности = 3,89, группа со средним уровнем тревожности = 5,1, $U=44,3$ на уровне значимости $p \leq 0.05$), «Моделирование» (группа с высоким уровнем тревожности = 4,6, группа со средним уровнем тревожности = 5,7, $U=43$ на уровне значимости $p \leq 0.05$). Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что студентам с высоким уровнем тревожности хуже удастся перестраиваться, изменять свою систему саморегуляции при изменении внешних условий, чем студентам со средним уровнем тревожности. Они чувствуют себя неуверенно в быстро меняющейся обстановке, им трудно привыкнуть к переменам в жизни и своевременно менять свой план действий. Кроме того, студентам с высоким уровнем тревожности труднее формировать представления об условиях, необходимых для достижения целей и адекватно оценивать себя, результаты своей деятельности.

Далее был проведен корреляционный анализ для выявления структуры взаимосвязей в показателях профессиональной идентичности и саморегуляции у студентов с разным уровнем тревожности.

Как оказалось, у студентов с высоким уровнем тревожности наблюдается взаимосвязь: чем более выражен статус профессиональной идентичности, при котором представления о профессиональном буду-

щем существуют, но не являются результатом самостоятельного выбора, тем выше их способность к эффективной саморегуляции. Такие студенты демонстрируют лучшие навыки контроля своей деятельности на всех этапах, включая предварительное планирование. Они успешнее ставят и удерживают учебные цели, проявляют большую устойчивость функционирования системы саморегуляции в условиях повышенной или сниженной психической напряженности. Кроме того, они отличаются более ответственным отношением к достижению целей, а их система саморегуляции характеризуется большей автономностью.

У студентов с высоким уровнем тревожности также выявлена связь между развитием навыков саморегуляции и формированием профессиональной идентичности. Чем лучше студенты умеют контролировать свое поведение, эмоции и деятельность, а также способны анализировать условия, необходимые для достижения поставленных целей, тем более выраженными становятся их представления о профессиональном будущем, которые являются результатом их собственного выбора. Это свидетельствует о том, что развитие навыков саморегуляции способствует более осознанному и самостоятельному формированию профессиональной идентичности.

Таким образом, у студентов с высоким уровнем тревожности наблюдается двусторонняя связь между профессиональной идентичностью и саморегуляцией. С одной стороны, даже при наличии навязанных представлений о профессиональном будущем, они демонстрируют высокий уровень самоконтроля и ответственности, а с другой стороны, развитие навыков саморегуляции способствует формированию более осознанной и самостоятельной профессиональной идентичности. Эти результаты подчеркивают важность поддержки развития саморегуляции у студентов с высоким уровнем тревожности для их успешного профессионального самоопределения.

В заключение отметим, что для поддержки студентов с высоким и средним уровнями тревожности важно учитывать их индивидуальные особенности и создавать условия, способствующие формированию профессиональной идентичности и развитию саморегуляции. Среди возможных мер можно выделить психологическое сопровождение – проведение тренингов, направленных на снижение тревожности и развитие навыков саморегуляции, индивидуальный подход – учет уровня тревож-

ности при планировании учебной нагрузки и профессиональной ориентации, а также создание поддерживающей среды – формирование в учебных заведениях атмосферы, которая способствует уверенности студентов в своих силах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гартвик Т.Д.* Формирование профессиональной идентичности педагога. Гомель: ГУО «Гомельский областной институт развития образования», 2018, 53с.
2. *Миронова Е.Е.* Сборник психологических тестов. Часть I: Пособие / Сост. Мн.: Женский институт ЭНВИЛА, 2005. 155с.
3. *Мисунов С.Н.* Понятие тревожности // «Вестник науки», 2021. №2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-trevozhnosti> (дата обращения: 26.02.2025)
4. *Моросанова В.И.* Диагностика саморегуляции человека: практическое пособие: [16+] / В.И. Моросанова, И.Н. Бондаренко; Психологический Институт РАО. – М.: Когито-Центр, 2015. 304с.: табл., схем. (Университетское психологическое образование). URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=430548>
5. *Никифоров Г.С.* Самоконтроль человека. Л., 1989. 193с.
6. *Сыченко Ю.А.* Профессиональная идентичность студентов в контексте периодизации профессионального развития личности // «Гуманитарные науки», 2020. № 4 (52).
7. *Тарасова Р.Е.* Проблема тревожности студентов // «Международный студенческий научный вестник», № 5–1. 2016. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15327>
8. *Тужикова Е.С.* Проявление компьютерной тревожности у студентов разных направлений подготовки // «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования», № 2–1. Т. 13 2024. СС. 120–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68546806>
9. *Тужикова Е.С.* Профессиональная идентичность и уровень притязаний молодых специалистов / Е.С. Тужикова // Письма в Эмиссия.Оффлайн = The Emissia.Offline Letters. 2022. № 12. Article 3199. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53700278>
10. *Тужикова Е.С.* Образ будущей работы студентов-первокурсников / Е.С. Тужикова // Психология образования: проблемы и перспективы [Текст]: материалы Первой международной научно-практической конференции, Москва, 16–18 декабря 2004 г. М., 2004. СС. 185–186.

11. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007. 128с.

REFERENCES

1. *Hartvik T.* Formation of a Teacher's Professional Identity / Ed. Gomel: State Educational Institution "Gomel Regional Institute for Education Development", 2018, 53p.
2. *Mironova E.* Collection of Psychological Tests. Part I: Manual / Comp. Minsk: Women's Institute ENVILA, 2005. 155p.
3. *Misunov S.* The Concept of Anxiety // "Science Bulletin", No. 2 (35). 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-trevozhnosti> (Accessed: 26.02.2025).
4. *Morosanova V., Bondarenko I.* Diagnostics of Human Self-Regulation: A Practical Guide / Psychological Institute of the Russian Academy of Education. Moscow: "Cogito-Center", 2015. 304p.: tables, diagrams. (University Psychological Education).
URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=430548>,
5. *Nikiforov G.* Human Self-Control. Leningrad, 1989, 193p.
6. *Sychenko Yu.* Professional Identity of Students in the Context of the Periodization of Personality's Professional Development // "Humanities", No. 4 (52). 2020.
7. *Tarasova R.* The Problem of Student Anxiety // International Student Scientific Bulletin, No. 5–1, 2016. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=15327>.
8. *Tuzhikova E.* Manifestation of Computer Anxiety in Students of Various Training Fields // "Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research", No. 2–1, Vol. 13, 2024. PP. 120–130. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68546806>.
9. *Tuzhikova, E.S.* Professional Identity and Aspiration Level of Young Specialists // "The Emissia. Offline Letters", 2022. No. 12. Article 3199. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53700278>.
10. *Tuzhikova E.* The Image of Future Work among First-Year Students // Educational Psychology: Problems and Prospects [Text]: Materials of the First International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 16–18, 2004. Moscow, 2004. PP. 185–186.
11. *Shneider L.* Personal, Gender, and Professional Identity: Theory and Diagnostic Methods. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute, 2007, 128p.

PROFESSIONAL IDENTITY AND SELF-REGULATION OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF ANXIETY

E. Tuzhikova

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

ABSTRACT

The article presents a study aimed at studying professional identity and self-regulation in students with high and moderate levels of personal anxiety. The research used the methods of the "C.D. Spielberger scale of reactive (situational) and personal anxiety", the methodology for studying professional identity statuses, the "Style of self-regulation of educational activities" and a questionnaire to identify the severity of self-control in the emotional sphere, activity and behavior. The study involved students from various universities and schools in St. Petersburg, a total of 97 people, with an average age of 20 years. Based on the data obtained on personal anxiety, two groups were formed for comparison: students with a high level of anxiety and students with an average level of anxiety.

It was found that students with a high level of anxiety have less developed self-regulation skills in educational activities compared to their peers with an average level of anxiety. However, there were no significant differences in the scales of professional identity between the groups. In addition, significant correlations were found between the level of self-regulation, self-control and indicators of professional identity in the group of students with high levels of anxiety. This indicates that the professional identity status of such students is closely related to their ability to self-regulate and self-control.

The results obtained are of great practical importance for the development of psychological support programs for students aimed at supporting personal development, maintaining psychological well-being, developing self-regulation skills, forming professional identity and, as a result, reducing anxiety levels.

Keywords: anxiety, professional identity, self-regulation, students.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ГОРОЖАН (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕСПОНДЕНТОВ КРАСНОДАРА)

О.Р. Тучина

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация
tuchena@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что городская среда, ежедневно воздействуя на человека, определяя его образ жизни и эмоциональный фон его повседневности, является важным фактором его соматического и психического здоровья. Выборку исследования составили 390 респондентов, постоянно проживающих в Краснодаре в возрасте от 16 до 58 лет. Для исследования восприятия образа города была использована методика «Биполярный семантический дифференциал», шкала исследования, шкала психологического благополучия К. Рифф. По результатам анализа оценок респондентами Краснодара визуального образа города были выделены наиболее значимые характеристики: климатические особенности города, городская индивидуальность, черты, характеризующие темп жизни и развития Краснодара, а также признаки приспособленного для повседневной жизни города. Как показали результаты исследования, респонденты с высоким уровнем психологического благополучия оценивают городскую среду более позитивно, испытывают большую эмоциональную привязанность к месту проживания и выше оценивают возможность самореализации в условиях города. Краснодарцы с высоким уровнем психологического благополучия активно используют ресурсы городской среды для повышения своего субъективного благополучия, а с низким – не умеют использовать возможности города проживания.

Ключевые слова: городская среда; идентичность с местом проживания; образ города; психологическое благополучие.

* Исследование выполнено при поддержке Кубанского научного фонда (проект № НИП-20.1/209 «Интерактивная цифровая среда как инструмент реализации социально-экономического потенциала изобразительного искусства г. Краснодара»).

Введение

Категория «городская среда», являясь сложным многослойным понятием, становится предметом изучения различных наук – урбанистики, экономики, экологии, социологии, психологии. Анализ данной категории позволяет говорить, что наиболее продуктивным является рассмотрение городской среды как комплекса взаимосвязанных условий (естественно-природных и искусственно созданных), оказывающих прямое или опосредованное влияние на качественные и количественные аспекты жизнедеятельности населения в границах территории [2].

Отношение людей к среде, в которой они живут, и к себе как важной части этой среды, является важным фактором субъективного благополучия [1]. В нашем исследовании мы будем использовать термин «идентичность с городом», понимая под ним внутриличностный конструкт как результат осмысления и переживания человеком принадлежности определенному месту с его культурно-историческими и географическими особенностями.

Цель работы – исследование идентичности с местом проживания и визуального образа города респондентов Краснодара с высоким и низким уровнем психологического благополучия.

Выборку исследования составили 390 респондентов, постоянно проживающих в Краснодаре в возрасте от 16 до 58 лет ($M=29,3$, $SD=6,7$); 211 женщин, 179 мужчин.

Основная часть

Для исследования восприятия образа города была использована методика «Биполярный семантический дифференциал», за основу которой были взяты пары противоположных по смыслу прилагательных, полученных в результате ассоциативного эксперимента. Для исследования идентичности с городом была использована шкала Дроселтис и Вигнолес в авторском переводе [3], для исследования психологического благополучия – шкала психологического благополучия К. Рифф. Для обработки данных был использован эксплораторный факторный анализ, кластерный анализ, дисперсионный анализ.

На первом этапе был проведен пилотажный опрос при помощи авторской анкеты жителей Краснодара с целью выявить ассоциативные

характеристики визуального образа города. На основании анализа результатов ассоциативного эксперимента были составлены шкалы для изучения восприятия образа города.

Для структурирования образа, полученного при психосемантической оценке, был проведен эксплораторный факторный анализ с использованием метода главных компонент с варимакс-вращением. Семантическое пространство оценки визуального образа города краснодарцами включает четыре фактора, объясняющее 64,7 % дисперсии. Первый фактор был назван «Позитивная оценка», поскольку в восприятии образа города у реципиентов доминировали положительные характеристики: повседневные удобства (комфортный, зеленый, ухоженный, уютный, чистый), городскую атмосферу (добрый, веселый, гостеприимный, культурный, атмосферный, интересный, яркий), силу проявления (сильный, яркий, свежий, светлый) и безопасность. Второй фактор, «Динамичность», объединил характеристики большого современного города: активный, энергичный, динамичный, изменчивый, ритмичный, современный, быстрый, развивающийся и большой. Третий фактор, «Климат» включает шкалы, характеризующие природно-климатические особенности города (жаркий, теплый, солнечный). Четвертый фактор, «Разнообразие», объединяет шкалы: многонациональный, эклектичный, многолюдный, шумный.

На следующем этапе был проведен кластерный анализ результатов респондентов по уровню психологического благополучия. Были выделены две группы: с низким уровнем психологического благополучия (205 человек, $M=3,67$) и высоким (185 человек, $M=4,68$).

Затем в данных группах было проведено сравнение уровня идентичности с городом и оценки факторов образа города (Табл. 1).

Как показывают результаты исследования, в группе респондентов с высоким уровнем психологического благополучия значительно выше выделенные аспекты идентичности с городом проживания, данная группа респондентов выше оценивает как возможности самореализации в городской среде, так и ощущение города как своего, подлинного, отвечающего их глубинным ценностям и личностным смыслам. У данных респондентов также выше позитивные оценки городской среды, оценка ее динамичности и климатических особенностей города.

Таблица 1.

**Результаты сравнения идентичности с городом и оценки факторов
образа города респондентов с низким и высоким уровнями
психологического благополучия**

Исследуемые параметры	Респонденты с низким уровнем пси- хологическо- го благополу- чия		Респонденты с высоким уровнем пси- хологическо- го благополу- чия		F	p
	M	SD	M	SD		
Шкалы иден- тичности с местом прожи- вания						
аутентичность личности в го- родской среде	3,68	1,26	4,25	1,09	21,808***	0,000
Самореализа- ция в город- ской среде	4,58	1,03	5,1	0,77	37,089***	0,000
Оценки факто- ров образа го- рода	M	SD	M	SD	F	p
Позитивная оценка	4,7	1,19	5,3	0,99	23,357***	0,000
Динамичность	5,04	1,14	5,39	1,1	9,407**	0,002
Климат	5,63	1,24	6,21	0,98	25,842***	0,000
Разнообразие	3,85	1,45	3,65	1,39	1,892	0,170

*Примечание: M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; F – критерий Фишера; * – эффекты значимы на уровне $p < .05$; ** – эффекты значимы на уровне $p < .01$; *** – эффекты значимы на уровне $p < .001$.*

Затем в данных группах респондентов был проведен корреляционный анализ уровня идентичности с городом, оценки факторов образа города и психологического благополучия (Табл. 2).

Таблица 2.

**Результаты корреляционного анализа идентичности с городом,
оценки факторов образа города и психологического благополучия
респондентов с низким и высоким уровнем психологического
благополучия**

	1	2	3	4	5	6	7
1. Аутентичность личности в городской среде	1	,787**/ ,710**	,657**/ ,622**	,416**/ ,403**	,330**/ ,475**	,207**/ ,039	,132/ ,299**
2. Самореализация в городской среде		1	,616**/ ,695**	,442**/ ,478**	,335**/ ,316**	,114/ ,068	,100/ ,302**
3. Позитивная оценка			1	,755**/ ,689**	,476**/ ,342**	,367**/ ,067	,036/ ,206**
4. Динамичность				1	,532**/ ,206**	,241**/ ,031	,099/ ,121
5. Климат						,007/ ,063	,143*/ ,020
6. Разнообразие						1	-,097/ ,020
7. Психологическое благополучие							1

*Примечание: через слэш даны результаты респондентов с низким/высоким уровнем психологического благополучия; ** – корреляция значима на уровне 0,01; * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).*

Исследование выявило, что у респондентов с высоким уровнем психологического благополучия наблюдается корреляция выраженности благополучия с уровнем идентичности с городом и фактором позитивной оценки города. У краснодарцев с низким уровнем психологического благополучия выявлена связь благополучия только с оценкой климата места проживания. Соответственно, первая категория респонден-

тов активно использует ресурсы городской среды для повышения своего субъективного благополучия, а вторая категория не умеет использовать возможности города проживания.

Выводы

Оценка респондентами Краснодара городской среды является важным фактором психологического благополучия. Респонденты с высоким уровнем психологического благополучия оценивают городскую среду более позитивно, испытывают большую эмоциональную привязанность к месту проживания и выше оценивают возможность самореализации в условиях города.

Краснодарцы с высоким уровнем психологического благополучия активно используют ресурсы городской среды для повышения своего субъективного благополучия, а с низким – не умеют использовать возможности города проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аполлонов И.А., Тарба И.Д.* Пространство культуры в зеркале городского ландшафта // «Вопросы философии», № 8. 2023. СС. 174–188.
2. *Нотман О.В.* Городская среда как междисциплинарное понятие // «Общество: социология, психология, педагогика», № 12 (92). 2021. СС. 104–107.
3. *Тучина О.Р.* Адаптация опросника идентичности с городом (на материале исследования жителей Краснодара) // «Ярославский педагогический вестник.», № 4 (139). 2024. СС. 139–147.

REFERENCES

1. *Apollonov I., Tarba, I.* The Space of culture in the mirror of the urban landscape // *voprosy filosofii* [questions of philosophy], No. 8, 2023. PP. 174–188.
2. *Notman O.* Urban Environment as an Interdisciplinary Concept // “Society: Sociology, Psychology, Pedagogy”, No. 12 (92), 2021. PP. 104–107.
3. *Tuchina O.* Adaptation of the City Identity Questionnaire (Based on a Study of Krasnodar Residents) // “Yaroslavl Pedagogical Bulletin”, No. 4 (139), 2024. PP. 139–147.

URBAN ENVIRONMENT AS A FACTOR OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF CITY RESIDENTS (BASED ON A STUDY OF RESPONDENTS FROM KRASNODAR)

O. Tuchina

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

ABSTRACT

This article examines the urban environment as a key factor influencing individuals' somatic and mental health by shaping their daily lifestyle and emotional background. The study sample included 390 permanent residents of Krasnodar aged between 16 and 58. To assess perceptions of the city's image, the study employed the Bipolar Semantic Differential technique, a custom city perception scale, and Carol Ryff's Psychological Well-Being Scale. The analysis of respondents' evaluations of Krasnodar's visual image revealed the most significant characteristics: the city's climatic conditions, its urban individuality, features reflecting the pace of life and development in Krasnodar, and attributes of a city adapted for everyday living. The findings indicate that respondents with a high level of psychological well-being perceive the urban environment more positively, demonstrate stronger emotional attachment to their place of residence, and report greater opportunities for self-realization within the urban setting. In contrast, individuals with low psychological well-being tend to underutilize the city's potential and resources. Residents with higher well-being actively engage with the urban environment to enhance their subjective well-being.

Keywords: urban environment; place identity; city image; psychological well-being.

* This study was supported by the Kuban Science Foundation (Project No. NIP-20.1/209 "Interactive Digital Environment as a Tool for Realizing the Socio-Economic Potential of Fine Art in the City of Krasnodar").

РАЗРАБОТКА И ВАЛИДИЗАЦИЯ ПЕРВИЧНОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА ЦЕЛОСТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

А.Ф. Филатова, С.Н. Костромина

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

as.filatova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В условиях стремительных глобальных трансформаций и динамичности современной реальности целостность личности выступает ключевым фактором ее психологического благополучия, устойчивости, адаптационного и ресурсного потенциала. Актуальность нашей работы связана с необходимостью создания методического инструментария, который позволит эффективно изучать целостность в рамках эмпирических исследований.

Целью работы является разработка и валидизация первичного варианта авторского опросника, посвященного психологической диагностике целостности личности. Опросник основан на процессуальной модели целостности, которая описывает механизмы внутриличностной интеграции в соответствии с четырьмя сферами отношений человека: отношений с другими людьми, с самим собой, с собственной жизнью и с миром в целом.

Методы. Исследование включает процедуры разработки, экспертной оценки, первичной апробации и валидизации авторского опросника. В качестве методов математико-статистической обработки данных были использованы анализ надежности/согласованности и факторный анализ.

Результаты. По результатам исследования на выборке из 106 респондентов была подтверждена надежность и внутренняя согласованность опросника, а также его четырехфакторная структура, соответствующая четырем сферам отношений личности.

Выводы. Первичная версия опросника характеризуется приемлемыми психометрическими показателями, в связи с чем дальнейшая разработка методики может быть продолжена. Сформулированные вопросы отражают процессуальные аспекты целостности личности.

Ключевые слова: целостность личности, интеграция, процессуальный подход, методология исследования, личностные опросники.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00308 «Процессуальная модель целостности личности: теоретическое обоснование и эмпирические референты».

Введение

Актуальность. Согласно современным научным представлениям, целостность личности тесно связана с ее психологическим благополучием, высокой устойчивостью к внешним изменениям, стремлением к саморазвитию и самоизменению. Сохранение баланса между различными аспектами собственного «Я» обеспечивает внутреннюю гармонию, ощущение экзистенциальной наполненности, реализацию жизненных ценностей и смыслов. Успешность социально-психологической адаптации также напрямую зависит от способности личности поддерживать себя в целостном, интегрированном состоянии. Дезинтеграция личности, напротив, может быть связана с тревожностью, депрессией, внутренними конфликтами. Условия транзитивности, изменчивости современного мира, стремительное увеличение информационных нагрузок и нарастание цифрового стресса, бросают вызов ресурсному потенциалу человека. В связи с этим исследование целостности сегодня представляется практически значимым.

Актуальной теоретико-методологической проблемой изучения личности на сегодняшний день является несоответствие ряда исследовательских подходов и методических решений принципу холизма. Будучи основным постулатом и главным ориентиром научного исследования личности, понятие целостности во многих работах используется исключительно как декларативное, т.е. не подкрепляется теоретическими обоснованиями и эмпирическими доказательствами. Сравнительно редко в отечественной литературе можно встретить попытки строгой операционализации данного термина и создания эмпирически проверяемой модели целостной личности. В связи с этим является актуальным создание методического инструментария, позволяющего решать разнообразные эмпирические задачи по исследованию целостности личности.

Цель данной статьи – представить первичную версию опросника, разработанного на основе авторской модели целостности личности и предназначенного для эмпирической верификации различных аспектов её проявления в разных сферах отношений.

Состояние проблемы. В отечественных исследованиях последних 10 лет представлено множество определений целостности личности. Одни авторы рассматривают ее как соединение биологического, социального и духовного начал в человеке, другие – как стремление личности к гармонии с собой и миром [1,6]. Несмотря на то, что подобные определения отражают сущность феномена, зачастую они не раскрывают особенности интеграционных процессов и системообразующих факторов личности.

Материалы и методы

Анализ русскоязычных работ по теме исследования позволил разделить современные научные подходы к пониманию целостности на три основные группы:

1) Целостность может рассматриваться на уровне *структуры* личности как совокупность конкретных черт и характеристик: самоактуализации, жизнестойкости, эмоциональной стабильности, толерантности к неопределенности и др. [5]. Такой описательный подход сводится к простому перечислению конкретных черт без анализа механизмов их интеграции.

2) Целостность описывается в качестве *статического* свойства личности, которому соответствует стабильность всех личностных подструктур во времени и в различных ситуациях, а также степень согласованности и взаимосвязанности внутриличностных процессов [7, 10]. Статическую целостность личности можно оценить количественно, например, рассчитав коэффициент связности различных личностных параметров [2].

3) *Динамический и процессуальный подходы* к исследованию позволяют определить целостность как результат взаимодействия устойчивости и изменчивости личности. Эти подходы берут начало в трудах Л.И. Анцыферовой, которая рассматривала личность в качестве живой неравновесной системы, постоянно преобразующейся под влиянием

внешних и внутренних изменений [цит. по: 8]. Состояние целостности возникает в ответ на происходящие изменения, которые «достраивают» механизмы устойчивости личности до нового уровня [3]. Целостность как динамическое образование необходимо изучать во взаимосвязи с процессами самодетерминации, саморазвития и самоорганизации личности [4]. Ее проявления можно зафиксировать в различных контекстах и на разных уровнях личностного функционирования.

Вышеперечисленные подходы не исключают, а взаимно дополняют друг друга, позволяя комплексно описать феномен целостности личности. Однако третий из них, процессуальный подход к пониманию природы личности как живой открытой самоорганизующейся системы, является наиболее актуальным и продуктивным с точки зрения новых методологических и методических решений.

Главной **задачей данного исследования** является обеспечение процессуальной модели целостности верифицируемыми эмпирическими референтами. Мы предположили, что такие референты и маркеры целостности могут быть сгруппированы относительно четырёх основных сфер отношений личности:

(1) «Я и МИР» – отношения человека с окружающим миром, которые описываются через его готовность и способность к изменчивости, сохранению устойчивости, чувство вовлеченности в жизнь, контроля над жизнью, полноты жизни.

(2) «Я и ДРУГИЕ» – отношения с другими людьми как собственная автономность/неавтономность, доверие/недоверие, чувство сбалансированности отдачи-принятия в отношениях с другими людьми.

(3) «Я – АВТОР СВОЕЙ ЖИЗНИ» – персональная сфера как отношения человека с собой и своей жизнью, которая отражается в планировании жизни и постановке жизненных целей и задач, в том числе отдаленных, способность к определению жизненных приоритетов, событийности жизни.

(4) «МОЯ ЖИЗНЬ и Я» – общая гармония жизни, ее осмысленности, чувство своего пути, своей жизни и аутентичности, принятие самого себя.

Предлагаемый метод решения. Процедура создания опросника по изучению целостности личности в качестве первого этапа включала разработку исследовательской группой 259 суждений, которые опира-

лись на изложенные выше положения о процессуальной природе целостности, ее фундаментальные характеристики и уровневую организацию.

На следующем этапе была проведена экспертная оценка предлагаемых эмпирических решений (системы эмпирических референтов) с помощью анкеты. Экспертам предлагалось оценить степень соответствия суждения понятию целостности/внутренней согласованности личности по шкале Лайкерта, а также принадлежность суждения к одной из 4 сфер отношений: «Я и МИР», «Я и ДРУГИЕ», «Я – АВТОР СВОЕЙ ЖИЗНИ», «МОЯ ЖИЗНЬ и Я». На основе оценок 8 экспертов, имеющих психологическое образование и опыт работы, было подтверждено соответствие выделенным эмпирическим референтам 104 пунктов (они имеют среднюю экспертную оценку по соотношению с понятием «согласованность» выше 3,6 баллов по пятибалльной шкале).

Далее была проведена процедура первичной апробации опросника. Исследование проводилось в формате онлайн опроса в октябре-ноябре 2024 года. Участникам предлагалось оценить каждое из суждений на предмет согласованности с собственными убеждениями и близости к себе (по пятибалльной шкале Лайкерта). В исследовании приняли участие 106 респондентов, из них 94 женщины и 12 мужчин, средний возраст – $22,2 \pm 4,06$, $M_o=21$.

Полученные результаты. В ходе математико-статистической обработки данных по опроснику (в программе JASP 0.19.1.) была произведена проверка надёжности шкалы и согласованности пунктов по общему показателю целостности в выборке. После исключения пунктов, снижающих согласованность шкал опросника, в окончательную версию вошло **86 вопросов**, демонстрирующих высокую степень надёжности/согласованности (α -Кронбаха – 0,956). Удаление любого из оставшихся пунктов не приводило к увеличению надёжности шкалы, поэтому данный набор вопросов является наиболее оптимальным.

Анализ структуры опросника проводился с помощью эксплораторного факторного анализа методом минимальных остатков с косогольным вращением Промакс. По результатам анализа была выявлена четырёхфакторная структура, охватывающая 35% объясненной дисперсии и аналогичная теоретической модели (КМО – 0,586, Критерий Бартлетта – 6731,595, $p<0,001$; Хи-квадрат – 4366,235, $p<0,001$).

Первый фактор (11% объясненной дисперсии) объединяет утверждения, относящиеся к сфере «Я и ДРУГИЕ», однако по смыслу он является противоположным понятию целостности личности. Например, в него вошли такие пункты как: *«Когда меня хвалят или отмечают мои заслуги, то я считаю, что меня просто переоценивают и не знают меня на самом деле»*, *«Иногда я чувствую себя лишним даже в кругу друзей»*, *«Я часто делаю то, что не хочу делать, просто чтобы не разочаровать людей»*. Поскольку первый фактор включает преимущественно обратные утверждения (они имеют положительные факторные нагрузки), можно предположить, что он описывает рассогласованность личности, проявляющуюся в отношениях с людьми в виде чувства зависимости, недоверия, дисбаланса отдачи и принятия. Лишь два пункта первого фактора имеют отрицательные нагрузки (т.е. положительно и прямо связаны с сохранением собственной целостности в межличностных отношениях): *«Моя открытость и честность в близких отношениях очень важны для меня»* ($r=-0,340$), *«Мне нравится, когда в общении оба могут быть услышаны»* ($r=-0,260$). Также необходимо отметить, что хотя структура фактора, в целом, соответствует сфере «Я и ДРУГИЕ», в него также оказались включены утверждения из других категорий, являющиеся обратными по смысловому значению и описывающие внутреннюю рассогласованность/дезинтегрированность личности.

Второй фактор (20% объясненной дисперсии) соответствует категории «Я – АВТОР СВОЕЙ ЖИЗНИ», описывающей сферу отношений человека с собой и своей жизнью. Целостность личности в данном аспекте проявляется в способности планировать свою жизнь, самостоятельно определять жизненные цели и задачи, расставлять приоритеты (*«Я четко понимаю, чего хочу достичь в жизни»*, *«Я точно решил(а), чем хочу заниматься в будущем, и я постепенно двигаюсь к этому»*).

Третий фактор (28% объясненной дисперсии) обозначен категорией «МОЯ ЖИЗНЬ и Я», которая маркирует самопринятие и аутентичность, переживание наполненности и осмысленности собственной жизни (*«Как правило, я четко понимаю и осознаю, почему я поступил так, а не иначе»*, *«Я стараюсь действовать в соответствии с моими личными ценностями, даже если другие критикуют или отвергают меня за это»*, *«Я сам(а) несу ответственность за свои жизненные выборы»*).

Наконец, четвертый фактор (35% объясненной дисперсии) описывает сферу «Я и МИР». Целостность во взаимодействии с окружающим миром проявляется как единство устойчивости и изменчивости, как способность реагировать на внешние изменения внутренними трансформациями, сохраняя собственный уникальный «стержень» и чувства вовлеченности в жизнь, контроля над жизнью, полноты жизни. Этой сфере соответствуют следующие утверждения: *«Я уверен(а), что мои вложения в общее дело так или иначе окупятся»*, *«Я нахожу окружающий мир полным возможностей»*, *«Даже при изменении обстоятельств я стремлюсь выполнять задуманное»*.

Обсуждение результатов. Таким образом, сформулированные суждения отражают процессуальные аспекты целостности личности, ранее описанные в теоретических исследовательских работах [3, 4, 8]. Согласно полученным результатам, первичная версия опросника целостности личности характеризуется высокой степенью согласованности пунктов и приемлемой структурной валидностью. Эмпирическая факторная модель преимущественно воспроизводит исходную теоретическую структуру, однако не все пункты распределились по четырем факторам в соответствии с нашими предположениями. По результатам апробации и валидации первичного варианта опросника принято решение о необходимости его доработки. Некоторые вопросы будут переформулированы в связи с их многозначностью, а также с целью сокращения общего числа обратных утверждений. Необходимо учитывать «вес» каждого индикатора в соответствующей сфере, поэтому будут внесены корректировки в сопряженность вопросов относительно друг друга и тех уровней целостности, которые они исследуют у респондентов.

Выводы

Тем не менее, первичный вариант опросника, посвященного целостности личности, успешно апробирован. Наш опросник позволяет изучить, каким образом процессуальные аспекты целостности раскрываются в четырех сферах отношений. В сфере отношений с другими людьми внутриличностные интеграционные процессы обеспечиваются сохранением собственной автономии в сочетании со стремлением к под-

линно близким связям, взаимопониманию между равными партнерами. В персональной сфере целостная личность проявляется через способность к самоорганизации и самодетерминации, планированию и целеполаганию. В двух сферах отношений, имеющих экзистенциально-психологическую коннотацию, – отношений с собственной жизнью и с миром в целом – также реализуются специфические интеграционные механизмы, связанные с аутентичностью, смыслопостроением, активным и диалогичным взаимодействием с миром. Перспективы дальнейшего изучения феномена заключаются в уточнении теоретической модели и соответствующей ей системы эмпирических референтов, что позволит описать и исследовать разноуровневые механизмы формирования и поддержания целостности личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Игнатенко М.С., Савельева О.В.* Преемственность идей комплексного изучения человека в работах ученых-психологов Герценовского университета // «Герценовские чтения: психологические исследования в образовании», № 5. 2022. СС. 131–138. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2022-5-16.
2. *Капцов А.В., Колесникова Е.И.* Возрастные особенности коэффициентов целостности и связности стадий становления субъектности обучающихся // «Вестник Калужского университета». Сер. 1. Психологические науки. Педагогические науки», № 1(14). Т. 5. 2022. СС. 62–70. DOI 10.54072/26586568_2022_5_1_62.
3. *Костромина С.Н., Гришина Н.В.* Целостность как фундаментальная категория в описании природы личности // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология», № 3. Т. 14. 2024. СС. 394–413. DOI: 10.21638/spbu16.2024.301
4. *Мартюшева А.А.* Психологическое благополучие личности в контексте онтологически-антропологической модели целостного человека // «Проблемы психологического благополучия», 2021. СС. 249–260.
5. *Пенечко О.К.* Авторская программа достижения целостности человека на основе интегративного подхода // «Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023а», № 3 (47). СС. 278–286.
6. *Пилипенко Т.С.* Самопринятие как субъектная характеристика // «Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология», Т. 40. 2022. СС. 78–85. DOI 10.26516/2304-1226.2022.40.78.
7. *Розин В.М.* «Само» как условие и механизм становления личности // «Мир психологии». 2021. 1–2 (105). СС. 194–202.

8. Харламенкова Н.Е. Динамический подход Л.И. Анцыферовой к психологическому исследованию личности: новые грани проблемы // «Научные подходы в современной отечественной психологии», 2023. СС. 461–477.
9. Щукина М.А. Психология саморазвития личности. СПб.: СПбГУ, 2017.
10. Юров И.А. Вклад ленинградских ученых в системно-комплексную парадигму отечественной психологии // «Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда», № 4. Т. 8. 2023. СС. 24–47. DOI 10.38098/ipran.opwp_2023_29_4_002.

REFERENCES

1. Ignatenko, M., Savelieva O. Continuity of Holistic Human Study Concepts in the Works of Psychologists at Herzen University // “Herzen Readings: Psychological Research in Education”, No. 5, 2022. PP. 131–138. DOI: 10.33910/herzenpsyconf-2022-5-16.
2. Kaptsov A., Kolesnikova E. Age-Specific Features of Integrity and Coherence Coefficients in the Stages of Developing Student Subjectivity // “Bulletin of Kaluga University. Series 1: Psychological Sciences. Pedagogical Sciences”, Vol. 5, No. 1(14), 2022. PP. 62–70. DOI: 10.54072/26586568_2022_5_1_62.
3. Kostromina S., Grishina N. Integrity as a Fundamental Category in Describing the Nature of Personality // “Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology”, Vol. 14, No. 3, 2024. PP. 394–413. DOI: 10.21638/spbu16.2024.301.
4. Martyusheva A. Psychological Well-Being of the Personality in the Context of the Ontological-Anthropological Model of the Integral Human Being // “Problems of Psychological Well-Being”, 2021. PP. 249–260.
5. Penechko O. Author’s Program for Achieving Human Integrity Based on an Integrative Approach // “Human Factor: Social Psychologist”, No. 3 (47), 2023a. PP. 278–286.
6. Pilipenko T. Self-Acceptance as a Subjective Characteristic // “Bulletin of Irkutsk State University. Series: Psychology”, Vol. 40, 2022. PP. 78–85. DOI: 10.26516/2304-1226.2022.40.78.
7. Rozin V. The “Self” as a Condition and Mechanism for Personality Development // “World of Psychology”, Nos. 1–2 (105), 2021. PP. 194–202.
8. Kharlamenkova N. L.I. Antsyferova’s Dynamic Approach to Psychological Research of Personality: New Facets of the Problem // “Scientific Approaches in Contemporary Russian Psychology”, 2023. PP. 461–477.
9. Shchukina M. Psychology of Personality Self-Development. St. Petersburg: Saint Petersburg State University, 2017.
10. Yurov I. The Contribution of Leningrad Scholars to the Systemic-Holistic Paradigm of Russian Psychology // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Occupational Psychology, Vol. 8, No. 4, 2023. PP. 24–47. DOI: 10.38098/ipran.opwp_2023_29_4_002.

DEVELOPMENT AND VALIDATION OF THE PRIMARY VERSION OF THE PERSONALITY WHOLENESS QUESTIONNAIRE

A. Filatova, S. Kostromina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

In the conditions of rapid global transformations and dynamism of modern reality, the personality wholeness is a key factor of its psychological well-being, stability, adaptation and resource potential. The relevance of our work is connected with the need to create a methodological tool that will allow us to effectively study wholeness within the framework of empirical research.

The aim of the work is to develop and validate the primary version of the author's questionnaire devoted to psychological diagnostics of personality wholeness. The questionnaire is based on the processual model of wholeness, which describes the mechanisms of intrapersonal integration in accordance with four spheres of human relations: relations with other people, with oneself, with one's own life, and with the world as a whole.

Methods. The study includes the procedures of development, expert evaluation, initial testing and validation of the author's questionnaire. Reliability/consistency analysis and factor analysis were used as methods of mathematical and statistical data processing.

Results. According to the results of the study on a sample of 106 respondents, the reliability and internal consistency of the questionnaire, as well as its four-factor structure corresponding to the four spheres of personality relations were confirmed.

Conclusions. The primary version of the questionnaire is characterised by acceptable psychometric indicators; therefore, further development of the tool can be continued. The formulated questions reflect processual aspects of personality wholeness.

Keywords: personality wholeness, integration, processual approach, research methodology, personality questionnaires.

СТИЛЬ РОДИТЕЛЬСКОГО ВОСПИТАНИЯ КАК ФАКТОР САООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Е.В. Харитонова, Ю.В. Бочкарева

*Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
veha_2000@mail.ru, bochkarevayv@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования взаимообусловленной связи параметров самооотношения личности и стилей родительского воспитания. В результате факторного анализа показано, что со стороны стилей отцовского воспитания в качестве факторообразующих переменных, обуславливающих изменение параметров самооотношения у девушек, выступают – директивность, враждебность и автономность отца; со стороны стилей материнского воспитания – враждебность матери. Со стороны стилей материнского воспитания в качестве факторообразующих переменных, обуславливающих изменение параметров самооотношения у юношей, выступают все стили, со стороны стилей отцовского воспитания – непоследовательность, позитивный интерес, директивность и враждебность. В исследовании представлены различия во взаимосвязях параметров самооотношения и стилей отцовского и материнского воспитания в мужской и женской выборках и проведен анализ ряда противоречивых связей.

Ключевые слова: самооотношение личности, стиль родительского воспитания.

Введение

В постоянно развивающемся современном обществе все более остро встает вопрос об отношении личности к самой себе и факторах, влияющих на его становление. Во многих исследованиях самооотношение рассматривается в качестве главных компонентов процесса саморазвития человека [1, 4]. Самоотношение можно охарактеризовать как одну

из составляющих самосознания человека, оно представляется в качестве эмоционально-оценочной части. Одним из важнейших компонентов для развития самосознания выступает общество, так как человек перенимает различные культурные особенности от окружающих. Самосознание зависит от среды, в которой находится сама личность, развивается в течение всего жизненного пути человека под воздействием множества факторов [5]. Нельзя недооценивать значимость влияния стиля родительского воспитания на процесс формирования личности [2, 3]. Семья выступает в качестве самой значимой детерминанты личностного, интеллектуального, социального, духовного становления личности. Процесс воспитания индивидуален в зависимости от семьи и связан со многими факторами, в том числе с экономическим и культурным уровнем семьи, семейными ценностями и т.д. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что институт семьи выступает в качестве одной из ведущих составляющих при социализации ребенка. Учитывая данный факт, ведущими целями данного института в социально-психологическом ключе выступает становление главной социальной потребности ребенка – потребности в социальной коммуникации, а также развитие фундаментальной уверенности в социуме. Таким образом, становится актуальным исследование стилей семейного воспитания как фактора самоотношения личности.

Материалы и методы

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что стили родительского воспитания могут выступать в качестве факторов самоотношения личности, причем особенности взаимообусловленной связи между параметрами самоотношения и стилями родительского воспитания в выборках юношей и девушек будут различны.

В качестве методик исследования выступили «Опросник самоотношения» (В.В. Столин, С.Р. Пантелеев), «Подростки о родителях» (ADOR, в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромициной). *Методы статистической обработки:* описательная статистика, проверка однородности дисперсии с помощью F-критерия Ливиня, метод сравнения двух независимых выборок с применением t-критерия Стьюдента, факторный анализ по методу главных компонент, с Вари-

макс-вращением и нормализацией Кайзера (факторный анализ проводился в мужской и женской выборках отдельно с анализом связи с материнским и отцовским стилями воспитания и разделением параметров самоотношения по степени обобщенности).

В исследовании приняли участие 87 респондентов, из них – 32 юношей и 55 девушек в возрасте от 18 до 22 лет.

В целом, результаты проведенного эмпирического исследования можно представить в виде следующих положений.

Для юношей характерны высокие значения внутреннего конфликта, самоуважения, аутосимпатии, низкие – самопонимания. Для девушек характерны высокие значения внутреннего конфликта, самоуважения, аутосимпатии; низкие – самообвинения, самопонимания. Для девушек, по сравнению с юношами, характерны более высокие значения «ожидания отношения от других» ($t=2,432$) и отношения других» ($t=2,046$).

На фоне отсутствия достоверных различий между мужской и женской подвыборками воспитательное влияние родителей (по описанию респондентов) проявлялось в позитивном участии в воспитании, без дистанцирования, без проявления неуважения, а наоборот, родители старались участвовать в жизни детей и интересовались их успехами.

Имеется выраженная взаимообусловленная связь параметров самоотношения и восприятия респондентами стилей родительского воспитания (Рис. 1).

В женской выборке на фоне отсутствия связи глобального самоотношения и стилей материнского воспитания выявлено негативное влияние на глобальное самоотношение враждебности отца (53,15 % объясняемой дисперсии) и положительное влияние низкой автономности отца (19,78% дисперсии).

В мужской выборке выявлено как отрицательное влияние директивности отца (47,57% дисперсии) на глобальное самоотношение, так и отрицательное влияние непоследовательности матери (1-й фактор, 45,11% дисперсии) и положительное влияние автономности матери (2-й фактор, 21,18% дисперсии).

Анализ связи компонентов самоотношения девушек и восприятия материнского воспитания на уровне 1-го фактора (36,56% дисперсии) показал положительное влияние враждебности матери на самоинтерес дочери. Со стороны восприятия отцовского воспитания (2-й фактор,

22,01% дисперсии) выявлено отрицательное влияние директивности отца на самоуважение и аутосимпатию дочерей и положительное влияние на самоинтерес дочери.

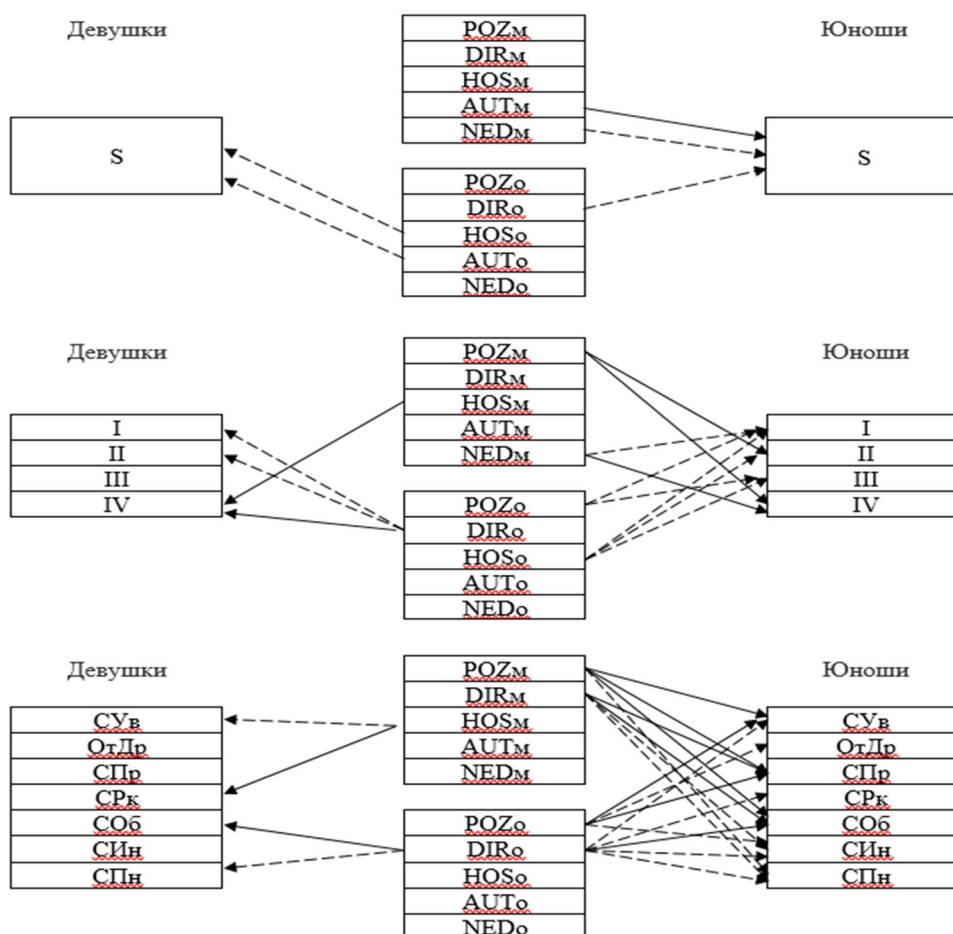

Рисунок 1. Влияние стилей родительского воспитания на параметры самооценки респондентов разного пола.

*Примечание – *S* – глобальное самооотношение, *I* – самоуважение, *II* – аутосимпатия, *III* – ожидаемое отношение, *IV* – самоинтерес, *СУв* – самоуверенность, *ОтДр* – отношение других, *СПр* – самопринятие, *СРк* – саморукводство, *СОб* – самообвинение, *СИн* – самоинтере, *СПн* – самопонимание; *POZ* – позитивный интерес, *DIR* – директивность, *HOS* – враждебность, *AUT* – автономность, *NED* – непоследовательность, *м* – мать, *о* – отец; прямые линии – положительное влияние, пунктирные линии – отрицательное влияние.

В мужской выборке позитивный интерес матери (1-й фактор, 33,57%) усиливает самоинтерес и аутосимпатию сына, а непоследовательность матери (2-й фактор, 16,71%) усиливая самоинтерес, снижает самоуважение сына. Отсутствие враждебности у отца (1-фактор, 37,59%) усиливает самоуважение, аутосимпатию и ожидаемое отношение сына.

На уровне конкретных действий враждебность матери снижает самоуверенность, усиливая саморуководство дочери (1-й фактор, 28,82% дисперсии). Директивность отца снижает самопонимание и усиливает самообвинение дочери (2-й фактор, 16,95% дисперсии).

На уровне конкретных действий директивность матери (2-й фактор, 17,92%) усиливает самообвинение и одновременно с этим самопринятие сына, снижая самопонимание и самоинтерес. Позитивный интерес матери (3-фактор, 13,59%) усиливает самоуверенность, самопринятие, и одновременно с этим самообвинение сына, снижая при этом его самопонимание. Директивность отца (1-й фактор, 36,05%) усиливает самообвинение, снижая при этом самоуверенность, саморуководство, самоинтерес и самопонимание сына. Позитивный интерес отца (3-й фактор, 10,91%) усиливает самоуверенность и самопринятие, снижая отношение других и самоинтерес.

Как видно из представленных данных, в мужской выборке выявлено большее количество связей между параметрами самоотношения и стилями воспитания родителей. При этом, если у девушек количество связей с материнскими стилями воспитания незначительное, то в мужской выборке эта связь более тесная.

Неожиданными оказались положительные влияния на самоинтерес дочерей враждебности матери и директивности отца. Возможно, отказ от социальных норм матери, ее отгороженность и возвышение себя над остальными, и директивное направление отцом дочери на путь истинный, при склонении ее к подчинению нормам и правилам поведения, принятым в обществе, способствуют росту меру близости девушки к самой себе, усиливая интерес к собственным мыслям и чувствам и поиск подтверждения своей интересности для других людей, не входящих в круг семьи. Аналогичные изменения в системе самоотношения наблюдаются и в выборке юношей. Только для их самоинтереса катализатором выступает непоследовательность матери.

На уровне конкретных действий, не находя почвы для роста самоотношения из-за враждебности и дистанцированности матери, снижающей самоуверенность дочери, для девушек основным источником их активности становятся они сами, что способствует более отчетливому переживанию собственного «Я» как внутреннего стержня.

Интересным также является разнонаправленный характер влияния стиля родительского воспитания на конкретные действия по отношению к своему Я в выборке юношей. Директивность матери, несмотря на ряд отрицательных воздействий на самоотношение сына, возможно, компенсируется его эмоциональным, безусловным принятию себя таким, какой он есть, пусть даже с некоторыми недостатками. При этом позитивный интерес матери и отца, усиливая ряд положительных характеристик самоотношения сына, может стать за счет недостатка самопонимания симптомом его внутренней дезадаптации, в том числе снижая его ожидаемое отношение к себе со стороны других людей.

Заключение

Таким образом результаты проведенного исследования позволяют подтвердить выдвинутое предположение. Действительно, стили родительского воспитания выступают в качестве факторов самоотношения личности, причем особенности взаимообусловленной связи между параметрами самоотношения и стилями родительского воспитания в выборках юношей и девушек различны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнова И.С. Специфика современных условий семейного воспитания подростков и ее влияние на формирование их «Я-концепции» / И.С. Бубнова // “iPolytech Journal”, № 6. 2019. СС. 24–29.
2. Дубанова В.А. Стили семейного воспитания и их влияние на личность подростка / В.А. Дубанова // «Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество», № 9. 2023. СС. 81–85.
3. Кузьмина К.Е. Детско-родительские отношения как фактор развития представлений подростка о самом себе / К.Е. Кузьмина // «Концепт», № 4. 2022. СС. 72–77.
4. Пантилеев С.Р. Психология самосознания. Хрестоматия / С.Р. Пантелев. Самара, 2000. СС. 208–242.

5. Сайко Э.В. Самоотношение как уникальная способность человека и условие его человеческого самоосуществления (самоопределения, самопознания, самоактуализации и т.д.) / Э.В. Сайко // «Мир психологии», № 3. 2005. СС. 3–10.

REFERENCES

1. Bubnova I. Specifics of Modern Conditions of Family Upbringing of Adolescents and Their Influence on the Formation of the “Self-Concept” // “iPolytech Journal”, No. 6, 2019. PP. 24–29.
2. Dubanova V. Parenting Styles and Their Influence on Adolescent Personality // “Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society”, No. 9, 2023. PP. 81–85.
3. Kuzmina K. Parent-Child Relationships as a Factor in the Development of Adolescents’ Self-Perception // “Koncept”, No. 4, 2022. PP. 72–77.
4. Pantileev S. Psychology of Self-Consciousness. Reader / S.R. Pantileev. Samara, 2000. PP. 208–242.
5. Sayko E. Self-Attitude as a Unique Human Ability and a Condition for Self-Fulfillment (Self-Determination, Self-Knowledge, Self-Actualization, etc.) // “World of Psychology”, No. 3, 2005. PP. 3–10.

PARENTING STYLE AS A FACTOR OF A PERSON'S SELF-ATTITUDE

E. Kharitonova, Yu. Bochkareva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

ABSTRACT

the article presents the results of an empirical study of the interdependent relationship between the parameters of a person's self-attitude and parenting styles. As a result of the factor analysis, it is shown that on the part of paternal parenting styles, the directive, hostility and autonomy of the father act as factor-forming variables that determine the change in the parameters of self-attitude in girls; on the part of maternal parenting styles, the hostility of the mother. From the side of maternal parenting styles, all styles act as factor-forming variables that determine changes in the parameters of self-attitude in young men, from the side of paternal parenting styles - inconsistency, positive interest, directionality and hostility. The article presents differences in the interrelationships of self-attitude parameters and styles of paternal and maternal upbringing in male and female samples and analyzes a number of contradictory relationships.

Keywords: self-attitude of personality, parenting style.

ПРОБЛЕМА СНИЖЕНИЯ ОСОЗНАННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.И. Цюхай, К.Г. Цыдик

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
catic@yandex.ru, tsydik.com@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье характеризуется взаимосвязь осознанности, профессиональной востребованности и эмоционального выгорания у педагогов общеобразовательных учреждений. Проведенный анализ показал, что снижение уровня осознанности отражается в снижении чувства профессиональной востребованности педагога, что чревато риском эмоционального выгорания. Выявлено, что менее осознанные педагоги негативно оценивают свою профессиональную деятельность. Полученные результаты подчеркивают важность развития осознанности как ресурса, используемого психологами учреждений образования при профилактике эмоционального выгорания педагогов.

Ключевые слова: осознанность, наблюдение, описание, нереагирование, профессиональная востребованность, эмоциональное выгорание, педагоги.

Введение

На фоне стремительно меняющихся требований к профессиональным компетенциям специалистов сферы образования возрастает научный интерес к личностным характеристикам педагогов, которым необходимо одновременно уметь и адаптироваться к рабочим нагрузкам, и эффективно обучать и взаимодействовать с учащимися. Одной из таких характеристик является осознанность – когнитивная способность личности фокусироваться на настоящем моменте, регулировать собственные эмоции и осмысленно относиться к выполняемой деятельности [1]. Актуальность проблемы снижения осознанности у педагогов обуслов-

лена негативными последствиями как для их психологического здоровья, так и для качества образовательного процесса в целом.

Цель исследования заключалась в установлении характера взаимосвязи осознанности, профессиональной востребованности и эмоционального выгорания у педагогов. *Гипотеза* состояла в предположении, что педагоги с низким уровнем осознанности чувствуют себя менее профессионально востребованными и более склонны к эмоциональному выгоранию.

В психологии осознанность рассматривается как метакогнитивная способность, включающая произвольное внимание к текущему моменту, саморефлексию и безоценочное восприятие происходящего [2]. В противоположность когнитивному автоматизму осознанность, согласно Э. Лангер, способствует снижению стресса и легкому принятию решений [3]. В деятельности педагога осознанность проявляется в способности поддерживать высокую вовлеченность в образовательный процесс и эффективной регуляции собственного эмоционального состояния.

Материалы и методы

По мнению С. Бишоп и соавторов, осознанность – многокомпонентный процесс, включающий *саморегуляцию внимания* и *отношение к переживаниям, основанное на принятии* [2]. Первый компонент связан со способностью сознательно направлять и удерживать внимание на актуальном опыте, не позволяя автоматическим реакциям снижать уровень концентрации. Осознанный контроль внимания педагога облегчает коммуникацию с учащимися, снижая риск когнитивной перегрузки. Второй компонент осознанности отвечает за эмоциональную саморегуляцию. Непредвзятое отношение к своим мыслям и переживаниям способно снизить тревожность и эмоциональное напряжение у педагогов, регулярно сталкивающихся с высоким уровнем стресса. Восприятие возникающих эмоций без попытки их подавить предотвращает эмоциональное истощение, повышает психологическую устойчивость и удовлетворенность профессиональной деятельностью.

Полагаем, что для педагогов, ежедневно работающих в условиях интенсивного общения и непредвиденных ситуаций, характерно смещение фокуса внимания на происходящее, чужие мысли и эмоции с после-

дующей дезориентацией в собственных переживаниях, то есть велик риск снижения осознанности, в то время как ее повышение можно использовать в профилактике эмоционального выгорания педагогов, в том числе посредством осознания себя востребованным профессионалом.

В исследовании приняли участие 77 женщин-педагогов общеобразовательных учреждений в возрасте от 19 до 72 лет (средний возраст составил 38,1 лет). Педагогический стаж участников варьировался от года до 45 лет (средний стаж – 14,9 лет).

Сбор эмпирических данных осуществлялся опросным методом с использованием 3 методик: 1) «Пятифакторный опросник осознанности» (FFMQ) Р. Баер и соавторов в адаптации Н.М. Юмартовой, Н.В. Гришиной [4]; 2) «Профессиональная востребованность личности» (ПВЛ) Е.В. Харитоновой, А.Б. Ясько [5]; 3) «Профессиональное выгорание» (ПВ) Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, созданная на основе методики “Maslach Burnout Inventory” (MBI) К. Маслач и С. Джексон [6].

Статистическая обработка данных проводилась в пакете SPSS Statistics с применением t-критерия Стьюдента и H-критерия Краскела-Уоллиса, а также с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В ходе исследования установлено, что у педагогов преобладают средний и низкий уровни осознанности (у 44,2% и 37,6%, соответственно), тогда как высокий уровень – у 18,2%. Недостаток осознанности распространяется и на отношение к себе как к профессионалу, педагоги не осознают в полной мере как собственные возможности, так и результаты своего труда. Почти 1/5 педагогов оценивают себя невостребованными в профессиональном плане, средний уровень востребованности отмечен у 37,6%, а высокий уровень – у 44,2%.

На Рис. 1 представлено процентное соотношение числа педагогов с различным уровнем профессиональной востребованности в разрезе уровня осознанности. Высоко осознанные специалисты считают себя более востребованными, чем менее осознанные педагоги, у которых чаще отмечается низкий уровень профессиональной востребованности.

Между группами педагогов с различным уровнем осознанности выявлены статистически значимые различия в выраженности средних значений как общего показателя профессиональной востребованности, так и всех ее компонентов. Так, в группе педагогов с низким уровнем

осознанности наблюдается более выраженная неудовлетворенность реализацией своего профессионального потенциала ($p < 0,001$), склонность к негативной оценке своего профессионального «Я» ($p < 0,001$) и восприятию отношения к себе со стороны коллег и общества как отрицательного ($p < 0,01$). Недостаточная осознанность ограничивает способность педагогов отмечать собственные профессиональные достижения, что ведет к росту уверенности в собственной некомпетентности, низкой значимости и нерелевантности как специалиста, а также формирует негативное отношение к себе.

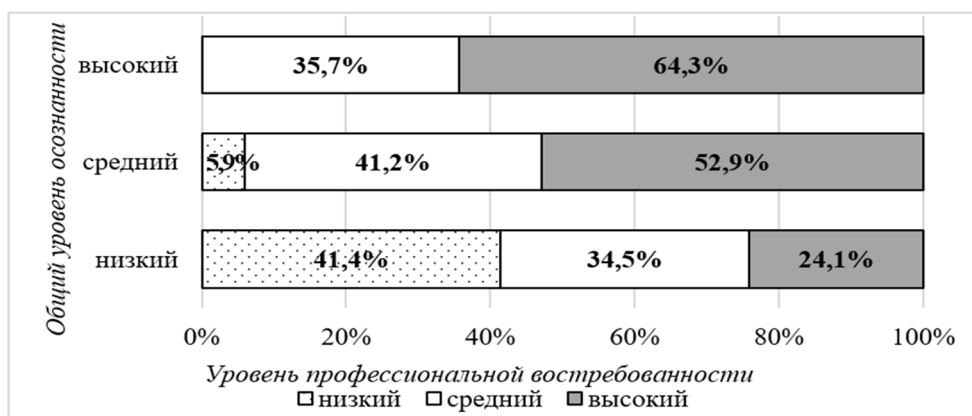

Рисунок 1. Процентное соотношение числа респондентов с различным уровнем профессиональной востребованности в разрезе уровня осознанности.

В отношении эмоционального выгорания в выборке зафиксировано наличие высокой и крайне высокой степени у 33,8% и 32,4% педагогов, соответственно, а низкая и средняя степень – у 33,8%. На Рис. 2 представлено процентное соотношение педагогов с различной степенью эмоционального выгорания в разрезе уровня осознанности респондентов.

Как следует из Рис. 2, у высоко осознанных специалистов преобладают низкая и средняя степени эмоционального выгорания, а у менее осознанных педагогов – крайне высокая степень. Средние значения всех компонентов эмоционального выгорания в группах с различным уровнем осознанности статистически значимо различаются: эмоциональное истощение достоверно больше выражено у педагогов с низкой осознан-

ностью ($p < 0,001$), деперсонализация также достоверно выше у менее осознанных педагогов ($p < 0,01$), тогда как редукция персональных достижений у менее осознанных педагогов по сравнению с коллегами со средним и высоким уровнем осознанности ниже ($p < 0,001$). У педагогов с низким уровнем осознанности отмечается тенденция к занижению собственной профессиональной успешности по сравнению с более осознанными педагогами.

Рисунок 2. Процентное соотношение числа респондентов с различной степенью эмоционального выгорания в разрезе уровня осознанности.

Это может быть связано с тем, что педагоги, которые не отслеживают и не отмечают свой внутренний опыт, имеют трудности с распознаванием своих эмоций и физических симптомов стресса, а, следовательно, они и не принимают адекватные меры для их снижения. Как результат, появляются напряжение и истощение, что увеличивает вероятность эмоционального выгорания.

Корреляционный анализ выявил ряд прямых и обратных взаимосвязей между осознанностью, профессиональной востребованностью и эмоциональным выгоранием, а также между их компонентами (Рис. 3).

Общий показатель осознанности напрямую связан с профессиональной востребованностью и всеми ее компонентами, тогда как с эмоциональным выгоранием наблюдается обратная корреляция. Следует отметить, что не выявлено значимых взаимосвязей профессиональной востребованности с компонентом осознанности «Безоценочность», ко-

торая предполагает отказ от оценки внутренних переживаний. У некоторых педагогов же, наоборот, отмечается тенденция к активной оценке своих достижений – в зависимости от внешних стандартов, и поиск признания со стороны окружающих.

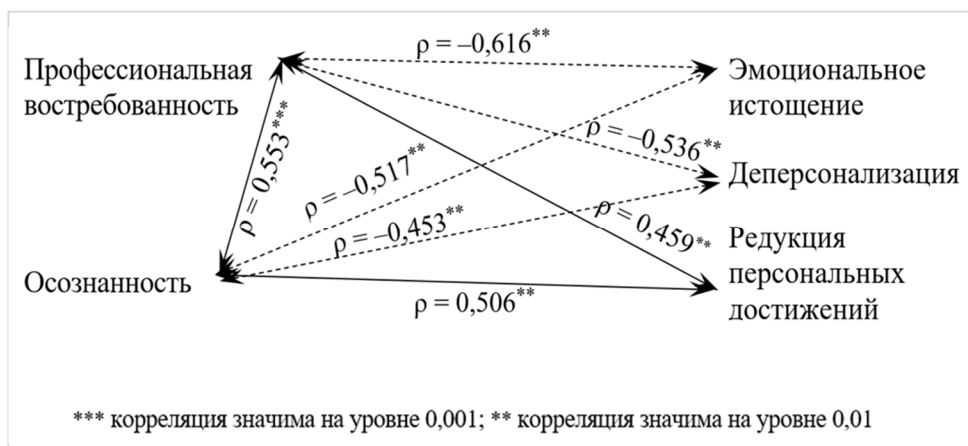

Рисунок 3. Взаимосвязь осознанности, профессиональной востребованности и компонентов эмоционального выгорания у педагогов.

Кроме того, выявлены значимые взаимосвязи между остальными компонентами осознанности и интегральным показателем выгорания:

- ✓ **наблюдением** ($\rho = -0,285$, $p < 0,05$), что свидетельствует о неспособности замечать свои физические ощущения, эмоции и мысли, а также о недооценке стресса и утомления, способствуя развитию выгорания;
- ✓ **описанием** ($\rho = -0,399$, $p < 0,01$), так как систематическое вытеснение и «замалчивание» негативных эмоций увеличивает уровень стресса и вероятность развития выгорания, а проблемы по-прежнему остаются нерешенными;
- ✓ **осознанность действий** ($\rho = -0,490$, $p < 0,01$) говорит об отсутствии сосредоточения на текущей деятельности и автоматическом выполнении обязанностей без учета собственных потребностей и границ, что ведет к истощению ресурсов, увеличивая риск выгорания;
- ✓ **нереагирование** ($\rho = -0,546$, $p < 0,01$), что закономерно для педагогов при работе с детьми. Однако недостаточная способ-

ность эмоционально не включаться может лишь усилить стресс и способствовать эмоциональному выгоранию.

При анализе взаимосвязи профессиональной востребованности и эмоционального выгорания в группах педагогов с различным уровнем осознанности отмечено, что **для педагогов важно осознание значимости собственного труда**, который другие участники образовательного процесса так или иначе оценивают.

Так, в группе **педагогов с низким уровнем осознанности** обнаружены сильные корреляции (на высоком уровне значимости) *всех компонентов* профессиональной востребованности *со всеми компонентами* эмоционального выгорания, что указывает на серьезный риск эмоционального выгорания педагога при неполучении позитивной обратной связи от учащихся, их родителей, коллег и администрации. Субъективную **ценность своих усилий и результатов** они напрямую **связывают с мнением социального окружения**, а не заключают о ней в результате собственного осознания [7].

В противовес им, в группе **педагогов с высоким уровнем осознанности** выявлены *всего две* значимые обратные взаимосвязи между оценкой результатов профессиональной деятельности: и деперсонализацией ($\rho = -0,671$ при $p < 0,01$), и интегральным показателем выгорания ($\rho = -0,623$ при $p < 0,05$), что свидетельствует о преимущественно позитивном отношении к себе и результатам профессиональной деятельности. Такие педагоги **делают выводы о собственной неуспешности** и рискуют «выгореть» лишь **в случае** осознания **реально неудовлетворительных результатов** у учащихся, что имеет под собой более рациональную основу, а не эмоциональную.

Заключение

Таким образом, осознанность – важная составляющая профессионального развития педагога, связанная с профессиональной востребованностью и эмоциональным выгоранием. Использование в учреждениях образования программ, направленных на развитие осознанности педагогов, можно рассматривать в качестве способа профилактики выгорания педагогических работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kabat-Zinn J.* Full catastrophe living: The program of the Stress Reduction Clinic at the University of Massachusetts Medical Center. New York: "Delta", 1990, 643p.
2. *Bishop S. [et al.]* Mindfulness: A proposed operational definition // "Clinical Psychology: Science and Practice". Vol. 11, 2004. PP. 230–241.
3. *Langer E.* Minding matters: The consequences of mindlessness – mindfulness // *Advances in experimental social psychology* // "Academic Press", Vol. 22, 1989. PP. 137–173.
4. *Юмартова Н.М., Гришина, Н.В.* Осознанность (Mindfulness). Характеристики и инструменты измерения // Науч. исследования выпускников фак-та психологии СПбГУ. СПб., 2013. СС. 267–273.
5. *Харитоновна, Е.В.* Психология социально-профессиональной востребованности личности. М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 2014, 411с.
6. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: «Питер», 2015, 212с.
7. *Цюхай Е.И., Цыдик К.Г.* Роль профессиональной востребованности в профилактике эмоционального выгорания педагогов // Информационное общество и духовная культура молодежи. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2023. СС. 141–143.

REFERENCES

1. *Kabat-Zinn J.* Full catastrophe living: The program of the Stress Reduction Clinic at the University of Massachusetts Medical Center. New York: "Delta", 1990, 643p.
2. *Bishop S. [et al.]* Mindfulness: A proposed operational definition // "Clinical Psychology: Science and Practice". Vol. 11, 2004. PP. 230–241.
3. *Langer E.* Minding matters: The consequences of mindlessness – mindfulness // *Advances in experimental social psychology* // "Academic Press", Vol. 22, 1989. PP. 137–173.
4. *Yumartova N., Grishina, N.* Mindfulness. Characteristics and measurement tools // *Scientific research of graduates of the Faculty of Psychology of St. Petersburg State University*. St. Petersburg, 2013. PP. 267–273 (In Russian).
5. *Kharitonova, E.V.* Psychology of socio-professional personality relevance. Moscow: Publishing House of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014, 411p. (In Russian).
6. *Vodop'yanova N., Starchenkova E.* Burnout syndrome: diagnosis and prevention. St. Petersburg: Peter, 2015, 212p. (In Russian).
7. *Tsukhai K., Tsydik, K.* The role of professional demand in the prevention of emotional burnout of teachers // *Information society and spiritual culture of youth*. Vitebsk: Masharov VSU, 2023. PP. 141–143 (In Russian).

THE PROBLEM OF REDUCING PERSONAL MINDFULNESS IN THE EDUCATION

K. Tsukhai, K. Tsydik

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

ABSTRACT

The article describes the relationship between mindfulness, professional demand and emotional burnout among teachers of educational institutions. The analysis showed that a decrease in the level of mindfulness is reflected in a decrease in the teacher's sense of professional relevance, which is fraught with the risk of emotional burnout. It has been revealed that teachers with a low level of awareness negatively evaluate their professional activities. The obtained results emphasize the importance of developing mindfulness as a resource used by psychologists of educational institutions in the prevention of emotional burnout of teachers.

Keywords: mindfulness; observation; description; non-response; professional demand; emotional burnout; teachers.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ И СТАРШИХ КУРСОВ

Е.Л. Чернышова, У.А. Винокурова

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация
chernyshova@pgsga.ru, vinokurova.u@sgspu.ru*

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – изучение стратегий поведения в конфликте у студентов, обучающихся на психологическом факультете, а также сравнение стратегий между студентами старших и младших курсов.

Практической базой экспериментального исследования выступили студенты факультета психологии и специального образования ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет» в количестве 30 человек. В качестве инструмента использовался тест Томаса-Килманна, который оценивает стиль поведения человека в конфликте. По результатам обработки ответов установлено, что в конфликтных ситуациях студенты старших курсов отличаются по стратегиям поведения от студентов младших курсов. По итогам исследования можно отметить, что будущие психологи, как правило, не выбирают наименее эффективную стратегию «соперничество», которой присуще удовлетворение собственных интересов в ущерб другим. Вместе с тем, для студентов (старших и младших курсов) характерно уклоняться от оптимального решения в случае возникновения конфликтной ситуации, однако для студентов старших курсов свойственно прибегать в тех или иных случаях к стратегии «сотрудничество», в то время, как для студентов младшего курса больше свойственен выбор стратегии «компромисс» в конфликтной ситуации. Стоит отметить, что процесс обучения предполагает формирование профессионально важных качеств будущих квалифицированных психологов, которых, как правило, отличает способность к сглаживанию конфликта, сотрудничеству. Профессиональное развитие студентов психологов предполагает приобретение конфликтологической компетентности, совершенствование выбора стратегий поведения в конфликте.

Ключевые слова: конфликт, конфликтная ситуация, стратегии поведения, студенты-психологи.

Введение

Актуальность. Конфликтные ситуации возникают в различных сферах взаимодействия: учебной, коллективной, общественно-полезной, научной, творческой, спортивной, бытовой, личностной и т.д. Интерес к теоретическому и практическому исследованию конфликтов объясняется увеличением конфликтности и напряженности в различных сферах жизни. Нельзя не отметить их наибольшую остроту и в настоящее время, в момент мирового обострения политических проблем, нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне. Нередки случаи обострения межнациональных и межкультурных конфликтов.

Часто возникают конфликты, конечно, и среди молодежи, в частности, среди студентов. Период обучения в вузе – это не только время приобретения профессиональных знаний, умений и навыков, но и значимый этап в личностном становлении студентов, период построения отношений с социумом, который трудно представить без возникновения разногласий.

Цель исследования – изучение стратегий поведения в конфликте у студентов, обучающихся на психологическом факультете, а также сравнение стратегий между студентами старших и младших курсов.

Гипотеза исследования: предполагается, что студенты-психологи младших курсов будут отличаться от студентов-психологов старших курсов по стратегиям поведения в конфликте.

Методика исследования: опросник К. Томаса, t-критерий Стьюдента.

Результаты исследования и их обсуждение

Среди основных российских исследователей проблем конфликта справедливо можно выделить Ф.М. Борокина, Н.М. Коряка, Э.А. Уткина, Н.В. Гришину, А.Г. Здравомыслова, В.Н. Кудрявцева, А.С. Кармина, А.В. Дмитриева и др.

Общеизвестные точки зрения определяют конфликт как форму проявления противоречия, а также как способ активного социального противодействия.

М.М. Кашапов дает следующее определение: «...конфликт, прежде всего, как психическое взаимодействие одновременно примерно рав-

ной силы, но противоположных, несовместимых в данной ситуации тенденций, мотивов, способов поведения» [1].

Причины возникновения конфликтной ситуации связаны с действиями участников ситуации или появившимися обстоятельствами. Выявить причину конфликта означает понять, что в поведении и действиях ее участников привело к тому, что взаимодействие перевелось в конфликтную форму [2, 3].

Межличностные конфликты крайне разнообразны. Нередко возникновение конфликтов встречается среди студенчества. Студенческая пора – это время перемен, открытий, знакомств, развития, получения новых знаний и, конечно, это – пора общения. Вчерашний школьник, определившийся с будущей профессией, попадает в совершенно новый мир. Университет – место, где студент получает знания конкретной направленности, так скажем, «выбранные им самим». Несмотря на то, что период обучения в вузе – прекрасная пора, это одновременно и период стресса: новые знакомства, взаимодействия с преподавателями и другими студентами, экзаменационные сессии. Кроме того, многим студентам приходится параллельно с учебой работать, а кто-то может одновременно стоять личную жизнь, вступать в брак и создавать семью.

Студентам младшего курса еще свойственна инфантильность ранней юности. Молодые люди формируют свою идентичность, активно пытаются найти свое место в жизни, вероятно, испытывают иллюзии по поводу своей будущей профессии, развивают независимость, автономность, самостоятельность. Впервые в жизни они начинают принимать самостоятельные решения, планировать будущее. Для младшекурсников свойственна активность в учебном процессе, а также во внеурочном процессе (вступление в студенческие клубы, организации, участия в различного рода мероприятиях). Вместе с тем многие из них нетерпеливы, хотят быстро получить результат, не настроены на долгий, длительный и упорный труд, амбициозны и эмоционально нестабильны [4, 5].

Ближе к старшим курсам, в большинстве случаев, студенты убеждаются в правильности или в ошибке относительно своего выбора профессии.

Также для студентов старших курсов характерны новые этапы в развитии и самосознании. Важнейшими «приобретениями» для студентов становятся логическое мышление, рефлексия, образная память, самообразование, переоценка ранее сложившихся ценностей, появление

новых жизненных планов. К старшему курсу у студента появляется более детальная вырисовка дальнейшей профессии в результате перехода от теоретических знаний к практическим (получение опыта в профессиональных навыках на практике, примерное понимание трудового процесса) [6].

На воспитание ценностей оказывает влияние психолого-педагогическое содействие. В.Ф. Покасов, Н.В. Кононова описывают студенческий возраст следующим образом: «...это – период завершения физического созревания, бурного роста самосознания, формирования мировоззрения, выбора профессии и начала вступления во взрослую жизнь. Студенческий возраст не только завершает период подготовки к взрослой жизни, но и сам по себе исключительно богат и многогранен... Важнейший психологический процесс этого периода – становление самосознания и устойчивого образа “Я”» [7].

Причинами конфликтов среди студентов могут быть: борьба за лидерство, оценки, стипендии, места в общежитии, одним словом – конкуренция внутри группы за нечто определенное. Помимо прочего, у студентов могут возникать расхождения в мнениях, убеждениях, религиозных и политических взглядах. Последнее особенно актуально в настоящее время и является причиной множества межличностных конфликтных ситуаций. Непростой политический период времени, неуверенность в завтрашнем дне, санкции и прочая нестабильность современности вызывают тревожность, беспокойство, неудовлетворенность, которые могут также приводить к конфликтам не столько из-за разногласий во взглядах, сколько по причине возникновения нестабильного эмоционального состояния, апатии, раздражительности и, как следствие, возникновения какого-либо внутриличностного конфликта. Большую роль в возникновении и протекании межличностных конфликтов, а также стратегий поведения в них, играют личные качества ее участников, темперамент, черты характера, уровень эмпатии, эмоционального интеллекта, способность к коммуникации [8, 9].

Практической базой экспериментального исследования выступили студенты с 1 по 4 курс факультета психологии и специального образования кафедры психологии и социальной педагогики, направление подготовки 37.03.01 «Психология»: направленность (профиль) социальная психология ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», в количестве 30 человек (24 женщины и

6 мужчин) в возрасте от 18 до 25 лет. Из них: 16 студентов (1 и 2 курс) представляли собой «младших», а 14 студентов (3 и 4 курс) – «старших». Данный объем выборки обеспечивает необходимый минимум для решения исследовательской задачи.

Профессия психолога характеризуется гуманистической направленностью. Студенту, который выбрал для себя профессию психолога, желательно обладать внутренним спокойствием, наблюдательностью, умением образно представить внутренний мир собеседника, способностью сопереживать. Кроме того, для психолога не только неплохо обладать навыками по разрешению конфликтов (либо неплохо их приобрести в течение учебы), но и необходимо освоить знания по медиации, а также самому не слыть конфликтным человеком, а в случае конфликтной ситуации разрешать ее с конструктивным подходом.

Студенты отвечали на вопросы теста Томаса-Килманна. Тест показывает типичную реакцию человека на конфликт, ее эффективность и целесообразность, а также дает информацию о других возможных способах разрешения конфликтной ситуации. В России тест адаптирован Н.В. Гришиной для изучения личностной предрасположенности к конфликтному поведению.

Всего тест определяет пять стратегий поведения: соперничество, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество.

Соперничество – это самый неэффективный, но, как правило, чаще всего встречаемый способ поведения в конфликтах, выражается в склонности добиваться своих интересов в ущерб другой стороне конфликта. Приспособление – стратегия, при которой жертвуют собственными интересами ради интересов другого. Избегание (уклонение) – это такой способ урегулирования конфликта, для которого характерно отсутствие стремления к конструктивному диалогу в принципе. Компромисс – некое соглашение между участниками конфликта, достигаемое при помощи взаимных уступок. Сотрудничество – это самая эффективная стратегия поведения в конфликте, она представляет собой поиск альтернативы, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон.

Выводы

По итогам опроса можно отметить, что большинство студентов младшего курса отдает предпочтение стратегии уклонения (56%). Кро-

615

ме того, немалый процент студентов предпочитает стратегию компромисса (31%). Достаточно низкий процент студентов выбирают стратегию сотрудничества (7%) и приспособления (6%). Стоит отметить, что никто из опрошенных студентов не выбрал стратегию соперничества.

Из результатов опроса студентов старшего курса мы видим, что половина опрошенных предпочитает стратегию уклонения (50%). Вместе с тем, весомая часть ответов (36%) показывает, что студенты старшего курса предпочитают стратегию сотрудничества. Также небольшая часть опрошенных стремится к компромиссу (14%). По итогам наблюдаем, что никто из опрошенных не предпочел такие стратегии, как соперничество и приспособление.

В целом, усматривается, что никто из опрошенных студентов старшего и младшего курса не выбрал стратегию соперничества в конфликтной ситуации. Отмечаем, что большая часть студентов младшего и старшего курсов отдает предпочтение стратегии уклонения.

Вместе с тем, по результатам проведенного исследования, стоит отметить, что весомая часть студентов младшего курса использует стратегию компромисса, в то время как значительная часть студентов старшего курса отдает предпочтение стратегии сотрудничества.

Психологическое исследование невозможно себе представить без статистической обработки. Одним из популярных методов математической статистики является метод проверки статистических гипотез, который позволяет на основании экспериментальных данных определить между двумя альтернативными статистическими гипотезами. Параметрический t-критерий Стьюдента для независимых выборок используется для оценки достоверности различий между средними арифметическими значениями нормально распределенного метрического показателя двух различных выборок. Путем вычислений по вышеуказанной формуле приходим к значению $t=0,2$ (количество степеней свободы – 8).

В таблице критических значений t-критерий Стьюдента по числу степеней свободы критические значения для « $p \leq 0.05$ » составляют 2.31, для « $p \leq 0.01$ » – 3.36. По итогам интерпретации данных оси значимости усматривается, что различия между результатами по старшему и младшему курсам значимы более, чем на 0,1% уровне. В терминах статистических гипотез данное утверждение будет звучать как то, что гипотеза H_0 о сходстве двух выборок отклоняется и на 0,1% уровне значимости принимается альтернативная гипотеза H_1 о различии между двумя выборками.

Заключение

Таким образом, по результатам обработки ответов студентов можно сделать вывод о том, что студенты-психологи младших курсов отличаются при выборе стратегий поведения в конфликте от студентов-психологов старших курсов.

В проведенном исследовании можно наблюдать взаимосвязь между стратегией поведения в конфликте и курсом обучения в университете. Стоит отметить, что процесс обучения предполагает формирование профессионально важных качеств будущих квалифицированных психологов, которых, как правило, отличает способность к сглаживанию конфликта, настрой на конструктивный диалог и сотрудничество. Соответственно, мы можем сделать вывод о том, что на выбор стратегий поведения в конфликте на студентов оказывает учеба, а также постепенное приобретение конфликтологической компетентности, навыков медиации в результате освоения программ гуманитарного цикла. Таким образом, постепенное профессиональное развитие студентов-психологов ведет к совершенствованию выбора стратегий поведения в конфликте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кашапов М.М.* Основы конфликтологии: учеб. пособие для академического бакалавриата / М.М. Кашапов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2017, 118с.
2. *Общая конфликтология: учебное пособие / С.Ю. Нарциссова, А.И. Киселева, Е.В. Розанова, А.А. Соловьев.* М.: «Эдитус», 2023, 216с.
3. *Шерешкова Е.А.* Конфликтология: учеб.-метод. Пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки 44.03.02 «Психол.-пед. Образование» / Е.А. Шерешкова; Шадр. гос. пед ун-т, Ин-т психологии и педагогики. Шадринск: ШГПУ, 2020, 234с.
4. *Козлова Ж.А.* Взаимосвязь личностных особенностей подростков и стратегий поведения в конфликте / Ж.А. Козлова, О.В. Филатова // «Педагогика и психология», № 2, 2021. СС. 90–93.
5. *Новикова О.И.* Психологические особенности студенческого возраста / О.И. Новикова, Л.В. Помыканов // Развитие современного образования: от теории к практике. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, 2018. СС. 56–58.
6. *Калабина Е.С.* Психологические особенности студенческого возраста / Е.С. Калабина // В сб.: Научное обозрение. сборник статей III Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021. СС. 7–76.

7. Покасов В.Ф. Формирование личности в студенческом возрасте в контексте психологических особенностей развития: педагогический аспект исследования / В.Ф. Покасов, Н.В. Кононова // «Экономические и гуманитарные исследования регионов», № 4, 2021. СС. 44–47.
8. Джакобия А.З. Основные психологические особенности студенческого возраста / А.З. Джакобия // «Вестник научных конференций», № 9–2 (49). 2019. СС. 48–49.
9. Есева О.В. Психологические особенности студенческого возраста и проблема адаптации будущих профессионалов / О.В. Есева // Инновационные процессы развития образования: опыт и перспективы, 2017. СС. 125–129.

REFERENCES

1. Kashapov M. (2017). *Fundamentals of Conflictology: A Textbook for Academic Bachelor's Degree Students* (2nd ed., revised and expanded). Moscow: "Yurayt Publishing", 118p.
2. Narcissova S., Kiseleva, A., Rozanova, E. & Solovyov A. (2023). *General Conflictology: A Textbook*. Moscow: "Editus", 216p.
3. Shereshkova E. (2020). *Conflictology: A Teaching and Methodological Guide for Students in the Field of Study 44.03.02 "Psychological and Pedagogical Education"*. Shadrinsk: Shadrinsk State Pedagogical University, Institute of Psychology and Pedagogy, 234p.
4. Kozlova Zh. & Filatova O. (2021). The Relationship between Personal Characteristics of Adolescents and Conflict Behavior Strategies // "Pedagogy and Psychology", (2), 90–93.
5. Novikova O. & Pomykanov L. (2018). Psychological Characteristics of Student Age // In *Development of Modern Education: From Theory to Practice. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference*. PP. 56–58.
6. Kalabina E. (2021). Psychological Characteristics of Student Age // In "Scientific Review". Proceedings of the 3rd International Research Competition. Penza. PP. 7–76.
7. Pokasov V. & Kononova N. (2021). Personality Formation in Student Age in the Context of Psychological Developmental Features: A Pedagogical Research Aspect // "Economic and Humanitarian Studies of Regions", (4), 44–47.
8. Dzhakobiya A. (2019). Main Psychological Features of Student Age // "Bulletin of Scientific Conferences", 9–2 (49), 48–49.
9. Eseva O. (2017). Psychological Features of Student Age and the Problem of Adaptation of Future Professionals // In "Innovative Processes in the Development of Education: Experience and Prospects". PP. 125–129.

COMPARATIVE ANALYSIS OF BEHAVIOR STRATEGIES IN CONFLICT SITUATIONS OF JUNIOR AND SENIOR STUDENTS

E. Chernyshova, U. Vinokurova

*Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation,*

ABSTRACT

The purpose of the study is to study the strategies of behavior in conflict among students studying at the Faculty of Psychology, as well as to compare strategies between senior and junior students.

The practical basis of the experimental research was provided by students of the Faculty of Psychology and Special Education of the Samara State Socio-Pedagogical University, consisting of 30 people. The Thomas-Kilmann test, which evaluates a person's behavior style in conflict, was used as a tool. Based on the results of processing the responses, it was found that in conflict situations, senior year students differ in their behavior strategies from junior year students. Based on the results of the study, it can be noted that future psychologists, as a rule, do not choose the least effective strategy of “competition”, which is characterized by satisfying their own interests to the detriment of others. At the same time, it is typical for students (senior and junior courses) to avoid the optimal solution in the event of a conflict situation, however, senior students tend to resort to the “cooperation” strategy in certain cases, while junior students tend to choose the “compromise” strategy in a conflict situation. It is worth noting that the learning process involves the formation of professionally important qualities of future qualified psychologists, who are usually distinguished by their ability to smooth out conflict and cooperate. The professional development of psychology students involves the acquisition of conflictological competence, improving the choice of strategies for behavior in conflict.

Keywords: conflict, conflict situation, behavior strategies, psychology students.

ВЛИЯНИЕ ОСОЗНАННОСТИ НА САМОРЕГУЛЯЦИЮ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОРГАНИЗАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДИРЕКТОРОВ КАФЕ И РЕСТОРАНОВ)

Ф.А. Шарипова

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
им. Патриса Лумумбы»
1042235208@pfur.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлены результаты теоретического исследования развития концепции осознанности в структуре саморегуляции в различные периоды, какие практики и стратегии могут использоваться для развития осознанности и саморегуляции руководителей, а также результаты эмпирического исследования влияния осознанности на саморегуляцию и их взаимосвязи у директоров кафе и ресторанов города Ташкента. Таким образом, в данной работе представлен теоретический и эмпирический аспекты развития данной проблематики, ее современное состояние, а также продемонстрировано, как именно осознанность влияет на саморегуляцию директоров кафе и ресторанов и каким образом можно повысить ее уровень. Кроме того, в настоящей статье проведен анализ перспективности дальнейшего исследования данной тематики.

Ключевые слова: саморегуляция, саморегуляция руководителей, структура саморегуляции, осознанность, осознанность руководителей.

Введение

Сегодня руководить организацией становится все труднее в силу того, что для принятия эффективных управленческих решений руководители должны быть высококвалифицированными специалистами, а также обладать саморегуляцией и быть осознанными [4].

Саморегуляция – это система психологических процессов и состояний, а ее наивысший уровень – осознанная саморегуляция. Осознанность, при этом, можно описать как состояние, при котором развивается особая внимательность к происходящему, при этом для ее развития применяются различные практики. Так как осознанность помогает руководителям в достижении своих целей, сегодня исследованию ее влияния на саморегуляцию отведено особое внимание, что также подчеркивает актуальность исследования [1].

Гипотеза исследования: саморегуляция директоров кафе и ресторанов зависит от уровня их осознанности.

Цель исследования – определение связи осознанности и саморегуляции директоров кафе и ресторанов Ташкента при помощи эмпирического исследования.

Для достижения цели были определены такие задачи:

- ✓ провести анализ развития и взаимосвязи осознанности и саморегуляции;
- ✓ оценить уровень осознанности и саморегуляции директоров 12 кафе и ресторанов города Ташкента;
- ✓ определить зависимость между уровнем осознанности и саморегуляцией.

Концепция осознанности зародилась с развитием древних практик и философий, и она встречается в работах Сократа и Платона, в философии дзэн-буддизма и, как ключ к просветлению в буддизме. Стоит отметить, что осознанность и саморегуляцию руководителей изучали еще Конфуций, Сократ и Платон, считающие, что лидеры должны управлять своим поведением, заниматься самопознанием и обладать силой воли. И только в конце XIX века восточные практики проникли в западную культуру.

Материалы и методы

Так, в XXв. З. Фрейд изучал саморегуляцию сквозь призму супер-эго, а в 1960–70-х гг. произошло включение буддистских способов медитации в лечение стресса и психосоматических расстройств (У. Джеймс, Дж. Кабат-Зинн, Э. Деци и др.). Например, Дж. Кабат-Зинн разработал программу «Снижение стресса на основе осознанности», а А. Бандура показал влияние веры в себя на саморегуляцию [2].

В 2000-х гг. Дж. Тисдейл разработал концепцию когнитивной терапии, которую применяют для лечения депрессии.

Сегодня осознанность руководства связывают с психологическим климатом в коллективе и производительностью труда, т.к. она дает возможность принять эффективные решения, снижает стереотипность, повышает способность руководства общаться с коллективом, поэтому в наше время применяются разные тренинги осознанности для повышения продуктивности и снижения стресса в коллективе с применением онлайн-курсов, приложений и виртуальной реальности [3, 6].

Также современные исследователи указывают на этический аспект управления эмоциями руководством, так как они передаются подчиненным, поэтому руководители должны обучаться навыкам, помогающим им самосовершенствоваться. Также сегодня есть программы 1 и 2 поколения (снижение стресса на основе осознанности (MBSR) и программы, в которых применяется буддийская философия), при этом эффективность первых давно доказана, а вторые еще себя не оправдали, однако зачастую именно программы второго поколения склонны применять для развития лидерских качеств, поэтому изучение их влияния на развитие саморегуляции и осознанности руководителей весьма актуальны.

Итак, в ходе исследования была проведена оценка уровня осознанности и саморегуляции 12 директоров кафе и ресторанов города Ташкента (Узбекистан). Так, для оценки уровня осознанности руководителей было проведено их тестирование с применением методики оценки осознанного присутствия (МООП) К. Брауна и Р. Раяна в адаптации Д.А. Леонтьева, О.В. Митина и Л.А. Александрова (2008г. и 2021г.), которая состоит из 15 вопросов, и по ее результатам определяется уровень осознанного присутствия. Следует отметить, что полученную сумму набранных баллов от 0 до 3,2 нужно интерпретировать как низкий уровень осознанности, результат от 3,3 до 4,7 означает средний уровень осознанности личности, а если сумма набранных баллов получилась от 4,8 до 6, то результат нужно интерпретировать как высокий уровень осознанности [3].

Далее проводился анализ уровня саморегуляции вышеупомянутых 12 директоров кафе и ресторанов Ташкента, для чего был выбран опросник ССП В.И. Моросановой под названием «Стиль саморегуляции поведения». Он состоит из 46 вопросов, и из полученных на них ответов

формируются 6 шкал, связанных с саморегуляцией (планирование, моделирование, программирование, оценка результатов, гибкость, самостоятельность). Следует отметить, что в силу того, что вопросы построены на типичных ситуациях, данный опросник дает возможность провести оценку саморегуляции практически любого человека, а также сформировать профиль процессов, применяющихся им в процессе саморегуляции [5]. При этом низкий уровень по всем вышеперечисленным шкалам расположен в отрезке от 0 до 3 баллов, средний уровень по шкалам наблюдается у тех, кто набрал от 4 до 6 баллов, а высокий – от 7 до 9 баллов. Результаты общего уровня саморегуляции следует интерпретировать таким образом: 0–23 балла – низкий уровень, 24–32 – средний уровень, а 33–46 – высокий уровень.

Далее рассмотрим подробнее, что означают шкалы теста ССП.

Результат шкалы «планирование» помогает оценить возможность сформировать и спланировать достижение целей относительно деятельности, а также ее способность планировать. При этом высокий балл отвечает за потребность человека в реалистичном и детализированном планировании своей деятельности, а низкий балл говорит о том, что у человека несильно развита потребность в планировании, его цели часто меняются и редко достижимы, и планирование в основном нереалистично, кроме того, такой человек обычно не думает о своем будущем.

Шкала «моделирование» отвечает за представление человека о внутренних и внешних значимых для него условиях, а также за степень их детализации и осознанности. Если человек получит высокий показатель, то он легко определит значимые для него условия, чтобы его цель была достигнута как на данный момент, так и в будущем; при этом его действия обычно соответствуют разработанному плану. Низкий балл характеризует испытуемого как человека со слабой сформированностью моделирования, который зачастую неправильно оценивает значимые для него внешние и внутренние условия, то есть он склонен фантазировать, а его отношение к ситуации часто меняется. То есть людям с низким показателем моделирования часто сложно определить эффективные программы и цели для своих действий.

Шкала «программирование» отвечает за возможность осознанно программировать свои действия. При этом высокие показатели отвечают за формирование потребности определить свое поведение и действия для достижения целей, а также детальной и самостоятельной разработки

программ, которые при этом можно легко заменить сменой условий или скорректировать. Если испытуемый получил низкий результат, то он не хочет и не умеет правильно формировать последовательность и программу своих действий, а зачастую действует импульсивно, и поэтому его результаты обычно не отвечают поставленным целям.

Шкала «оценка результатов» отвечает за адекватность и развитость оценки человеком достигнутых результатов, поведения и себя. При этом высокие значения отвечают за адекватность самооценки и устойчивые критерии для ее проведения, то есть испытуемый адекватно оценивает результаты, даже если они не соответствуют ожидаемым, проявляет гибкость при смене условий, а низкие показатели говорят о том, что он зачастую не хочет видеть свои ошибки и не обладает самокритикой.

Шкала «гибкость» отвечает за сформированность регуляторной гибкости – возможности коррекции саморегуляции для адаптации к смене внутренних и внешних условий. У людей с высоким показателем по данной шкале отмечается гибкость регуляторных процессов, поэтому, если возникнут непредвиденные ситуации, они быстро меняют программу и план поведения и действий, быстро перестраивают программу и оценивают смену условий, а если результат не отвечает ожиданиям, то они вносят коррективы. При этом низкий показатель характеризует человека как такого, кто весьма неуверен в условиях быстро меняющейся обстановки, ему трудно принять перемены как обстановки, так и в жизни в целом, а также такие люди часто неадекватно реагируют на ситуацию.

Шкала «самостоятельность» отвечает за регуляторную автономность, то есть ее высокие показатели отвечают за автономность в организации активности, способность к планированию деятельности и организации достижения целей; также такой человек сам контролирует достижение своих целей и адекватно оценивает результаты. Низкий показатель говорит о том, что человек не может сам разработать план и программу своих действий, а полагается на мнение других.

Общий уровень саморегуляции отвечает за сформированность индивидуальной системы осознанной саморегуляции произвольной активности человека. При этом ее высокий балл говорит о том, что человек самостоятельный и может адекватно оценить ситуацию и на нее отреагировать, а его цели осознанны и достижимы, то есть чем выше саморегуляция, тем проще человеку овладеть новыми видами активности.

Полученные результаты по обоим исследованиям представлены в Табл. 1.

Таблица 1.

**Результаты анализа уровня осознанности и саморегуляции
директоров кафе и ресторанов Ташкента**

Названия кафе и ресторанов	Результаты теста ССПМ (баллы)							Рез-ты МООП (баллы)
	1	2	3	4	5	6	7	8
<i>Ресторан «Ахмад Олмос Жужа»</i>	4	5	3	5	6	4	27	3,9
<i>Кафе «Юрта Арт»</i>	5	2	3	4	7	6	22	3,0
<i>Кафе «Тепло»</i>	6	4	5	7	6	5	33	4,9
<i>Кафе “IRamen”</i>	2	5	3	5	6	4	25	4,1
<i>Кафе “Teriyaki”</i>	3	4	6	5	3	5	26	4,3
<i>Центр плова “Registan Osh”</i>	4	6	7	5	6	8	36	5,2
<i>Кафе “New Bukhara premium”</i>	5	7	4	6	8	5	35	5,0
<i>Ресторан “Timekeeper Lounge”</i>	2	3	5	4	6	3	23	3,1
<i>Кафе “Ramiz”</i>	4	5	3	6	4	5	27	4,0
<i>Ресторан “O`zbekim”</i>	2	3	3	4	3	5	20	2,8
<i>Кафе-кондитерская “Graffetta”</i>	3	5	6	4	6	7	31	4,5
<i>Ресторан “Aziya art”</i>	2	3	5	4	5	6	25	4,2

В представленной Табл. столбцы 1–7 показывают результаты шкал теста ССПМ (1 – планирование, 2 – моделирование, 3 – программирование, 4 – оценка результатов, 5 – гибкость, 6 – самостоятельность, 7 – общий уровень саморегуляции), а в 8 столбце представлены результаты теста МООП.

Итак, из Табл. 1 видно: уровень осознанности примерно соответствует общему уровню саморегуляции: например, у директора ресторана «Ахмад Олмос Жужа» – средний уровень осознанности и саморегу-

ляции, а у директора кафе «Тепло» осознанность и саморегуляция оказались высокими, то есть у всех испытуемых уровни саморегуляции и осознанности совпали, что доказывает связь между ними, при этом больше всего испытуемых со средним уровнем осознанности и саморегуляции, а у директоров ресторанов “Timekeeper Lounge”, “O`zbekim” и кафе «Юрта Арт» полученные результаты означают низкий уровень данных компонентов, поэтому им, как руководителям, желательно повышать их для того, чтобы руководство кафе было более эффективным.

Итак, можно сделать следующие выводы:

- ✓ осознанность – это важный элемент управления компаниями в современных условиях;
- ✓ по результатам исследований уровня саморегуляции и осознанности видно, что они взаимосвязаны, при этом у директоров кафе и ресторанов Ташкента с высоким уровнем осознанности был выявлен высокий уровень саморегуляции и наоборот, что доказывает гипотезу о связи между данными компонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деркач А.А., Петровская Ю.А. Осознанность личности как фактор саморегуляции руководителя в условиях неопределенности // «Психологическая наука и образование», № 4, 2018. СС. 87–98.
2. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: «Смысл», 2003.
3. Митина О.В., Леонтьев Д.А., Александрова Л.А., Костенко В.Ю., Кошелева Н.В. Осознанность в структуре саморегуляции: структура и психодиагностические возможности методики оценки осознанного присутствия // «Психологические исследования», № 76. Т. 14, 2021.
4. Синягин В.Н., Кузьменко А.С. Влияние личностных особенностей руководителя на его саморегуляцию в профессиональной деятельности // «Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки», № 2 (162), 2017. СС. 123–127.
5. Morosanova V., Kondratyuk N. The factor structure of a short version of V. Morosanova’s “self-regulation profile questionnaire-SRPQM” // Conference: international scientific and practical online conference: October, 2022. DOI:10.38006/907345-50-8.2020.178.188.
6. Karelaia N., Reb J. Improving Decision Making Through Mindfulness – INSEAD: Decision Science – 30 May 2014. DOI:10.1017/CBO9781107587793.009.

REFERENCES

1. *Derkach A. & Petrovskaya Yu.* (2018). Personal Mindfulness as a Factor of Self-Regulation in Leadership under Conditions of Uncertainty // “Psychological Science and Education”, (4), 87–98
2. *Leontiev D.* (2003). The Psychology of Meaning: The Nature, Structure, and Dynamics of Meaningful Reality. Moscow: “Smysl”, 2003.
3. *Mitina O., Leontiev D., Aleksandrova L., Kostenko V. & Kosheleva N.* (2021). Mindfulness in the Structure of Self-Regulation: Structure and Psychodiagnostic Potential of the Mindful Presence Assessment Technique // “Psychological Research”, Vol. 14, Issue 76.
4. *Sinyagin V. & Kuzmenko A.* (2017). The Influence of Leadership Personality Traits on Self-Regulation in Professional Activities // “Tambov State University Bulletin. Series: Humanities”, (2) [Issue 162], 123–127.
5. *Morosanova V. & Kondratyuk N.* (2022). The Factor Structure of a Short Version of V. Morosanova’s “Self-Regulation Profile Questionnaire – SRPQM”// In Proceedings of the International Scientific and Practical Online Conference, October. DOI:10.38006/907345-50-8.2020.178.188.
6. *Karelaia N. & Reb J.* (2014). Improving Decision Making Through Mindfulness. INSEAD: Decision Science, May 30. DOI:10.1017/CBO9781107587793.009.

THE INFLUENCE OF MINDFULNESS ON SELF-REGULATION OF ORGANIZATION LEADERS (ON THE EXAMPLE OF CAFES AND RESTAURANT DIRECTORS)

F. Sharipova

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Peoples' Friendship University of Russia” named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

This article presents the results of a theoretical study of the development of the concept of mindfulness in the structure of self-regulation in different periods, what practices and strategies can be used to develop mindfulness and self-regulation of leaders, as well as the results of an empirical study of the influence of mindfulness on self-regulation and their relationship among directors of cafes and restaurants in Tashkent. Thus, this article presents the theoretical and empirical aspects of the development of this problem, its current state, and also demonstrates how mindfulness affects self-regulation of directors of cafes and restaurants, and how its level can be increased. In addition, this article analyzes the prospects for further research on this topic.

Keywords: self-regulation, self-regulation of leaders, structure of self-regulation, mindfulness, mindfulness of leaders.

ОСОБЕННОСТИ ПРОСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Е.В. Шитикова

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет» («НИУ БелГУ»), г. Белгород, Россия
shitikova@bsuedu.ru*

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению особенностей просоциального поведения студентов вуза в зависимости от их уровня развития рефлексивности*. Установлено, что студенты вуза с высоким уровнем рефлексивности более склонны проявлять просоциальное поведение: сопереживать, демонстрировать бережное отношение к окружающим, оказывать им бескорыстную помощь. Для студентов с низким уровнем рефлексивности характерно проявление нарциссизма, отсутствие стремления оказать помощь другим людям, даже когда они в ней объективно нуждаются, при этом требуют содействия других в решении их проблем. Обнаружены статистически значимые различия в эксплицитности показателей просоциального поведения (эмпатия, альтруизм, нарциссизм, инфантилизм) студентов с разным уровнем развития рефлексивности, что позволило доказать гипотезу исследования.

Ключевые слова: рефлексивность, просоциальное поведение, эмпатия, альтруизм, нарциссизм, инфантилизм

Введение

Актуальность. Стремительные изменения в социокультурном пространстве трансформируют ценностные и целевые личностные уста-

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ «БелГУ» на 2023–2025 гг. № FZWG-2023-0017 «Разработка концепции просоциального педагогического образования в вузе как долгосрочное инвестирование в развитие человеческого капитала, помогающих стратегий, солидарного общества».

новки современной молодежи. Их формирование требует выраженных рефлексивных возможностей личности, детерминирующих эффективное восприятие окружающего социального пространства и оптимальную адаптацию к нему за счет адекватного оценивания своих ресурсов и возможностей.

Разнообразие форм социального поведения современной молодежи, среди которых немалую долю представляет отклоняющееся поведение личности, осложняющее или ставящее под угрозу оптимальное полноценное развитие личности, подвергая риску ее физическое и психическое здоровье, обуславливает актуальность изучения психолого-педагогических условий проявления и формирования социально-ориентированного (просоциального, помогающего) поведения. Современная глобализация социальной реальности детерминирует ценностные ориентиры общества, среди которых приоритетным становится просоциальная ориентация современной молодежи.

Состояние проблемы. Теоретический анализ показал, что феномен просоциального поведения является предметом активного научного осмысления зарубежных и отечественных исследователей. Большинство ученых сходится во мнении о том, что данное поведение – это активность, ориентированная на помощь всем, кто в ней нуждается. По мнению Е.П. Ильина, данное поведение, прежде всего, бескорыстно и имеет альтруистическую направленность, при этом оно перестает быть «помогающим», если окрашено заинтересованностью в получении выгоды [1]. Согласно Х. Хеккаузену, социально-ориентированное поведение управляется мотивом эмоционального сопереживания с учетом оценки соответствия собственных просоциальных действий этическим и моральным нормам [2]. Иная позиция представлена в работе N.T. Feather, который убежден, что просоциальное поведение обусловлено предвосхищением положительных последствий [3]. По словам Д.В. Сочивко, просоциальное поведение следует рассматривать через призму двух полюсов – поведение «для себя» и «для других» [4]. Первый полюс («для себя») раскрывается через манипуляторство, нарциссизм и артистизм, второй («для других») – через альтруизм, эмпатию, социальную тревожность.

Материалы и методы

Таким образом, предлагая различные объяснения природы просоциальности, большинство исследователей свидетельствует о положительном влиянии просоциальной активности на развитие личности.

Преобладающее большинство студентов вуза – юношеского возраста, который характеризуется интенсивным развитием самосознания (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Д.А. Леонтьев, А.А. Бодалев и др.), построением гармоничной временной перспективы (К. Левин, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, К.А. Абульханова, Т.Н. Березина и др.), построением крепких межличностных отношений (И.С. Кон, Е.В. Зинченко, И.М. Слободчиков), поиском своего места в социокультурном пространстве (Э. Эриксон, Э. Шпрангер, А.В. Петровский, А.И. Мещеряков), раскрытием собственных «социальных потенциалов» (Б.Г. Ананьев), профессиональным и личностным самоопределением (Н.С. Пряжников, А.К. Осницкий, К.К. Платонов, В.Ф. Афанасьев, В.И. Жуковская и др.).

Развитие самосознания личности – глубокий, многогранный и сложный процесс, существенную роль в котором играют рефлексивные возможности личности (Д.И. Фельдштейн, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, Е.А. Цихончик и др.). Согласно Ю.С. Беленковой, стимулирование рефлексии в юности способствует более глубокой и системной самооценке и саморегуляции [5]. А.В. Карпов считает, что рефлексивные возможности личности особенно важны в ситуациях неопределенности, которые предполагают умение быстро и эффективно сделать точный выбор [6]. Ситуация актуализации просоциального поведения, как правило, всегда связана с необходимостью выбора «помогающей» или «игнорирующей» стратегий поведения. Следовательно, проектирование психолого-педагогических условий проявления рефлексивных возможностей личности, позволяющих сознательно проявлять просоциальную активность, возможно, будет способствовать повышению уровня психологического благополучия конкретной личности и общества в целом.

Постановка задачи. Таким образом, противоречие между востребованностью исследования психолого-педагогических условий, способствующих проявлению просоциальности современной молодежи, и фрагментарностью изученности роли рефлексивности в данном процессе определило *цель настоящего исследования*, которая заключается в изучении особенностей просоциального поведения студентов вуза с разным уровнем развития рефлексивности. Мы предположили, что существуют особенности проявления просоциального поведения у студентов с разным уровнем развития рефлексивности, а именно, для студентов с высоким уровнем развития рефлексивности характерны выраженные

эмпатия и альтруизм, для студентов с низким уровнем развития рефлексивности – социальная тревожность, нарциссизм, инфантилизм.

Предлагаемый метод решения. Для изучения уровня рефлексивности студентов нами использована одноименная методика А.В. Карпова, просоциальное поведение изучалось с помощью метода исследования просоциального поведения (ИПроП) Д.В. Сочиво, С.К. Бондыревой. Для математического анализа эмпирических данных применены Н-критерий Краскела-Уоллиса, коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выборку составили 124 студента вуза в возрасте 18–22 лет, из них 39% – юноши, 61% – девушки.

Полученные результаты. В ходе анализа полученных результатов обнаружены значимые различия в выраженности показателей просоциального поведения студентов с разным уровнем развития рефлексивности (Табл. 1).

Таблица 1.

Соотношение выраженности показателей просоциального поведения и уровня рефлексивности студентов вуза

Показатели просоциального поведения	Уровень развития рефлексивности (ср.б.)			Н _{эмп}
	Высокий	Средний	Низкий	
Эмпатия	11,03	9,12	6,28	74,43*
Нарциссизм	3,29	5,41	8,86	64,27*
Социальная тревожность	4,76	4,93	5,21	0,96
Альтруизм	10,27	8,62	7,01	71,87*
Инфантилизм	6,13	8,89	9,62	87,89*
Манипулятивизм	5,11	5,42	5,72	0,79

Примечание: * $p \leq 0,05$.

Согласно Табл. 1, значимые различия в особенностях просоциального поведения у студентов, в зависимости от уровня развития их рефлексивности, обнаружены по показателям «эмпатия», «нарциссизм», «альтруизм» и «манипулятивизм». Это означает, что с повышением уровня рефлексивности усиливается тенденция просоциального поведения у современной молодежи. Студенты с высоким уровнем рефлексивности склонны сопереживать, проявлять внимательное и бережное от-

ношение к другим людям, оказывать им бескорыстную помощь в решении проблем. Такие студенты выражают ценностное отношение к личности других и готовность выстраивать гармоничные и дружественные межличностные отношения. Наряду с этим, полученные результаты показали, что для студентов с низким уровнем рефлексивности характерно проявление нарциссизма, отсутствие стремления оказывать помощь другим людям, даже когда те в ней объективно нуждаются, при этом зачастую считают, что другие обязаны им помогать и оказывать содействие в решении их проблем. Такие студенты склонны фиксироваться на себе, что затрудняет построение оптимальных отношений с окружающими.

Значимых различий не обнаружено по показателям «социальная тревожность» и «манипулятивизм», что в данном случае свидетельствует о независимости их проявления от уровня рефлексивности личности.

Рисунок 1. Корреляционная плеяда, отражающая связь уровня рефлексивности и показателей просоциального поведения студентов ($p \leq 0,01$).

Дальнейший анализ эмпирических результатов с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена показал наличие значимых корреляций между уровнем рефлексивности личности и показателями просоциального поведения студентов. На Рис. 1 представлена корреляционная плеяда, демонстрирующая наличие взаимосвязей между уровнем рефлексивности и показателями «эмпатия» ($r=0,486$, $p \leq 0,01$) и «альтруизм» ($r=0,307$, $p \leq 0,01$), а также отрицательных связей уровня рефлексивности с показателями «нарциссизм» ($r=-0,216$, $p \leq 0,01$) и «инфантилизм» ($r=-0,387$, $p \leq 0,01$). Это подтверждает тот факт, что с повышением уровня рефлексивности увеличивается эксплицитность эмпатии и альтруизма и снижается выраженность нарциссизма и инфанти-

лизма, и наоборот. Однако стоит указать, что в ходе исследования не обнаружена предполагаемая в гипотезе связь между уровнем рефлексивности и показателем «социальная тревожность», что очевидно указывает на наличие других факторов, обуславливающих социальную тревожность современных студентов.

Выводы

Таким образом, математический анализ и осмысление полученных результатов исследования, в целом, позволяют подтвердить гипотезу и констатировать наличие особенностей проявления просоциального поведения студентов в зависимости от уровня развития рефлексивности личности. Установлено, что студенты с высоким уровнем рефлексивности более склонны проявлять просоциальное поведение. Учитывая это, данная проблема требует дальнейшего научного исследования в направлении изучения факторов и психолого-педагогических условий, актуализирующих просоциальную ориентацию личности, что в свою очередь будет способствовать реализации стратегических социально ориентированных целей молодежной политики (Е.И. Ерошенкова, И.Ф. Исаев и др.) [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин Е.П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб: «Питер», 2013, 523с.
2. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб: «Питер», 2003. 860с.
3. Feather N. The relationship of expectation of success to reported probability, task structure, and achievement related motivation // *Abnorm. soc. Psychol.* 963, 1966. PP. 231–238.
4. Сочивко Д.В., Бондырева С.К. Методология и метод исследования просоциального поведения // «Прикладная юридическая психология», № 4 (49). 2019. СС. 23–33.
5. Беленкова Ю.С. Роль рефлексии в процессе самообразования // «Проблемы современного педагогического образования», № 72–4. 2021. СС. 38–41.
6. Карпов А.В. Рефлексия в структуре когнитивной организации процессов принятия решения // «Российский психологический журнал», № 3. 2005. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-v-strukture-kognitivnoy-organizatsii-protssessov-prinyatiya-resheniya> (дата обращения: 07.02.2025).

7. *Ерошенкова Е.И., Исаев И.Ф., Ерошенков Н.В. [и др.] Формирование человеческого капитала и просоциальных установок обучающихся вузов // ПниО, № 1 (29). 2021. СС. 66–79.*

REFERENCES

1. *Ilyin E. (2013). Psychology of Helping: Altruism, Egoism, Empathy. St. Petersburg: "Piter", 523p.*
2. *Heckhausen H. (2003). Motivation and Action. St. Petersburg: "Piter", 860p.*
3. *Feather N. (1966). The Relationship of Expectation of Success to Reported Probability, Task Structure, and Achievement-Related Motivation // "Journal of Abnormal and Social Psychology", 963. PP. 231–238.*
4. *Sochivko D. & Bondyрева S. (2019). Methodology and Method for Studying Prosocial Behavior // "Applied Legal Psychology", (4) [49]. PP. 23–33.*
5. *Belenkova Yu. (2021). The Role of Reflection in the Process of Self-Education // "Problems of Modern Pedagogical Education", (72–4). PP. 38–41.*
6. *Karpov A. (2005). Reflection in the Structure of Cognitive Organization of Decision-Making Processes // "Russian Psychological Journal", (3). Retrieved from: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-v-strukture-kognitivnoy-organizatsii-protssosov-prinyatiya-resheniya> (accessed: 07.02.2025).*
7. *Eroshenkova E., Isaev I., Eroshenkov N. et al. (2021). Formation of Human Capital and Prosocial Attitudes of University Students // "Psychological Science and Education" (PNEO), (1) [29]. PP. 66–79.*

FEATURES OF PROSOCIAL BEHAVIOR OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF REFLEXIVITY DEVELOPMENT

E. Shitikova

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the characteristics of prosocial behavior of university students depending on their level of reflexivity. It has been established that university students with a high level of reflexivity are more likely to exhibit prosocial behavior: empathize, show caring attitude towards others, and provide them with selfless assistance. Students with a low level of reflexivity are characterized by the manifestation of narcissism, the lack of desire to help other people, even when they objectively need it, while requiring the assistance of others in solving their problems. Statistically significant differences were found in the explicitness of indicators of prosocial behavior (empathy, altruism, narcissism, infantilism) of students with different levels of reflexivity development, which made it possible to prove the research hypothesis.

Keywords: reflexivity, prosocial behavior, empathy, altruism, narcissism, infantilism.

ОСОБЕННОСТИ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

К.Р. Шурганова, Е.Л. Чернышова

Самарский государственный социально-педагогический университет,

Самара, Россия

shurganova.k@sgspu.ru, chernyshova@pgsga.ru

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы рассматриваем особенности нравственного сознания современных подростков. Выделяем основные характеристики нравственного сознания подростков и основные причины изменений в нравственном сознании. Приводим результаты нашего исследования нравственного сознания подростков с. Александровка Самарской области. *Актуальность исследования* особенностей нравственного сознания современных подростков обусловлена рядом факторов, формирующих вызовы современного общества. Быстрые технологические изменения, глобализация, информационная перегрузка и распространение виртуальной реальности сильно влияют на формирование ценностных ориентаций и моральных установок молодого поколения. Традиционные институты социализации – такие, как семья и школа, сталкиваются с новыми вызовами, их роль в формировании нравственности подростков меняется, что требует глубокого анализа и понимания происходящих процессов.

В качестве экспертно-диагностического инструмента была выбрана анкета для исследования нравственного сознания, разработанная Л.С. Акопян «Представления о добре и зле». По результатам исследования мы делаем выводы, в чем подростки представляют себе выражение проявлений Добра и Зла. Даем некоторые рекомендации для развития нравственного самосознания у подростков, которые могут быть использованы в практической деятельности педагогов и психологов, работающих с данной возрастной группой.

Ключевые слова: нравственное сознание, подростки, современные школьники, формирование моральных ценностей, воспитание, образование, влияние родителей, причины изменений в нравственном сознании, добро, зло, психологические аспекты.

Введение

Нравственное сознание является важной частью личностного развития и социальной адаптации подростков. Оно представляет собой сложный и многогранный процесс формирования моральных норм в условиях быстрого социального и технологического прогресса, нравственные ориентиры молодых людей могут изменяться, что вызывает появление интересных представлений и ценностей в переходный период от детства к взрослой жизни. Этот этап развития личности сопровождается значительными изменениями как на биологическом, так и на психологическом уровне. В этом исследовании мы рассмотрим основные аспекты нравственного сознания современных подростков в России, выделим ключевые факторы, влияющие на его формирование, и проанализируем тенденции, наблюдающиеся в данном контексте на основании данных, которые мы получили в рамках нашего научного исследования.

Цель статьи – понять особенности нравственного сознания подростков, что позволит в дальнейшем разработать эффективные стратегии воспитания и их социализации, способствуя формированию ответственных и социально адаптированных личностей.

Материалы и методы

Рассмотрим для начала основные характеристики нравственного сознания подростков.

1. **Формирование моральных ценностей.** Одной из ключевых характеристик нравственного сознания подростков является процесс формирования моральных ценностей. В это время подростки активно осваивают социальные нормы и правила, привносимые обществом, семьей и образовательной средой. Они начинают осознавать, что существуют различные моральные дилеммы, требующие анализа и обсуждения. Подростки могут принимать во внимание не только свои желания, но и интересы других людей, что свидетельствует о развивающемся чувстве эмпатии и социальной ответственности.

2. **Плюрализм ценностей.** Современные подростки сталкиваются с многообразием ценностей и мнений. Это приводит к тому, что у них формируется плюралистическое восприятие морали, где они могут рас-

смагивать различные точки зрения и выбирать те, которые соответствуют их личным убеждениям. Так, многие молодые люди могут принять идеи толерантности, справедливости и равенства, однако при этом могут сохранять традиционные моральные установки, унаследованные от родителей.

3. Поиск идентичности. Подростковый возраст – это время интенсивного поиска идентичности, что также отражается на нравственном сознании. Подростки начинают задаваться вопросами: «Кто я?», «Что для меня важно?», «Каково мое место в обществе?». Интенсивные внутренние переживания, связанные с самоопределением, могут приводить к конфликтам с внешними нормами и правилами. В этом контексте нравственное сознание становится инструментом поиска индивидуальности и самовыражения.

4. Влияние социальной среды. Социальная среда играет значительную роль в формировании нравственного сознания подростков. Друзья, семья, школа и медиа становятся основными источниками моральных ориентиров и примеров для подражания. Взаимодействие со сверстниками, обсуждение моральных и этических вопросов, а также наблюдение за поведением окружающих формируют у подростков представления о добре и зле. Кроме того, копируя поведение авторитетных фигур, подростки могут перенимать их моральные установки и ценности.

5. Критичность мышления. В переходный период подростки становятся более критичными в отношении морали и норм, которые были приняты их окружением. Они начинают задаваться вопросами о справедливости, честности и уважении, что может привести к сомнениям в общепринятых ценностях. Этот этап можно охарактеризовать как период активного поиска и переосмысления, когда подростки формируют собственные моральные убеждения, часто в противоречии с мнением взрослых.

6. Эмоциональный компонент. Нравственное сознание подростков также включает в себя эмоциональный компонент, который влияет на их моральные решения и поведение. Эмоции – такие, как сочувствие, “guilt” (чувство вины) и стыд, играют важную роль в формировании нравственных установок. Способность понимать и разделять эмоции других людей развивает у подростков чувство моральной ответственности и желание действовать в интересах окружающих [3].

Основная часть

Нравственное сознание подростков – это сложный и многогранный феномен, отражающий не только индивидуальные, но и социальные, культурные, экономические и исторические аспекты жизни общества. В последние десятилетия в России наблюдается заметная трансформация нравственных ориентиров молодежи. Рассмотрим основные причины изменений в нравственном сознании.

1. *Социальные и культурные трансформации.* Нравственное сознание подростков формируется под воздействием различных социальных и культурных факторов. В последние десятилетия Россия переживает значительные изменения: переход к рынку, глобализация, развитие технологий и массовых медиа. Все это приводит к изменению ценностей в мировосприятии молодежи [2]. Подростки становятся свидетелями конфликтов, экономических кризисов, социального неравенства, что, в свою очередь, влияет на их понимание справедливости и морали.

Одной из ключевых причин изменений в нравственном сознании подростков является динамичное развитие социально-экономической ситуации в стране. Период постсоветских преобразований сопровождался быстрыми изменениями в жизни людей: стали очевидными различия в доходах, появились новые социальные группы и ценности. Подростки, выросшие в условиях экономической нестабильности, часто формируют свое нравственное сознание, основываясь на личных интересах и прагматизме. Это может отражаться в акценте на материальном успехе и индивидуалистических ценностях.

2. *Влияние Интернета и социальных сетей.* Развитие информационных технологий и широкое распространение интернета оказали значительное влияние на нравственное сознание подростков. Социальные сети и различные платформы стали основными каналами коммуникации, где формируются и распространяются современные нормы и ценности. Подростки находятся под воздействием различных идей и моделей поведения, что может способствовать как позитивным, так и негативным изменениям в их нравственном восприятии. Например, идеализация знаменитостей может затмить традиционные моральные ориентиры, привнося в сознание молодежи нестандартные нормы поведения. Интернет и социальные сети играют ключевую роль в жизни современ-

ных подростков. С помощью этих платформ они могут получать информацию, обмениваться мнениями и строить свои моральные ориентиры. Однако анонимность и свобода слова в Интернете также способствуют распространению дезинформации и негативных моделей поведения, что может усложнять процесс формирования нравственного сознания.

3. *Образование и воспитание.* Старые традиции и нормы постепенно трансформируются под влиянием глобализации и смешения культур. Подростки все чаще сталкиваются с разнообразием культурных и нравственных систем, что может вызывать как открытость и толерантность, так и конфликт между традиционными и новыми ценностями. Появление мультикультурной среды, как в больших городах, так и в небольших населенных пунктах, также способствует изменению восприятия норм и стандартов поведения.

Система образования и семейные ценности остаются важными факторами влияния на нравственное сознание подростков. Однако в современных условиях наблюдается рост критики к традиционным методам воспитания и обучения. Подростки все чаще стремятся к самовыражению и независимости, что может зачастую противоречить классическим нравственным установкам. На фоне этого наблюдается необходимость переосмысления подходов к воспитанию и образовательным процессам.

Семья играет центральную роль в формировании нравственных принципов подростков. Изменения в структуре семейных отношений, увеличение числа неполных семей, а также кризис традиционных ценностей влияют на механизмы передачи нравственных ориентиров. Также стоит отметить, что образовательная система России испытывает различные реформы, направленные на повышение качества образования, но часто не уделяет достаточного внимания формированию нравственности и воспитанию моральных ценностей [5].

4. *Психологические аспекты.* Непоследнюю роль в изменениях нравственного сознания подростков играют психологические аспекты. Возрастные кризисы, стремление к самоидентификации и поиску своего места в жизни могут вызывать у подростков потребность в пересмотре существующих норм. Они могут стать более чувствительными к социальным проблемам, справедливости и правам человека, что, в свою очередь, резко меняет их нравственные установки.

В подростковом возрасте происходит значительное развитие когнитивных функций, что позволяет лучше осмысливать сложные моральные дилеммы и принимать осознанные решения. Подростки начинают критически анализировать нормы и ценности, которые им транслируются, могут задаваться вопросами о справедливости и этике.

Также эмоции играют важную роль в формировании нравственного сознания. Подростки часто испытывают сильные эмоции и переживания, которые могут стать как катализатором, так и препятствием для формирования моральных установок. Понимание своих эмоций и умение регулировать их способствуют развитию эмпатии и способности к сопереживанию [4].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что процесс развития нравственной сферы личности подростков будет эффективен, если:

- 1) выделены возрастные особенности развития нравственной сферы личности подростков;
- 2) учитывается, что нравственная сфера личности подростков имеет гендерную специфику.

Психологи разработали несколько теорий о морально-нравственном воспитании детей, каждая из которых подчеркивает, что на формирование личности человека влияют прежде всего родители и окружающая среда. Основой моральных норм являются ценности, которые включают в себя представления о правильном и неправильном, о добре и зле. Эти представления помогают человеку выбирать оптимальные варианты нравственного поведения. Добро в этом контексте охватывает совокупность моральных норм и принципов, присущих обществу, и служит нравственным основанием для понятий справедливости, долга и чести. Ценность добра заключается в его реализации, а также в способности человека не только различать добро и зло, но и действовать ради добра.

Зло, напротив, является противоположностью добра и отражает безнравственные поступки, которые противоречат моральным требованиям и заслуживают осуждения. Поступки людей оцениваются как добрые, если они соответствуют моральным нормам общества, и как злые, если идут им вразрез [1].

Мы провели исследование подростков с. Александровка Самарской области. В исследовании принимали участие 49 школьников под-

росткового возраста: 29 девочек и 20 мальчиков. В качестве экспертно-диагностического инструмента была выбрана анкета для исследования нравственного сознания, разработанная Любовью Суреновной Акопян «Представления о добре и зле».

Она включает восемь тематических вопросов:

1. Как ты думаешь, что такое Добро?
2. Как ты думаешь, что такое Зло?
3. Добрые люди, это какие? Опиши их.
4. Злые люди, это какие? Опиши их.
5. Как ты считаешь, добрый человек может стать злым? Почему?
6. Как ты считаешь, злой человек может стать добрым? Почему?
7. Как ты думаешь, что сильнее – Добро или Зло?
8. Если представить, что Добро и Зло живут в нашем теле, то в какой части тела они бы находились?

Ответы на вопросы этой анкеты позволяют получить высказывания, суждения, рассуждения, по которым можно определить, как дети и подростки определяют Добро и Зло, доброго и злого человека.

Также в рамках методики Л.С. Акопян школьникам предлагалось выполнить рисуночные пробы «Нарисуй, как ты себе представляешь Добро (Зло)», разработанные Любовью Суреновной Акопян.

Эти методики используются для исследования нравственного сознания школьников на начальном и среднем этапах обучения.

С их помощью мы получили сюжетные и символические рисунки, которые сопоставляли в половозрастных группах по фиксированным категориям контент-анализа: человек, город, природа, животные, символы Добра и Зла.

По результатам исследования мы можем сделать следующие выводы: большинство подростков – 68% от всей выборки (мальчики – 27%, девочки – 41%) в категориальной структуре и продуктивности дискурсивных репрезентаций Добра по всей выборке считают, что Добро выражается через действия и поступки. Далее выделяют личностные характеристики: 21% – от всей выборки (мальчики – 8%, девочки – 13%), потом состояния сознания – 10% от всей выборки (мальчики – 6%, девочки – 4%). Остальные участники исследования дали реверсивные и тавтологичные определения. Относительно проявлений Зла статистика немного иная: большинство подростков – 56% от всей выборки (маль-

чики – 26%, девочки – 30%) в категориальной структуре и продуктивности дискурсивных репрезентаций Зла по всей выборке также считают, что Зло выражается через действия и поступки. Однако личностные характеристики отмечают 20% от всей выборки (мальчики – 5%, девочки 15%), а состояния сознания – 22% от всей выборки (мальчики – 7%, девочки – 15%). Остальные участники исследования дали реверсивные и тавтологичные определения.

Далее подросткам был задан вопрос: «Как ты считаешь, что сильнее добро или зло?». Здесь мы видим такие результаты: добро без объяснений – мальчики – 60%, девочки – 79%, считают, что зло без объяснений сильнее: 10% мальчиков и 3% девочек. Что они равны в своей силе считают – 10% мальчиков и 10% девочек. Также 15% мальчиков и 7% девочек давали более развернутые ответы с объяснением своей позиции. Например, Роман, 15 лет, пишет: «Я думаю, что добро, ведь добро побеждает зло». Или Роман, 12 лет пишет: «Добро, потому что любят людей добрых». Или Вика, 11 лет: «Добро сильнее, потому что от зла можно посадить в тюрьму».

На вопрос, где расположены добро и зло в нашем теле, большинство подростков отвечали: в сердце и в голове.

Изображают подростки Добро и Зло чаще всего в качестве символов: ангел и демон, солнце и туча с молнией и других.

В рамках нашего исследования можно сделать выводы о том, что формирование нравственного сознания подростков – это сложный и многофакторный процесс, который требует внимания со стороны всех участников образовательного и социального процесса. Поддержка, понимание и открытые диалоги о моральных ценностях могут способствовать здоровому развитию нравственного сознания у подростков, помогая им стать ответственными и эмпатичными членами общества. Исследование данного феномена является важной задачей как для науки, так и для практической педагогики и психологии. Важно, чтобы общество и образовательные учреждения поддерживали и развивали эти качества, помогая подросткам формировать осознанное нравственное сознание. Это поспособствует созданию более справедливого и гармоничного общества в будущем, где молодое поколение сможет активно принимать участие в жизни страны, основываясь на высоких моральных принципах и ценностях.

Заключение

В качестве рекомендаций мы можем выделить некоторые аспекты, которые помогают развивать нравственное самосознание подростков:

- организация групповой деятельности на основе сотрудничества и сотворчества. Это позволяет активизировать межличностное взаимодействие подростков, направленное на решение этических проблем;
- развитие коммуникативных навыков. Специальные занятия по культуре общения помогают сформировать у подростков критическое отношение к своей собственной речи;
- вовлечение в социально-ориентированные игры с нравственной направленностью. Они укрепляют стремление подростка к самораскрытию своих возможностей и качеств.

Постановка и проигрывание ситуаций с нравственными коллизиями. Это выступает средством формирования морального сознания и приобретения нравственного опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Антилогова Л.Н.* Психологические механизмы развития нравственного сознания личности / Автореферат. Новосибирск, 1999.
2. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: избранные психологические труды. 3-е изд. М.:МПСИ, Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001, 352с.
3. *Гайворонская А.А.* Содержание нравственного сознания личности // «Психология. Журнал Высшей школы экономики», № 4. Т. 5. 2008. СС. 120–125.
4. *Дубровина И.В., Данилова Е.Е., Прихожан А.М.* Психология нравственности. М.: Издательский центр «Академия», 2014, 315с.
5. *Петрова В.И.* Азбука нравственного взросления: методический материал. СПб.: «Питер», 2007. 304с.

REFERENCES

1. *Antilogova L.* (1999). Psychological Mechanisms of the Development of Moral Consciousness of the Individual (Author's abstract). Novosibirsk.
2. *Bozhovich L.* (2001). Problems of Personality Formation: Selected Psychological Works (3rd ed.). Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK Scientific and Production Association, 352p.

3. Gaivoronskaya A. (2008). The Content of an Individual's Moral Consciousness // "Psychology. Journal of the Higher School of Economics", Vol. 5, No. 4. PP. 120–125.
4. Dubrovina I. Danilova E. & Prikhojan A. (2014). Psychology of Morality. Moscow: "Akademiya Publishing Center", 315p.
5. Petrova V. (2007). The ABCs of Moral Maturity: Methodological Material. St. Petersburg: "Piter", 304p.

FEATURES OF THE MORAL CONSCIOUSNESS OF MODERN TEENAGERS

K.R. Shurganova, E.L. Chernyshova

Samar State Social and Pedagogical University, Samara, Russia

ABSTRACT

The relevance of the study of the features of the moral consciousness of modern adolescents is due to a number of factors that form the challenges of modern society. Rapid technological changes, globalization, information overload and the spread of virtual reality strongly influence the formation of value orientations and moral attitudes of the younger generation. Traditional institutions of socialization, such as family and school, are facing new challenges, and their role in shaping adolescent morality is changing, which requires in-depth analysis and understanding of the ongoing processes.

In this article, we consider the features of the moral consciousness of modern adolescents. We identify the main characteristics of the moral consciousness of adolescents and the main causes of changes in moral consciousness. Here are the results of our study of the moral consciousness of adolescents in Alexandrovka village, Samara region.

The questionnaire for the study of moral consciousness, developed by L.S. Hakobyan "Ideas about good and evil", was chosen as an expert diagnostic tool. Based on the results of the study, we draw conclusions about how teenagers imagine the expression of manifestations of Good and Evil. We give some recommendations for the development of moral self-awareness in adolescents, which can be used in the practical activities of teachers and psychologists working with this age group.

Keywords: moral consciousness, adolescents, modern schoolchildren, formation of moral values, upbringing, education, parental influence, causes of changes in moral consciousness, good, evil, psychological aspects

Главный редактор РНИ –
М.Э. Авакян
Редакторы – А.С. Есаян,
Н.Б. Бадалян
Компьютерная верстка –
А.Г. Антонян

ԳՀԽ գլխավոր խմբագիր՝
Մ.Է. Ավագյան
Խմբագիրներ՝ Ա.Ս. Եսայան,
Ն.Բ. Բադալյան
Համակարգչային էջադրում՝
Ա.Գ. Անտոնյան

Editor-in-Chief of the EOSP –
M.E. Avakyan
Proofreader – A.S. Yesayan,
N.B. Badalyan
Computer layout –
A.G. Antonyan

Адрес Редакции научных
изданий Российско-
Армянского (Славянского)
университета:
0051, г. Ереван,
ул. Овсепа Эмина, 123
тел.: (+374 12)
77-57-75 (внутр.: 392)
e-mail:
maria.avakian@rau.am

Հայ-ռուսական (Միավորական)
համալսարանի Գիտական
հրապարակումների
խմբագրության հասցեն՝
0051, ք. Երևան,
փող. Հովսեփ Էմին, 123
հեռ.՝ (+374 12) 77-57-75
(ներքին՝ 392)
էլ. փոստ՝
maria.avakian@rau.am

Address of the Editorial
Board of Scientific
Publications of the Russian-
Armenian University:
0051, Yerevan,
st. Hovsep Emin, 123
tel.: (+374 12) 77-57-75
(ext. 392)
e-mail:
maria.avakian@rau.am

Заказ № 37
Подписано к печати
18.08.2025
Формат 60x70^{1/16}
Бумага офсетная № 1
Объем 40.5 усл. п.л.
Тираж 250 экз.

Պատվեր № 37
Ստորագրված է
հրապարակման՝ 18.08.2025
Ձևաչափ՝ 60x70^{1/16}
Օֆսետ թուղթ № 1
Ծավալ՝ 40.5 ԿԿԿ. ԽԹ.
Տպարանակր՝ 250 օր.

Order № 37
Signed for publication
on 18.08.2025
Format 60x70^{1/16}
Offset paper № 1
Volume 40,5 conv. p.l.
Circulation 250 copies